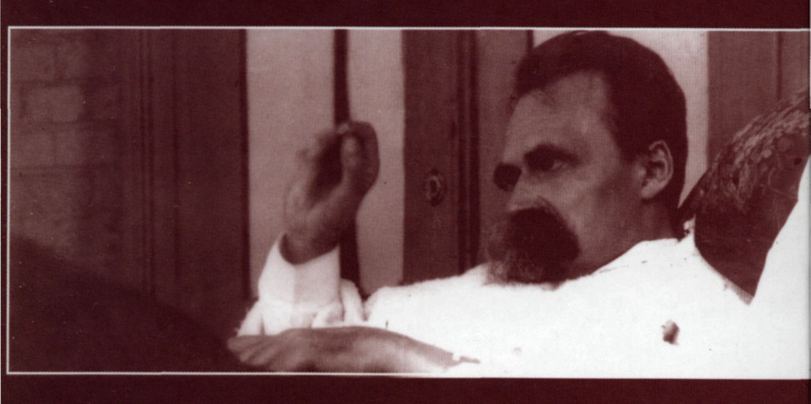
Фридрих Ницше

13

полное собрание сочинений

РЕВОЛЮЦИЯ
КУЛЬТУРНАЯ

Институт философии
Российской академии наук

Фридрих Ницше

полное собрание сочинений в тринадцати томах

Издательство
«Культурная Революция»
Москва

Институт философии
Российской академии наук

Фридрих Ницше

полное собрание сочинений

Тринадцатый том

Черновики и наброски 1887–1889 гг.

Перевод с немецкого
В. М. Бакусева и А. В. Гараджи

Издательство
«Культурная Революция»
Москва 2006

ББК 87.3 Герм
Н70

Сверка, научное редактирование С. В. Казачков
Перевод В.М. Бакусев (14 [80] – 25 [21], послесловие),
А.В. Гараджа (11 [1] – 14 [79])
Оформление И. Бернштейн

Ницше, Фридрих.
Н70 Полное собрание сочинений: В 13 томах / Ин-т философии.– М.: Культурная революция, 2005–
Т.13: Черновики и наброски 1887–1889 гг. / Пер. с нем. В.М. Бакусева и А.В. Гараджи; науч. ред. С.В. Казачков.– 2006.– 656 с.– ISBN 5-902764-12-2.

Предлагаемый перевод воспроизводит все содержание рабочих тетрадей Ницше последних полутора лет его сознательной жизни. Выполнен по немецкому академическому изданию под редакцией Д. Колли и М. Монтинари.

На русском языке издается впервые.

Издание этой книги осуществлено при финансовой поддержке Института им. Гете
Die Herausgabe des Werkes wurde aus Mitteln des Goethe-Instituts gefördert
GOETHE-INSTITUT
MOSKAU

Содержание

Черновики и наброски

1887–1889 гг.

11. Ноябрь 1887 – март 1888

Ницца, 24 ноября 1887

11 [1]
(301) Не стоит ожидать от себя того, на что не способен. Надо спросить себя: хочу ли я шагать *впереди* всех? Или хочу шагать *в одиночку*? Первый случай означает, что, самое большее, ты станешь пастырем, то есть потребностью стада. Второй – что нужно уметь другое: *самочинно* идти в одиночку, *уметь* идти не так и – не такими путями. То и другое нужно уметь, и раз ты способен на одно, то не можешь ожидать другого

11 [2]
(302) Быть нетребовательным к людям, приглашать их хлебосольно в душу – признак либеральности, но не благородства. Сердца, способные на аристократическое гостеприимство, мы признаем по множеству занавешенных окон и запертых ставней: свои *лучшие* покои они по меньшей мере держат пустующими – они ждут гостей, к которым *требовательны*...

11 [3]
(303) Быть художником имеет свою цену: то, что всеми нехудожниками называется «формой», художник воспринимает как *содержание*, как «саму вещь». Но тем самым он попадает в *мир наизнанку*: ведь отныне содержание представляется ему чем-то чисто формальным – включая и нашу жизнь.

11 [4]
Одно письмо напомнило мне о немецких юношах, рогатых Зигфридах и прочих вагнерианцах. Честь и хвала немецкой невзыскательности! Есть в Северной Германии умы, которым вообще хватает разумения крестовой

газеты. Стороннему наблюдателю между тем закрадывается подозрение: а не заглотила ли уже ненароком юная империя в своей алчности по колониям и всяческим Африкам, какие сыщутся на земле, также и два знаменитейших черно-коричневых острова, Борнео и Рогнео...

11 [5]

Коль скоро человек философ — такого толка, какие они были всегда, он не разбирает ни минувшего, ни грядущего — он видит лишь сущее. Но так как никакого сущего нет, то «миром» философа остается только воображаемое.

11 [6]

Тот погибнет, кто на *причины* оглядывается.

11 [7]

Личинка между вёснами, у которой отросло уже крылышко: — — —

11 [8]

«*Позыв к лучшему*» — эвфемизм для «похода в уборную»

11 [9]

(304) *Сент-Бёв*: ничего от мужчины; полон лживой ненависти ко всем мужам духа: ходит вокруг да около, трусливый, любопытствующий, докучливый, злоречивый — сущая баба, с женской мстительностью и женской же чувственностью (— последнее держит его вблизи монастырей и прочих рассадников мистицизма, какое-то время — даже близ сен-симонистов). Впрочем, настоящий гений médisance[1], неистощимо богатый средствами для этого — способный, к примеру, *похвалить* наповал; не лишенный привлекательной готовности виртуоза выставить напоказ свое искусство, к месту, конечно, а именно перед любой аудиторией, от которой надлежит чего-либо опасаться. Но за этим он и мстит своим слушателям, мстит исподтишка, мелко, нечистоплотно; в особенности добиваясь того, чтобы все неоспоримо благородные натуры раскаялись бы в том, что

---

1 Злоречия (*фр.*).

испытывают благоговение перед самими собой — самому-то ему такое *неведомо*! да и просто все мужественное, гордое, цельное, уверенное в себе — раздражает его, будоражит чуть ли не до нервного срыва. Что ж, вот вам *психолог* comme il faut[1] — по мерке и потребности сегодняшнего esprit français[2], столь же перезрелый, нездоровый, любопытствующий, рыскающий, похотливый, как и тот; охочий до секретов под стать тому; инстинктивно обнюхивающий людей снизу да сзади, как это принято у собак (собаки ведь тоже в своем роде психологи). Плебей по сути, и не чужд инстинктам Руссо: *следовательно*, романтик — ибо под всяким romantisme кроется хрюкающая и алчущая «блаародства» толпа; революционер, но еще кое-как удерживаемый в узде страхом. Несвободный перед лицом всего, что обладает силой (общественное мнение, Академия, двор, даже Пор-Рояль). В конечном счете, пресыщенный самим собой, временами уже не верящий в свое *право* занимать свое место; ум, смолоду растративший самое себя, который *чувствует* себя растраченным, который усыхает и старится все стремительней. Это существо влачит еще свои дни единственно из трусости; озлобленное на все великое в людях и вещах, на все, *что верит в себя*, поскольку оно, как на беду, в достаточной мере поэт и наполовину женщина, чтобы чувствовать еще великое как *власть*; все время вьется, как тот пресловутый червь, потому что все время чувствует, что обижен чем-то великим. Как критик — ни критерия, ни хребта, ни опоры, касательно всего космополитически вольнодумен на язык, не решаясь даже на *откровенное* вольнодумство, склоняется, в итоге, перед каким-то неопределенным классицизмом. Как историк — ни философии, ни *властности* философского взора, во всех главных вопросах инстинктивно отклоняет задачу *вершить суд*, прикрывается маской *объективности* (— один из худших примеров такого подхода, которые только знала в последнее время Франция); все иначе, как и положено, в отношении вещей мелких, где высшей инстанцией служит тонкий, отшлифованный вкус, где он действительно *сме-*

---

1 Как полагается (*фр.*).

2 Французского духа (*фр.*).

ет и *рад* быть самим собой (—тут он родствен парнасцам, которые подобно ему представляют наиболее рафинированную и суетную форму современного самоуничижения и самоотчуждения). «Sainte-Beuve a vu une fois le premier Empereur. C'était à Boulogne: il était en train de pisser. N'est-ce pas un peu dans cette posture-là, qu'il a vu et jugé depuis tous les grands hommes?»[1] (Journal des Goncourt, 2. p. 239) — так рассказывают его злые недруги Гонкуры.

11 [10]

Типы декаданса.
Романтики
«*Вольнодумцы*» Сент-Бёв
Актеры.
Нигилисты.
Артисты.
Бруталисты.
Утонченцы.

11 [11]

En amour, la seule victoire est la fuite.[2] — Наполеон.

11 [12]

canis reversus ad vomitum suum[3]

11 [13]

Les philosophes ne sont pas faits pour s'aimer. Les aigles ne volent point en compagnie. Il faut laisser cela aux perdrix, aux étourneaux... Planer audessus et avoir des griffes, voilà le lot des grands génies.[4] — Галиани.

---

1 Однажды Сент-Бёв увидел первого императора. Дело было в Булонском лесу, тот как раз изготовился отлить. Не в этой ли примерно позе видел и судил впоследствии Сент-Бёв всех великих людей? (*фр.*)

2 В любви в одном победа — в бегстве (*фр.*).

3 Собака, вернувшаяся к своей блевотине (*лат.*).

4 Философы не из того теста сделаны, чтобы любить друг друга. Орлы не сбиваются в стаи. Это надо оставить разным куропаткам и скворцам... Парить в вышине и выпускать когти — вот удел великих умов (*фр.*).

11 [14]

Le hasard, père de la fortune et souvent beau-père de la vertu.[1] – Галиани.

11 [15]

(Ni l'amour ni les dieux; ce double mal nous tue.[2] Сюлли-Прюдом.)

11 [16]

За всей моралистической пачкотней этой деревенской дамочки по имени Д. Элиот слышатся мне возбужденные голоса всех литературных дебютанток: «je me verrai, je me lirai, je m'extasierai et je dirai: Possible, que j'aie eu tant d'esprit?..»[3].

11 [17]

vomitus matutinus[4] газет

11 [18]

si hortum cum bibliotheca habes, nihil deerit.[5] Цицерон.

11 [19]

notum quid foemina furens.[6] Вергилий, Энеида V. 6

11 [20]

un monstre gai vaut mieux <qu'un sentimental ennuyeux>[7]

11 [21]

come l'uom s'eterna[8] (Ад, XV, 85)

---

1 Случай – отец удачи и, случается, отчим добродетели (*фр.*).

2 Ни любви, ни богов; эта двойная напасть убивает нас (*фр.*).

3 Я себя увижу, я себя прочту, я приду в восторг и скажу себе: ну разве я не кладезь остроумия? (*фр.*)

4 Утренняя блевотина (*лат.*).

5 Если есть у тебя сад и библиотека, больше тебе ничего не нужно (*лат.*).

6 Способна на все в исступленье женщина (*лат.*). Пер. С. Ошерова.

7 Веселое чудовище лучше чувствительного зануды (*фр.*).

8 Как человек восходит к жизни вечной (*ит.*). Пер. М. Лозинского.

11 [22]

«Yo me sucedo a mi mismo»[1], говорю я подобно тому старику у Лопе де Вега, посмеиваясь, как и он: ведь я уже попросту не знаю, насколько я стар и насколько юным мне еще предстоит стать...

11 [23]

—но и тогда у нас хватает еще причин быть довольными, благодарными даже, пусть так, как тот старый волокита, который, возвращаясь tamquam re bene gesta[2] с любовного свидания домой, приговаривал с кротостью святого: Ut desint vires tamen est laudanda *voluptas*[3].

11 [24]

(305) *Жорж Санд.* Читал первые lettres d'un voyageur[4]: в корне фальшиво, как и все, что ведет свое происхождение от Руссо, морализаторски-лживо, как и она сама, эта «художница». Не выношу этого пестрого коврового стиля, как и распаленной плебейской претензии на «благородные» страсти, героические позы и мысли, производящие впечатление поз. Как *холодна* должна была она при этом оставаться — холодна, как Виктор Гюго, как Бальзак, как все подлинные романтики — и с каким самодовольством она, верно, при этом возлежала, эта раздобревшая плодливая корова, в которой было-таки нечто немецкое, как и в самом Руссо, и во всяком случае она стала *возможной* только с общим упадком французского вкуса и esprit... А вот Эрнест Ренан чтит ее...

11 [25]

(306) Люди-судьбы, которые, неся себя по жизни, несут судьбу, весь род *героических* судьбоносцев: как хотелось бы им хоть раз отдохнуть от самих себя! как жаждут они найти сильные сердца и крепкие выи, чтобы хоть на время облегчить гнет своего бремени! И как напрасна их жажда!... Они ждут; они всматриваются во все, что проходит

---

1 Иду вслед за самим собой (*исп.*).

2 С хорошей миной при плохой игре (*лат.*).

3 Пусть недостало сил — похвально само вожделенье (*лат.*).

4 Письма путешественника (*фр.*).

мимо: но не встретят отзывчивости хоть в тысячную долю страстей и страданий, никто не догадается, *насколько жадно* их ожидание... Наконец, наконец-то усвоят они свою первую жизненную мудрость — *не* ждать более; а затем тотчас и вторую: быть снисходительным, скромным, выносить отныне всякого, выносить всякое — короче, *снести еще* немного больше, чем раньше...

11 [26]
(307) — и кто без предубеждений сочтет условия, при которых здесь, на земле, достигается любое *совершенство*, от того не ускользнет, сколь много странного и тягостного входит в эти условия. Видимо, для всякого великого развития требуется нечто вроде навоза или удобрения. Тут можно вспомнить парадоксальный случай — утверждение по поводу совершенствования современной женщины такого авторитета, чьим мнением по этому щекотливому вопросу едва ли можно пренебречь, а именно герцога де Морни, этого искушеннейшего и «бывалого» знатока женщин во Франции наших дней, — что для этого может послужить даже такой порок, как tribaderie[1], «qui raffine la femme, la parfait, l'accomplit»[2]. —

Ницца, 25 ноября 1887

11 [27]
(308) Госпожа Козима Вагнер — единственная женщина большого размаха, которую я знал; но я ставлю ей в счет то, что она *испортила* Вагнера. Как это случилось? Он не «заслуживал» такой женщины: в благодарность за это *подчинился* ей. «Парсифаль» Вагнера был прежде всего и с самого начала падением вкуса Вагнера до католических инстинктов его жены, дочери Листа, своего рода благодарностью и покорностью более слабого, многострадального создания другому, умеющему защитить и ободрить, стало

---

1 Лесбийская любовь (*фр.*).

2 Которая придает женщине утонченность, довершенность, совершенство (*фр.*).

быть, сильнейшему, и более ограниченному: в конце концов, даже актом вечной *трусости* мужчины перед всем «вечно-женственным». Разве не все великие художники подвергались до сих пор *порче* из-за обожающих женщин? Когда эти абсурдно-тщеславные и чувственные обезьяны — ибо таковы почти все они — впервые и прямо у себя под носом встречают *идолослужение*, которое женщина в подобных случаях умеет вершить всеми своими низшими и высшими вожделениями, тогда дело довольно скоро приходит к концу: улетучивается последний остаток критики, пренебрежения собой, скромности и стыда перед более великим — отныне они готовы на любое *вырождение*. Эти художники, которые в наиболее суровый и сильный период своего развития имели достаточно оснований пренебрегать всей оравой приверженцев и последователей, эти скупые на слова художники неизбежно становятся жертвами первой же *понимающей* любви (— или, скорее, первой попавшейся женщины, которая достаточно умна для того, чтобы *вести себя* умно касательно сокровеннейших чаяний художника, «понять» в нем страдальца, «любить» его...)

11 [28]

Мужчина жертвой женщины падёт, которой недостоин.

Женщина, от природы идолопоклонница, портит своего кумира — супруга.

11 [29]

Невозможно отыскать причины того, что развитие вообще имеет место, путем исследования развития; его нельзя понимать ни как «становящееся», ни тем более — как ставшее...

«воля к власти» не может быть ставшей

11 [30]

(309) Суметь высоко подняться и с высоты птичьего полета постигать, что все идет именно так, *как и должно идти*: как всевозможные «несовершенства» и причиняемые ими страдания в действительности — неотъемлемые черты **желательного превыше всего**...

11 [31]
(310) Общий облик будущего европейца: он смышленнейшее из подъяремных животных, весьма трудолюбив, в сущности, очень скромен, до крайности любопытен, сложен, избалован, слабоволен—космополитический хаос аффекта и разброд умов. Как же могла бы вырасти из него *сильная* порода людей—порода с *классическим* вкусом? Что вообще такое классический вкус? Это воля к упрощению, к усилению, к зримости счастья, к страшному, мужество психологической *обнаженности* (—упрощение есть следствие воли к усилению; зримое проявление счастья, равно как и нагота,—следствие воли к страшному...) Чтобы пробиться из этого хаоса к такому *устроению*—требуется **принуждение**: человек должен быть поставлен перед выбором—погибнуть либо *утвердиться*. Господствующая раса может вырасти только из ужасного и жестокого начала. Проблема: где они, *варвары* XX века? Очевидно, что они проявятся и сплотятся лишь после чудовищных социалистических кризисов,—то будут элементы, которые окажутся способны на *величайшую твердость в отношении самих себя* и смогут гарантировать самую *долгосрочную волю*...

11 [32]
(311) *К психологии «пастырей». Великие посредственности*

Можно ли спрятаться от факта, что ум и вкус должны быть *посредственны*, чтобы широко и глубоко повлиять на массы, и что, к примеру, вовсе *не* обязательно к бесчестью Вольтера надобно толковать то, что аббат Трюбле более чем справедливо назвал его «la perfection de la médiocrité»[1]? (—ведь если б он этим не был, если бы он был *исключением*, как, например, неаполитанец Галиани, этот глубокомысленнейший из скоморохов, рожденных тем веселым столетием, тогда откуда его сила *вести* за собой? откуда его превосходство над своим временем?) Примерно то же самое можно утверждать и в отношении куда более популярного случая: основоположник христианства тоже должен был быть чем-то вроде «la perfection de la

---

1 Совершенной посредственностью (*фр.*).

médiocrité». Стоит лишь сплотить в *личность* положения пресловутого евангелия Нагорной проповеди — и у нас уже не останется сомнений насчет того, почему как раз такой пастырь и нагорный проповедник прельстительно влиял на всевозможные *стадные натуры.*

11 [33]
(312) — «une croyance presque instinctive chez moi c'est que tout homme puissant ment quand il parle, et à plus forte raison quand il écrit».[1] — Стендаль.

11 [34]
(313) Флобер не выносил ни Мериме, ни Стендаля; он мог легко прийти в ярость, стоило в его присутствии процитировать что-нибудь из «monsieur Beyle». Различие же вот в чем: Бейль ведет происхождение от Вольтера, Флобер — от Виктора Гюго.

«Сыны 1830-го» (— сыны?..) затеяли безумное обожествление *любви*: Альфред де Мюссе, Рихард Вагнер. Также и распутства, и порока...

«Je suis de 1830, moi! J'ai appris à lire dans Hernani, et j'aurai voulu être Lara! J'exècre toutes les lâchetés contemporaines, l'ordinaire de l'existence et l'ignominie des bonheures faciles».[2] — Флобер.

11 [35]
(314) Влечения пола, властолюбие, страсть к видимости и обману, великая радостная благодарность за жизнь с ее типическими состояниями — все это принадлежит к существу языческого культа и имеет своим союзником чистую совесть. *Противоестественность* (уже в греческой античности) борется с языческим началом под видом морали, диалектики.

---

1 Я почти инстинктивно чувствую, что всякий сильный человек лжет, когда говорит что-либо, и уж тем более — когда пишет (*фр.*).

2 Я сын 1830-го! Я учился читать по «Эрнани», мне хотелось быть Ларой! Мне ненавистна вся современная подлость, будничность существования и низость простых радостей (*фр.*).

Ницца, 15 декабря 1887

11 [36]

О ранге решение выносится количеством власти, которое ты составляешь; все прочее — трусость.

11 [37]

Тот, чей инстинкт предан иерархии, ненавидит промежуточные формы и промежуточных профессионалов: все *среднее* — враг его.

11 [38]

(315) Из давления полноты, из напряжения сил, что непрестанно взрастают в нас и не умеют еще разрядиться, рождается предгрозовое состояние: природа, а это мы сами, *омрачается*. Это тоже пессимизм... Учение, которое кладет конец подобному состоянию — *приказывая* положить конец, — переоценка ценностей, благодаря которой накопленным силам указуется путь, показывается «куда», чтобы они взорвались молниями и деяниями, — такое учение вовсе не должно *говорить* о счастье: высвобождая силу, мучительно стиснутую и стесненную, оно *приносит* счастье.

11 [39]

— сочувствия к ним я не питаю. Я причисляю их к породе раков. Ведь первым делом, когда с ними возишься, они щипнуть норовят, а потом — идут на попятный.

11 [40]

— парны́е теплые млечные сердца

11 [41]

Усталый странник, встречаемый остервенелым лаем пса.

11 [42]

— беглец, долгое время проведший в тюрьме, боявшийся дубины тюремщика: вот бредет он пугливо по дороге, но даже от тени дуба шарахается.

11 [43]

—добродетель в ренессансном стиле, virtù, добродетель без примеси моралина

11 [44]

(316) Когда человек ставит на кон свою жизнь, свое здоровье, свою честь—все это следствие шалости и бьющей через край, расточительной воли: не из любви к ближнему, но потому, что всякая большая опасность вызывает в нас любопытство относительно меры нашей силы, нашего мужества.

11 [45]

(317) Эмерсон, куда более просвещенный, многоликий, утонченный, баловень счастья, человек, что инстинктивно питается только амбросией, все неудобоваримое в вещах оставляя нетронутым. Карлейль, очень его любивший, тем не менее говорил: «*нам* нечего у него раскусывать»,—сказано, может, и справедливо, да отнюдь не в упрек Эмерсону.

Карлейль, человек сильного слова и эксцентричной позы, оратор *поневоле*, коего постоянно растравляет жажда сильной веры и чувство неспособности к ней (—как раз в этом он типичный романтик—). Жажда сильной веры не служит доказательством сильной веры, скорей наоборот: *если она есть*, это сказывается как раз в том, что *можно позволить* себе роскошь скепсиса и фривольного неверия,—ты *достаточно* для этого богат. Карлейль заглушает нечто в себе самом пылкостью своего почитания людей сильной веры и яростью против всех менее простодушных: эта постоянная, говоря языком морали, *нечестность* к себе меня в нем отталкивает. А что англичан в нем восхищает как раз честность—это вполне по-английски; принимая же во внимание, что англичане—народ совершенного cant'a[1], даже резонно, а не просто понятно. В сущности, Карлейль—атеист, который не хочет быть атеистом.—

---

1 Лицемерия, ханжества (*фр.*, *англ.*).

11 [46]

В этих задиристых разысканиях, в которых я продолжаю свой поход против роковых ценностных суждений прошлого и настоящего, против нашей *завышенной оценки морали*—

Подобное слово мира уместно, кажется, в заключение этих воинственных разысканий, которыми я открыл свой поход против всех наших роковых ценностных суждений, против прежней нашей *завышенной оценки морали.*

11 [47]

—промозглые идеалы и прочие росные ветры

11 [48]

(318) Стремящийся к великому ум, если не пренебрегает и средствами для этого, непременно станет скептическим: но это не означает, что он и казаться таковым должен. Свобода от всякого рода убеждений—вот его сила: он *может* смотреть без шор. Великая страсть, основа и властный стержень его бытия, еще просвещенней, еще деспотичней его самого,—она забирает весь его интеллект без остатка к себе на службу (а не просто в свое владение); она учит не церемониться понапрасну, внушает мужество пользоваться далеко не святыми средствами (а то и святыми), она дозволяет убеждения—ей нужны, она использует даже убеждения, но она им не покорствует. Как результат, она одна сознает себя суверенной. Напротив: потребность в вере, в каком-то безусловном Да или Нет,—это потребности слабого; любая слабость есть слабость воли; всякая слабость воли происходит от отсутствия повелевающей страсти, отсутствия категорического императива. Человек *веры*, «верующий», во что бы он ни веровал,—это непременно человек зависимой породы, то есть такой, которая не может полагать *себя* как цель, да и вообще полагать цели, опираясь на себя саму,—которой приходится допускать *использование* себя как средства... Инстинктивно такая порода превыше всего чтит мораль *обезличения*—к тому подводит ее вся ее смыш-

леность, опыт, тщеславие. И *вера* тоже есть все еще форма обезличения. —

11 [49]
(319) Из необъятных пределов искусства, каковые есть и останутся антинемецкими и куда нет и не будет доступа немецким юношам, рогатым Зигфридам и прочим вагнерианцам,— гениальный ход Бизе, помогшего облечь в звуки новую — и такую древнюю — чувствительность, что до сих пор оставалась безгласной в *культурной* музыке Европы, чувствительность южную, смуглую, загорелую, но которую не понять из промозглого идеализма Севера. Африканская радость, фаталистическая веселость,— и взгляд ее обольстителен, глубок, ужасен; сладострастная меланхолия мавританского танца; страсть, вспыхивающая резко и внезапно, как кинжал; и запахи вечера, золотящего морскую гладь, от которых щемит сердце, точно вспомнились вдруг забытые острова, где ты был когда-то, где, кажется, ты вечно будешь...

Антинемецкое: *Буффон. Мавританский танец*

Другие антинемецкие перлы эстетического наслаждения

11 [50]

«Истинный мир», каким бы его до сих пор ни воображали,— *все равно* всегда оставался лишь видимым миром.

11 [51]

Нужно обладать мужеством, чтобы позволить себе низость: у большинства для этого кишка тонка.

11 [52]

«Цезарь среди пиратов»

11 [53]

и среди этих поэтов встречаешь невинно ржущих жеребцов

11 [54]
(320)

О господстве добродетели
Как привести добродетель к господству
Tractatus politicus[1]
Сочинение
Фридриха Ницше.

Предисловие

Настоящий tractatus politicus не для всякого уха предназначен: здесь разбирается *политика* добродетели, ее средства и пути достижения *власти*. И что с того, что добродетель стремится к господству — кто бы стал ей это запрещать? Но вот *как* она делает это! — никто не подозревает... Вот почему этот tractatus politicus не для всякого уха предназначен. Мы предназначили его на пользу тем, кому немаловажно усвоить — нет, не как самим сделаться добродетельными, но как *сделать* добродетельными других — как привести добродетель к господству. Я хочу даже показать, что для того, чтобы хотеть этого последнего, а именно господства добродетели, мы в принципе *не* вправе хотеть первого; как раз поэтому мы отказываемся от возможности стать добродетельными. Это большая жертва: но подобная цель и заслуживает, верно, жертвы. И даже еще большей!.. И кое-кто из великих моралистов шел-таки на столь большой риск. Ведь именно они распознали и предвосхитили уже ту истину, которую настоящий трактат впервые преподаст: что *господства истины*, безусловно, *можно достигнуть лишь теми же самыми средствами*, которыми вообще достигают какого угодно господства, и уж во всяком случае не *посредством* добродетели...

Как мы уже сказали, трактат этот разбирает политику в области добродетели: он задает идеал этой политики, описывает ее такой, какой она была бы, если бы хоть что-то на этой земле могло быть совершенным. Так вот, нет ни одного философа, который усомнится насчет того, что является в политике образцом совершенства: конечно, макиавеллизм. Однако макиавеллизм — pur, sans mélange,

1 Политический трактат (*лат.*).

cru, dans toute sa force, dans tout sa âpreté[1] — является сверхчеловеческим, божественным, трансцендентным, человек никогда его не достигает, в лучшем случае едва касается... Также и в этом, более узком, разделе политики, в политике добродетели, идеал этот, по-видимому, всегда оставался недосягаем. И Платон лишь едва коснулся его. Даже у наиболее непредвзятых и сознательных *моралистов* (— а это ведь и есть название для подобных политиков морали и для всякого рода основоположников новых моральных доминант) мы замечаем, если у нас вообще есть понимание скрытых вещей, следы того, что и они отдали дань человеческой слабости. *Все они страстно тяготели*, по крайней мере в периоды утомления, *к добродетели* и для самих себя: первая и главная ошибка моралиста, который в качестве такового должен быть *имморалистом дела*. А что он как раз и *не смеет выглядеть* таким — это уже другое дело. Или, скорее, это *не* другое дело: такое кардинальное самоотречение (притворство, выражаясь языком морали) наряду со всем прочим входит в канон моралиста и отличающей его этики: без этого он никогда бы не достиг *своего* рода совершенства. Свобода от морали, *свобода даже от правды*, ради той цели, что окупает любую жертву: ради *господства морали* — так гласит этот канон. Моралисты нуждаются в *позах добродетели* и в позах правды; их ошибка начинается только там, где они *поддаются* добродетели, где они утрачивают господство над добродетелью, где они сами становятся образчиками *морали* и *истины*. Великий моралист, среди прочего, с необходимостью должен быть и великим лицедеем; опасность для него заключается в том, что притворство его ненароком может стать его природой, точно так же как идеал для него — божественным образом сохранять в раздельности свое esse и свое operari; все, что он ни делает, он должен делать sub specie boni[2] — высокий, далекий, претенциозный идеал! *Божественный* идеал!... И действительно, речь идет о том, что моралист в этом смысле подражает не кому-нибудь, а самому Богу:

---

1 Чистый, беспримесный, первозданный, во всей своей силе и забористости (*фр.*).

2 С точки зрения блага (*лат.*).

Богу, этому величайшему имморалисту дела, какие только есть, но который тем не менее умеет оставаться тем, что он *есть, добрым* Богом...

11 [55]

(321) Христианству вовек нельзя простить, что оно погубило таких людей, как Паскаль. Вовек нельзя прекращать борьбы именно с тем в христианстве, что оно норовит сломить как раз самые сильные и благородные души. Нельзя давать себе покоя, пока в корне не разрушено одно: идеал человека, изобретенный христианством. Весь нелепый остаток христианской басни, хитросплетение понятий и теологии – нас не касается; будь он в тысячу раз абсурдней – мы бы и пальцем его не тронули. Но мы боремся с этим идеалом, который своей болезненной красотой, соблазнительной женственностью, своей вкрадчивой клеветой убеждает все трусливые и тщеславные свойства утомленных душ – и сильнейшие знают минуты усталости, – будто все, что может казаться наиболее полезным и желательным в подобных состояниях: доверие, простодушие, непритязательность, терпение, любовь к себе подобному, смирение, покорность Богу, своего рода распрягание и увольнение своего «я» – будто все это само по себе наиболее полезно и желательно; будто скромный душевный уродец, добродетельная рядовая скотинка и стадная овца по имени человек не только превосходит более сильную, злую, вожделеющую, перечащую, расточительную и именно потому подверженную стократ большей опасности породу человека, но прямо-таки представляет собой идеал, цель, мерку, нечто в высшей степени желательное для людей вообще. *Это* воздвижение идеала было до сих пор самым жутким искушением из тех, которым подвергался человек: ведь идеал этот грозил гибелью всем удачным исключениям и счастливым случаям человека, у кого шаг вперед сделала воля к власти и развитию всего человеческого типа в целом; его приговор в корне пресекал развитие этих чрезмерных людей, которые ради своих высших притязаний и задач добровольно смирились с более опасной жизнью (выражаясь языком экономики, рост издержек и сомни-

тельность в успехе предприятия). С чем мы боремся в христианстве? С тем, что оно норовит сломить сильных, что оно хочет лишить их мужества, воспользоваться их худшими минутами и любой усталостью, что оно хочет превратить их гордую уверенность в беспокойство и угрызения совести, что оно умеет отравлять и заставляет болеть благородные инстинкты, пока, наконец, их сила, их воля к власти не поворачивает вспять, обращаясь против самой себя, — пока, наконец, сильные не погибают от чрезмерного самоунижения и самоедства: ужасный род гибели, известнейший пример которой дает нам Паскаль.

11 [56]
(322) *Золя*: определенное соперничество с Тэном, заимствование его приемов, в скептическом milieu дело доводится до своего рода диктатуры. Тому же служит и намеренное *огрубление* принципов, чтобы они действовали как команды.

11 [57]
Понять — значит одобрить? —

11 [58]
(323) *Не* знать самого себя: вот здравомыслие идеалистов. Идеалист: создание, имеющее причины не развеивать туман в отношении себя самого, у которого хватает ума не просвещать себя и относительно этих самых причин.

11 [59]
(324) Баба от литературы, неудовлетворенная, возбужденная, с пустотой в сердце и чреве, что всякий раз с мучительным любопытством прислушивается к императиву, который из глубин ее организма категорически нудит *свое* aut liberi aut libri[1]: баба от литературы, достаточно образованная, чтобы понимать голос природы, даже если он вещает по латыни, а с другой стороны — достаточно тщеславная, чтобы втайне говорить с собой еще и по-

1 Либо дети, либо книги (*лат.*).

французски: «je me verrai, je me lirai, je m'extasierai et je dirai: Possible, que j'aie eu tant d'esprit?»[1]...

Настоящая баба предается литературе, как какому-то грешку, ради пробы, походя, озираясь вокруг, а не заметил ли кто, и хорошо бы, *чтоб* заметил: она знает, насколько идет настоящей женщине чуточку гнильцы и цыганской испорченности,—еще лучше она знает, как *действует* на женщину всякое литературное творчество—словно знак вопроса, приставленный ко всем *прочим* женским pudeurs...

11 [60]

(325) *Современное неведение.—*

Ума не приложу, что собираются делать с европейским рабочим. Он уже слишком хорошо себя чувствует, чтобы не требовать отныне, шаг за шагом, все большего, требовать все беззастенчивей: в конце концов, на его стороне численное превосходство. Канула в небытие надежда, что из рабочего образуется некая непритязательная и самоудовлетворенная порода человека, племя рабов в самом умеренном смысле слова, короче—сословие, нечто неизменное. Рабочего выучили воевать, наделили правом голоса и правом объединяться в союзы: было сделано все возможное, чтобы развратить инстинкты, на которые могли опираться подобные «китайцы» из рабочих: так что сегодня свое существование рабочий считает и заставляет других считать бедствием (на языке морали – *несправедливостью*)... И что же собираются делать, спросим мы еще раз. Если стремятся к какой-то цели, нужно стремиться и к средствам для нее: если хотят получить рабов—а в рабах *есть* нужда!—не следует воспитывать из них господ.

11 [61]

(326) «Сумма страдания превышает сумму удовольствия: следовательно, небытие мира предпочтительней его бытия»—такие вот разглагольствования называются сегодня пессимизмом.

---

1 Я себя увижу, я себя прочту, я приду в восторг и скажу себе: ну разве я не кладезь остроумия? (*фр.*)

«Мир есть нечто такое, чему разумнее не быть, поскольку чувствующему субъекту он причиняет больше страдания, нежели удовольствия».

Но удовольствие и страдание – не причины, а лишь побочные эффекты; это вторичные ценностные суждения, производные от руководящей ценности; это выраженное в форме чувства «полезно» – «вредно»: следовательно, нечто мимолетное и абсолютно зависимое. Ведь всякому «полезно» – «вредно» все же необходимо предпослать сотню различных «для чего?».

Я презираю этот *пессимизм чувствительности*: он сам есть признак глубочайшего обеднения жизнью. По мне, так нельзя допустить, чтобы вялая обезьяна вроде Гартмана разглагольствовала о своем «философском пессимизме». –

11 [62]
(327) Тальма сказал:

«...oui, nous devons être sensibles, nous devons éprouver l'émotion, mais pour mieux l'imiter, pour mieux en saisir le caractère par l'étude et la réflexion. Notre art en exige de profondes. Point d'improvisation possible sur la scène, sous peine d'échec. Tout est calculé, tout doit être prévu, et l'émotion, qui semble soudaine, et le trouble, qui paraît involontaire.– L'intonation, le geste, le regard qui semble inspirés, ont été répétés cent fois. Le poète rêveur cherche un beau vers, le musicien une mélodie, le géomètre une démonstration: aucun d'eux n'y attache plus d'interêt que nous à trouver le geste et l'accent, qui rend le mieux le sens d'un seul hémistiche. Cette étude suit en tous lieux l'acteur épris de son art.– Faut-il vous dire plus? Nous nous sommes à nous-mêmes, voyez vous, quand nous aimons notre art, des sujets d'observation. J'ai fait des pertes bien cruelles; j'ai souvent ressenti des chagrins profonds; hé bien, après ces premiers moments où la douleur se fait jour par des cris et par des larmes, je sentai qu'involontairement je faisais un retour sur mes souffrances et qu'en moi, *à mon insu*, l'acteur étudiait l'homme et prenait la nature sur le fait. Voici de quelle façon nous devons éprouver l'émotion pour être un jour et état de la rendre; mais non à l'improviste et sur la scène, quand tous les yeux sont fixés sur nous; rien n'exposerait plus notre situation. Récemment encore, je jouais dans *Misanthropie et repentir* avec une admi-

rable actrice; son jeu si réfléchi et pourtant si naturel et si vrai, m'entraînait. Elle s'en aperçut. Quel triomphe! et pourtant elle me dit tout bas: «Prenez garde, Talma, vous êtes ému!» C'est qu'en effet de l'émotion naît le trouble; la voix résiste, la memoire manque, les gestes sont faux, l'effet est détruit! Ah! nous ne sommes pas la nature, nous ne sommes que l'art, qui ne peut tendre qu'à imiter.[1]

---

1 Да, мы должны всё чувствовать, мы должны испытывать эмоции, но лишь затем, чтобы потом лучше их изобразить, чтобы посредством вдумчивого изучения лучше ухватить их характер. Наше искусство требует самой тщательной подготовки. На сцене не может быть места импровизации, это грозит провалом. Все просчитывается, все должно быть предусмотрено – и волнение, как будто внезапное, и смятение, кажущееся непроизвольным. – Интонация, жест, взгляд, по видимости, внушенные моментом, на самом деле сотни раз до этого репетировались. Поэт-мечтатель в поисках красивой рифмы, музыкант в поисках мелодии, математик в поисках доказательства – никто из них не проявляет большего рвения, нежели мы, когда стремимся подыскать жесты или ударения, которые лучше всего подчеркнули бы смысл какого-нибудь полустишия. Это исследование повсеместно сопутствует искушенному в своем искусстве актеру. Нужно ли рассказывать вам еще что-то? Вы же понимаете, если любишь свое искусство, то для себя самого служишь объектом для наблюдения. Я и сам переживал жестокие утраты, не раз мне приходилось испытывать глубочайшие потрясения – и что же? – после тех первых мгновений, когда горе прорывается наружу в криках и слезах, я ощущал, как непроизвольно снова возвращаюсь к своим страданиям и как *безотчетно для меня самого* актер во мне начинает изучать человека, как бы снимая натуру с происходящего. Вот каким образом должны мы испытывать эмоции, чтобы однажды суметь их передать; но только не экспромтом, не на сцене, когда все взгляды прикованы к нам; ничто не обнажило бы нашего состояния с более грубой откровенностью. Совсем недавно мне довелось играть в *«Мизантропии и раскаянии»* вместе с одной замечательной актрисой; меня по-настоящему захватила ее игра, такая продуманная и вместе с тем столь естественная, столь правдивая. Она это заметила. Какое это было для нее торжество! Но она лишь тихо проговорила: «Берегитесь, Тальма, вы взволнованы!». Ведь и правда, из волнения рождается смятение; голос отказывается вам повиноваться, память подводит, жесты становятся фальшивыми – все впечатление идет к черту! Ах, природе мы чужды, мы сплошь искусство, которое может стремиться лишь к подражанию (*фр.*).

11 [63]

Лессинг ставил Мольера ниже Детуша
Минна фон Барнхельм — «un marivaudage raisonné»[1].

11 [64]

Из *китайского*: «...возлюбленный мой поселился в сердце моем, теперь остерегаюсь я есть горячее, дабы не сделался ему в тягость этот жар»

«И даже если увидишь мать свою умирающей с голоду, не делай ничего противного добродетели».

«...если подобно черепахе, втягивающей под панцирь ноги и голову, ты в самого себя втянешь пять своих чувств, после смерти это обернется тебе на пользу: ты обретешь небесное блаженство»

11 [65]

«Поневоле удивляешься всем этим колебаниям и нерешительности в рассуждениях Монтеня. Но, возможно, уже занесенный Ватиканом в список запрещенных книг, давно подозреваемый всеми партиями в неблагонадежности, он сам нарочно поставил сурдинку вопросительного знака на свою рискованную терпимость, свою оклеветанную беспристрастность. Такое уже часто встречалось в его время: *сомневающаяся* humanitas...»

11 [66]

Mérimée, supérieur comme joaillier en vices et comme ciseleur en difformités[2], принадлежит к движению 1830-го не из-за страстности (таковая у него отсутствует —), но в силу новизны хорошо продуманного procédé[3] и благодаря смелому выбору материала.

11 [67]

«bains intérieurs»[4], выражаясь благопристойно, на манер мадам Вальмор

---

1 Рассудочное жеманство (*фр.*).

2 Мериме, непревзойденный ювелир пороков и чеканщик уродств (*фр.*).

3 Метода (*фр.*).

4 Внутренние омовения (*фр.*).

11 [68]

«rien ne porte malheur comme une bonne action»[1]

11 [69]

(328) Сент-Бёв: «la jeunesse est trop ardente pour avoir du goût.

Pour avoir du goût, il ne suffit pas d'avoir en soi la faculté de goûter les belles et douces choses de l'esprit, il faut encore du loisir, une âme libre et vacante, redevenue comme innocente, non livrée aux passions, non affairée, non bourrelée d'âpres soins et d'inquiétudes positives; une âme désintéressée et même exemte du feu trop ardent de la composition, non en proie à sa propre verve insolente; il faut du repos, de l'oubli, du silence, d'espace autour de soi. Que de conditions, même quand on a en soi la faculté de les trouver, pour jouir des choses délicates!»[2] —

11 [70]

На представлении «Кристины» (Александра Дюма): у Жанни паспорт, подписанный королевой. Готовый им воспользоваться, он вдруг передумывает и складывает бумагу со словами: réservons en l'effet pour de plus grands besoins.[3]

11 [71]

(329) Страдание и удовольствие суть глупейшие мыслимые *средства выражения* суждения: естественно, это не означа-

---

1 Ничто так верно не приносит несчастья, как доброе дело (*фр.*).

2 Молодость слишком пылка для того, чтобы обладать вкусом. Чтобы обладать вкусом, недостаточно способности отведывать прекрасные и приятные творения духа, нужен еще досуг, нужна свободная, незанятая душа, как бы вновь вернувшаяся к невинности, не преданная страстям, не мечущаяся попусту, не терзающаяся житейскими заботами и тревогами; душа бесстрастная, избавленная даже от чересчур пылкого пламени сочинительства, не становящаяся добычей собственного дерзновенного вдохновения; нужен покой, забвение, тишина вокруг. Вот сколько существует условий для наслаждения утонченными вещами, даже если вы обладаете способностью их находить! (*фр.*)

3 Оставим этот эффект на тот момент, когда он понадобится больше (*фр.*).

ет, что сами заявляющие о себе подобным образом суждения должны быть глупыми. Опущение всякого обоснования и логичности, простое Да или Нет редукции к страстной охоте иметь или страстному отталкиванию, повелительная аббревиатура, чью пользу невозможно не признать,— вот что такое удовольствие и страдание. Их исток расположен в центральной сфере интеллекта; их предпосылка — бесконечно ускоренное восприятие, упорядочение, подведение под понятие, подсчет, вывод: удовольствие и страдание — всегда заключительные феномены, не «причины»...

Решение о том, что́ должно вызывать страдание и удовольствие, зависит от степени власти: при малом количестве власти нечто представляется опасным и требующим скорейшего отпора, но при более высоком сознании полноты власти то же самое может иметь следствием сладостное возбуждение, ощущение удовольствия.

Все ощущения удовольствия и страдания изначально предполагают *замер совокупной пользы и совокупного вреда*, а следовательно — некую сферу, где имеет место хотение такой-то цели (состояния) и происходит выбор средств для этого. Удовольствие и страдание — не «первичные факты»

Ощущения удовольствия и страдания — *волевые реакции (аффекты)*, в которых интеллектуальный центр фиксирует ценность наступивших изменений в отношении совокупной ценности, что одновременно служит и преддверием к ответным действиям.

11 [72]

(330) Будь у мирового движения некое конечное состояние, оно было бы уже достигнуто. Но единственный основополагающий факт — что *нет* у него конечного состояния, и любая философия или научная гипотеза (например, механицизм), где таковое выступает необходимым элементом, этим единственным фактом *опровергается*... Я ищу такую концепцию мира, которая удовлетворяла бы *этому* факту: становление необходимо объяснять, не прибегая к помощи такого рода конечных целей: становление должно представать оправданным в каждый конкретный миг (или *неоценимым*, что сводится к тому же); абсолютно

неприемлемо оправдывать настоящее ради будущего или прошлое—ради настоящего. «Необходимость» *не* в виде всеохватывающей и всевластвующей силы или какого-то перводвигателя; тем более—не в роли фактора, необходимого, чтобы обусловить нечто ценное. Для этого требуется отвергнуть совокупное сознание становления, то есть «Бога», дабы не подчинять ход вещей представлению о существе сочувствующем, соведающем, но при этом *стремящемся* к небытию: «Бог» бесполезен, если он ничего не хочет, а, с другой стороны, тем самым предполагается *суммирование страдания и нелогичности*, которое понизило бы совокупную ценность «становления»: по счастью, такого рода суммирующей власти как раз и не существует (—страдающий и всевидящий Бог, «всеобщий сенсорий» и «вседух»,—оказался бы *сильнейшим доводом против сущего*)

Рассуждая строже, мы *вообще не вправе допускать никакого сущего*,—потому что тогда становление теряет свою ценность и представляется попросту бессмысленным и избыточным.

Отсюда напрашивается вопрос: каким образом могла (должна была) возникнуть иллюзия сущего

точно так же: как обесценились все оценочные суждения, покоящиеся на гипотезе о наличии сущего?

но тем самым мы приходим к пониманию, что эта *гипотеза сущего*—источник всей *клеветы на мир*

«лучший мир, истинный мир, «потусторонний» мир, вещь сама по себе»

1) у становления нет *никакого конечного состояния*, оно не выливается в какое-либо «бытие».
2) становление—*вовсе не иллюзорное состояние*; быть может, наоборот, мир *сущего*—иллюзия.
3) становление равноценно в каждый миг: сумма его ценности не меняется: *иными словами, у него вообще нет никакой ценности*, поскольку недостает того, чем эту ценность измерять и применительно к чему имело бы смысл само слово «ценность».

совокупную ценность мира нельзя умалить—следовательно, философский пессимизм относится к разряду явлений комических

11 [73]

(331) Точка зрения «ценности» есть точка зрения *условий сохранения и возвышения* сложных формаций с относительной продолжительностью жизни в рамках процесса становления:

—нет ни устойчивых предельных единиц, ни атомов, ни монад: здесь тоже «сущее»—не более чем *вложенная* нами конструкция, обусловленная самыми разными причинами (практическими; соображениями пользы или же перспективы)

—«структуры господства»; сфера господствующего, которая постоянно расширяется или периодически: то убывает, то разрастается; или вследствие благоприятных и неблагоприятных обстоятельств (пропитание—)

—«ценность», по существу, есть точка зрения, служащая разрастанию либо убыли <числа> этих центров господства (в любом случае, это «множества»—«единство» вообще отсутствует в природе становления)

—*количество власти*, становление, поскольку ничто здесь не обладает характером «бытия»; поскольку

—выразительные средства языка непригодны для выражения становления: наша *неотъемлемая потребность в <само>сохранении* заставляет непрестанно полагать единый, грубый мир непреходящего, «вещей» и т.д. В относительном смысле мы, конечно, можем говорить об атомах и монадах: и, наверняка, *мир мельчайший по продолжительности есть наиболее долговечный*...

нет воли как таковой—есть пунктации воли, которые постоянно то умножают, то теряют свою власть

11 [74]

(332) —что в *«процессе, <охватывающем> целое» труд человечества не имеет значения*, так как вообще не существует никакого совокупного процесса (мыслимого в качестве системы—):

—что никакого «целого» нет, что *любое умаление ценности человеческого бытия*, человеческих целей не может опираться на то, чего вовсе не существует...

—что необходимость, причинность, целесообразность суть полезные *видимости*

–что цель–это *не* приращение сознания, но усиление власти, в каковое усиление включается и полезность сознания, равно как и удовольствие вкупе со страданием

–что не следует принимать *средства* за высшую мерку ценности (то есть состояния сознания вроде удовольствия и боли, коль скоро само сознание есть средство–)

–что мир вовсе не организм, но хаос: что развитие «духовного начала» служит средством для достижения относительной устойчивости организации...

–что любой «желательный результат» не имеет никакого смысла относительно совокупного характера существования.

11 [75]

(333) причина удовольствия–*не* удовлетворение воли: против этой в высшей степени поверхностной теории я намерен особо бороться. Психологическая нелепость чеканки фальшивой монеты касательно ближайших вещей...

но то, что воля всегда стремится вперед и раз за разом утверждает свое господство над тем, что встает и у нее на пути: ощущение удовольствия напрямую связано с неудовлетворенностью воли, с тем, что она, не зная границ и сопротивления, никак не может насытиться вполне...

«Счастливец»–стадный идеал

11 [76]

(334) Нормальная *неудовлетворенность* наших влечений, например голода, полового влечения, двигательного инстинкта, сама по себе не заключает еще ничего угнетающего; наоборот, она возбуждающе действует на ощущение жизни, *усиливает* его подобно всякому ритму слабых болезненных раздражений, что бы там ни внушали нам пессимисты: эта неудовлетворенность не только не отравляет нам жизнь, а, напротив, служит величайшим *стимулятором* жизни.

–Возможно, удовольствие вообще можно было бы определить как ритмическую последовательность слабых уколов страдания...

11 [77]

(335) Сообразно мощи сопротивлений, с которыми сталкивается сила в стремлении возобладать над ними, должна расти и мера постигающих ее при этом неудач и роковых случайностей: а поскольку любая сила может развернуться только на том, что сопротивляется, во всяком действии по необходимости присутствует и *примесь страдания*. Но это страдание действует как соль жизни — оно лишь усиливает *волю к власти*!

11 [78]

(336) *Наиболее духовные* люди, при условии, что они же и самые мужественные, переживают и куда более мучительные трагедии: но как раз потому чтут они жизнь, что та выставляет против них *величайших противников*...

11 [79]

(337) Средства, которыми Юлий Цезарь пересиливал болезненность и головные боли: изнурительные пешие переходы, простой образ жизни, непрерывное пребывание на воздухе и постоянные нагрузки: по большому счету, все это — условия самосохранения гения вообще.

11 [80]

(338) Остерегайся морали: она обесценивает нас в наших собственных глазах —

Остерегайся сострадания: оно обременяет нас нуждами других —

Остерегайся «разумности»: она портит характер, делая нас предельно одинокими: одинокими значит здесь — вольными птицами, свободными от любых привязанностей...

11 [81]

— восприятию доступно лишь становление, но не умирание (?) —

11 [82]

Смысл становления в каждое мгновение должен быть полным, достигнутым, завершенным.

11 [83]
<(339)> То, что называется добрым поступком,—не более чем недоразумение; подобные поступки вообще невозможны.

«Эгоизм», как и «бескорыстие»,—всего лишь популярная фикция; равно как и индивидуум, душа и т.д.

Из всего неслыханного многообразия происходящего внутри организма мы осознаем лишь малый закуток: и толика «добродетели», «бескорыстия» и иных фикций такого же рода совершенно радикальным образом уличается во лжи совокупностью всех прочих пластов происходящего. Мы делаем полезное дело, изучая наш организм с точки зрения его абсолютной аморальности...

Ведь животные функции принципиально и в миллионы раз важней всех прекрасных состояний и вершин сознания: последние являются излишествами, коль скоро не выступают орудиями для этих животных функций.

Вся *сознательная* жизнь, дух вкупе с душой, вкупе с сердцем, вкупе с добротой, вкупе с добродетелью: чему служат все ее труды? Предельно возможному усовершенствованию средств (средств пропитания и усиления) коренных животных функций: и прежде всего *усилению жизненности.*

В том, что называют «тело» и «плоть», заключено несказанно большее: остальное—лишь незначительный придаток. Задача прясть дальше на веретене жизни всю ее цепочку, да так, *чтобы нить становилась все крепче и мощней,*—вот настоящая задача. Но вы только гляньте, как сердце, душа, добродетель, дух вступают между собой в форменный сговор с тем, чтобы *извратить* эту принципиальную задачу: словно *они* являются целью... Вырождение жизни главным образом обусловлено исключительной способностью сознания к заблуждениям: меньше всего оно удерживается в узде инстинктами, а потому *ошибется так ошибется*—надолго и основательно.

Отмерять ценность существования сообразно *приятным и неприятным ощущениям этого сознания*—можно ли вообразить себе более абсурдную распущенность тщеславия? Сознание ведь только средство; и приятные или неприятные ощущения—тоже не более как средства! Так

чем же объективно измеряется *ценность*? Единственно количеством более или менее *усиленной и организованной власти*, тем, что происходит во всем происходящем, воля к большему...

11 [84]

«Дух», назначенный сущностью мира; логичность — сущностной

11 [85]

(340) Алкоголем и гашишем мы возвращаем себя на ступени культуры, которые некогда преодолели (по крайней мере *пережили*). Любая пища открывает что-то о прошлом, из которого мы *возникли.*

11 [86]

И мудрец подчас уподобляется тем недалеким женщинам, которые не считают молоко пищей — поди не репа:

11 [87]

(341) Всю красоту и возвышенность, что ссудили мы вещам реальным и воображаемым, я намерен потребовать назад как собственность и дело рук человека: как прекраснейшую его апологию. Человек как поэт, как мыслитель, как Бог, как любовь, как власть — довольно уже царской щедрости, с которой одаривал он вещи, *обделяя* себя, чтобы почувствовать нищим *самого себя*! До сих пор величайшим бескорыстием человека было то, что он изумлялся и молился, и умел скрыть от себя самого, что это *он* создатель всего, чему так изумлялся. —

11 [88]

(342) Сколько отсутствия самостоятельности и даже несознаваемого удовлетворения давних религиозных потребностей уцелело в чувственном сумбуре немецкой музыки! Сколько тут слышится молитвы, добродетельности, елейности, целомудрия, ладана, ханжества и «келейности»! Что музыка сама отказывается от слова, от понятия, от образа — ах, сколь умело извлекает отсюда выгоду *она*, эта лукавая женская «вечная женственность»! и самой честной совес-

ти не приходится стыдиться, когда находит удовлетворение этот инстинкт — ее это не касается. Все это, конечно, здраво, умно и служит добрым знаком, поскольку обличает чувство стыда от убогости всякого религиозного суждения... Но при всем при том это все еще тартюфство...

Если же, напротив, как с опасной лживостью делал это Вагнер на склоне лет, сюда приплетается религиозная символика, как в «Парсифале», где он делает намеки (и не одни намеки) на суеверную нелепицу — причастие — подобная музыка может вызывать только негодование...

11 [89]

(343) Люди всегда превратно понимали любовь: они считают себя бескорыстными в любви, поскольку хотят выгоды для другого существа, часто наперекор собственной выгоде: но взамен они хотят *владеть* этим другим существом... В иных случаях любовь есть более тонкий паразитизм, опасное и безоглядное укоренение одной души в другой — иной раз и во плоти... и какие же огромные издержки несет тогда «хозяин»!

Сколь многими выгодами жертвует человек, сколь мало в нем «своекорыстия»! Все его аффекты и страсти хотят получить свое — и как же далек аффект от разумной корысти своекорыстия!

Мы не хотим своего «счастья»; надо быть англичанином, чтобы поверить в то, что человек всегда ищет своей выгоды; наши вожделения хотят *посягать* на вещи, хотят подольше гореть страстью — их запруженная сила ищет сопротивления...

11 [90]

Чего действительно сто́ит Рихард Вагнер, первым скажет нам тот, кто найдет ему наилучшее применение. А тем временем попытаемся принять на веру ту оценку Вагнера, в какую он сам охотно поверил бы...

11 [91]

(344) Облагорожение проституции, *не* ее упразднение...

У брака очень долгое время совесть была нечиста перед ним самим: неужто это правда? Увы, это правда.—

К чести старых женщин—

11 [92]

Позволю себе вольность забыться. Послезавтра я снова буду у себя как дома.

11 [93]

(345) все, с чем до сих пор человек не умеет совладать, что еще ни один человек не сумел переварить, «*навоз бытия*»,—для мудрости, по крайней мере, это было и остается лучшим удобрением...

11 [94]

(346) Тот император постоянно напоминал себе о бренности всех вещей, чтобы не относиться к ним *слишком серьезно* и сохранять среди них покой. Мне же, наоборот, кажется, что все слишком ценно, чтобы быть настолько мимолетным: я ищу вечности для всего: кто выльет в море драгоценнейшие вина и масла?—и я нахожу себе утешение в том, что все былое вечно: море все возвращает

11 [95]

(347) Известно, что Вольтеру докучали даже в последние мгновения жизни. «Вы верите в божественность Христа?»—спросил Вольтера его кюре. Тот зна́ком дал понять, чтобы его оставили в покое. Неудовлетворенный этим, кюре повторил вопрос. Тут умирающий в последний раз дал волю гневу: в ярости оттолкнув непрошенного дознавателя, он выкрикнул ему в лицо: «au nom du dieu, ne me parlez pas de cet-homme-là!»[1]—бессмертное предсмертное слово, вобравшее в себя всё, против чего боролся этот отважнейший ум.—

Вольтер судил так: «в этом иудее-назареянине нет ничего божественного»: это суждение выносил его устами *классический вкус*.

---

1 Бога ради, не говорите мне об этом человеке (*фр.*).

Классический вкус и христианский вкус полагают понятие «божественный» в корне различными способами; и у кого классический вкус вошел в кровь и плоть, тот не может воспринимать христианство иначе как foeda [superstitio][1], а христианский идеал—как карикатуру на божественное, его умаление.

11 [96]
(348) Что *деятеля* снова включают в состав действия, после того как мысленно изъяли его оттуда, тем самым выхолостив действие;

что *содержательность* действия, «цель», «намерение», «умысел» снова принимают в состав действия, после того как искусственно вырвали оттуда, тем самым выхолостив действие;

что все «умыслы», «цели», «смыслы»—лишь различные формы выражения и метаморфоз единой воли, внутренне присущей всему ходу вещей, воли к власти; что иметь умыслы, цели, намерения, *хотеть* их—вообще равноценно тому, чтобы хотеть стать сильней, хотеть развиваться и стремиться к *средствам для этого*;

что наиболее общий и глубинный инстинкт в основе всякого действия и хотения именно потому остался наименее признанным и самым сокровенным, что на практике мы всегда следуем его велениям, потому что мы *сами*—это веление... Все способы почитать—лишь следствия и более узкие перспективы, *служащие этой единой воле*: само почитание—не что другое, как эта воля к власти; любая критика бытия с точки зрения какой-либо из этих ценностей—сплошь нелепость и недоразумение; предположив даже, что в этой критике—завязка процесса разложения, все равно и сам этот процесс все еще *служит этой воле*...

Недорого ценить само бытие: но ведь сам процесс оценки все еще составляет это бытие!—даже говоря Нет, мы продолжаем делать то, что́ мы *есть*... Необходимо уяснить себе всю *абсурдность* этого судящего бытие жеста; а затем—попытаться еще разгадать, *что* же тем самым начинается. Это симптоматично.

---

1 Безобразное суеверие (*лат.*).

11 [97]
(349) Философский нигилист убежден, что мировой процесс бессмыслен и тщетен; а ведь никакого бессмысленного и тщетного бытия не должно быть. Но откуда это: не должно быть? Откуда берется *этот* «смысл»? *эта* мерка? — Нигилист, по сути, полагает, что философ, глядя на подобное опустошенное, бесполезное бытие, должен почувствовать *неудовлетворенность*, опустошенность, отчаяние; такое воззрение противоречит нашей более утонченной философской чувствительности. Ведь дело тут сводится к следующей нелепой оценке: характер существования *должен доставлять философу удовольствие*, иначе это неправильное бытие...

Однако легко понять, что довольство и страдание в общем процессе могут иметь лишь смысл средств, не более: к тому же остается еще спросить, а *можем* ли мы вообще раскрывать «смысл» и «цель», не является ли вопрос о бессмысленности и ее противоположности для нас попросту неразрешимым.—

11 [98]
(350) Ценность бренности: не обладающее долговечностью, самому себе противоречащее нечто имеет мало ценности. Но вещи, которые мы мним *долговечными*, как таковые суть *чистые фикции*. Коль скоро все течет, мимолетность есть какое-то качество («истина»), а непреходящая долговечность — простая *видимость*.

11 [99]
(351) *Критика нигилизма.*—

1

Нигилизм как психологическое состояние должен наступать, *во-первых*, в результате поисков во всем происходящем «смысла», которого там нет: так что ищущий в конечном счете падает духом. Нигилизм тогда есть осознание долгой *растраты* силы, муку «тщетности», неуверенность, невозможность хоть как-то оправиться, чем-то утешиться — стыд перед самим собой, точно слишком долго *обманывал* самого себя... А вот чем мог бы этот *смысл* обернуться:

«исполнением» некоего высшего нравственного канона во всем происходящем, нравственным миропорядком; или приростом любви и гармонии в связях живых существ; или приближением к состоянию всеобщего счастья; или даже путем к всеобщему состоянию Ничто – цель всегда остается и смыслом. Общее для всех этих представлений: нечто *достигается* благодаря подобному процессу,– и вот теперь мы понимаем, что становление *ни к чему* не приходит, что *ничего* им не достигается... Отсюда разочарование в мнимой *цели становления* как причина нигилизма: разочарование в отношении какой-то совершенно определенной цели либо в принципе осознание несостоятельности всех прежних гипотез о целях, затрагивающих всё «мировое развитие» (– человек *уже не* сотрудник, тем паче не средоточие становления)

Нигилизм как психологическое состояние наступает, *во-вторых*, когда во всем происходящем и за всем происходящим предполагают *цельность*, *систематизацию*, даже *организацию*: так что жаждущая изумления и преклонения душа может упиваться целостным представлением какой-то высшей формы господства и управления (– если это душа логика, то для примирения со вселенной ей довольно уже одной только абсолютной последовательности и диалектики природы...). Род единства, некоторая форма «монизма»: и вследствие этой веры человек проникается глубоким ощущением сопричастности и зависимости от бесконечно превосходящего его целого, служит модусом Божества. «Благо всеобщего требует самоотдачи единичного»... но вглядись – *нет* никакого такого всеобщего! В сущности, человек утратил веру в свою ценность, раз через него не действует бесконечно ценное целое: иными словами, он измыслил такое целое, *чтобы суметь уверовать в собственную ценность*.

Нигилизм как психологическое состояние имеет еще *третью* и *последнюю* форму. *Понимание* двух этих вещей – что путем становления не достигают ничего и что за всем становлением не царит великое единство, в котором отдельный человек мог бы полностью потонуть как в стихии высочайшей ценности,– оставляет еще одну *лазейку*: осудить весь этот мир становления как обман и выдумать

другой мир, по ту сторону этого, в качестве *истинного* мира. Но как только человек догадывается, что тот мир состряпан только ради психологических потребностей и что он не имеет на то совершенно никакого права, тут же возникает последняя форма нигилизма, включающая *неверие в метафизический мир*,—запрещающая себе веру в *истинный* мир. С этой позиции реальность становления допускается как *единственная* реальность, человек запрещает себе любого рода вылазки в миры иные, к ложным божествам—но *не выносит и этого мира, который уже не отвергнуть*...

—Что, по сути дела, произошло? Было достигнуто ощущение *обесцененности*, как только стало ясно, что совокупный характер существования не может истолковываться ни понятием «*цели*», ни понятием «*единства*», ни понятием «*истины*». Ничего тем самым не получено и не достигнуто; за множественностью происходящего не кроется никакого всеобъемлющего единства; характер существования не «истинен», но *ложен*... и нет больше абсолютно никаких оснований внушать себе веру в какой-то истинный мир...

Короче: категории «цели», «единства», «бытия», которыми мы вкладывали в мир ценность, мы снова *извлекаем*—и вот уж мир смотрится *обесцененным*...

2

Допустим, мы осознали, почему этими *тремя* категориями нельзя больше *истолковывать* мир, и что после этого прозрения мир начинает для нас обесцениваться,—теперь мы должны задаться вопросом, *откуда* происходит наша вера в эти три категории—а что, если мы попытаемся отказать *им* в доверии? Удастся нам *обесценить* эти три категории—тогда доказательство их неприложимости ко вселенной уже не будет основанием *для обесценивания самой вселенной.*

* * *

Вывод: *вера в категории разума* есть причина нигилизма—мы сравнивали ценность мира с категориями, *которые относятся к чисто вымышленному миру.*

* * *

Заключительный вывод: все ценности, которыми до сих пор мы сначала пытались сделать мир ценным для нас и под конец тем самым и *обесценили*, когда они оказались неприменимы,—все эти ценности, при психологической ревизии, представляются результатами определенных перспектив их полезности для поддержания и усиления человеческих формаций господства: они лишь ложно *спроецированы* в саму сущность вещей. По-прежнему в ответе за это—*гиперболическая наивность* человека, объявляющего себя смыслом и мерой ценности вещей...

11 [100]
(352) Высшие ценности, в служении которым *надлежало* жить человеку, особенно когда они помыкали им самым тяжким и разорительным образом,—эти *социальные ценности*, с целью *усиления* их тона, будто бы речь шла о командах, отдаваемых Богом, некогда были возведены над человеком и названы «реальностью», «истинным» миром, надеждой и миром *грядущим.* Теперь, когда выясняется мещанское происхождение этих ценностей, вселенная кажется нам, как следствие, обесцененной, утратившей «смысл»... но это лишь *промежуточное состояние.*

11 [101]
Я вовсе не желаю участвовать в презренной комедии, которая еще и сегодня, в Пруссии особенно, разыгрывается под именем *философского пессимизма*; да и говорить-то о ней не вижу необходимости. Давно уже все должны были с омерзением отвернуться от того спектакля, что дает эта вялая обезьяна, господин фон Гартман: по-моему, на всяком, кто произносит это имя на одном дыхании с именем Шопенгауэра, *поставлен крест.*

11 [102]
(353) Не отворачиваться трусливо от собственных поступков! Не открещиваться потом от них... Угрызения совести непристойны.

11 [103]
(354) Пора, наконец, отставить человеческие ценности в угол, где им только и место: в качестве отставных ценностей. Уже исчезли многие виды животных; случись так, что и человек исчез бы, ничто в мире не изменилось бы. Надо быть в достаточной мере философом, чтобы восхищаться и *этим* ничто (—Nil admirari—).

11 [104]
(355) Если ясно представляешь себе «почему?» своей жизни, то легко смиряешься с ее «как?». Когда же на передний план выступает ценность удовольствия и страдания и находят отклик всевозможные гедонистически-пессимистические учения, это первый признак неверия в «почему?», в цель и смысл, это *нехватка воли*; самоотречение же, смирение, добродетель, «объективность» по меньшей мере *могут* служить первыми признаками того, что уже начала ощущаться нехватка главного.

Уметь поставить себе цель———

11 [105]

NB. плебей, мститель, *прялка отмщения*...

11 [106]

Не путать одно с другим: неверие как *неспособность верить* в принципе и, с другой стороны, как неспособность *все еще* верить во что-либо: последнее обычно симптом новой веры—

Неверию как неспособности присуще *неумение отрицать*—человек не в силах отбиться ни от Да, ни от Нет...

11 [107]

Праздность—мать философии. Так значит, философия—порок?..

11 [108]

Философ отдыхает иначе и в ином: например, он дает себе отдых в нигилизме. Вера в то, что никакой истины не существует, нигилистическая вера,—это превосходная разминка для того, кто в качестве воина позна-

ния неустанно сражается с истинами, сплошь безобразными. Ведь истина безобразна

11 [109]

Если вычесть из музыки драматическую музыку: хорошей музыки останется еще предостаточно

11 [110]

Мы тоже верим в добродетель: но это добродетель в ренессансном стиле, virtù, добродетель без примеси моралина.

11 [111]

(356) Как получается, что кредо психологии по решительно всем ключевым статьям оказывается грубейшей подтасовкой и вообще фальшивой монетой? «*Человек стремится к счастью*», например,—разве есть в этом хоть крупица истины? Чтобы уяснить, что такое жизнь, какова эта устремленность, эта напряженность, зовущаяся жизнью, определяющая ее формула должна быть применима не только к животным, но также и к деревьям, к растениям. «К чему стремится растение?»—но вот уже мы выдумали ложную единицу, которой в действительности не существует: факт играющего миллионами граней роста, включающего в себя индивидуальные и полуиндивидуальные инициативы, заслоняется и отметается нашей заведомо заданной неуклюжей единицей «растение». Что и последние, мельчайшие «индивиды» *не* могут пониматься в смысле «метафизического индивида» или атома, что сфера их власти постоянно смещается—это сразу же видно: но стремится ли каждый из них, испытывая подобные превращения, *к «счастью»*? Но всякое саморасширение, поглощение, разрастание есть стремление наперекор сопротивлению; движение по сути своей есть нечто связанное с состояниями страдания: движущая сила в данном случае должна хотеть чего-то иного, раз подобным образом хочет и постоянно ищет страдания. За что борются друг с другом деревья в лесной чаще? За «счастье»?—За *власть*...

Человек, ставший господином над природными силами, стал господином над своей собственной дикостью

и необузданностью: вожделения научились подчиняться, приносить пользу

По сравнению со своим предком человек представляет неимоверное количество *власти* — отнюдь не прибавку «счастья»: так как же можно утверждать, что он *стремился* к счастью?..

11 [112]
(357) *Высший* человек отличается от *низшего* тем, что не знает страха и смело бросает вызов несчастью: когда же получают верховенство евдемонические мерила ценности, — это уже признак *упадка* (— физиологическое утомление, обнищание воли —). Христианство со своей перспективой «блаженства» есть типичный образ мыслей для страждущей и обнищавшей разновидности человека: полноценная сила готова действовать, страдать, погибнуть в страдании: ханжеское христианское спасение звучит для нее дрянной музыкой, иератические ужимки вызывают у нее досаду

11 [113]
(358) *К психологии и теории познания*

Я отстаиваю феноменальный характер также и *внутреннего* мира: всё, *что нами осознается*, заранее насквозь упорядочено, упрощено, схематизировано, истолковано — *действительный* ход внутреннего «восприятия», *каузальное соединение* мыслей, чувств, желаний, равно как и субъекта и объекта, совершенно от нас сокрыто — и, быть может, не более чем плод воображения. Этот «видимый *внутренний* мир» обработан при помощи тех же форм и процедур, что и «внешний» мир. С «фактами» мы тут вообще не сталкиваемся: удовольствие и страдание суть позднейшие и производные интеллектуальные феномены...

От нас ускользает «причинностность»; допущение непосредственной причинной связи между мыслями, как оно делается в логике, — следствие грубейшего и самого неловкого наблюдения. *Между* двумя мыслями разыгрывается еще игра *всевозможных аффектов*: но движения эти слишком стремительны, потому мы их *не сознаем*, потому их *отвергаем*...

«Мышление», каким его постулируют теоретики познания, вообще не имеет места: это совершенно произвольная фикция, выведенная путем выделения одного элемента из процесса и вычитанием всего прочего, искусственный порядок ради пущей понятности...

«Ум», *нечто мыслящее*: по возможности «ум абсолютный, чистый, pur» — эта концепция есть второе производное следствие ложного самонаблюдения, верящего в «мышление»: здесь, *во-первых*, воображается действие, которое вообще не имеет места, «мышление», и, *во-вторых*, точно так же воображается в роли субстрата субъект, где берет начало каждый акт этого мышления, и ничто другое: *то есть как действие, так и деятель – лишь вымышленные фикции*

11 [114]

«хотеть» — *не значит* «желать», стремиться, томиться: от всего этого «хотеть» отличает *командный аффект*

никакого «хотеть» не бывает, бывает только — *хотеть чего-то*: нельзя вылущивать цель из этого состояния, как делают теоретики познания. «Хотение», в их понимании, не имеет места — как и «мышление»: это чистая фикция.

приказание о чем-то — вот что присуще хотению (это, естественно, не подразумевает какой-либо «эффектуации» воли ...)

Общее *состояние напряжения*, толкающее ту или иную силу искать своего высвобождения, — «хотения» не составляет

11 [115]

(359) В мире, который по сути своей фальшив, правдивость оказалась бы *противоестественной тенденцией*: таковая могла бы иметь смысл лишь в качестве средства для достижения особенно *высокой степени фальшивости*: чтобы мог быть вымышлен мир правды, мир сущего, сначала следовало создать правдивца (да так, чтобы и сам он считал себя «правдивым»)

Простой, прозрачный, внутренне непротиворечивый, непременный, верный себе, без скрытности, подта-

совок, завес, формальностей: человек такого сорта воображает мир бытия в виде «*Бога*» по собственному образу и подобию.

Чтобы правдивость была возможна, вся человеческая сфера должна быть чистой, маленькой, достойной: *преимущество* во всех смыслах должно доставаться правдивости.— Обман, коварство, притворство должны вызывать изумление..

Ненависть к обману и притворству от *гордости*, от задеваемого за живое чувства чести; но бывает она и от трусости: потому что обман запрещен. В случае человека *иного* склада никакое нравоучительное «не лги» не может справиться с инстинктом, которому постоянно требуется обман: свидетельство тому — *Новый Завет*.

11 [116]
(360) Есть люди, которые выискивают то, что не согласуется с моралью,— решив, будто найденное «неправильно», они думают, что данную вещь надо устранить, изменить. Я же, наоборот, не могу найти себе покоя, пока не удостоверюсь в *амофальности* той или иной вещи. Стоит мне до этого докопаться — и мое душевное равновесие восстановлено.

11 [117]
Раскованному духу, знающему танец как наиболее естественное движение и любящему лишь на цыпочках касаться любой реальности, ненавистно предаваться вещам скорбным

11 [118]
(361) *мы, гиперборейцы*

Мой вывод таков, что *реальный* человек представляет собой куда более высокую ценность в сравнении с человеком, считавшимся «желательным» с точки зрения любого прежнего идеала; что все «желательное» применительно к человеку было нелепой и опасной разнузданностью, при помощи которой отдельная разновидность людей хотела воздвигнуть над человечеством в качестве закона условия *своего* выживания и процветания; что все

приведенное к господству «желательное» такого происхождения вплоть и до сегодняшнего дня *понижало* ценность человека, его силу, его уверенность в будущем; что убогость и узколобость человека чаще всего разоблачают себя и сегодня, когда он *желает*; что способность человека устанавливать ценности до сих пор развита слишком слабо, чтобы воздать должное фактической, а не просто «желательной» *ценности человека*; что доныне идеал всегда был поистине очерняющей мир и человека силой, ядовитым налетом на реальности, великим *совращением, влекущим к ничто*...

11 [119]
(362) *К предисловию*

Я пишу о том, что наступает: надвигается нигилизм. Да, я в силах такое писать, раз тут начинается неизбежное; знаки начала повсюду, только глаз наш пока *не наметан*. Я не хвалю здесь, я не порицаю само *то*, что он наступает: по-моему, налицо один из величайших *кризисов*, момент *глубочайшего* опамятования человека: сможет ли он от него оправиться, сможет ли совладать с кризисом — вопрос его силы: такое *возможно*...

современный человек пробы ради верит то в одну, то в другую *ценность*, и снова ее бросает: круг отживших, брошенных ценностей становится все полней; все сильней ощущается *ценностное зияние и нищета*; движение это неудержимо — хоть и была предпринята попытка замедления с большим размахом —

Наконец, он решается на критику ценностей вообще; он *узнаёт* их происхождение; узнаёт достаточно, чтоб не верить ни в одну из них; воцарился *пафос*. Новый ужас...

То, что я расскажу,— история двух следующих столетий...

11 [120]
(363) Что между субъектом и объектом существует род адекватного соотношения; что объект, *рассмотренный изнутри*, оказывается субъектом,— все это благодушное измышление, которое уже отжило, по-моему, свой век. Ведь мера того, что нами вообще сознается, всецело зависит от

грубой выгоды осознания: разве позволит нам эта близорукая перспектива сознания высказать хоть слово о «субъекте» и «объекте», которым бы затрагивались реалии! —

11 [121]

(364) самую низшую и примитивную деятельность на уровне протоплазмы невозможно вывести из воли к самосохранению: ведь протоплазма бессмысленным образом вбирает в себя много больше, чем это диктуется нуждами самосохранения: и главное, вследствие этого она *не* «сохраняет себя», но *делится*... Инстинкт, господствующий здесь, должен объяснить как раз подобную охоту к само*не*сохранению: уже простой «голод» служит толкованием — пример несравненно более сложных организмов (— голод есть специализированная и позднейшая форма данного инстинкта, выражение разделения труда, служащего господству высшего, чем оно, инстинкта)

11 [122]

(365) — не то отличает *нас* от других, что мы не *находим* никакого Бога, ни в истории, ни в природе, ни за природой, — но что почитаемое за Бога мы ощущаем не как «божественное», но как святое юродство, как moutonnerie[1], как абсурдную и жалкую niaiserie[2], как принцип очернения мира и человека: короче, нас отличает то, что мы отрицаем Бога в роли Бога. Это верх психологической лживости человека — выдумать некую сущность для роли начала и «вещи в себе» по собственной убогой мерке того, что мнится добрым, мудрым, властным, ценным, — и при этом мысленно изъять *всю цепь причинности*, в силу которой только и существует и имеет цену какое-либо добро, какая-либо мудрость, какая-либо власть. Короче, определять начала более позднего и обусловленного происхождения не как возникшие, но как «вещи в себе», по возможности даже как причину всякого возникновения... Исходя из опыта, из любого случая, когда человеку удалось сколько-нибудь значительно подняться над меркой человечес-

---

1 Здесь: обезьянничанье (*фр.*).

2 Наивность (*фр.*).

кого, мы видим, что всякая высокая степень силы, власти включает в себя свободу от добра и зла, равно как и от «истинного» и «ложного», и не может давать отчет пожеланиям доброты: мы еще раз уясняем то же самое и на примере любой высокой степени мудрости — доброта здесь точно так же сбрасывается со счетов, как и правдивость, справедливость, добродетель и прочие народные пристрастия в ценностях. Наконец, любая высокая степень самой доброты: разве не ясно, что она уже заранее предполагает род духовной близорукости и приблизительности? то есть неспособность отличать на сколько-нибудь значительном расстоянии истинное от ложного, полезное от вредного? не говоря уж о том, что высокая степень власти в руках наивысшего добра привела бы к самым плачевным последствиям («ликвидация зла»)? Действительно, поглядите только, какие склонности внушает своим верующим «Бог любви»: ведь они разрушают человечество в угоду пресловутому «добру». На деле, перед лицом реального устройства мира, этот самый Бог выказал себя *Богом чудовищной недальновидности, чертовщины и бессилия*: из чего можно вывести, сколь велика ценность концепции такого Бога.

Ведь сами по себе знание и мудрость не имеют никакой ценности; то же самое относится и к доброте: всегда необходимо иметь перед собой сначала цель, с точки зрения которой и наделяются эти качества ценностью или ее антиподом — *вполне может найтись и такая цель*, с точки зрения которой предельная мудрость представляла бы наименьшую ценность (например, когда предельный обман служит одной из предпосылок усиления жизни; и равным образом, когда доброта способна сковать и ослабить пружины великих желаний...

Принимая нашу человеческую жизнь такой, как она есть, мы понимаем, что всякая «истина», всякая «доброта», всякая «святость», всякая «божественность» в христианском стиле выказали себя пока как великая опасность — человечеству еще и сегодня грозит опасность погибнуть от жизнеотрицающих идеалов

11 [123]
(366) Надвигается *нигилизм*

Нигилизм – это не просто умствования на тему «тщетно!», и не просто вера в то, что все достойно погибели: тут толкают, тут *губят*... Это, если угодно, *нелогично*: но нигилист и не верит в необходимость быть логичным... Это состояние присуще сильным умам и сильным волям, а для таких невозможно оставаться при Нет «суждения» – из природы их следует *Нет действия*. Уничтожение суждением подытоживается уничтожением своими руками.

11 [124]
(367) Если мы «разочарованы», то это касается не самой жизни, а того, что у нас открылись глаза на всякого рода «желательности». С насмешливым гневом глядим мы на то, что зовется «идеалом»: мы презираем себя лишь за то, что не способны в любой момент подавлять этот нелепый порыв, зовущийся «идеализмом». *Потачка себе* сильней гнева *разочарованного*...

11 [125]
(368) Младенческий лепет моралистов, считающих, что наше многослойное и сокровенное «я» способно быть *простым*; которые говорят «будь таким, как ты есть»: точно для этого не нужно сперва быть чем-то, что *есть*...

11 [126]
(369) IV. NB. *Избранный круг равных, «вытяжка», изоляция* –

11 [127]
(370) NB. против *справедливости*... Против Д. Стюарта Милля: меня ужасает его пошлость, гласящая: «что справедливо для одного, правильно и для другого; чего ты сам не хочешь и т.д., не причиняй того и другому»; которая все богатство человеческих отношений хочет основать на *взаимной повинности*, так что каждый поступок оказывается родом платежа за оказанную нам услугу. Налицо **неблагородная** в самом низком смысле слова *предпосылка*: для меня и для тебя здесь предполагается *ценовая эквивалентность поступков*; *наиболее личностная* ценность поступка здесь попросту аннулируется (то, что ничем не может

быть скомпенсировано и оплачено—). «Взаимность» есть величайшая пошлость; убеждение в том, что *никто* другой *не может* и *не вправе* сделать то, что *я* делаю; что нет и не может быть *никакой компенсации*—разве что в *элитарнейшей сфере* «мне равных», inter pares[1]; что если копнуть поглубже, то мы вообще никогда ничего не возвращаем, ибо и сами мы—нечто *разовое*, и все, что мы делаем, *делается лишь раз*,—вот коренное убеждение, которое содержит в себе причину **аристократического обособления от массы**, потому что масса верит в «равенство», а *следовательно*—в возможность компенсации и «взаимности».

11 [128]
(371) *Родственное чувство*—вот что связывает между собой детей одного народа: физиологически это родство тысячекрат сильней, нежели это обычно допускают. Язык, обычаи, общность интересов и судеб—все это ничто в сравнении со *способностью находить взаимопонимание* в силу общности предков.

11 [129]
упадок немецкого духа, шагающий в ногу с появлением ура-патриотизма и национализма—

11 [130]
Женщине не говорят о правдивости: призыв «будь такой, какая ты есть» для женщины означает почти полную противоположность того, что означает такое требование для мужчины

11 [131]
—не за веру свою горит он на медленном огне: но за то, что не может решиться на свою веру.

11 [132]
—человек, каким он *должен* быть: для нас это отдает такой же пошлостью, как, скажем, «дерево, каким оно должно быть»

1 Среди равных (*лат.*).

11 [133]
NB. *Превосходство* человека Греции, человека Ренессанса общепризнано — но такого человека понимают в отрыве от вызвавших его причин и условий: до сих пор отсутствует более глубокий взгляд на греков

11 [134]
«Вещи, имеющие некое свойство само по себе» — догматическое представление, с которым абсолютно необходимо порвать

11 [135]
К критике громких слов. — Я полон недоверия и злости ко всему, что называют «идеалом»: в этом *мой пессимизм* — он рожден осознанием всего значения «высоких чувств» как источника бедствия, а именно умаления и принижения ценности человека.

— люди всякий раз обманываются, ожидая «прогресса» от какого-нибудь идеала: до сих пор победа идеала всякий раз означала *движение вспять.*

— христианство, революция, отмена рабства, равноправие, филантропия, миролюбие, справедливость, истина: все эти громкие слова имеют ценность только в бою, в качестве штандартов: *не* как реальности, но как *лозунги*, служащие совсем иным вещам (и даже прямо противоположным!)

11 [136]
Критика громких слов

«свобода» ради *воли к власти*
«справедливость»
«равноправие»
«братство»
«истина» (в случае сект и т.д.)

11 [137]
«Растущая автономия индивида»: об этом толкуют все эти парижские философы вроде Фуйе: но они, должно быть, замечали лишь race moutonnière[1], к которой сами принадлежат!..

---

1 Овечью породу (*фр.*).

Да протрите же вы глаза, господа социологи будущего!

«Индивид» стал молодцом – среди *овец*: вы описываете предельное ослабление и захирение человека, вы даже сами хотите этого, для чего вам требуется весь аппарат лжи старого идеала! Вы принадлежите к *такой породе*, что свои потребности стадного животного действительно принимаете за *идеал*!

Полнейшее отсутствие психологической честности!

11 [138]

(372) *Происхождение идеала.* Исследование почвы, на которой он взрастает.

A. Исходя из «эстетических» состояний, в которых мир *видится* полней, круглей, *совершенней* – *языческий* идеал: здесь преобладает самоприятие, от буффона и далее
   – наивысший тип: *классический* идеал – выражение воспитанности *всех* основных инстинктов...
   – здесь снова наивысший стиль: *широкий размах* – выражение самой «воли к власти» (инстинкт, внушающий наибольший страх, *смело заявляет о себе*)

– человек отдает –

B. Исходя из состояний, в которых мир *видится* пустей, бледней, жиже, когда в ранг совершенного возводится «одухотворение» и отсутствие чувственности; когда тщательно избегают всего брутального, животно-непосредственного, к нам ближайшего: «мудрец», «ангел» (поповский = девственный = неведающий) как физиологическая характеристика подобных «идеалистов»..
   анемический идеал: при определенных обстоятельствах он может быть идеалом таких натур, которые сами *представляют собой* первый, языческий идеал (так, Гёте в Спинозе видел своего «святого»)

– человек вычитает, человек выбирает –

C. Исходя из состояний, в которых мы воспринимаем мир абсурдней, дурней, беднее, обманчивей, чем то, в чем можно чаять или желать идеала: проекция

идеала в сферу противо-естественного, противо-фактического, противо-логического. Состояние того, кто выносит подобное суждение (— «обеднение» мира как следствие страдания: *человек берет, человек уже не дает*—)

: противоестественный идеал

— человек отрицает, уничтожает —

(*Христианский идеал* является *промежуточной формой* между вторым и третьим, склоняясь то к одной, то к другой разновидности.)

три идеала

А. Либо	*усиление* (языческий)		
В. либо	*разжижение* (анемический)	жизни	
С. либо	*отрицание* (противоестественный)		

«обожествление» видят: в наивысшей полноте
в первостатейной избранности
в разрушении и презрении жизни

11 [139]

Степень напряжения, сопротивления, опасности, оправданного недоверия — уже приносятся в жертву человеческие жизни, и вероятность неудачи велика — но вопреки всему все же идут на риск: —

11 [140]

Стадные идеалы — ныне кульминирующие в качестве *наивысшей оценки* «социума»: попытка придать ему космическую, метафизическую ценность

против них отстаиваю я *аристократизм.*

Общество, сберегающее в себе такое *уважение* и *деликатность* в отношении свободы, должно ощущать себя исключением и встречаться с противящейся волей, от кото-

рой оно отталкивается, которой оно враждебно и на которую смотрит свысока

—чем больше уступаю я прав и становлюсь на одну доску с другими, тем больше я подпадаю господству людей наиболее посредственных и в конечном счете—наиболее многочисленных

—предпосылка, имеющаяся в аристократическом обществе ради поддержания между его членами высокой степени свободы, выражается в крайнем напряжении, возникающем из наличия у всех членов инстинкта *противоречия*: воли к господству..

11 [141]

если вы намерены устранить резкие противоречия и различия в рангах, то отмените и сильную любовь, высокие убеждения, чувство для-себя-бытия.

11 [142]

К *действительной* психологии общества свободы и равенства:

что убывает? Желание нести *индивидуальную ответственность*—признак упадка самостоятельности
умение защищаться и владеть оружием, в том числе в духовной сфере—способность отдавать приказы
чувство *благоговения*, сознание субординации, умение молчать.
великая страсть, великая задача, трагедия, непомраченность

11 [143]

Главы:

Критика громких слов.
О происхождении идеала

стадный идеал — Как добродетель приводят к господству.
Цирцея для философов.
аскетический идеал — Религиозный идеал.
Физиология идеала I, II, III

идеал господина — Политический идеал. «Наука»

идеал духовности

III *стадный идеал*
III идеал господина
I идеал противоестественности
II идеал духовности
I языческий идеал
III отшельнический идеал (Стоя и т.д.)
II идеал символизации

Таблица:
О происхождении идеала

A. идеал стадного животного
идеал животного-господина
идеал животного-отшельника
B. языческий идеал
идеал противоестественности
C. идеал символизации
идеал одухотворения
идеал господствующего аффекта

Критика громких слов.
истина.
справедливость.
любовь.
мир.
добродетель
свобода.
доброта
порядочность
гениальность
мудрость

11 [144]

Паскаль: le pire mal est celui, qu'on fait par bonne intention[1].

---

1 Наихудшее зло – то, которое совершается с благими намерениями (*фр.*).

11 [145]

Роль «сознания»

Важно не ошибиться насчет роли «сознания»: наши *отношения с «внешним миром» – вот что его формирует.* Напротив, *управление*, иначе говоря, попечение и забота, в отношении ансамбля телесных функций, *не* доходит до нашего сознания; точно так же, как и духовное *накопление*: едва ли можно сомневаться, что для этой цели существует некая высшая инстанция, род руководящего комитета, где подают голос и употребляют власть различные *архижелания*. «Удовольствие», «страдание» – все это мановения из этой сферры: ...как и *акт воли*. Как и *идеи*...

In summa: все сознаваемое подчиняется каузальным связям, целиком и полностью от нас скрытым – череда мыслей, ощущений, идей в сознании ничего не говорит о том, что последовательность эта является каузальной последовательностью: но *по видимости* она такова, причем более чем. На этой-то *видимости и построили мы все наше представление о духе, разуме, логике* и т.д. (всего этого не существует: все это вымышленные синтезы и единицы)... А после взяли да и спроецировали их обратно *на* вещи, *за* вещи!

Обычно *сознание* считают всеобщим сенсорием и высшей инстанцией: между тем оно не более как *средство сношения*: оно сформировалось в процессе общения, ради интересов общения... «Общение» обозначает здесь также воздействия внешнего мира и требуемые при этом от нас реакции; равно как и наши собственные действия, направленные *вовне*. Оно *не* руководство, но *орган руководства* –

11 [146]

Средства, благодаря которым сохраняется сильнейшая порода.

Признавать за собой право на исключительные поступки; как попытку самопреодоления и свободы

Ставить себя в такие условия, где нельзя *не* быть варваром

Всякого рода аскезой приобрести превосходство сил, уверенность в силе собственной воли.

Не откровенничать; хранить молчание; остерегаться миловидности.

Научиться повиновению, чтобы оно выдержало экзамен по самосохранению. До тончайших деталей блюсти казуистику чести.
Никогда не заключать: «что справедливо для одного, правильно и для другого»,—совсем наоборот!
Воздаяние, *дерзость* возвращать надо трактовать как привилегию, признавать отличительным знаком—
Не завидовать добродетели *других*.

11 [147]

Теория *сексуального влечения*: «желающие явиться на свет «homunculi» объединяют свое желание жить в коллективном желании, которое сознание замечает и принимает за свою *собственную* потребность»—
слова Ренана, *Хартли*, Фуйе, p. 217.

11 [148]

Приходит время, когда нам придется *расплачиваться* за то, что два тысячелетия мы были *христианами*: мы потеряли *точку опоры*, позволявшую нам жить,—какое-то время не знаем, что к чему и как быть. Мы ударяемся в *противоположные* прежним оценки с такой же энергией, с какой некогда были христианами,—с какой бессмысленное преувеличение христианской———

1) «бессмертная душа»; вечная ценность «личности»—
2) избавление, суд, оценка на «том свете»—
3) моральная ценность как верховная ценность, «спасение души» как кардинальный интерес—
4) «грех», «земное», «плоть», «удовольствия»—все это заклеймено «мирским».

Сегодня всё насквозь фальшиво, всё «фраза», беспорядочно, слабо или натужно

a) пытаются найти нечто вроде *земного избавления*, однако в таком же точно смысле *окончательного триумфа* истины, любви, справедливости: социализм: «равенство личности»
b) равным образом пытаются сохранить *моральный идеал* (предоставляя преимущество альтруизму, самоотвержению, отказу от своей воли)
c) пытаются сохранить даже «тот свет», хотя бы и под видом нелогичного «икса»: однако неизвест-

ное это тотчас обряжают таким образом, что из него снова можно извлекать разновидность метафизического утешения в старом стиле

d) пытаются вычитать в происходящем *божественное руководство в старом стиле*, награждающий, наказующий, воспитующий, ведущий к *лучшему* порядок вещей

e) как и раньше, верят в добро и зло, так что победа добра и уничтожение зла ощущается *поставленной задачей* (—вполне по-английски, типичный случай здесь—тупица Джон Стюарт Милль)

f) презрение к «естественности», вожделению, ego[1]: попытка даже высшую духовность и искусство понять как результат обезличения и désintéressement[2]

g) *церкви* пока дозволяется вторгаться во все существенные события и важнейшие моменты частной жизни, чтобы *освятить* их, придать им *высший смысл*: даром что у нас «христианское государство», христианский «брак»—

11 [149]

Законченный нигилизм

его симптомы: великое *презрение*
великое *сострадание*
великое *разрушение*

его кульминационный пункт: *некое учение*, которое бередит и будит жизнь, отвращение, сострадание и страсть к разрушению, преподносится как *абсолютное* и *вечное*

11 [150]

К истории европейского нигилизма

*Период **неведения***, разного рода попытки законсервировать старое и не пустить новое.

*Период **ясности***: становится *понятным*, что старое и новое—коренные противоположности: старые ценности рождены закатывающейся жизнью, новые—восходящей жизнью,—что знание природы и истории не оставляет нам уже подобных «надежд»,—что *все старые идеалы* враждебны

1 «Я» (*лат.*).

2 Личной незаинтересованности, отстраненности (*фр.*).

жизни (из декаданса рожденные и декаданс вызывающие, пусть даже и в нарядном воскресном платье морали),—старое мы *понимаем*, но для нового нам долгое время недостает сил.

Период **трех великих аффектов**
презрения
сострадания
разрушения
Период **катастрофы**
появление некого учения, которое *отсеивает* людей...
которое толкает к решениям слабых
и равным образом сильных

11 [151]

Понимание, которого *недостает* «свободным умам»: та же *дисциплина*, что только усиливает сильную натуру, даря ей способность к великим предприятиям, *сломит и погубит натуры посредственные*.

: сомнение
: la largeur de cœur[1]
: эксперимент
: независимость.

11 [152]

мое «будущее»

суровое политехническое образование

военная служба: ведь в среднем каждый мужчина из высших сословий является офицером, а уж кем там еще — его личное дело

11 [153]

Развратники и *распутники*: их удручающее влияние на *ценность вожделения*. Не что иное, как устрашающее варварство нравов, преимущественно в средние века, вынуждает к настоящему «союзу добродетели» — бок о бок с не менее устрашающими преувеличениями относительно того, чтó составляет *ценность* человека. Воинствующая

1 Душевная щедрость (*фр.*).

«цивилизация» (*обуздание*) нуждается во всех мыслимых оковах и пытках, чтобы устоять против страшного, против хищнической натуры.

Здесь путаница вполне естественна, хотя и влечет за собой самые скверные последствия: то, чего могут требовать от себя *люди власти и воли*, задает мерку и тому, что они вправе себе разрешить. Такие натуры—полная противоположность развратникам и распутникам: хотя и совершают при известных обстоятельствах такие поступки, которые изобличают скорей ничтожного человека, порочного и невоздержного плебея.

Здесь чрезвычайно вредит понятие «*равноценности* людей *перед Богом*»: налагается запрет на поступки и убеждения, которые сами по себе составляют прерогативу яркой, удавшейся натуры,—будто они по самой природе своей недостойны человека. Тенденция сильного человека огульно опорочена—выдвижением средств защиты слабейших (слабейших и по отношению к ним самим) в роли ценностной нормы.

Путаница заходит так глубоко, что как раз великие *виртуозы* жизни (чье самовластие являет разительнейший контраст развратникам и «распутникам») клеймятся самыми позорными именами. Еще и сегодня считают нужным порицать какого-нибудь Чезаре Борджа: курам на смех. Церковь предавала отлучению германских императоров за их пороки: точно монах или священник вправе был соваться со своим мнением о том, чего смел требовать от себя человек вроде Фридриха Второго. Дон Жуана отправляют в ад: замечательная наивность! Вы обратили внимание, что на небесах никого из интересных людей нет?.. Это так, намек бабенкам, где им легче всего найти свое счастье… Ведь если прикинуть сколько-нибудь последовательно и вникнуть поглубже: чтó же такое «великий человек», у нас не останется сомнений, что всех «великих людей» церковь отправляет в ад—она борется *против* всякого «величия в человеке»…

11 [154]

«Понятие чести»: покоящееся на вере в «порядочное общество», в рыцарские качества, в постоянную обязан-

ность выставлять себя напоказ. По существу: человек не должен слишком всерьез относиться к своей жизни; безусловно должен придерживаться самых уважительных манер со всеми, с кем соприкасается (по меньшей мере, если его собеседники не принадлежат к «нашему кругу»); не должен быть ни доверчивым, ни благодушным, ни смешным, ни скромным, кроме как inter pares[1]; *всегда выставлять себя напоказ...*

11 [155]

Новый Завет

Война против благородных и сильных, как ведется она в Новом Завете,—это война в духе *Рейнеке-лиса*, даже методы те же: только с изрядной дозой поповской елейности и с решительным отмежеванием, чтобы помнить о собственном лукавстве.

11 [156]

Принято говорить о «глубокой несправедливости» общественного договора: как будто сам факт того, что один родился в хороших условиях, а другой—в других, является несправедливостью; или вообще—что один родился с такими-то, другой—с иными качествами... С этим надо решительно бороться. Ложное понятие «индивид»—вот что приводит к подобной нелепости. Изолировать от человека обстоятельства, из которых он вырастает, и потом *втиснуть* его в них, а то и бросить словно «душевную монаду»—вот результат этой жалкой метафизики души. Никто не *придал* ему каких-либо качеств, ни Бог, *ни* его родители; никто не несет ответственности за то, что он *существует*, что он есть то-то и то-то, что находится в этих обстоятельствах... Нить жизни, которую он теперь собой воплощает, не выдернуть из ткани всего, что было и что должно быть: раз он не является результатом какого-то долгосрочного замысла, вообще какого-либо стремления к «идеалу человека», или «идеалу счастья», или «идеалу нравственности», то нелепо желание «свалить» бремя самого себя куда бы то ни было: точно *ответственность*—где-то вне нас.

---

1 Среди равных (*лат.*).

Бунт «страдальца» против
Бога
общества
природы
предков
воспитания и т.д.
воображает себе виды *ответственности* и *формы воли*, которых вовсе не существует. Не следует говорить о *несправедливости* в случаях, когда вообще нет ни малейших *предпосылок ни для справедливости, ни для несправедливости*. Что *некая* душа сама по себе равна *каждой* душе – или в принципе *должна быть* равной: вот гнуснейшая разновидность оптимистического фантазерства. Желательно как раз обратное – максимально возможная *непохожесть*, а значит трение, борьба, противоречие: и, к счастью, это желательное совпадает с *действительным*!

11 [157]
Стремление к *равным правам* и, в конечном счете, к *равным потребностям*, – почти неизбежное следствие нашей цивилизации торгашества и политической равноценности голосов – приносит с собой отторжение и медленное вымирание человека более высокого, рискованного, особенного склада, in summa *новейшего* человека: *эксперимент* как бы прекращается, наступает определенное затишье.

11 [158]
Пессимизм бунтаря (вместо «пессимизма негодования»)

11 [159]
К «*великому отвращению*»: *отчасти* от него страдая,
отчасти прямо его порождая
невро-католико-эротическая литература
французский литературный пессимизм: Флобер.
Золя. Гонкуры. Бодлер.
les dîners chez Magny[1]

---
1 Обеды у Маньи (*фр.*).

К «*великому состраданию*»
Толстой, Достоевский
«Парсифаль»

11 [160]

Истинная цивилизация, по Бодлеру, заключается в la diminution du péché originel[1]. Бодлер

11 [161]

Le Fransais est un animal de basse-cour si bien domestiqué, qu'il n'ose franchir aucune palissade[2]. Бодлер

C'est un animal de race latine: l'ordure ne lui déplaît pas, dans son domicile, et, en littérature, il est scatophage. Il raffole des excréments...[3] Бодлер

11 [162]

«Тартюф». Не комедия, но памфлет. Атеисту, окажись он случайно и человеком хорошего воспитания, придет в связи с этой пьесой мысль, что есть определенные трудные вопросы, которые никогда не следует отдавать в руки мошеннику. Бодлер

11 [163]

По поводу Петрония Бодлер говорит о ses terrifiantes impuretés, ses bouffonneries attristantes[4]

Нелепость – но симптоматично..

11 [164]

genus irritabile vatum[5]

---

1 Приуменьшении первородного греха (*фр.*).

2 Француз – животное с заднего двора, так славно одомашненное, что никогда не посмеет выйти за забор (*фр.*).

3 Это животное латинской породы: навоз в его жилище ему нипочем, а в литературе француз и вовсе скатофаг. Он с ума сходит по экскрементам (*фр.*).

4 Его ужасающих непристойностях, его удручающих буффонадах (*фр.*).

5 Раздражительных род песнопевцев (*лат.*).

11 [165]

подобно Трималькхиону, вытиравшему руки о волосы своих рабов..

11 [166]

livres vécus, poèmes vécus.[1]

11 [167]

Байрон: болтлив. Mais, en revanche, ses sublimes défauts, qui font le grand poète: la mélancholie, toujours inséparable du sentiment du beau, et une personnalité ardente, diabolique, un esprit salamandrin.[2]

11 [168]

«...il n'y a de grand parmi les hommes que le poète, le prêtre et le soldat: l'homme qui chante, l'homme qui bénit, l'homme, qui sacrifie et se sacrifie. Le reste n'est fait que pour le fouet...»[3]

11 [169]

«il n'y a de gouvernement raisonnable et assuré que l'aristocratique. Monarchie ou république, basées sur la démocratie, sont également absurdes et faibles».[4]

11 [170]

«avant tout être un grand homme et un saint pour soi même».[5]

---

1 Прожитые книги, прожитые стихи (*фр.*).

2 Но взамен – возвышенные изъяны, создающие великого поэта: меланхолия, всегда неотделимая от чувства прекрасного, и пылкая, дьяволическая личность, дух саламандра (*фр.*).

3 Нет среди людей великих, кроме лишь поэта, священника и солдата: человека поющего, человека благословляющего, человека, совершающего жертву и приносящего себя в жертву. Остальные созданы для кнута (*фр.*).

4 Нет способа правления столь же разумного и надежного, как аристократия. Монархия или республика, основанные на демократии, равным образом нелепы и слабы (*фр.*).

5 Прежде всего, для себя самого быть великим человеком и святым (*фр.*).

11 [171]

«Dieu est le seul être qui, pour régner, n'a même pas besoin d'exister».[1]

11 [172]

К теории «самоотдачи»...

L'amour, c'est le goût de la prostitution. Il n'est même pas de plaisir noble, qui ne puisse être ramené à la prostitution. L'ktre le plus prostitué, c'est l'être par excellence, c'est Dieu. Dans une spectacle, dans un bal chacun jouit de tous. Qu'est-ce que l'art? Prostitution

L'amour peut dériver d'un sentiment généreux: le goût de la prostitution. Mais il est bientôt corrompu par le goût de la propriété.[2]

11 [173]

De la féminéité de l'église comme raison de son omnipuissance.[3]

11 [174]

Что любовь напоминает пытку или хирургическую операцию. Что из двоих один всегда палач или хирург.

В чем величайшая сладость любви? — спросил кто-то в присутствии Бодлера. Один ответил: в том, чтобы получать. Другой: в том, чтоб отдавать себя. Первый говорил о сладострастии гордыни, второй — о сладострастии смирения (volupté d'humilité). Все эти orduriers[4] изрекались вполне в духе imitatio Christi. Наконец, нашелся один беззастенчивый утопист, который заявил, что величайшая

---

1 Бог — единственное существо, которому, чтобы править, не нужно даже существовать (*фр.*).

2 Любовь — это вкус к проституции. Нет ни одного благородного удовольствия, которое нельзя было бы возвести к проституции. Наиболее проституируемое существо — это наивысшее существо, а именно Бог. На спектакле, на балу каждый получает удовольствие от всех. Что такое искусство? Проституция...

Любовь можно выводить из чувства щедрости: любовь как вкус к проституции. Но ее скоро портит вкус к собственности (*фр.*).

3 О женственности церкви как причине ее всемогущества (*фр.*).

4 Похабности (*фр.*).

сладость любви – в том, чтобы создавать граждан для отечества.

Moi, je dis: la volupté unique et suprême de l'amour gît dans la certitude de faire *le mal*. Et l'homme et la femme savent, de naissance, que dans le mal se trouve toute volupté[1].

11 [175]

Мы любим женщин пропорционально тому, насколько они нам чужды. Aimer les femmes intelligentes est un plaisir de pédéraste.[2]

11 [176]

Худоба голей, непристойнее жира.

11 [177]

L'enthousiasme qui s'applique à autre chose que les abstractions est un signe de faiblesse et de la maladie.[3]

11 [178]

Молитва. Connais donc les jouissances d'une vie âpre et prie, prie sans cesse. La prière est réservoire de force.[4]

11 [179]

Народы делают всё возможное, чтобы у них не было великих людей. Поэтому, чтобы существовать, великому человеку нужна сила, которая превосходила бы силу сопротивления, исходящую от миллионов отдельных индивидов.

11 [180]

По поводу сна, aventure sinistre de tous les soirs[5], можно сказать: люди погружаются в сон со смелостью, кото-

---

1 Я же утверждаю: величайшая и неповторимая сладость любви основана на уверенности, что мы творим зло. И мужчина, и женщина знают с рождения, что вся сладость – в зле (*фр.*).

2 Любить умных женщин – удовольствие педераста (*фр.*).

3 Энтузиазм в отношении чего бы то ни было помимо абстракций – признак слабости и болезни (*фр.*).

4 Познай же радости жизни тернистой, и молись, молись неустанно. Молитва – источник силы (*фр.*).

5 Ежевечернего зловещего приключения (*фр.*).

рая была бы непостижима, если б не было известно, что рождает ее неведение опасности.

11 [181]

Эти корабли, красивые, величавые, едва заметно качающиеся на тихой воде, эти сильные суда, имеющие вид праздный и ностальгический,—разве не говорят они к нам на языке без слов: «когда ж отправимся мы pour le bonheur[1]?».

11 [182]

En politique, le vrai saint est celui, qui fouette et tue le peuple, pour le bien du peuple.[2]

11 [183]

Прекрасное, как понимает его Бодлер (*и* Рихард Вагнер—). Нечто пылкое и печальное, немного неуверенное, оставляющее место для догадки.

11 [184]

une tête séduisante et belle, une tête de femme, c'est une tête qui fait rêver à la fois, mais d'une manière confuse, de volupté et de tristesse; qui comporte une idée de mélancholie, de lassitude, même de satiété,—soit une idée contraire, c'est-à-dire une ardeur, un désir de vivre, associés avec une amertume refluante, comme venant de privation ou de désespérance. Le mystère, le regret sont aussi des caractères du Beau.[3]

---

1 За счастьем (*фр.*).

2 В политике истинный святой—тот, кто бьёт и губит народ ради блага народного (*фр.*).

3 Соблазнительная и прекрасная голова, женская головка, — она навевает, но лишь смутно, сладострастные и в то же время печальные мысли; она заключает в себе идею меланхолии, утомления, даже пресыщенности, — а то и противоположную, а именно идею пылкости и желания жить, сочетающихся с наплывом горечи, словно бы вызванной некоей утратой или отчаянием. Тайна, сожаление — все это тоже черты Прекрасного (*фр.*).

11 [185]

Красивой мужской голове не обязательно свойственна (разве что на взгляд женщины) та идея сладострастия, которая на женском лице проступает тем более притягательным вызовом, чем оно обыкновенно-меланхоличней. Но и мужской голове будет присуще нечто пылкое и печальное, признак духовных потребностей, амбиций, хранимых в темных закоулках души, идея власти, клокочущей в глубине, оставаясь без применения, иногда—идея d'une insensibilité vengresse[1], иногда—это наиболее интересный случай—таинственность, наконец—*le malheur*[2].

11 [186]

Auto-idolâtrie[3]. Поэтическая гармония характера. Эвритмия характера и способностей. Сохранять все способности. Заставлять все способности расти. *Культ.*

11 [187]

Что в женщине чарует и *в чем ее красота?*

l'air blasé, l'air ennuyé, l'air évaporé, l'air impudent, l'air froid, l'air de regarder en dedans, l'air de domination, l'air de volonté, l'air méchant, l'air malade, l'air chat, enfantillage, non-chalance et malice mêlées.[4]

11 [188]

В протестантских странах недостает двух вещей, совершенно необходимых благовоспитанному мужчине для счастья в жизни: la galanterie et la dévotion[5]

11 [189]

Упоительное в дурном вкусе: аристократическое удовольствие—*не нравиться.*

---

1 Мстительной бесчувственности (*фр.*).

2 Несчастность (*фр.*).

3 Поклонение себе самому (*фр.*).

4 Вид пресыщенный, вид скучающий, вид ветреный, вид бесстыдный, вид холодный, вид погруженности в себя, вид превосходства, вид готовности, злобный вид, болезненный вид, кошачий вид, ребячество, беспечность и лукавство, все вперемешку (*фр.*).

5 Галантности и благоговения (*фр.*).

11 [190]

Стоицизм, имеющий лишь одно таинство: самоубийство...

11 [191]

La femme est naturelle, c'est-à-dire abominable. Aussi est-elle toujours vulgaire, c'est-à-dire le contraire du dandy.[1]

11 [192]

Il y a dans tout changement quelque chose d'infâme et d'agréable à la fois, quelque chose, qui tient de l'infidélité et du déménagement.[2]

11 [193]

il y a des gens, qui ne peuvent s'amuser qu'en troupe. Le vrai héros s'amuse tout seul.[3]

11 [194]

Человек должен работать, если не в охотку, то хотя бы с отчаяния, поскольку, по зрелом размышлении,—не так скучно работать, как развлекаться.

11 [195]

Еще совсем ребенком я знал два противоречивых чувства своего сердца: l'horreur de la vie et l'extase de la vie. C'est bien le fait d'un paresseux nerveux[4].

11 [196]

Бодлер говорит о себе: «Рассуждать меня научили де Местр и Эдгар По»

---

1 Женщина естественна, а значит отвратительна. Кроме того, она всегда вульгарна, то есть прямая противоположность денди (*фр.*).

2 Во всякой перемене есть нечто постыдное и одновременно приятное: нечто, ассоциирующееся с неверностью и переездом (*фр.*).

3 Есть люди, способные развлечься лишь в толпе. Настоящий герой развлекается в одиночку (*фр.*).

4 Ужас перед жизнью и восторг перед жизнью. Вероятно, это симптом вялости нервной системы (*фр.*).

11 [197]

Смертная казнь: результат мистической идеи, сегодня совершенно непонятой. Смертная казнь не имеет целью sauver, materiellement[1], общество: она имеет в виду spirituellement sauver[2] как общество, так и виновного. Чтобы жертвоприношение совершилось по всем правилам, необходимы согласие и радость со стороны жертвы. Дать осужденному на смерть хлороформ было бы нечестием, поскольку это отняло бы сознание de sa grandeur comme victime[3] и лишило бы его шансов обрести рай.

Что касается пытки, то она уходит корнями в partie infâme du cœur de l'homme[4], в которой рождается жажда сладострастия. Cruaté et volupté[5], идентичные ощущения, как сильнейший жар и сильнейший холод.

11 [198]

Ce qu'il y a de *vil* dans une fonction quelconque.[6]

Un dandy ne fait rien. Vous figurez-vous un dandy parlant au peuple, excepté pour le bafouer?[7]

Есть лишь три достойных существа: священник, воин, поэт. Savoir, tuer et créer.[8]

Прочие люди – taillables ou corvéables, faits pour l'écurie, c'est-à-dire pour exercer ce qu'on appelle des professions[9].

11 [199]

La femme Санд была моралистом.

---

1 Спасти физически (*фр.*).

2 Духовно спасти (*фр.*).

3 Его величия – жертвы (*фр.*).

4 Позорную часть человеческого сердца (*фр.*).

5 Жестокость и сладострастие (*фр.*).

6 Что есть *низменного* в любой деятельности (*фр.*).

7 Денди ничего не делает. Вы представляете себе денди, обращающегося к народу, если только не ради того, чтоб над ним поглумиться? (*фр.*).

8 Спасать, убивать и творить (*фр.*).

9 Холопы и крепостные, рожденные для конюшни, то есть чтоб заниматься так называемыми профессиями (*фр.*).

—elle a le fameux *style coulant*, cher aux bourgeois.[1]

—elle est bête, elle est lourde, elle est bavarde.[2] В вопросах морали—та же глубина суждения, та же деликатность чувства, как у les concierges et les filles entretenues[3].

—наивная старушка, не желающая сходить со сцены

—она уговорила себя se fier à son *bon cœur* et à son *bon sens*[4], и уговорила других grosses bêtes[5] сделать то же.

—даже подумать не могу об этом stupide créature[6] без содрогания.

11 [200]

Мне скучно во Франции, потому что все тут—вылитые Вольтеры. Вольтер, или Антипоэт (Эмерсон забыл о нем), le roi des badauds, le prince des superficiels, l'anti-artiste, le prédicateur des concierges[7].

11 [201]

Вольтерова насмешка над бессмертной душою, что в течение девяти месяцев обретается между калом и мочой. Бодлер усматривает в подобном местоположении «une malice ou une satire de la Providence contre l'amour et, dans le mode de la génération, un signe du péché originel. De fait, nous ne pouvons faire l'amour qu'avec des organes excrémentiels»[8].

11 [202]

Дезинфекция любви церковью: брак

---

1 Ее знаменитый *гладкий стиль*, столь милый сердцу буржуа (*фр.*).

2 Она глупа, тяжела, многословна (*фр.*).

3 Консьержек и содержанок (*фр.*).

4 Довериться своему *доброму сердцу* и *здравому смыслу* (*фр.*).

5 Непроходимых глупцов (*фр.*).

6 Глупом создании (*фр.*).

7 Король ротозеев, князь недоучек, антихудожник, проповедник перед консьержками (*фр.*).

8 Злобную выходку или насмешку Провидения над любовью, а в способе продолжения рода—печать первородного греха. Ведь на деле мы не можем заниматься любовью иначе как органами, предназначенными для испражнения (*фр.*).

11 [203]

Дендизм. Что такое высший человек? Это точно не специалист. C'est l'homme de loisir et d'éducation générale. Être riche et aimer le travail.[1]

11 [204]

Что скучно в любви: это преступление, в котором нельзя обойтись без сообщника.

11 [205]

Si tu étais jesuite et révolutionnaire, comme tout vrai politique dout l'être ou l'est fatalement...[2]

11 [206]

Диктаторы – это les domestiques du peuple[3], не более; *слава* же – результат приспособления: l'adaptation d'un esprit a la sottise nationale[4] –

11 [207]

Что есть любовь? Потребность выйти из самого себя.

Человек есть un animal adorateur. Adorer c'est se sacrifier et se prostituer. Aussi tout amour est-il prostitution[5].

l'indestructible, éternelle, universelle et ingénieuse férocité humaine.[6] Любовь к крови, l'ivresse du sang, l'ivresse des foules[7].

---

1 Это человек, располагающий досугом и получивший общее образование. Быть богатым и любить трудиться (*фр.*).

2 Если б ты был иезуитом или революционером, как полагается или неизбежно выпадает каждому настоящему политику... (*фр.*).

3 Слуги народа (*фр.*).

4 Приспособления ума к национальной глупости (*фр.*).

5 Обожающее животное. Обожать – значит жертвовать и проституировать собой. Да и всякая любовь – проституция (*фр.*).

6 Неискоренимая, вечная, повсеместная и изобретательнейшая свирепость человеческая (*фр.*).

7 Упоение кровью, упоение толп (*фр.*).

11 [208]

NB. Défions-nous du peuple, du bon sens, du cœur, de l'inspiration et de l'évidence.[1]

Как можно пускать женщин в храм? Что за беседы они могут вести с Богом?

L'éternelle Vénus (caprice, hystérie, fantaisie) est une des formes séduisantes du diable.[2]

11 [209]

В любви l'entente cordiale[3] есть следствие недоразумения. Ce malentendu c'est *le plaisir*.[4] Пропасть остается незаполненной.

11 [210]

«Soyons médiocres!»[5] – Сен-Марк Жирарден, от страстной ненависти к le sublime[6].

11 [211]

Не следует приписывать правящим князьям заслуги и пороки народа, над которым они царствуют. Эти заслуги и пороки почти всегда входят в состав атмосферы *предыдущего* царствования.

Людовиком XIV наследуется народ Людовика XIII: gloire[7].

Наполеоном наследуется народ Республики: gloire.

Наполеоном наследуется народ Луи Филиппа: déshonneur[8].

---

1 Не станем доверять народу, здравому смыслу, сердцу, вдохновению или очевидности (*фр.*).

2 Вечная Венера (прихоть, истерия, фантазия) – одна из соблазнительных форм дьявола (*фр.*).

3 Сердечное согласие (*фр.*).

4 Это недоразумение – *удовольствие* (*фр.*).

5 Будем посредственными (*фр.*).

6 Возвышенному (*фр.*).

7 Слава (*фр.*).

8 Бесчестье (*фр.*).

11 [212]

Неистребимый вкус к проституции в сердце человека: отсюда его horreur[1] перед *одиночеством.*– Il veut être deux.[2]

Гений (l'homme de génie) veut être *un*, donc solitaire[3]

La gloire, c'est rester *un*, et se prostituer d'une manière particulière.[4]

11 [213]

C'est cette horreur de la solitude, le besoin d'oublier son *moi* dans la chair extérieure, que l'homme appelle noblement *besoin* d'aimer.[5]

11 [214]

De la nécessité de battre les femmes.[6]

11 [215]

По своей сути торговля есть нечто сатанинское. Le commerce, c'est le prêté-rendu, c'est le prêt avec le sous-entendu: Rends-moi plus que je ne te donne.[7]

– Дух каждого торговца совершенно vicié[8].

– Le commerce est naturel, *donc il est infâme*[9].

– Наименее гнусный среди торговцев – тот, кто говорит: будем добродетельны, так мы наживем гораздо больше, чем дураки, коснеющие в пороке. Для торговца даже честность – спекуляция с целью наживы.

---

1 Ужас (*фр.*).

2 Он хочет быть вдвоем (*фр.*).

3 Гениальный человек хочет быть *один*, а значит одиноким (*фр.*).

4 Слава – это уменье оставаться *в одиночестве* и проституировать себя особенным образом (*фр.*).

5 Именно этот ужас перед одиночеством, потребность забыть свое *я* в чужой плоти человек и называет на благородный манер *потребностью* любить (*фр.*).

6 О необходимости бить женщин (*фр.*).

7 В торговле нечто дается и берется взамен, но дается с молчаливой оговоркой: «Верни мне больше, чем я даю тебе» (*фр.*).

8 Порочен (*фр.*).

9 Торговля естественна, *следовательно, она позорна* (*фр.*).

—Le commerce est satanique, parce qu'il est une des formes de l'égoisme[1]—

11 [216]

Лишь благодаря недоразумениям все люди находят согласие. Если б они, на свою беду, понимали себя и других, то никогда бы не достигали взаимопонимания

Муж духа, то есть тот, кто никогда не достигнет взаимопонимания с каждым встречным, должен приучать себя любить общение с дураками и чтение скверных книг. Он извлечет из этого горькое наслаждение, которое с избытком вознаградит его за fatigue[2].

11 [217]

Функционер, министр—могут быть людьми, достойными самого высокого уважения: mais ils ne sont jamais divins[3]. Люди без собственного лица, создания, лишенные оригинальности, рожденные для выполнения определенной функции, а именно pour la domesticité publique[4].

11 [218]

Любая газета—свидетельство чудовищнейшей человеческой извращенности: un tissu d'horreurs[5]. И этим-то dégoûtant apéritif[6] приправляет свои завтраки цивилизованный человек. Tout, en ce monde, sue le crime: le journal, la muraille et le visage de l'homme[7]. Как можно без содроганья чистыми руками прикоснуться к газете?..

11 [219]

Sans la charité, je ne suis qu'une cymbale retentissante.[8]

---

1 Торговля—нечто сатанинское, потому что это одна из форм эгоизма (*фр.*).

2 Скуку (*фр.*).

3 Но в них нет ничего божественного (*фр.*).

4 Для служения обществу (*фр.*).

5 Паутина ужасов (*фр.*).

6 Тошнотворным аперитивом (*фр.*).

7 Все в этом мире пропотело преступленьем: газеты, стены, человеческие лица... (*фр.*).

8 Без любви я лишь кимвал звучащий (*фр.*).

11 [220]

Mes humiliations ont été des grâces de Dieu.[1]

11 [221]

e n'ai pas encore connu le plaisir d'un plan réalisé.[2]

11 [222]

Tout recul de la volonté est une parcelle de substance perdue.[3]

11 [223]

как Бодлер, который однажды кожей почувствовал над собой le vent de l'aile de l'imbécilité[4]

11 [224]

Pour guérir de tout, de la misère, de la maladie et de la mélancolie, il ne manque absolument que le *goût du travail*.[5]

11 [225]

«Ridentem ferient ruinae»[6] надписано на его портрете.

11 [226]

1

Что человечество призвано решить некую общую задачу, что оно как целое стремится к некой цели — это весьма расплывчатое и произвольное представление возникло совсем недавно. Быть может, от него удастся отделаться, прежде чем оно превратится в «идефикс»... Никакое оно не целое, это человечество: оно есть неразложимое мно-

---

1 Унижения мои были благодатью Божьей (*фр.*).

2 Я не знал еще удовольствия видеть какой-либо план осуществленным (*фр.*).

3 Всякий отток воли означает еще одну частицу потерянного вещества (*фр.*).

4 Дуновение от крыл слабоумия (*фр.*).

5 Чтобы исцелить от всего, от бедности, от болезни, от меланхолии, нужно только одно: *вкус к труду* (*фр.*).

6 Смеющегося сразят обломки (*лат.*).

жество восходящих и нисходящих жизненных процессов —у него нет никакой юности, за которой следовала бы зрелость и, под конец, старость. Все эти пласты лежат в беспорядке и вперемешку—так, через несколько тысячелетий могут по-прежнему существовать более юные типы человека, нежели те, что мы можем наблюдать сегодня. Декаданс, с другой стороны, принадлежит ко всем эпохам человечества: повсюду имеются отбросы, продукты разложения, это сам жизненный процесс в действии, выделение вырожденных образований и отходов.

2

Под диктатом христианского предрассудка *этот вопрос вообще не стоял*: смысл ограничивался спасением отдельной души; бо́льшая или меньшая долговечность всего человечества в целом просто не имела значения. Лучшие христиане желали, чтобы конец наступил как можно скорей—что́ требуется отдельному человеку, *не вызывало ни малейшего сомнения*... Задача, которая ставилась в настоящем для каждого в отдельности, считалась неизменной и для будущих поколений в любом возможном будущем: ценность, смысл, охват ценностей—были тверды, безусловны, вечны, едины с Богом... Все, что отклонялось от этого вечного типа, было греховным, дьявольским, про́клятым...

Центр тяжести для каждой души помещался в ней самой: спасение или проклятие! Спасение *вечной* души! Крайняя форма *самопоглощенности*... Для каждой души имелось лишь одно возможное совершенство; лишь один идеал; лишь один путь к искуплению... Крайняя форма *равноправия*, привязанная к оптическому эффекту преувеличения собственной важности вплоть до полного абсурда... До нелепости «важные» души, эгоцентричные от непомерного страха...

3

Теперь уж никто не верит в это абсурдное важничанье: и мудрость свою мы просеяли сквозь сито презрения. Несмотря на это, неколебимой осталась *оптическая привычка* искать ценность человека в приближении к *иде-*

альному человеку: по сути, мы сохраняем как *перспективу самопоглощенности*, так и *равноправие перед идеалом*. In summa: *считается* **известным**, что́ является *конечным желательным состоянием* в плане идеального человека...

Но эта уверенность — лишь следствие чудовищной *избалованности, вызванной* христианским идеалом: который мгновенно снова извлекается при самом робком исследовании «идеального типа». Считается известным, *во-первых*, что желательно приближение к одному типу; *во-вторых*, известно, вроде бы, также и какого рода этот тип; в-третьих — что всякое отклонение от этого типа есть попятное движение, торможение, утрата человеком своей силы и власти... Вообразить только ситуации, когда этот *совершенный человек* имеет неслыханное численное превосходство: столь высоко его не поднимали даже господа утилитаристы, не говоря уж о наших социалистах. Таким образом, кажется, что в развитие человечества привнесена некая *цель*: во всяком случае, вера в прогресс, в *поступательное движение к идеалу* — это единственная форма, в которой ныне мыслится какая бы то ни было *цель* в истории человечества. In summa: приход «**Царства Божия**» было перенесено в будущее, на землю, в человеческую сферу — но при этом по сути была сохранена вера в *старый* идеал...

11 [227]

Надо понять:

Что в выработке общего ценностного суждения постоянно участвовали все виды разложения и болезней: что в возобладавших ценностных суждениях декаданс даже получил перевес: что не только нам приходится бороться против последствий всего современного бедствия вырождения, но и что *весь* предшествующий декаданс не сказал еще последнего слова, то есть все еще *жив*. Такое общее отклонение человечества от своих основных инстинктов, такой общий декаданс ценностного суждения есть вопросительный знак par excellence, подлинная загадка, которую ставит перед философом животное по имени «человек» —

11 [228]
Главные разновидности пессимизма: пессимизм *чувствительности* (сверхвозбудимость с преобладанием чувства неудовольствия)

Пессимизм «*несвободной воли*» (иначе говоря, нехватка сил, тормозящих ответ на раздражители)

Пессимизм *сомнения* (робость перед всем твердым, перед всяким схватыванием или прикосновением)

все без исключения относящиеся сюда психологические состояния можно наблюдать в сумасшедшем доме, хотя в несколько преувеличенной форме. То же самое касается «нигилизма» (сверлящего ощущения «ничто»)
Но куда отнести *моральный пессимизм* Паскаля?
метафизический пессимизм философии веданты?
социальный пессимизм анархистов (или Шелли)?
сострадательный пессимизм (как у Толстого или Альфреда де Виньи)?

—разве все это не равным образом феномены разложения и болезни?.. Крайнее сверхсерьезное восприятие моральных ценностей, или вымыслов о «том свете», или социальных бедствий, или *страдания* вообще: всякое подобное *преувеличение отдельно взятой* точки зрения—уже само по себе признак заболевания. Равным образом и преобладание *Нет* над *Да*!

Но вот что не следует с этим путать: радость отрицать словом и делом от избытка чудовищной силы и напряженного жизнеутверждения,—присущую всем богатым силой людям и временам. Как бы роскошь; и равным образом форма смелости, противостоящей страшному; симпатия к пугающему и спорному, потому что и сами мы, среди прочего, пугающи и спорны: *дионисийское* в воле, духе, вкусе.

11 [229]

Леопарди роптал и имел на то причины: но именно поэтому и нельзя отнести его к типу законченного нигилиста.

11 [230]

J'écris pour une dizaine d'âmes que je ne verrai peut-être jamais, mais que j'adore sans les avoir vues.[1] Стендаль.

11 [231]

ок. 1844 г. Бодлер, тогда под влиянием Сент-Бёва (Жозефа Делорма), говорит... Сент-Бёв ему: «Vous dites vrai, ma poésie se rattache à la vôtre. J'avais goûté du même fruit amer, plein de cendres, au fond»[2].

11 [232]

Бодлер: («Volupté», l'histoire d'Amaury)
et devant le miroir, j'ai perfectionné
l'art cruel, qu'un démon, en naissant, m'a donné,
—de la douleur pour faire une volupté vraie,—
d'ensanglanter son mal et de gratter sa plaie.[3]

11 [233]

Concevoir un canevas pour une bouffonnerie lyrique—et traduire cela en un roman sérieux. Noyer le tout dans une atmosphère anormale et songeuse,—dans l'atmosphère des *grands jours*.—Que ce soit quelque chose de berçant et même de serein dans la passion.—Régions de la *poésie pure*.[4]–

---

1 Я пишу для доброй дюжины душ, которых, быть может, никогда не увижу, но, и не увидев, боготворю (*фр.*).

2 Вы правы, моя поэзия примыкает к вашей. В сущности, я изведал тот же горький, золой приправленный плод (*фр.*).

3 «Сладострастие», история Амори:
пред зеркалом искусство злое изощрил,
что при рождении мне демон подарил –
уметь из боли сладострастие творить,
кровавить зло его и рану бередить (*фр.*).

4 Набросать канву для лирической буффонады – и перевести это в серьезный роман. Утопить все это в неестественной, мечтательной атмосфере – в атмосфере *великих дней*. Пусть это будет нечто убаюкивающее и даже безмятежное в плане страсти. Пределы *чистой поэзии*... (*фр.*).

11 [234]

Дальнейшее развитие человечества по представлениям Бодлера. Мы, конечно, не приблизились к дикому состоянию, на манер désordre bouffon[1] южноамериканских республик, чтобы с оружием в руках искать себе пропитание среди обломков нашей цивилизации. Такое предполагало бы еще какую-никакую жизненную энергию. Механика настолько нас американизирует, прогресс настолько атрофировал в нас духовные составляющие, что позитивная действительность оставила позади все самое безумное, что грезилось когда-либо социалистам. Уже – ни религии, ни собственности; даже никакой революции. Не в политических институтах скажется всеобщий крах (ou le progrès universel[2]: названия мало что значат). Должен сказать, что та малость политики, что еще остается, se débattra péniblement dans les étreintes de l'animalité générale[3], и что политические гувернеры будут вынуждены, дабы сохранить самих себя и создать призрак порядка, прибегать к средствам, qui feraient frissonner notre humanité actuelle, *pourtant si endurcie*[4]! (Волосы встают дыбом!) Тогда сын сбежит из семьи двенадцати лет от роду, émancipé par sa précocité gloutonne[5], чтобы разбогатеть, чтобы составить конкуренцию своему подлому отцу, fondateur et actionnaire d'un journal[6], сеющей свет, и т.д. – Тогда даже проститутки станут глашатаями немилосердной мудрости, qui condamne tout, fors l'argent, tout, *même les erreurs des sens*[7]! Тогда всё, что мы называем добродетелью, будут считать уморительно смехотворным. Всё, что не есть ardeur vers Plutus[8]. Для

---

1 Шутовского хаоса (*фр.*).

2 Или всеобщий прогресс (*фр.*).

3 Будет мучительно отбиваться в кольце всеобщей животности (*фр.*).

4 От которых содрогнулась бы наша нынешняя человечность, *и так уже изрядно остервеневшая* (*фр.*).

5 Уже совершеннолетний по своей алчной скороспелости (*фр.*).

6 Став основателем и акционером какой-нибудь газеты (*фр.*).

7 Проклинающей все, кроме денег, решительно все, *даже ошибки чувств* (*фр.*).

8 Рвение к Плутосу (*фр.*).

граждан, не умеющих добиться успеха, справедливость будет заказана. —avilissement[1] —

Что касается меня—того, кто временами ощущает в себе всю смехотворность пророка,—то я хорошо знаю, что никогда не найду себе в этом la charité d'un médecin[2]. Потерянный в этом жалком мире, coudoyé par les foules[3], я подобен усталому путнику, который, оглядываясь назад, не видит ничего, кроме désabusement et amertume[4] долгих, пронзительных лет, а впереди—только бурю, в которой нет ничего нового, ни науки, ни боли. Le soir, où cet homme a volé à la déstinée quelques heures de plaisir[5]—однажды вечером, когда человеку этому случается украсть у судьбы часок удовольствия,—bercé dans sa digestion, oublieux autant que possible du passé, content du présent et résigné à l'avenir, enivré de son sang-froid et de son dandysme, fier de n'être pas aussi bas, que ceux qui passent, il se dit, en contemplant la fumée de son cigare: «Que m'importe, où vont ces consciences?»[6]—

11 [235]

Глоток бы чистого воздуха! Это абсурдное состояние Европы не может тянуться дальше! Есть ли хоть проблеск мысли за всем этим бараньим национализмом? Какую ценность может иметь сейчас, когда все указует на великие и общие интересы, подзуживание на это убогое себялюбие?... И это еще называется «христианским государством»! И свора придворных проповедников, пристроившихся к высшим кругам!.. И «новая империя», опять

---

1 Унижение (*фр.*).

2 Милосердия врачевателя (*фр.*).

3 Зажатый в толпе (*фр.*).

4 Разочарований и горечи (*фр.*).

5 Однажды вечером, когда этому человеку случается украсть у судьбы часок-другой удовольствия (*фр.*).

6 Убаюканный процессом пищеварения, забывший, насколько возможно, о прошлом, довольный настоящим и смирившийся с будущим, пьяный собственным хладнокровием и своим дендизмом, гордый тем, что не настолько низок, как проходящие мимо, он говорит себе, созерцая дым от своей сигары: «Какое мне дело до того, куда катится сознание этих людишек?» (*фр.*).

основанная на самых затасканных и презреннейших идеях, равенство прав и голосов...

И это в ситуации, когда бросается в глаза *духовная несамостоятельность* и стирание национального начала, и притом, что подлинная ценность и смысл теперешней культуры состоит как раз во взаимном сплаве и оплодотворении!

Хозяйственное объединение Европы наступит с необходимостью — и точно так же, как реакция, возникнет *партия мира...*

Борьба за первенство в фазе ни на что негодной: вся эта культура больших городов, газет, лихорадки и «бесцельности»

11 [236]

Партия *мира*, чуждая сентиментальности, которая себе и своим детям запрещает воевать; запрещает прибегать к суду; которая накликáет на себя противоборство, протесты, гонения; партия угнетенных, по крайней мере на время; в скором будущем — *великая* партия. Враждебная *чувствам мести и обиды.*

Партия войны, с такой же основательностью и строгостью к себе: применяя обратные меры —

11 [237]

Буддизм и христианство: борьба с ressentiment'ом.

11 [238]

Отмена «наказания». «Возмещение» вместо любых насильственных средств.

11 [239]

Первоначальное христианство есть *упразднение государства*:

оно запрещает клятву
военную службу
суды
защиту себя и защиту какой-либо целостности
различие между соплеменниками и чужаками; а также *сословный* строй

Пример Христа: он не противится тем, кто творит ему зло (он запрещает защищаться); он не защищается; он делает больше: «подставляет левую щеку» (на вопрос «ты ли Христос?» он отвечает «и отныне узрите и т.д.»)

–он запрещает ученикам его защищать; он ясно дает понять, что мог бы получить помощь, но не *хочет.*

–христианство есть, в частности, *упразднение общества*: оно отдает предпочтение всему, что обществом отвергнуто, оно поднимается из опороченных и осужденных, из всякого рода отребья, из «грешников», «мытарей» и блудниц, из самого темного народа («рыбаков»); оно чурается богатых, ученых, знатных, добродетельных, «правильных»...

11 [240]

К психологической проблеме **христианства**

Движущей силой остается: ressentiment, народное восстание, бунт обойденных жизнью

(с буддизмом все обстоит иначе: он *порожден* не *ressentiment'ным* движением. Он борется с ressentiment'ом, потому что тот побуждает к *действию*)

эта партия мира понимает, что *отказ от враждебности в помыслах и поступках* есть условие ее заметности и выживания

: в этом заключается психологическая трудность, которая воспрепятствовала понять христианство.

Создавший его инстинкт вынуждает к принципиальной борьбе с самим собой–

Лишь в качестве *партии мира и невинности* это восстание обретает шанс на успех: оно должно победить предельной мягкостью, медоточивостью, кротостью, его инстинкт понимает это–

В чем секрет: отрицать и осуждать инстинкт, выражением которого ты сам являешься, и непрестанно словом и делом выставлять напоказ противоположность этого инстинкта–

11 [241]

Право на жизнь, на труд, на счастье!!!

11 [242]

un doux rêve du «charmant docteur»[1]: Ренан

11 [243]

Христиане никогда на практике не поступали так, как предписал им Иисус: а вся бесстыдная болтовня о «вере», об «оправдании верой» и ее высшей и единственной роли — лишь следствие того, что у церкви никогда не хватало ни мужества, ни воли на то, чтобы исповедовать *деяния*, которых требовал Иисус.

11 [244]

Буддист поступает иначе, нежели небуддист; *христианин поступает, как все*, он исповедует христианство церемоний и *настроений* —

11 [245]

Глубокая и презренная лживость христианства в Европе: мы действительно заслуживаем презрения со стороны арабов, индусов, китайцев... Послушать только речи первого лица немецкого государства о том, что́, собственно, занимало Европу вот уже сорок лет... послушать только, что́ говорит этот тартюфствующий придворный проповедник

11 [246]

— не противиться «злу»...

Но если не верить в добро и зло — что тогда это может означать?

11 [247]

— Ветхое право, которое противится злу и платит злом за зло, и новое, которое не платит, не защищается

11 [248]

— Еще лучше, *когда за все дурное платят добром* и уже — невзирая на лица

---

1 Милая мечта «очаровательного учителя» (*фр.*).

11 [249]

Иисус *отрицает* церковь, государство, общество, искусство, науку, культуру, цивилизацию

Все мудрецы в свое время так же отрицали ценность культуры и государственной машины.–

Платон, Будда,

11 [250]

Храм этот надлежит разрушить и через три дня воздвигнуть другой.

11 [251]

За всю жизнь я ни мгновения не был христианином: все, что мне довелось встретить под видом христианства, я рассматриваю как *презренную двусмысленность слова*, настоящую *трусость* перед лицом всех господствующих сил...

Христиане всеобщей воинской повинности, парламентаризма и права голоса, газетной культуры – и среди всего этого толкующие о «грехе», «искуплении», «загробной жизни», крестной смерти – долго ли можно выдержать в этаком нечистоплотном хозяйстве!

11 [252]

Никто из вас не решится убить человека, даже высечь или сделать меньшее – но невообразимое безумие государства одолевает отдельного человека, так что он *снимает с себя* ответственность за то, что делает (дисциплина, присяга и т.д.)

– Все, что *делает* человек на службе у государства, идет вразрез с его природой...

– точно так же, все, чему он *выучивается* ради будущего служения государству, идет вразрез с его природой

Это достигается благодаря *разделению труда*: так что никто больше не несет *всей* ответственности.

: законодатель и исполнитель закона

: учитель дисциплины и муштрованные до жестокости и бесчувствия люди

Государство как *организованное насилие*...

11 [253]

Что Иисус сказал нечто таинственно-мистическое, такое, что трудно понять, что можно понять только с помощью веры:

11 [254]

«Что у людей *высоко*, то мерзость перед Богом»

11 [255]

Интеллектуальное состояние Европы: наше *варварство*

презренная и жалкая нелепость воззрения о личном бессмертии человека: точка зрения, которую, похоже, переросли индусы, иудеи, китайцы

вера в Бога.

11 [256]

Войти в жизнь *истинную*—

—*свою личную жизнь спасают от смерти, живя жизнью всеобщей*—

11 [257]

—*церковь* есть именно то, против чего агитировал Иисус—и против чего учил бороться своих учеников—

11 [258]

—*взаимность*, задний умысел получить компенсацию за труд: одна из каверзнейших форм принижения ценности человека. Она приносит с собой «равенство», которым пропасть *дистанции* обесценивается как нечто *аморальное*...

11 [259]

—у нас нет права ни на жизнь, ни на труд, ни даже на «счастье»: в этом смысле индивид ничем не превосходит простейшего червя.

11 [260]

—«что делать, чтобы уверовать?»—нелепый вопрос.

11 [261]

Чего недостает в христианстве, так это соблюдения всего, что Христос заповедовал *делать*.

Это жизнь mesquine[1], но истолкованная взглядом презрения

11 [262]

Бог создал человека счастливым, праздным, невинным и бессмертным: наша действительная жизнь—это фальшивое, падшее, греховное бытие, род штрафного существования... Страдание, борьба, труд, смерть в роли возражений и вопросительных знаков в адрес жизни расцениваются как нечто неестественное, нечто такое, что не должно продолжаться; против чего ищут спасительные средства—и *находят*!..

11 [263]

От Адама до наших дней человечество находилось в ненормальном состоянии: Бог даже отдал собственного сына за вину Адама, дабы положить конец этому ненормальному состоянию: естественный характер жизни есть *проклятие*; Христос возвращает тому, кто в него верует, нормальное состояние: он делает его счастливым, праздным, невинным. Но земля не начала приносить плоды сама по себе, без труда человеческого; женщины по-прежнему рожают детей в страданиях; болезни не прекратились: и беззаветно верующему в этом смысле приходится ничуть не лучше, чем абсолютно неверующему. Только то, что человек избавлен от *смерти* и от *греха*—утверждения, не допускающие никакой проверки,—лишь это с тем большей определенностью утверждает церковь. «Он избавлен от греха»—не своими собственными деяниями, не суровой борьбой с собой, но будучи *выкуплен деянием Спасителя*,—безгрешен, следовательно, достиг совершенства, невинности, райского состояния...

Истинная жизнь—лишь вопрос веры (то есть самообман, бредовая идея). Всё борющееся, бьющееся, полное блеска и тьмы реальное существование—лишь дурное,

1 Мещанская (*фр.*).

фальшивое существование: задача в том, чтобы *спастись* из него.

11 [264]

Религия *исказила* понимание жизни: всегда превращала науку и философию в ancillae[1] этого учения...

Можно верить или не верить в Бога, в Христа, в Адама: в любом случае сходятся в том, что жизнь — лишь *обман*, нечто неистинное, нереальное —

11 [265]

Жизнь дурна: но не от нас зависит изменить ее к лучшему. Изменения исходят из законов, которые за пределами нашей власти. Детерминизм науки и вера в подвиг искупления в этом плане опираются на одно и то же основание.

Едины они и в том, что признают за человеком *право на счастье*, что по этой мерке осуждают теперешнюю жизнь —

11 [266]

Все спрашивают: «почему жизнь не такая, какой нам хочется, и *когда* же станет она такой?»

11 [267]

NB. NB. «человек, невинный, праздный, бессмертный, счастливый» — эту концепцию «наивысшей желательности» следует раскритиковать в первую очередь.

Почему вина, труд, смерть, страдание (*и*, говоря по-христиански, *познание*...) — *против* наивысшей желательности?

Подозрительные христианские понятия «блаженства», «невинности», «бессмертия» — — —

11 [268]

«Воцарение мира между людьми»: как наивысшее мыслимое благо: Царство Божие

---

1 Служанок (*лат.*).

11 [269]

будьте в мире со всем светом, ни на кого не смотрите так, будто он пустое место или вроде как не в своем уме! Когда мир нарушен, делайте все, чтобы вновь его восстановить. Почитание Бога целиком и полностью состоит в искоренении вражды между людьми. Примиряйтесь при малейшем споре, дабы не потерять внутреннего мира, который есть *истинная жизнь*. Что прежде всего омрачает мир? Во-первых, плотское вожделение: против этого единоженство, причем нерасторжимое. Второе искушение – клятва: она увлекает человека ко греху: никому и ни при каких обстоятельствах не приносите клятвы, дабы не иметь над собой господина, подобного Богу. Третье искушение – месть, называющая себя справедливостью: сносите несправедливости и не воздавайте злом за зло! Четвертое искушение – различение между соплеменниками и чужаками; ни с кем не нарушайте мира по причине вашей национальности и происхождения!

Исполнение этих пяти заповедей принесет состояние, к которому стремится человеческое сердце: все братья друг другу, каждый в мире с каждым, каждый наслаждается благами земными до самой своей кончины...

Лк. IV, 18

«лето Господне благоприятное» – слова умиления, сошедшие с его уст –

11 [270]

прав человек ни на что не имеет; он только имеет обязательства за благодеяния, оказанные ему, и потому он не должен ни с кем судиться. Отдав даже всю свою жизнь, он все-таки не может отдать того, что ему было дано, и потому господин его не может быть несправедлив к нему. Если же человек заявляет права на свою жизнь, судится с началом всего, с тем, что дало ему жизнь, то этим он только показывает, что он не понимает *смысла* жизни. Люди, получив благодеяние, *требуют* еще чего-то. Работники в притче жили праздно, несчастливо: хозяин дает им высшее счастье жизни – труд. Они принимают благодеяние, но потом по-прежнему остаются недовольны. Они пришли на работу со своим ложным учением о том,

что имеют право на свой труд и, стало быть, заслуживают *вознаграждения.* Они не понимают того, что и так даром получили самое высшее благо, что им надо выказать за это свою признательность—а *не* требовать платы. Мф. XX, I; Лк. 17, 5, 10.

Учение—в отречении от личной жизни: а вы просите личной славы,—личной награды... Только в миру есть слава и личная власть; но вы, ученики Мои, должны знать, что истинный смысл жизни не в личном счастье, а в служении всем, в унижении перед всеми... Христос не приказывает им верить: он учит их истинному различению добра и зла, важного и вторичного...

Петр не понимает учения: отсюда отсутствие у него веры. Только в плане личной жизни важно *вознаграждение пропорционально работе.* Вера в вознаграждение за работу по мере работы есть следствие теории *личной жизни...*

11 [271]

Вера не может произойти от доверия к его словам: вера происходит только от *осознания своего положения.* Нельзя возбудить веру обещанием наград и угрозой наказания—та вера, которая «горы сдвигает», может зиждиться только на сознании нашей неизбежной погибели, если не принимается нами спасение, все еще возможное для нас...—жизнь *по воле хозяина*—

11 [272]

От Матфея 21, 18

—поутру же, возвращаясь в город, взалкал; и увидев при дороге одну смоковницу, подошел к ней и, ничего не нашед на ней, кроме одних листьев, говорит ей: да не будет же впредь от тебя плода вовек. И смоковница тотчас засохла. Увидевши это, ученики удивились и говорили: как это тотчас засохла смоковница?—

11 [273]

Пять заповедей: не сердитесь; не прелюбодействуйте; не клянитесь; не защищайтесь насилием; не ходите войной: может случиться, что вы не исполните какого-нибудь из этих правил, нарушите его так же, как вы нарушае-

те теперь в минуты увлечения ту или иную статью гражданского кодекса или кодекса приличия. Но в спокойные минуты не делайте того, что вы теперь делаете: *устраивайте* жизнь не такую, при которой столь трудной задачей оказывается не сердиться, не прелюбодействовать, не клясться, не защищаться насилием, не ходить войной,— *устраивайте лучше такую жизнь, при которой трудно бы было это делать*!

11 [274]

Для этой-то вашей нынешней жизни,— обращается Толстой к неверующим, к нам, философам,— vous n'avez actuellement aucune règle, sauf celles, qui sont rédigées par des hommes que vous n'estimez pas et mises en vigueur par la police. La doctrine de Jésus vous donne ces règles, qui, assurément, sont d'accord avec votre loi, parceque votre loi de «l'altruisme» ou de la volonté unique n'est pas autre chose qu'une mauvaise paraphrase de cette même doctrine de Jésus.[1]

Толстой, ma religion[2]. *Москва*, 22 января 1884

11 [275]

Никакого Бога, умершего за грехи наши; никакого искупления верой; никакого воскресения из мертвых— всё это фабрикация фальшивой монеты из доподлинного христианства, ответственным за которую нужно признать того рокового упрямца;

Примерную жизнь составляют любовь и смирение; сердечная щедрость, не обходящая вниманием и самых низших; буквальный отказ от стремления сохранить за собой какие-либо права, отказ от защиты, от победы в смысле личного триумфа; вера в блаженство здесь, на земле, вопреки нужде, сопротивлению и смерти; миролюбие, отсутствие гнева, презрения; нежелание получать

---

1 У вас теперь и нет никаких правил, кроме тех, которые пишутся неуважаемыми вами людьми и приводятся в исполнение полицейскими. Учение Христа дает вам такие правила, которые наверно сходятся с вашим законом, потому что ваш закон альтруизма или единой воли есть не что иное, как дурная перифраза того же учения Христа (*фр.*).

2 Моя вера (*фр.*).

вознаграждение; воздержание от клятв; духовно-умственная неподвластность никому и ничему; это весьма гордая жизнь, подчиненная стремлению к жизни в бедности и служении другим.

После того как церковь не упустила случая завладеть *всем христианским поведением* и напрямую освятила жизнь в государстве, ту самую жизнь, которую Иисус оспаривал и осуждал, *смысл* христианства ей пришлось переместить в иную плоскость — *веры* в невероятное, церемониала молитвы, культа, праздника и т.д. Понятия: «грех», «прощение», «наказание», «награда» — всё имевшее мало значимости и даже практически *исключенное* в первоначальном христианстве, теперь выходит на передний план.

Жуткая мешанина греческой философии и иудаизма; аскетизм; нескончаемые суды и приговоры; иерархическая лестница; — — —

11 [276]

Если непонятно, что церковь — не просто карикатура на христианство, но и вообще — организованная *война против христианства*: — — —

11 [277]

Толстой, р. 243

«La doctrine de Jésus ne peut pas contrarier en aucune façon les hommes de notre siècle sur leur manière d'envisager le monde; elle est d'avance d'accord avec leur métaphysique, mais elle leur donne ce qu'ils n'ont pas, ce qui leur est indispensable et ce qu'ils cherchent: elle leur donne le chemin de la vie, non pas un chemin inconnu, mais un chemin exploré et familier à chacun.»[1]

p. 236

L'antagonisme entre les explications de l'Église, qui passent pour la foi, et la vrai foi de notre génération, qui

---

1 Учение Христа не спорит с людьми нашего мира о их миросозерцании; оно вперед соглашается с ним и, включая его в себя, дает им то, чего у них нет, что им необходимо и чего они ищут: оно дает им путь жизни и притом не новый, а давно знакомый и родной им всем (*фр.*).

consiste à obéir aux lois sociales et à celle de l'État, est entré dans une phase aiguë, et la majorité des gens civilisés n'a pour régler sa vie que la foi dans le sergent de ville et la gendermerie. Cette situation serait épouvantable, si elle était complètement telle; mais heureusement il y a des gens, les meilleurs de notre époque, qui ne contentent pas de cette religion, mais qui ont une foi toute différente, relativement à ce que doit être la vie des hommes. Ces hommes sont considérés comme les plus malfaisants, les plus dangeureux et principalement le plus incroyants de tous les êtres: et pourtant ce sont les seules hommes de notre temps croyant à la doctrine évangélique, si ce n'est pas dans son ensemble, au moins en partie... Souvent même ils haïssent Jésus... On aura beau les persécuter et les calomnier, ce sont les seuls, qui ne se soumettent point sans protester aux ordres du premier venu; par conséquent, ce sont les seuls à notre époque, qui vivent d'une vie raisonnée, non pas de la vie animale; ce sont les seuls, qui aient de la foi.[1]

11 [278]

NB. Нельзя достаточно надивиться человеку, как посмотришь на его умение пробиться, выстоять, выгодно использовать обстоятельства, повергать противников;

---

1 Раздвоение между объяснением веры, которое названо верою, и самою верою, которая названа общественною, государственною жизнью, дошло теперь до последней степени, и все цивилизованное большинство людей осталось для жизни с одной верой в городового и урядника. Положение это было бы ужасно, если бы оно вполне было таково. Но, к счастью, и в наше время есть люди, лучшие люди нашего времени, которые не довольствуются такою верою и имеют свою веру в то, как должны жить люди. Люди эти считаются самыми зловредными, опасными и, главное, неверующими людьми, а между тем это единственные верующие люди нашего времени и не только верующие вообще, но верующие именно в учение Христа, если не во все учение, то хотя бы в малую часть его... Часто даже они ненавидят Христа... Как бы ни гнали этих людей, как бы ни клеветали на них, но это единственные люди, не покоряющиеся безропотно всему, что велят, и потому это – единственные люди нашего мира, живущие не животною, а разумною жизнью, – единственные верующие люди (*фр.*).

напротив, стоит понаблюдать, чего и как он *желает*, и он покажется нам нелепейшей бестией... Ему словно нужна арена для упражнений в трусости, лености, слабости, льстивости, низкопоклонстве, чтобы дать отдых своим добродетелям силы и мужества: вот они, *желательные* для человека вещи, его «идеалы». Человек *желающий* отдыхает от вечноценного в себе, от своей деятельности: на ничтожном, нелепом, никчемном, ребяческом. Скудоумие и отсутствие всякой находчивости у этого столь изобретательного и изворотливого животного ужасает. «Идеал» есть как бы пеня, выплачиваемая человеком за чудовищную трату сил, которую ему необходимо покрыть во всех действительных и настоятельных задачах. Когда реальность пресекается, на смену ей грядет сон, утомление, слабость: «идеал» и есть форма сна, утомления, слабости... Самые сильные и самые беспомощные натуры ничем не отличаются друг от друга, когда находит на них это состояние: они *обожествляют* это *прекращение* труда, борьбы, страстей, напряжения, противоречий, «*реальности*» in summa... прекращение борения за познание, *тягот* познания

невинность: так называют они идеальное состояние отупения

блаженство: идеальное состояние лени

любовь: идеальное состояние стадного животного, которое не хочет больше иметь врагов

тем самым всё, что человека унижает и портит, было возведено в *идеал*.

11 [279]

Иисус противопоставлял действительную жизнь, жизнь по правде — тогдашней обычной жизни: ничто не было ему столь чуждо, как неуклюжая бессмыслица какого-нибудь «Петра навеки», какого-то вековечного личного бессмертия. Он ведь и борется не с чем иным, как с надутой важностью «личности»: как же может он для *нее* хотеть вечности?

Равным образом, борется он и с иерархией внутри общины: он не обещает наград по мере заслуги: как же мог он иметь в виду наказания и награды в загробной жизни!

11 [280]

Я не знаю, против чего иного могло быть направлено восстание, зачинщиком которого является Иисус, если не против иудейской церкви,—понимая «церковь» в точно таком же смысле, какой вкладывается в это слово теперь... Это было восстание против «добрых и праведных», против «святых Израиля», против общественной иерархии—*не* против ее порчи, но против тирании касты, обычая, формулы, порядка, привилегии, духовной гордыни, пуританства в духовной сфере,—то было неверие в «высших людей» в духовном смысле слова, приведшее здесь к возмущению,—посягательство на всё, составлявшее суть священника и богослова. Однако поставленная всем этим под сомнение иерархия была той сваей, на которой только и держался народ иудейский, была с трудом завоеванной *последней* возможностью уцелеть, реликвией его давнего обособленного политического существования: нападение на иерархию означало нападение на глубочайший народный инстинкт, на волю иудейского народа к самосохранению. Этот святой анархист, призвавший к противодействию «господствующему сословию» подлый люд, отверженных и «грешников»,—речами, которые еще и сегодня кого угодно довели бы до Сибири,—был политическим преступником, насколько политическое преступление вообще было возможно при данных обстоятельствах. За то и попал он на крест: свидетельство этому—надпись на кресте: царь иудейский. Нет ни малейших оснований вместе с Павлом утверждать, будто Иисус умер «за грехи других»... он умер за свой собственный «грех». Поставленный в иные условия, попав, например, в сегодняшнюю Европу, такого рода человек жил бы, учил и рассуждал как нигилист: в этом случае мы также услыхали бы рано или поздно от приверженцев его партии, что учитель умер ради справедливости и любви человека к человеку—не из-за своей вины, но из-за *нашей* (—вины ныне правящих классов: поскольку правление уже само по себе почитается у анархистов за вину).

11 [281]

Павел, инстинктивно угадав потребности неиудеев, перевел те великие символы первоначального христиан-

ского движения в нечто осязаемое и несимволическое: во-первых, противоположность *истинной* и *ложной* жизни он переделал в противоположность земной и небесной, потусторонней жизни, мостиком к которой служит смерть (—он соотнес их с движением времени, в виде «теперь» и «некогда»—). Попутно он черпал из чистого язычества, откуда и позаимствовал *личное бессмертие*—нечто столь же антихристианское, как и антииудейское. Но по всему миру, где только были тайные культы, верили в это загробное существование, причем виделось оно под углом зрения награды и наказания. Это омрачение язычества тенью возмездия за вину на том свете было как раз тем, с чем боролся, например, Эпикур... Ухищрение Павла состояло в раздувании веры в то, что Христа снова видели уже после смерти (то есть факта *коллективной галлюцинации*), до масштабов богословской логики, как будто бессмертие и воскресение были *коренными фактами* и как бы замковым камнем спасительного порядка Иисуса (—для этого потребовалось все *учение* и *практику* старой общины поставить с ног на голову)

В этом ***юмор*** *происшедшего*, трагический юмор: Павел с большим размахом влил силы во все, что Христос жизнью своей свел на нет. В конечном счете, когда сложилась церковь, она принимает под свое крыло даже *существование государства*...

11 [282]

NB.: наивный зачаток своего рода буддийского *мирного движения*, прямиком из самого горнила ressentiment'а... но превращенный Павлом в учение языческих мистерий, каковое в конечном счете научается ладить со всем *государственным устройством*... и ведет войну, осуждает, пытает, клянется, ненавидит.

Павел исходит из потребности в мистериях больших толп, охваченных религиозным возбуждением: он ищет *жертвы*, кровавой фантасмагории, которая выдержала бы спор с личинами тайных культов: Бог на кресте, испитие крови, unio mystica[1] с «жертвой»

---

1 Мистическое единение (*лат.*).

он пытается установить каузальную связь *загробного существования* (блаженной, искупленной загробной жизни отдельно взятой души) в форме воскресения с этой *жертвой* (по типу Диониса, Митры, Осириса)

он вынужден выдвинуть на передний план понятие *вины* и *греха*, *не* новый образ жизни (какой показывал и проповедовал сам Иисус), но новый культ, новую веру, веру в чудесное превращение («искупление» верой)

он понял *великую потребность языческого мифа* и произвел совершенно произвольную выборку из фактов жизни и смерти Христа, повсюду заново расставил акценты, сместил центр тяжести... он в принципе *аннулировал* первоначальное христианство...

Посягательство на священника и богослова вылилось, благодаря Павлу, в создание нового духовенства и богословия — *господствующего* сословия, а также и *церкви*

Посягательство на непомерно раздутую важность «*личности*» вылилось в веру в «вечную личность» (в заботу о «спасении навек»...), в парадоксальнейшее преувеличение личностного эгоизма.

Видите, что произошло вместе со смертью крестной? Демоном «дисангелия» предстает *Павел*...

11 [283]

Это чтобы **вред** от человека служил достаточным *доводом* против него?.. Будто среди великих покровителей жизни не было великих преступников!..

Животных мы не тревожим своими пожеланиями; природу тоже; а вот людей мы решительно хотим видеть иными...

Самых необычайных людей — при условии, что их формирование потребовало бы воли, принятия решений, своего рода голосования, — вовек не стали бы создавать...

Но вот что мне стало понятно: если бы формирование великих и редкостных людей поставить в зависимость от согласия многих (принимая, что эти последние *знали* бы, какие качества относятся к величию, а также за счет чьих непомерных издержек развивается всякое величие), — так вот, это никогда не помешало бы значительному человеку...

Что ход вещей определяется *независимо* от согласия большинства: вот почему кое-что изумительное проскользнуло-таки на землю...

11 [284]

В Марокко узнаешь средневековье; на Корсике — иудейскую и арабскую истории в момент их предельной концентрации; в Аравии — патриархальную эпоху; — — —

11 [285]

Чувствовать прилив сил — иными словами, *радость*, — это всегда предполагает сравнение (причем *не* обязательно с другими, но с самим собой, когда ты весь в состоянии роста, и даже не *знаешь*, с чем сравниваешь —)

— *искусственная* стимуляция: посредством ли возбуждающих химикатов, или же возбуждающих заблуждений («бредовых представлений»)

например, чувство *уверенности*, свойственное христианину. Он чувствует себя сильным, имея возможность доверять, быть терпеливым, не терять самообладания: этой искусственной стимуляцией он обязан бредовой идее, будто Бог его бережет

например, чувство *превосходства*, когда, халиф Марокко разглядывает лишь такие глобусы, на которых три его соединенных королевства занимают четыре пятых земной поверхности

например, чувство *исключительности*, когда, европеец воображает, будто развитие культуры вершится именно в Европе и когда он самому себе кажется своего рода аббревиатурой всего мирового процесса; или когда христианин заставляет всю жизнь вообще вращаться вокруг «спасения человека» —

Важно то, где мы испытываем давление, несвободу: в зависимости от этого рождаются разные чувства *собственной силы*. Философ чувствует себя как рыба в воде, упражняясь среди ледяных заоблачных абстракций: тогда как цвета и звуки его угнетают, не говоря уж о смутных влечениях — о том, что другие зовут «идеалом».

11 [286]

Морфология видов *самосознания*:

Первая точка зрения

А: в какой мере *виды сочувствия* и *сознания общности* являются низшими, подготовительными ступенями – во времена, когда личное самосознание, инициатива в установлении ценности, присущая особи, была еще совершенно невозможна

В: в какой мере *уровень коллективного самосознания*, гордость в радиусе клана, ощущение своего отличия, антипатия к посредничеству, равноправию, миролюбию является школой *индивидуального самосознания*: особенно, в какой степени она заставляет индивида *воплощать собой* гордость целого... Он должен говорить и действовать с предельным уважением к самому себе, поскольку в своем лице изображает всю общину..

то же самое: когда индивид ощущает себя *орудием и рупором божества*

С: в какой мере эти формы *нивелирования* действительно придают личности неслыханную значимость: поскольку высшие силы пользуются ими, религиозный страх перед самим собой – состояние пророка, поэта...

D: в какой мере ответственность за целое *прививает* и *позволяет* особи более широкий взгляд, наделяет сильной и грозной рукой, благоразумием, хладнокровием и величавостью, которые она никогда бы себе не разрешила только ради себя самой

In summa: коллективные виды самосознания служат великой подготовительной школой личной суверенности

благородное сословие – то, которое получает в наследство плоды этой тренировки –

11 [287]

Понятие власти, будь то Бога или человека, всегда одновременно со способностью *приносить пользу* включает и способность *вредить*. Так у арабов; так у евреев. Так у всякой яркой, удачной расы.

Роковой шаг совершается, когда *дуалистически отделяют* способность на одно от способности на другое... Так мораль становится отравительницей жизни...

11 [288]

Друзья мои, сегодня в этом «государстве» уже нужно ползать на всех четырех и вопить по-ослиному: нужда заставляет морочить этой «чуме» голову, притворяясь ослом, — единственный способ самому не заразиться этим безумием

11 [289]

Ева — это змея: она занимает вершину библейской генеалогии (вообще у евреев довольно часто встречаются «змеиные» имена собственные)

11 [290]

Смысл обрезания — первостепенное испытание мужественности (*аттестат зрелости*, только после этого можно жениться): у арабов оно называется «обдиранием». Обряд проходит под открытым небом: юношу обступают отец и друзья. Обрезальщик достает нож и, срезав крайнюю плоть, снимает также и всю кожу с *члена* (срамных частей) и живота от пупа до самых бедер. Юноша при этом потрясает зажатым в правой руке ножом над спиной обрезальщика и восклицает: «режь, не бойся!». Горе, если обрезальщик заколеблется и рука его дрогнет! Отец же на месте убьет собственного сына, если тот вскрикнет от боли. Наконец, юноша затягивает подобие gloria Deo и отправляется в палатку, где от боли падает как подкошенный. Кое-кто погибает от чудовищного нагноения, из десяти зачастую в живых остается восемь: у этих нет волос на лобке, а кожа живота белесая. (племя *гасир*)

11 [291]

...уравнение «варвар = необрезанный» — настолько же арабское, как и иудейское

11 [292]

Христианство не поняло смысла обедни, этого communio[1] плотью и питьем, которые естественным путем пресуществляются в плоть и кровь —

---

1 Причащения (*лат.*).

Всякая общность есть кровная общность. Это общность не только врожденная, но и приобретенная; точно так же как и кровь есть не просто нечто врожденное, но и нечто приобретаемое. Кто ест и пьет друг с другом, тот обновляет кровь свою из одного и того же источника, вливает в свои жилы одну кровь. Чужак и даже враг, который делит с нами трапезу (пусть и без нашего согласия или вообще против нашей воли), благодаря этому принимается в общность нашей плоти и крови, по крайней мере, на время.

11 [293]

Совместное испитие крови — древнейший способ заключения и скрепления союза. Сотрапезничество означает сакральную общность. Животное, дающее кровь союза, является жертвой; через всякую жертву и осуществляется заключение союза.

11 [294]

«Христианство» сделалось чем-то в корне отличным от того, что вершил и хотел его основатель

это великое *антиязыческое движение* древности, сформулированное на материале жизни, учения и «речений» основателя христианства, но в абсолютно *произвольной* интерпретации по схеме *в корне отличавшихся потребностей*: переведенное на язык всех уже имевшихся *подпольных религий* —

это пришествие пессимизма, в то время как Иисус желал принести мир и счастье для агнцев

: причем — пессимизма слабых, побежденных, страждущих, угнетенных

их смертельный враг — 1) *власть* в характере, духе и вкусе; «светскость»; 2) классическое античное «счастье», благородное легкомыслие и скепсис, несгибаемая гордость, эксцентричная распущенность и холодная самодостаточность мудреца, греческая утонченность жестов, слов и форм,— их смертельный враг настолько же *грек*, как и *римлянин*.

Попытка *антиязычества* философски обосновать себя и сделать приемлемым: нюх на двусмысленных пер-

сонажей старой культуры, прежде всего — на Платона, этого инстинктивного антиэллина и семита… Также на стоицизм, который по сути является созданием семитов («достоинство» как суровость, закон, добродетель как величие, ответственность перед самим собой, авторитет как высшая личная суверенность — всё это по-семитски:

стоик — арабский шейх, повитый эллинскими пеленками и понятиями

11 [295]

Христианство с самого начала перетолковало все символическое в *грубореалистическом смысле*:

1) противоположность «истинной жизни» и жизни «ложной» была превратно понята как жизни «на этом» и «на том свете»
2) понятие «вечной жизни», в противоположность бренности личной жизни, — как «личное бессмертие»
3) побратимство через совместное вкушение пищи и питья, по еврейско-арабскому обычаю, — как «чудо пресуществления»
4) «воскресение» — в значении вступления в «жизнь истинную», «возрождения» — стало: некой исторической возможностью, вступающей в силу когда-то там после смерти
5) учение о сыне человеческом в значении «сына Божьего», живая связь между человеком и Богом — стало: «вторым Лицом Божества», ее-то и *упразднившим* — сыновнюю связь с Богом каждого человека, даже самого низкого
6) искупление верой, верой в то, что нет иного пути к сыновству Божьему, кроме проповеданного Христом *образа жизни*, — стало, наоборот, верой, что теперь надо верить в некое чудесное *погашение грехов*, причем совершенное не самим человеком, но деянием Христовым

: в результате: «Христос на кресте» требовал нового истолкования.

Сама по себе эта смерть вовсе *не* была главным… она служила лишь еще одним указанием на то, как следует вес-

ти себя по отношению к властям и законам мира — *не защищаясь... В этом и заключался пример.*

Христианство просто подхватило ту борьбу, которая и до него велась против *классического* идеала, против *благородной* религии

Фактически, все это *преобразование* есть перевод на уровень потребностей и понимания тогдашней *религиозной массы*: той массы, которая веровала в Исиду, Митру, Диониса, «Великую Мать» и которой от религии требовались

1) надежда на загробную жизнь
2) кровавая фантасмагория жертвенного животного, «мистерия»
3) искупительное *деяние*, священная легенда
4) аскетизм, мироотрицание, суеверное «очищение»
5) иерархия, форма построения общины

короче: христианство подстраивается под уже существующее, внедрившееся всюду *антиязычество*, под культы, с которыми вел борьбу еще Эпикур... точнее, под *религии черни*: *женщин*, *рабов*, **неблагородных** *сословий.*

Подытожим *лжепонимания*:

1) бессмертие личности
2) мнимый мир *иной*
3) нелепые понятия греха и наказания на самом видном месте в истолковании человеческого существования
4) обезбожение человека вместо его *о*божения, разверзание глубочайшей пропасти, преодолеть которую может помочь лишь чудо, лишь поклон глубочайшего самоуничижения
5) целый мир порченого воображения и болезненного аффекта вместо простой, доброжелательной жизни, вместо на земле достижимого буддийского счастья...
6) церковный строй, с духовенством, богословием, культом, таинствами; короче, всё то, против чего Иисус Назарянин *боролся*
7) *чудо* во всем и вся, суеверие: в то время как отличительной чертой иудаизма и древнейшего христианства является как раз *антипатия* к чуду, их относительная *рациональность*

11 [296]

Journal des Goncourt I

«Бог à l'américaine[1], который является Богом очень по-человечески: он носит очки и о нем можно встретить заметки в бульварной прессе» — Бог на фотографии —

...она выспрашивает новости о вашей душе: «ну что, посетила вас благодать?», точно осведомляется: «у вас насморк?»

Жубер: его мыслям недостает французской определенности. Нет ни ясности, ни прямоты. Отдает малой женевской школой: мад. Неккер, Траси, Жуффруа. *Дрянной* Сент-Бёв — оттуда же. Жубер обтачивает идеи, словно du buis[2].

— время от времени мы испытываем потребность d'un encannaillement de l'esprit[3]

— его речам недостает вольного мазка; сплошь милые, маленькие, робкие вещи (о Сент-Бёве)

— разве древние подражали какой-то прекрасной реальности? что если они вообще не были «идеалистами»?

— они искали *нуля*, чтобы удесятерить свою ценность

— в ранней юности, когда вся живость экспансии во внешний мир *замирает* из-за великого одиночества —

«в синагоге чувствуешь себя как на Востоке, в царстве счастливой религии. Своего рода фамильярность с Богом, никакой молитвы, не то что в христианской церкви, где всегда чего-то тщетно домогаются...»

«Четыре синдика» *Рембрандта*; «Мученичество святого Марка» *Тинторетто* — прекраснейшие на свете картины в глазах Гонкуров.

---

1 По-американски (*фр.*).

2 Бук, самшит (*фр.*).

3 В одичании духа (*фр.*).

Английский комфорт — замечательное понимание того, что́ нужно для довольства плоти, только это такое блаженство, что подходит скорее слепцу: глазам от него — никакой радости.

NB: rien de si mal écrit qu'un beau discours.[1]

В «Саламбо» Флобер показывает себя во всей красе — напыщенный, высокопарный, мелодраматичный, любитель густых красок

— единственный, кто раскопал язык, которым только и можно говорить о древних временах: Морис де Герен в «Кентавре»

— народ не любит ни истину, ни простоту: ему по нраву романы и шарлатаны.

Весьма примечательно, что четыре мужа les plus purs de tout métier et de tout industrialisme, les quatre plumes les plus entièrement vouées à l'art[2] предстали прямиком перед судом police correctionelle[3]: Бодлер, Флобер и Гонкуры.

Мы уже удесятерили скорость всех средств сообщения: но одновременно стократ выросла наша потребность в быстроте...

Je hais tout ce qui est *œur* imprimé, mis sur du papier[4]. Гаварни.

Признаки порчи древних цивилизаций: находить радость в одних лишь творениях человека и à s'embêter des œuvres de Dieu[5].

---

1 Ничто не бывает написано столь же скверно, как красноречивое рассуждение (*фр.*).

2 Абсолютно не запятнанных никакой профессией или промыслом, четыре пера, всецело преданных искусству (*фр.*).

3 Исправительной полиции (*фр.*).

4 Я ненавижу все, что является напечатанным, запечатленным на бумагу *сердцем* (*фр.*).

5 Приходить в раздражение от творений Бога (*фр.*).

мы — le siècle des chefs-d'œuvre de l'irrespect[1].

блаженство в алжирском сиянии, этот льстивый свет: так вдыхаешь непомраченность...

Французская mélancolie contemporaine, une mélancolie non *suicidante*, non blasphématrice, non désespérée: une tristesse, qui n'est pas sans douceur et où rit un coin d'ironie[2]. Меланхолии Гамлета, Лары, Вертера, даже Рене — это всё меланхолии *северных* народов вроде нас самих.

Тип 1830-го: энергичные черты, кроткое выражение, мягкий, приветливый смех; привычен к сече, к благородной борьбе, к пылким симпатиям, к безоговорочному одобрению молодой аудитории; и при этом, в сущности, преисполненный скорби и раскаяния безутешного, разбитого сердца; политические идеи 1848-го снова на миг зажгли в нем лихорадочный жар. Вслед за тем мысли и чаяния его затянуло скукой и праздностью. Выдающийся ум, терзающийся мирной ностальгией по идеалу в политике, литературе, искусстве, вполголоса сетующий и на одном себе вымещающий зрелище несовершенства всего в подлунном мире.

В современном своде законов, в гражданском кодексе честь забыта настолько же основательно, как и la fortune[3]. Pas un mot de l'arbitrage de l'honneur[4]: дуэли и т.д. Что касается la fortune в наши дни, qui est presque toute[5] в биржевые операции, [dans les opérations de bourse], de courtage, d'agiotage, de coulisse ou d'agences de change[6], то абсолютно ничего не предусмотрено для его охраны и защиты: нет никакой регламентации de ces trafics jour-

1 Век шедевров неуважения (*фр.*).

2 Меланхолия наших дней, меланхолия не *самоубийственная*, не богохульная, не отчаянная: печаль, не лишенная сладости, с незаметной усмешкой иронии (*фр.*).

3 Состояние (*фр.*).

4 Ни слова о суде чести (*фр.*).

5 Которое почти целиком уходит (*фр.*).

6 Брокерство, биржевую игру, махинации черной биржи и вексельные операции (*фр.*).

naliers[1]; суд некомпетентен в вопросах любых биржевых сделок; маклер не выдает никакой reçu[2].

Лабрюйер: «on peut se servir des coquins, mais l'usage en doit être discret»[3].

Как только хватает у кого-то мужества обращаться к театральной публике? Пьесу оценивает masse d'humanité réunie, une bêtise agglomérée[4]... (Книгу же выслушивают в одиночестве –)

«Если ты добр, то кажешься трусом: надо быть злым, чтобы слыть мужественным»: тема для Наполеона III

«Хорошую местность вокруг себя я почувствую скорее à la campagne[5], чем в чистом поле или в глухом лесу». Мы слишком цивилизованны, слишком стары, слишком влюблены во все factice и artificiel[6], чтобы находить радость в зелени земли и небесной синеве.

Флобер туда же: horreur[7] на Риги.

Литература XX века: сумасшедшая и одновременно математически точная, аналитически-фантастическая: вещи важнее живой души, теперь они выходят на передний план; с любовью покончено (уже у Бальзака на авансцену выходят деньги): истории, которые она рассказывает, происходят скорее в головах, чем в *сердцах.*

Ces désespérances, ces doutes, non de nous, ni de nos ambitions, mais du moment et des moyens, au lieu de nous abaisser vers les concessions, font en nous, plus entière, plus

---

1 Для этих повседневных спекуляций (*фр.*).

2 Расписки (*фр.*).

3 Услугами мошенников пользоваться можно, только осторожно (*фр.*).

4 Сплоченная людская масса, конгломерат тупости (*фр.*).

5 На даче (*фр.*).

6 Деланное и искусственное (*фр.*).

7 Кошмар (*фр.*).

intraitable, plus hérissée, la *conscience littéraire.* Et, un instant, nous agitons si nous ne devrions pas penser et écrire absolument pour nous, laissant à d'autres le bruit, l'éditeur, le public. Mais, comme dit Gavarni: on n'est pas parfait[1].

Journal des Goncourt I, p. 147.

café как рудиментарное состояние: веселья на сорок сантимов, может чуток газа (gaz exhilarant[2]) впридачу: une demi-tasse de paradise[3]

Гаварни: это ужасно, но так и есть, vénération[4] во мне — ни на грош. (зато sensitivité[5] —)

Флобер: de la forme naît l'idée[6], высшая формула школы, согласно Теофилю Готье

il faut à des hommes comme nous, une femme peu élevée, peu éduquée, qui ne soit que gaieté et esprit naturel, parce que celle-là nous réjouira et nous charmera ainsi qu'un agréable animal, auquel nous pourrons nous attacher.[7]

Время, когда все мужчины будут читать, а все женщины — играть на фортепьяно, будет знаком того, что мир

---

1 Эти отчаяния, эти сомнения — не в нас самих и не в наших устремлениях, но в выборе момента и средств, — вместо того чтобы унизить нас до уступок порождают в нас самое что ни на есть цельное, неуступчивое, колючее *литературное сознание.* И в какой-то момент мы задумываемся, а не следует ли нам размышлять и писать только для самих себя, предоставив другим всю эту шумиху, издателей, публику. Но, как говорит Гаварни, нет в мире совершенства (*фр.*).

2 Веселящего газа (*фр.*).

3 Полчашки рая (*фр.*).

4 Почтения (*фр.*).

5 Чувствительности (*фр.*).

6 Из формы рождается идея (*фр.*).

7 Таким людям, как мы, нужна женщина менее воспитанная, менее образованная, которая вся была бы — одна веселость и естественность духа, потому что именно такая женщина очарует и ублажит нас словно какое-нибудь ласковое животное, к которому мы легко можем надолго привязаться (*фр.*).

дошел до полного разложения; он вычеркнул из памяти слова из завещания кардинала Ришелье: «ainsi qu'un corps qui auroit des yeux en tout ses parties, seroit monstrueux, de même un État le seroit, si tout le<s> sujets étoient savants. On y verroit aussi peu d'obéissance que l'orgueil et la présomption y seroient ordinaires»[1].

Нет больше живописцев. Une armée de chercheurs d'idées ingénieuses. De l'esprit, non de touche, mais dans le choix du sujet.[2] Литература кисти.

Рафаэль нашел классический тип Девы, поскольку довел до завершенности вульгарный тип,—поскольку предложил абсолютную противоположность красоте в том виде, в каком искал ее да Винчи в своих *карикатурных* типах и *странных* минах. Род чисто человеческой непомраченности, закругленная красота, почти юноновское здоровье. Она навеки останется популярной.

Вольтер—последний ум старой Франции, Дидро—первый ум новой. Вольтер похоронил эпос, басню, малый стих, трагедию. Дидро открыл эпоху современного романа, драмы и художественной критики.

Быть скептиком, исповедовать скептицизм—дурной путь пробивать себе дорогу! Орудие скепсиса—ирония, формула, менее всего доступная aux épais, aux obtus, aux sots, aux niais, aux masses[3]? Но это отрицание, это сомнение во всем, шокирует иллюзии всех—по меньшей мере те, что все подряд афишируют: самодовольство человечества, предполагающее довольство собою,—успокоенность человеческой совести, которую буржуа тужится выдать за успокоенность своей личной совести.—

---

1 Подобно тому как тело, имеющее глаза по всем своим частям, было бы чудовищно, таким же было бы и государство, если бы все подданные его были учеными. Послушания там оказалось бы неприметно мало, а вот гордыня и самомнение были бы обычным делом (*фр.*).

2 Армия изобретательных искателей идей. Правит ум—не кисть, но это в выборе темы (*фр.*).

3 Глупцам, тупицам, бестолочам, дуракам, массам (*фр.*).

В основе этого метафизического монолога мне чувствуется глубокая озабоченность – «la préoccupation et la terreur du au-delà de la mort, que donne aux esprits les plus émancipés l'éducation religieuse»[1].

Мужчина создал женщину, вложив в нее всю свою поэзию… Гаварни

У клоунов и канатоходцев профессия равнозначна долгу: это единственный род актеров, чей талант бесспорен и абсолютен, как дар математика, а еще больше comme le saut périlleux[2]. Потому что здесь не может быть одной видимости таланта: ты либо падаешь, либо не падаешь.

Rien de plus charmant, de plus exquis que l'esprit français des étrangers, l'esprit de Galiani, du prince de Ligne, de Henri Heine[3].

Флобер: «après tout, le travail, c'est encore le meilleur moyen d'escamoter la vie»[4].

Что поражает у Виктора Гюго, который хотел и стремился к тому, чтобы слыть мыслителем, так это *отсутствие* мысли. Это не мыслитель, это какое-то природное существо (un naturaliste, говорит Флобер): в жилах его течет древесный сок –

De l'amoreux à la mode. 1830 le *ténébreux*[5], под влиянием Энтони. Ведущий актер задает тон для любовного обольщения. В 1860-м это le farceur[6] (по образцу Грассо)

---

1 Озабоченность и ужас перед тем, что ждет нас по ту сторону смертной черты, каковые религиозное воспитание сообщает и самым свободным умам (*фр.*).

2 Как сальто-мортале (*фр.*).

3 Нет ничего более очаровательного, ничего более изысканного, чем французский дух, проявляемый иностранцами: дух Галиани, принца Линя, Генриха Гейне (*фр.*).

4 В конце концов, труд – это еще и лучшее средство увильнуть от жизни (*фр.*).

5 О влюбленном по моде. В 1830-м это *меланхолик* (*фр.*).

6 Весельчак (*фр.*).

Нет больше бедных, чтобы работать на земле. Воспитание разрушает *расу* трудящихся, а значит и земледелие...

истинная свобода существует для индивида лишь до тех пор, пока он еще не enrégimenté[1] во всецело цивилизованное общество: здесь он перестает быть собственником себя самого, всего своего добра, своего *добра*. Начиная с 1789-го государство с дьявольской алчностью поглощало права всех и каждого, и я спрашиваю себя, а не готовит ли нам будущее под именем абсолютного господства государства еще и совершенно иную тиранию, servi par le despotisme d'une bureaucratie française[2] —

11 [297]

Половинная годность, или добрый человек

Попытке мысленно отделить от божества все «злые» качества и намерения соответствует попытка урезать человека наполовину, оставив только ту часть, которую составляют его *добрые* качества: ни при каких обстоятельствах не должен он вредить, *хотеть* навредить...

Путь к этому: отсечение возможности *вражды*, искоренение *ressentiment*'а, *мир* как единственное и единственно дозволенное *внутреннее* состояние...

Отправной пункт здесь всецело идеологичен: сначала «добро» и «зло» определяются как противоречие, отсюда логический, как считается, вывод, что добро в корне отрекается от «зла» и противится ему, — таким образом предполагают вернуться к цельности, к единству, к силе и положить конец собственной внутренней анархии и разрыванию личности между непримиримыми ценностными мотивами.

Но: *войну* считают *злом* — и все равно завязывают войну!.. Иными словами: сейчас и подавно не перестают ненавидеть, отрицать словом и делом: христианин, например, ненавидит грех (но не грешника: две эти вещи различает его благочестивое лукавство). И как раз в силу этого ложного разделения «доброго» и «злого» так чудовищно раз-

---

1 Завербовался (*фр.*).

2 Обслуживаемую деспотизмом французской бюрократии (*фр.*).

росся мир вещей ненавистных, подлежащих вечному подавлению. На практике «добрый» видит себя в кольце зла, видит зло во всяком действии и поступке — в конечном счете он счел природу злой, человека — порочным, доброту понял как благодать.

— Так возникает тип, переполненный ненавистью и презрением, но *лишивший себя всех средств* воевать на деле, с оружием в руках: червивая порода «избранных», апостолов мира

I. Законченный «олух»

Стоический тип, иначе, законченный олух. Твердость, самообладание, несокрушимость, душевный мир как непреклонность долгосрочной воли — глубокий покой, неприступность скалы, воинственная недоверчивость — неколебимость устоев; единство *воли* и *знания*, глубокое уважение к себе. Отшельнический тип.

Последовательный тип: тут понимают, что и зло не следует ненавидеть, не следует противиться ему, что не следует вести войну и с самим собою: что не всё же только принимать страдания, которые несет с собой подобная практика; что живут-то исключительно *позитивными* чувствами; что становятся на сторону противников словом и делом; что переудобрением мирных, добрых, примирительных, отзывчивых и ласковых состояний истощают почву для иных состояний... что необходима постоянная *практика*

так *что* же здесь достигается? Буддийский тип, или законченная корова-недотепа

Такая точка зрения лишь тогда возможна, когда неведомо господство морального фанатизма, то есть когда зло ненавистно не из-за него самого, но лишь потому, что оно прокладывает путь к огорчительным состояниям (беспокойство, труд, забота, осложнения, зависимость.)

Это *буддийская* точка зрения: здесь нет ненависти ко греху — здесь отсутствует само понятие «греха».

II

Непоследовательный тип: здесь воюют со злом — полагая, что война *во имя добра* не имеет тех моральных и пси-

хологических последствий, которые влечет за собой война в иных случаях (отчего и относятся к ней как ко злу). На самом деле, подобная война со злом губит душу куда основательней какой бы то ни было вражды одной личности к другой; к тому же обыкновенно и здесь все равно вклинивается «личность», хотя бы в виде воображаемого противника (дьявол, бесы и т.д.). Враждебный настрой, выискивание, выслеживание всего, что в нас дурно или могло бы иметь дурное происхождение, выливаются в крайне замученное и беспокойное состояние духа, так что теперь *желательны* становятся «чудо», награда, исступление, развязка на том свете...

Христианский тип, или законченный *лицемер*.

11 [298]

Сколь фальшивыми, сколь лживыми оказывались всегда люди в том, что касается ключевых фактов их внутреннего мира! Одного не замечают, о другом помалкивают, а то как ляпнут—

11 [299]

Громкие слова
Великие люди
Великие времена

11 [300]

«Объективность» философа: моральный индифферентизм в отношении себя, слепота к хорошим и дурным последствиям: беспечность в употреблении опасных средств; извращенность и многосложность характера расшифрованы как преимущество и пущены в оборот—

Мое глубокое равнодушие к себе самому: я не хочу извлекать никакой выгоды из моих познаний и в то же время не избегаю невыгод, которые они приносят,—включая сюда и то, что можно назвать *порчей* характера; вот какая раскрывается перспектива: я манипулирую своим характером, но, забыв о его понимании или изменении,—мне ни на миг не пришел в голову личный calcul[1] добродетели.

---

1 Расчет (*фр.*).

Мне кажется, человек закрывает перед собой врата познания, как только проявляет пристрастие к своему личному случаю—тем более к «спасению» своей души!.. Нельзя слишком много воображать о своей морали и лишать себя скромного права на ее противоположность...

Наверное, здесь служит предпосылкой своего рода *избыток морального наследия*: мы нутром чувствуем, что можем тратить его направо-налево, бросать на ветер и не особо от этого обеднеем. Никогда не испытывать искушения повосхищаться «прекрасными душами». Знать, что неизменно их превосходишь. Чудищ добродетели встречать с затаенной насмешкой; déniaser la vertu[1]—тайное удовольствие.

Смотреть вокруг себя; не желать стать «лучше» или вообще хоть в чем-то «другим»; пристальный интерес, чтобы не раскидывать на вещи щупальца и сети какой бы то ни было морали—

11 [301]

Эта фигура лишена цельности. Ее не только задрапировали всевозможным пословичным и глубокомысленным ханжеством, почти опошлив до «моралиста»: скверно, что сам тип не остался незапятнан. Можно гадать, с каких давних пор фигуре этой пришлось служить исконно другим замыслам: очень скоро от нее, уже заметно подправленной, осталось одно предание. Сдается, что типичный пророк древнего Израиля наложил сильный отпечаток на эту модель: совсем неевангельские черты, гневливость, проклятия, все эти столь невероятные пророчества «суда», этот пустыннический типаж, безудержное поношение книжников и фарисеев, изгнание из храма
—также проклятие смоковницы—типичный случай того, как и в каких обстоятельствах *не* следует творить чуда

Не проклинай. Не ворожи. Не мсти. Не лги (—ведь то, что нечто окажется столь любезным, что станет истиной просто потому, что его считают за истину, есть ложь: мы три раза на дню имеем для этого demonstratio ad absurdum[2]—

---

1 Учить добродетель уму-разуму (*фр.*).

2 Доказательство путем доведения до абсурда (*лат.*).

11 [302]

Здесь каждое слово – символ; реальности, в сущности, больше нет. Существует величайшая опасность упустить из виду, что это символы. Почти все церковные понятия и оценки вводят в заблуждение: вообще едва ли возможно более основательно не понять Новый Завет, чем это сделано церковью. Для понимания у нее не было ни единой предпосылки: отсутствовала нейтральность историка, которого ни черта не заботит, держится ли на слове «спасение души»

У церкви никогда не находилось доброй воли для понимания Нового Завета: она всегда хотела с его помощью хорошо показать себя. Она искала и продолжает искать позади него некую теологическую систему: она выставляет это в качестве предпосылки – она верит в одну-единственную истину. Потребовалось дождаться девятнадцатого столетия – le siècle de l'irrespect[1], – чтобы сызнова овладеть парой самых предварительных условий для прочтения этой книги именно как книги (а не как истины), чтобы разглядеть в этой истории не «священное повествование», а наваждение побасенок, косметику, подделку, палимпсест, неразбериху – короче, *реальность*...

Мы недостаточно отдаем себе отчет, в каком понятийном варварстве мы, европейцы, все еще коснеем.

NB: И ведь могли же люди верить, будто «спасение души» держится на книге!... Говорят даже, и сегодня еще верят.

Но чего стоит тогда все научное воспитание, вся критика и герменевтика, коль скоро такая бессмыслица, как толкование Библии, каким сохраняется оно церковью, не покрывало нас краской стыда с головы до пят?

11 [303]

Любовь

Вглядитесь: эта женская любовь, это женское сострадание – бывает ли что-либо эгоистичней?... И когда они жертвуют собой, своей честью, своей репутацией, то

---

1 Века неуважения (*фр.*).

ради кого эта жертва? ради мужчины? или, может, в угоду собственной безудержной потребности?

—все это такие эгоистичные желания: если же они благодетельствуют других и вселяют благодарность...

—до какой степени подобное переудобрение одной частной оценки может *освятить* всё прочее!!

11 [304]

Мы с полным правом могли бы быть этим шокированы: такой энтузиазм, как у Тэклы, есть нечто такое, чего в принципе нельзя одобрить. Мы можем, конечно, дать таланту поэта увлечь себя и позволить себе симпатизировать отдельному индивиду, который исполнен этим энтузиазмом, но он не может служить основанием для какой-либо всеобщей системы, et nous n'aimons en France que ce qui peut être d'une application universelle[1].

Театральная мораль во Франции гораздо строже, нежели в Германии. Cela tient à ce, que les Allemands prennent le sentiment pour base de la morale, tandis que pour nous cette base est la raison. Un sentiment sincère, complet, sans bornes, leur paraît, non seulement excuser ce qu'il inspire, mais l'ennoblir et, si j'ose employer cette expression, le sanctifier.[2] У нас куда более строгие принципы, и мы никогда не отступаемся от них в теории. Чувство, не признающее долга, кажется нам лишь еще одним недостатком; мы бы скорее простили корысть, потому что корысть обставляет свои нарушения с большей ловкостью и пристойностью. Чувство бросает вызов общественному мнению, brave l'opinion, и общество в результате раздражается против него; корысть пытается *обмануть* общественное мнение, щадя его, и даже если последнее раскрывает обман, то все же не может не испытать благодарности за такого рода преклонение перед собой.

---

1 А мы во Франции любим лишь то, что имеет всеобщее применение (*фр.*).

2 Это объясняется тем, что немцы принимают за основание морали чувство, тогда как для нас таким основанием выступает разум. Чувство искреннее, полное, безграничное, на их взгляд, не только извиняет все, что оно может внушить, но даже облагораживает и, если позволено будет так выразиться, освящает все это (*фр.*).

11 [305]

Nous n'envisageons l'amour que comme les passions humaines, c'est-à-dire ayant pour effet d'égarer notre raison, ayant pour but de nous procurer de jouissances.[1] Б. Констан.

11 [306]

Правило единств крайне затрудняет композицию: elles circonscrivent les tragédies, surtout historique, dans un espace[2]. — Они часто заставляют поэта пренебрегать в событиях и характерах правдивой постепенностью развития, тонкостью оттенков; появляются провалы, чересчур резкие переходы.

Французы выписывают только один факт или одну страсть. Они испытывают потребность в единстве. Ils repoussent des caractères tout ce qui ne sert pas à faire ressortir la passion qu'ils veulent peindre; ils suppriment de la vie antérieure de leurs héros tout ce qui ne s'enchaîne pas nécessairement au fait, qu'ils ont choisi[3].

Французская система представляет le fait qui forme le sujet[4] и также la passion, qui est le mobile de chaque tragédie[5], совершенно *isolement*[6]. Единство *интереса, перспективы.* Зритель сразу признает, что это не исторический персонаж, но un héros factice, une créature d'invention[7] —

11 [307]

Нуждается ли *любовь* в тревогах и беспокойстве? Нужно ли унавоживать ее ревностью? Тянется ли она не-

---

1 Любовь не представляется нам иначе, как клубком человеческих страстей, то есть имеющей следствием помрачение нашего разума, имеющей целью доставлять нам наслаждения (*фр.*).

2 Они ограничивают трагедии, прежде всего исторические, узким пространством (*фр.*).

3 Они изгоняют из характеров персонажей все, что не служит выявлению страсти, которую они хотят изобразить; они отбрасывают из предшествующей жизни своих героев все, что не связано напрямую с отобранным ими фактом (*фр.*).

4 Факт, образующий сюжет (*фр.*).

5 Страсть, выступающую движущей силой всякой трагедии (*фр.*).

6 Обособленно (*фр.*).

7 Придуманный герой, плод вымысла (*фр.*).

жно на чистый и мирный простор сновидений? — В противном случае ловкий и *безучастный эгоизм* оказался бы первейшей добродетелью, le plus raisonnable des devoirs[1] —

11 [308]

Les circonstances sont bien peu de chose, le caractère est tout.[2]

11 [309]

On change de situation; on ne se corrige pas en se déplaçant.[3]

11 [310]

Всё понимание ранга *страстей*: будто правильно и нормально во всем руководствоваться *разумом* — тогда как страсти суть нечто ненормальное, опасное, полуживотное и, сверх того, по цели своей не что иное, как *желание наслаждаться*...

Страсть унижена: 1) будто она лишь *не*подобающим образом, а не всегда и с необходимостью является le mobile[4]; 2) поскольку она имеет в виду нечто такое, что не обладает высокой ценностью, удовольствие...

Недооценка страсти и *разума*: последний вроде как сущность «для себя», хотя скорее он — некое сравнительное состояние разнообразных страстей и вожделений; и будто всякая страсть не содержит своего количества разума...

11 [311]

Выписывая лишь одну страсть (а *не* весь индивидуальный характер в целом), добиваются лучших трагических эффектов, потому что индивидуальные характеры, всегда такие *разношерстные*, *вредят* единству впечатления. Но истина при этом страдает. Спрашиваешь себя, что осталось бы от героев, если бы они не были движимы

---

1 Разумнейшей из обязанностей (*фр.*).

2 Обстоятельства ничто, характер — все (*фр.*).

3 Необходимо изменить ситуацию; сменой обстановки себя не исправишь (*фр.*).

4 Движущей силой (*фр.*).

этой страстью: определенно *очень немного*... Характеры неисчислимы. Театральные страсти немногочисленны. «Polyphonte le tyran («Тиран») est un genre: le tyran Richard III un individu»[1]

11 [312]

На будущее. Против романтизма великих «страстей».

Продумать, что ко всякому «классическому» вкусу принадлежит известное количество холодности, ясности, суровости: логика прежде всего, счастье — в разумности, «три единства», сосредоточенность — ненависть к чувству, сердцу, esprit[2], ненависть к многосложному, неверному, мечтательному, гадательному, и точно так же к краткому, колкому, миловидному, доброму

Не надо играть формулами искусства: надо переделать жизнь, чтобы следом ей самой *пришлось* себя сформулировать...

Что за развеселая комедия, над которой мы только сейчас учимся смеяться, которую мы сейчас только *видим*: это чтобы современники Гердера, Винкельмана, Гёте и Гегеля притязали на то, *что заново открыли классический идеал*... И в то же время Шекспира!

— и то же поколение высокомерно отвергло классическую школу французов!

— как будто самому существенному нельзя было с таким же успехом научиться как там, так и здесь!..

Но уж так всем хотелось «природы», «естественности»: о тупоумие! классичность почиталась за разновидность естественности!

Без предубеждений и уступчивости продумать до конца, на какой почве может взрасти классический вкус.

Суровость, упрощение, умножение сил, ужесточение человека: это все взаимосвязано. Логически-психологическое упрощение. Презрение к детали, усложненности, неопределенности —

---

1 Тиран Полифонт — жанровый деспот: тиран Ричард III — индивидуальность (*фр.*).

2 Уму (*фр.*).

Романтики в Германии протестовали *не* против классицизма, но против разума, просвещения, вкуса, XVIII столетия.

Чувствительность романтико-вагнеровской музыки: противоречие, *классическая чувствительность*...

воля к единству (потому что единство тиранизирует: слушателей, зрителей), однако неспособность позволить ей тиранство в главном, а именно над самим произведением (в смысле отказа от ненужного, сокращения, прояснения, упрощения).

победа массовостью (Вагнер, Виктор Гюго, Золя, Тэн), а не величием

11 [313]

«Иль думал ты, что буду жизнь я ненавидеть, в пустыню удалюсь из-за того, что воплотил не все свои мечты?»[1] — вопрошает гётевский Прометей.

11 [314]

Вагнеровское искусство: компромисс между тремя самыми современными потребностями: в болезненном, в брутальном и в невинном (идиотическом)...

11 [315]

Отчего своей кульминации немецкая музыка достигает ко времени немецкого романтизма? Отчего в немецкой музыке нет Гёте? Зато сколько Шиллера, точнее, сколько «Тэклы» в Бетховене!

— В Шумане — Эйхендорф, Уланд, Гейне, Гофман, Тик

— В Рихарде Вагнере — «Вольный стрелок», Гофман, Гримм, романтическая сага, мистическое католичество инстинкта, символизм, «Свободомыслие страсти» — руссоистские замыслы

«Летучий голландец» отдает Францией, где тип обольстителя представлен был le ténébreux 1830[2]

— *Культ музыки*: революционный романтизм формы

— Вагнер *подытоживает* романтизм, как немецкий, так и французский

---

1 Пер. А. Дейча.

2 Меланхоликом 1830-го (*фр.*).

11 [316]

Громкие слова:
«мир в душе»
«любовь»
«классический вкус»

11 [317]

Во Франции национализм испортил характер, в Германии – ум и вкус: для того, чтобы вынести тяжкое поражение – причем решительное, – надо быть моложе и здоровее победителя

11 [318]

Экзотичность Вагнера среди «германоманов».

11 [319]

Ирония европейской культуры: истинным считается одно, а делается *другое*; например, к чему все искусство чтения и критики, если и впредь останется в силе церковное толкование Библии (без разницы, католическое или протестантское)!

11 [320]

Вагнерианцы, спешащие изумиться всему, что в Вагнере совсем не удивительное, а, напротив, «вагнеровское» –

11 [321]

– эта бессмысленная перегруженность деталями, это выделение мелких черт, эффект мозаики: Поль Бурже

Честолюбие широкого размаха – и при этом нежелание отказаться от того, что он делал лучше, от малого, мельчайшего; эта перегрузка деталями; эта ювелирная работа в такие мгновения, когда никто не *может* углядеть малое; эта нервозность взгляда, приспособленного то к мозаике, то к дерзкому росчерку настенной росписи

странную муку, одолевающую меня, когда я слушаю вагнеровскую музыку, я объяснил тем, что музыка эта напоминает картину, которая не позволяет мне оставаться на одном месте... чтобы понимать ее, взгляд постоянно

должен приноравливаться, то близоруко, дабы не ускользнула от него тончайшая, ювелирной работы мозаика, то к дерзким и брутальным фрескам, требующим, чтобы на них смотрели с изрядного расстояния. Невозможность настроиться на определенный способ восприятия и составляет стиль вагнеровской музыки: «стиль» здесь, правда, понимается в смысле неспособности к стилю

11 [322]

Вагнер: 1) не дать себя обмануть *немецкой* тенденцией
—в чувствительности его настолько мало немецкого, насколько это только возможно; и напротив, тем больше немецкого в его умственном и духовном складе (включая сюда и стиль)
—он проникнут глубочайшей симпатией к великим символам *средневековой* Европы и ищет их «носителей»—
—тип его героев выказывает до невозможности мало немецкого: Тангейзер, Летучий голландец, Риенци, Лоэнгрин, Эльза, Тристан, Зигфрид, Парсифаль: и все-таки пытаются———: остается еще, правда, «мейстерзингер»
—культ «страсти» не немецкий
—культ «драмы» не немецкий: он воздействует с неслыханной убедительностью благодаря мощи и грозности жеста.

2) что же тут немецкого?
—неопределенная символика, тяга к мысленной расплывчатости, «псевдомеланхолия», произвольность, нехватка огня, остроумия, грации, неспособность к *размашистой линии*, к необходимому в———

3) нельзя дать ввести себя в заблуждение насчет главного: музыкальная драма Вагнера есть шаг назад, хуже того—это декадентная форма музыки—
—он пожертвовал всем собственно музыкальным, самой музыкой, чтобы переделать ее в средство выражения, усиления, внушения, искусство психологической живописности

необычайный актерский и театральный инстинкт до сих пор тоже не был чем-то немецким (—в Вагнере ничего не понять, если не разглядеть в этом инстинкте его faculté maotresse, его господствующий инстинкт)

немецкие глубина, многосложность, произвольность, полнота, неуверенность: великие символы и загадки, означенные тихими раскатами грома из неимоверной дали: серое, зловещее немецкое небо, не ведающее иного счастья, кроме карикатурного и неутоленного желания—

11 [323]

Откуда он набирает своих приверженцев? Из преизбытка немузыкальных, полумузыкальных, с грехом пополам образованных особей обоего пола, чьему тщеславию льстит, что они понимают Вагнера

торжество немузыкального, полумузыкального фанатика образованности, которому льстит величественная поза Вагнера, как будто «понимать» это—верный знак превосходства

: он взывает к красивым чувствам и вздымающейся груди

он возбуждает именно то, что мечтательное—немецкое—ощущение природы———

—он гипнотизирует мистико-эротических бабенок, его музыка заставляет их мозгом костей чувствовать дух магнетизера (—обратите внимание на увертюру к Лоэнгрину с точки зрения ее физиологического воздействия на секрецию и———

—он каждый раз достигает вершины пафоса и вместе с тем шири разлившегося потока, что составляет разительный контраст со всеми страдающими одышкой драматургами на потребу дня

11 [324]

Церковные лжепонимания
Причастие
«Сын Божий»
крестная смерть как *расплата*
история грехопадения
«веры»

11 [325]

К критике доброго человека

Порядочность, достоинство, чувство долга, справедливость, человечность, честность, прямота, чистая совесть — действительно ли этими благозвучными словами некоторые свойства санкционированы и одобрены ради них самих? или же свойства и состояния, сами по себе индифферентные в плане ценности, только рассмотрены под определенным углом зрения, при котором они и получают ценность? Заключается ли ценность этих свойств в них самих или же в той пользе и выгоде, которая от них проистекает (кажется, что проистекает, ожидается)?

Естественно, я не имею здесь в виду противоположность ego и alter при вынесении суждения: вопрос в том, идет ли речь о *следствиях*, будь то для носителя этих свойств, будь то для окружения, общества, «человечества», из-за которых свойства эти якобы ценны: или же они ценны сами по себе...

Иначе говоря: *польза* ли велит осуждать, оспаривать, отрицать противоположные свойства (— ненадежность, лицемерие, взбалмошность, неуверенность в себе, бесчеловечность —)? Что именно осуждается: сущность этих свойств — или последствия этих свойств?

Иначе говоря: *желательно* ли, чтобы люди, обладающие свойствами этой второй категории, вовсе не существовали? *Во всяком случае, так считают,* —

но здесь кроется ошибка, близорукость, ограниченность *дремучего эгоизма.*

Иными словами: желательно ли создание таких условий, при которых преимущество всецело оказалось бы на стороне порядочных — что обескуражит натуры и инстинкты противоположного рода, и они постепенно переведутся?

— в сущности, это вопрос вкуса и *эстетики:* желательно ли, чтобы уцелел «достойнейший» вид человека, он же скучнейший? добродетельные, прямоугольные, добропорядочные, бравые молодцы, правдолюбы, «олухи»?

— если мысленно устранить чудовищный переизбыток «других», то даже человек порядочный уже не имеет права на существование: он попросту не нужен — тогда по-

нимаешь, что только грубая выгода возвеличила подобную *невыносимую добродетель*.

Желательность, возможно, заключается как раз в обратном: в создании таких условий, при которых «порядочный человек» низводится до скромной роли «полезного орудия» — в качестве «идеального стадного животного», в лучшем случае пастуха стада: короче, когда он не может больше подняться на более высокую ступень, которая требует совсем *иных свойств* —

11 [326]

Рубрики

1. К критике «доброго человека».
2. Из школы сильных.
3. Громкие слова.
4. К критике «христианизма».
5. Как приводят добродетель к господству.
6. Эстетические ценности; их происхождение и будущее.
7. Надвигается нигилизм.
8. О «*современных веяниях*»

11 [327]

Дневник нигилиста...

содрогание от открывшейся «фальши»
пустo: мыслей больше нет; лишь сильные аффекты, кружащие вокруг лишенных ценности объектов:
— сторонний зритель этих абсурдных порывов «за» и «против»
— высокомерный, язвительный, холоден к себе
— сильнейшие порывы кажутся лжецами: как будто мы обязаны верить в их объекты, как будто они нас хотят соблазнить —
— наибольшая сила уже не знает никакого «зачем»
— всё есть, но нет цели —
атеизм как отсутствие идеалов

Фаза страстного отрицания, «нет» словом и делом: на этом этапе находит выход накопившаяся страсть к приятию, к поклонению..

Фаза презрения даже «нет»...
даже сомнения..
даже иронии..
даже презрения..

Катастрофа: что если ложь — нечто божественное..
что если ценность всех вещей именно в том, что они ложны?..
что если отчаяние — лишь следствие веры в *Бога правды*
что если именно ко *лжи* и *подделке* (фальсификации) сводится смыслополагание ценности, смысла, цели
что если в Бога нужно верить не потому, что он истинен, *но потому, что он ложен*—?

11 [328]

I.

Понятие нигилизма.
К психологии нигилиста.
К истории европейского нигилизма
Критика «современных веяний»

Громкие слова.
Из школы сильных.
Добрый человек.
Христианизм

Генеалогия идеала
Цирцея для философов
Эстетические ценности: происхождение и критика

Искусство и художники: новые знаки вопроса

11 [329]

NB. Критика *ура-патриотизма* (к «Современным веяниям»).

11 [330]

Греки Винкельмана и Гёте, восточные люди у В. Гюго, вагнеровские эддические персонажи, англичане XIII века у В. Скотта – комедия, да и только, когда-нибудь на нее раскроются еще глаза: ведь в историческом плане все это было фальшиво, *зато* правдиво в плане современности!

11 [331]

Бесы

Никого не винить–

Мои желания слишком несильны, чтобы руководить мной–

полон злобы даже к этим négateurs[1]: зависти к их *надеждам* – что они настолько всерьез могут принимать ненависть!

«К чему приложить эту силу?» –

Связать себя с ними мешала мне не столько боязнь показаться смешным – я выше этого,– но ненависть и презрение, которые они мне внушали. Я все-таки имею привычки homme, comme il faut[2], и общение с ними мне мерзило.

«Но если б имел к ним злобы и зависти больше, то, может, и пошел бы с ними».

«я боюсь самоубийства, ибо боюсь показать великодушие... Я знаю, что это будет еще обман,– последний обман в бесконечном ряду обманов. Что же пользы себя обмануть, чтобы только сыграть в великодушие? Негодования и стыда во мне никогда быть не может, стало быть, и отчаяния...»

Вникните тоже, что я вас не жалею, коли зову, и не уважаю, коли жду. А между тем и зову, и жду–

1 Отрицающим (*фр.*).

2 Человека порядочного (*фр.*).

Я все так же, как и всегда прежде, могу пожелать сделать доброе дело и ощущаю от того удовольствие; рядом желаю и злого и тоже чувствую удовольствие. Но и то и другое чувство по-прежнему всегда слишком мелко, а очень никогда не бывает...

«On peut traverser une rivière sur une poutre et non sur un copeau.»[1] Я пробовал размашистый разврат и истощил в нем силы; но я не люблю и не хотел разврата.

Тот, кто теряет связи с своею землей, тот теряет и богов своих, то есть все свои цели...

Обо всем можно спорить бесконечно, но из меня вылилось одно *отрицание, без всякого великодушия и безо всякой силы*. Слова эти — лесть себе. Все всегда faible et mou[2].

Великодушный Кириллов не вынес идеи и — застрелился; но ведь я вижу, что он был великодушен потому, что не в здравом рассудке. Я никогда не могу потерять рассудок и никогда не могу поверить идее в той степени, как он. Я даже заняться идеей в той степени не могу. Никогда, никогда я не могу застрелиться...

Я знаю, что мне надо бы убить себя, смести себя с земли как подлое насекомое.

11 [332]

К психологии нигилиста

«достойнейшие качества человека», по Гёте: — — — последовательность, они присущи нигилисту.

Около того времени он <Ставрогин> убеждает себя предаться разврату. Нельзя не оценить скрытую в этом логику; надо быть философом, чтобы это понять. Идеи — сплошной обман; ощущения — вот последняя реальность... Последний голод по «истине» — вот что предписывает

---

1 На бревне можно переплыть реку, а на щепке нет (*фр.*).

2 Мелко и вяло (*фр.*).

разврат. Любовью это быть не могло: все завесы и лакировку действительности, все подлоги и подделки до́лжно стереть: вот почему это могли быть только разврат, страдание и смесь разврата и страдания.

Усиление: страдание реальней наслаждения... Утвердительная стихия последнего имеет характер оценки, умышленного обмана и преувеличения...

страдание нелегко опьяняет: его трезвость...
— *осмотрительность* в отношении пьянящих
и дурманящих страданий...
— страдание, которое причиняешь, реальней того,
что переносишь сам —

11 [333]

Абсолютная перемена, наступающая с отрицанием Бога —

Над нами нет больше абсолютно никакого господина; старый мир оценок есть богословское построение — теперь он опрокинут —

Короче: над нами нет никакой высшей инстанции: насколько Бог вообще возможен, мы сами теперь Бог...

Нам нужно себе приписать атрибуты, которые раньше мы приписывали Богу...

11 [334]

Логика атеизма

Если Бог есть, то вся воля его, и из воли его я не могу. Если *нет*, то вся воля моя, и я обязан заявить своеволие —

Самый полный пункт его своеволия — это убить себя самому —

Бог необходим, а потому должен быть
Но его нет и не может быть
Значит, нам нельзя больше оставаться в живых.

Ставрогина тоже съела эта идея: он «если верует, то не верует, что он верует. Если же не верует, то не верует, что он не верует».

классическая формулировка Кириллова (у Достоевского):

Я обязан *неверие* заявить. Для меня нет выше идеи, что Бога нет. В чем заключается человеческая история? Человек только и делал, что выдумывал Бога, чтобы жить, не убивая себя. Я один не захотел первый раз выдумывать Бога...

Убить другого будет самым низким пунктом моего своеволия... Я хочу высший пункт

Много было самоубийц, и все с причиною. Но безо всякой причины, а только для своеволия — один я —

11 [335]
истоки нигилизма
отрыв от корней, от родного края
начинается *страшно безродно*
кончается *жутко*

11 [336]

Если законы природы не пожалели и *Этого* <Иисуса>, даже чудо свое же не пожалели, а заставили и *Его* жить среди лжи и умереть за ложь (— этот человек был высший на всей земле, составлял то, для чего ей жить. Вся планета, со всем, что на ней, без этого человека — одно сумасшествие —), то, стало быть, вся планета есть ложь и стоит на лжи и глупой насмешке. Стало быть, самые законы планеты ложь и диаволов водевиль. Для чего же жить, отвечай, если ты человек?..

«Но позвольте, ну, а если вы разуверились? Если кончилась ложь, и вы догадались, что вся ложь оттого, что был прежний Бог?»

Все спасение для всех — всем доказать эту мысль —

Я не понимаю, как мог до сих пор атеист знать, что нет Бога, и не убить себя тотчас же...

«Сознать, что нет Бога, и не сознать в тот же раз, что сам Богом стал, есть нелепость, иначе непременно убьешь себя сам. Если сознаешь — ты царь и уже не убьешь себя сам, а будешь жить в самой главной славе...

«Я еще только Бог поневоле и я несчастен, ибо *обязан* заявить своеволие. Все несчастны потому, что все боятся

заявлять своеволие. Человек потому и был до сих пор так несчастен и беден, что боялся заявить самый главный пункт своеволия и своевольничал с краю, как школьник. Я ужасно несчастен, ибо ужасно боюсь. *Страх есть проклятие человека*—

Только это одно спасет всех людей и в следующем же поколении переродит физически; ибо в теперешнем *физическом виде*, сколько я думал, нельзя быть человеку без прежнего Бога никак. Я три года искал атрибут божества моего и нашел: атрибут божества моего—*Своеволие*. Это все, чем я могу в главном пункте показать непокорность и новую страшную свободу мою»—

11 [337]

Есть секунды, их всего зараз приходит пять или шесть, и вы вдруг чувствуете присутствие вечной гармонии. Этого человек в земном виде не может перенести. Надо перемениться физически или умереть. Это чувство ясное и неоспоримое. Как будто вдруг ощущаете всю природу и вдруг говорите: да, это правда. Бог, когда мир создавал, то в конце каждого дня создания говорил: «Да, это правда, это хорошо». Это... это не умиление, а только так, радость. Вы не прощаете ничего, потому что прощать уже нечего. Вы не то что любите, о—тут выше любви! Всего страшнее, что так ужасно *ясно* и такая радость. Если более пяти секунд—то душа не выдержит и должна исчезнуть. В эти пять секунд я проживаю жизнь и за них отдам всю мою жизнь, потому что стоит. Чтобы выдержать десять секунд, надо перемениться физически. Я думаю, что человек должен перестать родить. *К чему дети*, <к чему развитие,> *коли цель достигнута?*—

Понимание символа воскресения:

«После воскресения не будут больше родить, а будут как ангелы Божии», *иначе говоря, цель достигнута:* к чему дети?.. В ребенке получает свое выражение неудовлетворенность женщины...

11 [338]

Будь у людей в крови последовательность, была бы последовательность и в голове. Но их сумбур...

11 [339]

Ведь мне что досадней всего? Видеть, что никто больше не имеет мужества *продумать до конца...*

11 [340]

Признаки большой смуты: цинизм, как по команде, жажда скандала, agaçant, irritation, lassitude[1]. Публика точно изнуренная, сбилась так, что сама себя больше не помнит

В переходное время появляются разные людишки, подымается эта сволочь, которая есть в каждом обществе, и уже не только безо всякой цели, но даже не имея и признака мысли, а лишь выражая собою любовь к беспорядку... Почти всегда подпадает она под команду той малой кучки «передовых», которые действуют с определенною целью, и та направляет весь этот сор куда ей угодно..

Gens de rien[2] получили вдруг перевес, стали громко критиковать все священное, тогда как прежде и рта не смели раскрыть, а первейшие люди стали вдруг их слушать, а сами молчать; а иные так позорнейшим образом подхихикивать.

11 [341]

— связав его <Ставрогина> преступлением, думает получить над ним власть?

<Верховенский:> Шпионство. У него <Шигалева> каждый член общества смотрит один за другим и обязан доносом. Каждый принадлежит всем, а все каждому. Все рабы в рабстве равны. В крайних случаях клевета и убийство, а главное — *равенство*. Первым делом понижается уровень образования, наук и талантов. Высокий уровень наук и талантов доступен только высшим способностям, не надо высших способностей! Высшие способности всегда захватывали власть и были деспотами. Высшие способности не могут не быть деспотами и всегда развращали более, чем приносили пользы; их изгоняют или казнят. Цицерону отрезывается язык, Копернику выкалывают глаза, Шекспир побивается каменьями... Рабы должны

---

1 Язвительность, раздражение, утомление (*фр.*).

2 Дряннейшие людишки (*фр.*).

быть равны: без деспотизма еще не бывало ни свободы, ни равенства, но *в стаде должно быть равенство*... Горы сравнять – хорошая мысль, не смешная... Не надо образования, довольно науки! И без науки хватит материалу на тысячу лет, но надо *устроиться послушанию*. В мире одного только недостает: послушания. Жажда образования есть уже жажда аристократическая. Чуть-чуть семейство или любовь, вот уже и желание собственности. Мы уморим желание: мы пустим пьянство, сплетни, донос; мы пустим неслыханный разврат; мы всякого гения потушим в младенчестве. «Всё au même dénominateur[1], полное равенство!»

«Мы научились ремеслу, и мы честные люди, нам не надо ничего другого» – вот недавний ответ английских рабочих. Необходимо лишь необходимое – вот девиз земного шара отселе. Но нужна и судорога; об этом позаботимся мы, правители. У рабов должны быть правители. Полное послушание, полная безличность, но раз в тридцать лет пускается и судорога, и все вдруг начинают поедать друг друга, до известной черты, единственно чтобы не было скучно. *Скука* есть ощущение аристократическое; в социализме не будет *желаний*. Желание и страдание для *нас*, а для рабов социализм... Знаете ли, я думал отдать мир папе. Пусть он выйдет пеш и бос и покажется черни: «Вот, дескать, до чего меня довели!» – и всё поклонится ему, даже войско. Папа вверху, мы кругом, а под нами социализм... Надо только, чтобы с папой Internationale согласилась; а он согласится мигом. Да другого ему и выхода нет...

<Ставрогин,> знаете ли, что вы красавец! Вы иногда про это не знаете... В вас даже есть простодушие и наивность! Вы, должно быть, страдаете, и страдаете искренно, от того простодушия. Я нигилист, но люблю красоту – je suis nihiliste, mais j'aime la beauté. Разве нигилисты красоту не любят? Они только идолов не любят, ну а я люблю идола. Вы мой идол!

Вы никого не оскорбляете, и вас все ненавидят; вы считаете их ровней, и вас все боятся, это хорошо. К вам никто не подойдет вас потрепать по плечу. Вы ужасный аристократ. Аристократ, когда идет в демократию, обаяте-

---

1 К одному знаменателю (*фр.*).

лен! Вам ничего не значит пожертвовать жизнью, и своею и чужою. Вы именно таков, какого надо..

Мы проникнем в самый народ. Знаете ли, что мы уж и теперь ужасно сильны? Наши не те только, которые режут и жгут да делают классические выстрелы или кусаются. Такие только мешают. Я без дисциплины ничего не понимаю... Слушайте, я их всех сосчитал: учитель, смеющийся с детьми над их Богом и над их колыбелью, уже наш. Адвокат, защищающий образованного убийцу тем, что он развитее своих жертв и, чтобы денег раздобыть, не мог не убить, уже наш. Школьники, убивающие мужика, чтоб испытать ощущение, наши. Присяжные, оправдывающие преступников, сплошь наши. Прокурор, трепещущий в суде, что он недостаточно либерален, наш, наш. Администраторы, ученые, о, наших много, ужасно много, и сами того не знают! С другой стороны, везде тщеславие размеров непомерных, аппетит зверский, неслыханный... Знаете ли, знаете ли, сколько мы одними пресловутыми идейками возьмем? Я из России поехал – везде свирепствовал тезис Littré[1], что преступление есть помешательство; приезжаю – и уже преступление не помешательство, а именно здравый-то смысл и есть, почти долг, по крайней мере благородный протест. «Ну как просвещенному убийце не убить, если ему денег надо!» Но это лишь ягодки. Русский Бог уже спасовал пред водкой. Народ пьян, церкви пусты... Когда в наши руки попадет, мы, пожалуй, и *вылечим*... если потребуется, мы на сорок лет в пустыню выгоним... Но одно или два поколения разврата теперь необходимо; débauche ignoble, inouïe, sale[2]!.. В русском народе до сих пор не было цинизма, хоть он и ругался скверными словами. Знаете ли, что этот раб крепостной больше себя уважал, чем Тургенев себя? Его драли, а он своих богов отстоял, а Тургенев не отстоял...

Но надо, чтоб и народ уверовал, что мы знаем, чего хотим... Мы провозгласим разрушение... эта идейка так обаятельна! Мы пустим пожары – и пистолетные выстрелы... Il se cache[3]... Тут нужна сила неслыханная...

---

1 Литтре (*фр.*).

2 Разврата неслыханного, подленького (*фр.*).

3 Он скрывается (*фр.*).

11 [342]

Театромания

11 [343]

«ceci tuera cela»[1]

11 [344]

Этот декабрист (участник русского восстания 1825 года) всю жизнь искал опасности, упивался ощущением ее, обратил его в потребность своей природы... Сомнения нет, что эти легендарные господа способны были ощущать, и в сильной степени, чувство страха,– иначе были бы гораздо спокойнее и ощущение опасности не обратили бы в потребность своей природы. Но побеждать в себе la poltronnerie[2]. Беспрерывное упоение победой и сознание, что нет над тобой победителя – вот что их увлекало... Он многосторонне понимал борьбу; не с медведями только и не на одних дуэлях ценил в себе стоицизм и силу характера.

Но нервозная, измученная и раздвоившаяся природа людей нашего времени даже и вовсе не допускает теперь потребности тех непосредственных и цельных ощущений, которых так искали тогда иные, беспокойные в своей деятельности, господа доброго старого времени. Н<иколай Всеволодович> все бы совершил – так же успешно и так же бесстрашно, как и тот декабрист, но зато уж безо всякого ощущения наслаждения, и единственно по неприятной необходимости, вяло, лениво, даже со скукой... В злобе ему не было равных – но злоба эта была холодная, спокойная и, если так можно выразиться, *разумная*, стало быть, самая отвратительная и самая страшная, какая может быть.

11 [345]

Рим провозгласил Христа, поддавшегося на третье дьяволово искушение; возвестив всему свету, что Христос без царства земного на земле устоять не может, католичество тем самым провозгласило *антихриста*...

---

1 Это убьет то (*фр.*).

2 Трусость (*фр.*).

11 [346]

Бог как атрибут народности

Народ—это тело Божие. Всякий народ до тех только пор и народ, пока имеет своего Бога особого, а всех остальных на свете богов исключает безо всякого примирения; пока верует в то, что своим Богом победит и изгонит из мира всех остальных богов.

Народы движутся силою, которая есть сила неутолимого желания дойти до конца и в то же время конец отрицающая. Это есть сила беспрерывного и неустанного подтверждения своего бытия и отрицания смерти. «Дух жизни», «реки воды живой»—начало эстетическое, как говорят философы, начало нравственное; la «recherche de Dieu»[1]. Цель всего движения народного, во всяком народе и во всякий период его бытия, есть единственно лишь la recherche de Dieu, Бога своего, непременно собственного, и вера в него как в единого истинного. Бог есть синтетическая личность всего народа, взятого с начала его и до конца. Признак уничтожения народностей, когда боги начинают становиться общими. Когда боги становятся общими, то умирают боги и вера в них вместе с самим народом. Чем сильнее народ, тем особливее его Бог. Никогда не было еще народа без религии, то есть *без понятия о зле и добре.* У всякого народа свое собственное понятие о зле и добре. Когда начинают у многих народов становиться общими понятия о зле и добре, тогда вымирают народы и тогда самое различие между злом и добром начинает стираться и исчезать. Никогда разум не в силах был определить зло и добро или даже *отделить* зло от добра, хотя приблизительно; напротив, всегда позорно и жалко смешивал; la science a conclu en faveur de la force brutale[2]. В особенности этим отличалась *полунаука*, самый страшный бич человечества, деспот, пред которым всё преклонилось, пред которым трепещет *даже сама наука...*

11 [347]

Евреи жили лишь для того, чтобы дождаться Бога истинного. Греки боготворили природу и завещали миру

1 Искание Бога (*фр.*).

2 Наука же давала разрешения кулачные (*фр.*).

свою религию, то есть философию и искусство. Рим обоготворил народ в государстве.

11 [348]

«Si un grand peuple ne croit pas qu'en lui seul se trouve la vérité, s'il ne se croit pas seul appelé à ressusciter et à sauver l'univers par sa vérité, il cesse immédiatement d'être un grand peuple pour devenir une matière éthnographique.»[1]

Истинный великий народ никогда не может примириться со второстепенною ролью в человечестве или даже с первостепенною, а непременно и исключительно с первою. Кто теряет эту веру, тот уже не народ..

11 [349]

il y a là un audacieux défi au sens commun[2]: вот что вас прельстило!..

11 [350]

Вся вторая половина человеческой жизни составляется из одних только накопленных в первую половину привычек.

11 [351]

il faut être un grand homme pour savoir résister au bon sens: un grand homme ou un imbecile[3].

11 [352]

Как сказал Мальбранш, Бог, оставаясь Богом, мог бы действовать только наипростейшими методами...

«Dieu, parce qu'il était Dieu, ne pouvait agir que par les voies les plus simples»

Следовательно – нет никакого Бога.

---

1 Если великий народ не верует, что в нем одном истина, если не верует, что он один призван всех воскресить и спасти своею истиной, то он тотчас же перестает быть великим народом и тотчас же обращается в этнографический материал, а не в великий народ (*фр.*).

2 Вызов здравому смыслу (*фр.*).

3 Нужно быть действительно великим человеком, чтобы суметь устоять против здравого смысла – ну, равно и дураком (*фр.*).

11 [353]

«Следовать своему чувству?»

То, что мы, *поддавшись* благородному чувству, подвергаем жизнь свою опасности, уступаем минутному порыву, не многого стоит... и совсем никак не характеризует... в способности к этому все равны — а в решимости пойти на это нас, добропорядочных людей, совершенно определенно превосходит преступник, бандит, *Корсиканец*...

Более высокая ступень: преодолеть в себе и этот позыв, *не* совершать героических поступков в порыве чувства — но холодно, разумно, без закипания буйной радости...

То же относится к состраданию: сперва должно войти в привычку *просеивать его сквозь сито разума*, в противном случае оно не менее опасно, чем тот же аффект...

Слепая уступчивость аффекту — все равно какому: великодушию ли, состраданию либо враждебности — служит причиной *величайших зол*...

Величие характера не в том, чтобы вовсе не испытывать этих аффектов,— наоборот, испытывать в устрашающей степени,— но держать их в узде... причем опять-таки безо всякого удовольствия от этого обуздания, но просто потому что..

11 [354]

Христианские лжепонимания

Разбойник на кресте: когда сам преступник, терпящий мучительную смерть, делает вывод: «вот так, как этот Иисус страдает и умирает, без возмущения, без вражды, по-доброму, смиренно,— вот что единственно правильно»,— тем самым он говорит Да благовестию — и *он уже в раю*...

Царство Небесное — это состояние сердца (— о детях сказано: «ибо их есть Царство Небесное»), а не то, что находится «над землею».

Царство Божие «грядет» не в хронологически-историческом смысле, не по календарю, нечто однажды наступающее, хотя за день до этого его еще не было: это «поправка взгляда <на жизнь> у одиночки», нечто такое, что приходит во всякое время, и что во всякое время еще не наступило..

Мораль: основатель христианства должен был поплатиться за то, что обратился к низшим слоям иудейского общества и ученых...

— они представили его в том духе, который им был понятен..

— стыд и срам: сфабриковать историю искупления, личностного Бога, личностного Искупителя, личное бессмертие — и получить в сухом остатке всё убожество этой «личности» и «истории» — из учения, опровергавшего реальность всего личностного и исторического...

Легенда искупления вместо символического сейчас и всегда, здесь и повсюду, чудо вместо психологического символа

11 [355]

Если я хоть что-то смыслю в этом великом символисте, так вот что: он видел и признавал только *внутренние реальности* — а всё *прочее* (всё природное, историческое, политическое) понимал лишь как знак и повод для притчи — *не* как реальность, не как «истинный мир»...

Точно так же, Сын Человеческий — не конкретная историческая личность, но «вечный факт», психологический символ не в плену у времени...

То же самое, наконец, причем в высшей степени, верно сказать и о *Боге* этого типичного символиста... о Царстве Божьем, «Царстве Небесном»...

«Отец» и «Сын»: последний выражает собой приобщение к подобному состоянию общего преображения всех вещей, первый и есть это состояние...

— и это представление поняли настолько превратно, что историю Амфитриона (едва замаскированное прелюбодейство) поставили у истока новой веры (наряду с отвратительной идеей непорочного зачатия — будто само по себе зачатие есть нечто порочное —)

Глубинное вырождение 1) в силу *желания осмысливать вещи исторически*
2) в силу *желания видеть чудо* (как будто речь шла о нарушенных и преодоленных законах природы!)
3) ———

11 [356]

Невозможно в большей степени заблуждаться насчет христианства, чем допустив, что у истока стоит *грубая история о чудотворце и искупителе*, а всё духовное и символическое восприятие — лишь позднейшая форма метаморфоза...

Наоборот: история христианства — это история *неизбежного поступательного огрубления возвышенного символизма...*: по мере распространения христианства во все более широких и некультурных массах, которым были чужды инстинкты, породившие христианство (— у которых не было ни единой предпосылки для его понимания —), на передний план все больше выходили история преданий, теология, церковное строительство: потребности низших слоев, а позже и варварских, вынуждали сначала *вульгаризировать*, а следом и *варваризировать* христианство...

Церковь есть воля выдавать за «истину» вульгарно-варварский язык христианства ... даже сегодня!

Павловский, затем августиновский платонизм — пока не дошло до этой бесстыдной карикатуры на философию и раввинизм: христианской теологии...

недостойные составляющие христианства:

чудо

иерархия душ, табель о рангах

история искупления и вера в нее...

понятие «греха»

история христианства являет необходимость самой вере сделаться столь же низкой и вульгарной, как и потребности, которые ей надлежало удовлетворять —

...один *Лютер* чего стоит! Какой прок от первоначального христианства подобной натуре, обремененной столь грубыми вожделениями!

иудейская ступень *утраты естественности*: «отпадение, несчастье, покаяние, примирение» как единственно уцелевшая схема, — а в остальном ненависть к «миру»

Иисус напрямую устремлен к этому состоянию, «Царству Небесному» в сердце, и средства находит *не* в установлениях иудейской церкви — реальность иудейства (его нужду в самосохранении) он вообще считает пустым делом; он всецело погружен *вовнутрь* —

равным образом его абсолютно не интересует свод грубых формул для общения с Богом: он отбивается от всего учения о раскаянии и примирении; он показывает, как нужно жить, чтобы ощущать себя «обóженным» — и как приходят к этому не через покаяние и сокрушение о грехах своих: «*сам грех пустое*» — вот его главное суждение. Чтобы «обожиться», главное — пресытиться собой по горло: и в этом смысле грешник даже лучше праведника...

грех, покаяние, прощение — здесь к делу не относится... все это примесь иудаизма, а может, языческое

11 [357]

глубокий инстинкт того, как следует жить, чтобы чувствовать себя «на небесах», тогда как в ином случае абсолютно невозможно чувствовать себя на небесах, — вот что такое психологическая реальность христианства

11 [358]

Наш девятнадцатый век обрел, наконец, предпосылку для уразумения того, что на протяжении девятнадцати веков понималось, по сути, превратно, — христианства...

Люди были несказанно далеки от этой приветливой и добросовестной нейтральности — проникнутости симпатией и дисциплиной духа, — во все церковные эпохи люди позорнейшим образом были слепо эгоистичны, назойливы, наглы — и всегда под личиной покорнейшего почтения

11 [359]

Символизм христианства покоится на *иудейском* символизме, который успел уже *всю реальность* (историю, природу) растворить в своего рода священной неестественности и нереальности... который не хотел больше видеть действительной истории — которого не интересовал больше никакой естественный результат —

11 [360]

Злоумышляющим на вас не оказывайте противления ни делом, ни в сердце своем.

Не признавайте никакого предлога для развода с женой своей. Может даже, «оскопляйте себя».

Не делайте различия между чужими и своими, чужеземцами и соплеменниками.

Не гневайтесь ни на кого, никого не считайте ниже себя... Втайне раздавайте милостыню — не желайте обогащения —

Не клянитесь. Не судитесь. Миритесь, прощайте... не молитесь на людях —

Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела. Кто взойдет на небеса? Вершащий волю Отца моего небесного...

«*Блаженство*» не есть нечто обетованное: оно здесь и сейчас, когда вы живете и поступаете так-то и так-то:

И разве это не о церкви сказано: «берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные»?..

«Предсказания, чудотворство, изгнания дьявола — все это пустое»...

Совершенно абсурдным образом приплетено *учение о награде и наказании*: это только все портит.

Точно так же *практика* ранней ecclesia militans[1] и апостолов, их образ действий — совершенно подложным образом представлены как нечто *заповеданное* и *пред*установленное...

прославление фактической *жизни* и *учения* первых христиан задним числом: будто все было так *предписано*... и просто *соблюдалось*...

всякая поза пророка или чудотворца, гнев, призывание Суда — всё это отвратительное разложение (ср., например, Мк. 6, 11: «и если кто не примет вас... говорю вам: отраднее будет Содому и Гоморре и т.д.»)

смоковница

«Не бывает пророка без чести, разве что в отечестве своем и в доме своем»: вздор, истинно прямо противоположное...

А тут еще *исполнение пророчеств*: как все подогнано, сфабриковано!

---

1 Воинствующей церкви (*лат.*).

11 [361]

NB. Шопенгауэр, с позиций своего нигилизма, был совершенно прав, что за одним только состраданием оставил статус добродетели: ведь им действительно сильней всего поощряется отрицание воли к жизни. Сострадание, caritas, идет наперекор естественным законам развития, позволяя угнетенным и слабым выживать и иметь потомство: оно ускоряет упадок, оно уничтожает породу—оно *отрицает* жизнь. Почему сохраняют *здоровье* другие породы животных? Потому что им чуждо сострадание.

11 [362]

NB. Тяга к антисоциальности, душевное расстройство, пессимизм: три типичных формы декаданса. Христианство, как *религия декаданса*, взросла на почве, которая кишмя кишела дегенератами всех трех сортов

11 [363]

Мы *воссоздали* христианский идеал: остается *определить* его *ценность*.

1. Какие ценности им *отрицаются*: что входит в *идеал, составленный по противоположности*?

Гордость, пафос дистанции, большая ответственность, задор, животное великолепие, воинственные и захватнические инстинкты, обожествление страсти, мести, коварства, гнева, похоти, приключения, познания…

: отрицается идеал благородных: красота, мудрость, власть, великолепие и риск <дела> человеческого типа: задающего цель «будущего» человека (—этим христианизм выдает, что он есть *вывод иудаизма*—)

2. Может ли он быть *воплощен*?

Да, но сообразно климату… Подобно индийскому… <В него> не входит *работа*…—он вырывает из народа, государства, культурной общности, юрисдикции, он отвергает обучение, науку, воспитание хороших манер, ремесло, торговлю… он отсекает все, что составляет пользу и ценность человека,—*изолирует* его эмоциональной идиосинкразией—антиполитичный, антинациональный, ни агрессивный, ни оборонительный—он возможен лишь в самой что ни на есть жестко упорядоченной государственной

и общественной жизни, позволяющей этим *священным паразитам* расти и множиться за общий счет...

3. уцелело следствие воли к *наслаждению*—и ни к чему больше! «Блаженство» считается чем-то самоочевидным и не нуждающимся в дальнейших оправданиях,—все прочее (способ жить и давать жить другим) есть лишь средство для достижения цели...

—Но это *низкое помышление*: страх перед болью, перед осквернением, перед самой погибелью как достаточный мотив для того, чтобы бросить все... Это *нищенский* образ мыслей... Признак *изнуренной* расы... Нельзя давать себя обманывать («будьте как дети»)—*родственные* натуры: Франциск Ассизский (невротик, эпилептик, визионер, как и Иисус)

11 [364]

К истории христианства

Постоянное изменение среды: вместе с ним постоянно меняется *центр тяжести* христианского учения...

поощрение *черни* и *мелкоты*..

развитие caritas[1]..

тип «христианина» постепенно перенимает всё, что изначально им отрицалось (*отрицание чего составляло его суть*—)

христианин становится гражданином, солдатом, судейским, рабочим, торговцем, ученым, богословом, священником, философом, помещиком, художником, патриотом, политиком, «князем»... он вновь обращается ко всем видам *деятельности*, от которых прежде открестился (—самозащита, тяжбы, наказания, клятвы, проведение различий между народами, пренебрежение к людям, гневливость...)

В конце концов вся жизнь христианина превращается именно в ту жизнь, *отрыв от которой проповедовал Христос*...

Церковь такой же компонент *торжества* антихристианского начала, как и современное государство, современный национализм...

---

1 Сострадания (*фр.*).

Церковь есть варваризация христианства.

Над *христианством* взяли верх: иудаизм (Павел), платонизм (Августин), мистериальные культы (учение об искуплении, символ «креста»), аскетизм (–враждебность к «природе», «разуму», «чувству» –Восток...)

11 [365]

отсутствует эксцентрическое понятие «святости» –

«Бог» и «человек» не оторваны друг от друга

отсутствует «чудо» –такой сферы вообще не существует.

–только одно принимается во внимание: «духовное» (то есть символически-психологическое) как декаданс – пара к «эпикурейству»... *рай* в духе греческих представлений, «сад Эпикура»

в подобной жизни отсутствует *задача*

: она *хочет* небытия –

: форма «эпикурейских богов»...

: отсутствует всякая *причина* ставить еще перед собой какие-либо цели: иметь детей... все уже достигнуто..

Христианство в любой момент все еще возможно... Оно не привязано ни к одной из бесстыдных догм, щеголяющих его именем: оно не нуждается в учении *о личном Боге, грехе, бессмертии, искуплении, вере,* ему совершенно не нужна никакая метафизика, ни тем более аскетизм, ни уж тем более какое-то там христианское «естествознание»...

Кто сказал бы сегодня «я не хочу быть солдатом», «я знать ничего не желаю о судах», «я не прибегаю к услугам полиции» –тот был бы христианин... «я не хочу делать ничего, что нарушило бы мой внутренний мир, и если мне придется от этого страдать, ничто не сохранит мне мир лучше страдания»...

Все христианское учение о том, во что *должно* верить, вся христианская «истина» –суетная ложь и обман и полная противоположность тому, что задало начальный импульс христианского движения..

именно то, что в *церковном* смысле является христианским, есть заведомо *антихристианское:* исключительно вещи и лица вместо символов, исключительно история

вместо вечных фактов, сплошь формулы, ритуалы, догматы вместо практики жизненной... Христианским является совершенное равнодушие к догматам, культу, священникам, церкви, богословию.

Практика христианства — не пустые фантазии, так же как и практика буддизма: это средство быть счастливым...

11 [366]

Наша эпоха является в известном смысле *зрелой* (а именно *декадентской*), каким было также и время Будды...

Поэтому возможен христианский настрой вне абсурдных догматов...

самые отвратные исчадия античного духа гибридизации

Варваризация христианизма

11 [367]

Christianismi et buddhismi essentia[1]
(Сопоставление первоначального *буддизма*
и первоначального *христианизма*)

Буддизм, христианский настрой суть *финальные религии*: по ту сторону культуры, философии, искусства, государства

A. Общее: борьба с чувством вражды, признанным источником зла. «Счастье»: возможно только внутреннее — безразличие к показному блеску счастья.
Буддизм: желание уйти от жизни, философская ясность; корни его — в высокой степени духовности, непосредственно в высших сословиях..
Христианизм: хочет по сути того же («иудейская церковь» уже была декадентским явлением жизни), но вследствие глубокого бескультурья сам не знает, чего хочет... придерживаясь «блаженства» как цели...

B. сильнейшие жизненные инстинкты восприняты не гедонистически, но как причины страдания
буддистами: поскольку инстинкты эти побуждают к действию (а действие считается *страданием*...)
христианами: поскольку служат поводом к вражде и противоречию (а враждебность, причинение бо-

1 Сущность христианства и буддизма (*лат.*).

ли – считается страданием, нарушением «душевного мира»)
(Хороший солдат, наоборот, не знает иной радости, кроме порядочной войны и охоты подраться.)

11 [368]

Тип Иисуса

Мы ошибаемся, привнося в Иисуса элемент *фанатизма*... «impérieux»[1] у Ренана

– в вере нет места *пытке*, это благая весть, и состояние «благого вестника»...

– вера эта не завоевана, не знает развития, не ведает катастрофы... скорее, она детская... у таких натур детскость подобна *задержавшейся* болезни –

– вера эта не злится, не сердится, не наказывает, не сопротивляется –

– вера эта не приносит «меч»... и не подозревает, что могла бы разделять...

– вера эта не доказывается ни чудесами, ни обещанием награды... она всякий миг сама себе доказательство, награда, чудо –

– эта вера и не формулируется, ибо *живет* – ...ничто другое она не мнит реальным... «истинным», то есть живым..

– случайности – подготовка, начитанность (пророки) – определяют ее понятийный язык: иудейское в христианстве – прежде всего иудейский круг понятий. Субстрат, иудейская психология, однако воздержимся от того, чтобы принять одно за другое: в *Индии* христианин пользовался бы формулами философии санкхья, в *Китае* – формулами Лао-цзы: суть совсем не в том –

Христос как «*вольнодумец*»: ведь для него все прочное, устойчивое – ничто (слово, формула, церковь, закон, догматы) – «все твердое *убивает*...», он верит лишь в жизнь и во все живое: а это не «есть», но – *становится*...

: он – вне пределов метафизики, религии, истории, естествознания, психологии, этики: он и не подозревал, что таковые вообще существуют на свете...

---

1 *Здесь:* властность (*фр.*).

: он говорит лишь о самом глубоком, об изведанном: все *прочее* имеет для него смысл знака и языкового средства, не более—

11 [369]

К типу Иисуса

—Что остается *вычесть*? Весь способ мотивировки мудрости Христовой, равно как и деяний его жизни... последние якобы вершатся ради послушания некогда обещанному; он исполняет, у него есть образчик всего, что должен совершить и претерпеть мессия,—программа... С другой стороны, каждое «ибо» в устах Иисуса звучит *неевангельски*... выгода, лукавство, награда, наказание...

—Что остается *вычесть*: немало *желчи*, перелившейся на тип учителя из первой пропаганды с ее возбужденностью... они лепили его по собственному подобию, они искали себе оправдания, перекроив его в скоро судящего, драчливого, гневливого, полного ненависти пророка... им *нужен был* такой «пример»—как и вера во «второе пришествие», в «страшный суд» (—это чисто иудейское, см. Апокалипсис)

Психологическая *несуразность и противоречивость позиции Иисуса*, направленной против служителей и богословов иудейской церкви...

Как и судейского пафоса в отношении тех, кто его не принимает...

Как и характерной истории о смоковнице—

Психологическая проблема в отношении учителя такого учения встает четко: «как относится он к другим учениям и учителям?»

Само его учение выросло не на почве противоречий и антитез: сомневаюсь, что подобная натура *способна* знать о противоречивости и антитетичности в своем учении... Нет ни крупицы свободного воображения того, что оценивать и хотеть можно как-то иначе... она представить себе не может противоположных выводов... Если случится натолкнуться на что-то подобное, можно будет, внутренне глубоко сочувствуя, печалиться о «слепоте» других, но нельзя возразить...

Отсутствует диалектика, нет веры хоть в какую-то доказуемость учения, помимо пути «душевных впечатлений» («плодов», «доказательства силою»

такой учитель не в состоянии возражать... нет у него вообще понимания, что заблуждение можно оспорить... он не защищается, не нападает...

Вместо этого дело его – разъяснение, развитие, детализация, трансфигурация старого... сокращение...

11 [370]

нигилистическая религия, вышедшая из старчески косного народа, уже расставшегося со всеми сильными инстинктами, ему под стать, – шаг за шагом перенесенная в иную среду, наконец внедряющаяся в молодые, *еще совсем не пожившие народы* –

как странно! финальное, пастушеское, предзакатное блаженство проповедано – кому? – варварам, германцам! Какой же основательной варваризации, германизации все это должно было подвергнуться! проповеданное тем, кто мечтал о *Вальхалле*, – кто все счастье свое находил в войне! – **над***национальная* религия, внесенная в тот хаос, где и наций-то *еще не было*! –

11 [371]

: этой *нигилистической* религией выискиваются в античности *элементы декаданса* и *родственные группы*, а именно:

a) партия *слабых* и *неудачных* (отребье античного мира – то, что им решительней всего отбраковывалось)...
b) партия *омораленных* и *антиязычников*...
c) партия *политически утомленных* и безразличных (пресыщенные римляне...), людей *национально-обезличенных*, которым только и осталась что пустота
d) партия тех, кто окончательно себе опротивел, – и кто с готовностью содействовал *подпольному* заговору –

11 [372]

в древности христианство было великим *нигилистическим движением*, кончившим тем, что одержало победу: с тех пор оно правило...

11 [373]

Два великих нигилистических движения: а) буддизм и b) христианство; последнее только сейчас достигло примерно того культурного состояния, в котором оно может исполнить свое изначальное предназначение — достигло *уровня*, ему *присущего*... на котором может выказать себя *в чистом виде*...

11 [374]

Наше преимущество: мы живем в эпоху *сравнения*, мы можем сличать счета, как никогда прежде не сличали: мы — самосознание истории вообще...

Мы наслаждаемся иначе, мы страдаем иначе: сравнению неслыханного многообразия мы предаемся в силу глубочайшего инстинкта...

Мы всё понимаем, всем живем, мы забыли о враждебности окружения... Пусть сами мы будем при этом в убытке, зато наше отзывчивое, почти приветливое любопытство безбоязненно приступает к самым что ни на есть опасным вещам...

«Все хорошо» — отрицать это сто́ит нам усилий...

Мы страдаем, если оказываемся столь неразумны, что принимаем одну из сторон в споре...

В сущности, мы, ученые, исполняем сегодня учение Христа наилучшим образом — —

11 [375]

К критике греческой философии

Явление греческих философов от Сократа и далее — симптом декаданса; верх одерживают антиэллинские инстинкты...

Вполне эллином является еще «софист» — включая сюда Анаксагора, Демокрита, великих ионийцев —

Но это переходная форма: полис теряет веру в исключительность своей культуры, в свое право господства над всяким другим полисом...

начинается обмен культурой, то есть «богами», — при этом теряют веру в исключительное превосходство deus autochthonus[1]...

---

1 Туземного бога (*лат.*).

смешиваются добро и зло различного происхождения: граница между добром и злом *стирается*...

Вот что такое «софист» –

«Философ», напротив, воплощает *реакцию*: он привержен *древней* добродетели...

– причины декаданса он усматривает в упадке установлений: он за возврат древних установлений –

– упадок он усматривает в падении авторитета: он ищет новые авторитеты (заграничные поездки, в иностранной литературе, в экзотических религиях...)

– он за *идеальный полис*, после того как само понятие «полис» себя изжило (примерно так же, как евреи оставались «народом» после того, как попали в рабство)

– они сочувствуют всем тиранам: те хотят с помощью форс-мажора восстановить добродетель –

– постепенно на все *истинно эллинское* возлагается ответственность за этот упадок (и Платон выказывает точно такую же неблагодарность по отношению к Гомеру, трагедии, риторике, Периклу, как и пророки – по отношению к Давиду и Саулу)

– *закат Эллады* понимается *как* **довод** *против устоев эллинской* культуры: вот *коренное заблуждение философов* –

Вывод: греческий мир гибнет. *Причина*: Гомер, мифы, старинная нравственность и т.д.

*Анти*эллинская эволюция ценностного суждения философов:

: египетское («жизнь после смерти» как судилище...)

: семитское («сан мудреца», «шейх» –

: пифагорейцы, подземные культы, молчание, устрашение загробным миром; *математика*: религиозное почитание, способ общения с космосом, со вселенной

: священническое, аскетическое, трансцендентное;

: *диалектика*: по-моему, уже у Платона это отвратительное и педантичное ковыряние в понятиях, разве не так?

Закат хорошего вкуса в духовной сфере: теряют способность чувствовать уродство и трескучесть всякой прямолинейной диалектики.

Бок о бок идут *два* декадентских движения, две крайности:

a) декаданс пышный, любезно-коварный, любящий роскошь и искусство, и

b) помрачение религиозно-моралистического пафоса, стоическая самозакалка, платоновское очернение чувств, подготовка почвы для христианства...

11 [376]

NB: Наши самые святые убеждения, наши непреложности в отношении высших ценностей — это *суждения наших мускулов.*

11 [377]

Из *Ю. Вельхаузена*

праведность как социальное требование:

«для праведности Нагорной проповеди лишь тогда приходит черед, когда гражданский правопорядок стал само собой разумеющимся»...

иудеи презрели *государство* с высокомерием духовной аристократии — фундамент, который сделал возможным их искусственную теократическую формацию... Никакая «церковь» не может существовать без государства... Чужеземное господство сохраняет и поддерживает *пафос дистанции.*

этапы *отхода от естественности*:

: только с царством появляется нация, единство, групповое самосознание: но при этом «бог пустыни», а также заимствованный (у хананеян) природный бог земледелия и скотоводства (Ваал-Дионис) — — — Праздничные обряды еще долго остаются полуязыческими, однако все чаще ссылаются на судьбы нации и постепенно лишаются своей естественности. Яхве непреложно связан с народом и страной: в этой вере не сомневались и закоренелые идолопоклонники: от него одного исходит победа и спасение. Гражданское государство представлялось *чудом* и «*божьей помощью*»: «провидение верхов» всегда оставалось для них идеалом (— очевидно, оттого что им его недоставало...)

Когда страну поражают раскол и внешняя угроза, когда живут среди анархии, в страхе перед натиском из-

вне, перед ассирийцами, тем горячее мечта о *возвращении совершенного царского* правления, национального государства, вполне независимого: такого рода фантазия характерна для пророков. Исаия с его так называемыми *мессианскими пророчествами* представляет собой высший тип — вообще пророки были критиками и сатириками, анархистами; в сущности, сказать им было нечего, руководство находилось в других руках; они хотят восстановления гражданского государства; они вовсе не желают какого-то там «золотого века», но лишь строгого и сурового правления, князя, наделенного воинскими и религиозными инстинктами, который восстановил бы доверие к Яхве. Это и есть «мессия»: любой современный суверен удовлетворил бы этому запросу пророков, быть может, даже сверх меры: как это должно быть страшно...

Но сбываться ничего не сбывалось. Народ встал перед выбором: отказаться от своего старого бога либо преобразить его в нечто иное. Последним и занялись, среди прочих, Илия и Амос: они разрубили узы, связывавшие народ и бога, точнее, их единство; они не только их разделили, но и превознесли одну сторону, одновременно понизив другую: они измыслили новое отношение между обеими частями — *отношение примирения*. До сих пор Яхве был богом Израиля и потому богом праведности: теперь он прежде и превыше всего стал *богом праведности* и лишь постольку поскольку — богом Израиля. Тора Яхве, будучи изначально, как и вся его деятельность, просто помощью, исправлением, путеводительством, решением запутанных проблем, — сделалась сводом его *требований*, от следования которым зависело его отношение к Израилю.

Некий закон вступал в силу по той причине, что все, к кому он относился, обязывались его блюсти. «Договор» в роли закона. Изначально различные представители народа обязывались блюсти «закон», теперь контрагентами должны были выступить Яхве и Израиль... Начиная с торжественного акта введения закона Осией, идея заключения завета между Яхве и Израилем становится в центр религиозной рефлексии. Вавилоно-ассирийское изгнание способствовало знакомству с идеей уговора и возможности его разрыва.

Гибель государства дала волю мечтательным фантазиям: еще больший размах приобрело *чувство противопоставленности всему остальному миру*: со времен изгнания не угасает фантазия о всеобщем союзе всех народов против «нового Иерусалима». Прежде пределом желаний являлось национальное государство, теперь вынашиваются мечты о всемирном господстве, которое поднимется в Иерусалиме на развалинах языческих царств.

Опасность состояла в том, что евреи-изгнанники, как когда-то самаритяне, легко могли быть поглощены языческой средой. И вот сохраняющий святость остаток народа организуется так, чтобы уцелеть как носитель обетования и выдержать ненастье переходного времени...

Равноправие сторон-контрагентов *не* существенно: слово *бэрит*[1] применимо и к капитуляции, когда условия навязываются сильнейшим —

Продолжение: *Вельхаузен*

Вокруг чего можно было организоваться? Восстановление реального государства было невозможно: этого не допускало чужеземное господство. Тут и сказалась вся важность установлений.

О старинной общности периода царей среди людей, чаявших реставрации, ходила дурная слава: ясно было, что Яхве ее *отвергнул*... Вспоминали пророков, которые предупреждали: ведь крепости, кони, воины, цари, князья — всё это не поможет...

Иудейский храм в Иерусалиме: иерусалимские священники возвысились в тени царства. Чем слабее государство, тем выше авторитет храма, тем независимей власть священнического сословия. Взлет культа в седьмом столетии, начало использования дорогостоящих материалов, например благовоний, предпочтение тяжких треб (детские и покаянные жертвоприношения), *кровавая серьезность* при отправлении богослужения

Когда царство рухнуло, элементы, способные организовать «*общину*», нашлись в сословии священников. Обычаи и предписания в основном имелись: теперь они

---

1 Союз, завет (*др.-евр.*).

были систематизированы как средства, организующие *остаток*...

«Священное уложение иудейства»: *искусственный продукт*... Израиль тем самым *низведен* до «государства священников и священного народа». Прежде естественный строй общества находил себе опору в вере в бога; теперь государству божию надлежало зримо являть себя в какой-то искусственной сфере, во всяком случае, касательно обычной народной жизни. Идея, которая прежде проницала *природу*, ныне нуждалась в собственном священном теле. Возникла чисто внешняя противоположность священного и профанного, *естественная сфера* отгораживалась, отодвигалась все дальше... (ressentiment *в действии*—). Святость—пустая, антитетическая—становится господствующим понятием: изначально равнозначная божественному, ныне она равняется священническому, поповскому—*как будто божественное противопоставляется мирскому, естественному по какому-то внешнему признаку*—

Иерократия... искусственный продукт, по существу аполитичный, но гнущий свою линию в неблагоприятных условиях с неиссякаемо изумительной энергией: Моисеева теократия, реликт погибшего государства—своей предпосылкой она имела чужеземное господство. Ближайшая родственница древнекатолической церкви, по сути, ее *мать*...

Что означало *шаг назад*. Закон Яхве отмечал собой своеобразие иудеев, противопоставляя их язычникам. На самом деле, в культе оно не заключалось: невозможно отыскать какое-либо существенное различие между греческими и еврейскими обрядами. Культ есть языческая составляющая в религии Израиля: в священническом кодексе он становится главным. Разве это не *шаг назад, к язычеству*?—это именно то, с чем более всего боролись пророки.—Равным образом, в результате священнического законодательства культ был отчужден от собственной сущности и преодолен изнутри него самого. В праздниках стирается всякое воспоминание о жатве и скотоводстве, они превращаются в исторические памятные дни; отвергается происхождение праздников из природной сферы, отныне они отмечают основание сверхъестественной религии

и милости, оказанные Яхве. Из них выхолащивается все общечеловеческое, все вольнорастущее, они становятся уставными и специфически израильтянскими... Они больше не привлекают божество в земную жизнь, дабы приобщиться его радости и страданию, не являются попыткой сделать божеству добро и расположить его к себе. Они *не что иное, как божественные святые дары*, учрежденные Яхве как таинства иерархии. Опираются они не на внутреннюю ценность вещей, не на непосредственные жизненные поводы, но на неукоснительно точные веления немотивируемой божественной воли. Узы между культом и чувственным миром разорваны. Культ как упражнение в набожности; никакого естественного смысла — лишь запредельный, ни с чем не сопоставимый, непередаваемый. *Покаяние* как главный эффект культа. Со времен изгнания сознание греховности стало перманентным: Израиль *отвержен* от лица Господа...

Ценность приношений не в них самих, но в *послушании* предписаниям; центр тяжести культа смещается в чуждую ему область — область морали. Жертвы и подношения идут на убыль по сравнению с *аскетическим подвижничеством*, которое проще связано с моралью. Предписания, которые изначально большей частью имели в виду *освящение* самих священников для исполнения богослужебных функций, распространено теперь и на мирян; соблюдение заповеди плотской чистоты получило радикальное значение — большее, нежели большой общественный культ в целом, и прямиком вело к идеалу святости и всеобщего священства. Вся жизнь была *загнана* в русло святости, поскольку на все случаи находилась божественная заповедь, требующая исполнения; это мешало следовать собственным мыслям и сердечным желаниям. Этот малый, постоянно занимавший человека частный культ будил и бередил в нем *чувство греховности*.

Прав великий патолог иудаизма: культ превратился в исправительную меру. Сердцу он чужд: он больше не уходит корнями в наивное чувство: это *мертвое* творение, несмотря на всю свою важность — или именно *в силу* своей добросовестности и педантичности. Из старинных обычаев состряпана была *система* — служившая формой, твердой оболочкой, чтобы сберечь в ней нечто более благо-

родное. Язычество побеждено на собственной его территории, в культе: после того как здесь убита всякая *естественность*, культ становится не более чем панцирем, прикрывающим *сверхъестественный монотеизм.* **Вывод**

11 [378]

Моя теория типа Иисуса

Тип «искупителя» испорчен, даже уничтожен...

Причины: духовный уровень, на котором все постоянно упрощается, искажается, смещается, абсолютная слепота в отношении себя (—здесь не сделан и первый шаг к самопознанию—), неслыханная бесцеремонность всех сектантов, использующих своих назидателей в целях самооправдания... достойная преступника смерть Христа как загадка...

В типе, очевидно, *сохранится:* умственная неотесанность: вращение в среде рыбаков не осталось без последствий

: ложное обобщение во всемирный тип чудотворца, пророка, мессии—

: позднейшая история и психология молодой общины, перенесшей на образ учителя собственные сильнейшие аффекты—

: болезненно распущенная чувствительность и избалованность вместо разума: так что инстинкты снова возобладали—ни следа духовности, дисциплины, строгости в духовных вопросах, добросовестности.

Как жаль, что не нашлось в этом обществе своего Достоевского: действительно, вся эта история лучше всего смотрелась бы в *русском романе—болезненное*, трогательное, тонкая странность в отдельных штрихах, и все это среди пустыни или грязной черни (как Мария Магдалина)...

Лишь *смерть*, неожиданно позорная смерть, лишь крест, предназначавшийся в общем и целом для canaille,— вот только вся нетерпимо жуткая парадоксальность поставила учеников перед настоящей загадкой: «*кто же это был?*», «*кем же он был?*»

Потрясенное, оскорбленное в глубине чувство, подозрение, что, быть может, такая смерть *опровергает* само дело, страшный знак вопроса—«почему так?»—ведь тут

все обязано было быть необходимым, обладать смыслом, разумом, высшей разумностью,—для любящего ученика нет ничего случайного:

вот и разверзлась пропасть: «кто убил его?», «кто был врагом по природе?». Ответ: господствующий иудаизм, его первое сословие

—И *они* почувствовали, *что бунтуют против существующего «порядка»*

—задним числом у них и сам *Иисус бунтует против существующего порядка*

До той поры эта *воинственная* черта отсутствовала в Иисусе: больше того, она была невозможна при его умственном складе. И на практике поведение его при осуждении и казни было полной противоположностью этому: он ничему не противится, не защищает себя, он молится за них. То же самое вложено в слова, обращенные к разбойнику на кресте: раз ты чувствуешь, что это правильно—не противиться, не гневаться, не призывать к ответу, а, напротив, терпеть, сострадать, прощать, молиться за тех, кто гонит и убивает нас,—значит, есть у тебя единое на потребу, мир душевный—*значит, ты в раю*—

Явно *не* уразумели главного: образец свободы от всякого ressentiment'а:

опять-таки и смерть Христа не имеет иного смысла, кроме *сильнейшего примера и сильнейшего свидетельства в пользу* своего учения...

Все его ученики были далеки от того, чтобы простить ему такую смерть: вновь одержало верх самое неевангельское из чувств—*мстительность*...

Никак нельзя было смириться с тем, что погибло все их дело,—требовалось «возмездие», «суд» (—а нет ничего менее евангельского, чем награда и наказание!)

Только теперь в народе на первый план снова выдвинулись ожидания мессии: дождаться исторического момента, когда явится «судия», чтобы судить врагов своих...

: только теперь был *превратно понят* приход «Царства Божия»—как пророчество о завершительном акте истории

: только теперь на тип учителя и перенесли всё презрение и озлобленность, какие испытывали к фарисеям и богословам

: не уразумели главного: что именно сама такая смерть была *высшей победой* над «миром» (над чувствами вражды, мести и т.д.) – над злом, над *дьяволом*, понятым только как внутренняя психологическая реальность

: эти вовсе выбитые из равновесия души, с их поклонением, уже не могли сносить того законного равенства всех людей: всякий по праву «сын Божий», как учил Иисус, – и вот мщение: они стали безудержно *превозносить* Иисуса (– совсем как иудеи безмерно возвысили значение Израиля, будто остальной мир ему враг. Вот исток абсурдной теологии единого Бога и его единого Сына –

Проблема: «как *попустил* Господь?». На что был найден абсурдный ответ: «Он принес своего Сына на заклание ради прощения грехов». *Все* понято наоборот, да как!!! Нет ничего более неевангельского, чем искупительная жертва, причем невинного приносят в жертву за грехи виновного;

: да ведь Иисус упразднил грех! – и не «верою», но чувством божественности, богоподобия.

В тип проникают:

a) догмат о Суде и Втором пришествии

b) догмат о смерти как искупительной жертве

c) догмат о воскресении: этим изгоняется раз и навсегда все «блаженство» – весь смысл Евангелия – в пользу некой жизни «после смерти»...

Павел с наглостью раввина логически толкует это понимание: «если Христос не воскрес, то тщетна вера наша»

: в довершение всего «бессмертие личности»

Вот так уже во втором поколении после Иисуса христианским стало почитаться всё, что евангельским инстинктам глубочайшим образом противоречило

жертвоприношение, даже кровавая жертва, жертва первенца

наказание, награда, Суд...

разграничение мира сего и мира иного, времени и вечности

богословие вместо практического поведения, «вера» вместо образа жизни

глубокая и смертельная вражда ко всему нехристианскому

вся *тяжесть миссионерства* была привнесена в учение Иисуса: разного рода жестокие и злые вещи — против тех, кто не принимает его миссионеров, — теперь, выходит, провозглашены уже самим учителем
как только в принципе снова согласились на суд, наказание, награду, все учение Иисуса, все его речения и притчи пропитывают эти вещи...

11 [379]

Нигилист

Евангелие: весть о том, что низшим и нищим открыт путь к счастью, — что не надо ничего делать, достаточно избавиться от институтов, традиции, опеки высших сословий: в этом смысле пришествие христианства — не более как *типичное учение социалистов.*

Собственность, ремесло, отечество, сословие и положение, судебная система, полиция, государство, церковь, обучение, искусство, военное дело: все это, а равно многочисленные помехи счастью, заблуждения, тенета, дьявольские козни, призываемые Евангелием на суд... Все это типично для учения социалистов.

Подоплека возмущения — взрыв долго сдерживаемого отвращения против «господ», инстинктивное чувство того, какое огромное счастье может принести после столь долгого гнета уже одно лишь ощущение свободы...

Чаще всего это симптом того, что с низшими слоями обращались чересчур человечно и дружелюбно, так что они ощутили уже на языке вкус запретного счастья... Не голод порождает революции, но то, что к народу аппетит приходит во время еды...

11 [380]

Мнимая молодость

Заблуждаются те, кто воображает здесь молодую и наивную народную жизнь, отделяющуюся от старой культуры; суеверие думать, будто в тех низших слоях народа, где выросло и пустило корни христианство, забили глубинные источники жизни: мы совершенно ничего не поймем в психологии христианства, если примем его за выражение новоявленной молодости народа и усиления ра-

сы. Более того, это типичная форма декаданса; моральная изнеженность и истерия утомленного, ни на что не годного, больного разномастного сброда. Удивительная компания, собравшаяся здесь вокруг этого мастера обольщать народ, в общем-то вся без исключений из русского романа: все мыслимые нервные заболевания являются к ним на свидание... отсутствие жизненной задачи, инстинктивное чувство того, что всему конец, что ничто больше не стоит и гроша, удовлетворенность dolce far niente[1]

: мощь и уверенность в будущем иудейского инстинкта, неслыханное упорство его цепкой воли к существованию и власти сосредоточены в его господствующем классе; слои, превознесенные молодым христианством, ничем так резко не отмечены, как утомлением своих инстинктов. Одно дело – когда говорят: с меня хватит, – когда же довольствуются: собой, в себе, для себя – совсем другое.

11 [381]

Неспособность выразить *политический* идеал иначе как религиозными формулами

11 [382]

Ренан

На Востоке сумасшедший – существо привилегированное: он проникает в заседания высших сановников, и никто не осмеливается остановить его; его выслушивают, с ним советуются. Считают, что такой человек стоит ближе к Богу, так как предполагают, что если его индивидуальный разум угас, то взамен этого ему предоставлено участие в божественном разуме. В Азии не существует обыкновения при помощи тонкой насмешки отмечать у другого слабость мышления.

Этим рукописям придавали мало значения, предпочитая им устные предания: так было еще в первой половине II века. Отсюда малая авторитетность этих писаний: их исправляли, дополняли, сводили одно из другого –

В Евангелии от Иоанна отсутствуют притчи, изгнание бесов...

---

1 Сладостным ничегонеделанием (*ит.*).

11 [383]

Ego:

«Ибо алкал Я, и вы не дали Мне есть — идите от Меня, проклятые и т.д.» — Мф. 25, 41 и далее

эти возмутительные слова: «так как вы не сделали этого одному из сих братьев Моих меньших, то не сделали Мне»

«дух пропаганды», выдающий себя за дух Иисуса...

«дух неудовлетворенной мстительности», яростно изливающийся в словах, проклятиях и предсказаниях сцен Страшного суда...

«дух аскетизма» («соблюдение заповедей» как исправительное средство, как путь к потустороннему вознаграждению, совсем как в иудаизме) вместо того *христианского индифферентизма*, который открещивается от всех благ сих, ради «блаженства»... ессеи, Иоанн и т.д.

«дух чувства греховности и необходимости искупления»

Со смертью Христа и психологическим принуждением не видеть в ней конец восстановлены были все *популярные тенденции*: все *грубые буквализмы*, преобразование которых в *дух* и составляло труд этого типичного спиритуалиста —

: мессианизм, пришествие «Царства Божьего», дух враждебности и мести, ожидание «награды» и «наказания», высокомерие «избранных» (они судят, осуждают, проклинают, иудаистская идея жертвенности... социалистическая тенденция ради нищих, «бесчестных», презираемых)

Иисус, который жизнью своей являл *исполнение* всех популярных чаяний, который только и делал, что говорил: «*здесь* Царство Небесное», который преображал *буквализм* этих чаяний в *духовную* материю:

— но со смертью его все было забыто (скажем по-немецки: *опровергнуто*), не оставалось выбора — либо *обратно перевести* его тип в популярное представление о «мессии», грядущем «судии», пророке в битве — — —

Как эхо трагедии, до которой просто не доросла эта шайка сбивчивых, фантазерствующих мечтателей, сразу же ударяет *совершенное вырождение*: все было тщетным…

абсурдное *огрубление* всех духовных ценностей и формул

беззастенчивое выступление на передний план *анархических* инстинктов, направленных против господствующего класса.

: ненависть к богатым, власть имущим, ученым — о «Царстве Небесном», о «мире на земле» и речи больше быть не может: психологическая *реальность* превращается в *веру*, *чаяние некогда грядущей реальности*, «второго пришествия»: *жизнь в* **воображении** как вечная форма «искупления» — о, насколько иначе представлялось все самому Иисусу!

11 [384]

Первое вырождение христианства — примесь юдаина: обратное развитие в *преодоленные* формы…

11 [385]

«Царство Мое не от мира сего»

«я разрушу храм Божий и через три дня воздвигну другой»

судебная процедура против «соблазнителя» (*месит*), который ставит под вопрос религию: законом было предусмотрено побитие камнями

— всякого пророка или чудотворца, уводящего народ от старой веры —

«*ce grand maotre en ironie*»[1]

Ренан считает справедливым, что он жизнью должен был заплатить за свой триумф.

11 [386]

«он вступает в диспут, лишь когда приводит аргументы против фарисеев, и противник принуждает его, как это всегда и бывает, говорить в одном тоне с ним» —

---

1 Этот великий мастер иронии (*фр.*).

11 [387]

Ренан I, 346

Ses exquises moqueries, ses malignes provocations frappaient toujours au cœur. Stigmates éternelles, elles sont restées figées dans la plaie. Cette tunique de Nessus du ridicule, que le juif, fils des pharisiens, traîne en lambeaux après lui depuis dix-huit siècles, c'est Jésus, qui l'a tissée avec un artifice divin. Chefs-d'œuvre de haute raillerie, ses traits se sont inscrits en lignes de feu sur la chair de l'hypocrite et du faux dévot. Traits incomparables, traits dignes d'un fils de Dieu! Un dieu seul sait tuer de la sorte. Socrate et Molière ne font qu'effleurer le peau. Celui-ci porte jusqu'au fond des os le feu et la rage.[1]

И ведь это то же самое, что мог говорить о себе Исаия — 42, 2—3!!

11 [388]

У него нигде нет понятия «личности», «индивида»: человек растворяется в едином целом, когда любит, когда живет лишь другим. Он и его ученики были единым целым.

11 [389]

Что он объявлял себя Богом или равным Богу, выставляется клеветой со стороны иудеев (ср. Иоан., 5, 18; 10, 33). Иисус заявляет, что Отец больше его: Отец не все ему открыл. Он защищается от попыток называть его равным Богу. Он Сын Божий, но и все люди могут сделаться таковыми (— это в традициях *иудаизма*: в Ветхом Завете сыновнее родство с Богом приписывалось некоторым

---

1 Его изысканные насмешки, его лукавые вызовы поражали противников всегда в самое сердце. И он точно вечными стигматами запечатлевал нанесенные ими раны. Не кто иной как Иисус с божественным искусством выткал ту Нессову рубаху осмеяния, лохмотья которой еврей, сын фарисеев, таскает на себе с тех пор в течение восемнадцати веков. Письмена этого образцового по мастерству высшего осмеяния огненными чертами выжжены на теле лицемера и лженабожного. Несравненные письмена — письмена, достойные Сына Божия! Только Бог умеет убивать таким способом. Сократ и Мольер лишь царапают кожу. А у этого огонь и бешенство прожигают до самых костей (*фр.*).

личностям, которых отнюдь не считали равными Богу). В семитских языках словом «*сын*» передается исключительно широкое, гибкое понятие...

11 [390]

Великое умбрийское движение XIII века, которое больше всего приближалось к галилейскому движению, происходило исключительно во имя бедности:

Франциск Ассизский: exquise bonté, sa communion délicate, fine et tendre avec la vie universelle[1]

11 [391]

на языке раввинов того времени «небо» равнозначно «Богу», чье имя избегали произносить.

11 [392]

«Царствие Божие *среди* нас есть» — Лк. 17, 20.

11 [393]

«блаженны слышащие слово Божье и *исполняющие* его» — Лк. 11, 27 etc.

11 [394]

совершенно отсутствует понятие «природы», «естественного закона»: все происходит в плоскости морали, «чудеса» не есть нечто «противоестественное» (потому что нет никакого естества)

11 [395]

«Закон уничтожен: это он его уничтожит»: раскол среди первых его учеников, из которых значительная часть осталась привержена иудаизму... Процесс над ним не оставляет никаких сомнений...

11 [396]

«ближним» для иудея является, прежде всего, единоверец

---

1 Его изысканная доброта, его чуткое, тонкое и нежное общение с вселенской жизнью (*фр.*).

11 [397]

менее всего принадлежали к *евангельскому типу* учители греческой церкви, которые, начиная с IV века, увлекли христианство на путь абсурдной метафизики, и, с другой стороны, схоластики *латинского* средневековья.

11 [398]

Ренан, I, 461

...le sentiment que Jésus a introduit dans le monde est bien le nôtre. Son parfait idéalisme est la plus haute règle de la vie détachée et vertueuse. Il a créé le ciel des âmes pures, où se trouve ce qu'on demande en vain à la terre, la parfaite noblesse des enfants de Dieu, la sainteté accomplie, la totale abstraction des souillures du monde, la liberté enfin, que la société réelle exclut comme une impossibilité et qui n'a toute son amplitude que dans le domaine de la pensée. Le grand maître de ceux qui se réfugient ce paradis idéal est encore Jésus. Le premier, il a proclamé la royauté de l'esprit: le premier, il a dit, au moins par ses actes: «mon royaume n'est pas de ce monde». La fondation de *la vraie religion* est bien son œuvre...[1]

11 [399]

«Христианство» сделалось синонимом «религии»: все, что будет совершаться вне этой великой и прекрасной христианской традиции, останется бесплодным.

---

1 Но чувство, которое Иисус внес в мир, то же самое, что и у нас. Его совершенный идеализм есть высшее правило жизни добродетельной и полной отрешения. Он создал небо чистых душ, где находится то, чего тщетно ищут на земле, совершеннейшее благородство детей Божиих, полная святость, полное отрешение от мирской грязи, наконец, свобода, которую реальное общество исключает как нечто невозможное и которая может иметь всю свою полноту только лишь в области мысли. И великим учителем тех, кто находит себе прибежище в этом идеальном раю, является опять-таки Иисус. Он первый возвестил царство духа; он первый объявил, во всяком случае, своими делами: «Царство Мое не от мира сего». Основание *истинной религии* – конечно, его работа... (*фр.*).

11 [400]

Наша цивилизация, управляемая полицейской регламентацией, не дает никакого представления о том, что мог вершить человек в такие эпохи, когда для развития оригинальности каждого представлялось более широкое и свободное поприще.

Nos petites tracasseries préventives, bien plus meurtières que les supplices pour les choses de l'esprit, n'existaient pas[1]. В течение трех лет Иисус вел жизнь, за которую в наших обществах его бы уже раз двадцать успели привлечь к суду..

Dégagées de nos conventions polies, exemptes de l'éducation uniforme, qui nous raffine, mais qui diminue si fort notre individualité, ces âmes entières portaient dans l'action une énergie surprenante... Le souffle de Dieu était libre chez eux; chez nous, il est enchaîné par les liens de fer d'une société mesquine et condamnée à une irrémédiable médiocrité.

Plaçons donc au plus haut sommet de la grandeur humaine la personne de Jésus[2],—призывает нас господин Ренан.

11 [401]

Медицина видит в известной моральной délicatesse[3] начало этизии... (фтизии?)

11 [402]

La philosophie ne suffit pas au grand nombre. Il lui faut la sainteté.[4]—Ренановская вежливая колкость.

---

1 Наши мелкие предупредительные мероприятия, гораздо более убийственные для духа, нежели казни, еще не существовали (*фр.*).

2 Будучи свободны от наших вежливых условностей, не получив, подобно нам, однообразного воспитания, которое так сильно ограничивает нашу индивидуальность, эти цельные натуры вкладывали в свою деятельность просто поразительную энергию... Дыхание Бога свободно веяло среди них, у нас же оно сковано железными цепями мещанского общества и осуждено на безнадежную посредственность. Так что поставим личность Иисуса на самую высшую точку человеческого величия (*фр.*).

3 Чуткости (*фр.*).

4 Для большинства человечества одной философии недостаточно. Ему надо святости (*фр.*).

11 [403]

Qui n'aimerait mieux être malade comme Pascal que bien portant comme le vulgaire?[1] — Ренан.

11 [404]

Qu'on se figure Jésus, réduit à porter jusqu'a soixante ou soixante-dix ans le fardeau de sa divinité, perdant sa flamme céleste, s'usant peu à peu sous les nécessités d'un rôle inouï![2] — Ренан.

Voué sans réserve à son idée, il y a subordonné toute chose à un tel degré que l'univers n'exista plus pour lui. C'est par cet accès de volonté héroïque, qu'il a conquis le ciel. Il n'y a pas eu d'homme, Çakia-Mouni peut-être excepté, qui ait à ce point foulé aux pieds la famille, les joies de ce monde, tout soin temporel.. Pour nous, éternels enfants, condamnés à l'impuissance, inclinons-nous devant ces demi-dieux![3] — Ренан.

11 [405]

Ренан, p. 187.

Le mouvement démocratique le plus exalté, dont l'humanité ait gardé le souvenir, agitait depuis longtemps la race juive. La pensée que Dieu est le vengeur du pauvre et du faible contre le riche et le puissant se retrouve à chaque page des écrits de l'Ancien Testament. L'histoire d'Israël est de toutes les histoires celle où l'esprit populaire a le plus constamment

---

1 Кто бы не предпочел быть Паскалем, нежели здоровым дюжинным человеком? (*фр.*).

2 Представим только себе, что Иисус тянул бы лямку своей божественности до шестидесяти или семидесяти лет, теряя мало-помалу свой небесный огонь, мало-помалу изнашиваясь под бременем небывалой ноши! (*фр.*).

3 Беззаветно преданный своей идее, он сумел все подчинить ей до такой степени, что вселенная не существовала для него. Этими усилиями героической воли он и завоевал небо. Не было человека, быть может, за исключением Шакьямуни, который до такой степени попирал ногами семью, все радости бытия, все мирские заботы... Для нас, вечных детей, которые осуждены на бессилие, остается только преклоняться перед этими полубогами! (*фр.*).

dominé. Les prophètes, vrais tribuns et, on peut le dire, les plus hardis des tribuns, avaient tonné sans cesse contre les grands et établi une étroite relation entre les mots «riche, impie, violent, méchant». Sous les Séleucides, les aristocrates ayant presque tous apostasié et passé à l'hellénisme, ces associations d'idées ne firent que se fortifier. Le livre d'Hénoch contiens des malédictions plus violentes encore que celles de l'Évangile contre le monde, les riches, les puissants. Le nom de «pauvre» (ébion) était devenu synonyme de «saint», d'«ami de Dieu».[1]

11 [406]

Пьер Лоти, Pêcheurs d'Islande[2].

11 [407]

Государство, или организованная безнравственность...

во внутренних делах: как полиция, уголовное право, сословия, торговля, семья

во внешних: как воля к власти, к войне, к завоеванию, к мести

как доходит до того, что *массы* совершают вещи, до которых *отдельный человек* никогда бы не опустился?

– за счет разделения ответственности

– разделения приказа и выполнения

– за счет *вбивания клина* в виде добродетелей повиновения, долга, любви к отечеству и своему правителю

---

1 Самое экзальтированное демократическое движение, о котором только сохранилось у человечества воспоминание, ...уже давно волновало еврейскую расу. Мысль, что Бог есть мститель за бедного и слабого против богатого и сильного, повторяется чуть не на каждой странице Ветхого Завета. Из всех историй в истории Израиля народный дух господствовал с наибольшим постоянством. Пророки, эти истинные трибуны и, можно сказать, самые смелые из трибунов, непрерывно гремели против великих мира и установили тесную связь между понятиями: «богатый, нечестивый, жестокосердый, злой»... При Селевкидах, когда почти все аристократы сделались отступниками и перешли в эллинизм, эти ассоциации идей только еще более укрепились. В книге Еноха находятся еще более энергичные проклятия, нежели в евангелиях, по адресу мира, богатых, сильных... Слово «бедный» (*евион*) сделалось синонимом «святого», «друга Божия» (*фр.*).

2 «Исландские рыбаки» (*фр.*).

сохранение гордости, суровости, силы, ненависти, мести, короче, всех типических черт, *противоречащих* стадному типу...

Ухищрения с целью обеспечить возможность действий, мероприятий, аффектов, которые применительно к индивиду уже не «допустимы» — и не «приемлемы» —

— *искусство* «убеждает нас в их приемлемости», оно велит нам вступить в эти «отчужденные» миры

— *историк* показывает их своеобразную оправданность и разумность; путешествия; экзотика; психология; уголовное право; сумасшедший дом; преступники; социология

— «*обезличение*»: так что мы сами, в качестве *медиума* некоего коллективного существа, разрешаем себе эти аффекты и действия (судейские коллегии, суд присяжных, гражданин, солдат, министр, правитель, социум, «критик»)... вселяет в нас чувство, *будто мы приносим жертву*...

Сохранение военизированного государства есть крайнее средство, эту *великую традицию* следовало бы подхватить, продлить ради *высшего типа* человека, *сильного типа*. В этом плане могут казаться оправданными все *понятия*, увековечивающие вражду и ранговую дистанцию между государствами...

например, национализм, покровительственная пошлина,———

сильный тип сохраняется в качестве *задающего ценность*...

11 [408]

Нечего прихорашивать и приукрашивать христианство (как этот двусмысленный господин Ренан): оно объявило смертельную войну *сильному типу* человека

оно предало анафеме все основные инстинкты этого типа

оно извлекло из них зло — сфабриковало *дьявола*

: сильный человек — типичный *отверженный*, «*порочный*» человек

оно приняло сторону всего слабого, низкого, уродливого

: оно создало идеал по *противоположности* инстинктам самосохранения, свойственным полной сил жизни...

: оно испортило разум даже наиболее духовно одаренных людей, научив воспринимать высшие инстинкты духа как греховные, вводящие в заблуждение, как *искушения*..

плачевнейший пример — порча Паскаля, верившего в испорченность собственного разума первородным грехом, тогда как испортило-то его ему христианство и ничто другое...

11 [409]

Авторы, расположение к которым еще и сегодня может раз и навсегда скомпрометировать: Руссо, Шиллер, Жорж Санд, Мишле, Бокль, Карлейль, imitatio...

11 [410]

NB. Я не доверяю любым систематизаторам и держусь от них подальше. Воля к системе, по крайней мере для мыслителя, есть нечто компрометирующее, форма безнравственности... Быть может, заглянув в подоплеку этой книги, кое-кто догадается, от какого именно систематизатора сама она с трудом улизнула — от меня самого...

11 [411]

Предисловие

1

Великие предметы требуют молчания или великих слов: великих — значит циничных и сказанных в простоте души.

2

То, что я расскажу, — история двух следующих столетий. Я пишу о том, что наступает, что уже не может наступить иначе: *надвигается нигилизм.* Этот рассказ можно вести уже теперь — тут трудится сама необходимость. Это грядущее гласит сотней знамений, предветия этой судьбы повсюду; каждый слух настороженно ждет этой музыки грядущего. Вся наша европейская культура давно уже, в муке

напряжения (растущего век от века), движется словно к катастрофе: тревожно, неволей, очертя голову: рекою, уставшей ждать *конца*, уж не помнящей себя, которой страшно опомниться.

3

—Тот, кто берет здесь слово, напротив, только и занят был тем, чтобы *опомниться*: как философ и инстинктивный отшельник, находивший свою выгоду в жизни на отшибе, в выжидании, промедлении, отставании; как дерзновенный и искусительный ум, блуждавший-таки по всем лабиринтам будущего; как парящий вещей птицей ум, *бросающий взор назад*, заводя рассказ о грядущем; как первый законченный нигилист Европы, но до конца проживший в себе этот самый нигилизм—оставивший его позади, ниже, вне себя самого...

4

Ибо зачем обманываться в смысле названия, желанного этому евангелию будущего! «*Воля к власти*. Опыт переоценки всех ценностей» —данной формулой заявлено о *встречном движении*, что касается принципа и задачи: о движении, которое когда-то в будущем сменит означенный законченный нигилизм, но для которого последний служит *предпосылкой*—логически и психологически,—которое только и может возникнуть *после него* и *из него*. Ибо почему появление нигилизма отныне *неизбежно*? Потому что наши прежние, бывшие доселе в ходу ценности—вот что делает в нем свой последний вывод; потому что нигилизм есть до конца додуманная логика всех наших великих ценностей и идеалов,—потому что надо сначала изведать нигилизм, чтобы докопаться, в чем же была ценность сих «ценностей»... Нам еще пригодятся *новые ценности*...

11 [412]

Читать книги, которые могли бы быть написаны многими: они отчетливей всего выдают интеллектуальные привычки типичного ученого эпохи, они «безлики».

11 [413]

Сверхчеловек

: мой вопрос *не* о том, чтó сменяет человека, но о том, какую породу человека, в качестве более ценной, надлежит избрать, изволить, *вывести*...

Человечество *не* являет развития к лучшему, или к сильнейшему, или к высшему—в том смысле, как это воображают себе сегодня. Европеец XIX века по своей ценности сильно уступает европейцу эпохи Возрождения; прогрессирующее развитие отнюдь не совпадает с какой-либо неизбежностью повышения, возвышения, усиления...

совсем в ином смысле, в отдельных случаях в самых разных уголках земли и среди самых различных культур то и дело случаются *удачи*, в которых на деле *являет себя некий высший тип*: нечто такое, что по отношению к человечеству вообще предстает своего рода «сверхчеловеком». Такие счастливые случаи великой удачи всегда были возможны и, наверное, всегда будут возможны. А при определенных обстоятельствах такими удачными *попаданиями* могут являться даже целые племена, поколения, народы...

С древнейших доступных догадке времен индийской, египетской или китайской культуры и до сегодняшнего дня *высший тип человека* куда однороднее, чем думают...

Мы забываем, в какой малой степени человечество можно считать включенным в одно-единственное движение, забываем, что молодость, старость, закат и гибель—вовсе не те понятия, которые можно применить к человечеству в целом...

Мы забываем, возьмем один пример, что лишь сегодня наша европейская культура снова приблизилась к тому состоянию философской мягкотелости и поздней культуры, в котором только и делается понятным возникновение буддизма.

Если когда-нибудь представится возможность провести через всю историю своего рода изохронные линии культуры, то современное понятие прогресса форменным образом встанет с ног на голову—да и самый показатель, которым прогресс измеряется,—демократизм

11 [414]

Предисловие

***

Что хорошо? — Все, что повышает в человеке чувство власти, волю к власти, власть как таковую.

Что плохо? — Все, что происходит от слабости.

Что есть счастье? — Чувство растущей власти — чувство преодолеваемого сопротивления.

Не удовлетворенность — но еще больше власти; не мир — но война; не добродетель — но дельность (добродетель в ренессансном стиле, virtù, добродетель без примеси моралина).

Слабые и неудачные пусть гибнут: вот первая заповедь общества. Им еще и помочь в этом нужно.

Что вреднее любого порока? — Сострадание всем неудачным и слабым — «христианство»...

***

Проблема, которую я здесь ставлю, не в том, чтó должно сменить человечество в череде живых существ, но — какой тип человека надлежит *вывести*, надлежит *изволить*: как более ценный, более достойный жизни, какому принадлежит будущее.

Этот более ценный тип уже достаточно часто существовал на земле и прежде, но всегда лишь в виде счастливого случая, исключения — и никогда как *продукт воли*. Напротив, он был тем, чего больше всего страшились, — он, можно сказать, внушал *ужас*: из этого-то страха желали обратный тип, именно его получилось вывести и *достигнуть*: домашнее животное, стадное животное, животное «равноправия», *слабое* животное по имени человек — «христианина»...

***

Воля к власти

Опыт переоценки всех ценностей

11 [415]

Миропонимание, с каким сталкиваются в подоплеке этой книги, до странности мрачно и малоприятно: кажется, ни один из известных на сегодня типов пессимизма не достигает такой степени коварства. Здесь нет проти-

вопоставления мира истинного и видимого: есть лишь один мир, и мир этот ложен, жесток, противоречив, соблазнителен, бессмыслен... Так устроенный мир и есть истинный... *Мы нуждаемся во лжи*, дабы одержать победу над этой реальностью, этой «истиной», то есть чтобы *жить*... И тот факт, что ложь необходима для того, чтобы жить, опять-таки неразрывно связан с этим страшным и сомнительным характером существования...

Метафизика, мораль, религия, наука—все они принимаются в этой книге в расчет лишь как различные формы лжи: с их помощью мы можем *верить* в жизнь. «Жизнь *должна* внушать доверие»: задача, поставленная таким образом, неслыханно сложна. Чтобы решить ее, человек уже от природы должен быть лжецом, больше всего прочего он должен быть *художником*... Он им и является: метафизика, мораль, религия, наука—все это лишь продукты его воли к искусству, ко лжи, к бегству от «истины», к *отрицанию* «истины». Сама эта способность, благодаря которой он *насилует реальность ложью*, эта присущая человеку *художническая способность* par excellence,—она все еще разделяется им со всем сущим: ведь он сам есть частица действительности, истины, природы—он сам есть также и частица *гения лжи*...

Не видеть действительного характера существования—вот тайный умысел—глубочайший и наивысший—науки, благочестия, художников. Многого вовсе не видеть, многое видеть превратно, глядя, многое добавлять... О, сколько в человеке еще остается расчета даже в состояниях, когда и в голову не придет, что ты расчетлив! Любовь, вдохновение, «Бог»—сплошь тонкости предельного самообмана, сплошь обольщения ради того, чтобы жить! В мгновения, когда человек обманут, когда он снова верит в жизнь, когда ему удалось обхитрить самого себя: о, как он тогда окрылен! Какой восторг! Какое ощущение власти!... Сколько художнического триумфа в чувстве власти! Теперь он вновь воспрял господином над «материей»—господином над истиной!.. И когда бы ни чувствовал человек радость, он всегда в ней верен себе: он радуется как художник, он наслаждается собой как властью! *Ложь и есть эта власть*...

Искусство, и ничего кроме искусства. Искусство, художественность — великая попечительница жизни, великая обольстительница во имя жизни, великая подстрекательница к жизни...

11 [416]

Переоценка ценностей

Книга 1: антихристианин.
Книга 2: мизософ.
Книга 3: *имморалист*
Книга 4: *Дионис.*

Переоценка всех ценностей

11 [417]

...я уже дал немцам самую глубокую книгу, какой они только владеют — моего «Заратустру», — ныне я даю им самую своевольную. Как? — восклицает на это моя нечистая совесть, — ты собираешься метать бисер перед немцами!..

12. Начало 1888

12 [1]

Указатель к первой книге.

(1)	Все прежнее историческое развитие философии как историческое развитие воли к истине.	IV
(2)	Временное преобладание социальных ценностных ощущений, понятное как средство закладки фундамента.	IV
(3)	Критика доброго человека – *не* лицемерия добрых...	II
(4)	Кантовская ценность	I
(5)	К характеристике *национального гения.*	I
(6)	Aesthetica	III
(7)	«Духовность», не просто велит и ведет за собою	III
(8)	Формулирование Бога как кульминационный пункт; спуск	III
(9)	Оффенбах. Музыка	IV
(10)	Жрецы	II
(11)	К критике христианской морали Нового Завета.	II
(12)	всякая *усиленная* порода людей опирается на нижестоящий человеческий уровень	IV
(13)	война против *христианского идеала,* не **просто** против христианского Бога	II
(14)	*Франциск Ассизский* в борьбе против иерархии	II
(15)	*Сократ* против благородных инстинктов, против искусства	II
(16)	пороки и *культура*	II
(17)	примеры величайшей лжи в истории	II
(18)	христианское толкование *умирания*	II
(19)	вечно неизменное, вопрос о ценности	III
(20)	*замена* морали стремлением к нашим целям, а стало быть, и к средствам их достижения Отказаться от хвалы...	IV

(21) **Фальсификации в психологии** II
(22) **Ренан ошибается насчет «науки»** I
(23) **исправление понятия «эгоизм** IV
(24) **военные выражения**
(25) **будущее аскезы** IV
(26) **будущее рабочего** IV
(27) **нигилизм** I
(28) **«истина», условия нашего самосохранения, спроецированные в виде предикатов** ***бытия*** III
(29) **степень неверия, свойственного допустимой «свободе мысли» как степень власти** IV
(30) **критика и отклонение понятия «объективный»** III
(31) **крайняя форма нигилизма: поэтому он божественный образ мышления** IV
(32) **дионисийское: новый путь к некоторому типу божественного; мое исконное отличие от Шопенгауэра.** IV
(33) **«зачем?» — вопрос нигилизма и попытки получить ответы** I
(34) **отсутствие иерархии, причина нигилизма. попытки выдумать** ***более высокие типы...*** I
(35) **во что** ***обошелся*** **великий человек.** IV
(36) **воля к истине** III
(37) **окончательный выбор и вкладывание смысла** III
(38) **скорее дети своих бабушек и дедушек**
(39) **осторожно: Новый Завет!** II
(40) **современное осуждение** ***воли к власти*** IV
(41) **отвага как граница, на которой признают «истинное»..** III
(42) **Музыка — традиция сильного начала. Оффенбах; против немецкой музыки как** ***вырождающейся.***
(43) ***ценность человека*** **измеряется** ***не*** **его воздействием. «Благородное»** IV
(44) **Философия: искусство жить,** ***не*** **искусство открывать истину. Эпикур. К истории философии.** IV
(45) **подходящие обороты...**
(46) **воля к истине: прийти в себя неслыханным образом.** IV
(46) **воля к истине** III

(47)	теоретико-познавательные установки и их связь с высшими ценностями	III
(48)	colportage-философия[1]. К идеалам психолога	IV
(49)	какой смысл в *переоценке* ценностей.	IV
(50)	Ларошфуко и Д. Милль: последний вполне мелок, первый *наивен*.. «Эгоизм»	III
(51)	«польза» зависит от «целей»: утилитаризм.	III
(52)	страх Бога пред человеком Познание как средство достижения власти, «богоравенства». *Ценность*. К истории философии —	III
(53)	иллюзорность, бессмысленность, «действительность»	III
(54)	К характеристике «сильных»	IV
(55)	«люди, признанные посмертно» — проблема понятности и *авторитета*	II
(56)	Предпосылка переоценки ценностей	IV
(57)	Как возникает слава добродетели	II
(58)	хвала, благодарность — как *воля к власти*	III
(59)	психологические фальшивки, диктуемые стадным инстинктом	II
(60)	стадный инстинкт: какие состояния и страсти он восхваляет.	II
(61)	*Утрата моралью естественности*, шаги этого процесса	II
(62)	*подавленная* мораль	II
(63)	Новый Завет	II
(64)	познание и становление	III
(65)	борьба с детерминизмом	III
(66)	восстановление аскетики.	IV
(67)	закон противоречия	III
(68)	дедукция нашей веры в разум	III
(69)	суеверие насчет «рода»	II
(70)	эстетика	III
(71)	*К плану*	I
(71)	«субъект», вещь сама по себе	III
(72)	нигилизм	I

---

1 Бульварная философия (*фр., рус.*).

(73) будущее евреев
(74) Поверхностность, живописность — *нигилистический* элемент в ней. I
(75) Aesthetica III
(76) *К плану.*
(77) XVIII век. I
(78) будущее искусства IV
(79) великий человек, преступник III
(80) прогресс на пути возврата к естественности в XIX веке. I
(81) мой «нигилизм» I
(82) мораль как средство совращения,
как воля к власти II
(83) Вольтер и Руссо I
(84) основные симптомы пессимизма I
(85) критическое напряжение сил: крайности берут верх. XIX век. I
(86) критика современного человека, его психологической лживости — его *романтические* позы I
(87) XVIII столетие. I
(88) Тьерри, прямо народное восстание в науке. I
(89) будущее воспитание: культура исключения IV
(90) лукавство лютеровского «будь ответствен перед своей совестью»: его воля к власти II
(91) инстинкт цивилизованного человечества, направленный против *великих* людей III
(92) все доброе — бывшее некогда злым, но покоренное III
(93) к оправданию морали. Подытоживание. IV
(94) современные пороки I
(95) «культура» в ее *противоположности* «цивилизации» I
(96) Новый Завет и Петроний. II
(97) о мнимости логики III
(98) морфология воли к власти II
(99) против Руссо I
(100) как добродетель приходит к власти II
(101) метаморфозы и сублимации (жестокость, лживость и т.д. II
(102) как оказываются в чести враждебные жизни тенденции. II

(103) оптика наделения ценностью III
(104) раздвоенность – физиологически – как следствие воли к власти III
(105) сильные люди будущего IV
(106) рост ввысь и в сферу дурного – связаны III
(107) добродетель сегодня не ценят: значит, кому-то нужно пустить ее в оборот в качестве порока IV
(108) великие подлоги в сфере психологии II
(109) принципиальный подлог в сфере *истории* – с той целью, чтобы она предоставила некое *доказательство* в пользу морали II
(110) общий расчет с моралью: что в ней домогается власти? III
(111) моральные ценности в теории познания III
(112) моральные ценности, господство над сферой эстетического II
(113) почему надвигается пессимизм I
(114) великие подлоги, совершенные под диктатом морали: *схема.* II
(115) современные веяния I
(116) классическое: к *будущей* эстетике IV
(117) Фигуры современности: торгаш и посредник I
(118) современные веяния I
(119) XVIII век и Шопенгауэр I
(120) современные художники: чеканка фальшивой монеты. I
(121) современное разделение на «публику» и «келейных знатоков» I
(122) к *предисловию.* Глубочайшее опамятование. Пред.
(123) чье своекорыстие строит свой расчет на сохранении тирании морали II
(124) *оправдательная* ретроспектива дурных последствий тирании морали. IV
(125) что покровительствует добродетели (корыстолюбие, властолюбие и т.д. II
(126) Спиноза, святой в глазах Гёте
(127) к заключению: гётевский взгляд, полный любви, – действительное преодоление пессимизма IV
(128) три <последних> столетия I

(129) гётевская попытка преодоления XVIII столетия IV
почему среди выразителей XIX столетия
недостает Гёте? IV
(130) представители *сильной* породы немцев IV
(131) осмеяние систематизаторов
(132) Шопенгауэр: тот, кто подхватил направление
Паскаля I
(133) XVII и XVIII века. I
(134) Руссо и Вольтер ок. 1760-го; влияние Руссо на романтизм. I
(135) проблема «цивилизации» I
(136) Вопрос о ценности *современного* человека.
Предполагают ли друг друга его сильная и слабая
стороны? I

2-я книга.

(137) пять моих «нет»: к предисловию? IV
(138) мой новый путь к *жизнеутверждению* IV
(139) каким образом удалось подчинить идеал Возрождения I
(140) к чести XIX столетия. IV
(141) стыдиться того, что ты христианин IV
(142) отголоски *христианского* Промысла
за что надо сказать спасибо христианству.. I
(143) об оправдании *морали* IV
(144) «реактивный» идеализм и пара к нему II
(145) экономическая оценка прежних идеалов IV
(146) утилизация человека посредством добродетели:
машинная добродетель IV
(147) альтруизм в биологии! III
(148) выгода непрерывного ряда IV
(149) жизнь «низшего» и «высшего» уровня? IV
(150) выделение из человечества излишка роскоши.
два движения IV
(151) «современность» I
(152) субъект, субстанция III
(153) симпатия как беззастенчивость
то же про «объективность» критика I
(154) пессимизм силы. I
(155) общая концепция нигилизма I

(156) общая концепция двусмысленного характера нашего современного мира I
(157) Искусством *бороться* с омораливанием IV
(158) романтизм: ложный рост силы I
(159) Оправдать *правило* IV
(160) наука, *два* значения IV
(161) комплекс культуры, *не* общество IV
(162) варварство *не* вопрос прихоти IV
(163) *рост* совокупной власти человека: насколько он обусловливает всякого рода упадок. IV
(164) К *политике добродетели*:
как она приходит к власти
как, достигнув власти, она господствует II
(165) художники – не люди великой страсти
(166) средство привести добродетель к победе II
(167) сладострастная меланхолия мавританского танца: *современный* фатализм. I
(168) современное искусство, тиранить под видом искусства. I
(169) средство привести добродетель к победе. II
(170) стадный инстинкт: почитание посредственности II
(171) *женщина*, литература, искусство (девятнадцатый век, *обезображивание* I
(172) К I. Нигилизм. План I
(173) законченность нигилизма. I
(174) аффекты как щит и меч: что выйдет из человека, когда *не нужно* браться за щит и меч? IV
(175) *умаление* сферы морали: прогресс IV
(176) Этапы *лишения* морали *естественности* II
(177) реабилитация «природы» в морали II
(178) верою или делами? *Лютер*. Реформация. «Самоуничижители». II
(179) проблема *преступника* IV
(180) метаморфозы чувственности III
(181) нигилизм артистов I
(182) приближение к природе человека XIX столетия. IV
(183) протестантизм в XIX столетии. I
(184) К идеалу *философа*. Заключение IV
(185) История омораливания и разморaливания III
(186) план книги I. «План» I

(187) иерархия людей IV
(188) музыка по сравнению со словом I
(189) где искать натур *более сильных* IV
(190) насмешка над идеализмом, который желает, чтобы посредственность не была посредственной: к критике «идеалистов». I
(191) трагическая эпоха IV
(192) «идеалист» (Ибсен) I
(193) хотеть не «улучшать», но делать сильнее IV
(194) христианское искусство очернения II
(195) не стричь под одну гребенку! «Добродетель» — не что-то посредственное, но нечто сумасбродное IV
(196) брак, половое влечение III
(197) иудейская смышленость первых христиан II
(198) Новый Завет как книга совращения II
(199) три элемента в христианстве. Прогресс его в направлении демократии: как *проникшегося природой* христианства. II
(200) христианство как *продолжатель* иудаизма II
(201) ирония по поводу христианской мелкоты II
(202) индивидуализм как «воля к власти» К метаморфозам воли к власти. III
(203) ирония в адрес праведников критика «доброго человека» III
(204) размах моралистической гипотезы III
(205) критика «доброго человека» II
(206) против Иисуса из Назарета как соблазнителя.. II
(207) Проверка силы IV
(208) Брак как конкубинат II
(209) принцип *иерархии..* IV
(210) понятие «Бога» после сведения счетов с «добрыми» IV
(211) христианство как эмансипированное иудейство II
(212) жизнь евреев как общий фон «первых общин христиан» II
(213) Петроний II
(214) смогут ли князья обойтись без нас, имморалистов? IV
(215) христианин: идеал неблагородной породы. II

(216) мы, познающие,– как неморально! IV
(217) протест против того, что христианина считают человеческим типом: он лишь карикатура, не более... IV
(218) денатурализация *гения* (Шопенгауэр) под влиянием морали. II
(219) что примиряет Шопенгауэра с Ветхим Заветом: миф о грехопадении II
(220) составить указатель моих Да, моих Нет, моих вопросительных знаков. IV
(221) тип моих «учеников» IV
(222) против Шопенгауэра, который хочет кастрировать мошенников и глупцов. К «иерархии». IV
(223) для: в чем сильные стороны XIX века. IV
(224) нанес ли я *ущерб* добродетели? IV
(225) против *раскаяния* IV
(226) Добродетель, переведенная в *благородство* IV
(227) мой способ оправдания добродетели IV
(228) об иерархии IV
(229) о*карикатуривание* во всякой *оценке* обществом чего бы то ни было: средство его воли к власти II
(230) к критике идеалистов: как полной моей противоположности IV
(231) война «благородству» в дрябло-женско-женственном смысле IV
(232) наша музыка, о понятии «классический», «гениальный» и т.д. IV
(233) почему я *не* желаю уничтожения идеалов, которые оспариваю,– я только хочу сделаться их хозяином... IV
(234) контроверза позиций: моей и Шопенгауэра – в отношении Канта, также Гегеля, Конта, Дарвина, историков и т.д. IV
(235) я развиваю сильные стороны столетия IV
(236) что означает моральная идиосинкразия даже в случае исключительного человека, такого, как Паскаль? II
(237) почему я способствую новому уважению посредственности? IV
(238) схоластика морали самая долговечная. III

(239) наивность в отношении предельных «*желательных свойств*», притом что никому не ведома «цель» существования человека. IV
(240) восстановление правильного понятия «доброго, отзывчивого, благосклонного образа мыслей»: чтимого *не* ради его пользы, но с точки зрения тех, кто сам его испытывает III
(241) против альтруизма *слабости* III
(242) против предубежденного интереса к себе и к «вечному благу» III
(243) превратное понимание любви, сострадания, чувства справедливости под давлением морали самоотвержения. II
(244) заповеди культа, переходящие в заповеди культуры
(245) *полезны* все аффекты: здесь нет степени ценности. III
(246) какую хорошую сторону имеет *близорукая* перспектива, открытая обществу в отношении «пользы» II
(247) где нынче «христианизм» абсолютно не оправдан.. В политике.. II
(248) против завышенной оценки «рода» и недооценки «индивидуума» в естествознании III
(249) «мир сознания» не может служить отправным пунктом для оценок: необходимость «*объективного* полагания ценностей». IV
(250) «Бог» как состояние максимальной полноты IV
(251) стыдиться несчастья IV
(252) мы, познающие,—наш последний способ одержать над собой победу IV
(253) сублимации, вызванные, например, диспепсией. II
(254) *мои* взгляды на ценности IV
(255) не достаточно скудоумен, чтобы сочинить систему
(256) мораль как крайняя степень девальвации даже в Шопенгауэровом нигилизме. I
(257) абсолютное господство морали над всеми прочими ценностями: в понятии о Боге
(258) ущерб всему естественному от введения мнимых высших сфер—вплоть до господства «противоестественности»

(259) пережитки обесценивания природы посредством установления трансцендентного источника морали.
(260) моя цель — все происходящее абсолютно однородно: моральный критерий вызван лишь перспективой IV
(261) музыкальный пессимизм I
(262) брак, измены IV
(263) христиано-буддийское скопчество как «идеал»: откуда же соблазнительная притягательность? II
(264) «мнимость» мышления... III
(265) иерархия существ показывает рост притворства. К «мышлению»... III
(266) фанатики морали (после общей эмансипации от религии) стоят на том, что *вместе* с христианским Богом рушится мораль...
(267) «господство добрых»: иронично, <мысль эта> столь же неэкономична, как «хорошая погода»
(268) вещи, которые оказались *испорченными* из-за христианского идеала: аскеза, пост, затворничество, праздник, вера в себя, смерть..
(269) образчики моралистического искусства очернительства
(270) О возникновении прекрасного: критика относящихся к нему ценностных суждений III
(271) трагический художник IV
(272) наиболее замаскированная форма христианского идеала — например, в культе природы, социализме, «метафизике любви» и т.д.
(273) наша *благожелательная* оценка человека — в сравнении с моралистически христианской. I
нравственный либерализм как признак культурного роста IV
(274) *самый нравственный* человек как самый *могущественный*, богоподобный: все познание *это* и стремилось доказать.
эта связь с *могуществом, властью* возвысила мораль над всеми прочими ценностями II
(275) еврейская расчетливость христианского идеала II
(276) самообожествление мелкоты (80 а) II

(277) Павел: задрапировал историю с целью *доказать*.. II
(278) реальная почва христианских общин: *маленькая еврейская* семья II
(279) первое впечатление от Нового Завета. Принимаешь сторону Пилата, потом почти-что — сторону книжников и фарисеев... II
(280) к психологии *Нового Завета*
(281) «дух» в Новом Завете II
(282) почему христианство могло пользоваться покровительством *властвующих сословий.* II
(283) Павел II
(284) буддизм и христианство II
(285) не переношу компромисса с христианством — IV
(286) к плану *первой* книги I
(287) языческое—христианское
(288) форма «денатурализации»: добро ради добра, прекрасное ради прекрасного, истинное ради самой истины — II
(289) психологический подлог в силу необходимости *бороться* за свой идеал II
(290) мое абсолютное одиночество: к введению. IV
(291) будьте «естественны»! I
(292) «пустите детвору»: ох
(293) психологическая предпосылка христианства. II
(294) критика идеализма Нагорной проповеди II
(295) античная глупость перед лицом христианства II
(296) «вещь сама по себе» нелепа III
(297) представление о богах: зачем омораленно? II
(298) нескромность жажды вставить свое словцо в Новом Завете II
(299) наивность со стороны Канта: утверждать существование III
(300) в общем и целом: *нетерпимость, свойственная морали,*— выражение *слабости* человека IV
(301) шагать впереди всех? нет, шагать в одиночку
(302) быть нетребовательным к людям
(303) художник: форма: содержание
(304) Сент-Бёв
(305) Жорж Санд
III: 22

IV: 73

(306) люди-судьбы
(307) «современная женщина» – герцог де Морни
(308) женщина и художник
(309) Обзор с высоты
(310) сильная порода в Европе будущего
(311) «пастырь»: великая посредственность
(312) Стендаль: «сильный человек лжет»
(313) к истории романтизма
(314) *языческое*
(315) наш пессимизм (в книгу правил)
(316) когда человек ставит что-либо на кон, то почему? (в книгу правил)
(317) Эмерсон, Карлейль
(318) скепсис, *великий* человек (в книгу правил)
(319) Бизе: африканская чувствительность («мавританское»)
(320) как добродетель приводят к господству
(321) христианство: как оно губит Паскаля.
(322) Тэн, Золя: тирания
(323) «идеалист»
(324) баба от литературы
(325) современный «рабочий»
(326) против пессимизма господина фон Гартмана: удовольствие как масштаб
(327) Лицедей (Тальма) –
то, что *должно стать правдой, не вправе быть правдивым..*
(328) «хороший вкус»: суждение Сент-Бёва.
(329) удовольствие и страдание вторичны.
(330) нет цели – нет *конечного* состояния: удовлетворить *этому* факту!
(331) «ценности»: относительно чего?
(332) Ценности: относительно чего *нет*?
(333) не «воля» хочет удовлетворения, не *это* есть «удовольствие»
(334) *не*удовлетворенность радостна
(335) мера *необходимого* страдания как признак *степени* силы
(336) отчего *мы* переживаем трагедии (книга правил)

(337) Цезарь: гигиена (книга правил)
(338) книга правил: остерегайся
(339) чем измеряется ценность? *Не* сознанием
(340) системы питания содержат откровения
о «культурах»
(341) царственная щедрость человека
(342) религиозная потребность, замаскированная
под *музыку*
(343) любовь, бескорыстие, выгода—
(344) проституция, брак
(345) «навоз»: с чем *никак не совладают*—
(346) «бренность»: ценность—
(347) *предсмертное* слово Вольтера: христианское
и классическое
(348) ценность всякого *обесценивания*
(349) задняя мысль философского нигилизма
(350) ценность «бренности»
(351) причины нигилизма! Заключительное резюме!
(352) нигилизм как *промежуточное* состояние
(353) против раскаяния (книга правил)
(354) «nil» admirari (книга правил)
(355) виды *неверия*: симптом начинающегося нигилизма
(356) человек стремится *не* к счастью! но к *власти*!
(357) вызов несчастью (книга правил)
(358) к теории познания: феноменальный характер
внутреннего мира
(359) правдивость—что это такое?
(360) радость открывать повсюду имморальность
(361) реальный человек имеет больше ценности,
чем *желательный*!
(362) предисловие: надвигается нигилизм
(363) субъект, объект
(364) «голод» у протоплазмы
(365) противное смыслу в понятии *Бога*: мы отрицаем
«Бога» в Боге
(366) *практикующий* нигилист
(367) Мы—разочарованные в «идеале»!
(368) насмешка: «будьте *просты*!»
(369) избранный круг равных, «вытяжка», изоляция
(книга правил)

(370) против «справедливости» (книга правил)
(371) народ: инстинкт родства
(372) *три идеала:*
языческий; анемический; противоестественный

12 [2]

12. 4. *Жизненные правила для нас.*
1. 1. *Нигилизм, додуманный до самого конца.*
2. 1. *Культура, цивилизация*, двусмысленность «современного».
3. 2. *Происхождение идеала.*
4. 2. *Критика христианского идеала.*
5. 2. *Как добродетель приходит к победе.*
6. 2. *Стадный инстинкт.*
10. 4. *«Вечное возвращение»*
11. 4. *Большая политика.*
7. 3. *«Воля к истине»*.
8. 3. *Мораль как Цирцея для философов*
9. 3. *Психология «воли к власти»* (удовольствие, воля, понятие и т.д.

13. Начало 1888 — весна 1888

13 [1]

Становление и бытие.

Точка зрения ценности. Что такое ценности?
В какой мере удовольствие и страдание не являются последними мерилами ценности.
Как приводят добродетель к господству.

Характеристика христианства
греческой философии

Эгоизм как лжепонимание.

Будущие европейцы.

Метаморфозы нигилизма:
libertinage[1] мысли, бродяжничество
потомство Руссо:

стадный инстинкт

13 [2]

Нехватка *смысла*; ценность ближайшего, малый смысл; иерархия.

Великий полдень (— два пути). О *привилегии меньшинства.*

Психология (учение об аффектах) как морфология воли к власти. (Мотив — *не* «счастье»)

Редукция метафизических ценностей.

Физиология воли к власти.

К истории нигилизма (— евдемонизм как **форма** ощущения *бессмысленности целого*).

---

1 Вольность (*фр.*).

Что означают моралисты и системы морали?

Учение о структурах господства. Эгоизм. Альтруизм. «Стадо».

Воля к власти в истории

(Господство над природными силами, экономическая жизнь.)

Космологическая перспектива.

Зависимость ценностей искусства. Что значит *классическое? прекрасное? романтическое?* и т.д.

Вечное возвращение.

13 [3]

I. К истории европейского нигилизма. (Превратное понимание пессимизма.
чего *не хватает?* По существу: не хватает смысла)
Закат всех прочих высших ценностей Способность к идеализации перекинулась на обратное

I. Воля к истине. *Отправной пункт*: закат ценности «истина».
– Господские типы до сих пор. Закат господского типа.

IV К учению о вечном возвращении. Как молот.
– К истории иерархии

1 Физиология: органические функции

2 Психология аффектов

II. Что означают моралисты и системы морали.

IV Мы, грядущие. О привилегии меньшинства и о привилегии большинства

II Происхождение высших ценностных понятий («метафизика»)
«Стадо»; «добрый человек» и т.д. *Структуры господства.*

II *Эстетические* ценности, исток, критика.

IV Иерархия ценностей.

13 [4]
A. *О том, что надвигается нигилизм.*

1. «Истина». О ценности истины. Вера в истину. — Закат этой высшей ценности. Суммирование всего, что было предпринято против нее.
2. Закат всякого рода веры.
3. Закат всех господских типов

B. *О неизбежности нигилизма.*

4. Происхождение прежних высших ценностей.
5. Что означают моралисты и системы морали.
6. К критике эстетических ценностей.

C. *О самопреодолении нигилизма.*

7. Воля к власти: психологическое рассмотрение.
8. Воля к власти: физиологическое рассмотрение.
9. Воля к власти: историко-социологическое рассмотрение

D. *О преодолевающем и преодоленных.*

10. О привилегии меньшинства.
11. Молот: учение о вечном возвращении.
12. Об иерархии ценностей.

Каждая книга по 150 страниц.
Каждая глава по — 50

13 [5]
Ты далеко:
ни неприязни, ни любви.
Как средь твердыни древней,
Одумайся!

14. Начало 1888

Ницца, 25 марта 1888

14 [1]

Искусство. Предисловие

Речи об искусстве с занудством жестов для меня не вяжутся: я хочу говорить о нем, как говорю с самим собой во время вольных одиноких прогулок, когда мне случается схватить на лету и увлечь в свою жизнь преступное счастье и идеал. Проводить жизнь между вещами хрупкими и нелепыми; оставаясь чуждым реальности; наполовину художником, наполовину птицей небесной и метафизиком; не говоря реальности ни Да, ни Нет, разве что временами славословя ее на цыпочках, как хороший танцор; всякий миг чувствуя щекотку солнечного луча счастья; раззадоренный и ободренный даже невезением — ведь невезение *хранит* счастливца; привешивая дурацкий хвостик и к самому святому — это, само собой разумеется, идеал духа тяжелого, стопудового, *духа тяжести*...

14 [2]

Homoepathica[1]

Действие *бесконечно малых доз* характерно для нервных больных: *ego*.

«чем мы разумней, тем несчастней»

Шопенгауэр

14 [3]

Незаметные фазы: сначала возбуждение, но вскоре — истощение

Гипнотический сон может быть наведен самыми различными видами сенсорных возбуждений (зрения, слуха, обоняния), они лишь должны быть достаточно

---

1 Гомеопатическое (*лат.*).

сильны и продолжительны: первый эффект всегда один — общий прилив энергии. Но в конечном счете наступает *истощение* de l'influx cérébral[1]. Возбуждение вводит в игру силу, которая *истощается*...

14 [4]
Psychologica[2]

Вожделение приятно, когда чувствуешь себя достаточно сильным, чтобы достичь желаемого

как представление о том, что́ приумножит наше чувство власти: начальная фаза удовольствия

в противном случае *неприятно*; быстро вызывает к *себе* неприязнь. *Вожделение становится угрозой: как у Шопенгауэра.*

14 [5]
Религия. декаданс

Опасность христіанства

Несмотря на то что христианство выдвинуло на передний план учение о бескорыстии и любви, его настоящим историческим следствием остается *усиление эгоизма*, эгоизма индивидуального до его последней крайности,— эта крайность есть вера в индивидуальное бессмертие. Отдельный человек приобрел такую важность, что *жертвовать* им стало уже нельзя: все «души» сделались равны перед Богом. Но это означает опаснейшим образом ставить под вопрос жизнь рода: это благоприятствовало такой практике, которая противоположна интересам рода. Альтруизм христианства — *смертельно опасная* концепция: она всех уравнивает...

Но тем самым опрокидывается естественный ход развития... и все естественные *ценности*. Если больной будет столь же ценен, как и здоровый (а то и больше, по Паскалю)

Это всеобщее *человеколюбие*, на практике — предпочтение всех страждущих, обойденных жизнью, больных

фактически ослабило способность *жертвовать людьми*: оно захотело свести ответственность к одному лишь

1 Церебрального тока (*фр.*).
2 Психологические вопросы (*лат.*).

самопожертвованию — но как раз этот-то абсурдный *личный* альтруизм и не имеет, с точки зрения развития породы, *абсолютно никакой ценности*. Если б мы захотели дожидаться, пока многие по собственному почину пожертвуют собой ради сохранения рода, то остались бы *в дураках*...

все великие движения, войны и т.д. заставляют людей жертвовать собой: и не кто иной как *сильные* постоянно *сокращают* таким образом свою численность...

напротив, *слабым* присущ устрашающий инстинкт — щадить себя, сохранять себя, оказывать *взаимовыручку*...

выходит, эта «взаимовыручка» практически и есть добродетель, во всяком случае — истинное человеколюбие!.. *типично*: они хотят, чтобы государство их *защищало*, они уверены, что это и есть «его высшая обязанность»!

за всеобщей похвалой «альтруизму» скрывается инстинкт, подсказывающий, что когда все друг о друге заботятся, отдельный человек имеет больше всего шансов сохраниться... *эгоизм слабых* — вот что породило такую исключительную похвалу альтруизму...

Опасная противоестественность христианства:

— она ставит крест на *отборе* —

1) она изобретает *воображаемую* ценность личности столь размашисто и спесиво, что практически каждый получает равную ценность

2) она выдает *инстинкт взаимовыручки и самосохранения слабых в своей среде* за наивысшее мерило ценности, ни с чем она так не враждует, как с образом действий *природы* в отношении слабых и обойденных жизнью: природа наносит им вред, эксплуатирует, разрушает их...

3) противоестественность не хочет признать, что высший тип человека — удавшийся и счастливый... она есть очернение, отравление, разъедание всей естественной шкалы ценностей

14 [6]

Воля к власти как мораль

Понять сплоченность всех форм порчи; не забыть при этом и христианскую порчу

Паскаль как тип

равно как и социалистически-коммунистическую порчу (следствие христианской)

высшая концепция общества у социалистов занимает *низшую* ступень в иерархии обществ

порча *«потусторонъем»*: будто помимо реального мира, мира становления, есть еще какой-то мир сущего

Здесь не может быть никакого *соглашения*: здесь нужно уничтожать, искоренять, вести войну — нужно еще всюду *обличить* христиано-нигилистический критерий ценности и бороться с ним, под какой бы маской он ни скрывался... В нынешней *социологии*, например, в нынешней музыке, в нынешнем пессимизме (все это формы христианского ценностного идеала).

Истинно либо одно, *либо* другое: истинность здесь в смысле возвеличения человеческого типа...

Священник, духовник — как неприемлемые формы существования

всё прежнее воспитание: беспомощно, шатко, лишено центра тяжести, обременено ценностными противоречиями —

14 [7]

По поводу *современных веяний.*

Трусость быть последовательным — современный порок.

Романтизм: враждебность

против *Возрождения* (Шатобриан, Р. Вагнер)
против античного ценностного идеала
против господствующего духа
против классического вкуса, простого, строгого, монументального стиля
против «счастливых»
против «воинственных»

14 [8]

Ценность..

Наивысшее количество власти, какое человек сумел усвоить

человек: *не* человечество...

человечество гораздо скорее средство, нежели цель. Речь-то идет о *типе*: человечество — не более как

опытный материал, неслыханный переизбыток уродства, руины...

14 [9]

Нигилизм

Ничто не было бы полезней и достойней поощрения, чем последовательный *нигилизм дела*

: насколько я понимаю феномены христианства, пессимизма, все они выражают следующее: «мы созрели для того, чтобы не быть; не быть для нас — разумней всего»

в данном случае этот голос «разума» служит и голосом *производящей отбор природы*

Но что, напротив, подлежит решительному осуждению, так это двусмысленная и трусливая половинчатость религии — таковую выказывает *христианство*: точнее, *церковь*, которая вместо того чтобы воодушевлять на смерть и самоуничтожение все больное и уродливое, защищает его и толкает к дальнейшему размножению —

Проблема: какими такими средствами можно достичь строгой формы великого и заразительного нигилизма — такой, что со всей научной добросовестностью проповедовала бы и практиковала добровольную смерть... (а *не* хилое прозябание с видами на ложную загробную жизнь —).

Невозможно преувеличить вину христианства за то, что оно обесценило *ценность* подобного великого *очистительного* нигилистического движения, которое, возможно, уже намечалось, идеей бессмертия частной личности: как и надеждой на воскресение: короче, всегда удерживало от *дела нигилизма*, самоубийства... Христианство заменило его медленным самоубийством: постепенно — мелкой и бедной, зато продолжительной жизнью; постепенно — совершенно обыкновенной, посредственной мещанской жизнью и т.д.

14 [10]

Религия как декаданс

Критика христианства

Потребны великие *отрицающие и очистительные кризисы*: все равно затеянные *нигилистическими* религиями и философиями.

Понимают, что христианство — *нечто навеки ошибочное и неудачное*: из средства улучшающего отбора оно сделалось его противником, тормозом и ядовитым плевелом

14 [11]

Жизнеутверждающие аффекты

Гордость
Радость
Здоровье
любовь между полами
вражда и война
благоговение
красивые жесты, манеры, предметы
сильная воля
воспитание высокой духовности
воля к власти
благодарность земле и жизни

: все, что богато и хочет отдавать, и одаривает и золотит и прославляет и обожествляет жизнь — вся мощь *просветляющих* добродетелей... всё жизнеутверждающее, всё одобряющее словом и делом —

14 [12]

попы и прочие перочистки, чернильные слизни —

14 [13]

Физиология нигилистических религий

типичный случай развития болезни

NB все без исключения *нигилистические* религии: *систематизированные истории болезни*, написанные языком религиозно-моралистической номенклатуры.

— в язычестве культ вращается вокруг толкования великого *годичного цикла*

— в христианстве культ вращается вокруг *цикла паралитических феноменов*...

«вера», форма душевной болезни
раскаяние
искупление
молитва
} всё это *неврастеническое*

грех, идефикс
ненависть к природе, к разуму
Христианизм как болезнь
Христианство как симптом физиологического декаданса

14 [14]
Встречное движение, *искусство*

Рождение трагедии

III

Эти две природные силы искусства противопоставляются Ницше под именем дионисийского и аполлоновского: он утверждает, что — — — Словом «дионисийское» выражается порыв к единству, выход за пределы личности, повседневности, общества, реальности, это как бездна забвения, мучительно-страстная полнота смутных, насыщенных, парящих состояний; восторженное Да общему характеру жизни, как тому, что во всех сменах равно себе, одинаково властно, одинаково блаженно; великое пантеистическое сорадование и сострадание, которое одобряет и освящает даже самые страшные и сомнительные качества жизни, от избытка вековечной воли к порождению, к плодородию, к вечности: единящее чувство необходимости сотворения и уничтожения... Словом «аполлоновское» выражается порыв к всецелому для-себя-бытию, к типическому «индивиду», ко всему, что упрощает, выделяет, подчеркивает, делает ясным, недвусмысленным, типическим: свобода, подчиненная закону.

Дальнейшее развитие искусства столь же тесно связано с их антагонизмом, как дальнейшее развитие человечества — с антагонизмом полов. Полнота власти и умеренность, наивысшая форма самоодобрения в холодной, аристократической, чопорной красоте: аполлинизм эллинской воли

происхождение трагедии и комедии как способа *лицезреть* некий божественный тип благодаря состоянию всеохватывающего восторга, способа сопереживать местное предание, явление <героя>, чудо, акт основания, «драму»

Эта оппозиция дионисийского и аполлоновского в греческой душе есть одна из великих загадок, притягатель-

ность которой всегда чувствовал Ницше, сталкиваясь с греческим духом. Ницше, по сути, и не пытался сделать ничего иного, кроме как отгадать, почему из дионисийского подполья было суждено вырасти именно греческому аполлинизму: почему дионисийскому греку необходимо было стать аполлоновским, то есть сломить свою волю к чудовищному, многогранному, зыбкому, ужасающему о волю к умеренности, простоте, упорядоченности в правиле и понятии. Непомерное, дикое, азиатское заложено в самой его основе: отвага грека — в его борьбе с собственным азиатством: прекрасное он не получил даром, точно так же как логику, как естественное чувство нравственности,— оно было завоевано, изволено, захвачено в бою — это его победа...

14 [15]

Эта книга антипессимистична: она учит противодействовать всякому отрицанию словом и делом, находить лекарство от великой усталости

14 [16]

Тип Бога — по типу творческого духа, «великого человека»

14 [17]

Рождение трагедии

2

Начало отрывка двумя страницами ниже: II.

Искусство означает здесь единственную превосходящую силу противодействия всякой воле к отрицанию жизни: начало антихристианское, антибуддийское, антинигилистическое par excellence...

Оно есть *спасение для познающего* — того, кто видит страшный и сомнительный характер жизни, хочет его видеть: для познающего *трагически.*

Оно есть *спасение для действующего* — того, кто не только видит страшный и сомнительный характер жизни, но и живет, *хочет* жить: для человека трагического, героя..

Оно есть *спасение для страдающего* — это путь к состояниям, когда страдание становится изволенным, про-

светленным, обожествленным, когда страдание служит формой великого восторга…

14 [18]

III

Есть два состояния, в которых само искусство проявляется в человеке как своего рода природная сила: во-первых, как ви́дение, во-вторых — как дионисийский оргиазм. Эти вещи физиологически предначертаны в сновидении и опьянении, первое как упражнение этой способности ви́дения, как желание созерцать формы, строить формы.

Воля к видимости, иллюзии, обманчивости, к становлению и изменению глубже, «метафизичней» воли к истине, действительности, бытию: удовольствие изначальней боли; последняя даже представляет собой лишь следствие воли к удовольствию (к созиданию, оформлению, губительству, разрушению) и в своей высшей форме это *разновидность* удовольствия…

14 [19]

6

Это сочинение антисовременно: оно верит в современное искусство и больше ни во что, в сущности, и в современное искусство тоже нет, но в современную музыку, а, в сущности, и не в современную музыку вообще, но в одного только Вагнера… А в сущности, быть может, даже и не в Вагнера, разве что faute de mieux[1].

p. 116: «Что бы еще назвать нам», — вопрошается со страдальческим видом — — —

Шопенгауэр, Дюрер.

Есть вера в то, что музыка *грядет*… вера в *дионисийскую* музыку…

14 [20]

7

Это сочинение напускает на себя немецкий, верноподданнический даже вид — оно даже верит еще в немец-

1 За неимением лучшего (*фр.*).

кий дух!.. Изюминка его в том, что оно немецки-антихристианское: на странице 142-й читаем: «наимучительнейшее для нас — долгое унижение, в каком пребывал немецкий дух, лишенный дома и родины, в услужении коварных карликов». *Священники* — вот кто эти коварные карлики. В другом месте поднимается вопрос, достаточно ли еще силен немецкий дух, чтобы вспомнить самого себя; может ли он в самом деле выделить чуждые элементы; или же так и будет, подобно чахлому, захиревшему субъекту, изводить себя в болезненных потугах. В этой книге пересадка в немецкое сердце глубоко антинемецкого мифа, христианского, подается как подлинный *немецкий рок.*

14 [21]

4

Эта книга, стало быть, не иначе как антипессимистична, а именно в том смысле, что учит чему-то, что сильнее, нежели пессимизм, божественней, чем «истина»: учит искусству.

Никто, кажется, с такой силой, как автор этой книги, не мог бы ратовать за радикальное отрицание жизни, за ее настоящее отрицание делом даже больше, чем словом: он знает только — он пережил это, ничего другого он, возможно, вообще не переживал, — что искусство *более ценно*, нежели «истина».

Уже в предисловии, где как бы приглашается к диалогу Рихард Вагнер, появляется в тексте исповедание веры, евангелие артистов: «*искусство* как подлинная жизненная задача, искусство как *метафизическая деятельность*»...

14 [22]

5

При подобных предпосылках — чтó должно статься с наукой? Что она собой представляет? В значительном смысле — почти противницу истины: поскольку наука оптимистична, поскольку она верит в логику. Физиологически проверено, что тип человека науки вызревает в недрах сильной расы в эпоху ее заката. Критика Сократа составляет центральную часть книги: Сократ как противник трагедии, как разрушитель демонически-профилак-

тических инстинктов искусства; сократизм как великое недопонимание жизни и искусства: мораль, диалектика, нетребовательность человека теории — форма утомления; знаменитая греческая непомраченность — лишь *вечерняя заря*... Сильные расы, покуда они еще богаты и больше чем богаты силой, имеют мужество видеть вещи такими, как они есть: в их *трагичности*... Для них искусство — больше, чем болтовня или потеха: оно *лечение*...

Книга учит, «вопреки всем современным идеям и предрассудкам демократического вкуса», что греки — с. X предисловия.

14 [23]

II

Существенное в этой концепции — понятие искусства в его отношении к жизни: оно как психологически, так и физиологически понимается как великий *стимулятор*, как то, что вечно *влечет* к жизни, к вечной жизни...

14 [24]

3

Можно видеть, что в книге этой пессимизм, сказать ясней? нигилизм, считается «истиной»: однако истина здесь — отнюдь не высшее мерило, тем более не высшая власть.

Воля к видимости, иллюзии, обманчивости, к становлению и изменению почитается здесь за более глубокую и изначальную, более «метафизичную», нежели воля к истине, к действительности, к бытию: последнее само — не более чем форма воли к иллюзии. Равным образом и удовольствие трактуется как более изначальное, нежели боль: боль всего лишь обусловленный феномен, следствие воли к удовольствию (воли к становлению, росту, оформлению, а следовательно — к превозмоганию, сопротивлению, войне, разрушению). Складывается идея некоего высочайшего состояния одобрения существования, в которое навек включены даже боль, любого рода боль как средство усиления: *трагико-дионисийское* состояние.

14 [25]

О «Рождении трагедии»

VIII

Новое понимание греков — вот что отличает эту книгу; мы уже обозначили две другие ее заслуги — новое понимание искусства как великого стимулятора жизни, *к* жизни, а также концепцию *пессимизма*, пессимизма силы, *классического* пессимизма: только слово «классический» используется здесь не для исторического, а для психологического разграничения. Антитеза классическому пессимизму — *романтический* пессимизм, в котором понятийно и оценочно формулируются слабость, утомление, расовый декаданс: пессимизм Шопенгауэра, например, а также и Виньи, Достоевского, Леопарди, Паскаля, всех великих нигилистических религий (брахманизма, буддизма, христианства — их по праву следует называть нигилистическими, поскольку все они прославляют понятийную противоположность жизни, ничто, как конечную цель, высшее благо, как «Бога»)

Что отличает Ницше, так это спонтанность его психологического *видения*, головокружительный размах кругозора, пережитого, разгаданного, раскрытого, воля к последовательности до конца, бесстрашие перед лицом суровых испытаний и опасных последствий.

14 [26]

Рождение трагедии

Но перейдем к главному, к тому, что отличает эту книгу и ставит ее отдельно от других, к ее оригинальности: она содержит три новые концепции. Первую мы уже назвали: искусство как великий стимулятор жизни, к жизни. Вторая: представляется новый тип пессимизма, *классический*. В-третьих: по-новому ставится проблема психологии, *греческая* проблема.

14 [27]

Философия как декаданс

К психологии *психологов*

Психологи, какие стали возможны только начиная с XIX века: не те уже бездельники, что смотрят на два-три

шага перед собой и почти всегда довольствуются копанием в себе самих. Мы, психологи будущего,—у нас мало найдется доброй воли к самонаблюдению: мы принимаем почти за знак вырождения, когда орудие домогается «познать самого себя»: да, мы орудия познания, и хотели бы иметь всю наивность и точность орудия; следовательно, мы не можем себя анализировать, себя «знать». Первый признак инстинкта самосохранения великого психолога: он никогда не занят собой, не видит себя, не питает к себе никакого интереса, никакого любопытства... Великий эгоизм нашей господствующей воли того хочет, чтобы мы крепко закрывали на себя глаза—чтобы мы непременно были «безличными», «незаинтересованными», «объективными»... о, до какой же степени мы противоположность всего этого! Только потому, что мы психологи в эксцентрической степени

14 [28]

Психолог

1) Мы не Паскали, нас не слишком интересует «спасение души», собственное счастье, собственная добродетель... —

2) Нам недостает ни времени, ни любопытства, чтобы таким вот образом вращаться вокруг самих себя. А копнуть поглубже, так окажется, что у нас вообще все иначе: мы не доверяем всяческим созерцателям собственного пупа по той причине, что самонаблюдение равнозначно для нас *форме вырождения* психологического гения, знаку вопроса, приставленному к инстинкту психолога: столь же верно страдает вырождением глаз живописца, когда им движет одна только *воля*—смотреть ради того, чтобы видеть

14 [29]

Происхождение моральных ценностей

Эгоизм имеет ровно такую же ценность, как и физиологическая ценность того, кто им обладает.

Каждый человек есть еще и целая линия развития (а не только, как понимает его мораль, нечто начинающееся с момента рождения): если в нем представлена восхо-

дящая линия человечества, тогда ценность его действительно исключительна, и забота о сохранении и поощрении его развития может быть предельной. (Как раз забота о бдущем, обещанном в таком удавшемся индивиде, и наделяет его столь исключительным правом на эгоизм.) Если же в нем представлена нисходящая линия, упадок, хроническое заболевание, тогда и ценность его мала, и простая справедливость требует, чтобы он отнимал у удавшихся особей как можно меньше места под солнцем и силы. В этом случае общество имеет своей задачей *подавление эгоизма* (каковой порою выражается в абсурдных, болезненных, мятежных проявлениях): идет ли речь об отдельных людях или же о целых слоях народа, опустившихся и захиревших. Учение и религия «любви», *подавляемого* самоприятия, терпения, выдержки, поддержки, взаимовыручки делом и словом может приобрести высшую ценность в подобных слоях даже с точки зрения господствующих классов, ибо учение это подавляет чувства соперничества, ressentiment'а, зависти, эти более чем естественные чувства обойденных жизнью,—оно даже обожествляет в их собственных глазах, под видом идеала смирения и послушания, их рабскую зависимость, подвластность, нищету, недужность, подчиненность. Этим и объясняется, почему господствующие классы, расы и индивиды во все времена поддерживали культ самоотверженности, Евангелие низкого люда, «Бога на кресте».

Перевес альтруистического способа оценивать есть следствие инстинкта, свойственного тем, кто не вышел в люди. Глубже всего здесь оценочное суждение, гласящее: «я не многого сто́ю»: это чисто физиологическая оценка, точнее говоря—чувство бессилия, нехватка значительных утвердительных ощущений власти (в мышцах, нервах, двигательных центрах). В соответствии с культурой этих слоев данная оценка переводится в моральное либо религиозное суждение (засилье религиозных и моральных суждений—всегда признак низкой культуры): она стремится добыть себе обоснование—из областей, откуда им вообще известно понятие «ценности». Толкование, с помощью которого христианский грешник думает понять самого себя, есть попытка найти *оправдание* этой нехватке

власти и уверенности в себе: он охотней уверится в собственной виновности, чем тщетно будет чувствовать себя дурным: пользоваться интерпретациями такого рода — уже само по себе симптом упадка. В других случаях обделенный ищет тому причину не в своей собственной «виновности» (как христианин), но в обществе: социалист, анархист, нигилист, воспринимая свое существование как нечто такое, в чем *повинен* кто-то другой, тем самым остаются в теснейшем родстве с христианином, который тоже думает, будто он плох и не вышел в люди, всего легче, если он нашел кого-то, на кого можно возложить *ответственность* за это. В обоих случаях — инстинкт *мстительности* и *ressentiment'а*, он предстает здесь средством выдержать и выстоять, инстинктом самосохранения: то же относится и к предпочтению *альтруистической* теории и практики. *Ненависть к эгоизму*, будь то своему собственному, как у христианина, или же чужому, как у социалиста, оказывается, таким образом, оценочным суждением при засилье мстительности; с другой же стороны — смышленым самосохранением страдающих, путем усиления их чувств взаимовыручки и солидарности... Наконец, как уже указывалось выше, и тот разряд ressentiment'а, что проявляется в осуждении, отвержении, наказании эгоизма (своего собственного или же чужого), — это опять-таки инстинкт самосохранения людей обделенных. In summa: культ альтруизма есть специфическая форма эгоизма, закономерно проявляющаяся при наличии определенных психологических предпосылок.

14 [30]

Когда социалист с праведным негодованием домогается «справедливости», «права», «равноправия», он движим лишь собственной малокультурностью, которая не возьмет в толк, отчего он страдает: с другой стороны, так он доставляет себе удовольствие; ощущай он себя лучше, он поостерегся бы поднимать такой крик: он бы в чем-то другом нашел себе удовольствие. То же самое относится и к христианину: он осуждает, очерняет, проклинает весь «мир» — и себя самого не делает исключением. Но это вовсе не повод принимать эти вопли всерьез. В обоих случа-

ях мы все еще среди больных, на которых крик действует *благотворно*, которым очернение приносит облегчение.

14 [31]

Ценность...

Понятие «предосудительного поступка» нам мешает: не может существовать ничего, что было бы предосудительно само по себе. Ничто из всего происходящего не может быть само по себе предосудительно: *мы не вправе хотеть избавления от этого*, ибо всё настолько связано со всем, что хотеть исключения чего-либо одного означает исключение всего в целом. Предосудительный поступок означает осужденный и отверженный мир вообще..

Но даже тогда остается: в отверженном мире сам акт отвержения был бы предосудителен... И логическим следствием образа мыслей, который все осуждает и отвергает, было бы поведение всеприятия... Если становление — большое кольцо, тогда решительно все равноценно, вечно, необходимо...

Во всех корреляциях Да и Нет, предпочтения и отклонения, любви и ненависти выражается лишь какая-то перспектива, какая-то корысть определенного типа жизни: само по себе, все, что есть, говорит Да.

14 [32]

Ценность...

нигилистическая оценка гласит: «*я* достоин не быть». Еще один шаг — и получается уже: «*ты* достоин не быть».

14 [33]

Что до трагического пафоса, то Ницше не подхватывает старого превратного аристотелевского понимания —

как преображение сладострастья и жестокости в греческое начало: стихии, которые в оргиастических празднествах — — —

дионисийское как затопление и единство многоликих, отчасти страшных, возбуждений

14 [34]

Драма

драма не является, как полагают недоучки, действием, но в соответствии с дорическим происхождением слова «драма» и пониматься должна в дорически-иератическом смысле: это происшествие, «событие», священная история, легенда об основании, «медитация», *олицетворение* задачи иератического начала.

14 [35]

Искусство как встречное движение.

Оргиастическая стихия в искусстве греков до сих пор недооценивалась; но что для самой греческой души оргиазм означает одно из самых глубоких внутренних движений и потрясений — — —

Наверно, сразу вспоминается легкомысленная и холодная манера, с какой Лобек открещивается от всей сферы ритуалов, мифов и таинств (р. 564, 565).

Хотелось бы сказать, что понятие «классического», каким выстроили его Винкельман и Гёте, не только не объясняет эту дионисийскую стихию, но и вообще исключает, и — — —

было время, когда среди филологов Лобека с особой благодарностью — — —

14 [36]

Аполлоновское, дионисийское

III

Есть два состояния, при которых само искусство являет себя в человеке подобно природной силе, распоряжаясь им, хочет он того или нет: во-первых, понуждением к видению, во-вторых, понуждением к оргиазму. Оба эти состояния встречаются и в нормальной жизни, только слабыми, при сновидении и опьянении, как и при — — —

Но то же самое противоречие существует и между сновидением и опьянением: то и другое расковывает в нас артистические силы, но каждый раз разные: сновидение — силы зрения, сочетания, вымысла; опьянение — силы жеста, страсти, песни, танца.

14 [37]
О *современных веяниях.*

Что делает нам честь

Если что и делает нам честь, так только это: *серьезное* мы видим в чем-то другом: мы относимся всерьез к *низшим* вещам, во все времена презираемым и забываемым,—зато мы задешево отдаем «прекрасные чувства»...

Есть ли более опасное заблуждение, чем презрение к телу? Как будто все духовное не обрекается тем самым на болезненность, превращение в vapeurs[1] «идеализма»!

Все, что напридумывали христиане и идеалисты, вполне беспочвенно: сами мы радикальнее. Мы открыли «мир мельчайшего» как повсеместно решающий фактор: мы рискованным образом устремились в ———

Мощеные улицы, свежий воздух в спальне, непрокуренный кабинет, питание с точки зрения его ценности — мы позаботились обо всех *насущных потребностях* бытия и *презрели* всяческое «прекраснодушие» как разновидность «легкомыслия и фривольности».

Все, что до сих пор больше всего презиралось, выдвинуто на переднюю линию.

я добавляю еще аморальность: мораль—не что иное, как форма аморальности, которая в плане выгоды, извлекаемой из него определенной породой,———

14 [38]

Тип «Иисус»...

Иисус—*антипод гения:* он *идиот.* Стóит только прочувствовать его неспособность понять единственную реальность: он не выходит из круга пяти-шести понятий, которые услыхал прежде и мало-помалу понял, то бишь понял неверно—они составляют его опыт, его мир, его истину—все прочее ему чуждо. Он произносит слова, которыми пользуется всякий—но понимает их не как всякий, он понимает лишь свои пять-шесть нетвердо усвоенных понятий. Что в нем так и не проснулись подлинно мужские инстинкты: не только половые—также инстинкты борьбы, гордости, героизма, что он отстал в своем развитии, оставшись

1 Испарину (*фр.*).

в возрасте полового созревания ребенком,—все это характерно для определенного типа эпилептоидных неврозов.

Иисус негероичен в самых глубоких своих инстинктах: он никогда не сражается: кто, подобно Ренану, видит в нем нечто вроде героя, тот до неузнаваемости вульгаризовал этот тип.

с другой стороны, сто́ит прочувствовать его неспособность понимать что-либо духовное: слово «дух» в его устах превращается в недоразумение! Даже малейшего следа науки, вкуса, духовной дисциплины, логики не осело на этом святом идиоте: столь же мало коснулась его жизнь. Природа? Природные законы? Никто не поведал ему о самом существовании природы. Все, что он знает,— одни моральные воздействия: признак самой низкой и абсурдной культуры. Надо твердо усвоить: он *идиот* посреди весьма умного народа... Только на том, что ученики его таковыми не были,—Павел совсем не идиот!—на том и держится вся история христианства.

14 [39]

Критика христианства.
Мораль как Цирцея для философов
Сражение за «я».

14 [40]

Несознаваемое воздействие декаданса на идеалы науки

Налицо глубокое и совершенно неосознаваемое воздействие декаданса даже на идеалы науки: вся наша социология—доказательство этого положения. Ее по-прежнему можно упрекнуть в том, что ее опыт ограничен исключительно *упаднической формацией* общества и она неизбежно принимает за норму социологического суждения собственные упаднические инстинкты.

В них *спадающая* жизнь сегодняшней Европы формулирует свои общественные идеалы: они до неразличимости похожи на *идеал старых, отживших свое* рас...

Далее, *стадный инстинкт*—ныне обретший суверенную властность,—есть нечто в корне отличающееся от инстинкта *аристократического общества*: только из ценности *единиц* складывается, что́ должна означать их сумма...

Вся наша социология знать не знает никакого иного инстинкта, кроме инстинкта стада, то есть *суммы нулей*... где каждый нуль имеет «равные права», где быть нулем считается добродетелью...

Оценка, при посредстве которой выносят сегодня суждение о самых различных формах общества, полностью совпадает с той, что наделяет *мир* большей ценностью по сравнению с войной: но суждение это антибиологично, оно само — уродливое порождение декаданса жизни... Как биолог господин Герберт Спенсер — декадент, а чаще всего и как моралист (в *победе* альтруизма он усматривает что-то желательное!!!). Жизнь есть следствие войны, само общество — средство для ведения войны.

14 [41]

Ренан, которого роднит с женщинами то, что он становится смертельно опасен, только когда любит; который ни разу не обнял старого кумира по имени идеал без каких-нибудь злодейских задних мыслишек, вечно любопытствуя, не качается ли уже то, что он заключает в объятия...

14 [42]

— Немецкое =

(4) *Религия в музыке*

Сколько отсутствия самостоятельности и даже неведающего удовлетворения всевозможных религиозных потребностей в вагнеровской музыке! Сколько тут слышится молитвы, добродетельности, елейности, «целомудрия», «искупления»!.. Что музыка смеет отказаться от слова, от понятия — о, сколько выгоды она отсюда извлекает, эта лукавая святая, что возвращает, *воз-совращает* ко всему, во что некогда верилось!.. Нашей интеллектуальной совести не приходится стыдиться — ее это не касается, — когда какой-либо давний инстинкт дрожащими губами припадает к *запретному* кубку... Это умнó, здраво и даже служит добрым знаком — в той мере, в какой выдает стыд за удовлетворение религиозного инстинкта... Вероломное христианство: тип музыки «позднего Вагнера».

14 [43]

Алкоголем и музыкой мы возвращаем себя на ступени культуры и дикости, преодоленные некогда нашими прародителями: потому нет ничего более поучительного, ничего более «научного», чем одурманить себя... Иная пища тоже заключает в себе откровения о состоянии, из которого мы вышли. Как много таинственного скрыто, к примеру, в корреляции между «детской душою» немца и немецкими клёцками!... Стоит последним попасть в желудок, как тотчас начинает копошиться первая: нас пробирает *предчувствие*!... О, в какую же даль нас тогда сразу же заносит от «разума разумных»! —

14 [44]

Всеми средствами сопротивляюсь я этой порче музыки, как сущий дьявол — — —

14 [45]

Во что немецкий дух превратил христианство! А раз я говорю о протестантизме — каким же морем пива залито это протестантское христианство! Мыслима ли более затхлая, тупая, насильственная форма веры христиан, чем та, что исповедуется средним немецким протестантом?!.. Вот что я называю *ненавязчивым* христианством! вот что я называю гомеопатией христианства! Мне напоминают, что есть сегодня еще и *навязчивый* протестантизм, религия придворных проповедников и всяческих спекулянтов-антисемитов: но никто еще не брался утверждать, что над этими водами «носится» какой-либо «дух»... Это всего лишь менее пристойная форма христианства, но отнюдь не более смышленая...

14 [46]

В дионисийском упоении есть сексуальность и сладострастие: в аполлоновском это тоже присутствует. Должно быть еще различие в темпе при одном состоянии и при другом... *Предельное спокойствие определенных восприятий при опьянении* (строже говоря, замедленность ощущения времени и пространства) податливо отражается в картине самых спокойных жестов и душевных состояний. Классический

стиль по существу изображает это спокойствие, упрощение, сокращение, концентрацию — в классическом типе сконцентрировано *высочайшее ощущение власти.* Реагируют тяжело: высокая ступень сознания: никакого чувства борьбы:

Естественное опьянение:

14 [47]

Встречное движение *в искусстве.*

Пессимизм в искусстве? —

художник постепенно начинает любить ради них самих те средства, в которых дает о себе знать состояние опьянения: предельную утонченность и пышность красок, ясность линий, нюансы *звука:* все *отчетливое,* тогда как обычно, в нормальной жизни, всякая отчетливость отсутствует

—: все отчетливые вещи, все нюансы, в той мере, в какой они напоминают об этом предельном подъеме сил, который порождается опьянением, будят ретроспективно это чувство упоения.

—: воздействие творений искусства есть *возбуждение творческого состояния,* опьянения...

—: существенным в искусстве остается его роль *завершителя* жизни, порождение им совершенства и полноты

искусство по существу есть *одобрение, благословение, обожествление жизни...*

—: Что означает *пессимистическое искусство?..* Не противоречие ли это? Да.

Шопенгауэр *заблуждается,* когда ставит известные творения искусства на службу пессимизму. Трагедия *не* учит «смиряться с обстоятельствами»...

— Изображение страшных и сомнительных вещей уже само по себе свидетельствует о наличии у художника инстинкта власти и величия: он их не страшится...

Нет никакого пессимистического искусства... Искусство говорит Да. Иов говорит Да.

А Золя? А Гонкуры?

— вещи, которые они показывают, уродливы: но *то, что* они их показывают, говорит об их *удовольствии от этого уродства...*

— никуда не денешься! вы самих себя обманываете, если уверяете, что все иначе

Насколько спасителен Достоевский!

14 [48]

Надписи при входе в современный сумасшедший дом.

Логические необходимости суть необходимости моральные.

Герберт Спенсер

Последний пробный камень истинности высказывания есть непостижимость его отрицания.

Герберт Спенсер

14 [49]

Современные веяния.

Обезображивание музыки

Господство абстрактного: «сие означает»:
равнодушие к «болоту», с которым чувства совершенно не обязаны заключать компромисс...
Музыка любой ценой должна означать нечто, что *не* является музыкой: при этом она превращается в
ритм
мелодию
цвет
композицию
псевдоглубокомыслие в виде затишья мысли; неистовство, раскаяние, судорогу, исступление — все эти легковесные вещи, игрушки, которые можно так и комбинировать до финала

14 [50]

5. Средства, при помощи которых актеры одерживают верх
6. Опасность театра как рассадника порчи *всех* искусств.
7. Излишество всех новшеств Вагнера даже в опере
8. Кармен: и угнетающее действие Вагнера: *физиологическое возражение* против Вагнера
9. величайшая двусмысленность *трагической тенденции* у Вагнера: мой *realismus* in aestheticis[1]...
10. Реставрация понятия «трагический»
11. Значимость этого психологически-эстетического феномена для истории «современной души».

---

1 *Реализм* в сфере эстетики (*лат.*).

12. : по сути это *не*немецкое — вот что его *отличает*...
13. : критика «романтизма».

14 [51]

Вагнер как проблема
Слово в разъяснение
Сочинение
Фридриха Ницше

14 [52]

— — — его благоразумие в нужный момент заключило с немецким духом мир, сочинило «Императорский марш», метило на должность старшего капельмейстера

который снизошел до любой мерзости, какой только немецкий дух, этот столь испорченный немецкий дух, успел запятнать себя

который своим «Парсифалем» уговаривал любую трусость, свойственную современной душе.

Этот ставший столь двусмысленным персонаж, на чью могилу, тем не менее, «Вагнеровское общество» — мюнхенское — возложило венок с надписью:

Спасителю — спасенье!..

Проблема, как видим, немалая, недоразумение неслыханное.

Если Вагнер спасителем сделаться смог,
Кто спасет от спасения этого нас?
От спасителя этого кто нас спасет?..

14 [53]

Есть музыкальные инструменты, которыми можно увещать утробу, другие успешно действуют на спинной мозг... Как мне сообщили, действие вагнеровской музыки сильней всего ощущается после курортного сезона в Карлсбаде..

14 [54]

Но не только в этом Вагнер служит примером... И во всем мире его поняли... После Вагнера *новую* музыку пишут в России, в Париже, в Южной Америке, пишут даже в Германии.. Я бы и сам сумел преподать, каким образом пишется эта новая музыка. Хотите небольшую лекцию?..

14 [55]

Среди музыкантов

Мы поздние музыканты. Мы приняли в себя непомерное наследие прошлого. Наша память постоянно цитирует. Среди своих мы можем ограничиться полуучеными намеками: мы сразу друг друга понимаем. И слушателям нашим нравится, что мы только намекаем: это им льстит, они сами себя чувствуют при этом учеными.

14 [56]

Первое основоположение всякой театральной оптики: что должно выглядеть истинным, не вправе истинным быть

У актера нет чувства, что он играет; он пропал бы, если б оно было

Надеюсь, всем известны знаменитые разъяснения Тальма

14 [57]

Убеждение

К психологии *Павла*

Смерть Иисуса — это факт. Остается его *истолковать*...

Мысль о том, что в толковании бывает как истина, так и ложь, подобным людям на ум не приходила: просто в один прекрасный день им кружит голову возвышенная возможность, что «смерть эта *могла* означать то-то и то-то»

и вот уж она то самое и *есть*! Гипотеза доказывается возвышенным *порывом*, который она сообщает своему автору...

«Доказательство от силы»: то есть идея доказывается своей действенностью — «по плодам ее», как наивно говорится в Библии

что воодушевляет, должно быть *истинным* —

за что проливают кровь, должно быть *истинным* —

* *

Здесь всякий раз внезапное ощущение власти, пробуждаемое идеей в своем авторе, относится на счет самой этой идеи как *ценность* — и поскольку мы вообще не умеем чтить идею иначе, как называя ее истиной, то и первый предикат, воздающий ей честь, гласит, что она *истинна*...

Как бы иначе могла она оказывать какое-либо воздействие? Ее воображают наделенной особой властью: если же власть эта нереальна, то и воздействовать никак не может… Идея понимается как *вдохновенная*: оказываемое ею воздействие имеет нечто от неодолимости демонического внушения —

Идея, которой подобный декадент не в силах оказать сопротивления, которой он вконец покоряется, тем самым «доказана» *как истинная*!!!

Все эти святые эпилептики и духовидцы не обладали и тысячной долей той самокритичной порядочности, с которой сегодня филолог читает текст или исследует историческое событие на предмет его истинности…

это просто моральные кретины в сравнении с нами…

14 [58]

Карлейль..

Происхождение *науки*: обратим внимание. Она рождается *не* среди священников или философов, ее естественных противников. Она рождается среди сыновей ремесленников и деловых людей всякого рода, среди адвокатов и т.д.: тех, кого к подобным вопросам и ответам на них толкает *профессионализм и предпосылки к нему*.

14 [59]

Убеждение и ложь.

«Улучшение».

Как приводят ко власти добродетель.

Сострадание.

«Альтруизм».

Отречение.

Утрата чувственной конкретности

14 [60]

Вера, утверждающая, что делает «блаженным», — после того, как сделала больным. Вера, что ссылается на книги, — вера, что использует откровение, — вера, для которой сомнение в ней — «грех», — вера, подтверждаемая смертями мучеников — — —

Еще одна отличительная черта теолога — его *неспособность к филологии*. Здесь я понимаю слово «филология» в

самом общем смысле: как способность считывать факты, не искажая их толкованием, не———

14 [61]

Воля к власти как искусство

«Музыка» – и монументальный стиль

Величие художника не измеряется «прекрасными чувствами», которые он пробуждает, как хотелось бы думать бабенкам, но степенью, в какой он приближается к монументальному стилю, в какой он способен на великий размах. Стиль этот имеет то общее с великой страстью, что художнику зазорно нравиться; он забывает убеждать; он велит; он *вóлит*... Возобладать над хаосом, каким мы являемся, заставить свой хаос стать формой; стать необходимостью в форме; стать логичным, простым, недвусмысленным, математикой; стать *законом* – вот в чем тут великая амбиция. Ею отталкивают; ничто больше не вызывает любви к подобным принудителям – их окружает пустыня, молчание, страх, как перед великим кощунством...

Во всех искусствах известны такие честолюбцы большого размаха: почему же нет их в музыке? Никогда ли музыкант не строил, как тот зодчий, что создал Палаццо Питти?.. Тут есть проблема. Быть может, музыке место в такой культуре, где уже пришло к концу царство любого рода принудителей? Совместимо ли понятие монументального стиля, в конце концов, с душою музыки – с «женщиной» в нашей музыке?..

Я затрагиваю здесь кардинальный вопрос: где место всей нашей музыке? Эпоха классического вкуса не знает ничего сопоставимого с ней: она расцветает, когда мир Возрождения погружается в вечерние сумерки, когда «свобода» переросла уже и нравы, и даже желания: не заложено ли в характере нашей музыки представлять собой Контрвозрождение? Иначе говоря – искусство декаданса? Все равно как барочный стиль представляет собой искусство декаданса? Сестра ли она барочному стилю, раз уж она, во всяком случае, его современница? Разве музыка, современная музыка не декаданс уже?..

Музыка есть Контрвозрождение в искусстве: она также декаданс и в своем общественном выражении

Я уже и раньше затрагивал эту проблему: не является ли наша музыка частью Контрвозрождения в искусстве? Не ближайшая ли она родственница барочному стилю? Не развилась ли она в пику всему классическому вкусу, так что для нее естественным образом оказывается под запретом всякая претензия на классицизм?...

Ответ на этот первостепенный ценностный вопрос не будет двусмысленным, если правильно оценить тот факт, что музыка обретает свою высшую зрелость и полноту в облике романтизма — опять-таки реакционного движения наперекор классицизму...

Моцарт — нежная и влюбчивая душа, но всецело восемнадцатый век, даже где серьезен... Бетховен, первый романтик — подразумевая *французское* понятие романтизма, — как и Вагнер, последний великий романтик... оба инстинктивные противники классического вкуса, строгого стиля — о «монументальном» тут и речи быть не может... оба — — —

14 [62]
Современные веяния

немецкая *романтическая* музыка, ее *безыдейность*, ее ненависть к *«просвещению» и «разуму»*

чахлая мелодия, монотонность, как и чахлость «идеи», диалектики, свободы духовной динамики, — сколько в немецкой музыке борения против *Вольтера*!..

сколько неповоротливости, выливающейся во все новые понятия и даже принципы —

у каждого найдутся принципы в его даровании

против высокой трагедии и насмешливого ума, против буффонады

видал я пивохлебов и военврачей, которые «понимали» Вагнера...

тщеславие Вагнера: даже идиотов заставить понимать Вагнера

14 [63]

Герой, каким представляет его себе Вагнер: каким современным! каким отважным! каким духовно сложным он его сочинил! Умел-таки Вагнер своими героями угодить трем основным потребностям современной души – она хочет брутального, болезненного и невинного...

эти роскошные чудища с первобытными торсами и нервами послезавтрашнего дня; эти белокурые святые, чья чуть ли не доисторическая чувственность внушает дамам столько нежного любопытства, *позволяя* им столько предупредительности... Как Бомарше – Керубино, так и Вагнер преподнес в дар прекрасным дамам Парсифаля:

Что же касается тех истерически-героических созданий, которых Вагнер сочинил, *обожествил* в женском образе – тип Сенты, Эльзы, Изольды, Брюнхильды, Кундри: ну да, в театре они достаточно интересны – но кого к ним *потянет*?..

тому, что тип этот даже в Германии еще не окончательно опротивел, есть своя причина (хотя далеко не оправдание): поэт несравненно больший, нежели Вагнер, благородный Генрих фон Кляйст, уже предоставил ему когда-то на этой же почве заступничество гения

14 [64]

Вопрос: происходит ли *обезличение* истиной, когда человек всецело отдается какой-либо мысли?

...Герцен утверждает это: по его мнению, это вполне обычное дело, что человек забывает свое moi[1] и отказывается от него –

Вопрос: а не простая ли это *видимость*; не является ли то, что проникается интересом к какому-либо вопросу, нашим целостным множественным *«я»*...

14 [65]

декаданс

Наследуется не болезнь, но *болезненность*: бессилие противостоять опасным вредным внедрениям и т.д.; сломленная сила сопротивления – выражаясь на языке *морали*: покорность обстоятельствам и смирение перед врагом.

---

1 Я (*фр.*).

Я спросил себя, а нельзя ли сравнить все эти высшие ценности бывших доныне в ходу философии, морали и религии с ценностями ослабевших, *душевнобольных* и *неврастеников*: первые представляют собой *то же самое зло*, пусть и в более мягкой форме...

ценность всех хворых состояний в том, что они показывают под увеличительным стеклом известные состояния, которые сами по себе нормальны, но именно в качестве таковых едва различимы...

Здоровье и *болезнь* не отличаются друг от друга по существу, как полагала древняя медицина и как сегодня еще думают иные практики. Нельзя превращать их в четкие начала или сущности, сражающиеся за живой организм и делающие его ареной своей борьбы. Все это ветхий вздор и болтовня, ни к чему больше не пригодные. На деле различие между двумя этими способами существования лишь в степени: преувеличение, диспропорция, дисгармония нормальных явлений и составляют больное состояние. Клод Бернар.

Коль скоро *зло* можно рассматривать как преувеличение, дисгармонию, диспропорцию, с таким же успехом *добро* может оказаться **профилактической диетой**, предохраняющей от опасности преувеличения, дисгармонии и диспропорции

Наследственная слабость как *господствующее* чувство: причина высших ценностей.

NB. К слабости *стремятся*: почему?.. большей частью, потому что люди *неизбежно* слабы...

Ослабление как **задача**: ослабление желаний, ощущений удовольствия и страдания, воли к власти, к чувству гордости, воли обладать и обладать бо́льшим; ослабление как смирение; ослабление как вера; *ослабление* как отвращение и стыд за все естественное, как отрицание жизни, как болезнь и хроническая слабость...

ослабление как отказ от мести, от сопротивления, от вражды и гнева.

ошибочное лечение: слабость думают побороть не посредством systéme *fortifiant*[1], но с помощью какого-то *оправдания* и *морализаторства*: то есть с помощью *толкования*...

---

1 *Укрепляющей* системы (*фр.*).

Путают два совершенно различных состояния: например, *спокойствие силы*, которое по сути есть воздержание от реакции – тип богов, которых ничто не трогает...

и *спокойствие изнеможения*, оцепенение, доходящее до анестезии.

: все философско-аскетические приемы устремлены ко второму, но на деле имеют в виду первое... Ведь достигнутому состоянию они приписывают такие предикаты, как будто достигнуто божественное состояние.

14 [66]

Мораль как декаданс

Почему с бессилием не *борются*, но «оправдывают»

Исчезновение чутья на *целебную силу* у ослабленных: так что в качестве лекарства они желают того, что лишь торопит их гибель. Например, большинству вегетарианцев не помешал бы укрепляющий рацион, чтобы придать энергии обмякшим волокнам: но свою penchant[1] к мягкому и нежному они почитают за особый *знак* природы – и по-прежнему ослабляют себя ὑπὲρ μόρον[2]...

14 [67]

Женщина реагирует медленней мужчины, китаец – медленней европейца...

14 [68]

Религия как декаданс

Опаснейшее недоразумение

Есть понятие, которое, по всей видимости, не допускает никакой путаницы, никакой двусмысленности: речь идет об изнурении. Оно может быть приобретенным; может быть наследственным – в любом случае оно меняет аспект вещей, *ценность вещей*...

В противоположность тому, кто поневоле *отдает* вещам от той полноты, каковую сам являет и ощущает, видя вещи полнее, полновластнее, чреватее будущим, – кто в любом случае *может* дарить, изнуренный умаляет и искажает все, что видит, – он *обедняет* ценность: он вредит...

---

1 Склонность (*фр.*).

2 Сверх меры (*греч.*).

На этот счет, кажется, никакой ошибки быть не может — и однако история содержит устрашающий факт того, что изнуренных всегда *путали* с преисполненными, а преисполненных — с наивреднейшими.

Нищий жизнью, слабый, еще пуще обедняет жизнь: богатый жизнью, сильный, ее обогащает...

Первый паразитирует на ней; второй — в придачу одаривает...

Как же тут возможна путаница?..

Когда изнуренный являл своим поведением высочайшую активность и энергию — когда вырождение вызывало эксцесс высвобождения духовной или нервной энергии,— тогда-то и *путали* его с богатым... Он вызывал страх...

культ *дурака* — это всегда еще и культ богатого жизнью, могучего

фанатик, одержимый, религиозный эпилептик, все эксцентричные личности воспринимались как высшие типажи могущества

: как люди *божественные*

такого-то рода сила — сила, вызывающая *страх*,— в первую очередь почиталась как божественная: здесь находился источник авторитета, здесь толковали, внимали, искали *мудрости*...

Из этого почти повсеместно развилась *воля* к «обожествлению», то есть к типичному вырождению ума, тела и нервов: попытка отыскать путь к такому высшему роду бытия

довести себя до болезни, до безумия: спровоцировать симптомы расстройства — это значило стать сильнее, сверхчеловечнее, страшнее, мудрее:

— тем самым человек мнил себя достаточно богатым властью, чтобы быть в состоянии *отдавать* от нее: повсюду, где люди боготворили, они искали кого-то, кто мог отдавать.

что дурака принимали за нечто сверхчеловеческое

что в невротиках и эпилептиках подозревали действие страшной силы власти

Здесь вводил в заблуждение опыт *опьянения*...

опьянение в высшей степени *увеличивает* ощущение власти

следовательно, наивно рассуждая, и *саму власть* —

тот, кто был *пьяней всех*, экстатичный, должен был находиться на высшей ступени власти

у *опьянения* есть два отправных пункта: бьющая через край полнота жизни и состояние болезненной трофики мозга

Ничто никогда не заставляло расплачиваться так дорого, как эта путаница в сфере физиологии. –

14 [69]

Физиологические лжепонимания

1. болезнь, превратно понятая как высшая форма жизни
2. опьянение
3. бесстрастность.

14 [70]

Радость наступает там, где есть чувство власти

Счастье – в возобладавшем сознании власти и победы

Прогресс: усиление типа, способность к великому хотению: все прочее – превратное понимание, опасность,– – –

14 [71]

Воля к власти как «закон природы»
Воля к власти как жизнь
Воля к власти как искусство.
Воля к власти как мораль.
Воля к власти как политика
Воля к власти как наука.
Воля к власти как религия

14 [72]

Воля к власти
Морфология

Воля к власти как «природа»
как жизнь
как общество
как воля к истине
как религия
как искусство
как мораль
как человечество

Встречное движение
Тяга к небытию
преодоленные. Отбросы, выродившиеся

14 [73]

Следствия декаданса

Порок, порочность
болезнь, болезненность
преступление, преступность
целибат, стерильность
истеричность, слабоволие, алкоголизм
пессимизм
анархизм

14 [74]

Дегенерация:

первое основоположение: все, в чем до сих пор видели *причины дегенерации*, есть ее *следствия*.
: порок: как следствие;
: болезнь — стерильность
: преступление
очернители, подрыватели, скептики, разрушители — { скепсис, аскетизм, нигилизм, потусторонность }
: libertinage (в том числе умственный) — целибат.
: слабоволие: пессимизм; анархизм; ———

Но в то же время все, что считается *лекарством* от вырождения, на деле не более как *паллиатив* против некоторых его влияний: «*исцеленные*» — всего лишь один из **типов** *дегенератов*.

14 [75]
Понятие «декаданс»

Отбросы, упадок, отбраковка — во всем этом нет ничего такого, что уже само по себе заслуживало бы осуждения: это необходимое следствие жизни, жизненного прироста. Появление декаданса столь же необходимо, как и любой подъем или развитие жизни: *устранить* его не в нашей власти. Разум же, напротив, хочет, чтобы *этому воздали должное*...

Позор для всех социалистических систематизаторов, что они думают, будто возможны такие условия, общественные комбинации, при которых не будут возникать порок, болезнь, преступность, проституция, *нужда*… Ведь это означает приговорить *жизнь*… Общество не властно оставаться молодым. Даже в расцвете сил должно оно вырабатывать нечистоты и отбросы. Чем энергичнее и смелее движется общество вперед, тем богаче оно становится на неудачных и уродцев, тем ближе оно к своему закату… Учреждениями не отвратить дряхлость. Или болезнь. Или порок.

14 [76]

Некогда говорилось о любой морали: «по плодам ее позна́ете ее»; я же говорю о всякой морали: она есть плод, по которому узнаю я *почву*, на которой она взросла.

14 [77]

Мы, гиперборейцы
Предисловие

Воля к власти
Первая часть

Психология décadence'а
Теория décadence'а
Вторая часть

Критика духа времени
Третья часть

Великий полдень
Четвертая часть

Сильные
Слабые
С кем сродны мы?
Великий выбор

14 [78]

Воля к власти

Опыт переоценки всех ценностей.

Первая часть

Что ведет происхождение от силы.

Вторая часть

Что ведет происхождение от слабости.

Третья часть

А откуда *происходим* мы? –

Четвертая часть

Великий *выбор*

14 [79]

Воля к власти *Философия*

Количества власти. *Критика механицизма*

здесь давайте отстраним два популярных понятия: «необходимость» и «закон»: первое привносит в мир ложное принуждение, второе – ложную свободу. «Вещи» не ведут себя ни закономерно, ни сообразно какому-то *правилу*: вещей вообще нет (это лишь наша фикция); столь же мало их поведение подчинено принуждению необходимости. Здесь ничто ничему не повинуется: ибо то, *что нечто таково, каково оно есть*, столь сильно, столь слабо, – это не следствие повиновения, или правила, или принуждения...

Степень сопротивления и степень превосходства в силах – вот к чему сводится все дело во всем происходящем: если для привычного удобства расчета *мы* умеем выразить это в формулах и «законах», – что ж, тем лучше для нас! Но одной нашей фикции, будто мир послушен законам, еще недостаточно, чтобы внести в него какую-либо «моральность» –

Никакого закона нет: всякая сила в любой момент делает свои последние выводы. Возможность расчета на том и покоится, что никакого mezzo termine[1] не существует.

---

1 Среднего термина (*um.*).

Количество силы, власти характеризуется тем воздействием, которое оно само оказывает, и тем, которому сопротивляется. Адиафория[1] отсутствует, хотя и мыслима в принципе. По существу же это воля к насилию и к защите себя от насилий. Не самосохранение: каждый атом воздействует на все бытие в целом,— мы мысленно его устраним, если устраним в мысли излучение воли к власти. Поэтому я называю это количеством «*воли к власти*»: этим выражается характерная черта, которую нельзя мысленно изъять из механического порядка, не устранив в мысли сам этот порядок.

Понятие «движение» есть перевод этого мира воздействий в мир *зримый*— мир глаза. Здесь всегда подразумевается, что в движение приводится *нечто*— при этом всегда мыслится вещь, которая действует (будь то в форме фикции: атома-комочка, или даже его абстракции— в виде динамического атома),— выходит, мы не расстались с привычкой, которой прельщают нас восприятия и язык. Субъект и объект, деятель и действие, действие и то, что оно совершает, отделены одно от другого: не забудем, что все это чистая семиотика, а не что-либо реальное. Механика как учение о *движении*— это уже перевод на язык человеческих восприятий.

Чтобы быть в состоянии считать, нужны единицы: но это еще не дает права предполагать, что такие единицы действительно существуют. Понятие единицы мы заимствовали у нашего понятия «я» —древнейшей статьи нашего символа веры. Если бы мы не считали себя единицами, то никогда бы не построили понятие «вещь». Теперь, довольно-таки поздно, мы основательно убедились в том, что наша идея понятия «я» отнюдь не гарантирует реального единства. Таким образом, чтобы сохранить в неприкосновенности теорию мирового механизма, всегда приходится оговаривать, в какой степени эта теория строится нами на основе двух фикций: понятия движения (взятого из языка наших восприятий) и понятия атома = единицы (ведущего свое происхождение из нашего психического «опыта»): ее предпосылками

---

1 Безразличие (*греч.*).

служат *предвзятость восприятий* и *психологическая предвзятость.*

Механистический мир воображается таким, каким представляют себе мир единственно глаз наш и осязание (как «движущийся»)

так, чтобы он мог быть исчислен,—чтобы сымитировать единицы,

так, чтобы сымитировать причинные единицы, «вещи» (атомы), воздействие, или следствие, которых остается постоянным (—перенесение ложного понятия субъекта на понятие атома)

понятие числа.

понятие вещи (понятие субъекта

понятие деятельности (разделение на: «быть причиной» и «производить следствие»)

движение (глаз и осязание)

: так что всякое следствие есть *движение*

: так что где есть движение, есть и *нечто*, приводимое в движение.

Феноменальное, стало быть, состоит из: примеси понятия числа, понятия субъекта, понятия движения: здесь все же сказывается наш *глаз*, наша *психология.*

Если мы устраним эти примеси, тогда не будет больше никаких вещей, а останутся лишь динамические количества, связанные напряжением со всеми прочими динамическими количествами: чья сущность и состоит в их отношении ко всем другим количествам, в «произведении или следствии» в них: воля к власти—не бытие, не становление, но некий *пафос*—вот элементарнейший факт, из которого только и вытекает какое-либо становление, какое-либо следствие...

механика к тому же семиотически формулирует производные явления чувственно-наглядными и психологическими выразительными средствами, причинную силу она даже не затрагивает...

14 [80]

Раз сокровеннейшую сущность бытия составляет воля к власти, раз наслаждение составляет всякий рост власти, а страдание—всякое ощущение собственной не-

способности устоять и захватить господство, то спрашивается: не должны ли мы тогда признать наслаждение и страдание фактами кардинального значения? Возможна ли воля без двух этих осцилляций Да и Нет? *Кто*, однако, ощущает наслаждение?.. *Кто*, однако, стремится к власти?.. Абсурдный вопрос, если сущность <бытия> сама есть стремление к власти и, следовательно, ощущение наслаждения и страдания. И все-таки — необходимы противоположности, противодействия и, стало быть, относительно говоря, *объемлющие их единства*... В пространственном отношении — — —

если А действует на В, то А лишь в пространственном отношении оторвано от В

14 [81]

Критика понятия «причина»

Если пересмотреть дело с психологической точки зрения, то понятие «причина» окажется нашим чувством власти, присущим так называемому волению — а наше понятие «следствие» — суеверием, суть коего в том, что чувство власти, силы и есть сама приводящая в движение власть, сила...

Состояние, сопровождающее процесс и выступающее уже его следствием, проецируется как «достаточное основание» этого процесса.

Мера напряженности нашего чувства власти: наслаждение как ощущение власти, то есть сломленного сопротивления, — не иллюзии ли это?

если мы вернем понятие причины в <язык> единственной известной нам сферы, откуда мы его и извлекли, — то не сможем представить себе никакого *изменения*, при котором не было бы той или иной воли к власти. Мы не сумеем вывести какого-либо изменения, если не будет иметь место пережим одной власти другой властью.

Механика показывает нам лишь последствия, да к тому же делает это образно (движение — выражение образное).

Даже у гравитации нет никакой механической причины — ведь она-то и есть первопричина всех механических следствий.

Воля к аккумуляции силы специфична для феномена жизни, для питания, зачатия, наследования,

для общества, государства, нравов, авторитета.

а что если взять да и признать эту волю движущей причиной и в химии?

а в мироздании в целом?

не просто сохранение энергии — а максимальная экономность в расходовании, так что *исходящее из любого центра силы стремление к наращиванию* последней есть единственная реальность, — не самосохранение, а присвоение, стремление к господству, приумножению, усилению.

Неужто же принцип причинности призван *доказать* нам, что наука возможна?

«одна и та же причина вызывает одни и те же следствия»:

«вещи подчиняются постоянно действующему закону»

«порядок неизменен».

если что-то можно вычислить — неужто оно уже только потому и необходимо?

если что-то протекает так, а не иначе, — в нем нет никакого «принципа», никакого «закона», никакого «порядка».

Квантумы силы, сущность коих состоит в том, чтобы установить господство над всеми другими квантумами силы.

Вера в причину и следствие всегда заставляет забыть самое главное: сам *процесс*.

постулировав, что был деятель, предположили, что было, в свою очередь, и содеянное.

14 [82]

Можем ли мы допустить существование *стремления к власти* без ощущения наслаждения и страдания, то есть без чувства усиления или ослабления власти?

<концепция> механицизма — всего лишь язык знаков, выражающий *внутренний фактический* мир борющихся и побеждающих квантумов воли?

все предпосылки <концепции> механицизма — вещество, атом, давление и удар, тяжесть — это не «факты сами по себе», а интерпретации посредством *психических фикций*.

жизнь как наиболее знакомая нам форма бытия есть, специфическим образом, воля к аккумуляции силы:

: здесь — главная пружина всех процессов жизни

: все стремится не к сохранению, а к накоплению и аккумуляции.

Жизнь как частный случай: исходя из него строится гипотеза о характере всего бытия:

: <оно> стремится к *максимальному ощущению власти*

: его сущность — стремление к приумножению власти

: <это> стремление есть не что другое как стремление к власти

: эта воля остается глубочайшей основой: механика же есть просто семиотика следствий.

14 [83]

Проблема *философа* и
человека *науки*

Исходный тип

Спокойная сила. При этом — относительное безразличие и затрудненность реакции.

Все аффекты сильны и прекрасно помогают друг другу...

Воздействие возраста

депрессивные привычки (домоседство на манер Канта).

Переутомление.

недостаточное питание мозга.

Чтение.

Важнее: не проявляется ли *симптом декаданса* уже в ориентации на такую *всеобщность* — *объективность* как дисгрегацию воли (в той мере, в какой *могут* оставаться...

это предполагает большую адиафорию к сильным влечениям:

своего рода изоляцию особое положение отпор	в отношении нормальных влечений

Тип: освобождение от *родины* — <стремление выйти> на все более широкую арену, растущее стремление к экзотическому, онемение старых императивов

— — даже этого беспрестанного вопрошания «куда?» («счастье») есть признак *выделения* из организованных форм, прорыв.

Проблема: не есть ли скорее человек *науки* симптом декаданса, чем философ — он не освободился *целиком* — лишь *часть* его всецело посвящена познанию, натаскана на один угол да на оптику одного восприятия —

— тут ему надобны *все* добродетели сильной расы и здоровье

— великая суровость, мужественность, рассудительность —

— здесь можно говорить о разделении труда и выучке, весьма полезной для целого и возможной лишь при очень высокой степени культуры. Он — симптом скорее многообразия культуры, чем ее усталости.

Ученый-декадент — это *плохой* ученый. А вот философ-декадент был философом типичным — по крайней мере, так обстоят дела и по сию пору.

14 [84]

В сравнении с *художником* появление человека *науки* есть на деле признак известной запруженности и обмеления жизни.

Но все-таки — и *усиления, суровости, силы воли.*

: в той мере, в какой неискренность, безразличие к *истине* и *пользе* могут быть у художника признаками юности, *«ребячества»*...

: свойственная им манера, их безрассудство, их невежество в отношении себя, их безразличие к вечным ценностям, увлеченность «игрой»... недостаток благопристойности; паяц рядом с Богом; святой и подлец...

: *подражание* как инстинкт, велящий <подражать>...

Соглашатели, художники заката.

Художники восхода – художники заката: не встречаются ли они на всех фазах... Да.

14 [85]

Пиррон, греческий буддист.

Платон — быть может, прошедший школу иудеев.

14 [86]

К понятию «декаданс» —

1. скепсис есть следствие декаданса, как и libertinage[1] разума.
2. разложение нравов есть следствие декаданса: расслабление воли, потребность во все более сильных возбуждающих средствах...
3. методы лечения — психологические, моральные — не изменяют течения декаданса, не сдерживают его, — физиологически они *ничтожны*.
   — обзор *великой ничтожности* этих самонадеянных «реакций»
   — это формы наркотического бегства от известных фатальных последствий, они не выводят гниль
   — часто они представляют собою героические попытки свести на нет человека декаданса, добиться минимума его *вредоносности*.
4. нигилизм — это не причина, а всего лишь логика декаданса.
5. «добрый» и «злой» — всего лишь два типа декаданса: они держатся друг за дружку во всех важнейших явлениях.
6. **социальный** *вопрос* есть следствие декаданса.
7. болезни, и прежде всего нервные и душевные расстройства, суть признаки того, что у сильной натуры нет *защитной* силы; точно о том же говорит возбудимость, из-за которой *наслаждение* и *страдание* становятся проблемами переднего плана.

14 [87]

античный философ <как тип> начиная с Сократа несет на себе *стигмы декаданса*: морализм и <вопрос> счастья.

Высшая точка — Пиррон. Достиг буддийской ступени.

Эпикуреизм в *христианстве*

Пути, ведущие к счастью: знак того, что все главные силы жизни исчерпаны.

---

1 Распущенность (*фр.*).

14 [88]

Аккумулирующие эпохи и индивиды.

расточающие: гениальные, победоносные, завоевательные, открывающие, авантюрные.

вслед за последними неизбежно идет декадент.

14 [89]

Встречное движение: религия

Два типа:

Дионис и *Распятый*

Установить: типичный *верующий* — форма декаданса?

Великие новаторы все до одного болезненны и эпилептичны.

: однако не упускаем ли мы тут один тип верующего — *язычника*? Разве языческий культ — не форма благодарного утверждения жизни? Разве высший его представитель не выражал апологию и обожествление жизни с необходимостью?

Тип совершенно удавшейся и восхищенно изливающейся в своем преизбытке натуры...

Тип вбирающего в себя противоречия и темные стороны жизни — **несущий спасение** тип?

— Сюда я отношу *Диониса* греков:

религиозное утверждение жизни — целостной, а не отвергнутой и наполовину урезанной жизни.

Типично, что половой акт пробуждает глубинное, таинственное, трепетно-благоговеющее <ощущение>.

Дионис супротив «Распятого»: вот вам и полярность. Это — *не* различие по образу мученичества: просто у такового разный смысл. Мука, разрушение, воля к уничтожению вызваны самой жизнью, ее вечной плодоносностью и возвращением...

а во втором случае это — страдание, это — «распятый как невинно страждущий», как возражение против той самой жизни, как формула ее осуждения.

Нетрудно догадаться: вся проблема упирается в смысл страдания — то ли в христианский смысл, то ли в трагический... В первом случае оно служит путем к некоему блаженному бытию, во втором *само бытие достаточно блаженно*, чтобы еще и оправдать неизмеримую громаду страдания.

Трагический человек принимает даже самое страшное страдание — он достаточно силен, полон, божествен для этого.

Христианин же отвергает даже блаженнейший жребий на земле: он достаточно слаб, беден, обделен, чтобы страдать от жизни в любой ее форме...

«Бог на кресте» — это проклятие жизни, указание на избавление от нее.

Растерзанный на части Дионис есть *обетование* жизни: она будет вечно возрождаться, возвращаться из тлена.

14 [90]

Физиологическая неправда на картинах Рафаэля.

У женщины с нормальной секрецией нет потребности в спасении. Что все эти полнокровные и удачливые натуры вечно убиваются над известным анемичным святым назарянином, противоречит законам природы. Тот принадлежал к какой-то иной породе — той, что была известна Достоевскому, — трогательным, испорченным и извращенным ублюдкам с чертами идиотизма и мечтательства, с *любовью*...

14 [91]

Религия как декаданс

Будда против «Распятого»

В русле нигилистического движения надо всегда четко различать *христианское* и *буддийское*.

: *буддийское* — это выражение *прекрасного заката*, совершенной кротости и незлобивости, да к тому же благодарности за все, что было; нет никакой ожесточенности, разочарования, злопамятства.

: наконец, высокая духовная любовь, избежавшая тонких сетей физиологического антагонизма, — буддизм освобожден и от нее: но отсюда все еще исходит жар его духовного величия и солнечного заката. (Его происхождение от высших каст.)

: *христианское* движение — движение упадочническое, включающее в себя отбросы и лишние элементы всяческого рода: оно *не* выражает закат расы, а изначально представляет собой агрегатное образование из лепящихся

друг к дружке, пытающихся объединиться болезненных форм... Поэтому оно *не* национально, *не* расово: оно обращено к обделенным со всех углов земли.

в его основе — озлобленность, направленная против всего полнокровного, владычествующего; оно пользуется *символом*, изображающим проклятье полнокровным и владычествующим...

оно враждебно и всякому *духовному* движению, всякой философии: оно берет сторону идиотов и произносит проклятье духу. Озлобление на богато одаренных, ученых, духовно независимых: в них оно чует *полнокровное, владычествующее.*

14 [92]

Проблема Сократа.

Две крайности:

трагическая установка	по меркам
сократическая установка	закона жизни

: насколько сократическая установка есть феномен декаданса.

: Но насколько еще сильно здоровье и крепость всей конституции, проявляющиеся в диалектике и дельности, в дисциплинированности человека науки (здоровье *плебея*, его «зубастость», esprit frondeur[1], его сообразительность, его *canaille au fond*[2], сдерживаемое *изворотливостью ума*: «безобразен»).

Обезображивание:

издевательство над собой
диалектическая сухость
рассудительность как *тиран* над «тиранами» (над инстинктом).

все преувеличено, эксцентрично, все — карикатура Сократа, буффонада с вольтеровскими инстинктами в крови;

— он открывает новый вид *агона* —
— он первый учитель фехтования для высших кругов Афин

1 Неуживчивость (*фр.*).
2 *Здесь*: наглое нутро (*фр.*).

– он представляет не что иное как *высочайшую рассудочность*: он называет ее «добродетелью» (угадав в ней **спасение**: он не волен был *решать* – рациональность была *de rigueur*[1]
– владеть собой, чтобы вступать в бой с причинами, а *не* с аффектами, – *хитрость* Спинозы – распутывание вызванных аффектами заблуждений... обнаружить, как поймать в сети всякого, кто доведен до аффекта, обнаружить, что аффект действует нелогично... Упражнение в самовысмеивании с целью пресечь *чувство озлобления* в корне

Я пытаюсь понять, из каких частичных и идиосинкратических состояний следует выводить проблему Сократа: его приравнивание разума = добродетели = счастью. Он *зачаровывал* абсурдностью учения об этом тождестве: античная философия так и не избавилась от этих чар...

Проблема Сократа. Рассудительность, ясность, твердость и логичность как оружие в борьбе против *дикости влечений*. Последние должны быть опасны и тлетворны: иначе нет никакого смысла развивать *рассудительность* до такой тирании. Превратить рассудительность в *тирана*: но ведь *для этого* тиранами должны быть влечения. Вот она, проблема.– Тогда это было весьма своевременно. Разум стал = добродетели = счастью.

абсолютное отсутствие объективных интересов: ненависть к науке, идиосинкратическая невозможность ощутить себя самого как *проблему*.

Акустические галлюцинации у Сократа: элемент упадка.

Возиться с моралью противно, как правило, тогда, когда дух богат и независим. Как это вышло, что Сократ – страдает *мономанией морали*?

---

1 Обязательной (*фр.*).

Вся «практическая» философия тотчас выступает на передний план в бедственных положениях. Мораль и религия, когда они становятся предметами главного интереса, суть признаки бедствия.

Решение: греческие философы топчутся на том же основном факте своего внутреннего опыта, что и Сократ: за 5 шагов от эксцесса, от анархии, от состояния необузданности, — все они декаденты. А в нем они видели целителя:

Решение: дикость и анархия инстинктов у Сократа есть *симптом декаданса.* То же — повторное оплодотворение логики и рассудочной ясности. Та и другая — уродства и стоят одна другой.

Логика как воля к власти, к господству над собой, к «счастью».

Критика. Декаданс проявляется в этом пристрастном стремлении к «блаженству» (то есть к «спасению души», то есть <стремится> воспринять свое состояние как **опасное**).

Его фанатичный интерес к «счастью» обнаруживает патологию основы: это был жизненно важный интерес. *Быть разумным* **или** погибнуть — перед этой *альтернативой* стояли они все.

морализм греческих философов говорит о том, что они чувствовали себя *в опасности*...

14 [93]
Воля к власти как познание
Критика понятия «истинный и видимый мир».

из них первый — одна фикция, построенная из чисто воображаемых вещей.

«Видимость» сама присуща реальности: она — форма ее бытия, то есть

в мире, где нет никакого бытия, лишь посредством *видимости* создается некоторый поддающийся исчислению мир *тождественных* случаев: темп, в котором возможны наблюдение и сравнение, и т.д.

«Видимость» есть упорядоченный и упрощенный мир, над которым поработали наши *практические* инстинкты: для *нас* он совершенно истинен — это мы в нем *живем*, можем в нем жить: *доказательство* его истинности для нас...

мира, независимого от нашей необходимости жить в нем, мира, который мы не свели к нашему бытию, к нашей логике и психологическим предрассудкам,

не бывает как мира «самого по себе».

он по своей сути есть мир отношений: смотря по обстоятельствам, с каждой точки обзора он открывает всякий раз *другое лицо*: его бытие по своей природе — иное в каждой точке: он давит на каждую точку, и каждая точка противится ему, — а результаты <такого взаимодействия> во всяком случае совершенно *не совпадают*.

Степень власти определяет, какому *существу* принадлежит иная степень власти: в какой форме, какой силой, каким принуждением оно действует или сопротивляется.

Мы как особый случай довольно интересны: мы создали некую концепцию, чтобы научиться жить в мире, чтобы воспринимать ровно столько, сколько надо для того, чтобы еще и *выдержать* это...

14 [94]

Философия как декаданс
К критике философов

Философы и моралисты занимаются самообманом, когда думают выбраться из декаданса, борясь *против* него.

Это не в их власти: и, как бы мало они этого ни признавали, позже обнаруживается, что они принадлежали к самым влиятельным покровителям декаданса.

Философы Греции, например Платон, этот благой муж, — но ведь это он *оторвал* инстинкты от полиса, от состязаний, от воинской дельности, от искусства и красоты, от мистерий, от веры в традицию и предков...

— был совратителем нобилей, а сам был совращен roturier[1] Сократом...

— так вот, он отверг все устои «благородных эллинов» старого закала, ввел диалектику в будничную жизнь, шеп-

1 Простолюдином (*фр.*).

тался с тиранами, занимался политикой будущего и дал пример совершеннейшего *отрыва инстинктов от древности.*

Он глубок и страстен во всем *анти*эллинском...

Все они представляют последовательность *типических* форм декаданса, эти великие философы:

морально-религиозную идиосинкразию
анархизм
нигилизм ἀδιάφορα
кинизм
косность
гедонизм
реакционизм

вопрос о «счастье», «добродетели», о «спасении души» есть выражение *физиологического разлада* в этих упадочных натурах: в их инстинктах совершенно нет *устойчивости, направления.*

: почему ни один *не посмел* отвергнуть свободу воли? Все они предубеждены благодаря *своему* <понятию> «спасения души» — что им до истины?

14 [95]

Два последовательных состояния: одно — причина, второе — следствие

: неверно.

первому состоянию нечего обусловливать;
второе не обусловлено ничем.

: речь идет о борьбе двух неравных по власти элементов: в зависимости от объема власти каждого из них достигается новый расклад сил.
второе состояние есть нечто в корне отличное от первого (но *не* его следствие): существенно то, что участвовавшие в борьбе факторы выходят из нее с различными квантумами власти.

14 [96]

[+ + +] Они презирали тело: они сбросили его со счетов: мало того, они третировали его как врага. Их манией была вера, будто «прекрасные души» могут разгуливать в оболочке отвратительных кадавров... А чтобы

заставить поверить в это и других, им пришлось перелицовывать понятие «прекрасной души», переоценивать естественную ценность, покуда, наконец, блеклое, болезненное, идиотически-мечтательное существо не стало восприниматься как верх совершенства, как «подобие ангелов», как преображение, как высший человек.

14 [97]
«Воля к власти»

«Волю к власти» демократические эпохи ненавидят до такой степени, что, сдается, вся их психология направлена на то, чтобы принизить ее и отвергнуть...

Тип великого честолюбца: так это же, совершенно очевидно, Наполеон! И Цезарь! И Александр!.. Будто как раз не они-то больше всех и *презирали* честь!..

А Гельвеций развивает перед нами ту мысль, что к власти стремятся, дабы получать удовольствия, доступные человеку могущественному...: это стремление к власти он понимает как желание наслаждаться, как гедонизм...

Стюарт Милль: ———

14 [98]
Воля к власти по существу

Критика понятия «причины»

Исходный пункт — «воля к власти» — нужен мне как источник движения. Следовательно, движение не может быть обусловлено извне — не может быть *вызвано* некоторой *причиной*...

Мне нужны порождающие центры движения, откуда излучается воля...

У нас нет ровно никакого опыта, содержанием которого была бы *причина.*

: психологическая сверка обнаруживает, что это понятие целиком приходит к нам от субъективного убеждения в том, что причина — *мы сами*, например, причина того, что рука движется... *Но это — заблуждение*

: мы отличаем себя, деятелей, от действия и всюду пользуемся этой схемой — на всякий процесс мы отыскиваем деятеля..

: что же мы сделали? ощущение силы, напряжения, сопротивления, мышечное ощущение, которое уже само по себе есть начало действия, мы *ошибочно поняли* как причину

или поняли волю делать то и то — поскольку за ней следует действие — как причину: причину, то есть — — —

«причина» вообще нигде не встречается: отдельные случаи, где она как будто присутствует, исходя из чего мы и спроецировали ее для *понимания процесса*, обличают самообман.

Наше «понимание произошедшего» заключалось в том, что мы изобрели субъект, ответственный за событие и за то, как оно протекало.

Наше ощущение воли, наше «чувство свободы», наше чувство ответственности и наше намерение совершить что-либо мы свели воедино в понятие «причины»:

causa efficiens[1] и finalis[2] — это в основе своей одно и то же.

Мы полагали, будто следствие объяснено, если выявлено состояние, которому оно уже присуще.

Фактически мы изобрели все причины по схеме следствия: последнее нам известно... Но мы, напротив, не в состоянии предсказать, каково будет «следствие» той или иной вещи.

Вещь, субъект, воля, намерение — все это присуще концепции «причины».

Мы ищем вещи, чтобы объяснить, почему что-то изменилось. И даже *атом* есть такая воображаемая «вещь» и «прасубъект»...

В конечном итоге мы поймем, что вещи, а стало быть и атомы, ничего не обусловливают: *это потому, что они вообще не существуют*... и что понятие причинности совершенно непригодно — из необходимой серии состояний *не* следует их причинная связь (— это значило бы, что у них есть *реальная способность* делать так, чтобы 1-е перескакивало во 2-е, 2-е — в 3-е, 3-е — в 4-е, 4-е — в 5-е).

Причинное объяснение — иллюзия...

---

1 Действующая причина (*лат.*).

2 Целевая (*лат.*).

Движение — только слово, движение не составляет причины —

«вещь» есть сумма собственных следствий, синтетически связанных понятием, образом...

Не бывает ни причин, ни следствий.

Наш язык не умеет выпутываться из такого положения. Но это и не важно. Если я мыслю *мускул* отдельно от его «следствий», я уже его отрицаю...

In summa: *произошедшее ни обусловлено, ни обусловливает.*

Causa[1] есть способность воздействовать, примышленная к процессу...

не бывает того, что́ имел в виду Кант, — *нет* никакого чувства причинности

мы удивляемся, мы тревожимся, мы хотим получить что-то известное, за что можно ухватиться...

как только в новом проглядывает что-то старое, мы успокаиваемся.

Мнимый инстинкт причинности есть всего лишь *страх перед необычным* и попытка обнаружить в нем что-то *знакомое*

поиск не причин, а чего-то знакомого...

Люди тотчас успокаиваются, как только к чему-то новому — — — они *не* стараются понять, почему от спички зажигается огонь

Наука фактически выпотрошила из понятия причинности его содержание и сократила его до некоего подобия уравнения, причем, в сущности, стало уже все равно, в какой его части причина, а в какой — следствие. Говорят, что в двух комплексных состояниях (констелляциях силы) сумма квантов силы не меняется.

Исчислимость происходящего состоит не в подчинении какому-нибудь правилу

или в подчинении какой-нибудь необходимости

или в проецировании нами закона причинности на всякий процесс:

она заключается в *возвращении тождественных случаев.*

---

1 Причина (*лат.*).

14 [99]

Философия как декаданс

Мудрая усталость. Пиррон. Этот буддист. Сравнение с Эпикуром.

Пиррон. Жить среди униженных, в унижении. Никакой гордости. Жить обыкновенно, как другие; верить в то, во что верят все, и почитать его. Держать ухо востро с наукой и умом, вообще со всем, что *задирает нос*... Попросту: безмерно терпеливо, безмятежно, незлобиво.

ἀπάθεια[1], более того, πραΰτης[2].

Буддист для Эллады, выросший под базарный гомон школ; поздно рожденный; утомленный; протест усталого против суматохи диалектиков; неверие усталого в важность решительно всего. Он видел *Александра*, он видел *индусских смиренников*. Все униженное, все нищее, все идиотическое действует на таких рафинированных, поздно рожденных даже как какой-то соблазн. Оно их наркотизирует: их тянет расслабиться: Паскаль. Правда, в давке, мешаясь с толпой, они ощущают какое-то тепло: им нужна *теплота*, этим утомленным...

Примирять разлады; не вступать в состязания; не выделяться: отрицать *греческие* инстинкты. Пиррон жил вместе со своей сестрой, которая была повивальною бабкой. —

Драпировать истину, дабы она не выделялась; натягивать на нее покрывало нищеты и лохмотьев; отправлять самые постыдные обязанности: ходить на базар и продавать молочных поросят...

Кротость; ясность; равнодушие; никаких добродетелей, для которых потребны громкие слова. Не выделяться и в добродетели: крайняя степень самообуздания, последняя степень равнодушия.

Пиррон да Эпикур — вот две формы греческого декаданса: схожие в ненависти к диалектике и ко всем добродетелям *лицедеев* — то и другое вместе тогда звалось философией; нарочно унижавшие то, что любили; выбиравшие для этого обыкновенные, да и попросту презренные слова; живые картины состояния, в котором человек не

---

1 Бесстрастие (*греч.*).

2 Кротость (*греч.*).

болен, но и не здоров, не жив, но и не мертв... Эпикур — более наивный, более идилличный, более склонный к взаимности; Пиррон — более опытный, более бывалый, более нигилистичный...

Его жизнь была протестом против великого *учения о тождестве* (счастье = добродетели = познанию).

Праведной жизни не достичь, занимаясь наукой: многоумие «уму» не научает...

Праведная жизнь не ищет счастья, она обходится без счастья...

14 [100]

Настоящие *философы у греков* — те, что были до Сократа: с появлением Сократа что-то меняется

все они — люди благородного звания, державшиеся в стороне от народа и обычая, бывалые, серьезные до угрюмости, с пытливо-медлительным взором, не чуждые государственным делам и дипломатии. Они предвосхитили все великие воззрения на вещи, найденные мудрецами: они сами были такими воззрениями, они приводили в систему себя самих.

Ничто не дает более полного представления о греческом духе, как этот внезапно народившийся урожай типов, как эта непроизвольно разразившаяся полнота великих возможностей философского идеала.

В последующую эпоху я вижу лишь еще одну оригинальную фигуру: поздний плод, но неизбежно последний... нигилиста *Пиррона*,.. у него был инстинкт *противиться* всему тому, что наросло за это время, — сократикам, Платону

Пиррон через Протагора возвращается к Демокриту...

Артистический оптимизм Гераклита, ———

14 [101]

декаданс *вообще*

Если *наслаждение* и *страдание* относятся к ощущению власти, то жизнь должна представлять собой рост власти и, значит, сознание должно замечать ее прирост... Удержание достигнутого уровня власти: но тогда наслаждение должно было бы измеряться лишь снижением этого уровня, то есть состоянием страдания, а *отнюдь не* состоянием на-

слаждения... Стремление получать все больше — в природе наслаждения: надо, чтобы власть росла, чтобы ее прирост становился заметным...

Начиная с некоторого момента декаданса начали осознавать *обратную разницу* — снижение: память о высоких мгновениях былого оттесняет нынешнее чувство наслаждения — теперь сравнение уже *ослабляет* наслаждение...

14 [102]

О гигиене «слабосильных». Все, что будет сделано в немощи, выйдет плохо. Мораль: ничего и не делай. Плохо только, что как раз способность взять в деле передышку, *не* реагировать сильнее всего парализуется под влиянием бессилия; что никогда не реагируют так очертя голову, как тогда, когда реагировать не надо вообще...

Натура сильная проявляет себя в выжидании и откладывании реакции: определенного рода ἀδιαφορία[1] свойственна ей в той же мере, в какой бессилию свойственна непроизвольность ответного движения, спонтанность, неудержимость «поступка»...

Воля слаба — и рецепт неделания глупостей гласил бы: нужно обладать сильною волей и *ничего* не делать...

Contradictio[2]...

Своего рода самоистребление — инстинкт самосохранения скомпрометирован... *Слабосильный наносит вред себе самому*... вот он, тип декадента...

Фактически мы видим чудовищных масштабов поиски практик, провоцирующих *бесстрастие*. Инстинкт берет верный след, когда признаёт, что ничего не делать полезнее, чем что-то делать...

Все практики орденов, философов-одиночек, факиров наитием следуют верному эталону: известного сорта люди *приносят себе пользу даже больше всего*, когда изо всех сил не дают себе воли действовать —

Средства, приносящие облегчение: абсолютная покорность
машинальная деятельность

---

1 Безразличие (*греч.*).

2 Противоречие (*лат.*).

отстранение от людей и вещей, способных стимулировать немедленное решение и действие

14 [103]

1

Я с удивлением замечаю, что наука потеряла сегодня всякую решимость, позволяющую рассчитывать на видимый мир: мир же истинный — будь он каким ему угодно, но для его познания у нас нет решительно никакого органа.

Уже здесь можно задать вопрос: а каким же органом познания устанавливается наличие этой противоположности?..

Что мир, доступный нашим органам, и понимается как зависимый от этих органов, что мы понимаем какой-то мир как субъективно обусловленный, — все это еще *не* говорит о том, что некий объективный мир вообще *возможен*. Кто запретит нам думать, что субъективность реальна, сущностна?

бытие чего-то «самого по себе» — концепция прямо-таки абсурдная: «сущность сама по себе» есть нелепица: наше понятие «бытия», «вещи» — это всегда лишь понятие соотносительное...

Скверно, что вместе со старой противоположностью «видимого» и «истинного» подхватывается традиция соответствующего ценностного суждения: «менее ценное» и «абсолютно ценное».

мир видимый не считается у нас «абсолютно ценным» миром; видимость обязана быть инстанцией противопоставленной высочайшей ценности. Ценность сама по себе может принадлежать лишь некоему «истинному» миру...

Сперва утверждают, будто он существует

потом вырабатывают некое совершенно определенное представление о его ценности.

Предрассудок из предрассудков! Во-первых, само по себе возможно, что истинная суть вещей была бы до того губительна для условий жизни, несовместима с ними, что для того, чтобы жить, оказалась бы позарез нужной имен-

но видимость... Ведь как раз так дело и обстоит во многих случаях: например, в браке

Наш эмпирический мир так или иначе обусловлен инстинктами самосохранения даже в пределах своей познаваемости: мы так или иначе считаем истинным, ценным, хорошим то, что полезно для сохранения рода...

a. У нас нет никаких категорий, по которым можно отделять истинный мир от видимого. Спокойно может существовать просто какой-то видимый мир, а не непременно только *наш* видимый мир...
b. Если принять существование *истинного* мира, то для нас он все равно будет *менее ценным*: как раз толика иллюзии благодаря своей сохраняющей силе могла бы обладать для нас более высоким рангом. Разве только сама по себе *видимость* давала бы право мысленно отвергать?
c. Что *степени ценности* и *степени реальности* коррелируют между собой, причем высшие ценности обладают и высшей реальностью, — это метафизический постулат, исходящий из предпосылки, согласно которой нам *известна* градация ценностей, и представляет она собою именно градацию *моральных* ценностей... Лишь при такой предпосылке *истина* необходима для определения всего, что обладает высшей ценностью
«видимость» может быть возражением против ценности вообще

2

Исключительно важно упразднить *истинный мир*. Он несет с собою великое сомнение и отнимает ценность у *мира, который мы составляем*: во все времена он был для нас самым опасным *посягательством* на жизнь

Война всем предпосылкам, с помощью которых была создана фикция истинного мира. В числе этих предпосылок — то, что *высшие ценности — это ценности моральные*

Моральные оценки в качестве высших можно было бы опровергнуть, если бы удалось показать, что они суть следствия *неморальных* оценок

: в качестве частного случая реальной неморальности;

: тем самым они сами свелись бы к одной *пустой видимости*

а в качестве *пустой видимости* они и подавно потеряли бы право осуждать видимое.

3

Тогда следовало бы психологически исследовать «волю к истине»: это – отнюдь не моральная сила, а одна из форм воли к власти. Это можно было бы доказать тем, что она пользуется всеми *неморальными* средствами: в первую голову метафизикой –

Метод исследования будет выработан лишь тогда, когда будут преодолены все *моральные предрассудки*... он стал бы победой над моралью...

NB. Сегодня наша задача – проверка утверждения, что моральные ценности – это высшие ценности.

14 [104]

Моральные ценности как *ценности видимые* в сравнении с *физиологическими*

14 [105]

Наше познание стало научным в той мере, в какой оно может пользоваться числом и мерой...

Следовало бы попробовать, не получится ли построение научной иерархии ценностей на основе просто-напросто *силовой шкалы числа и меры*...

– а все прочие *«ценности»* суть предрассудки, проявления наивности, недоразумения...

– решительно все они *сводимы* к этой самой силовой шкале числа и меры

– *подъем* по этой шкале означает всяческий *рост ценности*

– *спуск* по этой шкале означает *снижение ценности*

Тогда станут отчетливо различимы сущность мнимости и предрассудка.

мораль – испытанный долгим опытом и проверкой, *доказанный* образ жизни – в конце концов осознаётся как закон, как нечто *доминирующее*...

а тем самым к ней присоединяется целая группа родственных ценностей и состояний: она становится почтенной, неприкосновенной, священной, истинной

для ее развития характерно то, что *забывается* ее происхождение... Это — признак того, что она сделалась Господом...

* * *

Совершенно то же самое могло бы произойти с *категориями разума*: после долгого прощупывания и обшаривания можно было бы признать их благодаря относительной полезности... Настал момент, когда их свели воедино и осознали как целое, — и начали ими *хозяйничать*... то есть момент, когда они сами заработали как *хозяева*...

Отныне их стали считать априорными.., сущими за гранью опыта, неопровержимыми...

А на самом деле они, может, представляют собою не более чем какую-то определенную расовую и родовую целесообразность, и их «истина» — это просто полезность —

О происхождении *разума* —

A

Высшими ценностями до сих пор были моральные.

B

Критика этих ценностей.

C

———

14 [106]

Руководство для юного теолога:

1. От баб держаться подалее — да и от всякой возбуждающей субстанции вообще; ни сапог, ни солнцезащитного зонтика отнюдь не носить; от всякого чувственного возбудителя (пения, танцев и музыки) держаться подалее

2. Если кандидат невольно запятнает себя во сне, то с восходом солнца должен трижды окунуться в священное болото со словами «молю, чтобы То, что изошло из меня против воли, вернулось ко мне!»

3. Если учитель его прервет, он не должен отвечать ему ни лежа, ни сидя, ни поглощая пищу, ни на бегу ни издалека, ни косым взглядом:

4. Напротив, он должен к нему прийти и давать свой ответ, прямо и с почтением глядя ему в глаза.

Находясь в экипаже и заметив учителя, он должен тотчас сойти, дабы воздать ему свои honneurs[1].

Ученику не позволено прислуживать бабе своего учителя во время купания, ниже умащать ее благовониями, растирать, укладывать ей прическу или ее помазывать.

Ему не позволено также падать на колени перед юной супругой своего учителя и с почтением касаться ее ножек, принимая во внимание, что благодаря своим летам он уже имеет познание добра и зла.

У баб в крови желание нравиться мужикам и их искушать. Однако люди премудрые никогда не позволят себе уступить силе таковой привлекательности, особливо в случаях, когда это предосудительно.

Нельзя пребывать в безлюдных местах наедине со своей матерью, сестрой, дочерью и иными родственницами: возбуждаемые уединением чувства столь сильны, что порою с ними не совладать и людям умудренным.

Именно это и произошло с мудрым Вастой: задумавши бежать от злобы людской из Готы, он удалился со своими 2-мя дочерьми в пещеру, где и сделал их обеих матерями.

14 [107]

Теория и практика

Критика ценности морали

Опасное различение «теоретического» и «практического» — например, у Канта, но также и у древних

— они делают вид, будто чистая умственность ставит перед ними задачи познания и метафизики

— они делают вид, будто, каков бы ни был ответ теории, о практике надо судить по <ее> собственным критериям.

Против первого я возражаю моей *психологией философов*: самые холодные их логические расчеты и «умственность» всегда остаются всего лишь выцветшим до предела отпечатком некоего физиологического факта; в них нет решительно ничего самостоятельного, все — инстинкт, все заранее направлено в определенные колеи...

---

1 Знаки почтения (*фр.*).

—возражая против второго, я задаю вопрос, знаем ли мы какой-нибудь другой способ хорошо действовать, чем всегда хорошо мыслить: последнее и *есть* действие, а первое предполагает мышление. Есть ли у нас возможность судить о ценности образа жизни как-то иначе, чем <судя о> ценности теории посредством индукции, сравнения?.. Простаки думают, будто так дела у нас пошли бы лучше, будто так нам было бы ясно, что́ такое «хорошо», —и это повторяют за ними философы. А мы делаем вывод, что тут есть *вера*, а больше ничего нет...

«Надо действовать: *следовательно*, нужен какой-то устойчивый ориентир», —говорили даже античные скептики

Настоятельная необходимость выбора как довод в пользу того, чтобы считать что-то *истинным!*

Действовать не надо, говорили самые последовательные из их братьев —буддисты —и выдумали руководство, как избавиться от действия...

Шагать со всеми в ногу, жить, как живет «простолюдин», считать хорошим и правильным то, что считает правильным он: да ведь это *подчинение стадному инстинкту.*

Надо быть мужественным и дисциплинированным, чтобы ощутить такое подчинение как *позор.*

Нельзя жить по двойному стандарту!.. Нельзя разрывать теорию и практику! —

14 [108]

Воля к власти как мораль

Засилье моральных ценностей

Последствия такого засилья, порча психологии и т.д.

Повсюду злой рок, который она тянет за собою.

Что означает это засилье? На что оно указывает?

—на несколько *большую настоятельность* определенных Да и Нет в этой области

—чтобы представить моральные ценности незыблемыми, использовались *императивы* всех сортов: ценностями командовали дольше всего —и они инстинктивно *кажутся* внутренними командами...

—*условия сохранения социума* выражаются в том, что моральные ценности ощущаются как *не подлежащие обсуждению*

—практика: это значит, что *полезность* конвенций относительно высших ценностей достигла тут своего рода санкции

—мы видим, что *применяются все средства*, чтобы *парализовать* размышление и критику в этой области, каковую позу принимал еще Кант, не говоря уж о тех, кто отвергал в качестве неморальных все попытки «исследовать» этот вопрос—

Как морали вручили власть

14 [109]

Наука и философия

Все эти ценности—эмпирические и обусловленные. Но тот, кто в них верит, кто их почитает, не *хочет* признавать именно этого их характера...

Философы всем скопом верят в эти ценности, а одной из форм их почтения были усилия по превращению ценностей в *априорные истины*

фальсифицирующий характер этого *почитания*...

Почитание—высокая проба интеллектуальной *порядочности*: но во всей истории философии нет никакой интеллектуальной порядочности

а есть «любовь к добру»...

: абсолютное *отсутствие метода* определения уровня этих ценностей

во-вторых: нежелание подвергать эти ценности исследованию, вообще воспринимать их как условные

Когда речь шла о моральных ценностях, использовались все подряд *антинаучные* инстинкты, чтобы *вывести* здесь науку *из игры*...

Чем объяснить тот невероятный скандал, какой представляет собою мораль в истории науки...

14 [110]

Формула суе-веры в *«прогресс»*, данная одним известным физиологом, изучавшим деятельность мозга:

«L'animal ne fait jamais de progrès comme espèce; l'homme seul fait de progrès comme espèce»[1].

Нет: ———

---

1 «Животное никогда не развивается как вид; один только человек развивается как вид» (*фр.*).

14 [111]

Философия как *декаданс*

Великий здравый смысл морального воспитания всегда состоял в том, что тут пытались добиться *инстинктивной безошибочности*: чтобы ни благие намерения, ни благие средства сперва не осознавались вообще. Человек должен учиться действовать так, как солдаты учатся на плацу. Такая бессознательность и впрямь свойственна любому совершенству: даже и математик орудует своими формулами бессознательно...

В чем тогда смысл *реакции* Сократа, рекомендовавшего диалектику как путь к добродетели и потешавшегося, когда мораль не умела оправдать себя логически?.. Но ведь именно последнее и делает ее *доброкачественной*... а без этого она *ни на что не пригодна!..* Возбуждать *стыд* — вот что оказалось необходимым атрибутом совершенства!..

Когда *доказуемость* постулировали в качестве предпосылки личной состоятельности в добродетели, то это означало ни более ни менее как *разрушение греческих инстинктов*. Они сами — модели разрушения, все эти великие «благонравники» и пустомели...

In praxi[1] это означает, что моральные суждения вырывают из их обусловленности, где они выросли и где они только и имеют смысл, — из их греческой и греческиполитической основы и почвы, и, под маской *сублимации*, **лишают естественности**. Великие понятия — «добро», «справедливость» — теряют связь с предпосылками, с которыми они неразрывно связаны, и в качестве *ни к чему не привязанных* «идей» становятся предметами диалектики. Философы принимаются искать стоящую за ними истину, усматривать в них сущности или проявления сущностей: *сочиняют* мир, где эти понятия у себя дома, где они родились...

In summa: это бесчинство достигает своей высшей точки уже у Платона... И вот оказалось, что нужно выдумать вдобавок еще и *абстрактно-совершенного* человека

доброго, справедливого, мудрого, диалектически мыслящего — короче говоря, чучело античного философа,

растение, вырванное из всякой почвы; человечность, лишенную всех определенных регулятивных

---

1 На деле (*лат.*).

инстинктов; добродетель, «доказывающую» себя при помощи оснований.

абсолютно *абсурдного* «индивидуума» всамого по себе! *Извращение* первейшего ранга...

Короче говоря, следствием того, что моральные ценности лишились естественности, было неизбежное появление выродившегося *типа человека* — «доброго», «счастливого», «мудрого»

Сократ представляет собой момент *глубочайшей извращенности* в истории человечества

14 [112]

Мы разочаровались бы в каком-нибудь знакомом, услыхав, что для сохранения порядочности ему нужны *основания*: понятно, что его общества мы постарались бы избегать. Словечко «ибо» в некоторых случаях компрометирует; порой даже одним-единственным «ибо» человек *опровергает себя*. А если мы к тому же услышим, что такому соискателю добродетели для сохранения респектабельности нужны *шаткие* основания, то у нас уж не станет решительно никаких оснований, чтобы повысить наш к нему респект. Но он заходит дальше — является к нам и без обиняков говорит: «Вы своим неверием сбиваете мою мораль с толку, господин неверующий; покуда Вы не верите в мои *шаткие основания*, то бишь в Бога, в загробную кару, в свободу воли, — Вы *препятствуете* моей добродетели... Мораль: надо бы упразднить неверующих — они препятствуют *морализации масс*».

14 [113]

Мораль как декаданс

Сегодня, когда любое «человек *должен* быть таким-то и таким-то» вызывает у нас кривую усмешку, когда мы твердо держимся убеждения, что человек вопреки всему *становится* лишь тем, что́ он *есть* (вопреки всему: то бишь воспитанию, занятиям, milieu[1], случайностям и несчастным случаям), мы в делах моральных неким курьезным образом научились *переворачивать* отношение причины и следствия,—

---

1 Окружению (*фр.*).

и ничто столь глубоко не отличает нас от людей, веривших в древности в мораль. Мы, к примеру, уже не говорим: «Порок – *причина* того, что человек гибнет и физиологически»; столь же чуждо нам высказывание: «Благодаря добродетели человек благоденствует – она дает ему долгую жизнь и счастье». Мы, наоборот, полагаем, что порок и добродетель – не причины, а лишь *следствия*. Порядочным человек делается потому, что он порядочен: то есть потому, что уродился с капиталом хороших инстинктов и полезных связей... Кто рождается на свет бедным, от родителей, все растративших и ничего не скопивших, тому уже ничем не «поможешь», то бишь по нем плачет каторга и сумасшедший дом... Сегодня мы больше не можем себе представить моральную дегенерацию без физиологической: она – просто комплекс симптомов последней; человек бывает неизбежно плох, как бывает неизбежно болен... Плох: это слово здесь выражает известную *неспособность*, физиологически связанную с дегенеративным типом, к примеру, безволие, нерешительность и даже расщепление «личности», бессилие удержать реакцию на какой-нибудь возбудитель, «совладать с собой», неумение освободиться от любого рода внушения со стороны. Порок – не причина; порок – *следствие*... Порок – это достаточно произвольно ограниченное понятие, призванное резюмировать следствия физиологического вырождения. Общее положение, как его сформулировало христианство, – «человек ничтожен», было бы оправданным, если бы было оправданным принимать тип дегенерата за нормальный тип человека. Но это, может быть, преувеличение. Неоспоримо же то, что это положение оправданно повсюду, где процветало и господствовало именно христианство: ибо оно свидетельствовало о гнилой почве – вотчине дегенерации.

14 [114]

Процветание или изнеможение
Критика христианских ценностей
Критика античной философии
К истории европейского нигилизма

христианство нигилистично

подготовительная работа к этой теме: античная философия

14 [115]
Наука и философия

Вот сколь далеко заходит порча психологов моральной идиосинкразией:

ни у кого из древних философов не хватило духу на теорию «несвободной воли» (то есть теорию, отрицающую мораль)

Ни у кого не хватило духу определить типическое в наслаждении, в любого рода наслаждении («счастье»), как ощущение власти: ведь наслаждение властью считалось неморальным

Ни у кого не хватило духу понять добродетель как *следствие неморального начала* (формы воли к власти) на службе рода (или расы, или полиса) (ведь воля к власти считалась неморальной, ибо в противном случае стало бы понятно, что истина — — — что добродетель — лишь форма неморального начала)

За всю историю морали истина ни разу не встречалась: все понятийные элементы, с которыми шла работа, суть фикции, все — психологизмы, за которые нужно было держаться, подлоги; все формы логики, которые протащили в это царство лжи, суть софизмы. Что отличает самих философов морали, так это полное отсутствие всякой опрятности, всякой самодисциплины интеллекта: «прекрасные чувства» у них сходят за аргументы, а их «вздымающаяся грудь» представляется им кузнечными мехами божества... Философия морали — это в истории духа непристойный пикник.

Первый большой пример: под именем морали, творя под ее покровительством неслыханное безобразие, на деле во всех отношениях царит *декаданс.*

14 [116]
Философия как декаданс

Со всей решительностью следует настаивать на том, что великие греческие философы представляют *декаданс всех форм греческой дельности* — и разносят эту *заразу* повсюду... Эта сделавшаяся целиком и полностью абстрактной «добродетель» была для них величайшим соблазном сделаться абстрактными и самим, то есть *отделиться* <от своего естества>...

Этот момент весьма показателен: софисты первыми приступили к *критике морали*, их первых посетила *догадка* о том, что такое мораль...

—они сопоставляют множество (локальную обусловленность) моральных ценностных суждений

—они дают понять, что любую мораль можно оправдать диалектическим путем—и никакой разницы не будет: иными словами, они догадались, что всякое обоснование морали неизбежно *софистично*—

—положение, впоследствии с большим размахом доказывавшееся всеми античными философами начиная с Платона (и вплоть до Канта)

—они первыми выставляют ту истину, что «морали самой по себе», «добра самого по себе» не бывает, что речи об «истине» в этой области—надувательство

И где только была тогда *интеллектуальная порядочность*?

греческая культура софистов произросла из всех греческих инстинктов: она принадлежит к культуре Периклова века с тою же необходимостью, с какой Платон к ней *не* принадлежит; ее предтечи—Гераклит, Демокрит, научные типы древней философии; она выражается, к примеру, в высокой культуре Фукидида

—и в конечном счете она настояла на своем: любой прогресс теоретико-познавательного и морализирующего знания *реабилитировал* софистов

наш сегодняшний образ мышления в большой степени—гераклитовский, демокритовский и протагоровский... достаточно было бы сказать, что он—*протагоровский*, ибо Протагор соединяет в себе обе стороны: Гераклита и Демокрита

Платон: это какой-то *великий Калиостро*—стоит только вспомнить, как о нем судил Эпикур, как о нем судил Тимон, друг Пиррона——

А может быть, порядочность Платона не подлежит сомнению?.. Но мы знаем по меньшей мере, что он хотел *преподносить* как безусловную истину то, что даже отдаленно не имело для него достоинства истины: а именно особое существование и особое бессмертие «душ»

14 [117]
Встречное движение: *искусство*

Опьяненность, на деле соответствующая *избытку силы*:

оно сильнее всего в период спаривания самцов и самок:

новые органы, новые навыки, краски, формы...

«прихорашивание» — следствие *прилива* сил

прихорашивание как необходимое следствие притока силы

прихорашивание как выражение *победоносной* воли, роста координации, гармонизации всех сильных влечений, непогрешимого равновесия

логическое и геометрическое упрощение есть следствие прилива сил: и наоборот, ощущение силы в свою очередь повышается при одном *виде* такого упрощения...

Вершина развития: широкий размах

Уродство означает *декаданс типа*, разлад и отсутствие координации внутренних влечений

означает упадок *организующей* силы, «воли», говоря на языке физиологии...

ощущение наслаждения, которое называют *опьянением*, точно соответствует ощущению высоты, на какую возносит *власть*...

восприятие пространства и времени изменяется: для взора разверзаются и, кажется, впервые *различаются* чудовищные дали

взор *охватывает* огромные объемы и дали

орган восприятия множества мельчайших и мимолетнейших подробностей *утончается*

дар предвидения, способность различать едва внятные подсказки, любые намеки, — «разумная» *чувственность*...

сила как мышечное ощущение победы, как гибкость членов и радость движения, как танец, как легкость и быстрый темп

сила как наслаждение свидетельством силы, как виртуозная пьеса, авантюра, бесстрашие, бесстрастие...

Все эти звездные миги жизни подстегивают друг друга; одного мира образов и представлений хватает — в качестве внушения — для других... Таким-то образом в конце

концов срастаются состояния, у которых, может быть, имелись причины остаться врозь. К примеру

чувство религиозного опьянения и половое влечение (два сильных чувства, прямо-таки удивительно соответствующих друг другу. Что нравится всем богомолкам — и старым, и юным? Ответ: некий святой с красивыми ногами, еще юный, еще идиот...)

зверство в трагедии и сострадание (— тоже обычно взаимно соответствующие...

Весна, танцы, музыка, все эти ристания полов — и вместе с тем пресловутая фаустовская «беспредельность в груди»...

художники, если они чего-нибудь стоят, крепко (и телесно тоже) скроены, у них во всем преизбыток, зверская сила, чувственность; без некоторого перегрева половой системы немыслим никакой Рафаэль... Делать музыку — это еще один способ делать детей; целомудрие для художника — всего-навсего экономия сил: и уж во всяком случае плодотворность и у них иссякает вместе со способностью зачинать детей...

художники обязаны видеть не так, как видят обыкновенно, а полнее, а проще, а ярче: для этого у них в крови должна быть своего рода вечная юность и весна, своего рода хроническая опьяненность.

Бейль и Флобер, оба авторитеты в таких вещах, и впрямь рекомендовали художникам целомудрие в интересах их ремесла: я назвал бы и Ренана, дающего тот же совет, да Ренан — жрец...

14 [118]

эпидемии , галлюцинации,
, танцы и символические жесты
, песня (пережиток танца)
, — — —
обычные функции: : сновидение (состояние, напоминающее опьянение, есть его прелюдия)
упражняясь,
: оптические галлюцинации
: слуховые галлюцинации
: осязательные галлюцинации

14 [119]
Встречное движение
искусство

Всякое искусство действует на мышцы и чувства подобно внушению — эти мышцы и чувства работают у наивного человека художнического склада с самого начала. Искусство постоянно обращается только к художникам: оно обращается к подобного рода тонкой возбудимости тела. Понятие «дилетант» — это ошибка. Глухой не может быть разновидностью породы, наделенной тонким слухом.

Всякое искусство действует *тонически*, приумножает силу, воспламеняет наслаждение (то есть ощущение силы), возбуждает все тончайшие оттенки воспоминаний <состояния> опьяненности — есть <ведь у него> некая собственная память, проникающая в такие моменты вглубь: тогда возвращается далекий и летучий мир чувственных впечатлений...

На безобразное, то есть на опровержение искусства, на то, что́ из искусства *исключается*, на его «нет», — всякий раз, как еще только-только начинается упадок, оскудение жизни, немощь, разрушение, разложение, эстетический человек реагирует своим *нет.*

Безобразное действует *депрессивно*, оно есть выражение депрессии. Оно *отнимает* силу, оно обедняет, оно давит...

Безобразное *внушает* безобразное; на состоянии собственного здоровья можно испытать, насколько по-разному скверное самочувствие повышает и способность представлять себе что-то безобразное. Внимание переключается на другие вещи, интересы, вопросы: состояние, близкородственное безобразному, встречается и в сфере логического — неудобопонятность, отупение... При этом — с точки зрения механики — теряется равновесие: безобразное хромает, безобразное спотыкается, — а это уж прямая противоположность божественной легкости движений танцора...

Эстетическое состояние располагает неким преизбытком *средств сообщения* — вместе с крайней *восприимчивостью* к стимулам и знакам. Оно — вершина сообщительности и понимания, возможных между живыми созданиями, — оно есть источник языков.

в нем — очаг возникновения языков: как звучащих, так и языков жестов и взглядов. Феномен более полный всегда изначален: способности человека нашей культуры — остаток каких-то более полных способностей. Но еще и сегодня люди слышат мышцами, даже еще читают мышцами.

Основу всякого зрелого искусства составляет полный набор соглашений: в этом смысле искусство есть язык. Соглашение — условие большого искусства, оно ему *не* помеха...

Всякий подъем жизни усиливает человеческую способность к сообщительности, а равным образом и к пониманию. Способность *вживаться в чужие души* в основе своей не представляет собою ничего морального, а есть физиологическая возбудимость под влиянием суггестии: «симпатия», или то, что называется «альтруизмом», — это просто формы небезызвестного психомоторного раппорта (induction psycho-motrice, как считает Ш. Фере), причисленного к явлениям мыслительным. От одного к другому передаются вовсе не мысли, а движения, мимические знаки, *прочитываемые нами в обратном направлении*, к мыслям...

* * *

Я покажу ряд определенных психических состояний, служащих знаками полной и цветущей жизни — об этих состояниях сегодня уже привыкли судить как о *болезненных*. Меж тем мы уже отвыкли говорить о противоположности между здоровым и больным — речь идет о различных степенях; по этому поводу я утверждаю: то, что сегодня называют «здоровым», представляет собою низшую ступень того, что при благоприятных обстоятельствах *могло бы* быть здоровым... и еще: мы в определенной степени больны... Художник же принадлежит к какой-то более сильной породе. То, что для нас было бы губительно, то, что у нас было бы болезнью, то у него — природа — — —

Преизбыток соков и сил может выступать симптомом частичной непроизвольности, чувственных галлюцинаций, хитрого внушения со стороны — так же как и оскудения жизни... источник у них разный, а следствие одно...

И прежде всего неодинаковы *после*действия; крайняя расслабленность всех болезненных натур после нервных срывов не имеет ничего общего с состояниями художника: ему не надо *расплачиваться* за периоды прилива сил...

Он достаточно богат для этого — он может расточать, не скудея...

Сегодня оказалось возможным рассуждать о «гении» как некой форме невроза, и так же, вероятно, можно рассуждать о художнической внушаемости — да наши *артисты* и впрямь как нельзя более похожи на истеричных бабенок!!! Но это говорит против «сегодня», а не против «художников»...

Но нам возразят: как раз *оскудение* телесной машины делает возможным экстравагантную способность воспринимать любого рода суггестию: свидетельство — наши истеричные бабенки, наши «исследователи потустороннего».

* * *

Вдохновение: описание.

* * *

Нетворческие состояния: состояния *объективности*, слепого воспроизведения, паралич воли...

Скандальное недоразумение *Шопенгауэр*, понимающий искусство как путь к отрицанию жизни...

* * *

Нетворческие состояния: <таковы люди> оскудевающие, сдающиеся, отступающиеся, под чьим взглядом жизнь морщится... христиане...

* * *

Проблема *трагического* искусства.

* * *

Романтики: двусмысленный вопрос, как и все современное.

* * *

Актер

14 [120]
Любовь

Нужно ли более разительное доказательство того, сколь далеко заходит преображающая сила опьянения? Это доказательство — «любовь», то, что зовут любовью на всех языках и немотах мира. Опьянение тут управляется с реальностью таким образом, что в уме любящего, кажется, угасает сознание причины, а на его месте пытается просту-

пить нечто совсем иное — дрожащее сияние всех волшебных зеркал Цирцеи... Тут нет различий между человеком и животным; более того, нет ни духовности, ни доброты, ни порядочности... Человека одурачивают тонко, если он тонок; его одурачивают грубо, если он груб: но любовь, даже любовь к Богу, святая любовь «спасенных душ», была и остается по сути своей все тем же самым — лихорадкой, у которой есть причины представать в другом облике, опьянением, благодетельно скрывающим правду о себе... И уж во всяком случае хорошо скрывают правду — и перед собой, и перед другими — тогда, когда любят: человек кажется себе преобразившимся, более сильным, богатым, совершенным, человек *становится* более совершенным... Здесь мы видим *искусство* как органическую деятельность, мы видим его встроенным в самый ангельский из инстинктов жизни, мы видим его как величайшее горячительное средство жизни, — искусство, стало быть, утонченно-целесообразно даже тогда, когда лжет... Но мы ошиблись бы, успокоившись на том, что его способностью лгать все и исчерпывается: оно не просто внушает иллюзии, но смещает даже ценности. И смещает не просто ощущение ценностей... Любящий имеет больше цены — он сильнее. У животных это состояние вызывает к жизни новые вещества, пигменты, краски и формы, но прежде всего новые движения, новые ритмы, новые зовы и соблазны. Не иначе и у человека. Все его телесное хозяйство богаче, чем прежде, сильнее, *целостнее*, чем у нелюбящего. Любящий становится расточителем: он достаточно для этого богат. Отныне он рискует головой, становится авантюристом, ослом в великодушии и простосердечии; он вновь верит в Бога, он верит в добродетель, ибо верит в любовь: а с другой стороны, у этого блаженного идиота отрастают крылья и новые способности — даже двери искусства открываются перед ним. Если из лирики в звуке и слове вычесть внушение всей этой кишечной лихорадки, то что останется от лирики и музыки?.. Может быть, l'art pour l'art[1]: виртуозное кваканье отставленных от дел лягушек, безумствующих в своем болоте... Все *прочее* творит любовь...

---

1 Чистое искусство; «искусство для искусства» (*фр.*).

14 [121]

Воля к власти с психологической точки зрения

Психологическая концепция единства

Мы приучены мириться с тем, во что выливается чудовищное изобилие форм, считая его порождением единства.

<Я говорю>, что воля к власти есть исконная форма аффекта, что все остальные аффекты — лишь результаты ее видоизменения:

что дело значительно прояснится, если на место индивидуального «счастья», к коему должно стремиться все живое, поставить власть — «стремление к власти, к приумножению власти», а наслаждение — лишь симптом ощущения достигнутой власти, осознание разницы <между нынешним и прежним уровнем власти> —

— речь идет не о стремлении к наслаждению: просто наслаждение наступает, когда достигнута цель стремления, — а наслаждение лишь сопровождает, не оно цель...

<Я говорю>, что всякая движущая сила есть воля к власти, что нет никакой другой физической, динамической или психической силы...

— в нашей науке, где понятие причины и следствия сведено к уравнению — с потугами доказать, что в каждой его части квантумы силы равны, — *нет никакой* **движущей силы**: мы разбираем лишь результаты, мы считаем их равными в отношении конкретного наполнения силы, мы избавляем себя от вопроса об *обусловленности* изменения...

что изменение *не останавливается* — это просто дело опыта: в сущности, у нас нет ни малейшей причины заключать, что вслед за одним изменением должно следовать другое. Наоборот: *достигнутое состояние* должно было бы сохранять себя, если бы в нем не было способности желать вот именно *не* сохранять себя...

Спинозово положение о самосохранении должно бы, в принципе, обосновывать изменение: но это положение ложно, истинно *обратное.* Как раз по всему живому яснее всего видно — оно делает все, чтобы только *не* сохраняться, а становиться *больше*...

«воля к власти» — разновидность ли это «воли», или она совпадает с понятием «воли» <вообще>? То же ли это самое, что и желать? или велеть?

та ли это самая «воля», о которой Шопенгауэр говорит, что она – «вещи, как они есть сами по себе»?

: Я говорю: *воля* всей прежней психологии – это неоправданное обобщение, такой воли *вообще не бывает*, а вместо того, чтобы рассматривать развертывание одной *определенной* воли в множество форм, суть этой воли *перечеркнули*, вычтя отсюда ее содержание, ее цель

: у *Шопенгауэра* это имеет место в высшей степени: то, что он называет «волей», – одно пустое слово. Еще менее того речь идет о «воле *к жизни*»: ведь жизнь – всего-навсего *частный случай* воли к власти, и было бы полным произволом утверждать, будто все стремится перейти в эту форму воли к власти

14 [122]

К теории познания – с сугубо эмпирической точки зрения:

Не бывает ни «духа», ни разума, ни мышления, ни сознания, ни души, ни воли, ни истины: все это – негодные фикции. Речь идет не о «субъекте и объекте», а об определенном виде животных, процветающем лишь при условии некоторой относительной *упорядоченности*, прежде всего *повторяемости* их восприятий (благодаря которой может накапливаться капитал опыта)...

Познание работает в качестве *инструмента* власти. И само собою разумеется, что оно растет с каждым приращением власти...

Смысл «познания»: тут, как и в случае «доброго» или «прекрасного», понятие нужно брать строго и узко антропоцентрически и биологически. Чтобы определенный вид сохранялся, а власть его возрастала, он должен в своем воззрении на реальность ухватить столько исчислимого и инвариантного, чтобы на основании этого могла быть выстроена какая-то схема его поведения. *Полезность сохранения*, а *не* какая-то абстрактно-теоретическая потребность избежать обмана, и есть мотив, стоящий за развитием органов познания... они развиваются так, чтобы их способности наблюдать было достаточно для нашего сохранения. Иначе говоря, *мера* стремления к познанию зависит от меры, в какой растет *воля вида к власти*: вид ухватывает ровно столько реальности, *чтобы овладеть ею, чтобы поставить ее себе на службу*.

представление о механическом *движении* — это уже перевод процесса-оригинала на *знаковый язык зрения и ощупывания.*

понятие «атом», различие между «местопребыванием движущей силы и ею самой» — *знаковый язык, почерпнутый из нашего логико-психического мира.*

Мы не можем менять средства выражения по своему усмотрению: <но> можно понять, насколько это — чистая семиотика.

Требовать *адекватного способа выражения бессмысленно:* в природе языка, средства выражения — выражать одно лишь отношение... Понятие «истины» *абсурдно...* вся сфера «истины» и «лжи» выражает лишь отношения между сущностями, а не что-то «само по себе»... *Бессмыслица:* <потому что> не бывает никакой «сущности самой по себе», лишь отношения конституируют сущность, а уж «познания самого по себе» не может быть и подавно...

14 [123]

Встречное движение

Анти-Дарвин

Что поражает меня при взгляде на великие человеческие судьбы более всего — так это неизменно бросающаяся в глаза противоположность тому, что сегодня видит или *хочет* видеть Дарвин и его школа: отбор, помогающий сильнейшим, вышедшим из борьбы с меньшими потерями, прогресс вида. Очевидно как раз противоположное: вычеркивание всего удачного, неприспособленность более высокоразвитых типов, неизбежное возобладание средних и даже *более низких* типов. Полагая, что нам не привели причину, по которой человек среди всех творений являет собою исключение, я склоняюсь к предварительному выводу, что школа Дарвина кругом не права. Та самая воля к власти, в которой я усматриваю последнюю основу и характер всякого изменения, дает нам возможность понять, почему отбор, благоприятствующий исключениям и удачным случаям, как раз не имеет места: сильнейшие и самые удачные слабы, когда против них — организованные стадные инстинкты, боязливость слабых, <их> численный перевес. Вся перспектива, в которой я вижу

мир ценностей, показывает, что в высших ценностях, реющих нынче над человечеством, преобладают *не* удачные, отборные типы, а, скорее, типы декаданса — может статься, нет ничего в мире интересней, чем этот *нежелательный* спектакль...

Как дико это ни звучит, всегда было необходимо вооружать сильных против слабых, детей удачи против неудачников, здоровых против опустившихся и наследственно отягощенных. Если угодно сформулировать реальность в качестве *морали*, то эта мораль гласит: посредственность ценнее исключения, декадент ценнее посредственности, воля к ничто преобладает над волей к жизни — а общая цель, выражаясь теперь по-христиански, по-буддийски, по-шопенгауэровски:

лучше *не* быть, чем быть.

Я *возмущен* этой формулировкой реальности в качестве морали: поэтому я со смертельной ненавистью, с отвращением отвергаю христианство — ведь оно создало тонкие слова и жесты, чтобы на жуткую действительность накинуть покров права, добродетели, божественности...

Я вижу, как все философы, как наука преклоняют колени перед реальностью *обратной* (по отношению к тому, о чем учит школа Дарвина) борьбы за существование — а именно: повсюду на коне, повсюду выживают те, что компрометируют жизнь, ценность жизни. Заблуждение дарвиновской школы превратилось для меня в проблему: как можно быть настолько слепым, чтобы промахнуться как раз *тут*?.. Что *виды* представляют какой-то прогресс — самое бестолковое утверждение о мире: пока что они представляют уровень —

что высшие организмы развились из низших, не засвидетельствовано до сих пор ни одним случаем —

я вижу, что низшие имеют перевес благодаря куче, благодаря сметливости, благодаря изворотливости ума — я не вижу, как случайное изменение становится преимуществом, по крайней мере, не на столь долгий срок, который мог бы, опять-таки, быть новым поводом объяснять, почему случайное изменение оказалось столь существенным —

«Жестокость природы», о коей так много твердят, я усматриваю в другом: она жестока в отношении балов-

ней судьбы, она щадит, защищает и любит les humbles[1] — совсем как — — —

***

In summa: рост *власти* вида обеспечен, может быть, не столько превосходством его удачных чад, его сильных типов, сколько превосходством средних и низших типов... В последних — большая плодовитость, долговечность; с первыми сопряжена опасность скорого вымирания, быстрого снижения численности.

***

14 [124]

Встречное движение

О происхождении религии

Еще и поныне необразованный человек верит, будто гнев виноват в том, что он сердится, ум — в том, что он думает, душа — в том, что он чувствует, короче говоря, как еще и поныне в качестве мнимых причин бездумно вводится целая куча психологических сущностей, — точно таким же образом человек на еще более наивном уровне развития объяснял те же самые явления при помощи психологических олицетворенных сущностей. Состояния, казавшиеся ему странными, захватывающими, потрясающими, он представлял себе как одержимость, как чары, навеянные властью какой-то личности. Так христиане, нынче самая наивная и культурно отсталая порода людей, сводят надежду, покой, ощущение «спасенности» к психологическому внушению со стороны Бога: для них как преимущественно страдающего и обеспокоенного типа чувства блаженства, окрыленности и покоя естественным образом выступают как нечто *чужеродное*, как то, что нуждается в объяснении. Людей умных, сильных и жизнеспособных пород вид эпилептика, как правило, наводил на мысль о том, что тут не обошлось без какой-то *посторонней силы*; но и любое родственное этому состояние недобровольности, в подобие которого впадают, к примеру, исступленные, поэты, страшные преступники, и такие страсти, как любовь и месть, служат поводом для изобретения нечеловеческих сил.

---

1 Униженных и оскорбленных (*фр.*).

Некоторое состояние кристаллизуют в одной личности, а после утверждают, что когда оно постигает нас, то это — следствие действия той самой личности. Иными словами, для того, чтобы при психологическом конструировании Бога то или иное состояние могло служить следствием, оно персонифицируется в качестве причины.

Психологическая логика такова: *ощущение власти*, когда оно внезапно и насильственно овладевает человеком — а как раз так и обстоит дело при сильных аффектах, — внушает ему сомнение в собственной личности: он не отваживается мыслить себя как причину такого удивительного ощущения, и тогда полагает существование какой-то *более сильной* личности, божества, <специально> для этого случая.

In summa: корни религии заключаются в крайне сильном ощущении власти, неожиданно охватывающем человека *как бы со стороны*: и — подобно больному, которому кажется, будто пораженный член налился тяжестью и вызывает необычное ощущение, и который по этой причине делает вывод, что на нем лежит какой-то другой человек, — наивный homo religiosus[1] разлагает себя на *множество личностей*. Религия — это случай «altération de la personnalité»[2]. Своего рода *страх и ужас* перед самим собой...

Но равным образом и сверхобычное *ощущение блаженства и высоты*...

больным довольно *ощущения здоровья*, чтобы поверить в Бога, в близость Бога

14 [125]

Рудиментарная психология верующего

все изменения суть следствия,

все следствия суть следствия воли. Понятия «природы», «закона природы» нет.

если есть следствия, всегда есть и деятель

рудиментарная психология: человек является самим собой, только когда есть причина, — когда он знает, что на то-то и то-то была его воля.

---

1 Верующий (*лат.*).

2 Порчи личности (*фр.*).

следствие: состояния власти внушают человеку ложное ощущение, будто *не* он тому причиной, будто он *не* несет за это *ответственности*

: ведь они охватывают нас без нашей воли — следовательно, не мы их авторы

: несвободная воля (то есть осознание произошедшего с нами без нашей воли изменения) нуждается в *посторонней* воле

Вывод: человек не отважился приписать *себе* все свои сильные и необычные состояния — он воспринял их как «пассивные претерпевания», как перевес силы над ним

: религия — это плод *сомнения* в единстве личности, некая altération личности

: в той мере, в какой все великое и сильное было понято человеком как *надчеловеческое*, как *чуждое*, человек себя умалил — он разъял две стороны, одну, крайне жалкую и слабую, и другую, крайне сильную и необычайную, на две сферы, назвав первую «человеком», вторую — «богом».

Он продолжал делать это вновь и вновь, а в период *моральной идиосинкразии* истолковал свои возвышенные и утонченные моральные состояния отнюдь не как наступившие «по своей воле», как «дело» личности. Так вот и христиане разлагают свою личность на убогую и слабую фикцию, которую называют человеком, и другую, которую называют Богом (Спасителем) —

Религия унизила понятие «человек»; последний вывод из нее — что все доброе, великое, истинное надчеловечно и даруется лишь по благодати...

14 [126]

Встречное движение: религия

Мораль как попытка восстановить человеческую гордость

Теория о «свободной воле» — антирелигиозна. Она хочет дать человеку право мыслить себя как причину своих возвышенных состояний и поступков; она — форма растущего *чувства гордости*

Человек ощущает свою власть, свое, как говорится, «счастье»: этому состоянию должна предшествовать «воля» — иначе оно ему не принадлежит

добродетель — это попытка представить факт воления и его результатов как необходимо предшествующий всякому высокому и сильному ощущению счастья

если сознание регулярно отмечает волю к определенным поступкам, то ощущение власти можно истолковать как его следствие

Это просто-напросто *психологическая оптика*: неизменно ложное предположение, будто то, чего мы сознательно не желали своею волей, нам не принадлежит

Все учение об ответственности держится на этой наивной психологии: будто единственная причина — воля и будто нужно знать, что́ было твоей волей, чтобы решиться считать причиной *себя*

человек смеет уважать себя лишь потому, что следует добродетели.

Начинается встречное движение: движение философов морали, неизменно руководящихся все тем же предрассудком, будто человек ответствен лишь за то, что произошло по его воле.

Ценность человека устанавливается как *моральная ценность*: следовательно, его моральность должна быть некоей causa prima[1]

следовательно, в человеке должно быть некое начало, «свободная воля» как causa prima.

Тут всегда есть задняя мысль: если человек не является causa prima в качестве волящего, то он и безответствен, — следовательно, он вообще не подлежит суду морали, <ведь> поступки и добродетельные, и порочные совершались автоматически, или машинально...

In summa: чтобы себя уважать, человек должен быть способен впадать и во зло

14 [127]

Одна форма религии была призвана восстановить национальную гордость

Другим способом вытащить человека из унижения, принесшего с собой утрату высоких и сильных состояний как состояний чужеродных, была теория родства

---

1 Первопричиной (*фр.*).

: эти высокие и сильные состояния могли быть истолкованы по крайней мере как влияния наших пращуров — мы же составляем единство, мы солидарны, мы растем в собственных глазах, когда действуем по известной нам норме.

Попытка благородных семейств восполнить эту религию чувством собственного достоинства

Трансфигурация, временная метаморфоза

То же самое делают поэты и провидцы, они чувствуют себя гордыми, достойными и *избранными* для такого общения: для них ценностью становится полнейшая безличность, <а потому они стремятся> быть всего лишь рупорами (Гомер)

Вот еще одна форма религии. Перед Богом стоит выбор, Бог становится человеком, или Бог <какое-то время> живет среди людей, оставляя после себя великие благодеяния, неизменно представляемые местными легендами в качестве «драмы»

Постепенное присвоение собственных высоких и гордых состояний, присвоение собственных поступков и творений

— прежде люди думали уважить себя, считая ответственным за свои высочайшие достижения не себя, а Бога —

Несвобода воли считалась тем, что придавало поступку высочайшую ценность: его автором в те времена сделали Бога..

14 [128]

Воля к власти — мораль

Лицедейство как следствие морали «свободной воли».

Это даже некий шаг в *развитии чувства власти* — считать свои высокие состояния (свое совершенство) обусловленными в том числе и собой: а следовательно, как немедленно заключили, вызванными *собственной волей...*

Критика: всякое совершенство как раз бессознательно, а отнюдь не преднамеренно, сознание есть выражение несовершенного и часто болезненного личностного состояния. *Личное совершенство как обусловленное волей, как сознательность*, как разум с его диалектикой — это карика-

тура, своего рода противоречие себе... Ведь <любая> степень сознательности делает совершенство *невозможным*... Формой *лицедейства*...

14 [129]

Философия как декаданс

Почему все свелось к лицедейству

Рудиментарная психология, учитывавшая лишь *сознательные* моменты человека как причины, понявшая «сознательность» как атрибут души, искавшая за каждым поступком волю (то есть намерение)

: ей только надо было ответить на вопросы: во-первых, *чего хочет человек?*

Ответ: *счастья* (—нельзя было говорить: «власти»—это было бы *неморально*), следовательно, во всяком поступке человека имеется какой-нибудь умысел—а именно: достичь этим поступком счастья—

во-вторых, если на деле человек счастья не достигает, то от чего это зависит? От ошибочного выбора средств.

Каково же безошибочное средство достижения счастья? Ответ: *добродетель*.

Почему ж добродетель? А потому что она есть высочайшее благоразумие и потому что благоразумие ни в коем случае не даст ошибиться в выборе средств

в качестве *рассудка* добродетель есть путь к счастью...

диалектика—это постоянное ремесло добродетели, поскольку исключает туман в мыслях и все аффекты

На самом деле человек хочет *не* «счастья»...

Наслаждение есть ощущение власти: исключая аффекты, исключают состояния, в высшей степени дающие ощутить власть, то есть испытать наслаждение.

высочайшее благоразумие—состояние холодное, ясное, далекое от того, чтобы давать такое ощущение блаженства, какое несет с собою *опьянение* любого рода...

античные философы боролись против всего, что опьяняет,—того, что губительно сказывается на абсолютной холодности и нейтральности сознания...

в силу своей ложной предпосылки—что сознание есть *высокое, высшее* состояние, предпосылка совершенства—они были последовательны,

а *истинно* противоположное———

Пока что-то выступает объектом воли, пока что-то осознается, нет никакого совершенства—в деле любого рода. Античные философы были *величайшими халтурщиками в стихии практики,* поскольку сами себя—теоретически—обрекли на *халтуру*... In praxi все свелось к лицедейству, а кто догадался—Пиррон, к примеру,—судил, как обычный человек, то есть что в доброте и порядочности «маленький человек» намного опережает философа

Все глубокие натуры в древности питали отвращение к *философам добродетели:*

в них видели задир и лицедеев.

Суждение о Платоне: *Эпикура*
Пиррона

Итог: в жизненной стихии, в терпеливости, доброте и взаимопомощи маленькие люди выше их—это похоже на мнение Достоевского или Толстого о своих мужиках: они философы в жизни, они более мужественно встречают грудью неизбежное...

14 [130]

Встречное движение: религия

Мораль как декаданс

Реакция *маленьких людей:*

высочайшее ощущение власти дает любовь.

Надо понять, в какой мере здесь говорит не человек вообще, а лишь некая разновидность людей. Вытащить здесь подробности

«мы становимся божественными в любви, становимся "чадами Божьими", Бог нас любит и не ждет от нас ничего, кроме любви»

это значит: никакая мораль, никакая покорность и деятельность не порождает того ощущения власти и свободы, какое порождает любовь

—любовь не творит ничего дурного, благодаря ей можно достичь гораздо большего, нежели покорностью и добродетелью—

—тут стадное счастье, ощущение общности в великом и малом, животворящее ощущение единства переживаются как *вершина ощущения жизни*

—помощь, забота и благие дела постепенно пробуждают ощущение власти, а видимый успех, проявления радости только подчеркивают это ощущение

—не обходится и без гордости—как <осознания> общины, присутствия Бога, «избранности».—

На деле человек вновь претерпел *болезненное изменение личности*: на этот раз свое чувство любви он назвал Богом

стоит представить себе пробуждение такого чувства, своего рода восторг, необычно звучащий язык, «евангелие», и—

эта новация была тем, что не позволило ему приписать любовь себе: он вообразил, будто перед ним Бог, и этот Бог поселился в нем—

«Бог приходит к людям», «ближний» превращается в Бога (поскольку на него теперь направлено чувство любви). *Этот ближний—Иисус*, и этот же ближний, став Божеством, был переосмыслен как причина, *пробуждающая ощущение власти*

14 [131]

Наука и философия

Научность: как *дрессура* или как *инстинкт*.

У греческих философов я вижу *упадок инстинктов*: иначе они никогда не впали бы в такое заблуждение—считать *сознательное* состояние *более полноценным*

интенсивность сознания обратно пропорциональна легкости и скорости церебральных процессов передачи информации.

А там всем заправляло *противоположное мнение* об инстинкте, что всегда бывает признаком *ослабленных* инстинктов.

В действительности надо искать *совершенную жизнь* там, где осознанности менее всего (то есть она менее всего демонстрирует себе свою логику, свои основы, свои средства и намерения, свою *практическую пригодность*)

Возврат к факту bon sens, bon homme[1], наличия «маленьких людей» всякого разбора

---

1 Здравомыслия, порядочности (*фр.*).

с незапамятных времен складывавшиеся в копилку *порядочность и рассудительность*, никогда не сознающие своих принципов и даже робеющие перед принципами <вообще>

стремление к *добродетели, ищущей резоны,* — не резонно... Философа стремление такого рода компрометирует.

14 [132]

Если благодаря упражнению в длинной цепи поколений накопилось довольно тонкости, смелости, осторожности и чувства меры, то сила инстинкта этой благоприобретенной добродетели излучается даже до высших сфер интеллекта — этот редкостный феномен проявляется в качестве *интеллектуальной порядочности*. Таковая встречается чрезвычайно редко — а у философов ее просто нет.

можно со скрупулезной точностью взвесить научность, или, выражаясь на моральный лад, *интеллектуальную порядочность мыслителя*, его ставшие инстинктивными тонкость, смелость, осторожность и чувство меры, доведенные до высших сфер интеллекта, — но заставьте его читать мораль...

так вот на прославленных философах и видно, что их *научность* — всего лишь умысел *сознания*, почин, «добрая воля», натуга, — и что именно в то мгновение, когда начинает говорить их инстинкт, когда они принимаются морализировать, как с дисциплиной и тонкостью их совести покончено

научность — то ли просто дрессировка и поверхностно усвоенный навык, то ли конечный итог длительной работы над собой и *упражнения в морали*:

в первом случае она <только> замещает <подлинную научность>, как только берет слово инстинкт (к примеру, инстинкт религиозный или основанный на понятии долга)

во втором случае она заменяет эти инстинкты и больше их не допускает, ощущая их как *нечистоплотность*, как *обольщения*...

14 [133]

Анти-Дарвин

Доместикация человека: какая у нее может быть итоговая ценность? да и есть ли у доместикации какая-нибудь итоговая ценность? Имеются причины отрицать это последнее.

Правда, дарвиновская школа делает большие усилия, чтобы убедить нас в обратном: она хочет понять *воздействие доместикации* как глубинное, даже фундаментальное. Но до поры до времени мы будем твердо придерживаться старого: покамест нам не показали ничего нового, кроме целиком и полностью поверхностного воздействия доместикации — а то и кроме дегенерации. А все результаты отбора, вышедшие из человеческих рук, почти немедленно вновь возвращаются в свое естественное состояние. Тип остается неизменным: невозможно «dénaturer la nature»[1].

Вымирание немощных и выживание самых доброкачественных и щедро одаренных природой относят на счет борьбы за существование; стало быть, воображают, будто *совершенство живых существ постоянно растет*. А мы-то уверили себя в обратном — что в борьбе за жизнь случай так же на руку слабым, как и сильным, что хитрость часто выгодно заменяет силу, что способность видов к *размножению* находится в примечательной связи с *вероятностью уничтожения*...

Естественному отбору в то же время приписывают долгие, нескончаемые метаморфозы: хотят верить, будто любой полезный признак наследуется, все сильнее проявляясь в череде поколений (а ведь наследственность так капризна...); наблюдая случаи удачного приспособления некоторых животных к необычным условиям жизни, объясняют это тем, что они имели место под *воздействием среды*. Но примеров *бессознательного отбора* нигде не усматривают (в принципе). Сходятся самые несовместимые особи, крайние случаи смешиваются с массой. Все конкурирует, чтобы удержать на плаву свой тип; животные, у которых есть внешние признаки, отводящие от них ту или иную опасность, не утрачивают их, если попадают в условия,

---

1 Извратить природу (*фр.*).

где опасности нет... Когда они обитают в местах, где внешность больше их не прячет, они отнюдь не сливаются с окружающей средой.

Отбор наиболее красивых преувеличивают в такой степени, что он выходит далеко за пределы влечения к красоте, свойственного нашему собственному виду! А на деле самые красивые животные спариваются с самыми жалкими, самые крупные — с мельчайшими. Почти всюду мы видим, как самцы и самки извлекают пользу из случайного спаривания — и при этом вовсе не кажутся привередливыми.

Изменения под воздействием климата и питания. Но на деле это абсолютно безразлично.

Не бывает никаких *переходных форм*...

Различные виды, снова сведенные к одному. Опыт говорит, что <такое> объединение обрекает на стерильность, и вновь побеждает один тип.

Говорят о нарастающем развитии видов. <Но для этого> нет никакой почвы. У каждого типа — свои *границы:* за их пределами нет никакого развития. А в этих пределах — абсолютная повторяемость.

Примитивные животные якобы — предки современных. Но взгляд на фауну и флору третичного периода словно переносит нашу мысль на неизведанный континент, где есть типы, не существующие больше нигде и притом родственные, более того, такие, которые существуют где-то не здесь.

Мои выводы

Мой подход в целом. Первый тезис: человек как вид *не* прогрессирует. Он, пожалуй, достигает своих вершин в некоторых типах, но эти типы не сохраняются. Общий уровень вида *не* повышается.

Второй тезис: человек как вид не представляет собою прогресса в сравнении с любым другим животным. Мир животных и растений в целом не развивается от низшего состояния к высшему... Напротив, все существует одновременно, одно над другим, вперемешку и обоюдно.

Самые богатые и сложные формы — ибо слово «высшие типы» ничего другого и не означает — гибнут скорее: и только низшие сохраняют некую призрачную долговеч-

ность. Первые достижимы редко и насилу удерживаются наверху; преимущество последних — подавляющая способность к размножению. И среди людей скорее гибнут, при переменах фортуны и рока, высшие типы, эти баловни развития.

Они обречены на всякого рода декаданс: они чрезвычайны, а потому и сами почти уже декаденты... Краткий срок, что сужден красоте, гениальности, цезарю, — вещь особого рода: ведь эти свойства не передаются по наследству. По наследству передается *тип*; но тип сам по себе еще не чрезвычаен, он — не «баловень»...

Дело тут не в каком-то особенном роке и «злой воле» природы, а просто в понятии «высшего типа»: высший тип представляет собою нечто несравненно более сложное — огромную сумму согласованных элементов, а потому становится несравненно более вероятной и его дисгрегация.

«Гений» — это тончайшая машина, какая только есть, — а стало быть, и самая хрупкая.

Третий тезис: доместикация («культура») человека заходит недалеко... А где она заходит далеко, тотчас переходит в дегенерацию (тип: христианин). «Дикарь» (или, выражаясь на моральный лад, *злой* человек) — это его возвращение к природе и, в известном смысле, его излечение, его *исцеление* от «культуры»...

14 [134]
Философия как *декаданс*

Почему философы — *клеветники*?

Коварная, слепая враждебность философов к *чувствам*.

Но это *не* чувства обманывают!

— наш нос, о котором, насколько мне известно, еще ни один философ не говорил с должным почтением, — это покамест тончайший физический инструмент, какой только есть на свете: он умеет замечать такие нюансы, к которым не подберется даже спектроскоп.

Сколько *подлости* и *мещанства* во всей этой их ненависти!

Народ всегда смотрит на злоупотребление, если оно пахнет дурными последствиями, как на *протест* против

того, что было его предметом: все бунтовавшие против принципов — будь то в области политики или экономики — всегда аргументировали именно так, с задней мыслью представить abusus[1] как необходимо присущий данному принципу.

Какая ж все это *плачевная* история: человек ищет принцип, исходя из которого можно было бы презирать человека, — он изобретает какой-нибудь мир, чтобы иметь возможность клеветать и чернить этот мир: на деле он всякий раз получает ничто, и из этого ничто сооружает «Бога», «истину» и уж, конечно, непременно судью и палача *этого* бытия...

Если кто-то желает доказательств в пользу того, сколь глубоко и основательно эти, в сущности, *варварские* потребности человека ищут себе оправдания даже в его приручении и «окультуривании», — то пусть бросит взгляд на «лейтмотивы» всей истории философии. <Он увидит> своего рода месть в адрес действительности, предательское разрушение системы ценностей, в которой живет человек, душевную *неудовлетворенность*, ощущающую состояния прирученности как пытку и получающую удовольствие от болезненного распутывания всех пут, которыми приручение связывает человека.

Вся история философии — это *скрытая злоба* против предпосылок жизни, против ощущения ценности жизни, против жизнеутверждающих позиций. Философы всегда были готовы согласиться с существованием некоего <иного> мира — но только если он противоречит этому миру, только если он дает возможность чернить этот мир. Великая *школа клеветы* — вот что такое была философия до сих пор: и она так понравилась, что и по сию пору наша строящая из себя заступницу жизни наука *не возражает* против клеветы как основной позиции — и орудует этим миром как видимым, а этой причинной цепью — как чисто феноменальной. Но что же заставляет ненавидеть на самом деле?..

Боюсь, что это, как и всегда, — *Цирцея философов*, мораль, сыгравшая с ними шутку, во все времена вынуждавшая их быть клеветниками... Они верили в моральные

---

1 Злоупотребление (*лат.*).

«истины», в них они находили высшие ценности, — что ж им еще оставалось, кроме того, чтобы тем решительнее отрицать жизнь, чем больше они ее понимали?.. Ибо эта жизнь *неморальна*... И зиждется она на неморальных предпосылках — а всякая мораль *отрицает* жизнь:

Так упраздним же тот истинный мир — но, чтобы это у нас получилось, нам придется упразднить все прежние высшие ценности, то есть мораль...

<Для этого> достаточно показать, что *неморальна* и сама мораль, в том смысле, в каком доныне осуждалось все неморальное. Если таким способом мы сбросим тиранию прежних ценностей, если упраздним этот «истинный мир», то *новый порядок ценностей* последует отсюда сам собой.

NB NB. Видимый мир — и мир *налганный*: они противоположны — последний доныне назывался «истинным миром», «истиной», «Богом». Вот *его-то* нам и надо упразднить.

14 [135]

Логика моей концепции:

1. *Мораль как высшая ценность*
   (владычица философии во *все* ее периоды, даже в скептический): *результат* — этот мир ничего не стоит, он — не «истинный мир»
2. *Что* тут определяет высшую ценность? *Что* такое мораль на самом деле?
   Инстинкт декаданса — это уставшие и обделенные, *мстящие* таким образом
   Историческое доказательство: философы — всегда декаденты... на службе у *нигилистических* религий.
3. Инстинкт декаданса, выступающий как *воля к власти.*
   Доказательство: абсолютная *неморальность средств* в ходе всей истории морали.

II Во всем <моральном> движении мы увидели лишь один *особый случай воли к власти.*

14 [136]

Воля к власти
Опыт
переоценки всех ценностей

I
Критика прежних ценностей
II
Новый принцип ценности
Морфология «воли к власти»
III
Вопрос о ценности нашего нынешнего мира, определяемой по этому принципу
IV
Великая война

14 [137]

Книга первая

какие ценности брали доныне верх

1. Мораль как высшая ценность (во все периоды философии, даже в скептический).

Результат: этот мир ничего не стоит, должен быть какой-то «истинный мир».

2. *Что* тут на деле определяет высшую ценность? *Что* такое мораль на самом деле? Инстинкт декаданса — это уставшие и обделенные, *мстящие* таким образом и выступающие в роли *господ*...

Историческое доказательство: философы — всегда декаденты, всегда на службе у нигилистических религий.

3. Инстинкт декаданса, выступающий как воля к власти. Соблазн системы его средств: абсолютная неморальность средств.

Общая панорама: прежние высшие ценности — особый случай воли к власти; сама мораль — особый случай *неморальности.*

Книга вторая

почему противостоящие <морали> ценности всегда проигрывали

1. Как это вообще оказалось *возможным*? Вопрос: почему всюду проигрывала жизнь, физиологическая удачли-

вость? Почему не было никакой философии *утверждения*, никакой религии *утверждения*?.. Исторические предвестники таких движений:

языческая религия. Дионис против «Распятого»
Ренессанс *Искусство* —

2. Сильные и слабые; здоровые и больные; исключения и правило. Нет никакого сомнения в том, *кто* сильнейший...

Общий взгляд на историю. Что ж, человек, стало быть, — это в истории жизни *исключение*? Возражение *дарвинизму*. Способы, какими слабые удерживаются наверху — это инстинкты, превратившиеся в «человечность», это «учреждения»...

3. Доказательство этого господства в наших политических инстинктах, в наших социальных ценностных суждениях, в нашем искусстве, в нашей *науке*.

Мы видели борьбу двух «воль к власти»; *в конкретных случаях: наш принцип* — признавать правоту того, кто прежде проигрывал, и отказывать в этом тому, кто прежде побеждал: мы распознали «истинный мир» как «налганный мир», а мораль — как *форму неморальности*. Мы *не* говорим: «Сильнейший неправ»...

Книга третья

о причине и различии ценностей

1. нигилистические ценности преобладают.
2. Встречное движение всегда терпело поражение — тотчас вырождалось...
3. Встречное движение доныне было известно лишь в неполных и вырожденных формах.
   Очищение и *излечение* его типа.
   Более точное выражение системы:
      Психология
      История
      Искусство
      Политика

14 [138]

3. *Очищение ценностей, прежде остававшихся в проигрыше*

Мы поняли, *что* доныне определяло высшую ценность

и почему оно господствовало над противоположным способом устанавливать ценности

: оно было *сильнее*...

Очистим теперь *противоположный способ устанавливать ценности* от заразы и неполноты, от *вырождения*, в котором он всем нам известен.

Теория *превращения его в противоестественный* и *восстановления прав его природы*: очищение от **моралина**

Теория познания, воля к истине
Теория психологии
Происхождение религии
Происхождение искусства
Теория структур господства
Теория жизни
Жизнь и природа

История *встречных движений*:
Ренессанс
революция
эмансипация науки

14 [139]

Разложение и хаос ценностей соответствует физиологическому состоянию нынешних людей: теория *современных веяний*

14 [140]

Инстинкты упадка возобладали над *инстинктами восхода*...

Воля к небытию возобладала над *волей к жизни*...

— **верно** ли это? Или, быть может, в этой победе слабосильных и заурядных заложена некая более надежная гарантия жизни, рода?

— может быть, это лишь средство в совокупном движении к жизни, некое замедление темпа? какая-то самозащита от кое-чего еще более скверного?

— положим, сильные заправляют во всем, в том числе и в установлении ценностей: сделаем ли мы вместе с ними те же выводы о болезни, страдании, жертве? Следствием

было бы *презрение слабых к себе*; они приложат все силы, чтобы исчезнуть, изничтожить себя... А разве это было бы *желательно*?..

—неужто на самом деле нам нужен мир, в котором не будет вклада натур немощных, их тонкости, учтивости, духовности, *умения приноравливаться*?..

14 [141]

Наука

Философы борются с наукой

Это выходит из ряду вон. Уже с самого начала греческой философии мы встречаемся с борьбой против науки—средствами теории познания, соответственно скепсиса: а с какой целью? всегда в интересах *морали*...

Ненависть к физикам и врачам

Сократ, Аристипп, мегарики, киники, Эпикур, Пиррон—решающая атака на познание в интересах *морали*...

Ненависть также и к диалектике...

Одна только незадача: чтобы избавиться от науки, они уподобляются софистам

С другой стороны, всех этих физиков держат в таких ежовых рукавицах, чтобы они восприняли в основы своей науки схему истины, подлинного бытия: например, атом, 4 стихии (*сопложение* сущего с целью объяснить многообразие и изменение—)

Они приучены презирать *объективность* интереса: возвращение к практическому интересу, к личной полезности всякого познания...

Борьба с наукой направлена против

1) ее пафоса (объективности),

2) ее средств (т.е. против ее полезности

3) ее результатов (как детских пустяков

Это та же самая борьба, которую во имя благочестия позже вновь поведет *церковь*:

: от античности она унаследует все необходимое боевое снаряжение.

Теория познания при этом играет ту же самую роль, что и у Канта, что и у индусов...

Но ломать себе по этому поводу голову никто не желал: было лишь желание сохранить себе свободу действий, чтобы идти по своему «пути»

но от чего они, собственно говоря, оборонялись? От обязательности, от законности, от побуждения к сотрудничеству —

: я думаю, это и называли *свободой*...

В этом и выражается *декаданс*: инстинкт солидарности настолько выродился, что солидарность воспринимается как *тирания*:

они не желают никакого авторитета
никакой солидарности
никакого подчинения общему строю
и бесконечной медлительности продвижения

они ненавидят постепенность — темп науки, они ненавидят нежелание забегать вперед, долгое дыхание, безразличие к собственной персоне, свойственное людям науки —.

14 [142]

Теория и *практика*

Роковое различение — словно существует какое-то обособленное *влечение к познанию*, что, без оглядки на вопросы пользы и вреда, слепо идет к истине: а помимо и в стороне от него — весь мир *практических* интересов...

Я же пытаюсь показать, какие инстинкты работали за спиною всех этих *чистых* теоретиков, — как они всем скопом фаталистически, в русле своих инстинктов, шли к чему-то, что было *для них* «истиной», для них и *только* для них. Борьба систем вкупе с борьбой теоретико-познавательных терзаний — это борьба совершенно определенных инстинктов (форм витальности, упадка, сословий, рас и т.д.).

Так называемое *влечение к познанию* необходимо возвести к *влечению к присвоению*, к *победе*: следуя этому влечению, развивались чувства, память, инстинкты и т.д...

— максимально быстрая редукция феноменов, экономия, аккумуляция добытого познавательного богатства (т.е. присвоенного и приспособленного к человеческим нуждам мира

Мораль — столь курьезная наука потому, что она в высшей степени практична: настолько, что чистая познава-

тельная позиция, научная порядочность тотчас отбрасываются, как только мораль начинает требовать ответов на свои вопросы.

Мораль говорит: мне *нужны* кое-какие ответы, основания, доводы. Пусть после приходят терзания — может, они еще и не придут —

«Как должно поступать?»

Когда вдумаешься, что имеешь дело с неким суверенно развившимся типом, который «поступал» вот уже многие тысячи лет, и все уже стало инстинктом, целесообразностью, автоматизмом, фатальной неизбежностью, то *настоятельность* этих вопросов морали предстает уж и вовсе смехотворной.

«Как должно поступать?» — мораль всегда была недоразумением: а на самом деле определенная порода, у которой в крови был прямо-таки рок — поступать так-то и так-то, хотела самооправдания, *стремясь закрепить указом* свою норму в качестве универсальной...

«Как должно поступать?» — это не причина, а *следствие*. Мораль плетется следом, идеал является в самом конце.

С другой стороны, возникновение моральных терзаний, иначе говоря: *рост степени осознанности ценностей*, которыми определяются поступки, говорит об известной *болезненности*; сильные эпохи и народы не рассуждают о своем праве, о принципах поступков, об инстинкте и разуме —

этот *рост осознанности* — признак того, что собственно моральность, т. е. инстинктивная уверенность в поступке, идет ко всем чертям...

Моралисты — всякий раз, что творится новый *мир сознания*, — служат признаком ущерба, оскудения, дезорганизации —

глубоко инстинктивные натуры опасаются логизировать долг: среди них можно найти пирроновского толка противников диалектики и познаваемости вообще... Добродетель *опровергается* простым «ради чего»...

Тезис: моралисты неизбежно появляются в эпохи, когда моральность приходит к концу.

Тезис: моралист разрушает моральные инстинкты, как бы он ни мнил себя их спасителем.

Тезис: то, чем на деле руководствуется моралист, — не моральные инстинкты, а *инстинкты декаданса*, вылившиеся в формулы морали: нарастающую неуверенность инстинктов он ощущает как *разложение:* на деле — — —

Тезис: инстинкты декаданса, стремящиеся через моралистов возобладать над инстинктивной моралью сильных рас и эпох, суть

1) инстинкты слабых и обойденных жизнью
2) инстинкты исключений, одиночек, людей без корней, недоносков в большом и малом
3) инстинкты хронических страдальцев, нуждающихся в благородном истолковании своего состояния, а потому способных быть физиологами в столь малой мере, в какой только можно.

Мораль как декаданс

14 [143]

Философ умен, если «непрактичен»: он возбуждает веру в свою чистоту, простодушие, невинность в обращении с мыслью — непрактичный в его случае означает «объективный». Шопенгауэр был умен, когда как-то раз сфотографировался в жилете, застегнутом не на ту пуговицу, тем самым как бы говоря: «Я — не от мира сего: что толку философу в такой условности, как параллельность швов и пуговиц!.. Для этого я слишком объективен!..»

Доказать, что ты *непрактичен*, — этого мало: философы в большинстве своем еще и мнят, будто сделали тем самым довольно, дабы поднять объективность и чистоту разума превыше всякого сомнения.

1. Мнимо чистое влечение к познанию у всех философов продиктовано их моральными «истинами» — и потому независимо только по видимости...

2. Эти «моральные истины» — «*должно* поступать так-то» — просто отпечатки в сознании угасающего инстинкта: «у нас *поступают* так-то и так-то». «Идеал» призван спасти инстинкт, укрепить его: он льстиво внушает человеку, будто тот послушно следует ему, — а человек при этом всего лишь автомат.

14 [144]

Там, где вещи объединены неким единством, в качестве причины такой координированности всегда предполагают *дух*: но для этого нет никаких оснований. С какой стати идея некоторого сложного факта должна быть одним из условий этого факта? Или с какой стати представление о сложном факте должно быть первее самого этого факта? —

Поостережемся объяснять целесообразность с помощью духа: нет никакой причины приписывать духу способность к организации и систематизации.

Сфера действия нервной системы весьма обширна: мир сознания — ее придаток. Он не играет никакой роли в общем процессе адаптации и систематизации.

Нет ничего более ошибочного, чем превращать психические и физические феномены в два лица, в два откровения одной и той же субстанции. Это ничего не объясняет: при всякой попытке объяснения понятие «субстанция» совершенно неприменимо.

Сознание, во второй своей роли, почти безразличное, ненужное, быть может, обреченное на то, чтобы исчезнуть и очистить место для какого-то совершенного автоматизма —

Наблюдая лишь внутренние феномены, мы похожи на глухонемых, по движению губ угадывающих слова, которых они слышать не могут. От проявлений внутреннего смысла мы заключаем к видимым и иным феноменам, которые мы восприняли бы, если бы у нас были достаточные для этого средства наблюдения, и которые называются нервным током.

14 [145]

Что мир, для восприятия которого у нас не хватает всяческих более тонких органов, а в результате таковой нехватки *тысячекратную сложность* мы принимаем за единство и изобретаем некую причинность, вкладывая ее туда, где любая причина движения и изменения остается

для нас незримой (последовательность мыслей, чувств — это ведь только их зримое появление в сознании; а то, что такая серия имеет что-то общее с каузальной цепью, — совершенно невероятно: сознание никогда не предоставляет нам примера причины и следствия) — — —

14 [146]
Наука против философии

Чудовищные промахи:
1) нелепая *переоценка сознания*, превращение его в некое единство, в некую сущность, «дух», «душу», нечто такое, что чувствует, мыслит, желает —
2) дух как *причина*, особенно всюду, где являются целесообразность, система, координация
3) сознание как высшая из достижимых форм, как верховный род бытия, как «Бог»
4) привнесение воли повсюду, где есть следствие
5) «истинный мир» как мир духовный, доступный через факты сознания
6) *познание*, понимаемое исключительно как способность сознания — там, где вообще имеет место познание

<Выведенные из них> следствия:
любой прогресс заключается в продвижении к сознательности; любой регресс — в росте бессознательности.
К реальности, к «истинному бытию» нас приближает диалектика; а инстинкты, чувства, механизм... от нее *отдаляют*...
Растворить человека в духе значило бы сделать его Богом: дух, воля, благо — все это одно
Всякое *благо* должно проистекать из духовности, должно быть фактом сознания
Продвижение к *лучшему* может быть лишь продвижением в процессе роста *сознательности*
Рост бессознательности был сочтен впадением в *страсти* и *чувства* — *озверением*...

Борьба против Сократа, Платона, всех сократических школ исходит из глубокого инстинкта, что человек не станет *лучше*, если добродетель ему преподнесут как доказуемую и требующую обоснования...

В довершение всего еще и такая пошлость: инстинкт соперничества принудил всех этих прирожденных диалектиков превозносить свою *личную способность как высшее качество*, а все, что есть еще хорошего, представлять как обусловленное им. Вот он, *антинаучный* дух всей этой «философии»: *она хочет выиграть дело.*

14 [147]
Борьба науки

Софисты

Софисты – это всего лишь реалисты: расхожие ценности и виды деятельности они формулируют, расставляя по рангу ценности, – у них есть мужество, свойственное всем сильным умам: *признавать* собственную неморальность...

Неужто кто-то верит, будто эти крохотные греческие города-государства, которые во взаимной ярости и ревности так и норовили пожрать друг друга, руководствовались принципами человеколюбия и порядочности? Неужто Фукидиду надо вменять в вину речь, вложенную им в уста афинских послов, которые в ходе переговоров предложили мелийцам выбор – подчиниться или погибнуть?

Говорить о добродетели в условиях этого ужасающего напряжения могли только законченные тартюфы – или *изгои*, отшельники, беглецы и эмигранты из реальности... короче, люди, порицавшие других, чтобы выжить самим –

Софисты были эллинами: а когда Сократ и Платон взяли сторону добродетели и справедливости, они были *иудеями* или не знаю чем. Когда *Гроут* защищает софистов, его тактика неверна: он стремится возвысить их до звания людей чести и образцов морали – но их честь была в том, чтобы никого не надувать ни высокими словами, ни добродетелями...

14 [148]

Парменид сказал: «Нельзя помыслить то, чего нет» — мы на противоположной стороне и говорим: «То, что можно помыслить, — уж точно фикция». Мышление ухватывает отнюдь не реальность, а только ———

14 [149]

Последователи Пиррона тоже занимались *иудеями*, главным образом живший при египетском дворе Гекатей Абдерский, писавший о философии египтян.

14 [150]

«Для практической жизни необходима вера»

14 [151]

«Улучшение»

Мораль как декаданс

Всеобщий обман и надувательство в области так называемого морального улучшения. Мы не верим в то, что человек становится другим, если таким уже не является: т.е. если, как это довольно часто случается, он не представляет собой некую множественность личностей или по меньшей мере начатков личностей. В этом случае человек добивается того, что на передний план выходит какая-то другая роль, а «ветхий человек» отодвигается в тень... Изменилась видимость, а не сущность... Не всегда достижимо даже упразднение привычки к некоторому действию, потому что для него находят причину получше. Тот, кто совершает преступление, ведомый роком или склонностью, ни от чего не отучивается, а только научается делать то же все лучше и лучше: а длительный перерыв <между преступлениями> действует на его талант даже прямо-таки как тонизирующее средство... Если кто-то перестает делать некоторые вещи, то это простое fatum brutum[1], допускающее самые разные толкования. Обществу, разумеется, важно только одно это — чтобы кто-то перестал делать определенные вещи: и с этою целью оно изымает его из условий, в которых он *может* их совершать: это уж во вся-

---

1 Бессмысленный рок (*лат.*).

ком случае мудрее попыток добиться несбыточного, а именно сломить фатальную определенность его жизни.

Церковь — а она не сделала ничего, кроме того, что сменила в этом античную философию, наследовав ей, — исходя из другого мерила ценностей и желая сберечь «душу», «спасение» души, верит, во-первых, в искупительную силу кары, а во-вторых, — во все изглаживающую силу прощения: то и другое суть обманы религиозного предрассудка — кара не искупает, прощение не изглаживает, и сделанного не воротишь. Если человек забывает о какой-нибудь вещи, это еще далеко не означает, что вещи более не *существует*... Деяние влечет за собой последствия — в человеке и вне человека, все равно, считается ли оно погашенным карою, «искупленным», «прощенным» или «изглаженным», все равно, произвела ли меж тем преступника в святые сама церковь. Церковь верует в вещи, которые не существуют, — в «души»; она верует в воздействия, которых не существует, — в божественные воздействия; она верует в состояния, которых не существует, — в грех, в искупление, в спасение души; она повсюду застревает на поверхности — на знаках, на жестах, на словах, на эмблемах, которым дает произвольное толкование: у нее имеется досконально продуманная методика психологической чеканки фальшивой монеты.

14 [152]
Воля к власти как *познание*

не «познавать», а схематизировать, придавать хаосу столько регулярности и форм, сколько необходимо для наших практических надобностей

В возникновении разума, логики, категорий тон задавала одна потребность: потребность не «познавать», а классифицировать, схематизировать в целях взаимопонимания, калькуляции...

Приукрашивание, вымысел, итогом которого оказывается уподобление, отождествление, — тот самый процесс, что проделывает каждое чувственное впечатление, это и есть развитие разума!

Тут работала не какая-то предсуществующая «идея», а полезность — вещи становятся для нас подконтрольными и удобными в обращении, только если мы видим их в общих чертах и во взаимном уподоблении...

представление о цели в разуме — это следствие, а не причина: при любом ином виде разумности, который возможен всегда, жизнь не достигает успеха — все становится необозримым — слишком пестрым —

Категории суть «истины» лишь в том смысле, что играют для нас роль жизненных предпосылок: такая условная истина, к примеру, — Евклидово пространство. (Собственно говоря, поскольку никто не гарантирует необходимости того, что существует именно человек как род, то разум, как и Евклидово пространство, оказывается всего лишь идиосинкразией некоторых видов животных, и притом одной из многих иных...)

Субъективное принуждение, не позволяющее противоречить этому, — принуждение биологическое: в нас глубоко укоренен инстинкт, гласящий, что рассуждать так, как рассуждаем мы, — полезно; мы и сами чуть ли не *суть* этот инстинкт... И как же простодушно поступают те, кто извлекает отсюда доказательство того, что благодаря этому мы, дескать, обладаем «истиной самой по себе»...

Эта неспособность противоречить доказывает бессилие, а отнюдь не «истину».

***

Не стоит искать феноменализм там, где его нет: не бывает ничего более феноменального (или более откровенного), не бывает большего *обмана*, чем этот самый внутренний мир, наблюдаемый нами с помощью пресловутого «внутреннего восприятия».

Мы до того уверовали в волю как причину, что, исходя из личного опыта в целом, снабдили причиною происходящее (то есть намерением как его причиной —)

Мы верим, будто две мысли, следующие в нашем мышлении одна за другою, находятся в какой-то каузальной связи: логики, на деле рассуждающие исключительно о случаях, никогда не встречающихся в действительности, прежде других приучили себя к предрассудку, будто

одни мысли — *причины* других мыслей, и назвали это — мышлением...

Мы верим — верят в это все еще даже наши физиологи, — будто наслаждение и боль суть причины реакций, будто смысл наслаждения и боли в том, чтобы быть стимулами для реакций. Наслаждение и уклонение от страдания прямо-таки тысячелетиями объявлялись *мотивами* любого поступка. По некотором размышлении мы могли бы, наверное, допустить, что если бы не было этих состояний — «наслаждения и боли», то все шло бы точно так же, по той же самой цепи причин и следствий: да и попросту заблуждение утверждать, будто они служат причиной чего-то — это *побочные явления* с совершенно иною целью, нежели вызывать реакции; это уже — следствия в пределах начавшегося процесса реакции...

In summa: все, что сознается, — это некое замыкающее явление, заключение, не обусловливающее собою ничего: всякая имеющая место в сознании последовательность — совершенно атомистична. А мы пытались понять мир, пользуясь *обратным* воззрением — будто бы способны действовать и реальны исключительно мышление, чувствование, воление...

14 [153]
наука

Глава I

Происхождение *«истинного мира»*

Философия сбилась с пути потому, что вместо того чтобы видеть в логике и категориях разума средство упорядочивания мира в целях достижения пользы (стало быть, «принципиально» — для полезного *искажения*), думали, будто они должны служить критерием истины и соответственно *реальности*. Но на деле «критерий истины» был просто *биологической полезностью такой системы принципиального искажения*: и поскольку животное как род не ведает ничего более важного, нежели самосохранение, то здесь можно было и в самом деле говорить об «истине». Наивностью было только принимать антропоцентристскую идиосинкразию в качестве *меры вещей*, в качестве мерила «реального» и «нереального»: короче говоря, абсолютизи-

ровать обусловленное. И вот нате — мир одним махом распался на истинный мир и мир «видимый»: и как раз тот мир, ради жизни и обустройства в котором человек и изобрел свой разум, — как раз он-то и был дискредитирован в его глазах. Вместо того чтобы пользоваться формами как средствами превращения мира в подручный и исчислимый, бредовая догадливость философов додумалась, что в этих категориях дано такое понятие мира, которому не соответствует другой мир — тот, в коем живут люди... Средства были неверно поняты как мерило ценностей, даже как приговор замыслу...

А замысел был — заблуждаться полезным образом: средством для этого послужило изобретение формул и знаков, с помощью которых сбивающее с толку многообразие сводили к целесообразной и удобной схеме.

Но увы! теперь в ход пустили *категорию морали*: ни одно существо не желает заблуждаться, ни одно существо не смеет заблуждаться — следовательно, есть лишь одна воля к истине. Что есть «истина»?

Закон противоречия дал такую схему: истинный мир, к которому и отыскивается путь, не может противоречить себе, не может изменяться, не может претерпевать становления, не имеет ни начала, ни конца.

Вот оно, величайшее заблуждение, в которое когда-либо впадали, подлинный рок всякого заблуждения на земле: думали, будто в формах разума получают критерий реальности, а на самом деле получали их, чтобы стать хозяевами реальности, чтобы хитроумно *исказить* реальность...

И вот пожалуйста: теперь уж мир стал ложным, и как раз в тех свойствах, *что составляют его реальность*: в изменении, становлении, многообразии, противоположности, противоречии, войне.

А это уже настоящий рок:

1) как избавиться от ложного, всего лишь видимого мира? (— который был действительным, единственным

2) как самому сделаться по возможности противоположным характеру этого видимого мира? (понятие совершенного существа как противоположности любому реальному существу, точнее: как *противоречия — самой жизни...*)

3) все ценности были ориентированы на то, чтобы *оклеветать жизнь*

4) была изобретена подмена познания вообще — догматизмом идеалов: в результате *противная партия* всегда испытывала только отвращение заодно и к *науке*

— — — таким образом путь к науке был перекрыт *дважды*: сперва верою в истинный мир, а потом — противниками этой веры.

Естествознание, физиология была 1) осуждена в сфере своих предметов и 2) лишена невинности...

В мире реальном, где абсолютно все накрепко связано и взаимообусловлено, осудить и *мысленно устранить* что-нибудь одно значит *устранить в мысли* и осудить все.

Выражение «этого не должно случаться», «этого нельзя было допустить» — *фарс*... Можно представить себе последствия: источник жизни начал разрушаться, когда люди возжелали упразднить то, что хоть в каком-то смысле *губительно, разрушительно*. Физиология показывает это куда *лучше!*

14 [154]

Мораль как декаданс

Мы видим, как *мораль*

a) *отравляет ядом* все мировосприятие

b) пресекает путь к познанию, к *науке*

c) разрушает все подлинные инстинкты и подрывает их (потому что учит ощущать, что их корни *неморальны*)

Мы видим, как у нас на глазах работает ужасный механизм декаданса, который держится силою священнейших имен и жестов.

14 [155]

декаданс

Религия как декаданс

Против раскаяния и его чисто психологического лечения
(рекомендую лечение угрызениями совести
вкупе с *терапией Митчелла* — —)

Не совладать с переживанием — это уже признак декаданса. Бередить старые раны, метаться в самоуничиже-

нии и сокрушаться — это и есть еще одна болезнь, из которой никогда не выйдет никакого «спасения души», а всегда будет выходить только новая форма ее болезни...

эти «состояния искупления» христианина суть просто перемены в пределах одного и того же болезненного состояния — истолкования эпилептического криза по определенной формуле, которую дает *не* наука, а религиозная химера.

человек на некий болезненный манер *добр*, когда он болен... нынче большую часть психологического инструментария, с которым работало христианство, мы причисляем к формам истерии и эпилепсии.

вся эта практика душевной реабилитации должна быть вновь поставлена на *физиологическую* почву: «угрызения совести» препятствуют выздоровлению уже как таковые — нужно пытаться скомпенсировать всё, а в первую очередь хворь *самоистязания*, какими-то новыми действиями...

надо бы разоблачить как губительную для здоровья чисто психологическую практику церкви и сект...

больного лечат не молитвами или заклятьями злых духов: состояния «упокоения», наступающие от таких воздействий, далеки от того, чтобы возбуждать доверие в физиологическом смысле...

человек *здоров*, если потешается над собственным серьезным усердием, из-за которого так поддался *гипнозу* какой-нибудь частности нашей жизни, если укусы совести ему — что камню собачьи укусы, — если он стыдится своего раскаяния...

Вся предшествующая практика, чисто психологическая и религиозная, была рассчитана только на *изменение симптомов*: для нее человек выздоровел, если он ползает в пыли перед крестом и божится, что будет хорошим... Но преступник, что с какой-то мрачной решимостью не желает порвать со своею судьбой и не клевещет задним числом на свое преступление, *душевно более здоров*... Преступники, с которыми Д<остоевский> сидел на каторге, все до одного были натурами несломленными — разве они не несут в себе в сто раз больше ценности, нежели «сломленный» христианин?

14 [156]

Воля к власти
Опыт
переоценки всех ценностей

Первая глава:
мир истинный и мир видимый

Вторая глава:
как возможно подобное заблуждение? Что означает стремление к превратному пониманию жизни?
Критика философов как образчиков декаданса.

Третья глава
Мораль как выражение декаданса.
Критика альтруизма, сострадания, христианства, отрицания чувственного

Четвертая глава
Нет ли начатков *противоположной* позиции?
1. Языческое в религии
2. «искусство»
3. Государство
Война с ними: о том, что́ всегда в *заговоре* против них...

Пятая глава
Критика современных веяний: где им место?
лежащее на них нигилистическое клеймо
их *соглашатели*: необходимо понять *чудовищный факт*, что существует *спокойная научная совесть...*

Шестая глава
Воля к власти как жизнь

Седьмая глава
Мы, гиперборейцы.
Исключительно абсолютные установки, например, быть *счастливым!!* Например, история чудовищного наслаждения и в завершение – триумфальное ощущение исключительно четких *Да* и *Нет...* Избавление от *неопределенности!*

14 [157]

Мораль как декаданс декаданс

«Чувства», «страсти»

Страх перед чувствами, перед вожделениями, перед страстями, если он заходит настолько далеко, что от них *отговаривают*, — это уже симптом *слабости*: крайними средствами всегда характеризуются патологические состояния. То, чего здесь не хватает (потому что оно *распылено*), — это способность к *торможению* импульса: если человек инстинктивно чувствует, что *вынужден* поддаться, то есть отреагировать, то для него лучше всего — избегать соответствующих поводов («соблазнов»).

«Чувственный стимул» есть *соблазн* лишь постольку, поскольку речь идет о существе, чья система слишком возбудима и податлива: в противном случае — при значительной инертности и жесткости системы — необходимы сильные стимулы, чтобы привести ее в действие...

Излишества для нас — только довод для неприятия тех, кто не имеет на них никакого права; и почти все страсти опорочены из-за тех, кто не достаточно силен, чтобы обратить их *себе на пользу* —

Надо разобраться вот в чем: против *страсти* можно возразить точно то же самое, что следует возразить против *болезни*: и все-таки мы не можем обойтись без болезни и еще менее — без страстей...

Мы *нуждаемся* в патологическом, и этими болезнями-исполинами мы даем жизни чудовищный шок...

* * *

По видам надо различать:

1) *доминирующую страсть*, чреватую прямо-таки высочайшей формой здоровья вообще: здесь координация внутренних систем и их функций в общем деле достигнута наилучшим образом — но это ведь почти что определение здоровья!

2) раздор между страстями, двойственность, тройственность, множественность «душ в груди одной»: весьма нездоровый, ведущий к внутреннему разорению, расщепляющий, обнаруживающий и усиливающий внутренний раскол и анархизм: пусть даже в конце концов верх берет какая-нибудь одна из страстей. *Возвращение здоровья* —

3) сосуществование страстей *безо* всякого раздора либо взаимности: оно нередко бывает периодичным и тогда — коль скоро водворен какой-то порядок — тоже характеризуется здоровьем... Сюда относятся интереснейшие типы — хамелеоны; они не в разладе с собой, они счастливы и уверены в себе, но не способны к развитию — их состояния сосуществуют, даже если семижды разделены. Они меняются — они не претерпевают *становления*...

14 [158]
Мораль как *декаданс*

«Добрый человек» как *тиран*

Человечество постоянно повторяло одну и ту же ошибку: средство поддержания жизни оно превращало в *мерило* жизни;

вместо того, чтобы найти меру в крайнем усилении самой жизни, в проблеме процветания и изнурения, оно использовало *средства* поддержания совершенно определенной жизни, чтобы исключить все иные ее формы, — короче говоря, для критики и селекции жизни;

значит, человек в итоге любит средства ради них самих, *забывая* о том, что они — средства: и вот они уж осознаются им как цели, как мерила всех стремлений...

значит, *определенный вид человека* выдает условия своего существования за установленные законом и обязательные, расценивая их в качестве «истины», «добра», «совершенства»: он становится *тираном*...

то, что одна порода людей не усматривает условности собственной разновидности, своей относительности в сравнении с другими, есть *форма веры*, инстинкта:

с определенной породою людей (народом, расой), по всей видимости, покончено, как только она становится толерантной, признает равные права и выбрасывает из головы мысль сделаться господствующей...

14 [159]
Религия как декаданс

Критика веры

Убеждение и ложь

1. «Ложь и убеждение противоположны друг другу»: и нет большей <противоположности>...

2. Но справедливо сказано, что убеждения – гораздо более опасные враги истины, нежели ложь (мое Чсч).

3. Так, может, даже убеждения-гипотезы нужно причислять к врагам истины? И притом – к наиболее опасным?

У всякого убеждения есть своя история, свои предварительные ступени, свои пробы и ошибки: оно становится убеждением после того, как долго им *не* является, а еще *дольше* оно *едва* им является...

и разве среди этих эмбриональных состояний убежденности не может оказаться и ложь?..

Нередко оно требует смены своего носителя (– то, что у отца было еще только склонностью, становится убеждением лишь у сына –)

В чем смысл того, что лжец выдает нам заблуждение за истину? В его «практическом разуме» (– выражаясь популярней, в его выгоде)

В чем смысл того, что люди выбирают между различными возможностями? В их практическом разуме, в их выгоде...

В чем смысл того, что среди нескольких гипотез они выбирают такую-то? В выгоде.

Какая же разница между человеком убежденным и обманутым? Никакой, если он обманут хорошо.

Что заставляет всех философов считать свои убеждения истиной? Их выгода, их «практический разум».

Фикция, полезность, предположение, вероятность, достоверность, убежденность – целая история внутреннего пафоса, у истоков которого стоит ложь – ее божество...

«Я желаю считать то-то и то-то истиной»: инстинкт ли это истины или как раз напротив, другой инстинкт – весьма не склонный принимать истину всерьез, но знающий выгоду, которую дает вера?..

Положим, кому-то выгодно обводить себя вокруг пальца: чем тогда отличается пафос самообмана от пафоса убежденности?..

Что возобладало в вере, как ее понимает христианство, – благоразумие или истина? Наглядное доказательство от силы (то есть выгод, какие несет с собою вера) – или доказательство – – –

А то, что делает мученик, – инстинкт ли это истины или, наоборот, прореха в душевном организме, нехватка

такого инстинкта? Мы смотрим на мучеников как на низший вид: доказывать убеждение не имеет никакого смысла; напротив, стоит доказывать, что имеешь право на такое убеждение... Убеждение — это возражение, знак вопроса, défi[1]: необходимо доказать, что ты не просто убежден — что ты не просто *дурак*...

крестная смерть не доказывает никакой истины — она доказывает лишь убежденность, лишь идиосинкразию (— очень популярное заблуждение: иметь мужество отстаивать свои убеждения —? Нет — надо иметь мужество нападать на свои убеждения!!!

14 [160]
Религия как декаданс — *убежденность*

Критика жертвенной смерти

Сегодня мы пошли бы на смерть за многие вещи, относясь к такой жертве без излишней торжественности, — нам и в голову не придет творить себе из подобных вещей кумиров, уже хотя бы потому, что таковые требуют человеческих жертвоприношений... Пресловутое «отечество», к примеру, — понятие, которое в нынешней Европе ценится так нелепо дорого: еще более пресловутая «наука», которая, как я предполагаю, сможет когда-нибудь стать даже еще более разорительной, нежели понятие «отечество»

Смерть за — — —

Необходимо ли обладать правотой, чтобы настаивать на своем? Совсем напротив! Не говоря уж о том, что это значит проявить нескромность. Не надо требовать чрезмерного почтения к себе... А вот все эти великие мудрецы были скромны: они просто настаивали на своем...

Вы полагаете, дело станет *почтенным* только потому, что вы платите за него жизнью?.. Заблуждение, которое становится почтенным, — это заблуждение, лучше других владеющее искусством совращения! Вы думаете,

---

1 Вызов (*фр.*).

нам захочется поощрять вас к жертвенной смерти за вашу «истину»?.. Как раз это-то и было всемирно-исторической глупостью всех гонителей: они принуждали своих противников становиться героями... они превратили все глупости в фетиши человечества... Сегодня *женщина* все еще преклоняет колени перед учением, учитель которого умер на кресте... но разве крест – доказательство?

Известной степени веры нам сегодня достаточно, чтобы возразить против ее содержания, еще того больше – чтобы задаться вопросом о душевном здоровье верующего: «неколебимые убеждения» почти всегда – постояльцы сумасшедшего дома.

14 [161]

Решительно не понимаю, как это человек может наверстать упущенное, если вовремя не прошел *хорошей школы*. Такой человек не знает себя самого; он идет по жизни, не выучившись ходить; и дряблые мышцы видны в каждом его шаге. Иной раз жизнь столь милосердна, что позволяет наверстать эту школу суровости: в роли стрекала выступает, быть может, многолетняя хворь, требующая крайнего напряжения воли и опоры на одного себя; или внезапно разразившаяся беда, в которой оказываются заодно его семья и которая вынуждает его действовать так, что к ослабевшим способностям возвращается энергия, а воля к жизни *вновь стала твердой*... При любых обстоятельствах желательней всего – строгая дисциплина в *подходящее время*, то есть еще в том возрасте, когда гордишься, видя, что от тебя многого ждут. Ибо это и делает школу суровости хорошей школой в сравнении с прочими: что она требует многого; что требует строго; что хорошего, даже превосходного она требует всего лишь как обычного; что хвалят в ней редко, а индульгенций не дают; что порицают в ней решительно, объективно, без оглядки на талант и происхождение. Такая школа необходима во всех смыслах: и в самом плотском, и в самом духовном – было бы роковым заблуждением отделять их тут одно от другого! Одна и та же дисциплина взращивает дельного солдата и дельного ученого, а по правде говоря, нет дельного

ученого, в крови которого не было бы глубоких инстинктов хорошего солдата... стоять в строю, но в любой момент быть готовым идти в атаку; опасность предпочитать удобству; не взвешивать дозволенное и недозволенное на весах лавочника; быть врагом всего убогого, хитрящего, паразитического — пуще, чем злого...

— Чему *учатся* в школе суровости? *Подчиняться* и *приказывать*, — — —

14 [162]

Философ

Пиррон, самый нежный и безропотный человек, какой только жил среди греков, буддист в обличии грека, Будда во плоти, был выведен из себя один-единственный раз в жизни — и кем? собственной сестрою, с которой жил одним домом: она была повивальною бабкой. С тех пор более всего на свете философы страшатся сестры — сестра! сестра! как страшно это звучит! — *и* повивальной бабки!.. (Происхождение целибата)

14 [163]

(К главе: Религия как декаданс)

Религиозная мораль

Аффект, огромное желание, страсти (власть, любовь, месть, обладание) — моралисты хотят их угасить, выполоть, «очистить» от них душу

Логика такова: эти страсти нередко ведут к большой беде — стало быть, они злы, предосудительны. Человек должен от них избавиться, а иначе ему не сделаться *добрым* человеком...

Тут та же логика, что и в изречении: «Если один из членов твоих соблазняет тебя, вырви его и брось от себя». В особом случае той опасной «святой невинности», что рекомендована основателем христианства своим ученикам в качестве руководства к действию, в случае полового возбуждения, — оказывается, увы, что не только не хватает какого-нибудь члена, но что и характер человека *кастрируется*... То же относится и к бредовому требованию моралистов — экстирпации страстей вместо их обуздания. Их вывод неизменно гласит: добрый человек — это человек кастрированный.

Такой близорукий и наипагубнейший образ мыслей, образ мыслей морали, стремится *истощить* те великие источники силы, те бушующие воды души, которые часто изливаются столь опасно, что делают человека одержимым, — вместо того чтобы заставлять их силу служить ему практически, *работать* на него

14 [164]

Шарлатаны от христианской морали

Сострадание и презренье сменяют друг друга быстрой чередою, и время от времени я чувствую возмущение, словно на глазах у меня совершается наглое преступление. Заблуждение тут обернулось долгом, то есть добродетелью, ложный шаг — строевым шагом, инстинкт разрушения квалифицирован в качестве «спасения»; любая операция оборачивается тут нанесением увечий, вырезанием даже таких органов, энергия которых есть безусловная предпосылка возвращения к здоровью. И в лучшем случае речь идет не об исцелении, а лишь о подмене одного ряда симптомов болезни другим... И эта-то опасная нелепость, система осквернения и кастрации жизни, считается священной, считается неприкосновенной; посвятить свою жизнь служению этой нелепице, быть инструментом такого врачевания, быть *священником* — это уже отличие, это дает почет, священное достоинство и даже неприкосновенность. Зачинателем этого высочайшего искусства врачевания может быть только Божество: исцеление мыслимо лишь как откровение, как своего рода благодать, как незаслуженный дар, преподнесенный твари земной.

Первый тезис: здоровье души понимается как болезнь, ставится под подозрение...

Второй тезис: предпосылки сильной и цветущей жизни, сильные желания и страсти, рассматриваются как контраргументы против сильной и цветущей жизни.

Третий тезис: все, что грозит человеку гибелью, все, что им овладевает и может его погубить, — злое и предосудительное, и его надобно с корнем вырвать из души.

Четвертый тезис: человек прирученный, уже не опасный себе и другим, слабый, повергнутый в состоя-

ние смиренности и скромности, признающий свою слабость, «грешник» — вот это и есть самый желательный тип: такой, которого можно даже *исцелить* толикой душевной хирургии...

14 [165]
Мужество

1

Я различаю мужество перед людьми, мужество перед обстоятельствами и мужество перед бумагой. Последний вид мужества был свойствен, к примеру, Давиду Штраусу. Я различаю, далее, мужество при свидетелях и мужество без свидетелей: мужество христианина, верующего вообще, никогда не бывает мужеством без свидетелей — и уже только поэтому оно деградирует. Я различаю, наконец, мужество от темперамента и мужество от страха перед страхом: особый случай последней разновидности — моральное мужество. Сюда же относится еще мужество от отчаяния.

Вагнер как совратитель

2

Таким мужеством обладал Вагнер. Его положение в музыке было, в сущности, отчаянным. У него не было ни того, ни другого, что нужно *хорошему* музыканту: природы и культуры, предрасположенности к музыке и музыкальной дисциплины, выучки. Мужество у него было: свою обделенность он возвел в принцип — изобрел для себя некий род музыки. «Драматическая музыка», какой он ее изобрел, — это музыка, которую он *был способен сочинять*... ее сущность совпадает с положенными Вагнеру пределами.

А поняли его превратно — да неужто его поняли превратно?.. Пять шестых из числа нынешних музыкантов — в его положении. Вагнер для них — спаситель: впрочем, пять шестых — это еще «самое малое». Там, где природа проявляет себя немилосердной и где, с другой стороны, культура остается делом случая, отдельной попыткой, дилетантством, музыкант нынче инстинктивно, да что я говорю — с жаром, бросается к Вагнеру: «И тянет тот, и тонет сам», как сказал поэт.

2[1]

Успех Вагнера — великий *совратитель*. Предположим на минуту, что этот совратитель умеет говорить, что он — в обличии умного друга и интимного советчика — посещает юных музыкантов, в глубине своих душ носящих маленький рок, — и вот уж мы слышим, как он доверительно, мещански-проникновенно говорит об ангельской терпимости ко всяческому «маленькому року»...

14 [166]

Сюжет для картины. Извозчик. Зимний пейзаж. Извозчик с выражением подлейшего цинизма мочится на собственную кобылу. Бедная, забитая скотина оглядывается на него — с благодарностью, с огромной благодарностью...

14 [167]

Вагнер как проблема.
Вагнер — лицедей.
Что стало нынче популярным
Вагнер как пример для подражания.
Вагнер как соблазн.

Музыка как мимика. Любая мысль — — —

14 [168]

Мир истинный и мир видимый

Набросок первой главы

А

Соблазны, исходящие от этого понятия, — троякого рода:

некий *неизвестный* мир: мы — любопытные искатели приключений, — видимо, уставшие от известного (— опасность этого понятия состоит в том, что оно внушает нам, будто «этот» мир *известен*...

некий *иной* мир, где все иначе: что-то внутри нас ведет счет наново, наша тихая покорность, наше молчание теряет при этом в своей ценности, — может быть, все будет хорошо, и надеялись мы не напрасно... мир, где все иначе, где мы и сами — кто знает? — иные...

---

1 Так в немецком издании. — *Прим. ред.*

некий *истинный* мир: это самый странный удар, самая странная атака, какие были направлены на нас; на слово «истинный» так много всего налипло, что мы невольно и «истинному миру» преподносим его в подарок: *истинный* мир должен быть к тому же и *неложным*, таким, который нас не обманывает, не дурачит: верить в него — это почти то же самое, что *быть обязанным* верить (— из соображений приличия, как и подобает существам лояльным —)

понятие «неизвестного мира» внушает нам, будто *этот* мир «известен» (— то есть скучен —)

понятие «иного мира» внушает, будто мир *мог бы быть иным* — упраздняет необходимость и самый факт (— бессмысленно *покоряться* необходимости, *приноравливаться* —)

понятие «истинного мира» внушает, будто этот мир — ненастоящий, обманный, нечестный, неподлинный, призрачный, а *стало быть*, ничего не дает нам (— приноравливаться, *лучше сказать*, противостоять ему, неблагоразумно)

итак, мы *удаляемся* от этого мира трояким образом:

через *любопытство*, как будто самое интересное — где-то в другом месте

через нашу *покорность*, как будто <и так> нет нужды быть покорным, будто этот мир не является высшей и самой последней необходимостью

через нашу симпатию и почтение: как будто этот мир их не заслужил, потому что он нечист, нечестен по отношению к нам...

In summa: мы *подбиты на бунт* трояким образом: *сделали некое* «х» основанием для **критики** «известного мира».

[B]

Первый шаг к образумлению: понять, в какой мере мы *совращены* —

ведь, в сущности, дело могло бы обстоять как раз точно *противоположным* образом.

а) мир *неизвестный* мог бы быть таким, чтобы внушать нам охоту к этому миру, — будучи, может

быть, бездарной и более ограниченной формой жизни

b) мир *иной*, не говоря уж о том, что он мог бы считаться с нашими желаниями, не сбывшимися здесь, мог бы в известной мере быть тем, что примиряет нас с *этим* миром: узнать его было бы для нас способом добиться удовлетворенности

3) мир *истинный*: а кто, собственно, сказал, что видимый мир должен быть меньшей ценностью? Разве наш инстинкт не противоречит подобному мнению? Разве человек не творит вечно какой-то воображаемый мир, поскольку хочет получить мир получше, нежели действительность?..

Прежде всего: откуда мы взяли, что истинный мир — это *не наш* мир?.. ведь, скорее, иной мир мог бы быть «мнимым»... И впрямь, греки, к примеру, выдумали себе некое *царство теней*, некое *призрачное бытие* — бок о бок с бытием *истинным*. В конце-то концов, что дает нам право устанавливать какие-то *степени реальности*? Это нечто иное, нежели неизвестный мир, это уже означает *желание что-то узнать об этом неизвестном.*

NB. «Иной», неизвестный мир — ладно! Но сказать «*истинный* мир» — это все равно что «*знать* что-то о нем» — это противоположно признанию некоего x-мира...

In summa: мир «x» был бы, должно быть, более скучным, бесчеловечным и в любом смысле менее достойным, чем этот мир.

Дело обстояло бы иначе, если б говорили, что существуют x-миры, то есть, что кроме этого, существует еще и любой возможный мир. Но этого *никогда не говорили*...

«Истинный» мир = *правдивый*, который нас не обманывает, который честен
= *правильный*, который только и важен
= *подлинный* — в противоположность какой-нибудь подделке и искажению

C

Проблема: почему *представление об ином мире* всегда шло в ущерб этому миру, то есть было направлено на его критику, — на что это указывает? —

Дело вот в чем: народ, гордый собою, чья жизнь только еще восходит над горизонтом, всегда мыслит *ино*бытие как бытие низкое, лишенное ценности; чуждый, неизвестный мир для него — враг, антипод, а к чуждому он чувствует не любопытство, а полное отвращение...

такой народ никогда не признал бы, что другой народ — «истинный народ»...

симптоматично уже то, что возможно подобное различение — этот мир признается «мнимым», а *тот* — «истинным»

Очаг возникновения представления об «ином мире»

философ, изобретающий мир рассудка, где *рассудок* и *логические* функции адекватны: отсюда проистекает «истинный мир»

человек верующий, который изобретает некий «божественный мир», — отсюда проистекает «лишенный своей природы, противоестественный» мир

человек моральный, выдумывающий некий «мир свободы», — отсюда проистекает мир «добра, совершенства, справедливости, святости».

Общее для всех этих трех очагов возникновения... *психологическая* ошибка... физиологическая подмена...

«мир иной», каким образом и с какими предикатами он фактически выступает в истории, — отмечен стигмами

философского
религиозного } предрассудка.
морального

мир иной, каким он предстает в этих фактах, — есть *синоним небытия*, отсутствия жизни, *нежелания* жить...

Общая идея: иной мир создан инстинктом *усталости от жизни*, а не инстинктом жизни.

Вывод: философия, религия и мораль суть *симптомы декаданса.*

2-я глава

Историческое доказательство того, что религия, мораль и философия суть формы декаданса человечества.

3-я глава

1. основания, по которым «этот» мир был назван «видимым», обосновывают, скорее, его реальность: подтвердить же реальность *другого* рода абсолютно невозможно.

2. признаки, коими снабдили «истинное бытие» вещей, суть признаки небытия: «мир истинный» построен в пику «действительному миру» — а на самом деле он есть «видимый мир», такой, что представляет собою *оптико-моральный обман*

3. In summa: не имеет никакого смысла выдумывать сказки о каком-то ином, чем этот, мире — если, конечно, нами управляет не инстинкт клеветы, умаления, презрения к жизни: в последнем случае в отместку за жизнь мы создаем себе фантасмагорию некоей «лучшей жизни»...

4. Деление мира на «истинный» и «видимый» — результат суггестии декаданса: а оценивать *видимость* выше, чем *реальность*, как делает художник, — это не может служить контраргументом. Ибо видимое тут означает все ту самую же эту реальность, только удвоенную: подвергнутую отбору, подкрепленную, выправленную... Или существуют художники-пессимисты? Неужто *трагический* художник — *пессимист?*

14 [169]

1. Мир истинный и мир видимый.
2. Философ как образчик декаданса.
3. Верующий как образчик декаданса.
4. Добрый человек как образчик декаданса.
5. Встречное движение: *искусство.* Проблема трагического.
6. Язычество в религии.
7. Наука против философии.
8. Политика.

9. Критика современных веяний.
10. Нигилизм и его зеркальная противоположность: возвращающиеся.
11. Воля к власти.

1) Положим, он *более ценен*, — но почему он должен быть и *более реальным*, чем этот?

... что ж, *реальность* — качество совершенства? Ну, уж это прямо *онтологическое доказательство бытия Бога*...

2) Но положим, он — *истинный*: тогда он был бы *менее ценным*, чем наш мир...

14 [170]

Встречные движения: *искусство*.

Исключительные состояния создают художников: все они глубоко сроднились и срослись с болезненными явлениями, так что, пожалуй, нельзя быть художником и не быть больным.

Физиологические состояния, что словно бы культивированы в художнике до уровня «личности», но сами по себе в какой-то степени свойственны человеку вообще:

1. *опьянение*: повышенное ощущение власти; настойчивое внутреннее побуждение превращать вещи в отражение собственной полноты и совершенства —

2. *чрезвычайная обостренность* некоторых чувств, благодаря которой они понимают какой-то совсем другой язык знаков — и творят... та самая обостренность, что кажется связанной с некоторыми нервными расстройствами, — чрезвычайная подвижность, переходящая в чрезвычайную сообщительность; готовность говорить со стороны всего, что способно подавать знаки... какая-то потребность словно бы освободиться от себя с помощью знаков и жестов; способность говорить изнутри, пользуясь сотнями языков... *накал*, в котором пребывает душа, — надо представлять себе это состояние в первую очередь как принуждение и натиск, цель которых — избавиться от прилива внутреннего напряжения посредством всех видов мышечной работы и подвижности; затем — как невольную *координацию этого движения* с внутренними процессами (образами, мыслями, желаниями), как своего рода автоматизм всей мышеч-

ной системы под воздействием сильных внутренних возбуждений – неспособность *гасить* реакцию; аппарат торможения словно *в параличе*. Любое внутреннее движение (чувство, мысль, аффект) сопровождается *изменениями сосудистой системы*, а стало быть, изменениями цвета лица, температуры, секреции; *суггестивная* сила музыки, ее «suggestion mentale»[1];

3. навязчивое желание подражать: крайняя возбудимость, при которой замеченный образец действует заразительно, – какое-нибудь состояние <другого> улавливается уже по намекам и <тут же> *воспроизводится*... Всплывший изнутри образ тотчас проявляется как движения тела... известный временный паралич *воли*... (Шопенгауэр!!!!)

Своего рода глухота, слепота ко всему внешнему – сфера *допускаемых* <в психику> стимулов строго ограничена –

* * *

Вот что отличает художника от любителя (восприимчивого к искусству): последний достигает вершины своей возбудимости, воспринимая; первый же – отдавая, причем антагонизм между обеими способностями не только естествен, но и крайне желателен. У этих состояний – обратная друг по отношению к другу оптика: требовать от художника, чтобы он усвоил оптику слушателя (или критика), значит требовать, чтобы он *обеднил* себя и свою специфическую силу... Тут все так же, как в различии между полами: от художника, который *дает*, нельзя требовать, чтобы он стал бабой – чтобы он *«зачинал»*...

Наша эстетика была до сих пор бабской эстетикой в той мере, в какой лишь восприимчивые к искусству люди формулировали свои переживания по поводу того, «что такое прекрасное». До сего дня во всей истории философии не было ни одного художника... И этот изъян, как следует из сказанного, был неизбежным; ведь тот художник, что замахнется на понимание себя, тем самым *промахнется* – он не должен оглядываться, он вообще не должен глядеть, он должен давать: честь и хвала художнику, не способному на критику... а иначе он – ни рыба ни мясо, иначе он – «современный»...

---

1 Внушение (*фр.*).

14 [171]

Религия как декаданс

состояние сна как следствие всякого утомления, утомление как следствие всякого чрезмерного возбуждения...

потребность в состоянии сна, обожествление даже самого понятия «сон» и поклонение ему во всех пессимистических религиях и философиях —

утомление в этом случае — это утомление расы; состояние сна, говоря физиологически, — лишь аллегорическое выражение какой-то много более глубокой и длительной *потребности в упокоении*... In praxi это смерть, оказывающая тут столь совращающее воздействие под видом своего брата — сна...

14 [172]

Религиозная мономания проявляется обыкновенно в форме folie circulaire[1], с двумя противоположными состояниями — депрессии и возбуждения.

Féré p. 123.

14 [173]

Воля к власти как жизнь

Психология воли к власти

Наслаждение Страдание

Боль — нечто иное, чем наслаждение, — я хочу сказать, она *не* противоположна ему. Если сущность наслаждения точно характеризуется как *ощущение прироста* власти (и, стало быть, как ощущение различия, предполагающее сравнение), то к сущности страдания такое определение отнюдь не подходит. Лжепротивоположности, в которые верит народ и, *следовательно*, язык, всегда были опасными путами на ногах у идущей истины. Есть даже случаи, когда определенная *ритмическая последовательность* малых болевых раздражений вызывает своего рода удовольствие: тем самым достигается весьма быстрый прирост ощущения власти, ощущения наслаждения. Можно видеть это на примере щекотки, даже половой щекотки в акте соития: здесь боль проявляется как ингредиент наслаждения.

---

1 Циркулярного психоза (*фр.*).

Очевидно, малое торможение, которое преодолевается, чтобы тотчас смениться новым малым торможением, преодолеваемым в свой черед, — эта игра сопротивления и победы сильнее всего возбуждает то общее ощущение избытка, излишка власти, что составляет сущность наслаждения. Обратного, то есть роста болевого ощущения посредством вклинивающихся малых возбуждений наслаждения, не бывает: ведь наслаждение и боль как раз вовсе не антагонисты. Боль — это рассудочный процесс, в котором, несомненно, было выражено некое суждение — суждение «вредно», аккумулировавшее в себе длительный опыт. Боли самой по себе не бывает. Больно делается *не* от ранения; есть просто опыт того, сколь тяжкие последствия для организма как целого может иметь ранение, опыт, заявляющий о себе в виде того глубокого потрясения, которое и зовется страданием (при смертоносных воздействиях, еще не известных прежним людям, — к примеру, при действии вновь открытых химических ядовитых веществ нет даже болевых ощущений — а мы умираем...). По-настоящему всегда специфично для боли длительное потрясение, остаточная вибрация от возбудившего боль шока в церебральном очаге нервной системы: на деле человек страдает *не* от причины боли (какой-нибудь раны, к примеру), а от того, что вследствие перенесенного шока надолго выбит из колеи. Боль есть болезнь церебрального нервного очага, наслаждение же — отнюдь не болезнь... Что боль есть причина встречных движений — за это, правда, говорят видимые обстоятельства и даже предрассудок философов; но в случаях, когда боль наступает внезапно, бывает, если присмотреться получше, что встречное движение начинается значительно раньше, нежели ощущение боли. Скверно обстояли бы мои дела, если б, совершив неверный шаг, я стал бы выжидать, чтобы факт зазвонил в колокола сознания, а в ответ пришла бы телеграмма с указанием, как тут быть... Скорее, я как только могу точно фиксирую, что сперва следует встречное движение ноги — с целью уберечь от падения, — а уж потом, через определенный интервал, по лобной доле мозга внезапно прокатывается как бы болевая волна. Стало быть, реакция идет *не* на боль. Потом уж боль проецируется в повреж-

денное место — но вопреки этому сущностью такой локальной боли выступает не выражение данного локального повреждения: это просто симптом места, интенсивность и тональность которого соответствуют повреждению и который восприняли оттуда нервные центры. Что вследствие этого шока заметно снижается мышечная сила организма, еще вовсе не дает никакого основания искать *сущность* боли в умалении ощущения власти... Человек, повторяю, реагирует *не* на боль: страдание — вовсе не «причина» совершаемых действий, сама боль — это реакция, встречное движение — другая и более *ранняя* реакция: та и другая исходят из разных мест. —

14 [174]
Воля к власти как *жизнь*

Человек ищет *не* наслаждения, а избегает *не* страдания: должно быть ясно, какому знаменитому предрассудку я этим перечу. Наслаждение и страдание — это просто следствия, просто побочные явления: то, чего хочет человек, то, чего хочет всякая мельчайшая часть живого организма, — это прирост власти. В стремлении к нему возникают наслаждение и страдание; исходя из этого стремления он ищет сопротивления, нуждается в чем-то, что ему противостоит. Страдание как торможение его воли к власти есть, стало быть, нормальное явление, нормальный ингредиент любого органического процесса, человек от него не уклоняется, а, скорее, постоянно в нем нуждается: любая победа, любое ощущение наслаждения, ход любого процесса предполагает, что преодолено какое-то сопротивление.

Возьмем простейший случай — питание примитивных существ: протоплазма расправляет свои псевдоподии, ища то, что ей противостоит, — не из голода, а из воли к власти. Потом она делает попытку одолеть его, присвоить, поглотить: то, что называют «питанием», это просто побочное явление, практическое применение первичного стремления сделаться *сильнее*

Нельзя считать *голод*, так же как и самосохранение, primum mobile[1]: голод как следствие недостаточного пи-

---

1 Перводвигателем (*лат.*).

тания равнозначен голоду как следствию того, что воля к власти более не господствует

деление <клетки> как следствие слишком слабого единства

речь идет вовсе не о каком-то восполнении утраченного — лишь потом, вследствие разделения труда, после того как воля к власти научится находить совсем иные пути к своему удовлетворению, потребность организма в присвоении *сводится* к голоду, к потребности в возвращении того, что потеряно.

Страдание, стало быть, столь мало имеет своим следствием *понижение нашего ощущения власти*, что чаще всего действует прямо-таки как возбудитель этого ощущения власти, — препятствие есть *стимул* этой воли к власти.

Страдание подменили одним из его видов — страданием от изнеможения: последнее и впрямь представляет собою сильное снижение и депрессию воли к власти, заметное убывание сил. Это значит: <есть> страдание как средство побуждения к усилению власти и <есть> страдание от расточения власти; в первом случае оно — стимул, во втором — следствие чрезмерного раздражения... Неспособность к сопротивлению свойственна последнему виду страдания — первый же любит вызывать противника на бой... Наслаждение, все еще ощутимое в состоянии утомленности, есть погружение в сон; в ином случае наслаждение есть победа...

Психологи устроили великую путаницу, не умея различать эти два вида наслаждения — наслаждение от *погружения в сон* и наслаждение от одержанной *победы*

утомленные хотят покоя, полного расслабления, мира, тишины —

это и есть *блаженство* нигилистических религий и философий

Люди преизбытка, чья жизнь бьет через край, хотят победы, поверженного противника, захвата ощущением власти все новых сфер:

эта потребность есть у всех здоровых функций организма — и организм в целом, вплоть до пубертатного воз-

раста, представляет собою такой борющийся за рост ощущения власти комплекс систем———

14 [175]

Платон: ———

но *Ману* говорит: акт, благодаря которому душа взыскует неизвестного, есть *воспоминание* о сварге, след которой она удержала, — так часто по пробуждении человек смутно видит образы, посетившие его во сне

14 [176]

Алкоголизм

Брахман, пьянствующий, предающий забвению божественную субстанцию, из коей образована его личность, падает до уровня нечистого шудры.

Двиджа, увлекающийся забродившими напитками, будет спален изнутри их огнем. Он может очиститься, *выпив кипящей коровьей мочи*

14 [177]

Если он спасет жизнь коровы, то этот благочестивый поступок искупит <даже> убийство брахмана.

14 [178]

Жрец

— Брахман — авторитет в этом мире и в другом мире; брахман — объект поклонения для богов.

Убивший корову обязан три месяца ходить укутанным в ее шкуру, а следующие три месяца прослужить подпаском у коровьего пастуха. Засим он обязан подарить брахманам десять коров и одного быка, а еще лучше — все свое имущество: в этом случае он искупит свой проступок.

Кто убьет *обрезанного*, очистится одной простою жертвой (в то время как вообще за убийство животного требуется шесть месяцев каяться в лесу, отпустив бороду и длинные волосы).

14 [179]

О христианской *практике*

Человек в течение многих тысячелетий не знал себя с физиологической стороны: не знает он себя и поныне.

К примеру, знание о том, что обладаешь нервной системой (но не «душой»), все еще остается привилегией наиболее осведомленных. Но человек и не подозревает, что тут — пробел в его знании; нужно быть уж очень гуманистически образованным, чтобы сказать себе: «Этого я не знаю», чтобы *позволить себе* невежество... скажем, если он страдает или пребывает в добром расположении духа, то не замедлит найти этому причину, если только ее ищет. И вот он ее ищет... А на деле он причины не найдет, потому что даже не подозревает, где ее искать... Что происходит?.. Он принимает *следствие* в своем состоянии за его *причину*

Скажем, удалась работа, сделанная в добром расположении духа (сделанная в причине, ибо уже только хорошее настроение придало ей духу): ессо[1], работа — *причина* доброго расположения духа...

На самом деле, опять-таки, удача была обусловлена тем самым, что обусловило хорошее настроение, — удачным сочетанием физиологических функций и систем.

Ему плохо — и, *следовательно*, ему не совладать с заботой, с угрызениями совести, с самокритикой... Человек и на самом деле думает, будто его скверное состояние — следствие угрызений совести, «греха», «самокритики»...

Но вот, часто после глубокого утомления и прострации, возвращаются силы. «Отчего это мне так привольно? Вот чудо-то — только Богу под силу сотворить такое!» Вывод: «Он отпустил мне грех»...

На этой почве складывается определенная практика: чтобы подогреть ощущение собственной греховности, подготовиться к сокрушению души, нужно привести тело в болезненное и нервное состояние. Такая методика общеизвестна. Люди, само собой разумеется, и не подозревают о причинной логике фактов — религиозное толкование *умерщвления плоти* оказывается самоцелью, в то время как оно бывает всего-навсего *средством* сделать возможным это самое болезненное несварение покаяния («навязчивую идею» греха, гипнотизирование курицы меловым кругом греха)

Истязание плоти готовит почву для целого ряда «ощущений виновности»... то есть совокупное страдание *становится объяснимым*...

---

1 И смотри, пожалуйста (*ит.*).

С другой стороны, такой же оказывается и методика «спасения»: всякую необузданность чувства вызывали молитвами, телодвижениями, жестами, клятвами — засим следовало изнурение, часто внезапно, часто в эпилептической форме. И — вслед за состоянием патологической сонливости — приходит видимость выздоровления: выражаясь на религиозный лад, «спасение»

14 [180]

Магометанство, будучи религией для *мужчин*, питало глубочайшее презрение к сентиментальности и лживости христианства... считая его бабской религией —

14 [181]

Верующий как образчик декадента

родство религиозных состояний безумию, неврастении

момент, когда кризис религии охватывает нацию — исторически —

фантазия верующего как фантазия *нервно утомленного* и *перевозбужденного*

«моральная нервозность» христианина.

Теперь перед нами стоит задача изобразить трудный, двусмысленный не только для нас феномен христианства.

Всю христианскую практику покаяния и спасения можно рассматривать как сознательно вызываемую *folie circulaire*; она, как водится, проявляется у заранее склонных к этому (то есть предрасположенных к недугу) индивидуумов.

14 [182]

Почему побеждают слабые

In summa: у больных и слабых больше *сострадания*, они более «человечны» —

: у больных и слабых больше *ума*, они более переменчивы, многолики, интересны, — более язвительны: именно больные изобрели *язвительность*.

(болезненное раннее созревание часто бывает у рахитиков, золотушных и чахоточных. —)

esprit[1]: достояние дряхлых рас (евреев, французов, китайцев). Антисемиты не прощают евреям, что у евреев есть «ум» — и деньги: антисемит — вот имя для «обойденного жизнью».

: паяц и святой — две самых интересных разновидности человека...

в тесном родстве — «гений», великие «авантюристы и преступники»

: больные и слабые <всегда> *притягивали* к себе внимание — они интересней, нежели *здоровые*

Да и все люди, а прежде всех — наиболее здоровые, бывают *больны* в некоторые моменты своей жизни — сильные волнения, аффекты власти, любви, мести сопровождаются глубокими нарушениями...

А что касается *декаданса*, так всякий человек, если он не умер слишком рано, представляет его почти всегда: стало быть, ему по опыту известны и инстинкты, входящие в сферу декаданса —

: *половина почти всякой* человеческой жизни проходит под знаком декаданса.

Наконец: *баба! Половина человечества* слаба, типически больна, переменчива, непостоянна — баба нуждается в силе, чтобы за нее зацепиться, — и в религии для слабых, воздающей ей божеские почести, чтобы быть *слабой*, любить, покоряться...

нет, лучше сказать, она ослабляет сильных — она, если представится случай, *захватывает власть*, чтобы подмять под себя сильных...

баба всегда — заодно с образцовыми типами декаданса, с жрецами, — интриговала против «могущественных», «сильных», против *мужчин* —

баба укрывает *детей*, сохраняя их для культа почитания, сострадания, любви — *мать убедительно* репрезентирует альтруизм...

Наконец: распространение цивилизации, в то же время неизбежно несущее с собою и рост нездоровых элементов, *невро- и психопатических* и *криминальных*...

появляется некий *промежуточный вид — артист*, от настоящего уголовника отличающийся слабостью воли и со-

1 *Здесь*: дух, остроумие (*фр.*).

циальной запуганностью и в то же время еще не дозревший до сумасшедшего дома, но с любопытством запускающий щупальца в обе сферы: это специфическое культурное растение, современный артист, художник, музыкант, прежде всего romancier[1], пользующийся для обозначения своей манеры жить весьма неподходящим словом «naturalisme»[2]...

В полку сумасшедших, преступников и «натуралистов» все прибывает — признак растущей и бурно поспешающей *вперед* культуры: подонки, отребье, отверженные элементы приобретают значимость — низы *шагают в ногу*...

Наконец: *социальная мешанина*, следствие революции, введения равенства прав, предрассудка о «равенстве людей». При этом носители инстинктов упадка (ressentiment'a, недовольства, стремления разрушать, анархизма и нигилизма), включая сюда рабские инстинкты, инстинкты трусости, ловкачества и канальства, свойственные на протяжении *долгого времени* оттеснявшимся *вниз* слоям, примешиваются к крови всех сословий: два-три поколения спустя эту расу невозможно будет узнать — все *сделается чернью.* Отсюда — общий инстинкт, направленный против *лучших*, против *привилегий* любого рода, привилегий власти и безопасности, твердости, жестокости практических мер, которым на деле тотчас подчиняются сами же *носители привилегий:*

— все, что еще хочет удержаться у власти, льстит черни, оно вынуждено опираться на чернь —

и «гении» тут впереди всех: они становятся *герольдами* эмоций, коими увлекают за собою массы, — нота сочувствия, даже почтения перед всем тем, что жило в страдании, унижении, презрении, угнетении, перекрывает все другие ноты (типы: В. Гюго и Р. Вагнер).

Пришествие черни означает второе пришествие *старых ценностей*...

**

При столь чрезвычайном в смысле темпа и средств движении, каковое являет собою наша цивилизация, центральная роль людей изменяется: людей, что по большей

---

1 Романист (*фр.*).

2 Натурализм (*фр.*).

части определяют положение дел, людей, что словно взвалили на себя задачу быть противовесом всей великой опасности столь пагубного движения; это будут медлители par excellence, с трудом усваивающие, тяжелые на подъем, относительно стабильные посреди этого чудовищного мельтешения и смешения элементов. Центральная роль в таких условиях неизбежно достанется *посредственности*: все *заурядное* консолидируется перед лицом господствующей черни и экстравагантных сумасбродов (эти почти всегда — союзники друг другу) в качестве гарантии и носителя будущего. Для *людей исключительных* следствием будет появление нового противника — или, скорее, нового соблазна. Если они не станут применяться к черни и петь дифирамбы инстинкту «обделенных», перед ними встанет необходимость сделаться «заурядными» и «положительными». Они смекнут: mediocritas-то — aurea: мало того, только она и распоряжается деньгами и золотом (— и всем, что *блестит*...)... И вновь ветхая добродетель и вообще весь *отживший* мир идеала получат талантливых адвокатов... Итог: посредственность обретает глубину ума, остроумие, гений — она становится интересной, она соблазняет...

**

Итог. Еще кое-что о третьей силе. Ремесло, торговля, земледелие, наука, львиная доля искусства — все это может стоять лишь на каком-то обширном основании, на некоей крепко и честно консолидировавшейся посредственности. *Наука* — и даже искусство — ей служит и сама ею обслуживается. Ничего лучшего для себя наука не может и пожелать: она уже сама по себе принадлежит к среднему слою человечества — среди людей исключительных она неуместна, — в ее инстинктах нет ничего аристократического, а еще менее анархического. Власть середины будет тогда держаться на торговле, главным образом — торговле деньгами: инстинкт банковских воротил считает своим врагом все крайнее, поэтому евреи покамест остаются *самой консервативной* силой в нашей находящейся в такой опасности и такой нестабильной Европе. Ни революции, ни социализм, ни милитаризм им не нужны: когда же они добиваются власти даже над революционными партиями, то это всего лишь следствие вышесказанного — и нисколько тому не

противоречит. Иногда им бывает нужно нагнать страху на другие крайние движения — демонстрируя, что в их руках *всё*. Но сам по себе их инстинкт неизменно консервативен — и принадлежит к «середине»... Повсюду, где есть власть, они умеют быть у власти: но используют они ее всегда одинаково. Все *посредственное*, как известно, клянется словом *«либеральный»*...

Это нечто неостроумное и даже не истинное...

Вразумить. Абсурдно предполагать, будто вся эта *победа ценностей* антибиологична: нужно попробовать объяснить ее исходя из какого-то интереса *жизни*

сохранение самого человеческого рода благодаря этому методу *засилья* слабых и обойденных жизнью —

: погибнет ли человек в ином случае?

Проблема — — —

Станет ли *умножение сил* типа роковым для *сохранения вида*?

почему?

опыт *истории*:

сильные расы *истребляли друг друга*: война, борьба за власть, походы; их существование разорительно, короче говоря, они друг от друга *и камня на камне не оставляют* —

сильные аффекты: *расточительство* — сила не может больше *накапливаться*...

душевное расстройство, наступившее из-за чрезмерного напряжения, — следуют периоды *глубокой усталости* и вялости<,> за все взлеты приходится *расплачиваться*...

после этого сильные делаются более слабыми, безвольными, глупыми, чем слабая заурядность

Бывают расы-*расточители*. —

«Долговечность» сама по себе не представляет собою ценности: предпочтительней была бы пусть сокращенная, но более *полно*ценная жизнь рода.

остается только доказать, что даже <при длительном сроке> достижим такой более богатый урожай ценностей, чем в случае сокращенного срока жизни.

то есть человек как средоточие накопленной силы получает бóльшую степень господства над вещами, когда все идет, как идет...

Перед нами встает проблема экономии — — —

14 [183]

Я излагаю свои доводы во всех существенных моментах, пункт за пунктом. Имея в голове хоть немного логики и энергии, близкой по типу моим, смело глядя в лицо тому знанию, которым фактически обладаешь,.. можно было извлечь все эти доводы уже из моих ранних сочинений. Но все сделали наоборот — стали сетовать на то, что им не хватает последовательности: и весь этот нынешний сброд еще смеет произносить слово «последовательность»!

14 [184]

«Видимость» = специфической деятельности акции-реакции

видимый мир, то есть мир, понятый в соответствии с ценностями, упорядоченный, отобранный в соответствии с ценностями, то есть в данном случае с точки зрения полезности в смысле сохранения и усиления власти определенного вида животных.

перспектива, стало быть, придает <миру> характер видимости!

Как будто останется какой-нибудь мир, если убрать перспективу! Да ведь в таком случае исчезнет и *относительность*, —

у любого средоточия силы до самого *конца* сохраняется *перспектива*, то есть вполне определенный *способ ранжировать оценки*, присущий ему способ действовать, способ противостоять.

«Видимый мир» сводится, стало быть, к специфическому способу действовать на мир, исходя из средоточия.

Так ведь никакого другого способа действовать и не бывает: а «мир» — всего лишь слово, означающее взаимодействие всех этих действий.

Реальность состоит исключительно из этих частных акций и реакций каждого отдельного в отношении целого...

Говорить здесь о *видимости* — да на это больше нет и тени *права*...

Специфический способ реагировать — единственный способ реагировать: мы не знаем, сколько всего способов есть и каковы они.

И нет никакого «иного», никакого «истинного», никакого настоящего бытия — в противном случае это был бы какой-то мир без акции и реакции...

Противоположность видимого мира и мира истинного сводится к противоположности «мира» и «ничто» —

14 [185]

Моралъ

Что ценность поступка зависит якобы от того, что́ предшествует ему в *сознании*, — какая ошибка! А ведь эту мерку прикладывали к моральности поступка, даже к преступлению...

Думали, будто надо знать о его <поступка> последствиях: и простецы-психологи прежних времен говорили — — —

Ценность поступка должна измеряться его последствиями, — говорят утилитарии: если судить о нем по мотиву, то сама собой выявляется некая невозможность — а именно невозможность об этом мотиве *узнатъ*.

А разве о последствиях поступка узнать можно? Шагов, может быть, на пять, не более того. Кто может сказать, чем вызван поступок, что́ дает ему толчок, провоцирует его? в качестве стимула? может быть, в качестве искры, способной вызвать взрыв?.. Эх, простаки-утилитарии... И наконец, мы еще обязаны *знатъ, что* полезно: и тут они видят не дальше чем на пять шагов... Они не имеют ровно никакого понятия о хозяйственности большого размаха, не умеющей обходиться без зла —.

Неизвестен стимул, неизвестны последствия: да есть ли, следовательно, у поступка вообще какая-нибудь ценность?..

Остается сам поступок — параллельные ему феномены в сознании, Да и Нет, следующие за ним: что ж, ценность поступка — в его субъективных феноменах — ? Несомненно, его сопровождают ценностные ощущения, ощущения власти, насилия или бессилия, к примеру, свободы, вольности — спросим иначе: можно ли сводить ценность поступка к физиологическим ценностям — служит ли он выражением полнокровной или ущемленной жизни? <Какова> биологическая ценность поступка?

позволительно ли измерять его ценность по его побочным феноменам, по наслаждению и страданию, по игре аффектов, ощущению разрядки, взрыва, свободы...

может статься, в этом и выражается его *биологическая* ценность...

это означало бы, что можно измерять ценность музыки по удовольствию или досаде, которые она в нас вызывает... которые она вызывает у своего *сочинителя*...

Если, стало быть, поступок невозможно квалифицировать ни по его мотиву, ни по его последствиям, ни по параллельным ему явлениям, то он — «х», нечто неизвестное...

Итак: у поступка нет ценности.

In summa, выражаясь на манер церковного гимна: «Пресмыкайся по земле, летай над землею или крадись Божьими путями».

14 [186]

Философия

Физики на свой лад тоже верят в «истинный мир»: постоянную, одинаковую для всех и движущуюся по строгим законам систему атомов, а «видимый мир» сводится для них к доступной всякому на свой лад стороне всеобщего и общеобязательного бытия (доступной, но и упорядоченной — сделавшейся «субъективной»). Но тут они заблуждаются: атом, который они конструируют, выведен по законам логики все того же перспективизма сознания, — стало быть, и сам он — субъективная фикция. Изображенная ими картина мира ровно ничем существенным не отличается от субъективной картины мира: только она сконструирована на основе предусмотрительных замыслов — но замыслы-то эти сплошь *наши*... И наконец, в своей комбинации они кое-что упустили, сами того не ведая: как раз тот необходимый перспективизм, благодаря которому любое средоточие силы — а не только человек — конструирует в соответствии с собою весь остальной мир, то есть измеряет, ощупывает, формирует его, сравнивая со своею силой... Они позабыли причислить эту перспективо-*образующую* силу к «истинному бытию»... Говоря на академический лад, это субъективное бытие. Они думают, будто она <сила> «развилась» в виде дополнения —

Но ею пользуется даже химик: ведь она — *специфичность*, определенный способ акции и реакции смотря по

Перспектива — это всего-навсего сложная форма такой специфичности.

По моим представлениям, каждое специфическое тело стремится захватить господство над всем пространством, распространяя на него свою силу (—свою волю к власти) и отбрасывая прочь все то, что сопротивляется его экспансии. Однако беспрестанно наталкивается на такие же стремления других тел и кончает тем, что договаривается («вступает в союз») с теми из них, которые достаточно родственны ему: *тогда они вместе составляют заговор, чтобы захватить власть.* И процесс продолжается...

14 [187]

Философия

В химии нет ничего неизменного — это всего-навсего видимость, просто школьный предрассудок. Неизменное *протащили* туда мы, и опять-таки из метафизики, господа физики. Совершенно наивная близорукость говорить, будто алмаз, графит и уголь — одно и то же. Отчего ж? Только оттого, что весы не могут установить никакой субстанциальной потери! Ну ладно, тут у них и впрямь есть что-то общее, но работа молекул при превращении, которую мы не можем ни увидеть, ни взвесить, как раз и делает из одного вещества нечто другое — со специфически иными свойствами.

14 [188]

Новая концепция мира

1) Мир существует; он — не то, что претерпевает становление и исчезновение. Или, вернее, он претерпевает становление и исчезновение, но никогда не начинал претерпевать становление и никогда не прекратит исчезать — он *сохраняется* в том и в другом... Он живет самим собою — его экскременты суть его пища...

2) Нам не должно быть ровно никакого дела до гипотезы о *сотворении* мира. Понятие «творение» нынче никак нельзя определить, построить; это уже просто слово, рудимент времен суеверия; словом же объяснить ничего не-

льзя. Недавно была сделана последняя попытка, и не одна, разработать концепцию мира, который *имеет начало*, с помощью логической процедуры — по большей части, как нетрудно догадаться, с теологическим скрытым умыслом.

Вечное возвращение. *Философия*

3) Недавно пытались, и даже не раз, найти противоречие в понятии бесконечности мира во времени *назад*: его даже и нашли — правда, ценою подмены головы хвостом. Ничто не может мне помешать, отсчитывая <время> назад от данного момента, сказать: «Так мне никогда до конца не дойти» — точно так же как я могу отсчитывать <время> от этого момента вперед, в бесконечность. Только если бы я хотел ошибиться — а уж я постараюсь этого не сделать, — и отождествил это корректное понятие regressus ad infinitum[1] *с совершенно немыслимым* понятием бесконечного *pro*gressus до сего момента, если бы я сделал *направление* (вперед или назад) логически индифферентным — в этом случае мне пришлось бы запрягать не с головы, а с хвоста: но это уж позвольте предоставить Вам, милейший господин Дюринг!..

4) Я встречал эту идею у прежних мыслителей: и всякий раз ее определяли другие, скрытые соображения (— по большей части теологические, в пользу creator spiritus[2]). Если бы мир в принципе мог застыть, высохнуть, угаснуть, превратиться в *ничто* — или же мог бы достичь какого-то равновесного состояния — или же у него вообще была бы какая-то цель, предполагающая долговечность, неизменность, окончательность (короче, выражаясь метафизически: если бы становление *могло* перейти в бытие или в ничто), то это состояние уже было бы достигнуто. Но оно не достигнуто: из чего следует... Вот та единственная синица достоверности, что у нас в руках, — она должна послужить и коррективой в отношении огромного множества возможных в принципе гипотез о мире. Если, к примеру, механизм не может избежать какого-то финального состояния, какое вывел для него Томпсон, то такой механизм *опровергнут*.

1 Движения назад в бесконечность (*лат.*).

2 Духа-творца (*лат.*).

5) Если мир *можно* представлять себе как определенное количество силы и как определенное количество средоточий силы — а любое другое представление будет неопределенным и, значит, *негодным*, — то отсюда следует, что за все время великой игры в кости, то есть своего существования, он непременно пройдет через исчислимое количество комбинаций. Любая возможная комбинация когда-то в бесконечном времени будет разыграна; мало того, она будет разыграна бесконечное число раз. А поскольку между любой «комбинацией» и ее следующим «повторением» должны быть разыграны все вообще возможные комбинации, а каждая из этих комбинаций обусловливает собою всю серию комбинаций в одном ряду, то это докажет круговорот абсолютно тождественных рядов: <получится> мир как круговорот, который уже повторялся бесконечное число раз и разыгрывает свою партию in infinitum[1].

Такая концепция — не безоговорочно механистическая: ибо в противном случае из нее выводилось бы не бесконечное возвращение тождественных случаев, а некое финальное состояние. *Поскольку* мир его не достиг, такой механизм должен играть для нас роль несовершенной и предварительной гипотезы.

14 [189]

Философ как результат дальнейшего развития *жреческого* типа

— этот тип у него в крови — по наследству

— даже будучи его соперником, он вынужден достигать тех же целей теми же средствами, что и жрец его эпохи;

— он чает добиться *высшего авторитета*

что дает *авторитет*, если не обладаешь властью физически (нет войск, нет *оружия* вообще...)?

как завоевывают авторитет в особенности *среди* тех, у кого есть физическая власть и авторитет?

конкурируют — кто более почтительно вострепещет перед князем, перед победоносным завоевателем, перед мудрым сановником.

---

1 До бесконечности (*лат.*).

**

<Философы могут это делать,> только если пробуждают веру, будто у них в руках некая высшая, более могущественная власть — *Бог* —

Тут все идет в ход: оказывается *необходимой* даже санкция и помощь жреца.

Они лезут из кожи вон, чтобы быть незаменимыми *между* теми и другими: а необходимые условия их жизни,

1) чтобы люди верили в абсолютное превосходство их Бога, чтобы верили *в их Бога*

2) чтобы никаких иных прямых путей к Богу не было

Лишь *второе* требование порождает понятие «иноверия»; *первое* же — понятие «неверующего» (то есть верующего в какого-нибудь другого Бога —)

**

Так в чем же отсталость философа?

В том, что он вещает, будто его качества — необходимые и лишь они одни могут привести к «высшему благу» (к примеру, диалектика, как у Платона).

В том, что всем остальным представителям человечества он разрешает подниматься к *своему собственному* типу как вершине *gradatim*[1].

В том, что они презирают ценимое другими, роя пропасть между высшими, *жреческими* ценностями — и *мирскими*.

в том, что он *знает*, что́ есть истина, что́ есть Бог, что́ есть цель и каков путь к ней... Тут типичный философ — абсолютный догматик; если же ему *требуется* скепсис, так это для того, чтобы получить право догматически вещать о *своем главном предмете*.

14 [190]

Проблема *угнетенных*

Я не исключаю, что семиты самого давнего прошлого находились в ужасающем рабстве у индусов — в качестве чандалы; тогда-то уже и пустили прочные корни некоторые их особые черты, свойственные типу *закабаленных* и *презренных* (— как это было с ними позже в Египте).

---

1 Шаг за шагом (*лат.*).

Потом-то они *облагородились* — в той мере, в какой стали вояками... И завоевали себе собственные земли, *собственных богов*. Хронологически *боги появляются* у семитов одновременно с их вступлением в историю...

«ум», упорная терпеливость, презренные занятия ремеслом

Официальное понятие чандалы точно соответствует *отребью и экскрементам* знати...

14 [191]

Платон — фигура совсем в духе Ману: он принял в Египте посвящение. Кастовая мораль, бог для добрых, «вечная единая душа»

— Платон: брахманист

— Пиррон: буддист

воспроизводится: тип философа.

касты

деление учения на *эзотерическое* и *экзотерическое*

«великая душа»

переселение душ как обратный дарвинизм (— не греческого происхождения)

14 [192]

Понятие «эгоизм»

Понятие живого предполагает, что оно должно расти, что оно расширяет пределы своей власти и, стало быть, ему приходится присваивать посторонние силы. В чаду морального наркоза говорят о каком-то праве индивидуума на самозащиту: равным образом можно говорить тогда и о его праве на захват — ведь *то и другое*, и второе даже больше, нежели первое, неизбежны для всего живого; эгоизм нападения и защиты — не объекты выбора и уж тем более «свободной воли», а *фатальная необходимость* самой жизни.

При этом решительно все равно, идет ли речь об индивидууме или о живом теле, о стремящемся оказаться наверху «обществе». Право карать (то есть самозащита общества), в сущности, получило имя «право» благодаря злоупотреблению: к праву приходят через договор — но самозащита и самооборона не имеют договорной основы. По крайней мере, какой-нибудь народ мог бы со столь же чистой сове-

стью объявить своим правом потребность в завоеваниях, неодолимое влечение властвовать — благодаря ли силе оружия или через торговлю, обмен и колонизацию: это было бы его правом на рост. Общество, окончательно и *инстинктивно* отвергшее войну и завоевание, клонится к своему закату: оно дозрело до демократии и господства лавочников... А гарантии мира, как правило, — это, безусловно, всего-навсего обезболивающий наркотик.

14 [193]

В старом уголовном праве огромную роль играло одно *религиозное* понятие — понятие искупительной силы наказания. Наказание очищает: нынче оно только позорит. Наказание — это погашение долга: в нем человек фактически оторван от того, за что *хотел* столь многое претерпеть. Положим, он верит в силу наказания — тогда это повлечет за собою некое *облегчение*, некий *вздох освобождения*, который и впрямь почти равносилен возвращению к здоровью, исцелению. Человек не только восстановил мир с обществом, он вновь начал уважать себя самого — «очистился»... Сегодня наказание изолирует человека даже больше, чем вина; за ее спиною навис столь разросшийся злой рок, что ситуация уже непоправима. Отбыв наказание, человек выходит на свободу *врагом* общества... И вот одним врагом стало больше...

Jus talionis[1] может быть продиктовано желанием возмездия (то есть своего рода смягченным инстинктом мести); но у *Ману*, к примеру, это — потребность получить эквивалент *искупления*, дабы вновь стать «свободным» в религиозном смысле

14 [194]

Философ борется с *конкурентами*, к примеру с наукой

: и вот он делается скептиком

: и вот он резервирует за собою ту самую *форму познания*, в какой отказывает человеку науки

: и вот он действует заодно со жрецом, дабы избежать подозрений в атеизме и материализме

---

1 Право на равное возмездие (*лат.*).

: атаку на себя он расценивает как атаку на мораль, добродетель, религию, порядок — он умеет ославить своих противников «совратителями» и «подрывными элементами»

— и наконец он заключает союз с властью

Философ в борьбе с другими философами:

: он пытается загнать их туда, где они предстанут анархистами, неверующими, врагами авторитета

In summa: пока он *борется*, он борется совсем как жрец, как духовенство.

14 [195]

Как выглядит соглашательская арийская религия, это исчадье *господствующих* классов:

книга законов Ману.

Как выглядит *соглашательская* семитская религия, это исчадье *господствующих* классов:

книга законов Мухаммеда. Древнейшие части Ветхого Завета.

Как выглядит *протестующая* семитская религия, исчадье *угнетенных* классов:

Новый Завет, эта, по индоарийским понятиям, *религия чандалы*

Как выглядит *протестующая* арийская религия, возникшая среди *господствующих* сословий

: буддизм.

Что у нас нет никакой религии *угнетенных* арийских рас — в порядке вещей, ибо это внутренне противоречиво: <ведь> раса господ либо стоит на вершине, либо гибнет.

14 [196]

Эгоизм

Основное положение: чувство *ответственности* испытывают лишь по одиночке. Толпа изобретена для того, чтобы делать вещи, на которые у одиночек не хватает духу.

Как раз поэтому все общности, общества в сто раз *честнее* высказываются о природе человека и *лучше* в ней *назидают*, чем индивид, слишком слабый, чтобы набраться духу идти навстречу своим желаниям...

Весь «альтруизм» оказывается *житейской умудренностью частного лица*: общества не испытывают друг к другу никакого «альтруизма»...

Заповедь любви к ближнему еще никогда не дорастала до заповеди любви к соседу. Скорее, дело тут пока обстоит так, как написано у Ману...

«Терпимость»

Изучение общества столь неоценимо потому, что человек как общество много *наивней*, нежели человек как «единица».

«Общество» никогда не смотрело на *добродетель* иначе, чем как на средство, используемое силой, властью, порядком.

Как простодушно и с каким достоинством говорит об этом Ману: — — —

14 [197]

«Награда и наказание»... Они существуют бок о бок, они вместе приходят в упадок. Нынешние люди не хотят наград, не хотят и *признавать* ни за кем права наказывать...

Они заняли боевую позицию: чего-то *хотят*, но при этом у них есть противник, а своего добиваются, может быть, самым благоразумным путем — *договариваясь* с ним, заключая *договор*

Современное общество, в котором каждый заключил собственный «договор»: преступник же — нарушитель договора... Вот это было бы совершенно понятно. Но тогда анархисты и *принципиальные* враги господствующей формы общества были бы в ней нетерпимы...

14 [198]

«Для Бога нет ничего невозможного» — убежден христианин. А индус говорит: «У благочестия и науки вед нет ничего невозможного: им подчиняются боги, им они покорны. Где тот бог, что устоял бы против благочестия и молитвы удалившегося в леса джати?

Как мгновенно исчезает камень, брошенный в озеро, так скрываются грехи, исчезая в науке вед».

14 [199]

Происхождение морали

Жрец добивается, чтобы его считали *высшим типом* человека

добивается господства — даже над теми, что держат *власть* в своих руках

добивается гарантий от насилия, права неприкосновенности...

добивается положения самой *властной силы* в общине, абсолютно незаменимой и недоступной умалению

Средства.

Только ему принадлежит *знание.*

Только ему свойственна *добродетель.*

Только он *целиком и полностью — сам себе хозяин*

Только он в известном смысле Бог и наследник Божества

Только он посредник между Богом и *прочими*

Божество карает любой ущерб, нанесенный жрецу, любой умысел, направленный против него

Средства.

Истина существует.

Есть только один способ достичь ее — сделаться жрецом

Все *благое* — в порядках, в природе, в обычаях — идет от мудрости жрецов.

Их труд — Священное писание. Вся природа — это всего-навсего реализация содержащегося в нем устава

Не бывает никакого иного источника *блага* помимо жреца

Отличия всякого иного рода — *рангом* ниже, чем положение жреца (к примеру, положение *воина*)

Вывод:

коль скоро жрец — *высший* тип, то *градация*, ведущая к его *добродетелям*, должна быть градацией человеческих ценностей вообще.

Занятия науками, отказ от чувственности <в познании>, не-активность, безучастность, безаффектность, торже-

ственная иератичность. – Их **противоположность** (самая *низкая* порода людей: – – –

То, что внушает почтительный страх
жесты, иератические манеры
чрезмерное *презрение* к плотскому и чувственному
– *противоестественное* как признак *сверхъестественного.*

Жрец учил лишь *одному* виду морали – и все для того, чтобы его самого воспринимали как *высший тип*

Он разрабатывает представление о *противоположном* типе – чандале. Всеми средствами сделать *его* презренным – это *условие* кастового порядка

Его чрезмерный страх перед *чувственностью* вызван к тому же **пониманием** того, что отсюда исходит наибольшая угроза *кастовому порядку* (то есть *порядку* вообще)... Любое «поползновение к свободе» in puncto *puncti*[1] пускает брачное законодательство *вверх тормашками* –

14 [200]

В этой концепции *кое-что достойно изумления:* к примеру, абсолютная изоляция отбросов общества – с тенденцией *пустить их в расход.* Они поняли, что́ нужно живому телу – *отсечение больных членов...*

1) Она достойным изумления образом далека от дряблого инстинкта вырождения, который нынче зовут «гуманностью»...

Засим – деградация из одной касты в другую...

Засим – понимание брака: установка на «брак по любви» (как бы «заключенный на небесах»: – – –).

2) борьба с *алкоголизмом...* р. 332.

3) их совершеннейшее почтение к старости, к женщине р. 127

4) они стремятся сделать человека *достойным в собственных глазах:* а для этого им нужно видоизменить даже *самое естественное* – противопоставив чувству долг как священное предписание.

---

1 В том, что касается статьи закона (*лат.*).

14 [201]

Касты созданы в видах *разделения труда*, а с другой стороны, они — единственный способ сделать *безошибочную* работу *инстинктивной*...

главное — это труд как обычай, с его *механической* стороны: именно благодаря этому он в смене поколений становится безошибочным...

14 [202]

Когда союз молодого человека и юной девицы — плод обоюдного выбора, то такой союз, рожденный любовью и стремящийся к любви, называется:

брак, «заключенный на небесах»

В низших 4-х формах брака рождаются лишь моты, склочники, врали, не ведающие Священного писания и предписанных им обязанностей

В почтенных и достохвальных браках рождаются почтенные и достохвальные дети; но от плохих союзов увидит свет лишь презренное потомство.

Похвала девственнице: p. 225

14 [203]

Критика Ману:

сведение *природы* к морали: причина <кармического> наказания человека (а природные причины исключаются) — Брахман.

Сведение *человеческих побуждений* к *страху перед карой* и *надежде на награду*: то есть <к страху> перед законом, *в руках которого то и другое...*

Следует вести жизнь, совершенно согласную с законом: все, что благоразумно, совершается *потому*, что так приказано; самые естественные инстинкты удовлетворяются потому, что они предписаны законом.

Это прямо-таки школа оболванивания: в таком теологическом инкубаторе (где даже молодой воин и землепашец должны пройти девятилетний курс богословия, чтобы сделаться «благонадежными», — девятилетнюю «воинскую повинность» трех высших каст) в пользу чандалы говорили умственные способности и даже дельность. Люди чандалы были единственными, кому был доступен

подлинный источник знания — *опыт*... Да вдобавок к этому *кровосмешение* в кастах...

Никакой природы, техники, истории, искусства, науки, — — —

14 [204]

Нынче много рассуждают о *семитском* духе *Нового Завета*: но то, что так называют, — это всего-навсего иератизм; а в арийской книге законов чистейшей расы, у Ману, этот род «семитства», то есть *жреческого духа*, сквернее, чем где бы то ни было.

***

Развитие еврейского государства жрецов не представляет собою *ничего* оригинального: этот образец евреи нашли в Вавилоне — а образец-то арийский. Если потом то же самое, при определяющем влиянии германской крови, возобладало в Европе, то это отвечало духу *господствующей* породы: огромный атавизм. Немецкое средневековье было нацелено на восстановление *арийского кастового порядка*.

***

Магометанство, в свой черед, усвоило от христианства — использование «того света» в качестве карательного органа.

***

Схема *неизменного общества* со жречеством во главе — древнейший великий культурный продукт Азии в области организации — естественно, в любом отношении *должна* была взывать к раздумью и подражанию.

Уже Платон: но еще раньше — египтяне.

14 [205]

Одно простить труднее всего: уважение человека к самому себе. Такое существо попросту отвратительно: ведь оно выставляет на обозрение то, в чем смысл терпимости — единственной добродетели всех и вся...

Хотелось бы мне, чтобы люди начинали с *самоуважения*: все остальное проистекает из этого источника. Правда, как раз благодаря *этому* человек перестает существо-

вать для других: ибо именно это они не прощают. — Как? Этот человек себя уважает?

Это нечто иное, нежели слепой порыв *самолюбия*: нет ничего обыкновеннее — и в любви полов, и в той двойственности, которую называют «я», — чем *презрение* к предмету любви, чем фатализм в любви —

14 [206]

Против заразности невроза

Выбор мест, вещей, книг,

Алкоголизм

и музыка...

выбирать климатический и метеорологический оптимум; то же относится и к кулинарии

Снижение числа впечатлений:

резервировать себе часы, когда не слышно голосов — ни книг, ни дел, не говоря уже о людях...

Часы для восстановления сил, генуэзский режим; такие часы необходимы сегодня и самому здоровому: часы голодной диеты —

Против вегетарианства: — — —

14 [207]

Мы *чандала*: а наши художники и артисты — прежде всех...

14 [208]

Отчего все превращается в **лицедейство**?

нынешнему человеку не хватает:

верного *инстинкта* (следствие того, что человеческая порода *долго практиковала все одну и ту же форму деятельности*)

Неспособность к *совершенству* в труде — всего лишь следствие этого: одиночке никогда не наверстать пропущенных уроков

14 [209]

Эпохи, *правившие* человеком посредством *награды* и *наказания*, имели в виду некую более низкую, еще первобытную породу людей: это как с *детьми*...

В нашей поздней культуре эта фатальность <поведения> и вырождение совершенно *упраздняют* смысл награды и наказания...

— такое подлинное *направление* деятельности посредством перспективы награды и наказания предполагает молодые, крепкие, сильные расы...

у старых рас эти импульсы настолько *неодолимы*, что с ними не совладать одним только представлением...

не уметь оказать сопротивление появившемуся раздражителю, а чувствовать себя *вынужденным* сдаться на его милость: эта чрезмерная возбудимость декадентов делает абсолютно бессмысленными всякие карательные и *исправительные* системы...

**

Понятие «исправления» предполагает человека нормального и крепкого, чей отдельный поступок должен быть как-то *заглажен*, — тогда он еще *не потерян* для общества, не делается его *врагом*...

14 [210]

Всем видам декадентской морали свойственно рекомендовать такую практику, такой режим, которые *ускоряют* сам декаданс...

— как в физиологическом, так и в психологическом смыслах инстинкт *восстановления нарушенной целостности* и регенерации больше не работает...

— они полагают, будто есть такое *спасение*, такое *избавление*, которые сокрушают даже небытие, даже крайнее утомление;

— они выискивают во всех делах, состояниях и моментах *однородное*: пример — братья Гонкур...

14 [211]

Энергия здоровья сказывается у больных в *резком неприятии* всего *болезнетворного*...

в инстинктивной реакции, к примеру, у меня — против музыки...

14 [212]

Назначение женщины — продолжать семью, рожая и пестуя детей, назначение мужчины — зачинать их: этот

двойной долг, в исполнении которого вместе участвуют мужчина и женщина, освящен Писанием.

Кого надо считать наиболее виновными? Убийцу брахмана, того, кто употребляет хмельное, того, кто соблазняет жену своего духовного учителя

После совершения предписанного искупления он должен осудить их на смерть или на иные телесные наказания. Тому, кто соблазнил жену своего духовного учителя, он должен поставить на лоб клеймо, изображающее женские срамные части, тому, кто употребляет хмельное, — изображение приспособления для перегонки, убийце брахмана — изображение тела без головы.

14 [213]

Подобный кодекс законов резюмирует опыт, благоразумие и экспериментальную мораль долгих столетий: она подводит итоги, она завершает эпоху, она больше *ничего* не созидает —

Способы придать авторитет какой-то доставшейся большим трудом и издержками истине в корне отличны от способов ее *доказать*. Книга законов никогда не доказывает пользу или вред какой-нибудь нормы: она только показывает, что если человек не считается с законом, то есть если он не проявляет послушания, то последствия для него будут скверные.

Никакие естественные *скверные* последствия нарушения закона никогда не рассматриваются в отношении этой их естественности: скверные последствия — это всегда *сверхъестественное* наказание за несоблюдение предписания.

Проблема вот в чем: в какой-то момент истории народа его наиболее интеллигентный слой объявляет окончательно подытоженным опыт, определяющий, как надо и как не надо жить. Его цель — собрать, ничего не потеряв, как можно более богатый урожай длительных периодов эксперимента и опыта *неудач*...

То, от чего нынче нужно ограждать пуще всего, — возобновление экспериментов, стремление продолжать

пробы и отбор: перед этим стремлением — двойная защитная стена: 1) *откровение*, 2) *традиция*. То и другое — *священная ложь*: интеллигентное сословие, что изобретает их, понимает это так же хорошо, как понимал Платон.

Откровение: это утверждение, гласящее, что мудрость тех самых законов найдена не людьми, искавшими ее долго и мучительно трудно, но что она зараз была открыта *Божеством*...

Традиция: это утверждение, гласящее, что так уж повелось с древних пор. Этого довольно, чтобы подделать историю целого народа. (Пример — перетолкование евреями <своей истории> после изгнания: *стремление* неверно понимать свое прошлое.)

1) критиковать закон — это *безбожно*

2) это *кощунственно*, это преступление перед предками — это настраивает их против нас —

14 [214]

Жена, которая отвергает мужа за пристрастие к игре или к спиртному, вместо того чтобы ухаживать за ним, как за больным, должна быть заперта во внутренние покои на три месяца с запрещением любых нарядов и украшений (avis[1] Джорджу Элиоту!)

14 [215]

Видоизменение *естественных* последствий поступка.

уже нет никаких естественных последствий — просто непослушание наказывается, а добродетель награждается.

счастие, долгая жизнь, потомство — все это следствия добродетели, возможные благодаря вечному порядку вещей.

нечистоплотность, к примеру, запретна не потому, что ее последствия вредят здоровью, а наоборот, она вредит здоровью *потому, что запретна*...

**

Итак, *в общем и целом*: естественные последствия поступка изображаются как награда или наказание — смотря по тому, что разрешено, а что запретно...

---

1 Совет (*фр.*).

вдобавок необходимо, чтобы большая часть наказаний была как раз *не* естественной, а сверхъестественной, потусторонней, отнесенный исключительно к будущему...

* *

Итак, в общем и целом: любой ущерб, любая беда служат доказательством *провинности* — да даже любая низкая форма жизни (животные, к примеру).

Мир совершенен — но только если воздается должное закону. *Всяческое несовершенство* проистекает из несоблюдения закона.

* *

Высшая каста, будучи совершенной, обязана воплощать собой и счастье: а потому нет ничего более неуместного, чем *пессимизм* и *негодование*...

никакого гнева, никакого сопротивления злу —

аскеза — лишь средство достижения высшего блаженства, избавления от множественности

высший класс имеет *счастье* поддерживать существование остальных — ценою того, что ему приходится являть собою безусловное послушание, всяческую твердость, самопринуждение и строгость к себе: он хочет, чтобы на него смотрели как на самый почтенный сорт людей, даже как на самый изумительный, — стало быть, он имеет право наслаждаться не всяким видом счастья —

14 [216]

Критика закона

Конечный *смысл* подобной процедуры — шаг за шагом оттеснить *сознание* от жизни, понятой в качестве правильной, — таким путем можно добиться *совершенного автоматизма* инстинкта,

— то есть предпосылки *всяческого мастерства*

Действовать так-то и так-то — благочестиво, общепринято, это признак честного и благомыслящего человека, а в итоге:

происхождение, полезность и разумность предписаний *вытесняются* из сознания.

Важнейшее средство такого *вытеснения* — выход на передний план двух других, все и вся собою перекрывающих понятий: оба они *исключают* собственное размышление о происхождении закона и его <возможную> критику...

1) награда
2) наказание
«Любой, кто по царскому приказу принял наказание за проступок, попадет на небеса незапятнанным, столь же чистым, как и тот, кто творил лишь благое.»

Проявить тут абсолютное послушание — значит позаботиться о самосохранении высшего порядка, о том, что «одно только нужно»... Не проявить тут послушания — значит заслужить клеймо величайшего *безрассудства* —

Тут в игру вступает эгоизм — ведь теперь послушание и непослушание противостоят друг другу как *блаженство* и величайшее *самогубительство*

Для этого вся жизнь смещается в перспективу потустороннего — и понимается теперь как *чреватая последствиями* в самом ужасающем смысле...

— относительное бессмертие — это огромное *увеличительное стекло*, нужное для того, чтобы неслыханно усилить понятие наказания-награды.

Эти мудрецы в него не верят ... иначе они его и не изобрели бы...

14 [217]

Каста, отказавшаяся от всяческих усилий по защите и нападению, даже в мыслях, и педантично следующая понятию «добра»...

14 [218]

«Добрый человек» как плод декаданса, «покорный судьбе», понимающий губительность всякой вражды, всякой гневливости и желания отомстить, — слишком слабосильный для этого, *слишком слабонервный для этого*...

«Добрый человек», обладавший силой, всей полнотою власти, тип господина, *выбравший* для себя жизнь, избавляющую его от необходимости иметь инстинкты нападения и защиты..; передоверивший эти аффекты собственной *касте*... Вот такой теперь и творит себе «Бога» по своему подобию —

для него и мир оправдан: у всего плохого есть некая педагогическая задача, а именно — *наказание*...

14 [219]

Слабость воли: это метафора, способная ввести в заблуждение. Ведь никакой воли нету, а, стало быть, нету ни сильной, ни слабой воли. Множественность и дисгрегированность импульсов, отсутствие связывающей их воедино системы проявляется как «слабая воля»; их координированность с преобладанием одного из них проявляется как «сильная воля»; в первом случае—шатание и отсутствие центра тяжести, во втором—точность и ясность ориентации.

14 [220]

Религия жизнеутверждения

Величайшее почтение перед актом зачатия и семьей: ведь необходимо уплатить по счетам предков...

Инстинкт традиции, глубочайшее презрение ко всему, что нарушало традицию...

Инстинкт, направленный против *вырождения...*

Вот чем надо бы заняться: всем тем, что суммировано как выродившееся.

Отягощенные пороком
Душевнобольные.
Тяжко больные проказой
Потаскухи.
Художники.

14 [221]

Кастовый строй зиждется на том наблюдении, что есть три или четыре сорта людей, предназначенных каждый к своего рода деятельности и проявляющих себя наилучшим образом, когда все они занимаются этой деятельностью вследствие разделения труда...

Их существование, как и их деятельность,—это своего рода *преимущественное право.*

Иерархия каст—это всего-навсего санкционирование естественной дистанции между разными *физиологическими типами* (характерами, темпераментами и т.д.)—

Она—всего-навсего санкционирование опыта, но не предшествует ему и тем более не упраздняет его...

а) люди, *более развитые умственно* (ученые, знатоки, судьи, философы),—сословие поучающих;

b) *мускулистые* люди, военные—сословие защищающих;
c) те, что заняты торговлей, земледелием и скотоводством,—сословие питающих;
d) наконец, *низкая* (порабощенная) порода аборигенов, зачисленных в расу услужающих.

Исходная позиция тут везде—действительное и *естественное размежевание*: понятие касты всего лишь санкционирует естественное размежевание.

Святость семьи, солидарность родов—предпосылка всей этой конструкции: следовательно, она целиком и полностью должна быть *переведена* в сферу потустороннего.

Необходимо иметь сына, ибо *спасает* только сын... человек заключает брак, «чтобы погасить долги предков»

14 [222]

Современные пессимисты как декаденты:
Шопенгауэр
Леопарди Бодлер
Майнлендер Гонкур<ы>
Достоевский

была сделана безвкусная попытка причислить Вагнера и Шопенгауэра к душевнобольным: а ведь на деле совершенной истиной было бы подчеркнуть ярко выраженный физиологический декаданс самого их типа...

14 [223]

Евреи делают попытку добиться своего—после того, как у них исчезли две касты: солдат и землепашцев

В этом смысле они—«скопцы»

—у них есть жрец—и сразу после него чандала...

Естественно, дело у них дошло до краха, до восстания чандалы: таково происхождение *христианства*.

А поскольку *воина* они знали только как своего хозяина, то и в свою религию они внесли враждебность ко всему *лучшему*, к благородству, к гордости, к власти, к *господствующим* сословиям: евреи—негодующие пессимисты...

Тем самым они создали новый исходный расклад: жрец, возглавляющий чандалу,—

в пику *благородным сословиям*...

Христианство только довело этот процесс до логического конца: даже в иудейском жречестве оно учуяло касту привилегированных, знатных—

и *выкинуло жреца вон*—

Христианин—чандала, отвергающий жреца... Чандала, спасающий себя сам...

Вот потому-то *французская революция*—дочь и продолжательница *христианства*... У нее инстинкт неприятия церкви, знати, малейших привилегий——

14 [224]

Нельзя путать эти вещи: шудры, раса услужающих—это, вероятно, низший сорт народа, издревле обитавшего на той земле, на которой обосновались эти арийцы...

А вот понятие чандалы означает выродков из всех каст: тех, что непрестанно пополняют *свалку отбросов* и в свою очередь размножаются, вступая в браки между собою.

против них-то и обращен инстинкт здоровья расы. Проявлять в их отношении жесткость—значит «быть здоровым»: это *отвращение* к вырождению, отливающееся в великое множество моральных и религиозных формул...

Нет ничего более поучительного, чем составные части этого отребья как типа (тонкие и глубокие мудрецы древности знали то, чего другие не узнали—не знают и по сей день!!):

: что порок,
болезнь,
безумие,
чрезмерная нервозность,
свойственная людям
известных душевных задатков

} суть симптомы физиологического декаданса.

К декадентам они причисляли и *художников*...

14 [225]

Положим, отпали причины выдвигать эти самые *метафизические гипотезы*, положим, больше нет желания *управлять, воспитывать*, поддерживать существование своего типа как *высшего* и *первого*;

положим, вещи разумеются в духе чандалы: тогда, вероятно, вновь будет собрана вся цепь опыта и выводов,

которая древним служила предпосылкой их гипотез. Я имею в виду, что будет найдена «истина» — но как раз в *разрушении* всякого авторитета, всякого уважения ко всему традиционному, всех моральных предрассудков — и в этой работе мы *израсходуем* весь остаток унаследованной нами моральности...

тот облик, в каком нынче предстает наука, — это точный градусник, измеряющий *упадок* моральной и религиозной веры: исчерпав нашу «мудрость», мы разрушаемся, — ведь *на познание* мы израсходовали все позитивные силы... Ибо знание само по себе бессильно — а что касается «эгоизма», так в эту эпоху декаданса мы вовсе не уверены в том, что желаем для себя *выгоды*: импульсы чересчур сильны, чтобы польза оставалась руководящей точкой зрения. — Альтруизм, соучастие в жизни и чувствах другого всеми видами эмоций и состояний в таком случае — это еще одна болезнь-исполин: это совесть чандалы, слабость, связанная с наслаждением...

14 [226]

то, что создает мораль, кодекс законов, — это глубоко инстинктивное ощущение того, что совершенство в жизни и творчестве делается возможным только при условии *автоматизма*...

А мы нынче добрались до противоположной позиции, мы даже *стремились* до нее добраться — до крайней степени сознательности, самопонимания человека и истории...

тем самым мы на практике оказались дальше всего от совершенства в жизни, поступках, воле: наши желания, само наше стремление к познанию — симптом чудовищного декаданса... Мы стремимся достичь противоположности того, чего хотят добиться *сильные расы, сильные люди.*

— понимание — это *конец*...

То, что наука возможна в том смысле, в каком она существует сегодня, доказывает, что все стихийные инстинкты жизни, инстинкты *самообороны, защиты* — больше не работают. —

мы больше не копим — мы растрачиваем капиталы предков, даже в способе, каким мы *познаем* —

14 [227]

Слово «пессимизм», произвольное и в любом смысле случайное, — злоупотребление, распространяющееся, словно зараза: оно проходит мимо жизненно важной для нас проблемы — проблемы, какую являем собой мы сами —

речь не о том, кто прав, — спрашивается, не принадлежим ли мы к обреченным, к плодам упадка… В таком случае мы *судим* нигилистически.

Оказались противостоящими два образа мыслей — так, словно им предстоит сражаться за истину, меж тем как оба — лишь симптомы определенных состояний, меж тем как их *борьба* доказывает наличие кардинальной жизненной проблемы, а вовсе *не* проблемы для философов. Кто мы такие? — суть ли мы — — —

15. Весна 1888

15 [1]

Критика современных ценностей

Либеральные институты
альтруизм морали
социология
проституция
брак
преступник

15 [2]

Жизнь «восходящая» и жизнь нисходящая: высшие свои потребности и та, и другая пишут для себя на скрижалях ценностей.

Как это выходит, что все до одной высшие ценности, в которые верят люди, ———

15 [3]

Во всех случаях, когда иметь ребенка — преступление: у хронических больных и неврастеников в третьей стадии, но когда, со своей стороны, любое вето, налагаемое на половое влечение, сводится исключительно к благим пожеланиям (это влечение у такого рода обойденных жизнью нередко проявляется в прямо-таки отвратительной возбудимости), необходимо требовать, *чтобы деторождение не допускалось*. Подобного рода настоятельные и кардинальные требования почти неизвестны обществу. Тут недостаточно одного презрения, публичной диффамации как способа сдерживать в узде низменную слабость характера: против подобных преступлений надо было бы действовать без оглядки на сословие, чин и образование, посредством самых лютых денежных штрафов, а при необходимости и лишения свободы, изоляции. Пустить дитя в мир, жить в котором ты сам не имеешь права, — это хуже, чем отнять

жизнь. Сифилитик, от которого рождается ребенок, кладет начало целой цепи ущербных жизней, он воплощает протест против жизни, он — пессимист *на деле*: из-за него-то ценность жизни и впрямь снижается практически до нуля.

15 [4]

Проституцию не отменят; есть даже причины желать, чтобы ее не отменили. Стало быть, ее надо *облагородить* — надеюсь, понятно, что значит это «стало быть». Но отчего что-то становится презренным? Оттого, что его долгое время презирали. Поэтому впредь не следует презирать потаскух: тогда и у них не будет причины презирать самих себя. В конце концов, повсюду в этом отношении дело обстоит уже лучше, чем у нас: проституция во всем мире — вещь невинная и простая. В Азии есть культуры, где она даже пользуется большим почетом. Лежащее на ней позорное клеймо не имеет ничего общего с сутью дела — лишь благодаря противоестественности христианства оно налагается тою религией, что запятнала грязью даже само половое влечение!.. La fille canaille[1] — это специальность христианства: но и Европа представляет собою почву, благодатную для ее роста, а уж европейские мегаполисы суть места, где она произрастает пышнее всего... Вот вопрос-то: благодаря чему столица новогерманской империи явно занимает первое место в искусстве делать девиц гулящими девками?.. Вопрос-то позволительный, да стыдно ответить на него по-немецки...

15 [5]

Критика философии

В какой мере философия – феномен декаданса: Сократ. Пиррон.
Идиосинкразия философов в отношении чувств:
их «истинный мир».
Что *существует* страх перед чувствами и страстью...
Философы как *моралисты*: они подтачивают естественность морали.
Критика морального *исправления.*
раскаяния
философии сострадания

---

1 Гулящая девка (*фр.*).

Философ и убеждение.
Как истинный мир стал басней.

Критика искусства.

Критика религии

Религия.

Ее происхождение. <Ее> опасно-превратное понимание.

К истории понятия Бога.
Язычество. Христианство.
Христианский идеал.
Какую опасность несет с собою христианство.

15 [6]

1

Искусство Вагнера было подобно извержению: оно было последним нашим великим событием в искусстве. И как вулканически все бушует с тех пор повсюду! Прежде всего — очень громко: нынче слух уж не для того, что прежде, — *чтобы* понимать!.. Слух-то есть — но едва ли не для того, чтобы больше ничего не понимать!.. Остается непонятым главным образом сам Вагнер. Он и по сей день — terra incognita. И покамест его боготворят. А вот есть ли еще желание его понимать? Типичный вагнерианец, существо в любом отношении квадратное, в Вагнера верует: и притом наверняка в квадратного Вагнера... но Вагнер был каким угодно, только не квадратным — Вагнер был «вагнеровским». Я спрашивал себя, да есть ли на свете вообще человек современный, хворенький, беспринципный и достаточно пронырливый, чтобы считаться подготовленным к проблеме «Вагнер»? Если где и есть, так только во Франции: Ш. Бодлер, к примеру. Может быть, и братья Гонкуры. Авторы «Фаустины» уж наверное разгадали бы кое-что в Вагнере... да им не хватало глубокого понимания музыки. Но разве не было ясно, что музыканты все до одного — отнюдь не психологи? Нежелание знать что-нибудь из этой сферы подразумевает само их ремесло — нет, даже дух их ремесла... они перестали бы себе доверять, если бы разгадали себя... Словам и понятиям они не зря говорят «прощай» — это стремление к бессознательности... Отсюда следует нечто удручающее: либо человек — музыкант, и тогда

он не понимает господ музыкантов (включая и самого себя), но зато понимает музыку. Или же он — психолог: и тогда он, скорее всего, недостаточно понимает музыку, а стало быть, и господ музыкантов... А это уж *антиномия*. И потому до сего дня *музыканту* остается только болтать о Бетховене с таким же успехом, как и о Вагнере.—

2

К счастью, Вагнер был музыкантом лишь в ничтожно малой степени: Вагнер как целое был чем угодно другим, только не музыкантом, а даже, скорее, его противоположностью. В его лице на немцев свалился самый необычайный гений драмы и театра, какой когда-либо у них был. В Вагнере ничегошеньки не понимает тот, кто не понимает его с этой стороны. Неужто Вагнер был немцем, обладая именно такими инстинктами?.. Но ведь очевидно противоположное. Великие мужи выпадают немцам в виде исключений и даже нарушений их *правил*: Бетховен, Гёте, Бисмарк, Вагнер — четыре наших последних великих мужа — из них из всех можно строжайшим образом вывести то, что в основе своей — *не*немецкое, вненемецкое, антинемецкое...

3

Вагнер был музыкантом в столь малой степени, что принес в жертву все законы музыки, а, говоря точнее, музыкальный *стиль* вообще, чтобы сделать из нее своего рода риторику, средство выражения, усиления, суггестии, психологической живописности. Вагнерова музыка, если судить о ней не с точки зрения театральной зрелищности и театральной солидности, а как о чистой музыке, — это просто *скверная* музыка, это чудовищная музыка: я еще не встречал никого, кто этого не знал бы. Простаки думают, будто льстят ему, заявляя, что Вагнер-де создал *драматический* музыкальный *стиль*. Этот «драматический стиль», говоря без околичностей, возвел в принцип бесстилие, противостилие, стилевую импотенцию: понятая так, драматическая музыка — это всего лишь синоним «сквернейшей музыки из всех возможных»... Обижает Вагнера тот, кто хочет сделать из него музыканта.

4

Музыка Вагнера сама по себе невыносима: для спасения от нее потребовалась драма. И тогда как-то внезапно начинаешь понимать, что даже такое, словно бы изрезанное и сведенное к простейшим основам искусство может быть магичным! У Вагнера есть какое-то жутковатое понимание всего простейшего в воздействии, какое оказывает музыка: его без преувеличения можно назвать величайшим мастером гипноза — и это даже в нашу эпоху дураков и кудесников. Он извивается, он изощряется, он кружит, он делает пассы — и его понимают... и вот уж бабенки цепенеют... Вагнер как музыкант не имеет ни малейшего представления о какой-то там совести музыканта: он хочет воздействовать, он делает ставку на оптику миража... Нет ничего более чуждого ему, чем тайные монологи чего-то божественного в музыке Бетховена, чем самоизлучение одиночества в звуке, чем стыдливость даже в самораскрытии... Вагнер не знает сомнений, как не знал сомнений Шиллер, как не знают сомнений все люди театра: если надо, он использует веру слушателя в то, что тот слышит как раз такую, *другую* музыку, — он делает ее. И нам *кажется*, будто он ее и впрямь делает: обманываемся даже мы, циники... После-то мы хорошо понимаем, что обмануты: но что человеку театра до какого-то «после»!.. На его стороне — настоящее: Вагнер абсолютно убедителен. «У Вагнера нигде не найти настоящего контрапункта», — говорит это «после». Да уж ладно! Мы же в театре, и довольно только верить в то, что таковой у него есть...

5

Воздействие вагнеровского искусства глубоко, но прежде всего — это искусство *давит*: а почему так? Дело тут отнюдь не в музыке, как можно понять из сказанного раньше: мы попросту не выдержали бы этой музыки, если б уже не были захвачены в плен чем-то совсем *другим*, словно бы *утратив свободу*. Это другое — вагнеровский *пафос*, в придачу к коему он просто присочинил свою музыку. Есть в этом пафосе чудовищная убедительность, от него перехватывает дыханье, он не позволяет исчезнуть какому-то предельному ощущению; есть и ужасающая *продол-*

жительность воздействия этого пафоса, которой Вагнер нас побеждает и будет побеждать всегда – а напоследок и вовсе заставит поверить в свою музыку... Да разве бывают гении с таким пафосом? Или хотя бы только *могут* быть?.. До сих пор под гением художника понимали его подчиненную закону величайшую свободу, его божественную легкость, его беспечность в самом трудном. Дозволительно ли говорить: «Вагнер тяжел, тяжел, как гиря,– стало быть, не гений»? Но, может быть, несправедливо возводить легкостопие на степень божества. Другой вопрос, недвусмысленный ответ на который очевиден, гласит: разве можно назвать Вагнера с его вот таким именно пафосом – *немецким*? *немцем*? Да ни за что на свете! Уж скорее – исключением из всех исключений..!

6

Чувствительность Вагнера – не немецкая: тем более немецкая повадка у его духовного склада и образа мыслей. Мне прекрасно известно, почему немецким юношам так неописуемо приятно у него в гостях, посреди всей этой вагнеровской глубины, разнообразия, полноты, своеволия, духовной необязательности: ведь там они – как у себя дома! Изнывая от восторга, слышат они, как мягкий рокот доносит из неимоверной дали великие символы и загадки. И их не раздражает, если то и дело на душу накатывает что-то серое, мерзкое и холодное: они ведь все как один сроднились со скверной погодой, с *немецкой* погодой!.. Они не чувствуют нехватки того, что зияет нехваткою для нас, *других*: остроумия, огня, изысканности; логики широкого охвата; духовного задора; непомраченности; сверкающего неба с его созвездиями и переливами света...

7

Чувствительность Вагнера не имеет отношения к Германии: но ее можно различить в ближайших родственниках Вагнера, во французских романтиках. Страстность, как ее понимает Вагнер, в любом смысле противоположна «свободомыслию страсти», если пользоваться выражением Шиллера, присущей немецко-романтической чувствительности. Шиллер – настолько же немец, насколько Вагнер – француз. У его героев, у его Риенци, Тангейзера,

Лоэнгрина, Тристана, Парсифаля, без сомнения, есть в жилах кровь — да только кровь уж точно не немецкая! Ну а уж коли они полюбят, эти герои, — что ж, станут они любить немецких барышень?.. В этом я не уверен — а еще больше не уверен я в том, что они полюбят именно вагнеровских героинь, этих бедняжек, этих подопытных кроликов для всякого рода невротически-гипнотически-эротических экспериментов парижских психиатров! А заметил кто-нибудь, что ни одна из них не рожала? Да они просто *не могут*!..

8

Нынче предпочитают все больше помалкивать о том, скольким Вагнер обязан Франции, насколько он сам — парижанин. Художническое честолюбие широкого размаха — даже оно у Вагнера французское... А большая опера! А состязание с Мейербером! И притом средствами самого Мейербера! Да что в этом немецкого?.. А напоследок возьмем и самое главное: что характеризует вагнеровский артистизм? — гистрионизм, переложение всего на язык сцены, искусство étalage[1], стремление произвести впечатление ради самого впечатления, дух исполнительства, выставительства, подражательства, изображательства, многозначительства, притворительства: это что — *немецкого* кроя талант в каком бы то ни было жанре?.. Тут — увы, нам это слишком хорошо известно! — по сию пору было наше слабое место, и негоже нам делать хорошую мину при плохой игре!.. *А ведь это все — дух Франции!..*

15 [7]

Романтизм

Натурализм

15 [8]

Прогресс VI

Не обмануться бы нам! Время бежит вперед — и нам хотелось бы думать, будто бежит вперед и все, что в нем... будто развитие — это развитие поступательное... Но это видимость, соблазняющая даже самых искушенных: ведь

---

1 *Здесь*: показушности (*фр.*).

девятнадцатое столетие ничуть не продвинулось вперед в сравнении с шестнадцатым, а немецкий дух 1888 года — шаг назад от немецкого духа года 1788-го... «Человечество» не шагает вперед — оно даже не существует... Обобщающий взгляд дает картину какой-то чудовищной экспериментальной мастерской, где удается лишь кое-что, рассеянное по всем эпохам, а насмарку идет неисчислимо многое, и тут нет никакого порядка, логики, связи и обязательности... Как мы могли не распознать, что пришествие христианства — это декаданс?.. Что немецкая Реформация — рецидив болезни христианского варварства?.. Что революция разрушила инстинкт великой организованности, возможность общества <как таковогo>?.. Человек не представляет собою прогресса в отношении животного: цивилизованный неженка — уродец в сравнении с арабом или корсиканцем; китаец — удачный тип, к тому же он долговечнее европейца...

15 [9]

Иисус: Достоевский

Я знаю лишь одного психолога, жившего в мире, где возможно христианство, где в любой момент может появиться какой-нибудь Христос... Это Достоевский. Он *разгадал* Христа — и инстинктивно пуще всего остерегался представлять себе этот тип с вульгарностью, свойственной Ренану... А в Париже-то думают, будто Ренан страдает чрезмерной тонкостью!.. Да можно ли впасть в более злополучное заблуждение, превращая Христа, который был идиотом, в гения? Выдумывая для Христа, полной противоположности героизма, роль героя?

15 [10]

Что такое трагическое

Я уже не раз затрагивал больной вопрос — огромное непонимание, проявленное Аристотелем, полагавшим, будто сущность трагических аффектов заключается в двух *подавляющих* человека аффектах — страха и сострадания. Будь правда на его стороне, трагедия представляла бы собою опасное для жизни искусство: тогда следовало бы предостерегать от нее как от чего-то безусловно вредного и сомнительного. Искусство, на самом деле являющее собою

великий стимул к жизни, упоение жизнью, волю к жизни, в этом случае, на службе тенденции упадка, словно служанка пессимизма, *угрожало бы здоровью.* (Ведь мысль Аристотеля, думавшего, по всей видимости, что человек «очищается» от этих аффектов через их возбуждение, попросту неверна.) То, что по привычке вызывает страх или сострадание,—то и дезорганизует, обессиливает, лишает мужества; а если бы, положим, Шопенгауэр оказался прав в том, что из трагедии следует выводить резиньяцию, то есть безропотный отказ от счастья, от надежды, от воли к жизни, то это было бы искусство, в котором искусство отрицает само себя. Тогда трагедия была бы равнозначна процессу разложения, в котором инстинкты жизни разрушались бы уже в самом инстинкте искусства. Христианство, нигилизм, трагическое искусство, физиологический декаданс—все это подало бы друг другу руки, все это тут же добилось бы победы, все это погнало бы друг друга вперед—*вниз!..* Трагедия была бы симптомом упадка.

Эту теорию можно опровергнуть самым хладнокровным из всех способом: измеряя воздействие трагической эмоции посредством динамометра. И мы получим тот результат, который психологически неразличим только для этих до предела завравшихся систематизаторов: а именно, что трагедия—это *tonicum*[1]. И если Шопенгауэр этого понять не *желал*, если он определял общую депрессию как трагическое состояние, если он намекал грекам (которые, к его досаде, не впадали в «резиньяцию»...) на то, что они отнюдь не вершина мировоззрения,—то это все—parti pris[2], логика системы, фальшивка систематизатора: одна из тех злостных фальшивок, что шаг за шагом погубила Шопенгауэру всю его психологию (он, который прихотливо-насильственно перевернул понимание гения, самого искусства, морали, языческой религии, красоты, познания и почти всего...

Аристотель

Аристотелю хотелось, чтобы трагедию можно было понять как слабительное средство от сострадания и стра-

---

1 Укрепляющее средство (*лат.*).

2 Предвзятое мнение (*фр.*).

ха, как полезную разрядку двух чрезмерно скопившихся болезненных аффектов...

Другие аффекты действуют укрепляюще, и лишь два угнетающих аффекта (а по этой причине они особенно вредоносны и губительны для здоровья) — сострадание и страх — должны быть, по Аристотелю, выведены из человека посредством трагедии, словно посредством слабительного: трагедия, сверх всякой меры возбуждая эти опасные состояния, избавляет человека от них — она исправляет его. Трагедия — *курс лечения* от сострадания.

15 [11]

Вы нынче — единственный музыкант, пишущий музыку, которая мне по сердцу: справедливо ли прилагать к Вам все то, что у меня на сердце против нынешней музыки?

Вкус к музыке Вагнера компрометирует. Говорю так, исключая при этом себя, — я-то себя уж *скомпрометировал*.

15 [12]

К критике Вагнера

Музыка Вагнера — *антигётевская*.

Гёте на самом деле нет в немецкой музыке, как нет его и в немецкой политике. Но зато как много Шиллера, а точнее говоря, как много *Тэклы* — в Бетховене!

Много добропорядочности, много елейности:

у Вагнера нет идей, точь-в-точь как у В. Гюго: но он умеет запугать нас одним только знаком вместо идеи до такой степени — — —

я ищу причины *крайнего изнеможения*, которое несет с собою искусство Вагнера

изменённая оптика:
физиологическое сопротивление:
  дыхание
  походка
постоянное перебарщивание:
тайный тиранический умысел:
возбуждение ослабленных нервов
  и центров средствами террора:
его ощущение *времени*

15 [13]

Некое предисловие

Я имею счастье — а вместе с тем, быть может, даже и честь — после целых тысячелетий блужданий и заблуждений вновь отыскать путь, ведущий к некоему Да и некоему Нет.

Я учу говорить Нет всему, от чего человек слабеет, что обессиливает его.

Я учу говорить Да всему, что сообщает силу, что ее собирает, что <внушает> гордость — — —

До сей поры никто не учил ни одному, ни другому: учили добродетели, самоотречению, состраданию, учили даже отрицать жизнь... Все это — ценности утомленных.

Длительные раздумья над физиологией утомления побудили меня задаться вопросом, сколь далеко мнения утомленных проникли в мир ценностей.

Ответ, к которому я пришел, был предельно обескураживающим — даже для меня самого, знающего толк во всем странном: я обнаружил, что все высшие ценностные суждения, захватившие господство над человечеством, по крайней мере над одомашненным человечеством, восходят к мнениям утомленных.

Я нахожу в первую голову необходимым учить о том, что преступление, целибат, болезнь — последствия утомления...

Я извлек эти разрушительные тенденции на свет из-под священнейших слов; Богом назвали то, что обессиливает, что учит бессилию, что заражает бессилием... я нашел, что «добрый человек» — это форма самоутверждения декаданса.

Я понял, что та добродетель, о которой еще Шопенгауэр учил, будто она — высшая, единственная, будто она составляет основу всех прочих добродетелей — а это будет как раз сострадание, — гораздо опаснее, нежели любой порок. До основания перечеркнуть процесс отбора лучших из рода, его очищение от отребья — вот это-то до сих пор par excellence и называлось добродетелью...

Расы, породы гибнут не из-за порока, а из-за своего невежества: они гибнут, потому что не распознают утомления как именно утомления: физиологическая путаница —

причина всяческого зла, поскольку утомленные склонили инстинкт расы упрятывать самое лучшее и <по этой причине> утрачивать центр тяжести... Пасть ниц – отвергнуть жизнь: надо же было – воспринять такое как подъем, как просветление, как обожествление

Добродетель – наше величайшее недоразумение.

Проблема: как утомленные дошли до того, что уже диктуют законы ценностям?

Иначе говоря, как они пришли к власти, они, самые ничтожные?.. Познай историю! Как животный инстинкт человека доходит до того, чтобы перевернуться с ног на голову?..

Хотелось бы мне уточнить понятие «прогресс», да я боюсь, что для этого мне придется бросить вызов прямо в лицо современным идеям (– утешает меня лишь то, что лиц у них нет – есть только *личины*...

Больные члены необходимо ампутировать: первейшая мораль общества.

Исправление инстинктов: их избавление от невежества...

Презираю тех, которые требуют от общества, чтобы оно обезопасило себя от своих вредителей. Этого далеко не достаточно. Общество – это тело, ни одному члену которого нельзя болеть, если оно не хочет вообще попасть в беду: больной, гниющий член необходимо ампутировать, и я назову своими именами *подлежащие ампутации типы* в обществе...

Следует отдать должное *злому року*, тому року, что говорит слабому: погибни...

Богом назвали противление року, – то, что испортило человечество, то, из-за чего оно загнило... Не дóлжно упоминать имени Божьего всуе...

Мы уничтожили почти все психологические понятия, за которые цеплялась прежняя психология, – а это значит, и философия!

мы не признаем, что существует воля (не говоря уж о «свободной воле»).

мы не признаем сознание как единство и способность.

мы не признаем, что <нечто> мыслится (ведь у нас нет ни того, *что* мыслит, ни равным образом и того, что мыслится

мы не признаем, что существует какая-то реальная каузальная связь между мыслями — в том смысле, в каком в нее верует логика

Мое сочинение обращено против всех естественных типов декаданса: я в самом полном объеме изучил феномены нигилизма

то есть прирожденных разрушителей — — —

15 [14]

Простите меня! Все это — старая песня образца 1830-го. Вагнер верил в любовь, как и все романтики этого буйного и оголтелого десятилетия. Что ж от этого осталось? Безумное обожествление любви, а заодно и необузданности, даже преступления — каким фальшивым все это кажется нам сегодня! И всего раньше — каким поношенным и ненужным! Мы стали более взыскательными, суровыми, нетерпимыми к такой вульгарной психологии, которая к тому же и вообще мнила себя «идеалистической», — даже более циничными в отношении к этой лжи и романтике «прекрасных чувств» —

15 [15]

Нужно быть уж очень отсталым (или *отойти* вспять), чтобы сегодня еще верить в то, что существует проблема Вагнера! Не говоря уж о вагнерианках!

Это все — хворый народец, несмотря на все свое чванное богатырство... Вы заметили, что ни одна из них никогда не рожала? Да они просто *не могут*... А уж коли появится исключение, то за что хватается Вагнер, дабы мы поверили в то, что это — и впрямь исключение?.. Вы догадываетесь — — только в этом пункте Вагнер и *исправил* древнее сказание...

Неужели для Вас выносимы вагнеровские герои? Все эти невозможные типы, какими он их вывел на сцену и положил на музыку? С первобытными мышцами и нервами послезавтрашнего дня? Герои — но при этом *нервные*! Да любой физиолог скажет на это: так не бывает!

Ну да — тем самым он не дал отвернуться от себя женщинам от мала до велика: они таких героев любят, они любят, может быть, даже невозможное...

И уж, конечно, они любят белокурых святых — тип Парсифаля: все то, в чем есть *доисторическая* чувственность... Сколько же нежного любопытства инспирирует такой вот случай! Какое безоглядное одобрение он *разрешает*!.. Словом, Бомарше подарил женщинам своего Керубино, Вагнер — своего Парсифаля... <Он оказался> умнее —

15 [16]

Вагнер как образец.

Вагнер как опасность.

Вагнер и *евреи*

«Женщины» у Вагнера: ему известны лишь истерички. Почему именно тут *иллюзия* становится все более невыносимой?

Вагнер и драматическая форма

Отношение Вагнера к Франции — «европейское»

Отношение Вагнера к христианству и культуре:

— романтик и нигилист —

типичный метаморфоз, с закономерным возвращением к христианству на последней стадии.

15 [17]

Христианство...

абсолютно определенное *Нет*...

Что я не прощаю Вагнеру его «Парсифаля» по некоей иной причине, об этом Вы знаете. Это вопрос добросовестности — и, если хотите, иерархии. Все зависит от того, кто на какой стороне.

Кто сегодня кажется мне двусмысленным в своем отношении к христианству, тот, по-моему, безнадежен. Порядочность тут может состоять только в одном: в безусловном Нет, в несогласии и в мыслях, и на деле... Кто скажет мне, что существует что-нибудь еще более развенчанное, что-нибудь столь же окончательно осужденное всяким высшим чувством ценности, как христианство? Распознать в нем совращение как именно совращение, распознать в нем великую опасность, путь, ведущий к небытию, но умеющий преподносить себя как путь к Божеству, а пресловутые вечные ценности распознать как ценности клеветнические, — чем же еще нам и гор-

диться, в чем же еще может заключаться наша заслуга перед двумя тысячелетиями?..

15 [18]

Философ

Серьезность

* *

А вся эта глубокая серьезность: разве она уже не сама по себе — болезнь? И *первый* случай обезображивания?

Склонность к безобразному пробуждается одновременно с пробуждением серьезности; воспринимая вещи всерьез, человек уже их *искажает*...

Пускай кто-нибудь попробует принять женщину всерьез: какой безобразной тотчас предстанет и первейшая красавица!..

* *

Трудно сохранить тут серьезность. В таких делах невозможно разбираться с похоронным выраженьем на лице... И как раз добродетели от роду присущи такие жесты, что надо страдать несварением желудка, дабы вопреки всему поддерживать ее достоинство.

* *

Смех — вот в общем и целом если не самый благоразумный, так по крайней мере самый мудрый ответ на подобные вопросы...

15 [19]

Христианство

До сей поры на христианство всегда нападали не просто робко, а прямо-таки неверно. Покуда мораль христианства не воспринимается как *главное преступление против жизни*, его защитникам обеспечены сильные козыри. Вопрос об одной только «истинности» христианства, будь то в отношении бытия его Бога или историчности легенды о возникновении его самого, не говоря уж о христианской астрономии и естествознании, — дело совершенно побочное, покуда не затронут вопрос о ценности христианской морали. *Годится* ли на что-нибудь мораль христианства, или она — стыд и срам, несмотря на все священное достоинство, каким обладает его искусство совращения?

Для проблемы истинности всегда найдется какая-нибудь темная нора; в конце концов, верующие из верующих могут пользоваться логикой неверующих из неверующих, чтобы получить право на объявление некоторых вещей неопровержимыми — на том основании, что они-де *за пределами* способов всякого опровержения (— такая уловка нынче зовется «кантовским критицизмом» —

15 [20]

К плану

1. Мир истинный и мир видимый
2. { Философы как образчики декаданса
3. Религия как выражение декаданса
4. Мораль как выражение декаданса }
5. *Встречные движения*: почему они не имеют такой силы.
6. Что характерно для нашего современного мира — утомление или подъем? Его раздробленность и взбудораженность обусловлены высочайшей формой сознательности
7. Воля к власти: все большая сознательность воли к жизни...
8. *Медицина* будущего.

8 : 600 | 70 страниц
56
40

К 1) «Мир истинный и мир видимый»

1) такое сопоставление низводит «видимый мир» на ступень ниже
2) еще раз продумать: вовсе не нужно, чтобы тем самым был понижен в ранге видимый мир.

15 [21]

Целомудрие VII

В случае индусских жрецов следует принять во внимание не только свойственную всем жрецам злобу к чувственности (— как раз в этом-то они все сходятся: чувственность для них — личный враг). Главное то, что лишь крайняя строгость в этом отношении поддерживает весь созданный ими порядок — понятие каст, дистанцию между ними, чистоту каст...

Они *требуют* брака со всею строгостью и, подобно китайцам, являют собою полнейшую противоположность европейской дряблости: они считают, что иметь сына — религиозный долг каждого, а личное спасение человека на том свете зависит для них от того, есть ли у него сын. Трудно переоценить значение подобных взглядов, взглядов в сто раз более достойных и серьезных, чем, к примеру, тех, что имеются на сей счет у христианства. В нем брак считается просто соитием и ничем больше — уступкой человеческой слабости и чем-то pis[1] всяческого блуда.

15 [22]

К этой сквернейшей из всех возможных музыке, к этой авантюрно несущейся вперед от такта к такту взвинченности, бесформенности, делающей вид, будто она — страсть, а на деле — нижайшая ступень эстетического одичания, — к ней я не знаю снисхождения: с этим надо покончить.

15 [23]

Ренессанс и Реформация

Что *доказывает* Ренессанс? Что царство «индивидуума» может быть только недолгим. Слишком велико расточительство; нет даже возможности собирать, накапливать, а на пятки уже наступает утомление. То были времена, когда все *тратилось попусту*, когда растрачивалась даже способность собирать, копить, откладывать одно сокровище за другим... И даже противники подобных движений вынуждены были бессмысленно растрачивать силы; даже они изнемогали, сходили на нет, высыхали до дна...

В Реформации мы имеем иссушающий и вульгарный дубликат итальянского Ренессанса, возникший по сходным мотивам, с тою только разницей, что на отсталом, на не вышедшем из пошлости Севере им пришлось облачиться в религиозные одежды, — там понятие о более высокой жизни еще не отделилось от понятия жизни религиозной.

В Реформации индивидуум тоже стремится к свободе; «каждый будь себе священником сам» — это тоже фор-

---

1 Похуже (*фр.*).

мула вольнодумия. А на деле довольно было одного только слова — «евангельская свобода», и вот уж все инстинкты, не без оснований укрывавшиеся во мраке, как с цепи сорвались, как по команде подняли голову самые зверские потребности, все стало казаться оправданным... Тогда остерегались понимать, о какой свободе, в сущности, шла речь, на себя же старались не смотреть... Но как ни зажмуривали глаза, как ни смазывали уста елеем восторженных речей, это не помешало рукам хватать все, что плохо лежит, не помешало брюху стать Богом «Евангелия свободы», не помешало всем страстям мстительности и зависти удовлетворить свое ненасытное бешенство... Это длилось какое-то время; потом настало утомление, совершенно так же, как оно настало и на юге Европы; и здесь это была опять-таки *пошлая* разновидность утомления, некое всеобщее ruere in servitium[1]... В Германии настал век *непристойности...*

15 [24]

Сравнение индусского кодекса законов с христианским необходимо; нет лучшего способа проникнуться пониманием незрелости и дилетантства христианского поползновения в целом.

15 [25]

IX

Если благодаря упражнению, длящемуся на протяжении целого ряда поколений, мораль оказывается словно бы сложенной в копилку, — а с нею и тонкость, предусмотрительность, смелость, справедливость, — то общая сила этой накопленной добродетели излучается даже вплоть до сферы, где порядочность — вещь наиболее редкостная: до сферы *ума.*

Во всяком росте сознательности выражается некоторое недомогание организма: надо рискнуть на что-то новое, но того, что есть, для этого не хватает, а отсюда натужность, напряженность, чрезмерная раздражимость: вот это и *есть* рост сознательности... Гений живет инстин-

1 Впадание в низость (*лат.*).

ктом; доброта тоже. Действие совершенно, только если оно инстинктивно. Даже если судить с точки зрения морали, всякое мышление, протекающее сознательно, — это просто потуги и, как правило, антипод морали. Научная порядочность сразу же повисает в воздухе, как только мыслитель принимается резонерствовать: надо бы его проверить, надо бы взвесить со скрупулезной точностью и самых мудрых, заставив их читать мораль...

Можно ведь доказать, что всякое мышление, если оно протекает сознательно, окажется и на гораздо более низкой ступени нравственности, нежели мышление того же человека, когда им руководят *инстинкты*.

Наиболее редкостное качество у философов — *интеллектуальная порядочность*: утверждают ли они противоположное или и сами так думают. Но их ремесло само по себе уже предполагает, что принимаются только строго определенные истины; они знают, что́ *надо* доказывать, они чуть ли не ощущают себя философами, лишь если приходят к согласию насчет этих «истин». В их числе, к примеру, моральные истины. Однако же вера в мораль — это еще отнюдь не доказательство моральности <самого верующего>: бывает — и случай философов как раз относится сюда, — что такого рода вера уже и есть *неморальность*.

15 [26]

Нынче, когда на виноградниках немецкого духа свирепствует риноксера

15 [27]

у чьей груди ученая молодежь вкушает нынче молоко науки, профессора и прочие возвышенные кормилицы

15 [28]

Во все эпохи «прекрасные чувства» принимали за аргументы, «вздымающуюся грудь» — за мехи, раздуваемые божеством, убеждение — за «критерий истины», затруднительное положение оппонента — за сомнительность его мудрости: эта лживость, эта чеканка фальшивой монеты проходят через всю историю философии. И ни у кого, исключая почтенных, но весьма малочисленных скептиков,

нельзя приметить ни следа инстинкта интеллектуальной порядочности. А напоследок Кант в простоте душевной попытался придать наукообразный вид этой порче мыслителей: он изобрел понятие «практического разума» — особого разума, когда уже не надо беспокоиться о разумности, коль скоро слово берут запросы сердца, говорит мораль, говорит долг

15 [29]

Декаданс X

Не следует смешивать два типа морали: одну мораль, с помощью которой сохранивший здоровье инстинкт обороняется против начинающегося декаданса, и другую мораль, с помощью которой как раз этот самый декаданс себя оформляет, оправдывает и толкает себя еще глубже вниз... Первая обыкновенно бывает стоической, суровой, тиранической — такого рода тормозящей моралью был и сам стоицизм, вторая — мечтательной, сентиментальной, исполненной таинственности: на ее стороне бабы и «прекрасные чувства».

15 [30]

Декаданс

«Избавление от всяческой вины»

Говорят о «большой несправедливости» общественного договора — как будто то обстоятельство, что один родился в хороших условиях, а другой — в дурных, уже само по себе какая-то несправедливость; а не то и вовсе, будто несправедливость — что один родился, наделенный такими качествами, а другой — другими. Со стороны наиболее искренних из этих врагов общества доносятся заявления: «Мы и сами, со всеми нашими скверными, болезненными и преступными наклонностями, в которых готовы признаться, — лишь неизбежные *следствия* извечного угнетения сильными слабых»; они записывают свой характер на счет совести высших сословий. И угрожают, сердятся, проклинают; становятся добродетельными от негодования — никто не хочет быть дурным человеком, сволочью просто так... Эту позу, изобретение последних десятилетий, еще называют, сколько я слышал, пессимизмом, да к тому же

пессимизмом негодования. Тут притязают на то, чтобы судить историю, лишить ее свойственной ей фатальности, найти витающую за нею ответственность, а в ней самой — *виновных.* В этом-то все и дело: нужны виновные. Обойденные жизнью, декаденты всякого рода восстают на себя и нуждаются в жертвах, дабы не пришлось утолять свою жажду разрушения за счет себя самих (что вообще-то, вероятно, было бы не лишено смысла). Для этого им нужна видимость права, то есть теория, по которой они имели бы право *сваливать* факт своего существования, своеобразия своей натуры на какого-нибудь козла отпущения. Этим козлом отпущения может быть Бог — в России хватает таких атеистов из ressentiment'а — или общественный строй, или воспитание, или школа, или евреи, или знать, или *баловни жизни* всякого рода вообще. «Родиться в хороших условиях — преступление: ведь из-за этого другие теряют свою долю, оттесняются, обрекаются на порок, даже на *труд*»... «Я жалок, да — но *я-то* тут ни при чем! А кто-то ведь должен быть при чем, *иначе жить невозможно!*»... Короче говоря, пессимизм негодования *выискивает* ответственных, чтобы насладиться *приятным* чувством — чувством отмщения... Из древних еще Гомер считал, что оно «сладостней меда». —

2

В том, что к такого рода теории уже не проявляют разборчивости, то бишь не встречают ее презрением, — заслуга изрядной порции *христианства*, которая все еще есть у нас у всех в крови: и вот мы терпим некоторые вещи только оттого, что от них издали доносится душок христианства... Социалисты взывают к христианским инстинктам, и это еще самая тонкая из их уловок... Мы приучены христианством к суеверному понятию «души», к «бессмертной душе», к душе-монаде, которая-де у себя дома где угодно, только не здесь, и лишь случайно как бы ниспала в те или иные условия, в «земную юдоль», став «плотью», — но это не затронуло ее сути и уж заведомо на нее никак не *повлияло.* Общественные, семейственные, исторические условия для души — лишь те или иные положения, скорее затруднительные; в любом случае она — не их рук *дело.*

В таком понимании индивидуум делается трансцендентным и потому притязает на какую-то нелепую важность. На деле же лишь христианство спровоцировало индивидуума взять на себя роль судьи над всеми и каждым и чуть ли не вменило ему в обязанность манию величия: ведь нужно отстаивать *вечные* права перед лицом всего временного и условного! Что там государство! Что там общество! Что там законы истории! Что там физиология! Тут возвещает о себе то, что за пределами становления, — вечная основа всей истории, тут возвещает о себе нечто бессмертное, нечто божественное — *душа*! Второе, не менее безумное понятие христианства, еще глубже въевшееся в плоть нынешнего мира, — это понятие *равенства душ перед Богом*. В нем уже содержится прототип всех теорий *равных прав*: сперва человечество научили бессмысленно бормотать о равенстве на религиозный лад, а потом навязали в виде морали — и что ж тут странного, если в итоге человек начинает относиться к нему сугубо серьезно, усваивает его *практически*! Иначе говоря, политически, демократически, социалистически, негодующе-пессимистически...

Всюду, где шли поиски ответственных, их искал *инстинкт отмщения*. За тысячелетия этот инстинкт отмщения в такой степени завладел человечеством, что им отмечены всяческая метафизика, психология, историческая теория, но прежде их всех — *мораль*. Когда человек начинал мыслить, он привносил в предметы своего мышления бациллу отмщения. Он заразил им даже Бога, он лишил невинности сущее в целом, усматривая исток любого конкретного сущего в воле, в намерениях, в поступках, за которые надо отвечать. Все учение о воле, эта роковая *подделка* прежней психологии, было изобретено главным образом для целей отмщения. А тем, что взяло на себя ручательство за достоинство, власть, истинность этого понятия, была общественная *полезность* наказания. Отцов-основателей наиболее древней психологии — психологии воли — следует искать в тех сословиях, в руках которых было право карать, и прежде всего — в сословии жрецов, возглавлявших древнейшие общества: они стремились обеспечить себе право осуществлять отмщение — или оставить такое право отмщения за *Богом*. Для этого пона-

добилась идея о человеческой «свободе»; для этого понадобилась идея о волевой обусловленности любого поступка, о том, что источник любого поступка — в сознании. Уже в одних только этих идеях законсервирована вся старая психология. Сегодня, когда Европа как будто двинулась в противоположном направлении, а уж мы, непомраченные, и подавно всеми силами пытаемся изгнать, изъять, изгладить из мира *понятие вины* и *понятие наказания*, когда наши величайшие усилия направлены на то, чтобы очистить от этой грязи психологию, мораль, историю, природу, общественные институты и санкции, даже Бога, — в ком надо нам видеть своих самых естественных антагонистов? Да как раз в тех апостолах отмщения и ressentiment'а, в тех пессимистах негодования par excellence, что вообразили, будто их миссия — освящать свою грязь именем «негодования»... Мы, другие, мы, стремящиеся вернуть становлению невинность, хотели бы быть миссионерами некоей более чистоплотной логики: что никто не давал человеку его качеств, ни Бог, ни общество, ни родители или предки, ни он сам, — что никто в нем не *виноват*... Нету такого существа, на которое можно свалить ответственность за то, что этот человек вообще живет на свете, что он — таков, каков он есть, что родился он в таких-то условиях, в такой-то среде. *И что подобного существа нету – это огромное облегчение*... Мы *не* являемся результатом некоего предвечного замысла, некоей воли, некоего желания: мы — *вовсе не* попытка, предпринятая в надежде достичь «идеального совершенства», или «идеального счастья», или «идеальной добродетели», и уж подавно мы не ошибка Бога, которой приходится страшиться ему же самому (каковою мыслью, как известно, и начинается Ветхий Завет). Нету ни места, ни цели, ни смысла, в которые можно было бы свалить наше бытие, наше конкретное существование. А самое главное — никто и не *смог бы* этого сделать: *невозможно* судить Целое, прилагать к нему мерки, сравнивать, а не то даже и отрицать его. А почему невозможно? По пяти причинам, в совокупности своей доступным даже скромным умам: к примеру, *по той причине, что кроме Целого ничего нету*. И, повторяю, это огромное облегчение, потому что всему сущему возвращается невинность.

15 [31]

XI

Принципиальное понимание природы декаданса: *то, что до сих пор понималось как его причины, суть его следствия.*

Тем самым меняется вся перспектива решения *моральных проблем.*

порок:
роскошь:
преступление:
даже болезнь:

: вся борьба с пороком, роскошью и т.д. средствами морали оказывается наивною и ненужной...:

: не бывает никакого *«исправления»* — <тезис> против *покаяния*

Сам по себе декаданс — это вовсе не то, *с чем надо бороться*: он абсолютно необходим и свойствен любой эпохе и любому народу. С *чем* надо бороться всеми силами, так это с расползанием заразы по здоровым частям организма.

А разве люди делают это? Они делают прямо *противоположное.*

О нем-то именно и хлопочут те, что на стороне *гуманности.*

Как прежние *высшие ценности* относятся к этому главному *биологическому* вопросу?

1) Философия
   религия
   мораль
   искусство
   и т.д.

средство от этого: к примеру, *милитаризм*, начиная с Наполеона, видевшего в цивилизации свою естественную врагиню...

15 [32]

Проблема *декаданса*: понять, какие феномены связаны друг с другом, имея в нем общий очаг своего возникновения

анархизм
женская эмансипация
убыль защитных сил   болезнь, эпидемии и т.д.
преобладание ressentiment'а   пессимизм негодования

сочувствие всякому страданию	сострадание
нехватка механизмов торможения	порок, разложение (критика чувственности, страстей)
обезображивание	разрастание безобразного (красота *искусственна*)
«терпимость»	скепсис, «объективность»
перевес ощущений бессилия	пессимисты (декаденты в физиологическом смысле)
разрушительные инстинкты	либеральные установления
талант представлять множество лиц	лицемерие, лицедейство: обессиливание *личности*
«тщетность», «бессмысленность»	нигилизм
чрезмерная раздражимость женская эмансипация	сверхвозбудимость «музыка» «артист» «романист»
потребность в возбуждающих средствах	*роскошь* как — — — потребность в наркотических веществах, разнузданность в музыке, сюда же алкоголь (*книги* тоже)
	тирания среды

15 [33]

Философии Религии Моральные учения	Стерильность, целибат (ненависть к чувственному: напр., у Шопенгауэра

15 [34]

Философии пессимизма:

декаденты в физиологическом смысле

к примеру, Бодлер

Шопенгауэр

Леопарди: половые расстройства вначале, потом — импотенция как следствие

15 [35]

была предпринята недостойная попытка представить Вагнера и Шопенгауэра как типы душевнобольных: несравненно более важным было бы понимание того, что надо научно определить самый тип декаданса, воплощенный в них обоих.

15 [36]

Современной Германии, работающей с напряжением всех сил и считающей перегрузки и преждевременное старение его нормальными следствиями, уже через два поколения предстоит расплатиться за это глубочайшим вырождением... Покамест мы констатируем лишь растущую бездуховность и опошление вкуса – все более вульгарную потребность в развлечении: в будущем нездоровые потребности выйдут на передний план, возрастет роль возбуждающих средств и опиатов – алкоголя и музыки.

15 [37]

Féré, p. 89. XII

неспособность к длительной работе

<есть> следствие перегрузок при недостаточном питании, а в особенности все более глубокого и длительного изнурения, которое в следующем поколении приводит к заболеваниям

известно нам и наследуемое *переутомление*: это главная причина вырождения расы, способность которой к производительным усилиям все более снижается

Леность как неспособность к постоянному усилию – свойство вырождения. Такие индивидуумы, что для повышения убывающей жизненной силы нуждаются не только в питании, но и в специальных *возбуждающих средствах*, стремятся *поддерживать* свое существование за счет чужого труда. Для этого они пользуются хитростью или насилием (то есть *однократным* усилием)

Три четверти выродков – из числа *нуждающихся*, половина из них не работают. Но *нужда* и сама – следствие неспособности к труду, праздности, типичной для выродков...

– *однократное* усилие: симптом.

Леность, бедность, преступность, паразитизм,

Обучение умножает потребности и алчность, не умножая способов удовлетворять их.

Обязательное обучение исчерпывает *резервы* расы.

преступность больше всего там, где больше всего *утомления*, то есть там, где больше всего бессмысленно работают до упаду: в сфере торговли и промышленности

Переутомление, изнуренность, потребность в стимуляции (порок), рост возбудимости и *слабости* (до такой степени, что они становятся взрывоопасными)

Уродцы, выродки и импотенты всякого сорта инстинктивно тянутся друг к другу: этот инстинкт порождает *антисоциальных* индивидуумов

(поскольку их родители были неспособны найти свое место в обществе)

они ищут, к примеру, помешанных.

В невропатических семьях встречается *дегенеративный отбор* (Гёте, «Избирательное сродство»)

род, вышедший из порока и преступления, *антисоциален — домашняя прислуга* (несложная работа и относительное благополучие) — тоже рассадник антисоциальных элементов (шлюх, воров, преступников всякого сорта)

Пьянство и *разнузданность* усиливают вырождение

Рост числа болезней по причине длительных перерывов в питании.

Невроз, психоз и обострение ситуации с преступностью

Неспособность к борьбе: это и есть вырождение.

«Нужно упразднить борьбу,

но сначала — тех, что борются!»

Убийство и *самоубийство* идут рука об руку, сменяя друг друга в зависимости от возраста и времени года

пессимизм и самоубийство идут рука об руку

Потребность в стимулах и раздражениях:

Роскошь — один из первых шагов декаданса. Раздражители ведут к слабости...

Выродки ощущают притягательную силу режима, для них губительного, ускоряющего их вырождение

(<к примеру,> люди анемичные, истеричные, диабетики, дистрофики)

15 [38]

И, в разгар всего этого декаданса, — во́йны за «отечество», за этот смехотворный послед патриотизма, каковой по экономическим причинам превратится в комедию уже лет эдак через сто...

Это *сведение на корню* лучших мужчин в войнах —

15 [39]

XIII

Тому хорошо удавшемуся, что словно бальзам для моего сердца, вырезанному из одного куска дерева, твердого, отполированного и благоуханного, дарующего наслаждение даже носу, — ему посвящается эта книга.

ему по вкусу то, что действует на него благотворно

ему не по нраву то, в чем нарушена мера благотворного

он чутьем отыскивает бальзамы против небольших хворей, а болезни для него — великие стимулирующие средства его жизни

он умеет обернуть себе на пользу даже самые тяжкие случаи

через несчастья, грозящие ему уничтожением, он становится только сильнее

из всего, что он видит, слышит, переживает, он инстинктивно извлекает все на пользу своему главному делу — он следует принципу избирательности, а многое пропускает сквозь пальцы

он реагирует с медлительностью, воспитанной давней осторожностью и нарочито усвоенной *гордостью*, — он испытует все, что требует от него реакции: откуда оно, в чем его цель, — он не подчиняется

он всегда — в *собственном* обществе, с кем бы ни вступал в общение — с книгами ли, людьми или ландшафтами: он оказывает честь, *выбирая, допуская к себе, доверяя*...

15 [40]

<О том,> что цивилизация влечет за собой *физиологический упадок расы*.

Крестьяне, пожираемые большими городами: неестественная, чрезмерная стимуляция головы и органов чувств. Слишком велики требования, предъявляемые к их нервной системе; золотуха, чахотка, нервные болезни, а всякое новое *раздражающее* средство только ускоряет быстрое вымирание *слабых*: эпидемии уносят слабых гуртами...

Непроизводительные

леность свойственна людям слабонервным, истерикам, меланхоликам, эпилептикам, преступникам

15 [41]

Нельзя обвинять природу в неморальности, когда она проявляет немилосердие к выродкам: рост физиологического и морального зла в роде человеческом — это, наоборот, *следствие больной и неестественной морали.*

чувствительность большинства людей болезненна и неестественна

в чем тут дело, почему человечество *испорчено* в моральном и физиологическом отношениях?

Тело гибнет, если какой-нибудь орган претерпел *порчу*...

нельзя выводить право на альтруизм из физиологии

точно так же как и право на помощь, на равенство жребиев: все это было бы незаслуженною наградой для выродков и обойденных жизнью.

Не бывает *никакой солидарности* в обществе, где есть бесплодные, непроизводительные и разрушительные элементы, у которых, кстати, будут еще более выродившиеся потомки, чем они сами.

15 [42]

«Улучшение» XIV

Критика благочестивой лжи

Что в благих целях лгать дозволяется, это — естественный элемент любой жреческой теории, а вопрос о том, в какой мере этот тезис — естественный элемент жреческой практики, и будет предметом настоящего исследования.

Но и философы, лишь только они, лелея жреческие задние мысли, замышляют взять на себя руководство людьми, тотчас присваивают себе и право на ложь, а уж Пла-

тон прежде всех. Грандиознее прочих — двойная ложь, преподнесенная типично арийскими философами веданты — двух систем, противоположных друг другу во всем существенном, но из педагогических соображений друг друга заменяющих, восполняющих и дополняющих. Ложь одной призвана создать ситуацию, в которой можно вообще *расслышать* истину другой...

Сколь далеко заходит благочестивая ложь жрецов и философов? Тут надобно задаться вопросом о том, каковы их педагогические аксиомы, какие догмы им приходится *изобретать*, чтобы эти аксиомы выполнялись.

Первое: они должны иметь на своей стороне власть, авторитет, неоспоримое правдоподобие.

Второе: в их руках должны быть все процессы природы, чтобы все касающееся отдельного человека казалось происходящим согласно их закону

Третье: сфера власти, находящейся в их руках, должна быть даже еще большей — так, чтобы зрительный контроль в ее пределах оказался невозможен для подданных: <в нее входят:> мера наказания на том свете, «посмертное существование», ну и, разумеется, столь же жалкие способы узнать, какие пути ведут к блаженству

Им приходится устранять понятие естественного процесса: но поскольку они — люди ловкие и рассудительные, они научились *обещать* целую кучу явлений, которые в таком случае, разумеется, вызваны <их> молитвами или неукоснительным соблюдением данных ими законов...

точно так же они научились *предписывать* целую кучу вещей, которые сами по себе абсолютно разумны, но, не смея назвать источником таковой мудрости опыт, эмпирию, они ссылаются на откровение или плоды «строжайшей аскезы»

стало быть, *благочестивая ложь* в принципе ссылается: на *цель* поступка (— причем естественная его цель, его разумное основание делается незримым, а целью выставляется некая моральная цель, соблюдение закона, богоугодность

: на *последствия* поступка (— его естественные последствия перетолковываются в качестве сверхъестественных, а чтобы это подействовало надежнее, они

сулят и другие, неконтролируемые, сверхъестественные последствия.

таким образом возникло понятие *добра* и *зла*, целиком и полностью отделенное от естественных понятий полезного, вредного, укрепляющего жизнь, ослабляющего жизнь,—это понятие, коль скоро выдумана некая *иная* жизнь, может стать даже прямо *враждебным* естественному понятию о добре и зле

таким образом возникла, наконец, и пресловутая «совесть»: внутренний голос, при всяком поступке измеряющий ценность этого поступка *не* по его последствиям, а по намерению, с каким он был совершен, и по соответствию этого намерения «закону»

Итак, благочестивая ложь

изобрела *раздающего наказания и награды Бога*, который именно так, как ей и требуется, признает кодекс законов, составленный жрецами, и который именно так, как от него и ожидалось, посылает их в мир в качестве своих рупоров и уполномоченных

потустороннюю жизнь—великий механизм наказаний мыслится действенным в ней одной,—а с этою целью и «бессмертие души»

совесть, бдящую в человеке, то есть сознание того, что добро и зло твердо установлены и что когда звучат рекомендации соблюдать жреческие предписания, то это—глас самого Бога

мораль как отрицание всякого естественного хода вещей, как сведение всякого процесса к процессу морально обусловленному, а моральное следствие (то есть идею наказания и награды)—как пронизывающее весь мир, как единственный источник силы, как творца любых перемен

истину как данную, как откровенную, как совпадающую с учением жрецов: как условие любого блага и счастья и в этой, и в иной жизни

In summa: чем было оплачено моральное *улучшение*?

Изъятием *разума*, сведением всех мотивов к страху и надежде (наказанию и награде)

Зависимостью от жреческой опеки, от точного соблюдения формальностей, претендующего на роль выразителя божественной воли

Насаждением «совести», заменяющей опыт и проверку неким ложным *знанием*

: так, словно уже твердо установлено, что́ нужно делать, а что́ не нужно, – своего рода кастрация ищущего и стремящегося вперед ума

: in summa, страшнейшим *искалечиванием* человека, какое только можно себе представить, и мнимого превращения его в «доброго человека»

In praxi весь разум, все, что было унаследовано от благоразумия, тонкости, предусмотрительности, этой предпосылки жреческого канона, впоследствии было произвольно сведено к чистейшей *механике*

соответствие закону теперь считается целью, высшей целью, *а перед жизнью не ставят больше никаких других задач* –

все миропонимание запятнано *идеей наказания*...

сама жизнь – с умыслом – должна воплощать собою *жреческую* жизнь как non plus ultra[1] совершенства, из чего на деле вышла клевета на жизнь, ее очернение...

понятие «Бог» означает отречение от жизни, ее критику, даже презрение к жизни...

из истины вышла *жреческая* ложь, из стремления к истине – *изучение Писания*, способ *сделаться богословом*...

15 [43]

Совращение человечества, предпринятое под личиною самых ангельских намерений

преступное употребление, что до сей поры давалось слову «истина»

Мне придется поведать скверную, отмеченную злым роком историю – историю самого длительного преступления, самого злостного совращения, самого коварного ядосмешения, – поистине *черной* магии, жертвою коей стало человечество: ее чарами оказались оклеветаны и поставлены под вопрос наиболее глубокие инстинкты жизни...

Жрецы: они подменяют *причину следствием.*

Жрецы: они подменяют покой *силы* – покоем *бессилия.*

Вероятно ли, чтобы превратное представление о причине и следствии распространилось настолько, что

---

1 Верх (*лат.*).

следствие стали принимать за причину? Это кажется невероятным – но это удалось сделать под лжеводительством морали...

Во все времена жрецы изображали *упадок* племени, народа как наказание за его пороки, за его неверие и вольнодумство, и таким же точно образом болезни, поветрия, душевные расстройства изображались как следствия отпадения от веры,

и, наоборот, в награду за благочестие и исполнение законов сулили долгую жизнь, семейное благополучие и счастье потомков.

сегодня мы утверждаем нечто прямо противоположное: дельность человека, его «порядочность» – следствия долгой цепи удачных браков и выражение правильного выбора партнеров: благодаря этому силы имеют возможность накапливаться.., *выражение* удачливости предков

Порок, преступление, болезненность, безумие, распущенность, в том числе в сфере мышления, суть последствия декаданса, его симптомы, – стало быть, они *неисцелимы*...

Родовое благочестие гарантирует потомству счастье и здоровье столь мало, что именно в самых благочестивых, из рода в род самых благочестивых семьях нынешней Европы душевные расстройства, меланхолия сделались наследственными... Настолько нуждаться в благочестии, чтобы выносить жизнь,– это признак типа страдающего и угнетенного: наши пиетисты – христиане не по своей доброй воле...

15 [44]
Переворачивание иерархии с головы на ноги:

эти благочестивые фальшивомонетчики, жрецы, становятся среди нас чандалой:

– они оказываются в роли шарлатанов, знахарей, фальшивомонетчиков, колдунов: для нас они – отравители воли, великие клеветники, мстящие жизни, *возмутители* среди обойденных жизнью

**

В сравнении с ними на высоте – чандала прежних времен: и всех прежде богохульники, *имморалисты*, пользующаяся правом свободно шататься повсюду публика вся-

кого рода — артисты, жиды, жонглеры — в сущности, все, кто принадлежал к *ославленным* категориям людей —

— мы поднялись до *почтенных* идей, более того, мы-то и *представляем* честь и *«благородство»* на земле...

— все мы сегодня — **заступники жизни** —

— мы, имморалисты, сегодня — *самая сильная власть*: другие серьезные власти в нас нуждаются... мы конструируем мир по нашему образу —

Мы перенесли понятие чандалы на *жрецов*, *учителей потустороннего* и на сросшееся с ними *христианское общество*, мы прибавили к ним и тех, что растут от того же корня, — пессимистов, нигилистов, певцов сострадания, преступников, людей порочных: всех тех, в чьей среде «Бога» воображают *Спасителем*...

* *

Мы горды тем, что нам больше не нужно лгать, не нужно быть клеветниками и подозревать самое жизнь...

NB. И даже если бы нам доказали, что *Бог* существует, мы нашли бы способ в него не поверить.

15 [45]

К критике Книги законов Ману. — XV

Вся эта книга зиждется на благочестивой лжи:

— неужто то, что вдохновляло всю эту систему, и есть благо для человечества? А тот сорт людей, что верит в *корыстолюбие* всякого поступка, — была ли у него корысть в том, чтобы провести эту систему в жизнь, или нет?

— улучшение человечества — чем вдохновлялось такое намерение? Откуда вообще взялось понятие о лучшем?

— мы видим <в этой книге> породу людей, *жреческую* породу, которые ощущают себя нормою, сливками, чистейшим выражением человеческого рода: отсюда они и заимствуют понятие «лучшее».

— они верят в свое превосходство, они добиваются его и на деле: причина благочестивой лжи — *воля к власти*...

* * *

Установление господства: для него необходимо, чтобы господствовали понятия, закрепляющие за жречеством non plus ultra власти

Власть через ложь, в сознании того, что она удерживается не физическим, не военным путем...

Ложь как приложение к власти – новое понятие «истины»

**

Ошибочно предполагать тут *бессознательный, бездумный* процесс, своего рода самообман... Фанатики не бывают изобретателями столь хорошо продуманных систем угнетения...

Здесь поработала хладнокровнейшая дальновидность – та дальновидность, какой пользовался Платон, выдумывая свое «государство»

«Если хочешь добиться цели, старайся получить средства, чтобы ее добиться» – все законодатели хорошо понимали эту интуицию политиков

**

Наш классический образец – специфически *арийский*: стало быть, ответственность за самую фундаментальную ложь, какая когда-либо творилась, нам, видимо, следует возложить на наиболее оснащенную и дальновидную породу людей, лучше других знавших, чтó они творят... По этому образцу и действовали почти везде: *арийское влияние* сгубило весь мир...

15 [46]

Если во что-нибудь верят – – – XVI

Заблуждение и невежество – проявления злого рока.

Утверждение о том, что *истина – вот она* и что теперь-то и придет конец невежеству и заблуждению, – это один из видов самого великого совращения, какое только существует.

Положим, мы в нее поверили: тогда в нас парализуется всякое желание проверять, исследовать, проявлять осторожность, испытывать – такое желание может даже прослыть наглостью, а точнее, *сомнением* в истине...

Следовательно, «истина» – *более* губительна, нежели заблуждение и невежество, ибо связывает те способности, с помощью коих работают ради просвещения и познания.

И вот – такой аффект, как *леность*, принимает сторону «истины»:

«Мыслить – это такая докука, такое бедствие!»

то же самое относится к порядку, правилам, радости обладать, гордости за свою мудрость — in summa к *тщеславию*

— гораздо удобней послушно исполнять что-нибудь, чем *испытывать*... тщеславию больше льстит думать о себе «я владею истиной», чем видеть вокруг себя лишь потемки...

— а главное: когда *снижается недоверчивость*, это действует успокоительно, внушает доверие, облегчает жизнь — словом, *«улучшает»* характер...

«душевный мир», «спокойная совесть» — все это выдумки, возможные лишь при условии, что *истина существует*...

«По плодам их познаете их»... «Истина» истинна, *поскольку* делает людей *лучше*...

...И все идет своим чередом: все доброе, всякий успех записывается на счет «истины»...

А это доказательство от силы: счастье, довольство, благосостояние общины и индивида отныне понимаются как следствия *веры в мораль*...

— и наоборот: *неудача* выводится из *маловерия* —

15 [47]

Мораль жрецов
Мораль господ
Мораль чандалы
Мораль среднего сословия («стадная мораль»)

Философы
Люди ученых профессий
Художники
Политические деятели

15 [48]

Что такое искусство подделывания ценностей в морали? XVII

Она делает вид, будто ей кое-что *известно*, а именно: что такое добро и зло.

Это значит, будто ей известно, для чего существует человек, в чем его цель, его предназначение.

Это значит, будто ей известно, что у человека *есть* цель, *есть* предназначение —

15 [49]

Победа над «истиной»

В чем еще осталось разобраться: в преобладании *неморальных* ценностей над моральными.

Доказать, что: 1) моральные ценности и сами не «моральны»
a) ни по происхождению
b) ни по силовым методам, какими они добиваются своего

15 [50]

Кант, эта логическая машина, воплощенное XVIII столетие, с глубоко упрятанным коварством теолога, и———

15 [51]

То, чем «славится» наше XIX столетие,—отнюдь не торжество науки, а торжество научных методов над наукой

15 [52]

Воля к истине XVIII

Мученики

чтобы бороться со всем тем, что опирается на благоговейные чувства, от нападающей стороны требуется толика дерзости, бесцеремонности, а не то и бесстыдства... Если вспомнить, что вот уже тысячи лет короною истины человечество венчало одни лишь заблуждения, что даже на малейшую их критику оно ставило клеймо неблагонадежного образа мыслей, то придется с горечью признаться: чтобы подавать сигнал к атаке, то бишь к *разуму*, всегда требовалось изрядное число *имморалистов*... А что эти имморалисты строили из себя «мучеников за истину», надо им простить: истина заключается в том, что побуждением, заставлявшим их заниматься отрицательством, было не влечение к истине, а разрушение, наглый скепсис, тяга к авантюре. А бывает, что набрасываться на проблемы их заставляет личная озлобленность: и они борются с проблемами, чтобы отстоять себя перед людьми. Но пользу науке приносила главным образом месть—месть угнетенных, тех, что были оттеснены в сторону и даже угнетены *господствующими* истинами...

Истина или, лучше сказать, научная методика была понята и добыта теми, что распознали в ней орудие борьбы — *истребительное* оружие... Чтобы сделать свою враждебность почетной, они, впрочем, нуждались в аппарате, подобном тому, которым обладали их враги: и они афишировали понятие «истины» столь же неуклонно, что и неприятель, — они становились фанатиками или хотя бы разыгрывали роль фанатиков, ибо никакая другая роль всерьез тогда не воспринималась. Дело довершили преследования, страстная убежденность и незащищенность преследуемых — росла ненависть, а значит, становилось меньше причин оставаться на почве науки. В довершение всего они все как один желали оказаться правыми на столь же нелепый манер, как и их враги... Слова *«убеждение»*, *«вера»*, гордыня мученика — все это менее всего благоприятно для познания. К тому же противники истин в свой черед как-то незаметно усвоили решительно субъективную манеру высказываться об истине, а именно посредством позы, самопожертвования, героических поступков, и, стало быть, *продлили господство* антинаучных методов.
— в качестве мучеников они скомпрометировали собственное дело —

15 [53]

Два самых отвратительных порождения XVIII столетия:

субъект творит мир, имеющий к нам какое-то отношение —

разум творит общество, в котором — — —

оба роковых фарса, революция и Кантова философия, практика революционного разума и революция «практического» разума

очерняющего природу, дуалистическая мораль у Канта

что место природы должно заступить понятие предполагаемого *знания* — в качестве ваятеля, намеревающегося *придавать форму*, *строить*

ненависть к становлению, к тщательному наблюдению всего становящегося

<все это> объединяет всякую *мораль* и *революцию*:

15 [54]

Воля к истине.
Философ как проблема.
Жрец: изобретение морали.
Победа над «истиной» (все предшествующие «истины» — симптомы декаданса)
Понятие и объем декаданса.

15 [55]

Чтобы судить о морали по справедливости, подставим на ее место два *зоологических* понятия: *укрощение* дикого животного и *выведение определенной породы.*

Жрецы во все времена делали вид, будто стремятся *«улучшать»*... А мы, не такие, только улыбнемся, если укротитель зверей вздумает называть своих животных «улучшенными». Укрощение хищника достигается почти всегда за счет причиненного ему вреда: вот так же и омораленный человек — человек вовсе не измененный к лучшему, а только ослабленный, основательно обрезанный и обезображенный. Зато он менее опасен...

15 [56]

борьба против *зверских* инстинктов — это нечто совсем иное, нежели борьба против *больных* инстинктов

: и даже может отыскаться средство подчинить себе зверство — надо довести его до *болезни*

: психологическое врачевание в христианстве нередко сводится к тому, что скотину превращают в больное и, *следовательно*, ручное животное

с натурами грубыми и дикими надо бороться средствами, которые на них действуют: средства *суеверия* — незаменимы и обязательны...

15 [57]

требование говорить только «правду» уже само по себе, видимо, предполагает, что у говорящего есть истина; а если это всего лишь равнозначно высказыванию того, что кажется нам истинным, то есть ведь и такие случаи, когда *важно* сказать то же самое так, чтобы сказанное *казалось истиной* и *другому*: это должно на него *подействовать*

Коль скоро мы принимаем саму мораль *безоговорочно* (к примеру, *запрещение лжи* понимаем в религиозном смысле), то и вся история морали, как и история политики, превращается в одну подлость. Мы живем *ложью* и *подделыванием ценностей*—господствующие сословия лгали всегда...

15 [58]
Глава: **Воля к истине**

психологические *подмены*:

требование веры подменяется «волей к истине» (к примеру, у Карлейля)

но точно так же и *требование неверия* было подменено «волей к истине» (—это потребность избавиться от веры, и на то бывают сотни причин, <например>, чтобы выиграть дело против каких-нибудь «верующих»)

Что *вдохновляет скептиков*? Ненависть к догматикам... или потребность в покое, утомление, как у Пиррона

—*польза*, какой ожидали от истины, была пользой от веры в нее: ведь истина сама по себе могла оказаться сугубо неприятной, вредоносной, губительной—

а на «истины», в свой черед, нападали лишь тогда, когда от победы ожидали выгоды для себя... к примеру, свободы от угнетения властей

методики <получения> истины разрабатывались исходя из стремления *не* к истине, а к *власти*, из *стремления добиться превосходства*

чем истина себя *доказывает*? ощущением повышенной власти («верой-уверенностью»); полезностью; незаменимостью, короче говоря, **выгодами**
но при условии, что истина *должна* быть такой, чтобы мы ее признавали.

а это уже—*предубеждение*: признак того, что речь идет отнюдь не об *истине*...

что, скажем, означает «воля к истине» у Гонкуров? у *натуралистов*? Критика «объективности»

и *зачем* познавать? Почему не предпочесть заблуждение?..

к чему всегда стремились люди, так это к вере, а *вовсе не* к истине...

вера и исследовательские методы создаются *противоположными* средствами: *первая даже прямо-таки исключает последние*—

15 [59]

Идея «истинного мира» или «Бога» как чего-то абсолютно нечувственного, духовного, благого—это *чрезвычайная мера* в условиях, когда еще всемогущи *противоположные* инстинкты...

смягчение нравов и некоторый уровень достигнутой гуманности точно выражаются в очеловечении богов: греки времен расцвета своей силы, не испытывавшие страха перед собою, а сами составлявшие собственное счастье, сближали своих богов со всеми своими аффектами—...

По этой причине одухотворение идеи Бога далеко от того, чтобы означать некий *прогресс*: это особенно глубоко чувствуешь, соприкасаясь с Гёте,—там перегонка Бога в добродетель и дух ощутимы как более *грубая* ступень...

15 [60]

Если что-то и могло бы означать наше *очеловечение*, какой-то настоящий, фактический *прогресс*, так это такое состояние, когда нам уже не нужны были бы никакие крайние противоположности, вообще никакие противоположности...

мы смогли бы тогда полюбить чувства, мы одухотворили бы их сверху донизу, сделали бы их артистическими.

у нас есть право на все те вещи, что прежде злобно *освистывались*.

15 [61]

А. в той мере, в какой христианство нынче еще представляется людям необходимым, человек остается диким и подверженным злому року...

В. с другой стороны, оно не только не необходимо, но даже крайне вредно, и все же притягательно и соблазнительно, поскольку отвечает болезненному характеру целых слоев, целых типов нынешнего человечества... они

со своими христианскими надеждами отдаются своей тяге, эти декаденты всех сортов—

тут надо строго различать А и В. *В случае А* христианство—это целительное средство, по крайней мере средство обуздания (—иногда оно способно сделать человека больным: это может оказаться полезным, когда надо изжить дикость и грубость)

В случае В оно—симптом самой болезни, оно *усугубляет* декаданс; тут оно действует в пику системе *укрепляющей* терапии, тут оно <в качестве> инстинкта больного *противится* тому, что было бы для больного спасением—

15 [62]

Группа людей *серьезных, полных достоинства, вдумчивых*

: а ей противостоит неприрученный, нечистый, непредсказуемый зверь:

: это всего-навсего проблема *укрощения*:

—и, конечно, укротителю нужно быть жестоким, страшным, внушающим зверю ужас

все важные требования должны выставляться с грубой недвусмысленностью, то есть с усилением в тысячу раз

: а *выполнение* самого требования должно преподноситься в усугубленном виде, чтобы возбуждать благоговение

Пример—искоренение чувственного <познания> брахманами.

***

Борьба со сволочью и скотиной: если она в чем-то привела к обузданию и порядку, то между *очистившимися* и *возрожденными* в ее ходе и *всеми прочими* неизбежно разверзнется самая широкая пропасть, какая только возможна...

эта пропасть укрепит в высших кастах самоуважение, веру в свою миссию

отсюда *чандала*. Презрение <к этому типу>, и презрение с избытком, психологически совершенно оправданно—оно даже должно быть усилено в сто раз, чтобы потом его вообще можно было чувствовать

***

В борьбе со зверем нередко бывает, что единственный способ его *ослабить*—это сделать его *больным*. Брахма-

ны защищались от чандалы (делая ее больной) — и точно так же обрекали на *бессилие* и преступников, и всякого рода бунтовщиков (— в этом — смысл покаяния и т.д.).

15 [63]

В общих чертах можно сказать, что нашим нынешним человечеством накоплено чудовищное количество *гуманности*. А то, что в общем этого никто не ощущает, само служит тому доказательством: мы стали столь чувствительны к мелким бедствиям, что незаслуженно упускаем из виду достигнутое.

: тут, правда, надо сделать скидку на то, что уж больно велик декаданс и что с этой точки зрения наш мир *неизбежно выглядит* скверным и жалким. Но ровно то же самое можно было видеть таким образом во все эпохи...

1) некоторая перевозбужденность даже морального восприятия
2) толика ожесточенности и подавленности, привнесенная в суждения пессимизмом:
: то и другое вместе привели к тому, что верх взяло *противоположное* представление: дела с нашей моральностью обстоят *скверно*.

В таких вещах, как кредиты, вся мировая торговля, средства сообщения — во всем этом выражается какое-то чудовищно снисходительное *доверие* к людям... Сюда вносит свою лепту и

3) избавление науки от моральных и религиозных целей: это весьма добрый признак, но понимается он, как правило, превратно.

Я же попытаюсь дать оправдание истории на свой лад

15 [64]

Мораль, некое полезное заблуждение, а если говорить без обиняков, имея в виду ее величайших и наиболее непредубежденных покровителей, — ложь, признанная необходимой

15 [65]

Я хотел бы со всею силой подчеркнуть вот что:

а) что нет более скверной подмены, чем подмена *укрощения — обессиливанием*

: а так всегда и поступали...

Укрощение, как я его понимаю, — это способ чудовищного накопления человечеством сил, накопления, необходимого, чтобы поколения потомков смогли продолжить работу, начатую предками, — не только внешне, но и внутренне, органически их перерастая, становясь *все сильнее...*

b) что чрезвычайно опасно думать, будто человечество как *целое* растет и крепнет за счет того, что индивидуумы становятся вялыми, равными, посредственными... Человечество — это нечто абстрактное: целью же *укрощения* даже в уникальном случае может быть лишь появление *более сильного* человека (— а человек неукрощенный — слаб, расточителен, непостоянен....

15 [66]

От разложившихся парижских романистов теперь несет ладаном, но от этого они не делаются для моего носа более благоуханными: мистика и католически-святошеские мины — всего лишь еще одна форма чувственности

15 [67]

От чего я предостерегаю: никогда не путать упадочнические инстинкты с гуманностью <, а именно>

: *разрушительные и неизбежно приводящие к упадку средства* цивилизации нельзя путать с *культурой*

: libertinage, принцип «laisser aller»[1] не путать с *волей к власти* (— принципом прямо *противо*положным)

15 [68]

Были предприняты *две великие попытки* преодолеть XVIII столетие:

Наполеон, воскресивший мужчину, солдата и великую борьбу за власть, замысливший политически объединить Европу

Гёте, грезивший о единой европейской культуре, призванной стать совокупным наследием всех уже имеющихся *достижений* гуманности.

---

1 *Здесь:* попустительства (*фр.*).

15 [69]

Немецкая культура этого столетия внушает какое-то недоверие —

в музыке не хватает такой объемлющей, спасительной и связующей стихии, как Гёте

а австрийцы — те остались немецкими лишь благодаря своей музыке

15 [70]

Мы как-то не верим всем тем состояниям окрыленности и крайним ощущениям, в которых люди мнят, будто «ухватили истину обеими руками» —

15 [71]

Как добродетель приходит к власти

Жрецы — а с ними заодно и полужрецы, философы — во все времена называли истиной учение, *воспитательное* воздействие которого было или казалось им благотворным: ведь оно «меняло к лучшему». В этом они были подобны какому-нибудь наивному знахарю или чудотворцу из народа, который, узнав на опыте, что яд — целительное средство, отрицает, что это все-таки — яд... «По плодам их узнаете их» — а именно наши «истины»: так эти жрецы разглагольствуют и по сей день. Они сами, сея свой рок, расточили достаточно проницательности, чтобы предоставить «доказательству от силы» (или «от плодов») первенство и даже право судить все прочие виды доказательства. «От чего делаются добрыми, само должно быть добрым; а доброе лгать не может,— заключают они неумолимо.— Что приносит добрые плоды, непременно должно быть истинным: и нет другого критерия истины»...

Но если считать «улучшение» доводом, то порчу тогда надо считать опровержением. Заблуждение вскрывают, испытуя жизнь тех, кто в него впадает: человека опровергает ложный шаг, какой-нибудь порок... Равным образом никогда не исчезал и непристойный вид оппонирования — оппонирование сзади и снизу, на собачий манер: жрецы, в той мере, в какой были психологами, не нашли ничего более интересного, чем вынюхивать секреты своих противников. Вот это и есть единственная оптика,

свойственная их знанию света: выискивая в этом самом «свете» грязь, они одним уже этим и доказывают свое христианство. Грязь они ищут первым делом у самых заметных людей света — у «гениев»: вспомним, как в Германии не переставали нападать на Гёте (: и впереди всех — Клопшток с Гердером, подавая всем прочим «добрый пример», — яблоко от яблони недалеко катится).

15 [72]

1

Надо быть очень неморальным, чтобы *добиваться морали* действием... Методы моралистов — это самые страшные методы, какими когда-либо орудовали; у кого не хватает духу на неморальное действие, тот может быть чем угодно, но в моралисты не годится.

2

Мораль — это прямо-таки какой-то балаган-зверинец; ее исходное положение — что железные прутья нужнее свободы, даже для того, кто за ними сидит; ее второе положение — что бывают такие укротители, которые не побоятся использовать устрашающие методы: они умеют орудовать раскаленным железом. Эта омерзительная порода людей, что берет на себя борьбу с диким зверем, зовет себя «жрецами».

15 [73]

Человек, запертый в железную клетку заблуждений, превратившийся в карикатуру на человека, больной, жалкий, злоумышляющий на себя самого, полный ненависти ко всем исходящим от жизни побуждениям, полный недоверия ко всему, что есть в жизни красивого и удачного, ходячее несчастье; этот искусственно выведенный, *добавленный* ни к селу ни к городу уродец, которого высосали из пальца жрецы, этот «грешник»: да как же можно, несмотря ни на что, пытаться *оправдывать* этот феномен?

15 [74]

Способ опровергнуть жрецов и все религии может быть только таким: показать, что их заблуждения перестали быть *благотворными*, что они, скорее, вредны, короче

говоря, что их «доказательство от силы» уже не выдерживает проверки...

15 [75]

Нибур: «Новые времена в сравнении с греками неизмеримо более достойны уважения с моральной точки зрения».

«Не кажется ли тебе, как и мне, что нет ничего более печального, чем видеть, как великий ум лишается крыльев и пытается достичь совершенства в чем-то несравненно более низком, *отрекаясь от более высокого?*»
(в связи с «Вильгельмом Мейстером»)

15 [76]

Предисловие

Эта книга обращена к очень немногим — к людям, *нашедшим свободу*, к тем, для кого уже нет никаких запретов: мы шаг за шагом вернули себе право на все запретное.

Она даст обоснование достигнутой власти <над собой> и уверенности в себе, когда человек «уже разучился бояться»; докажет, что пора сменить недоверие к собственным инстинктам, презрение к ним — доверием; что пора научиться любить и уважать себя — за разум, но и за вздор тоже: что-то от паяца, а что-то от Бога; что нельзя быть брюзгой, сычом, барсуком...

15 [77]

<О том,> что нет истины ни в чем из того, что признавалось истиною прежде:

и то, что нам прежде запрещали как нечистое, запретное, презренное, губительное, — все эти цветы растут нынче на ласковой тропе истины

Вся эта ветхая мораль нас больше не касается: там нет ни одного понятия, еще заслуживающего уважения. Мы оставили ее за спиною — мы уже не настолько грубы и просты, чтобы нас можно было обманывать таким способом... Выражаясь более воспитанно: мы для этого слишком добродетельны...

Ну а если истина в старом смысле была истиной лишь потому, что старая мораль ее одобряла, смела ее одобрять, — то отсюда следует, что у нас не осталось боль-

ше вообще никакой истины прежних времен... Наш критерий истины не имеет ничего общего с моральностью: мы опровергаем утверждение, просто показывая, что оно зависит от морали, что оно навеяно благородными порывами.

15 [78]

Понятие «сильный и слабый человек» сводится к тому, что в первом случае унаследовано много силы, а человек — ее сумма; во втором — *еще мало*:

— унаследовано недостаточно, а унаследованное рассеяно

слабость может быть феноменом *начала*: *«еще мало»*; или феноменом конца: *«уже ничего»*

Отправная точка, где силы много, где силу можно тратить, — масса людей как сумма *слабых*, <которая> реагирует *замедленно...*

, противится многому из того, для чего она слишком слаба... из чего она не умеет извлечь никакой пользы

, *не* созидает, *не* прокладывает путь...

Это — против теории, отрицающей сильного индивидуума и полагающей, что «его творит масса».

Тут такая же разница, как между отдельными поколениями в роду: между человеком *деятельным* и массой может пройти 4 или 5 поколений... разница *хронологическая*...

15 [79]

NB NB. *Ценности слабых* — на первом месте потому, что сильные заимствовали их, дабы с их помощью *руководить*...

15 [80]

Изнурение *приобретенное*, а не наследственное

недостаточное *питание*, нередко из-за невежества в вопросах питания, к примеру, у ученых

преждевременный эротизм: проклятье в основном французской молодежи, в особенности парижан, вступающих из лицеев в свет уже испорченными и загаженными, неспособных вырваться из сетей низких наклонностей, издевающихся над собой, презирающих себя, — утонченные каторжане и

: это, кстати, в большинстве случаев—уже симптом расового и семейного декаданса, как и всякая взвинченность чувств; равным образом и зараза, идущая от среды: позволять среде навязывать себе свою волю—тоже признак декаданса.

Алкоголизм, *не* инстинкт, а привычка, тупоумное подражание, малодушное или тщеславное подлаживание под господствующий режим: глаз просто отдыхает, видя еврея посреди немцев! Эта тупость, эти льняные волосы, эти голубые глаза; отсутствие esprit[1] в лице, речи, повадке; страсть вольготно развалиться, эта немецкая потребность в отдыхе, идущая не от перенапряжения, а от мерзкого возбуждения и взвинченности, вызванных алкоголем...

15 [81]

Наивно думать, будто этим пессимизм стремится себя обосновать: он только *обнаруживает себя* этим...

15 [82]

Мало филологии: объяснение постоянно подменяют *текстом*—да и что это за «объяснение»!

15 [83]

Женщины, крепко сбитые, старой закваски, с темпераментом коровы, которым почти нипочем даже несчастья: но они мнят, будто «во всем полагаются на Бога». Они не хотят заметить, что это их «доверие к Богу» на самом деле—лишь выражение их крепкой и устойчивой конституции: не причина, а ее оформление...

15 [84]

Факт—то, «что я так печален»; проблема—«не знаю, что это должно означать» ... «Старинная сказка одна»

«Старый грешник»—можно было бы сказать христианин: в другом случае, в случае Гейне, «это сделала Лорелея».

---

1 *Здесь*: одухотворенности (*фр.*).

15 [85]

«Внутренний мир» и его пресловутый «внутренний смысл».

Этот внутренний смысл путает следствие с причиною «причина» проецируется, после того как наступило следствие: вот основной факт «внутреннего опыта».

15 [86]

Гонкуры нашли Флобера campagnardisé[1], слишком здоровым, слишком крепким — они замечают, что его талант кажется им *загрубевшим*...

Каким же неприлично-здоровым казался им, верно, талант Гейне... Отсюда ненависть...

Почти такая, какую Новалис питал к Гёте —

15 [87]

Надо отметить, что сквозь призму антипатии натурам хрупким ее предмет видится *грубее*, а крепким — *утонченней*, избалованней, болезненней — так, к примеру, Гёте относился к Клейсту, к Гёльдерлину

15 [88]

Типичных декадентов, ощущавших, что делают нужное дело, портя стиль, притязавших на то, что тем самым вырабатывают вкус более возвышенный, и желавших навязать свой закон *другим*, этих Гонкуров, этих Рихардов Вагнеров, надо отличать от декадентов с нечистой совестью, декадентов *строптивых* —

15 [89]

Невежество in physiologicis[2] — у христианина нет нервной системы; презрительное и нарочитое игнорирование требований тела, необходимости *знакомства* с телом; представление о том, будто *душе это только на благо* и подобает высшей части человеческой природы, фундаментальное сведение общего ощущения тела к моральным ценностям; мысль о том, что и сама болезнь коренится в морали, скажем, как наказание, или испытание, или

---

1 Деревенщиной (*фр.*).

2 В вопросах медицины (*лат.*).

даже как спасительное состояние, в коем человек может достичь большего совершенства, нежели будучи здоровым (—мысль Паскаля), а иногда и добровольное погружение в болезнь

15 [90]

Феноменализм «внутреннего мира»

хронологическое обращение—причина осознается позже, чем следствие.

мы узнали, что боль проецируется в тело, хотя на самом деле ее там нет

мы узнали, что чувственные ощущения, которые наивно считают обусловленными внешним миром, обусловлены, напротив, миром внутренним, так что любое подлинное действие внешнего мира всегда протекает бессознательно... Фрагмент внешнего мира, который мы сознаем, рожден по смерти своего родителя, то есть воздействия, пришедшего к нам извне, и спроецирован задним числом как его «причина»...

В феноменализме «внутреннего мира» мы обращаем вспять хронологию причины и следствия.

Основной факт «внутреннего опыта» состоит в том, что после того как совершилось действие, воображается его причина...

То же самое относится к череде мыслей... мы ищем основание какой-нибудь мысли в моменте, предшествующем ее осознанию: тогда осознается сперва основание, а потом и его следствие...

Весь наш процесс сновидения—это истолкование наших ощущений общего характера, возводящее их к возможным причинам, и притом так, что какое-либо наше состояние осознается лишь тогда, когда уже осознана вся изобретенная для его истолкования цепь причин...

весь «внутренний опыт» зиждется на том, что выискивается и создается в представлении причина данного возбуждения нервных центров—и что сначала *осознается* эта найденная причина: такая причина решительно неадекватна действительной причине—это нашаривание в потемках на основе прежних «внутренних опытов», то есть памяти. Но память удерживает и привычки старой

интерпретации, то есть их ошибочные причинные связи... так что весь этот «внутренний опыт» неизбежно содержит в себе еще и последствия всех прежних ложных причинных фикций

<картина> нашего «внешнего мира», каким мы проецируем его каждое мгновение, смещена и неразрывно связана с фундаментальным древним заблуждением: мы истолковываем мир посредством схематизма «вещи»

боль в каждом отдельном случае столь же мало представляет собою этот отдельный случай — уж скорее это длительный опыт переживания последствий таких-то и таких-то повреждений, включая и заблуждения в оценке их последствий

«Внутренний опыт» вступает в наше сознание лишь после того, как находит язык, *понятный* индивидууму <носителю этого сознания> ... то есть происходит перевод одного состояния в другие, уже известные ему состояния —

«понимать» тут значит, выражаясь простецки, всего-навсего уметь выразить нечто новое на языке старого, уже известного

к примеру, «мне плохо» — такого рода суждение предполагает *большую и запоздалую нейтральность, свойственную наблюдателю*: человек простой всегда говорит: мне плохо из-за того-то и того-то — он ощущает, что ему плохо, лишь когда находит основание чувствовать себя плохо...

Вот это и есть, по-моему, *нехватка филологии*: уметь понять текст как таковой, не примешивая к нему какой-нибудь интерпретации, — новейшая форма «внутреннего опыта» и, кажется, едва ли достижимая...

15 [91]

Причины заблуждения кроются настолько же в *доброй воле* человека, насколько и в его злой воле: он разнообразнейшими способами скрывает от себя реальность, искажает ее, дабы не пострадала его добрая воля

Примеры: Бог как вожатый человеческой судьбы — или такое понимание его скромной участи, когда все происходящее будто бы ниспослано или задумано для блага его души, — в эту нехватку «филологии», которая более

светлой голове должна казаться нечистоплотностью и искусством подделывания ценностей, впадают, как правило, по внушению *доброй воли*...

Добрая воля, «благородные порывы», «высокие чувства» по своим методам — такие же фальшивомонетчики и обманщики, как и аффекты, отвергаемые моралью, расценивающей их как эгоистические, как любовь, ненависть, месть.

* * *

Заблуждения — то, за что человечеству приходится расплачиваться самой дорогою ценой: а в общем и целом это — заблуждения «доброй воли», которые нанесли ему величайший ущерб. Обман, что возвышает душу, губительней того обмана, что чреват немедленным и прямым злом: последний оттачивает ум, внушает ему скепсис, очищает его — первый же усыпляет его...

все эти прекрасные чувства, все эти «возвышенные порывы» относятся, с точки зрения физиологии, к наркотическим средствам: злоупотребление ими чревато ровно теми же последствиями, что и злоупотребление другим видом опиума, — *притуплением ощущений*...

15 [92]

Критика субъективных *эмоциональных оценок*.

Совесть. Раньше думали так: совесть осуждает этот поступок — следовательно, этот поступок предосудителен. А на самом деле совесть осуждает этот поступок потому, что он осуждался уже давным-давно. Она просто повторяет, она не созидает никаких ценностей.

То, что прежде диктовало осуждение определенных поступков, *не было* совестью: это было понимание (или лжепонимание) их последствий...

Одобрение со стороны совести, блаженство человека, который пребывает «с собою в ладу» — того же сорта, что и наслаждение художника своим произведением — оно ни о чем не говорит... Самодовольство столь же мало может быть мерилом ценности того, к чему оно относится, как и его нехватка: вот контраргумент против ценности какой-либо вещи. Мы знаем далеко не достаточно, чтобы судить о ценности наших поступков: к тому же у нас

нет возможности занять по отношению к ним объективную позицию — и даже отвергая какой-нибудь поступок, мы не судьи ему, а только сторона пристрастная...

Благородные порывы, сопровождающие те или иные поступки, — вовсе не свидетельство их ценности: так художник, впадая в высочайший пафос, может породить нечто жалкое. Скорее надо сказать, что эти порывы совращают: они отвлекают наш взгляд, нашу энергию от критики, от предусмотрительности, от ощущения, что мы делаем *глупость*... они делают нас глупыми —

15 [93]

В прежние времена такие состояния *физиологического утомления* и их последствия считали заслуживающими большего внимания, чем здоровые состояния и их последствия, потому что они несли с собою нечто неожиданное, пугающее, необъяснимое и непредсказуемое. Люди боялись, ибо видели в них проявления *высшего* мира. Ответственность за возникновение двух миров возложили на состояния сна и сновидение, на тени, ночь, страшные природные явления: но прежде всего, вероятно, с этим связывали симптомы физиологического утомления. Древние религии прямо-таки нарочно ввергали подвижников в то или иное состояние утомления, в котором такие вещи им приходилось переживать *поневоле*... И те верили, будто вступили в мир высшего порядка, где все утрачивает знакомые черты. *Видимость* высшей власти...

15 [94]

смотри в **первой** *коричневой большой тетради*

расстаться с жизнью за какое-нибудь дело — да, это производит сильное впечатление. Но жизнью жертвуют за многие вещи: аффекты — все как один — требуют свое. Будь то сострадание, гнев или месть — то обстоятельство, что за них кладут жизнь, ни на йоту не увеличивает их ценности. Как много людей отдало свою жизнь и даже гораздо хуже того — свое здоровье ради хорошенькой бабенки. У кого есть темперамент, тот инстинктивно выбирает все опасное: скажем, приключения мысли, если он философ; или же имморальность, если он — человек доброде-

тельный. Один сорт людей рисковать не желает, другой к этому стремится. А разве мы, не такие, презираем жизнь? Напротив, мы инстинктивно ищем жизни *потенцированной*, жизни в опасности... но в этом, еще раз будь сказано, мы не стремимся быть добродетельней прочих. Паскаль, к примеру, не хотел рисковать ничем и остался христианином: вероятно, в этом было больше добродетели. Всегда приходится чем-нибудь жертвовать...

15 [95]

«Великие мысли идут от сердца.» Но верить в этом Вовенаргу вовсе не обязательно, и т.д., и т.д.

15 [96]

Лучшая из нынешних опер — это опера моего друга Генриха Кёзелица, единственная опера, свободная от вагнеровской Германии: это новая разработка сюжета «matrimonio segreto»[1]. На втором месте — «Кармен» Бизе: эта опера почти свободна от вагнеризма; на третьем — «Мейстерзингеры» Вагнера: шедевр дилетантизма в музыке. Опыт переоценки ценностей.

15 [97]

Чего раньше не знали — так это того, что *обратное развитие невозможно*. Однако все моралисты и жрецы силились низвести людей до прежней схемы, развивая в них добродетели, бывшие добродетелями когда-то в прошлом. От этого не свободны даже политики — особенно консервативные. Можно *затормозить* развитие и путем этого торможения добиться даже вырождения и гибели — но это и все.

Лживость всей этой романтики идеала состоит в том, что она считает возможным обратное развитие. На деле романтики представляют собою какую-то болезненную форму декаданса: они зарвались далеко вперед, они слишком поздние и совершенно бесплодные... Само их требование вернуться к былому — свидетельство глубокого страдания и бесперспективности.

---

1 «Тайный брак» (*ит.*).

стало быть, *регрессивные* тенденции говорят о противоположном: их носители сильно запоздали, слишком запоздали — они впали в старость...

15 [98]

Нормальный мальчишка посмотрит на вас с издевкой, если вы его спросите: хочешь вырасти добродетельным? Но у него загорятся глаза, если его спросят: хочешь стать сильнее, чем твои приятели?

Как стать сильнее

долго решаться, а, раз решившись, крепко держаться своего выбора. Все остальное приложится.

Порывистые и *непостоянные*: два вида слабаков. С ними не водиться, держаться от них подальше — и чуять их издалека!

Поосторожнее с добродушными! От обхождения с ними теряешь силы

Хорошо любое обхождение, в котором упражняются инстинктивные способы обороны и нападения.

надо вкладывать всю свою изобретательность в проверку силы своей воли... Видеть пробный камень *тут*, а *не* в знаниях, проницательности, остроумии...

Надо учиться повелевать — и делать это заблаговременно, — так же как и подчиняться.

Надо учиться скромности, учиться проявлять *такт* в скромности: отличать, уважать тех, кто скромен...

так же и с доверием — отличать, уважать...

За что мы платим наиболее дорогую цену? За собственную скромность; за то, что не прислушались к своим глубочайшим потребностям; за то, что позволяем себе смутиться; за то, что недооцениваем себя; за то, что не умеем расслышать даже шепота собственных инстинктов; — эта *нехватка самоуважения* мстит за себя тем, что мы *утрачиваем* слишком многое: здоровье, хорошее самочувствие, гордость, веселость, свободу, радость, мужество, дружбу. Позже мы никогда не простим себе этой нехватки истинного эгоизма: мы станем считать ее опровержением подлинного ego, сомнением в нем...

15 [99]

Вагнер положил на музыку одни только истории болезни, одни только интересные случаи, одни только сугубо современные типы дегенерации, ставшие для нас ясными именно в результате этого. Ничто не изучено нынешними врачами и физиологами лучше, нежели истерико-гипнотический тип вагнеровских героинь: уж тут Вагнер — знаток, тут он реалистичен до тошноты; его музыка — это главным образом психофизиологический анализ болезненных состояний, и в этом качестве она даже могла бы сохранить свою ценность, если бы только вкус <не был> целиком [— — —], и она больше даже не исполнялась бы. Что дражайшие немцы, слушая ее, имеют обыкновение грезить об исконно германских ощущениях — дельности и силы, относится к забавным чертам психологической культуры немцев: мы же, прочие, слушая Вагнера, переносимся в госпиталь и, повторю это, осматриваем его с большим интересом... Болезненность у Вагнера — отнюдь не нечто нарочитое, случайное, исключительное: она — самая суть его искусства, его инстинкт, его «бессознательность», она — его *невинность*; чувствительность, нагнетание аффектов — все ей причастно, а сфера [—] чудовищно обширна.

Сента, Эльза, Изольда, Брюнхильда, Кундри: славная галерея историй болезни — насколько инстинктивно Вагнер понимает женщину как женщину больную, можно видеть на примере чуть более естественной Евы из «Мейстерзингеров»: Вагнер не преминул дать ей на проявление характера целых двадцать минут, благодаря чему мы не ошиблись бы, записав это милое созданье на прием к психиатру. Против вагнеровских героев можно возразить прежде всего то, что у них у всех — какой-то ненормальный вкус: они любят исключительно тех женщин, которые должны бы вызвать у них отвращение... Они любят одних только бесплодных женщин — все эти «героини» в деторождении бестолочь, но исключение из этого правила довольно интересно: чтобы помочь своей Зиглинде обзавестись младенцем, Вагнеру пришлось учинить насилие над легендой — а может, не только над легендой: согласно вагнеровской физиологии, детей гарантирует только кровосмешение... Даже Брюнхильда — — —

15 [100]

Воля к власти
Опыт
переоценки всех ценностей

Книга первая.
Упадочные ценности.

Книга вторая.
Почему верх взяли
только ценности упадка.

Книга третья.
Современные веяния
как двусмысленность
ценностей.

Книга четвертая.
Ценность будущего
(как выражение *более крепкой породы людей*)
которая сперва должна возникнуть...

Критика громких *слов*
человек самоотверженный

«героическое»
«сострадание»
об «умиротворении души»

мученик.
скромность
(чем за нее расплачиваются...)

15 [101]

Картина декаданса: его симптомы.

Зарастание высших ценностей плевелами этих симптомов.

{ Философия как декаданс
Мораль как декаданс.
Религия как декаданс.
Искусство как декаданс.
Политика как декаданс }

15 [102]

I
Упадочные ценности

II
Встречное движение и его судьба

III
Проблема современных веяний

IV
Великий полдень

15 [103]

la méditation affaiblit comme feraient des évacuations excessives (Tissot, De la santé des gens de lettres p. 43)[1] 1784

У человека, занятого сложными вычислениями, снижается чувствительность, равно как и произвольная способность к сокращению мышц; их объем уменьшается.

15 [104]

Сколь важную роль играет одухотворение всякого рода похоти — классический пример этому можно найти в satura Menippea Петрония. Надо почитать их одновременно с сочинениями которого-нибудь из отцов церкви и решить для себя: откуда веет *более чистым* воздухом... Там нет ничего такого, что своей безнравственностью и шаловливым озорством могло бы повергнуть в отчаяние какого-нибудь древнего жреца

15 [105]

NB NB учение о *социальной среде* — теория декадентская, но проникшая в *физиологию* и овладевшая ею

15 [106]

Теория среды, сегодня par excellence *парижская* теория, сама есть свидетельство губительного разложения личности: если уж среда начинает формировать индивида, а фактическому положению дел соответствует понимание первостепенных талантов как простой комбинации влияний окружения, — то упущено время, когда еще можно было собирать, копить, снимать урожай: упущено *будущее*... Настоящее пожирает то, что само же и породило, — и, увы, нисколько не насыщается...

---

1 Размышления ведут к слабости — так причиняют неудобства чрезмерные телесные очищения. (Тиссо. О здоровье писателей. С. 43) (*фр.*).

15 [107]

In summa: в героизме нет никакой корысти — ведь герой идет на смерть... *Применение* силы нередко бывает спровоцировано случайными обстоятельствами времени, в которое выпало жить великому человеку: а это порождает суеверие, будто он и есть выражение своего времени... Но та же сила могла быть израсходована на многие другие вещи, а между героем и его временем всегда остается то различие, что «общественное мнение» привыкло молиться на инстинкт стада, то есть слабых, а он — *сильный*, он — *сама* сила...

15 [108]

Верующие люди хорошо понимают, сколь бесконечно многим обязаны христианству, и заключают отсюда, что, стало быть, его основатель — фигура первого ранга... Такой вывод ложен, но это типичный вывод почитателей. Объективно говоря, могло быть, *во-первых*, так, что они впали в заблуждение относительно ценности того, чем обязаны христианству: убеждения не могут служить доказательством своего предмета, а в случае религий, пожалуй, еще и возбуждают против него подозрения... А могло быть, *во-вторых*, и так, что то, за что надо благодарить христианство, следует приписывать не его основателю, а уже готовому строению, полностью завершенному — основанной им церкви. Понятие «основатель» столь многозначно, что может означать даже просто-напросто возникновение движения по какому-нибудь случаю: фигура основателя увеличивалась по мере того, как росла церковь; но как раз такая оптика почитания позволяет думать, что некогда основатель был чем-то весьма расплывчатым и неточным — а было это в самом начале... Вспомним, с какою *свободой* Павел трактует проблему личности Иисуса, чуть ли не фокуснически заставляя его исчезнуть: это некто умерший, которого видели после его смерти, некто осужденный евреями на смерть... Просто некий «мотив»: а уж музыку *он* пишет потом... А в начале — один нуль —

15 [109]

Мораль господ
Мораль жрецов
Мораль чандалы
(мораль слуг)
Стадная мораль
Мораль декаданса
Народная мораль

15 [110]

альтруизм

Выдвинув на первый план учение о нестяжании и любви, христианство тем самым еще отнюдь не сочло интерес рода более ценным, нежели интерес индивидуума. Его подлинным *историческим* следствием, роковым следствием, было, наоборот, *усиление эгоизма*, индивидуального эгоизма, до крайности (—а именно до крайности индивидуального бессмертия). Благодаря христианству об индивидууме стали воображать так много, считать его столь безусловным, что *жертвовать* им стало уж никак нельзя: но род ведь существует лишь благодаря человеческим жертвоприношениям... Все «души» становятся *равны* перед Богом—но как раз это-то и есть наиболее опасный из всех способов ценить! Уравнивание индивидуумов ставит под вопрос существование рода, благоприятствует практике, фактически равнозначной гибели рода: христианство—принцип, *противоположный отбору*. Если, согласно суждению Паскаля о болезни и здоровье, выродок и больной («христианин») окажется столь же ценным, как и здоровый («язычник»), а то и более ценным,—то естественный ход развития тем самым перечеркивается, а законом становится *противоестественность*... Это всеобщее человеколюбие in praxi есть *предпочтение* всего страждущего, обойденного жизнью, выродившегося: она фактически извела, истощила способность, ответственность, высокий долг жертвовать людьми. Осталось, по схеме христианского мерила ценностей, только одно: жертвовать собою—но этот *остаток* человеческих жертвоприношений, одобряемый и даже рекомендуемый христианством, с точки зрения культивирования всего человече-

ства, совершенно лишен смысла. Для процветания рода безразлично, жертвуют ли собой те или иные индивидуумы (—будь то на лад монахов и аскетов или на лад «мучеников» за заблуждения — посредством распятий, костров и эшафотов). Роду нужна гибель неудавшихся, слабых, выродившихся: но к ним-то как раз и обращается христианство как сила охранительная, она только усиливает и без того сильный инстинкт слабых — щадить себя, сохранять себя, взаимно друг друга поддерживать. Что такое в христианстве «добродетель», что́ — «человеколюбие», если как раз не эта взаимная поддержка, не эта солидарность слабых, то есть палки в колеса отбора? Что такое христианский альтруизм, если не массовый эгоизм слабых, нутром чующий, что если все станут заботиться друг о друге, то каждому удастся продержаться дольше?.. Кто не чувствует, что такое умонастроение есть не более чем крайняя *неморальность*, не более чем преступление перед жизнью, тот сам принадлежит к шайке больных и делит с ними их инстинкты... Настоящая любовь к людям требует жертвы на благо рода — она сурова, она реализуется в самопреодолении, ибо нуждается в человеческих жертвоприношениях. А эта псевдогуманность, которая зовется христианством, стремится добиться своего как раз в прямо противоположном — чтобы *никто не был принесен в жертву*...

15 [111]

О воздействии музыки Вагнера

Музыка, под которую нельзя дышать ритмично, вредна для здоровья. Если музыка подходит к нам с ясной божественностью, уверенной поступью, то и для мускулов наших праздник — мы становимся сильней, и этот прирост силы можно даже измерить. Как же это получается, что вагнеровская музыка лишает меня сил, возбуждает во мне чисто физическое ощущение невыносимости, под конец выражающее себя в испарине? Один, самое большее два акта Вагнера — и я бросаюсь вон из зала. Нужно твердо усвоить, что всякое искусство, враждебное физиологии, это искусство опровергнутое... Музыку Вагнера можно опровергнуть физиологически...

15 [112]

Критика современной души
Три последних столетия

15 [113]

Добрый человек. Или: гемиплегия о добродетели. У любого сильного, не изменившего природе человека любовь и ненависть, благодарность и месть, дружелюбие и гнев, Да и Нет в поступках накрепко связаны. Он добр, потому что умеет быть и злым; он зол, потому что иначе не видит, как быть добрым. Откуда же берется эта болезнь и идеологическая противоестественность, отвергающая такую двусмысленность, твердящая, что высшее состояние — заключается в том, чтобы быть годным лишь наполовину? Откуда берется эта гемиплегия от добродетели — выдумка о добром человеке? Идея доброго человека чревата требованием обрезания тех инстинктов, благодаря которым человек умеет враждовать, наносить вред, злиться, дышать местью... Этой противоестественности соответствует еще и дуалистическая концепция двух существ — одного совершенно доброго и одного совершенно злого (Бога, духа, человека), причем в первом сосредоточены все позитивные, а во втором — все негативные способности, желания, состояния. Такая система ценностей считает себя «идеалистической»; она ничуть не сомневается в высшей желательности концепции «добра». А уж достигнув своей высшей степени, она выдумывает такое состояние, в коем всякое зло искоренено, а в мире истины остаются лишь добрые существа. Стало быть, она не считает непреложным, что добро и зло, будучи противоположностями, взаимно обусловливают друг друга; наоборот, зло должно-де исчезнуть, а добро — остаться, одно имеет право на существование, а другого *и вовсе быть не должно...* Что бы все это значило?——

Во все, а особенно в христианские времена, тратилось немало сил, чтобы низвести человека до этой *половинной* годности, до «добра»: да и нынче нет недостатка в церковно-ушибленных и *изнуренных*, для которых эта цель совпадает с «очеловечением» вообще, или с «волей Божьей», или со «спасением души». Тут у них важную роль

играет требование, чтобы человек не творил зла; чтобы ни при каких обстоятельствах он не причинял вреда, *не желал* причинять вред... Путь к этому один: отсечение всех возможностей вражды, изоляция всех инстинктов ressentiment'a, <объявление> «незлобивости» хроническим недугом.

Такое умонастроение, с помощью которого разводится определенная порода людей, исходит из следующей нелепой посылки: добро и зло для него—противоречащие друг другу реальности (а *не* взаимодополняющие ценностные представления, что как раз и было бы истиной), оно рекомендует стать на сторону добра, оно требует, чтобы добро полностью, с головы до ног, отворачивалось от зла, противилось ему,—*а на деле этим оно отрицает жизнь*, во всех инстинктах которой есть и Да, и Нет. Но само оно этого не понимает—напротив, оно только и грезит о том, чтобы вернуться к целостности, к единству, к полноте и силе жизни, представляя это себе как состояние спасенности, наступающее, когда, наконец, иссякает собственная внутренняя анархия, то есть нелады между двумя противостоящими ценностными импульсами. Может быть, до сей поры не было более опасной идеологии, большего бесчинства in physiologicis, нежели эта воля к добру: был выведен самый отвратительный из типов *несвободного* человека—ханжа, было создано учение, согласно коему будто бы именно только перед ханжою и открывается прямой путь к Богу, будто превращение в ханжу и есть богоугодное поведение...

—Но жизнь отстаивает свои права даже здесь—жизнь, не умеющая отрывать Да от Нет: что толку от всей души считать войну злом, стремиться не причинять вреда, не противиться! Войны все равно ведутся! Да иначе люди и вообще не могут! Добрый человек, отвергающий зло, пораженный—что кажется ему желанным—этой самой гемиплегией от добродетели, никак не может прекратить вести войны, иметь врагов, противиться словом и делом. Христианин, к примеру, ненавидит «грех»... И что только для него не «грех»! Именно благодаря вере в моральную противоположность добра и зла мир для него битком набит всем тем, что достойно ненависти, всем, с чем прихо-

дится вести никогда не прекращающуюся войну. «Добрый» ощущает себя словно бы со всех сторон осажденным злом, которое беспрестанно атакует его, он изощряет свое зрение — и все то же самое зло обнаруживает даже за спиною всех своих помыслов и желаний: а заканчивает, что только естественно, тем, что считает природу — злом, человека — испорченным, а доброту — благодатью (иными словами, чем-то для человека недостижимым). In summa: он *отрицает жизнь*, он считает само собою разумеющимся, что добро как высшая ценность *осуждает* жизнь... Это соображение должно было бы опровергнуть в его глазах всю его идеологию добра и зла. Но болезнь не опровергают...
И вот он сочиняет некую *иную* жизнь!..

15 [114]

Что может из себя сделать человек – типичные случаи. Или: восемь главных вопросов

1) Стремится ли он быть многоликим или цельным.
2) Стремится ли он стать счастливее или равнодушнее к счастью и несчастью.
3) стремится ли он стать удовлетвореннее собою или же взыскательнее и неумолимее к себе?
4) стремится ли он стать мягче, податливей, человечней — или же «бесчеловечней».
5) стремится ли стать хитрее или прямее.
6) стремится ли достичь одной цели или уклониться от всех целей (как, к примеру, делает философ, что в любой цели нюхом чует предел, тупик, тюрьму, глупость...).
7) стремится ли он достичь большего уважения или внушать больше страха? Или стать более *презираемым!*
8) стремится ли он стать тираном, или обольстителем, или пастырем, или стадным животным?

15 [115]

Что значит быть благородным?

Когда человек постоянно ощущает необходимость представлять ценность в собственных своих глазах. Когда он ищет ситуаций, где все время нужно утверждать себя вовне. Когда он предоставляет счастье *большинству* — счас-

тье как душевный покой, добродетель, comfort[1] (аглицки-ангельскую мелочную лавчонку à la Спенсер). Когда он инстинктивно стремится к большой ответственности. Когда он все умеет превращать во врага, в крайнем случае — хотя бы и себя самого. Когда он постоянно идет наперекор *большинству* — не на словах, а на деле.

15 [116]

Воинствующие и миролюбивые

Тот ли ты человек, у кого в крови — инстинкты войны? Если да, то вот и второй вопрос: кто ты по инстинкту — воин нападения или воин обороны?

— Все прочие люди, всё, что *не обладает* инстинктом воина, хочет мира, хочет согласия, хочет «свободы», хочет «равных прав»: но это — только имена и степени одного и того же.

— Уходить туда, где не нужно защищаться. Такие люди бывают *не*довольны собою, когда им приходится оказывать кому-нибудь сопротивление

— Создавать ситуации, где нет вообще никакой войны.

— В крайнем случае — подчиниться, стать смиренным, приспособиться. Это как-никак лучше, чем вести войну. Так советует инстинкт, скажем, христианину.

У прирожденных воинов есть в характере что-то вроде оружейного арсенала — в выборе позиций, в оттачивании каждого своего качества: у первого типа лучше всего развито «оружие атаки», у второго — обороны.

А невооруженные, беззащитные — какие же им потребны подсобные средства и добродетели, чтобы выстоять, не говоря уж о том, чтобы победить!

15 [117]

Об аскетизме сильных

Задача такого аскетизма, представляющего собою всего лишь предварительную подготовку, но еще не цель: нужно освободиться от прежних эмоциональных импульсов, заданных традиционными ценностями. Надо учиться шаг за шагом идти по пути, ведущему «за пределы добра и зла».

---

1 Удобство (*англ.*).

Первая ступень: сносить жестокости
творить жестокости

Вторая ступень, *более трудная*: сносить жалкие положения, ставить в них кого-нибудь, в том числе в качестве подготовительного упражнения: попадать в смешное положение самому, выставлять себя на посмешище.

— Вызывать к себе презрение, но вопреки ему держать дистанцию благодаря (*загадочной*) усмешке свысока

— брать на себя некоторые унижающие преступления, скажем, кражу денег, чтобы испытать свое хладнокровие

— какое-то время не делать, не говорить, не добиваться ничего, что не вызывало бы страха или презрения, что автоматически не ввергало бы людей приличных и добродетельных в состояние войны, — что не *ставило бы вне общества*...

— представляться прямо противоположным тому, что ты есть на самом деле (еще того лучше — не противоположным, а просто другим: это намного трудней)

— ходить по каждому канату, плясать на каждой возможности: *ноги* должны стать гениальными

— какое-то время действовать так, чтобы твои средства противоречили твоим целям, даже дискредитировали их

— постоянно демонстрировать характер, судя по которому никто не скажет, что у тебя есть еще пять или шесть других

— не пугаться перед лицом пяти скверных вещей: малодушия, плохой репутации, порока, лжи, бабы —

15 [118]

Изречения гиперборейца

Нам, гиперборейцам, отлично известно, как далеко в стороне мы живем. «Ни по воде, ни по суше ты не найдешь к гиперборейцам пути» — это знал о нас уже Пиндар.

За гранью Севера, льда, смерти — там *наша* жизнь! там *наше* блаженство!..

Великие предметы требуют молчания или великих слов: великих — значит циничных и сказанных в простоте души.

И самый из нас отважный редко отваживается на то, о чем, в сущности, *знает*...

В первобытности своего естества лучше всего отдыхаешь от своей неестественности, то есть от своей умственности...

Так что? Человек — просто ошибка Бога? или Бог — просто ошибка человека?

Не доверяем мы всем этим систематизаторам, мы их сторонимся. Стремление возводить системы — по меньшей мере для нас, мыслящих, — то, что компрометирует, форма неморальности.

Женщина, вечная женственность: сугубо воображаемая ценность, в которую верят одни только мужчины.

Женщину сотворил мужчина — из чего же? Из ребра своего Бога, своего «идеала»...

Женщины слывут глубокими — а почему? Потому что с ними никогда не дойдешь до дна. Но у женщин и нету никакого дна: это бочки Данаид.

Вдобавок женщины даже и не поверхностны.

Кто хорошо смеется, тот смеется и напоследок.

«Чтобы жить в одиночестве, надо быть животным или богом», — говорит Аристотель. Так докажем, что *надо быть тем и другим вместе*...

Праздность — мать всякой философии. Так значит, философия — порок?

Как мало надо для счастья! Достаточно звука какой-нибудь волынки... Без музыки жизнь была бы ошибкою.

Не впадать в малодушие, глядя на свершенные тобою поступки! Не отказываться от них задним числом! Укус совести — это нечто непристойное.

У брака очень долгое время совесть была нечиста перед собою самим. Неужто это правда? — Увы, это правда.

Все, с чем человек не умеет справиться, все, чего еще никто и никогда не переваривал, *грязь* жизни, — разве оно не было лучшим для нас удобрением?

Время от времени немного глупости — о, как благоухает тогда вновь собственная мудрость!

Предельная решимость может позволить себе снизойти до подлости. «Добрые» слишком для этого робки.

Мужчина робеет перед всякого рода «вечною женственностью»: бабенки это знают.

Что не губит нас — то губим *мы*, а нас это закаляет. Il faut tuer le Wagnerisme.[1]

«Для меня они были ступенями. Я поднялся по ним. Для этого мне пришлось оставить их за собою. А они-то ждали, что я присяду на них».

«Всякая истина односложна»: вот одна, но двойная ложь.

Все односложное — не более чем фикция, оно не «истинно». А то, что действительно, что истинно, — и не единица, и даже не сводится к единице.

Свойствен ли трагизм вьючной скотине? Когда она гибнет под бременем, не в силах ни снести его, ни сбросить?..

---

1 Вагнеровщину надо уничтожить (*фр.*).

Из разговора женщин: «Истина? О, вы не знаете истины!.. Ведь это же посягательство на все наши pudeurs[1]»!

«Равным – равное, неравным – неравное: так гласит наша справедливость. А отсюда следует: никогда не равнять между собою неравных».

Кто не умеет налагать на вещи узду своей воли, тот влагает в них хотя бы *смысл*: это значит, он верит в то, что смысл там уже есть.

Широкий размах вырабатывается как следствие великой страсти. Ему претит нравиться, он не думает о том, что должен быть убедительным. Он приказывает. Он *повелевает*.

Художники, какими они обыкновенно бывают, если они – настоящие, то есть непритязательные в своих потребностях, хотят, в сущности, только двух вещей: есть свой хлеб и творить свое искусство, panem et *Circen*...

Людей, признанных посмертно, понимают хуже, но слышат лучше, чем признанных в свою пору. А строго говоря, их вообще не понимают – но именно поэтому они пользуются *авторитетом!*

Хороший вкус in physiologicis: когда нам претит набрасывать покровы морали на нашу естественность, когда даже в душевной сфере нам нравится лишь *обнаженная натура*.

Будь поскромнее: раз уж выбрал добродетель и «вздымающуюся грудь», не думай заодно о воровских барышах.

Добродетель остается самым дорогостоящим из пороков: так пусть она *остается* им и впредь!

Человек – эгоист заурядный: даже для самого сообразительного привычка важнее выгоды.

---

1 *Здесь*: стыдливо охраняемые тайны (*фр.*).

Болезнь — сильное возбуждающее. Правда, возбуждающие средства требуют здоровья.

Изысканный вкус кладет предел и познанию. Он раз и навсегда от многого *отворачивается.*

Когда мужчина целомудрен? Когда сохранил благородный вкус в вопросах пола; когда in eroticis[1] он не выносит ни грубости, ни болезненности, ни умничанья.

Если у человека есть в жизни интерес, он готов примириться с любым обстоятельством. Он гонится *не* за счастьем, как воображают англичане. —

Разве можно внушать заурядности отвращение к собственной заурядности! Я, разумеется, делаю прямо противоположное: каждый шаг от нее ведет — учу я — к *неморальности...*

Наши глубочайшие убеждения, наша неколебимость в вопросах высших ценностей — просто суждения наших мускулов.

«Как, ты не знаешь, что нужно, чтобы удесятерить свои силы?» — «Что, последователи?» — «Нет, нули!!»

— И как любой, у кого правоты в преизбытке, я не забочусь о том, чтобы ее доказать. (Конец предисловия)

15 [119]

биологические изотермы

15 [120]

Что хорошо? — Все, что усиливает в человеке ощущение власти, волю к власти, саму власть.

Что плохо? — Все, что делается от слабости.

Что такое счастье? — Ощущение того, что власть вновь возросла, что преодолено еще одно препятствие.

---

1 В делах любовных (*лат.*).

Никакого самодовольства — больше власти; никакого мира вообще — больше войны; никакой добродетели — только дельность (добродетель в духе Возрождения, virtù[1], добродетель без примеси моралина).

Слабое и неудачное должно погибнуть: вот главный императив жизни. И не надо выставлять сострадание добродетелью.

Что опаснее любого порока? — Сострадать, помогать слабым и калекам — христианство...

* * *

Какой вид придет когда-нибудь на смену человечеству? Да ведь <этот вопрос> — чистейшей воды идеология дарвинистов! Как будто хоть одному виду приходил на смену другой! Что до меня, я думаю, это проблема иерархии внутри человеческого вида, в прогресс которого в общем и целом я не верю; проблема иерархии человеческих типов, которые всегда были и всегда будут.

Я различаю два типа: тип восходящей жизни и тип упадка, разложения, слабости.

Казалось бы, надо ли еще вообще ставить вопрос об иерархии этих двух типов?

Тип более сильный встречался прежде довольно часто: но только в виде счастливых случаев, в виде исключений и никогда — согласно *воле*. Скорее, его изо всех сил старались выжить, *помешать* ему — против него всегда были большинство, инстинкт всякого рода заурядности, более того, хитрость, тонкость, ум слабых — и, следовательно, «добродетель»... чуть ли не до сей поры он был тем, что внушает страх: страх-то и побуждал взращивать и *выводить* прямо противоположный тип — домашнее животное, стадное животное, больное животное, христианина...

* * *

---

1 Доблесть (*ит.*).

16. Весна и лето 1888

16 [1]

Турин, 21 апреля, в дороге

— Братья мои, — молвил старший карлик, — нам грозит большая беда. Я догадался, какое злое дело задумал этот великан. Он вознамерился нас оросить. А великаны делают это по-великански, и уж тогда не миновать потопа. Если он нас оросит, мы пропали. Не говорю уж о том, в сколь одиозной субстанции нам предстоит тогда захлебнуться.

— Вопрос в том, — сказал второй карлик, — как помешать великану в его великанском деле.

— Вопрос в том, — сказал третий карлик, — как вообще помешать всякому великому делать великое дело *великим образом.*

— Благодарствую, — с достоинством отвечал старший карлик. — Итак, наша проблема приобрела философский размах, стала вдвойне интересной, а ее решение уже подготовлено.

— Его надо напугать, — сказал четвертый карлик.

— Его надо взять щекоткою, — сказал пятый карлик.

— Ему надо искусать пальцы на ногах, — сказал шестой карлик.

— Так будем же делать все зараз, — подытожил старший. — Думаю, мы выйдем из этой ситуации с честью. Нет, не оросить нас этому великану.

16 [2]

Опасное и призрачное в жизни —

27 апреля ночью

16 [3]

Воображаемые причины

16 [4]

Все ужасающее брать на службу себе — мелкими порциями, на пробу, потихоньку: это входит в задачу культуры. Но покуда она для этого достаточно сильна, ей надо с ним бороться, обуздывать его, утаивать его, а если надо, так предавать проклятью и уничтожать. Всюду, где культура видит зло, она тем самым проявляет свое отношение к нему как ужас: тут сказывается ее *слабость*. Все доброе само по себе — это зло прежних времен, поставленное на службу.

16 [5]

Критерий можно усмотреть вот в чем: чем более ужасающи и велики страсти, которые позволяют себе эпоха, народ, личность, если они умеют пользоваться ими как средствами, тем выше уровень их культуры. И наоборот: чем заурядней, слабей, покорней и трусливей — *добродетельней* — человек, тем более он вхож в царство зла. Человек наиболее подлый должен видеть царство зла (то есть все, что ему запрещено и враждебно) повсюду вокруг себя.—

16 [6]

Воспитание: система способов уничтожать исключения на благо правилу. *Образование*: система способов направлять вкус *против* исключений, на благо посредственности. В качестве системы оно жестоко; но с точки зрения экономии — совершенно резонно. Это верно по меньшей мере для той длительной эпохи, когда культура держалась еще с трудом, а всякое исключение представляло собою некий вид расточения силы (то, что отклоняет в сторону, совращает, подрывает здоровье, изолирует). Культура исключений, искушений, риска, оттенков — *тепличная культура* для выращивания экзотических видов — имеет право на существование лишь тогда, когда в наличии достаточно сил, чтобы даже расточительство стало отныне экономным.

16 [7]

Господство над страстями, а *не* их ослабление или искоренение! Чем больше властвующая сила нашей воли,

тем больше свободы можно предоставить страстям. Великий человек велик благодаря пространству, в пределах которого свободны его желания: но он достаточно силен, чтобы превращать этих чудищ в домашних животных...

16 [8]

На любой ступени цивилизации «добрый человек» и безвреден, и полезен: это нечто среднее, выражение в общественном сознании того, чего не надо бояться, но *тем не менее* не стоит и презирать...

16 [9]

В войне против *великих людей* есть много смысла. Они опасны, они капризны, они исключительны, они порывисты — и довольно сильны, чтобы угрожать тому, что закладывалось и строилось так долго, это люди — вопросительные знаки, поставленные после предметов нерушимой веры. Надо не только безопасно разрядить эту взрывчатку, но и *предотвратить* ее образование и накопление, если только возможно: вот что рекомендует инстинкт цивилизованного общества.

16 [10]

Вершины культуры и цивилизации не совпадают: не надо заблуждаться относительно бездонного антагонизма культуры и цивилизации. Великие моменты культуры всегда были, выражаясь на моральный лад, эпохами разложения; в свой черед, эпохи сознательного и принудительного *приручения* («цивилизирования») человека были временами нетерпимости к наиболее духовным и отважным натурам. Цель цивилизации — совсем иная, чем цель культуры, и, может быть, даже противоположна ей...

16 [11]

— решимость и последовательность: по Гёте, достойнейшие качества человека —

16 [12]

Жизнь сама по себе — это отнюдь не средство достичь какой-нибудь цели; она — просто форма прироста власти.

16 [13]

Скромный, прилежный, благожелательный, посредственный, миролюбивый и дружелюбный: вы хотите, чтобы человек был таким? Так вы представляете себе *доброго* человека? Но все, чего вы этим добьетесь, — всего лишь китаец будущего, «овечка Христова», законченный социалист...

16 [14]

Кто не видит цели в себе самом, кто вообще не может полагать цели из себя самого, тот отдает должное морали самоотречения. К этому побуждает его все — собственное благоразумие, собственный опыт, собственное тщеславие...

16 [15]

Борьба со «старою верой», которую вел Эпикур, была, в точном смысле слова, борьбою с христианством *до христианства*: борьбою с уже помрачившимся, оморaленным, скисшим от ощущений виновности, немощным и хворым, старым миром.

Не «порча нравов» в античности, а как раз ее оморaливание — вот условие, при котором христианство только и смогло воцариться над нею. Моральный фанатизм (короче: Платон) разрушил язычество, переоценив его ценности и влив яду в его невинность. Нам надо, наконец, понять: то, что было тогда разрушено, стояло *выше* того, что воцарилось! Христианство родилось на почве физиологической порчи, и только на такой испорченной почве могло оно пустить корни...

16 [16]

Мы, немногие, — а, может быть, и многие, — что вновь отваживаемся жить в *очищенном от морали* мире, мы, язычники по своей вере: мы, вероятно, и первые, кто понял, что такое языческая вера, — это, очевидно, представление о *существах, стоящих над* человеком, — но стоящих за пределами добра и зла; это, очевидно, оценка всего, что стоит выше, как неморальности. Мы веруем в Олимп — а *не* в «Распятого»...

16 [17]

Историю как науку, сдается, растрачивают на пустяки, постоянно делая одно и то же ошибочное заключение: «та или иная форма погибла, *следовательно*, она ниспровергнута». Как будто гибель — это контраргумент, не говоря уж — *ниспровержение*! Что доказала гибель последнего аристократического общественного устройства? Неужто то, что такое устройство нам больше не нужно?...

16 [18]

Мало обладать умом, живя среди немцев: надо еще его набраться, надо его *раздобыть*. Надо набраться мужества, чтобы быть немцем посреди французов.

16 [19]

Набрался мудрости — наберись ума! Сильный аффект, порок, сумасбродство — вот где отныне ты будешь находить спасение!

16 [20]

— а если уж моя философия представляет собою ад, то хотя бы замощу-ка я дорогу к нему благими сентенциями.

16 [21]

Если бытие нам лжет, если оно отличается «скверным характером» — а это как раз очень даже вероятно, — чем будет тогда истина, вся наша истина? Еще одним лицемерием?

16 [22]

Сделал глупую вещь — немедля пошли ей вослед две умных: тогда сможешь ее вернуть.

16 [23]

Как же должна была оскудеть воля, чтобы столь превратно понять мир как «волю» на манер Шопенгауэра! У философа *нет* никакой воли, даже когда речь идет о воле (— так и в Новом Завете нет никакого *духа* — даже вопреки «Духу Святому» —)

16 [24]

Без музыки жизнь была бы ошибкою.

16 [25]

Человек, мелкая, зарвавшаяся порода животных, у которой, на ее счастье, есть еще время; жизнь на Земле вообще — мгновенье, эпизод, исключение без продолжения, нечто ничего не значащее для жизни Земли в целом; сама Земля, как и любое небесное тело, — зиянье промеж двух пустот, событие без плана, разума, воли, самосознания, сквернейшая разновидность необходимого — *тупая* необходимость... Есть в нас что-то, что возмущается против такого воззрения; змея тщеславия нашептывает нам, что «все это, вероятно, ложь: *ибо* это возмутительно... Разве не может все это быть только видимостью? И человек <тоже>, несмотря ни на что, говоря вместе с Кантом, — — —

16 [26]

Да неужто «зло» может быть возражением против существования! Но что дольше всего внушало отвращение *нам*? Разве не точка зрения «блага», разве не невозможность избежать «блага»? Разве не представление о «Боге»?

16 [27]

Кто болен, тот должен убраться подальше с глаз долой: только так ведут себя философы, только так ведут себя животные...

16 [28]

Есть мыслители утренние, есть мыслители послеполуденные, есть ночные совы. Не забыть и благороднейший вид: *полуденных* — тех, в ком всегда дремлет Великий Пан. В полдень весь свет падает отвесно...

16 [29]

Нам не хватает в музыке эстетики, что сумела бы связать сочинителей законами и внушила бы им совесть; и, как следствие, нам не хватает настоящей борьбы за «принципы» — ибо мы, музыканты, смеемся над поползновениями Гербарта в этой сфере так же, как и над Шо-

пенгауэровыми. На практике отсюда следует одна большая трудность: мы уже не в состоянии *обосновать* понятия «образцовое произведение», «мастерство», «совершенство» — мы лишь слепо обшариваем сферу ценностей инстинктом старой любви и восхищения, мы чуть ли не верим, будто «хорошо то, что *нам* нравится»... Я не верю тем, что в простоте души, нимало не сомневаясь, объявляют Бетховена «классиком»: я бы непременно оставил в силе то, что понимают под классиком в других искусствах, а именно — тип, противоположный Бетховену. Но уж когда даже полное и бьющее в глаза разложение стиля у Вагнера, его так называемый драматический стиль, насаждается и почитается в качестве «образца», в качестве «мастерства», в качестве «прогресса», моему терпенью приходит конец. Драматический стиль в музыке, как его понимает Вагнер, — это отказ от стиля вообще под тем предлогом, что нечто иное во сто крат важнее музыки: а именно драма. Вагнер умеет рисовать, он использует музыку не в качестве музыки, он подчеркивает позы, он — поэт; наконец, он, подобно всем людям театра, взывает к «прекрасным чувствам» и «вздымающейся груди»; всем этим он склонил на свою сторону женщин и даже неучей: но что женщинам и неучам до музыки! У всего этого нет для искусства совести; оно отнюдь не страдает, когда над первыми и непременными добродетелями искусства, так, словно они — ancilla dramaturgica[1], издеваются и топчут их ногами на благо второстепенных целей. Что толку во всем этом обогащении выразительных средств, если то, что́ выражает, — само искусство — утратило свой собственный закон? Живописная роскошь и звуковая мощь, символика звука, ритма, нюансов окраски гармоний и дисгармоний, суггестивность музыки в сравнении с иными искусствами, вся *чувственность* музыки, возобладавшая вместе с Вагнером, — все это Вагнер учуял в музыке, вытащил, развил. Виктор Гюго сделал нечто подобное в отношении языка: но уже сегодня во Франции, говоря о случае Виктора Гюго, задаются вопросом, а не сделал ли он это языку на погибель... не подавлены ли, благодаря усилению чувствен-

1 Служанка драматургии (*лат.*).

ности в языке, разум, духовность, глубинные законы языка? Что поэты во Франции превратились в ваятелей, музыканты в Германии — в лицедеев и декораторов от культуры, — это ли не признак *декаданса*?

С помощью музыки Вагнер делает все что угодно, только не музыку: он дает почувствовать восторги, добродетели и страсти.

Музыка для него — средство

И разве не утрачены ею вся более духовная красота, возвышенно-шаловливое совершенство, отважно принимающее в свои объятья и изящное, увлекательные прыжки и пляски логики, — — —

16 [30]

Для воина в походе за знанием, постоянно катающегося по земле в борьбе с отвратительными истинами, вера в то, *что истины вообще не бывает*, — это великая баня и отрада для уставших членов. Нигилизм — это *наша* разновидность праздности...

16 [31]

Добродетель бывает подчас всего лишь почтенною формой глупости: и кто стал бы освистывать ее за это? А такой вид добродетели не изжит и по сей день. Эта своего рода доброчестная крестьянская простота, которая возможна, правда, во всех сословиях и к которой стоит относиться не иначе чем с почтением и улыбкою, и нынче еще верит, что все — в добрых руках, а именно в «руце Божьей»: а уж коли эти крестьяне настаивают на своем тезисе с тою скромной уверенностью, с какой сказали бы, что дважды два — четыре, то и мы, прочие, удержимся от возражений. К чему омрачать *эту* чистосердечную глупость? К чему бросать на нее тени от наших забот о человеке, народе, цели, будущем? Но даже если бы мы захотели, нам не удалось бы этого сделать. Они проецируют собственную почтенную глупость и доброту *в сами* вещи (ведь для них жив еще древний бог — deus myops[1]); мы же, не такие, мы заглядываем в вещи, сознавая нечто иное: нашу зага-

---

1 Близорукий бог (*лат.-греч.*).

дочную природу, наши противоречия, нашу более глубокую, более мучительную, более недоверчивую мудрость.

16 [32]

В чем я признаю равное себе. Философия, как я ее до сей поры понимал и как жил ею, есть бескорыстное выискивание даже проклятых и безотрадных сторон существования. Долгий опыт, приобретенный мною в таком странствии по льдам и пустыням, научил меня смотреть на все, о чем философствовали прежде, иначе: мне открылась *сокровенная* история философии, <то есть> психология ее великих имен. «Сколько истины может *вынести*, на какие количества истины может *отважиться* ум?» — вот что стало моим подлинным мерилом. Заблуждение есть *малодушие*... любое достижение в познании *обусловлено* мужеством, суровостью к себе самому, честностью по отношению к себе... Такая экспериментальная философия, какою я живу, в виде попытки предвосхищает даже возможности принципиального нигилизма: но это вовсе не означает, что она остановилась на Нет, на отрицании, на воле к отрицанию. Наоборот, ей нужно прорваться сквозь толщу противоположного — к *дионисийскому приятию* мира, как он есть, без изъятий, исключений и отбора, — ей нужно вечное круговращение, <круговращение> тех же вещей, того же смысла и бессмыслицы проблем. Высшее состояние, какого может достичь философ, — относиться к бытию дионисийски: я выражаю это формулой amor fati[1]...

— Сюда входит понимание тех сторон существования, что прежде отрицались, не только как *необходимых*, но и как желанных: и желанных не только в связи с прежде одобрявшимися сторонами (скажем, как их дополнения или предусловия), но и ради них самих — как более мощных, творческих, *истинных* сторон существования, в коих его воля высказывает себя яснее. И в таком же точно смысле сюда входит оценивание тех сторон существования, что прежде только *одобрялись*; надо понять, откуда идет такая оценка и сколь мало обязательна она для дионисийского измерения ценности бытия: я в этом разобрался и выяснил, *откуда*

1 Любовь к судьбе (*лат.*).

тут на самом деле исходит одобрение (от инстинкта страждущих, во-первых, от инстинкта стада, во-вторых, а в-третьих, от *инстинкта большинства* в пику исключениям). Тем самым я угадал, насколько некая иная, более сильная порода людей неизбежно должна будет наметить себе — в каком-то другом направлении — возвышение и усиление человека: *высшие существа* будут жить за пределами добра и зла, за пределами тех ценностей, что не в состоянии скрыть свое происхождение из сферы страдания, стада и большинства,— я искал начатки такого обратного развития идеалов в истории (понятия «языческий», «классический», «благородный» заново мною открыты и установлены —)

16 [33]

Рихард Вагнер, если судить только по его ценности для Германии и немецкой культуры, остается большим вопросительным знаком, для немцев — может быть, бедствием, но в любом случае — судьбой: ну так что ж? Разве он — не нечто много большее, чем просто немецкое событие?.. Меня даже подмывает думать, что он нигде не уместен так мало, как в Германии; место для него там еще не расчищено, и весь его тип для немцев попросту чужд, странен, непонятен, непостижим. Но они избегают признаваться себе в этом: они для этого чересчур добродушны, чересчур квадратны, чересчур немцы. «Credo quia absurdus est»[1]: вот чего хочет немецкий ум, чего он хотел и в данном случае,— и покамест верит во все, во что хотел верить насчет себя сам Вагнер. Немецкому уму во все эпохи не хватало тонкости и дара предвидения in psychologicis[2]. Нынче, когда его гнетет квасной патриотизм и самопоклонение, он на глазах застывает и грубеет: уж где ему дорасти до такой проблемы, как Вагнер!

16 [34]

В сущности, и музыка Вагнера — это все еще литература, как и весь французский романтизм; колдовство экзотики, далеких эпох, нравов, страстей, которому поддают-

1 «Верую, ибо он [Вагнер] нелеп [т.е. непонятен]» (*лат.*).

2 В вопросах психологии (*лат.*).

ся чувствительные бездельники; восторг погружения в неимоверно дальнюю, иноземную и доисторическую обстановку, доступную лишь через книги, – и вот уж весь окоем разрисован новыми красками и возможностями... Предчувствие еще более дальних, непознанных миров; dédain[1] к бульварам... А ведь национализм, если смотреть на вещи трезво, – это лишь еще одна форма любви к экзотике... Композиторы-романтики повествуют о том, что сделали с ними экзотические книги: люди любят всё exotica[2], страсти во флорентийском или венецианском вкусе: в конце концов они *начинают довольствоваться* их угадыванием в *образе*... А главное – манера заводить *новые* пристрастия, стремление подражать, следовать примеру, переоблачение, душевное лицедейство... Романтическое искусство – всего лишь паллиатив некоей легкомысленно отвергнутой «реальности»...

Наполеон, страсть новых возможностей души... Раздвигание пределов души...

Попытка *делать* нечто новое: революция, Наполеон...

Изнурение воли; тем большее бесчинство в жажде ощущать новое, представлять себе новое, грезить о новом...

И следствие пережитых крайностей: волчий голод по крайним ощущениям... Чужеземные литературы приправили все острейшими пряностями...

16 [35]

О будущем брака:

дополнительное обложение налогами наследств и т.д., а также дополнительная воинская повинность для холостяков определенного возраста будут расти и расти (в пределах общины)

льготы всякого рода для отцов, в изобилии одаряющих мир мальчиками: при известных условиях – множественность голосов

медицинское освидетельствование, предшествующее заключению брака и подписанное советом общины: а в нем множество вопросов, на которые должны будут ответить вступающие в брак и врачи («история семьи» –

---

1 Презрение (*фр.*).

2 Чужедальнее (*лат.*).

в качестве средства против *проституции* (или в качестве ее облагораживания): временные браки, узаконенные (на годы, на месяцы, на дни), с гарантией для <рожденных в них> детей

за каждый брак несут ответственность и ходатайствуют за него определенное число мужчин – доверенных из общины: входит в компетенцию общины

16 [36]

эти романтики, которым, как и их немецкому наставнику Фридриху Шлегелю, поголовно грозит опасность (говоря вместе с Гёте) «подавиться от пережевывания жвачки нравственных и религиозных нелепостей»

Шиллеровское начало в Вагнере: у него «страстное красноречие, великолепие слов выступают как прилив благородных мыслей» – сплав с более дешевым металлом

«Проживи Шиллер подольше, и он стал бы кумиром современников, даже тех, что видели выражение своих чувств и мыслей в Иффланде и Коцебу, в Николаи и Меркеле, а уж почет и богатства потекли бы к нему рекою» (Виктор Хен. «Размышляя о Гёте». С. 109).

«Сплошная бездушность», «низость и незначительность в герое»: подумать только – и это говорит Нибур, позволивший себе сказать о Вильгельме Мейстере, что тот «злился при виде балагана с ручною скотиной»

В образованных кругах сошлись во мнении, что, говоря словами Якоби, «тут заправляет нечистоплотный ум»

За что Гёте был благодарен Шиллеру? За то, что Вильгельм Мейстер его «увлек и сильно захватил, даже внушил болезненное ощущение собственной ущербности в искусстве. И вот, наконец, прямо в гуще вражеского лагеря, он обрел ум, поднявшийся вслед за ним на эту вершину».

К Кёрнеру в 1796-м: «В сравнении с Гёте я был и остаюсь в поэзии всего лишь оборванцем»

Но звезда Гёте бледнела даже в глазах Шиллера по мере того, как росла его собственная слава. Он увидел в нем соперника.

типичная ненависть больных к безущербным – к примеру, Новалиса – к Вильгельму Мейстеру: он нашел эту

книгу одиозной. «Из соломы и тряпья сварганен сад поэзии.» «Разум в нем подобен наивному бесу.» «Художнический атеизм — вот дух этой книги.» И это в то время, когда он бредил Тиком, как раз тогда вроде бы разыгрывавшим из себя ученика Якоба Бёме

16 [37]

Глубоко воздействие вагнеровского искусства — но главным образом оно тяжело, тяжело, как гиря: в чем же тут дело? Прежде всего, разумеется, не в вагнеровской музыке: эту музыку даже можно выдержать, — но только если ты уже покорен чем-то другим и как бы *утратил свободу*. Это другое — вагнеровский пафос, к которому он просто досочинил свое искусство; есть в этом пафосе чудовищная убедительность, от него перехватывает дыханье, он не позволяет исчезнуть какому-то предельному ощущению; есть и ужасающая *продолжительность* воздействия этого пафоса, которою Вагнер нас побеждает и будет побеждать всегда — а напоследок и вовсе заставит поверить в свою музыку... Да разве бывают гении с таким пафосом? Или хотя бы только *могут* быть?.. Если под гением художника понимать его подчиненную закону величайшую свободу, его божественную легкость, его находчивость в самом трудном, то у Оффенбаха (Эдмон Одран) даже больше права называться «гением», чем у Вагнера. Вагнер тяжел, как гиря, неповоротлив: нет ничего более чуждого ему, нежели мгновения задорного совершенства, которых этот скоморох Оффенбах достигает пять или шесть раз почти в каждой из своих bouffonneries[1]. Но, может быть, под гением надо понимать нечто иное. Другой вопрос, ответ на который я тоже собираюсь найти в первую очередь: разве можно назвать Вагнера с его *вот таким именно* пафосом — немецким? немцем? Или, может, скорее — исключением из всех исключений?..

Вагнер тяжел, тяжел, как гиря, — стало быть, не гений?..

1 Буффонад (*фр.*).

16 [38]

Первым делом надо как следует подсократить Вагнера, так, чтобы осталась одна четверть: прежде всего его речитативы, повергающие в отчаяние и самых терпеливых... Вагнеровское честолюбие требовало *назидать*, что в его произведениях необходимо все вплоть до мелочей... но справедливо обратное — там чересчур уж много излишнего, произвольного, ненужного... У него нет даже способности ощущать, что́ необходимо: так как же он *может требовать* ее от нас?

16 [39]

Наилучший пример того, сколь далеко заходит неспособность вульгарного агитатора масс отдавать себе отчет в смысле понятия «человек высшего склада», дает Бокль. Мнение, которое он столь ревностно оспаривает, — что «великие мужи», личности, князья, государственные деятели, гении, полководцы суть пружины и причины всех великих <исторических> движений, — он инстинктивно искажает так, будто оно равнозначно утверждению, что главное и самое ценное в такого рода «людях высшего склада» — это как раз их способность приводить в движение массы, короче говоря, в их воздействии на других... Но «высший склад» великого человека заключается в том, что он — принципиально иной, чем прочие, в его недоступности, в иерархической дистанции, — а вовсе не в каких-то воздействиях: это верно даже в том случае, если от деяний такого человека содрогается весь шар земной.

16 [40]

Эстетика

Общая идея: что такое прекрасное и безобразное

Нет ничего более условного, даже *ограниченного*, нежели наше чувство прекрасного. Кто захотел бы мыслить его в отрыве от радости, что дана человеку в человеке, тотчас потерял бы почву под ногами. В прекрасном человек восхищается собою как типом: в крайних же случаях он перед собою преклоняется. Природа типа такова, что он счастлив лишь при виде *себя самого*, — что он одобряет себя и только себя. Какое бы изобилие красот ни видел человек в мире, он всегда заполняет его только своею

собственной «красотой»: это означает, что он считает прекрасным все напоминающее ему об ощущении совершенства, с каким он как человек водворился посреди вещей. Неужто он, думая так, и впрямь *приукрасил* мир?.. Или, в конце концов, человек с точки зрения какого-нибудь высшего арбитра в делах вкуса будет, может быть, отнюдь не столь уж прекрасным?.. Не хочу сказать — ничтожным, но — несколько смешным?..

***

2

— О божественный Дионис, зачем ты тянешь меня за уши? — Я нахожу в твоих ушах что-то забавное, Ариадна: почему бы не заостриться твоему слуху?..

***

<3>

«Нет ничего прекрасного: прекрасен один только человек». Вот на такой-то простецкой идее и зиждется вся наша эстетика: это — ее исходная «истина».

Немедленно добавим сюда ту не менее простецкую «истину»-коррелят, что нет ничего более безобразного, нежели *неудачный* человек.

Если человек страдает от безобразного, значит, он страдает от выкидывания своего типа вон еще в зародыше; а как только хотя бы смутно припомнит о таком выкидыше, так сразу присваивает ему эпитет «безобразный». Человек переполнил мир безобразием: и это, безусловно, всегда только его собственное безобразие... Так что ж, разве он и впрямь *обезобразил* этим мир?..

***

<4>

Все безобразное ослабляет и омрачает человека: оно напоминает ему об упадке, опасности, бессилии. Действие безобразного можно измерять динамометром. Если его показание — внизу шкалы, значит, имеет место воздействие безобразного. Ощущение власти, воля к власти — в прекрасном они растут, в безобразном — падают.

<5>

В инстинкте и памяти накоплено чудовищное количество материала: тысячи знаков указывают нам на вырождение типа. Где есть хотя бы намек на изнуренность,

утомление, тяжесть, старость — или на окостенение, судороги, разложение, загнивание, там тотчас слово берет самое низшее из наших ценностных суждений: *там человек ненавидит безобразное...*

То, что он тут ненавидит, — это всегда *упадок его типа.* В этой ненависти заключена целая философия искусства.

***

<6>

Если мои читатели достаточно посвящены в знание того, что в великом мировом спектакле жизни даже «добрый человек» — форма утомления, то они отдадут должное последовательности христианства, представлявшего себе доброго как *безобразного.* В этом христианство было право. —

Недостойно философа говорить: «добро и красота едины», а уж если он добавит к сему «и истина тоже», то заслужит порку. Истина безобразна: *но у нас есть искусство,* дабы мы не погибли от истины.

***

7

Я всерьез стал размышлять об отношении искусства к истине раньше, чем о чем-то другом: перед этим разладом я стою с неким священным ужасом и по сей день. Ему была посвящена моя первая книга; «Рождение трагедии» верит в искусство на фоне некоей другой веры: что *жить с истиной невозможно*; что «воля к истине» — это уже симптом вырождения...

Здесь я вновь выставляю эту странно мрачную и неприятную концепцию той книги. Перед прочими пессимистическими концепциями у нее то преимущество, что она *неморальна*: она не внушена, подобно тому как это было с теми, Цирцеей философов — добродетелью. —

Искусство в «Рождении трагедии»

———

16 [41]

Вагнер в истории «европейского духа» и «современной души» — *колоссальное событие*: столь же колоссальным событием был Генрих Гейне. Вагнер и Гейне: вот два величайших обманщика, какими Германия одарила Европу.

16 [42]

Я отошел от Вагнера, когда он начал свое отступление к германскому Богу, к германской церкви и к германской империи: а как раз этим-то он и привлек к себе прочих.

16 [43]

NB Начало предисловия

Алхимик – вот единственный подлинный *благодетель* человечества.

Переоценивать ценности, делать из немногого многое, из малого – *золото*: вот единственное, чем можно облагодетельствовать человечество

лишь такие люди *обогащают*

прочие – всего-навсего *менялы*

Возьмем крайний случай: существует нечто предельно ненавистное, предосудительное – и вдруг именно оно превращается в золото: это мой случай...

16 [44]

Иной раз мне так и хочется *услышать*, каков я на деле. Но такой вопрос абсурдно чужд моим собственным привычкам.

Типичное для меня переживание (– у людей подобное – – –

В моей жизни и впрямь случается непредвиденное: это оттого, что мне не нравится заниматься возможным, – вот ведь до чего я погружен в свои мысли... Несколько дней тому назад благодаря случаю я понял, что не думаю ни о каком «будущем»; то, что впереди, для меня – одна только плоская степь: на ней нет никакого желания, даже желаньица, никаких планов на будущее, никакого стремления что-то менять. А есть у меня главным образом лишь то, что нам завещано одним святым эпикурейцем: забота о ближайшем дне, о завтра... и единственное мое ухищрение состоит в том, чтобы сегодня знать, что́ должно случиться завтра.

naufragium feci: bene navigavi[1], – – –

---

1 Потерпев кораблекрушение, я стал хорошим моряком (*лат.*).

16 [45]

Этот великий кудесник испытывает счастье удава, в пасть к которому спешат и самые невинные...

16 [46]

эти кретины от культуры, эти «вечно-женственные», — — —

16 [47]

в Германии, где идеал с его чадным энтузиазмом не опровергает художника, а чуть ли не служит ему оправданием (он засчитывается в пользу Шиллера!.. и когда говорят «Шиллер и Гёте», мнят, будто первый из них, будучи идеалистом, выше, серьезней второго: это он-то, герой сценической позы!

16 [48]

Что касается истерико-героической бабы, выдуманной и положенной на музыку Рихардом Вагнером, — этого двуполого созданья на самый двусмысленный вкус:

что этот тип никогда не вызывал полного отвращения даже в Германии, обусловлено, хотя и далеко не оправдано тем, что уже поэт несравненно более великий, нежели Вагнер, — благородный Генрих фон Кляйст — осенял его там же покровительством гения. Я далек от того, чтобы усматривать зависимость Вагнера от Кляйста хотя бы в этом: Эльза, Сента, Изольда, Брюнхильда, Кундри — порождения скорее французского романтизма, и у них — — —

16 [49]

Величие композитора измеряется вовсе не прекрасными чувствами, которые он пробуждает, как думают женщины, — оно измеряется напряжением его воли, уверенностью, с какою он подчиняет своему художническому велению хаос, придавая ему форму, и той уздою, какую его рука налагает на сменяющие друг друга формы. Величие композитора, коротко говоря, измеряется его способностью к широкому размаху.

16 [50]

Я ищу себе зверя, что плясал бы вслед за мною и совсем немножко меня — любил…

16 [51]

Набросок

1. Мир истинный и мир видимый.
2. Философ как тип декадента
3. *Верующий* как тип декадента
4. *добрый* человек как тип декадента
5. *Встречное движение*: искусство!
6. Язычество в религии.
7. Наука против философии.
8. Политики против жрецов — против отделения от инстинктов, все большего *без*родного скитальчества. (Народ, родина, женщина — все это силы, направленные против скитальческой *без*родности.)
9. Критика *современных веяний*: где им место?
10. *Нигилизм* и его *противоположность*: апостолы «возвращения»
11. Воля к власти как жизнь: вершина исторического *самосознания* (последнее — предпосылка *болезненности* современного мира…)
12. Воля к власти как дисциплина.

16 [52]

Декаденты, если смотреть на них как на *экскременты* общества:

не может быть ничего более вредного, чем их использование в качестве продуктов питания —

16 [53]

Теория утомления:

порок

душевнобольные (соответственно и артисты…

преступники

анархисты —

все это вовсе не *угнетенные* породы людей, а отбросы из всех классов поныне существующего общества…

Осознав, что все наши сословия пронизаны этими элементами, мы поняли, что современное *общество* — во-

все не «общество», не «тело», а больной конгломерат чандалы

—общество, которое больше не в силах *избавляться от отбросов*

Насколько благодаря <их> длящемуся уже столетия сожительству разрастается вглубь это *болезненное состояние*:

современная добродетель
нынешнее умонастроение } формы этой болезни
наша наука

16 [54]

Самая дорогостоящая роскошь, которую может позволить себе человек,—это заблуждение; а уж если оно становится заблуждением физиологическим, то это просто опасно для жизни. За что, следовательно, человечество до сих пор расплачивалось дороже, за что несло более жестокую кару? За свои «истины»: ибо таковые—все как одна—были заблуждениями in physiologicis...

16 [55]

С точки зрения физиологии, «Критика чистого разума»—это уже зачаток кретинизма, а система Спинозы—феноменология чахотки.

16 [56]

Мой тезис в виде краткой формулы, отдающей ароматом античности—после христианства, схоластики и прочего мускуса: в представлении о «Боге как духе» Бог *отрицается* как совершенство...

16 [57]

<У> *этой* <женщины> нет детей; и навряд ли у нее есть чувства.

16 [58]

Для паука совершеннее всех—паук; для метафизика Бог—метафизик: это значит, он плетет небылицы...

16 [59]

Народ верит в апокрифические «истины»—

16 [60]

Женщин, золото, самоцветы, добродетель, чистоту, науку, добрый совет – короче, все полезное и красивое можно брать, откуда бы оно ни шло.

* *

За почтение к матери послушник освобождается лишь от своей земной оболочки; за почтение к отцу он освобождается от той еще более тонкой оболочки, что облекает его в воздухе; за почтение к учителю он становится еще легче, еще чище – и подымается до жилища Брахмы.

* *

Ни в лесной тиши, ни на берегу чистых потоков, ни в глубокой полуночи да не забудет он возносить молитву, бесконечный смысл которой выражен в слоге «ом».

Завершив свои богословские занятия, молодые брахманы, молодые кшатрии и вайшьи могут быть зачислены в класс отцов семейств. В этом случае «дваждырожденный» должен взять посох и отправиться на поиски женщины из своей касты, женщины, блистающей всеми достоинствами и блюдущей все законы.

Да остережется он вступать в связь с женщиной из семейства, где не исполняются религиозные обязанности, или из такого, где дочерей больше, чем сыновей, или из такого, где есть увечные, или чахоточные, или страдающие животом, или страдающие от почечуя и им подобные.

Да избегает он такого семейства, сколь бы велики ни были его власть, слава или богатство.

Да найдет он себе женщину с красивою фигурой, чье имя ласкает уста, с походкою, как у слоненка, с тонкими, словно шелк, волосами, нежным голосом и маленькими правильными зубками; а тело ее должно быть покрыто едва заметным duvet[1].

Прекрасная женщина – радость в доме, ее не разлюбит супруг, и дети ее уродятся ладными.

Да остережется он взять в жены девицу, у которой нет брата, или неизвестно, кто был ее отцом.

---

1 Пушком (*фр.*).

Нет на земле никакого прощения брахману, который вступит в связь с женщиной из шудр (сословия слуг) и родит с нею сына.

16 [61]

Вильгельм фон Гумбольдт, этот благородный тупица

16 [62]

«Все вместе и каждый губят себя, непрестанно обновляясь и развлекаясь.»

Гёте

16 [63]

Друзьям философа Фридриха Ницше будет небесполезно узнать, что прошедшей зимою даровитый датчанин д-р Георг Брандес прочел в Копенгагенском университете большой цикл лекций о названном философе. Оратор, чье мастерство в изложении трудных комплексов идей даже не нуждалось в доказательствах, сумел увлечь аудиторию, состоявшую из более чем 300 слушателей, новыми и смелыми мыслями немецкого философа, а лекции завершились громкой овацией в честь оратора и его темы.

16 [64]

Мы, иммoралисты
Среди художников
Критика вольнодумства
Скептик говорит.

16 [65]

Мейстерзингеры прославляют гений Германии, который так ничему и не научился, не считая того, чему он научился у птичек, — если понимать под гением «благородные [—]», а вдобавок «рыцарей»...

16 [66]

К *Предисловию.*

Что́ одно только и способно поставить нас на ноги? *Взгляд на совершенство:* я, словно пьяный, блуждаю взором вокруг: разве не до этого мы уже докатились?

16 [67]

Стилем Вагнера заражены и его ученики: их немецкий язык — самая таинственная галиматья после галиматьи Шеллинговой. Вагнер как стилист и сам относится к тому направлению, против коего разразился гнев Шопенгауэра: но предела комизм достигает, когда он строит из себя «спасителя немецкого языка» от евреев. Позволю себе привести лишь один пример, чтобы обрисовать вкус этих учеников. Король Баварский, известный педераст, сказал как-то раз Вагнеру: «Стало быть, Вы тоже не любите женщин? С ними так скучно...». Ноль (автор переведенной на шесть языков «Жизни Вагнера») находит это высказывание «молодецким».

16 [68]

Критик
современной души

16 [69]

Как это напоследок выходит, что у Парсифаля есть сын, прославленный Лоэнгрин? Разве это первый случай immacolata[1] — — —

16 [70]

О чем идет речь?
лжепонимание в области религии.
лжепонимание в области морали.
лжепонимание в области философии.
лжепонимание в области эстетики.

16 [71]

	Происхождение ценностей
[I]	*Выдуманный мир*
выдуманный мир	*Философия как декаданс*
	Размышления о христианстве
II	*Что стоит за моралью*
истинный мир	*К физиологии искусства.*
	Для чего нужна истина?

---

1 Непорочного <зачатия> (*ит.*).

III *Критика современных веяний.*
Вечное возвращение.
Из седьмого одиночества.

16 [72]

1. *Что противоположно ценностям:* пессимизм, нигилизм, скепсис

2. Критика философии
3. Критика религии
4. Критика морали.

5. Выдуманный мир
6. Для чего нужна истина?
7. К физиологии искусства

8. Проблема современных веяний
9. Вечное возвращение
10. Из седьмого одиночества.

16 [73]
К физиологии искусства

Проблема Сократа

Мораль: *приручение или выведение породы – что стоит за моралью.*
Борьба со страстями и их одухотворение.
Натурализм морали и утрата естественности.

Время и современники

Из седьмого одиночества

«Для чего нужна истина?»

Воля к истине.
Психология философов
О воле к истине.

Цивилизация и культура: антагонизм

16 [74]

X — со скорбной задумчивостью

1.	Музыка Бизе — философ	иронично
2.	Юг, ясная веселость, мавританский танец, любовь	увлекательно-экзотически
3.	«Спаситель» — Шопенгауэр	иронично
4.	«Кольцо», Шопенгауэр как спаситель Вагнера	увлекательно-экзотически
5.	Декадент — *с яростью!*	*с яростью!*
6.	саркастически: «смутные предчувствия», «сногсшибательность», «возвышенное»	иронично
7.	«истеричность», «стиль», мелкие драгоценности	увлекательно-экзотически
8.	«валящее с ног воздействие», «Виктор Гюго с точки зрения *языка*», «Тальма», «alla genovese»[1]	*одобрительно*-оживленно
9.	«действие», «Эдда», «вечное содержание»,«мадам Бовари», «не рожающие»	иронично
10.	«литература», «идея», «Гегель», «немецкий юноша» — чего мы <уже> *лишены?*	иронично, увлекательно-экзотически
11.	одобрительно, с силой на деле — «лицедей»	с силой, *почтительно*
12.	три формулы	*с яростью*

к 10) Вагнер темен, сбивчив, неуловим

8 это остается в силе даже в отношении Вагнерова «контрапункта»

16 [75]

Вот две формулы, исходя из которых я понимаю случай Вагнера. Первая гласит:

принципы и практические приемы Вагнера все как один сводятся к состояниям физиологического бедствия: они его выражают («истеричность» как музыка)

---

1 «По-генуэзски» (*ит.*).

Вторая гласит:

губительное воздействие Вагнерова искусства *доказывает* его глубокую органическую истощенность, его *разложение*. Безущербное дает здоровье; от больного становишься больным. Физиологические бедствия, в которые Вагнер ввергает своих слушателей (нерегулярное дыхание, нарушение кровообращения, чрезвычайная возбужденность и внезапная кома), заключают в себе *опровержение* его искусства

Эти две формулы — только вывод из того общего положения, что составляет для меня фундамент всей эстетики: ценности эстетические зиждутся на биологических ценностях, а чувство эстетического удовольствия есть чувство удовольствия биологического.

16 [76]

Бывает, слышишь *не* страсть, а удары кнута, которыми Вагнер с оскорбительной жестокостью осыпает своего беднягу Пегаса.

удары кнута, коими Вагнер погоняет своего бедного Пегаса (2 акт Тристана

Нищета: как скуп он на прозрения — *глубокомысленная* нищета: это *скучно*...

Нет никаких *мыслей*, точь-в-точь, как у Виктора Гюго: сплошь позы, — — —

16 [77]

1. *Лицедей*
2. *Порча* музыки —

музыка, ведомая *на постромках со стороны* — «это означает» —

чрезмерное выпячивание деталей

мутация оптики

«монументальный стиль» — упадок, оскудение **организующих сил.**

— недостаток тональности

— недостаток *эвритмии* («танец»)

— *композиционная* беспомощность («драма»)

— методика *тиранства*

«навязчивая идея» (она же — лейтмотив)

3. *Тлетворность* этой музыки
чудо
идиосинкразия
4. Ценность *сюжетов*
из чего она сложилась <;> «стиль», «гегелевщина»
5. *Франция*—Германия
6. *Пришествие гистриона*
7. Декадент: крайняя возбудимость—
—недостаток тональности
—недостаток эвритмии
—неспособность к построению
—чрезмерное выпячивание деталей
—зыбкость оптики.
Нестабильность характера: неустойчивость личности
Нехватка гордости
Необузданность и *изнурение*
Нищета, ловко отрицаемая
в лице музыки
в лице «*мифического* истолкования»
8. «Как можно испортить вкус, слушая этого декадента?»
Лицедей
Как он влияет. История влияния.
Музыка как театральная риторика. В. Гюго.
«Драматург»
9. *Губитель:*

1. физиологически	}	иррационально
2. интеллектуально («юноши»)	}	чудо
3. тенденция к «состраданию»	}	символика

10. *Нигилистическое искусство:*
шопенгауэровская тенденция к трагическому
11. *Пришествие лицедея*
12. *Три требования*

16 [78]

Тристан и Изольда, если прочувствовать их толком,—чуть ли не распутники.

В самом деле, необходимо всерьез неизменно ставить совесть юных дам перед выбором: aut Wagner aut liberi[1].

---

1 Или Вагнер, или дети (*лат.*).

16 [79]

Вагнер так и не научился ходить. Он валится, он спотыкается, он измывается над беднягой Пегасом, подгоняя его кнутом. Одна только ложная страсть, один только ложный контрапункт. Вагнер *неспособен* ни на какой стиль.—

Все неестественно, шито белыми нитками, лживо, фальшиво, чудовищно, все—какое-то липкое варево.

16 [80]

Случай «Вагнер»
Композиторский облик одной проблемы
Сочинение
Ф. Н.

Под этим названием я выпускаю в свет гениальный памфлет против Вагнера, который вызовет жаркие споры между его друзьями и врагами. Г-н проф. Ницше, этот, без сомнения, глубочайший знаток Байрейтского движения, берет здесь за рога *проблему ценности*, заключенную в этом движении; он показывает, что проблема бодается. Книга ниспровергает Вагнера не только эстетически, но главным образом с точки зрения физиологической. Ницше считает Вагнера болезнью, угрожающей всем.

16 [81]

Я подарил людям самую глубокую книгу, какая только у них есть,—«Заратустру»; книгу, которая поднимает на такую высоту, что если кто скажет: «Я понял, то есть *пережил*, шесть фраз оттуда»,—можно считать, это человек высшего порядка... Но как жестоко приходится за это страдать! как приходится за это расплачиваться! Она чуть ли не портит характер... Уж больно велика теперь пропасть...

16 [82]

Ложные идеи современности

«свобода»
«равные права»
«гуманность»
«сострадание»

«гениальность»
демократическое лжепонимание <гениальности>
(как следствия среды, духа времени)
пессимистическое лжепонимание (как *оскудевшей* жизни, как отделения <от нее> «воли»)
декадентское лжепонимание (как невроза)
«народ»
«раса»
«нация»
«демократия»
«терпимость»
«среда»
«утилитаризм»
«цивилизация»
«эмансипация женщин»
«народное образование»
«прогресс»
«социология»

16 [83]

Необходимость ложных ценностей

Можно опровергнуть суждение, показав, чем оно вызвано: но этим нельзя устранить необходимости в нем самом. *Ложные ценности* аргументами не искоренить: с таким же успехом можно исправить косоглазие у больного. Надо понять, в чем заключается необходимость их *возникновения*: они — следствие причин, ничего общего с аргументами не имеющих.

16 [84]

Когда из мира «силою Христа и Моисея» выдворяется естественная причинность, становится необходимой причинность *противоестественная*: а уж вслед за этим является и все ханжеское охвостье.

16 [85]

Психология заблуждения.

1) Подмена причины следствием
2) Подмена истины следствием того, в истинность чего верят

3) Подмена сознания причинностью

Мораль как заблуждение
Религия как заблуждение
Метафизика как заблуждение
Современные идеи как заблуждения

16 [86]

Воля к власти. *Опыт переоценки всех ценностей.*

I. *Психология заблуждения*
   1) Подмена причины следствием
   2) Подмена истины следствием того, во что верят
   3) Подмена сознания причинностью
   4) Подмена логики принципом реальности

II. *Ложные ценности*

1) Ложность морали 2) Ложность религии 3) Ложность метафизики 4) Ложность современных идей	} все они обусловлены *четырьмя* видами заблуждения

III. *Критерий истины*
   1) Воля к власти
   2) Симптоматология упадка
   3) К физиологии искусства
   4) К физиологии политики

IV. *Борьба ложных ценностей и истинных*
   1) Неизбежность параллельных движений
   2) Полезность параллельных движений
   3) Слабые
   4) Сильные.

16 глав по 37 страниц. – 16 глав по 35 страниц <каждая>.

Критерий истины

Воля к власти как воля к жизни – восходящей жизни.
Великие заблуждения как последствия декаданса.
К физиологии искусства.
Симптоматология упадка.

Борьба между ценностями

Полезность параллельных движений.

Их неизбежность.
Слабые.
Сильные.

16 [87]

Нельзя подменять христианство тем одним его корнем, о котором говорит само его имя: корни *иные*, из коих оно выросло, были много мощнее, важнее, нежели его ядро; те, что пишут священное имя над столь жуткими результатами упадка и уродства, каковы «христианская церковь», «христианская вера» и «христианская жизнь», творят беспримерное злоупотребление. Что *отвергал* Христос? – Да все то, что нынче зовется христианским.

16 [88]

Сквернее всего то, что все чересчур глубоко врезается в сердце: чуть ли не каждый год приносил мне 3-4 вещи, сами по себе незначительные, от которых я едва не погибал.

Я вовсе не желаю кого-нибудь упрекать. Но просто люди здоровые даже и не чувствуют, что в какой-то ситуации наносят человеку смертельную рану и что от нее он много месяцев хворает.

16 [89]

Современный художник, по своей физиологии ближе всего стоящий к типу истерика, даже и в характере своем несет эту болезненность. Истерик лжив: он лжет, чтобы насладиться ложью, он непревзойден в уловках обмана – пусть даже болезненное тщеславие играет с ним злую шутку. Это тщеславие – словно хроническая лихорадка, от которой помогают притупляющие нервы лекарства, и его не отпугнет никакой самообман и никакой фарс, сулящие мгновенное облегчение. *Неспособность* к гордости и постоянная нужда в мщении за угнездившееся глубоко в душе презрение к себе – да ведь это чуть ли не определение такого рода тщеславия! Нелепая взвинченность его нервов, превращающая всякое переживание в кризис и привносящая «драматизм» в ничтожнейшие жизненные ситуации, отнимает у него всякую способность к контро-

лю: он уже не личность, — самое большее — место свидания личностей, из коих то одна, то другая выскакивают вперед с бесстыжей самоуверенностью. Как раз по этой причине он велик как лицедей: все подобного сорта жалкие люди, страдающие параличом воли, с которыми так интересно возиться врачам, поражают воображение виртуозностью мимики, способностью к перевоплощению, воспроизведению чуть ли не любого *затребованного* характера.

17. Май и июнь 1888

17 [1]

Глава первая. Понятие *нигилистического движения* как выражения декаданса.
—декаданс повсюду

Глава вторая. Типичные формы выражения декаданса:
1) когда человек выбирает то, что ускоряет изнурение
2) когда он не умеет противиться
3) когда подменяет причину следствием
4) когда жаждет безбольности
(72): поэтому «гедонист» — тоже тип выродка

Глава третья.
5) «истинный мир»: понятие реальности, созданное страдальцами (46) *первая* тетрадь (72) противоположная этому натура—дионисийские ценности: (72) *трагическая* эпоха
6) нигилистическая фальсификация всех хороших вещей
(59) (108) (109) любовь
«лишенный воли интеллект»
гениальность
искусство «безвольного субъекта»
7) неспособность к власти, *бессилие:* его коварные уловки (98)

17 [2]

A. *Об испорченности властвующих.*
B. *Что означают прежние высшие ценности.*
C. *Откуда идут прежние высшие ценности.*
D. *Почему потерпели поражение противоположные ценности.*

E. *Современность как двойственность ценностей*
F. — — —

17 [3]
[+ + +] книги принимаются в расчет лишь как различные формы лжи; они помогают *верить* в жизнь. Жизнь *должна* внушать доверие: если формулировать задачу так, то она чудовищно сложна. Чтобы решить ее, человеку надо быть лжецом уже от природы, ему надо быть *художником* в большей мере, чем всем прочим. Таков он и есть: метафизика, религия, мораль, наука — все это лишь побочные продукты его воли к искусству, к лжи, к бегству от «истины», к *отрицанию* «истины». Саму способность, благодаря которой он насилует реальность ложью, эту человеческую par excellence способность быть художником, он делит со всем сущим. Да ведь он и сам — частица действительности, истины, природы: так как же ему не быть и частицею *гения лжи*!..

Не видеть характера существования — это глубочайший и высочайший тайный умысел, кроющийся за всем, что есть добродетель, наука, благочестие, художничество. Многого не видеть вообще, многое видеть превратно, видеть много такого, чего нет: о, сколько в человеке еще остается расчетливости даже в состояниях, когда у него и мысли нет приписывать себе расчетливость! Любовь, вдохновение, «Бог» — это одни только ухищрения последней степени самообмана, одни только совращения к жизни, одна только вера в жизнь! В те мгновения, когда человек уже обманут, когда он обвел себя вокруг пальца, когда он верит в жизнь, — о, как распирает тогда его душу! Какой восторг! Какое ощущение власти! Какая победоносность художника в этом ощущении власти!.. Человек одним махом снова оказывается хозяином *«материала»* — хозяином истины!... И когда бы человек ни ликовал, он в своем ликовании все тот же, он ликует как художник, он наслаждается собою как властью, он наслаждается ложью как своей властью..

2

Искусство и ничего, кроме искусства! Оно — великий пособник жизни, великий совратитель к жизни, великий стимулятор желания жить.

Искусство — единственная сила, с превосходящими силами противостоящая всяческой воле к отрицанию жизни, начало антихристианское, антибуддийское, антинигилистическое par excellence.

Искусство — *спасение для познающего*, того, кто видит, хочет видеть ужасающий и сомнительный характер существования, для познающего трагически.

Искусство — *спасение для действующего*, того, кто не только видит ужасающий и сомнительный характер существования, но и живет, хочет жить, — для трагического воина, для героя.

Искусство — *спасение для страдающего*, путь к состояниям, в которых страдание становится добровольным, просветленным, обожествленным, в которых страдание — форма великого восторга.

3

Ясно, что в этой книге пессимизм, или, говоря откровенно, нигилизм, считается истиной. Но истина здесь — отнюдь не высшее мерило, а еще того меньше — высшая власть. Воля к видимости, к иллюзии, к обману, к становлению и переменам (к объективному обману) тут почитается за более глубокую, исконную, метафизическую, нежели воля к истине, к реальности, к бытию: а последнее и само — лишь форма воли к иллюзии. Подобно этому и наслаждение считается более исконным, нежели боль: а боль — лишь явлением обусловленным, побочным продуктом воли к наслаждению (воли к становлению, росту, оформлению, иными словами, *к созиданию*: но созидание предполагает и разрушение). Складывается идея некоего высочайшего состояния приятия жизни, с которым неразрывно связана и величайшая боль: состояние трагически-дионисийское.

4

Эта книга, стало быть, — прямо-таки антипессимистическая, в том смысле, что она учит чему-то более сильному, нежели пессимизм, более «божественному», нежели истина. Никто, сдается, не смог бы весомей вступиться за радикальное отрицание жизни, за ее настоящее отрицание, и *делом* даже еще больше, чем словом, нежели

автор этой книги. Да только он знает—он испытал это, он, может статься, и не испытывал ничего иного,—что искусство *ценнее* истины.

В предисловии, которое словно приглашает на беседу Рихарда Вагнера, искусство, этот символ веры, это евангелие для художников, выступает «подлинной задачей жизни, их *метафизической* деятельностью...»

5.

———

17 [4]

К истории представления о Боге

1

У народа, который еще верит в себя, есть еще и свой Бог. В его лице народ чтит те условия, в силу коих он процветает,—он проецирует довольство собой, свое ощущение власти на существо, которому можно выразить за это *благодарность*. Религия при подобных предпосылках—форма этой благодарности. Такой Бог должен уметь помогать и вредить, должен уметь быть другом и врагом: противоестественная кастрация Бога, в итоге которой он становится Богом одного только *добра*, не приходит в голову этим закоренелым реалистам. Что толку в народе, не умеющем наводить ужас? Что толку в Боге, не знающем гнева, отмщения, зависти, насилия и, может быть, даже губительной ardeur[1] разрушения? Но когда народ погибает; когда он чувствует, как исчезает его вера в будущее, в свободу и в свое превосходство; когда он осознает, что выгодней всего подпасть под гнет, а добродетели угнетенного суть условия выживания,—тогда, конечно, изменяется и его Бог. Он превращается в тихоню-ханжу, становится пугливым, застенчивым, проповедует «душевный покой», прекращение ненависти, всепрощение, даже любовь к друзьям и недругам. Он заползает в нору личной добродетели, становится Богом маленьких людей: он больше не представляет агрессивную и жаждущую власти душу народа, его *волю к власти*...

---

1 Страсти (*фр.*).

2

Там, где эта воля, воля к власти, клонится к упадку, там всякий раз наблюдается декаданс. Божество декаданса, которому обрезали его наиболее мужественные части и добродетели, отныне становится Богом добрых. Культ этого Божества зовется «добродетелью»; его приверженцы – «добрые и праведные». Ясно, в какие моменты только и становится возможной эта дуалистическая противоположность: доброго Бога и злого. Ибо тем же инстинктом, каким угнетенные низводят своего Бога до «добра самого по себе», они исключают из Бога своих угнетателей его добрые качества. Они мстят своим господам, превращая их Бога в *дьявола*.

3

Как же можно, с простодушием глубокомысленного Ренана, называть *прогрессом* развитие представления о Боге от Бога Израиля до Бога – воплощения всего доброго! Будто у Ренана было право на простодушие!.. Ведь очевидно прямо противоположное. Если из представления о Боге вычеркиваются предпосылки сильной, находящейся на подъеме жизни, если он постепенно становится символом помощи всему усталому, изможденному, всего лишь влачащему свое существование, если он становится Богом грешников, Богом больных, спасителем, избавителем par excellence: то о чем все это говорит? Конечно, царство его раздвинуло свои границы (но разве уже только поэтому он должен раздаться и сам?..). Прежде у него был только его народ, его «избранные»: любой народ на вершине своей жизни считает себя избранным. А теперь он пустился в странствия, не останавливаясь ни в одном месте, – покуда, наконец, не сделался космополитом, завоевав для себя «великое множество». Но такой Бог «великого множества» все равно останется Богом-провинциалом, Богом всех нездоровых углов, всякого гнилого жилья в мире… Его царство – это подземелье, подполье укрывшейся от глаз нищеты… Да и сам он так жалок, так болен!.. Доказательство: его господами становятся даже слабые из слабых, метафизики да схоластики: они ткут свои паучьи сети вокруг него, внутри него, покуда он не превращается в их копию – пау-

ка. И отныне он выплетает мир из себя, отныне делается вечным метафизиком, отныне становится «духом», «чистым духом»... Христианское представление о Боге как Боге больных, Боге-пауке, Боге-духе — самая низкая ступень представления о Боге, какой когда-либо достигали на земле: оно воплощает декаданс в нисходящем развитии идеи Бога. Бог, который вырождается до *протеста против жизни*, вместо того чтобы означать ее просветление и вечное утверждение; Бог как объявление войны жизни, природе, воле к жизни; Бог как формула всякой хулы на жизнь, всякой лжи о «том свете»; обожествление в лице Бога небытия, причисление к лику святых — воли к небытию!.. Вот до чего мы докатились!..

Неужто это все еще не ясно? Христианство — религия *нигилистическая* — в угоду своему Богу...

4

То обстоятельство, что молодые сильные расы Северной Европы не оттолкнули от себя христианского Бога, право, не делает чести их религиозным дарованиям, не говоря уже о вкусе. Они *обязаны* были справиться со столь болезненным и старчески-дряхлым исчадием декаданса. И за то, что они с ним не справились, на них легло проклятье: во все их инстинкты проникли болезнь, разлад, дряхлость, — и с тех самых пор они не *создали* никакого Бога! Почти два тысячелетия — и ни одного нового Бога! А вместо этого — жалкий Бог европейского моното-но-теизма, все еще существующий как бы на законных основаниях, словно ultimatum и maximum[1] богообразующей силы, creator spiritus[2] в человеке! Этот гибридный плод упадка, составленный из нуля, понятия и дедушки, в коем санкционированы все инстинкты декаданса!..

5

— А ведь какое множество новых богов еще возможно!.. Даже для меня самого, в ком религиозный, то есть бого*образующий* инстинкт порою еще пытается ожить:

---

1 Последнее требование *и* высшее проявление (*лат.*).

2 Духа-творца (*лат.*).

в сколь несхожих, сколь многообразных обличьях открывалось мне всякий раз божественное!.. Как много странного прошло уже передо мною — в те выпавшие из времени минуты, что приходили нежданно и негаданно, минуты, когда я положительно переставал понимать, насколько я стар и как долго буду молод... Тогда я не поколебался бы признать, что есть множество видов богов... Нет недостатка и в таких, которым не откажешь даже в известной беззаботности и веселости... Легконогость, может быть, даже входит в понятие «бога»... Стоит ли пояснять, что бог всегда знает, как удержаться за пределами всего рассудочного и мещанского? в том числе, кстати будь сказано, за пределами добра и зла? У него *свободен* горизонт, говоря словами Гёте. А если по такому случаю обратиться к не достаточно ценимому авторитету Заратустры, то Заратустры хватает на то, чтобы свидетельствовать о себе: «Я смог бы поверить лишь в такого бога, который умеет *плясать*»...

Повторю: какое множество новых богов еще возможно! Сам-то Заратустра, конечно, всего лишь старый атеист. Но надо понять его правильно! Хотя Заратустра и говорит, что он *смог бы*, — но он *не сможет*...

17 [5]

Чего только не достигнет тот род опьянения, что зовется любовью, но есть нечто еще большее, нежели любовь! Правда, на это у всякого своя наука. Сила мышц девушки *вырастает*, стоит лишь молодому человеку приблизиться к ней; и есть приборы для измерения этой силы. При еще более тесном общении полов, каким чреваты, скажем, танцы или иные светские традиции, эта сила возрастает настолько, что становится способной на самые настоящие *подвиги*: так что в конце концов глазам своим не веришь — и часам тоже! Правда, тут надо учитывать, что танец уж и сам по себе, как и любое ускоренное движение, для всей сосудистой, нервной и мышечной системы равнозначен своего рода опьянению. В этом случае нужно считаться с комбинированным воздействием двойного опьянения. А ведь иногда бывает очень даже благоразумно чуточку спятить!.. Есть реальности, в которых не смеешь себе признаться; на то они и бабы, на то и все бабские ри-

deurs... Эти юные созданья, что там отплясывают, явно находятся за гранью всякой реальности: они пляшут только с сугубо осязаемыми идеалами, и они видят даже большее — еще одни идеалы, сидящие вокруг: матерей!.. Вот как раз и случай процитировать «Фауста»... Они выглядят несравненно краше, когда слегка не в себе, эти милашки, — и как это отлично им известно! их даже можно прямо-таки полюбить *за то, что* это им известно! В конце концов, их вдохновляют еще и уборы; уборы — их *третье* маленькое опьянение: они веруют в своего портного, как веруют в Бога, — да и кто осмелится разубеждать их в этой вере? Блаженны верующие этою верой! А восхищаться собою полезно для здоровья! Восхищение собою предохраняет от простуды. Разве простудилась хоть одна хорошенькая барышня, знающая, что одета она хорошо? Ей-Богу, ни разу! В том числе и в тех случаях, когда одета она была немного...

17 [6]

К истории *нигилизма.*

Самые общие типы декадентов:

1) люди, которые, веря в то, что выбирают лекарство, выбирают то, что ускоряет изнурение:
— сюда относится христианство, если говорить о самом разительном случае ложного инстинкта;
— сюда относится «прогресс» —
2) люди, утрачивающие способность сопротивляться возбуждению: эти становятся игрушкою случайных обстоятельств — они чудовищно огрубляют и преувеличивают свои переживания... «обезличивание», дисгрегация воли — сюда относится целый род морали, мораль альтруистическая <и> та, что бесконечно пережевывает тему сострадания: в ней главное, чтобы личность была слабой, — тогда она *звучит в унисон* и постоянно вибрирует, словно перетянутая струна... чрезмерная возбудимость...
3) люди, подменяющие причину следствием: тогда забывают, что декаданс — явление физиологическое, а в его проявлениях усматривают подлинную причину плохого самочувствия:
— сюда относится вся религиозная мораль.

4) люди, жаждущие добиться состояния, в котором их страдания прекращаются: жизнь они фактически воспринимают как причину своих бед — состояния *бессознательные*, бесчувственные (сон, обморок) они расценивают как несравненно более желательные, нежели состояния сознательные, и превращают это в целую *методику*...

17 [7]

Дело вовсе не в наилучшем или наихудшем из миров: Нет или Да — вот в чем вопрос. Нигилистический инстинкт говорит Нет; самое мягкое из его утверждений гласит, что небытие лучше бытия, что воля к ничто выше, чем воля к жизни; а самое непреклонное — что если ничто есть предел всех желаний, то эта жизнь как его противоположность абсолютно лишена ценности и потому отвратительна...

Мыслитель, вдохновляющийся подобными способами ценить вещи, невольно станет использовать все то, что инстинктивно он еще считает ценным, для оправдания нигилистической тенденции. В этом и состояло Шопенгауэрово великое *искусство подделывания ценностей* — он с глубоким интересом подходил ко многим вещам, но дух нигилизма запрещал ему относить этот интерес к воле к жизни: а в итоге мы видим череду тонких и смелых попыток понять искусство, мудрость, красоту природы, религию, мораль и гениальность — в силу их мнимой враждебности жизни — как стремление к небытию.

17 [8]

В последнее время много злоупотребляют одним случайным и в любом отношении неподходящим словом: всюду говорят о пессимизме, идут, подчас даже среди разумных людей, ожесточенные споры по вопросу, на который берутся дать ответ: на чьей стороне правда — пессимизма или оптимизма. Но так и не поймут вполне очевидных вещей: что пессимизм — не проблема, а симптом, что это название надо заменить на *нигилизм*, что вопрос о том, не лучше ли небытие бытия, уже и сам по себе свидетельствует о болезни, об упадке, об идиосинкразии...

Пессимистическая тенденция — это выражение физиологического декаданса; у нее есть два центра в тех

инстанциях, предел которых сегодня — симптомы распада в [+ + +]

17 [9]

К физиологии искусства

1. опьянение как предпосылка: причины опьянения.

2. типичные симптомы опьянения

3. опьянение ощущениями силы и полноты: его *идеализирующее* воздействие

4. фактический *прирост* силы: его фактическое *приукрашивание*. Учесть, что наше ценностное суждение «прекрасно» совершенно *антропоцентрично*, исходя из биологических предпосылок, через понятия роста и продвижения. Прирост силы — к примеру, когда *танцуют* мужчина и женщина. Болезненное в опьянении; физиологический риск, несомый искусством —

5. аполлоновское, дионисийское... Исходные типы — более емкие в сравнении с нашими обособленными искусствами

6. вопрос: куда отнести архитектуру

7. сотрудничество художественных способностей в нормальной жизни, их развитие <действует> тонически: действие безобразного прямо противоположно этому

8. вопрос об эпидемии и заразительности <вообще>

9. проблема «здоровья» и «истерии» — гениальность = неврозу

10. искусство как суггестия, как средство сообщения, как область творческого применения induction psychomotrice

11. Нехудожнические состояния: объективность, мания зеркального воспроизведения, всеприятие. Оскудение *воли*; утрата всего накопленного капитала

12. Нехудожнические состояния: стремление к абстрактному мышлению. Оскудение *чувств*.

13. Нехудожнические состояния: изнуренность, оскудение, опустошенность, — воля к небытию. Христианин, буддист, нигилист. Оскудение *плоти*.

14. Нехудожнические состояния: идиосинкразия (*слабых, посредственных*). Страх перед всем чувственным, перед властью, перед опьянением (инстинкт *пораженцев* перед лицом жизни)

15. Как возможно *трагическое* искусство?

16. Тип романтика: двойственность. Их естественное продолжение — «натурализм»...

17. Проблема *лицедея* — «бесчестность», типичная способность к перевоплощениям как *изъян характера*... отсутствие стыдливости, скоморох, сатир, клоун, Жиль Блас, лицедей, разыгрывающий из себя художника...

18. Искусство как *опьянение*, говоря языком медицины: амнезия. Tonicum[1], полная или частичная импотенция

1 Укрепляющее средство (*лат.*).

18. Июль и август 1888

18 [1]

Из уроков воинского искусства души
посвящается людям храбрым, веселым и владеющим собой

мне не хотелось бы недооценивать столь милые сердцу добродетели; но величие души с ними не в ладу. И в искусстве широкий размах исключает всяческую приятность.

В моменты мучительной напряженности и уязвимости выбирай войну: она закаляет, она наращивает мускулы.

На устах смертельно раненых — олимпийская улыбка; но у человека есть лишь то, что ему действительно необходимо.

Это продолжается вот уже десять лет: ни один звук *не долетает* больше до меня — здесь не идут дожди. Надо иметь в запасе много человечности, чтобы не взалкать в такой *суши*.

Любая вера инстинктивно лжет: она защищается от любой истины, угрожающей ее стремлению обладать «истиной», — она закрывает глаза, она клевещет...

Человек верит, потому что вера дает ему «блаженство»: он не считает истиною то, что «блаженства» не дает. <Но это> нечто pudendum[1].

18 [2]

Теория *злоупотребления логикой как критерием* **реальности.—**

---

1 То, чего надо стыдиться (*лат.*).

18 [3]

Чандала процветает; и в первую голову евреи. В шаткой Европе евреи — самая сильная раса: ведь они превосходят прочих длительностью своей истории. Их конституция обусловлена более бурным развитием, более опасной стезею, бо́льшим числом пройденных ступеней, нежели у всех других народов. Но ведь это почти уже формула превосходства. Порода, раса, подобно любому органическому образованию, может только развиваться *или* гибнуть; стоять на месте она не может. Раса, которая не погибла, — это раса, которая постоянно поднималась. Подниматься — значит приближаться к совершенству. Длительность существования расы автоматически определяет уровень ее развития: раса более древняя *должна быть* более высокоразвитой. Евреи в любом смысле — народ *смышленый*; общение с евреем может оказаться настоящим подарком. Правда, безнаказанной смышленость не остается; она живо настраивает против себя прочих. И все-таки у смышленых есть большое преимущество. Смышленость не дает евреям отупеть на *наш* лад: скажем, в национальном отношении. Сдается, прививка, сделанная некогда, пошла им на пользу, хотя и была немного кровавой, и это отличает их от всех других наций: после нее они с трудом поддаются *нашей* rabies — rabies nationalis[1]. Еще и сегодня они — некое antidoton[2] против этой последней из болезней европейского разума. В современной Европе только одни евреи и прикоснулись к высочайшей форме интеллекта: я говорю о гениальной буффонаде. В лице Оффенбаха, Генриха Гейне состоялся подлинный переход за грань возможного для европейской культуры; другие расы пока не вольны проявлять ум подобным образом. <Правда,> это очень близко к Аристофану, к Петронию, к Хафизу. Самую древнюю и самую позднюю форму европейской культуры нынче, вне всякого сомнения, представляет Париж; l'esprit de Paris[3] — ее квинтэссенция. Но и самые утонченные парижане, ка-

---

1 Националистическому бешенству (*лат.*).

2 Противоядие (*греч.*).

3 Парижский дух (*фр.*).

ковы, скажем, братья Гонкур, не постеснялись признать в Гейне одного из трех королей даже esprit Parisien[1]: он делит эту честь с принцем Линем и неаполитанцем Гальяни. У Гейне хватило вкуса не принимать немцев всерьез; зато его самого всерьез восприняли немцы, а Шуман сочинял на его стихи музыку — это шумановскую-то музыку! «Ты на цветок похожа» распевают все барышни из высшего общества. Нынче в Германии Гейне вменяют в преступление, что у него был вкус — что он *смеялся*: сами же нынешние немцы относятся к себе отчаянно серьезно.—

18 [4]

Я не доверяю всем авторам систем и избегаю их. Стремление возводить системы, по меньшей мере для нас, мыслящих, — то, что компрометирует, форма нашей неморальности. Тот, кто поймет, что́ стоит *за* этой книгой, может статься, и угадает, встречи с кем из систематизаторов сам я избежал с большим трудом...

18 [5]

Я дал немцам глубочайшую книгу, какая у них есть, моего *«Заратустру»*,— теперь я даю им и книгу самую независимую. Да никак, — говорит мне на это моя нечистая совесть,— ты вознамерился метать свой бисер перед немцами?..

18 [6]

Становясь художником, человек расплачивается за это тем, что ощущает как содержание, как саму суть дела то, что́ все нехудожники зовут формою. Разумеется, благодаря этому он становится жителем какого-то вывернутого наизнанку мира.

18 [7]

Не стоит ожидать от себя того, на что ты не способен. Надо спросить себя: хочу ли я шагать *вместе* со всеми? Или *впереди* всех? Или шагать *в одиночку*? Второй случай

---

1 Вкуса парижан (*фр.*).

означает, что ты хочешь быть пастырем: пастырем, то есть верховною потребностью стада.

18 [8]

—«Когда мы, руководствуясь инстинктом общности, предписываем себе одни и запрещаем другие поступки, то—в соответствии со здравым смыслом—мы запрещаем себе не “образ жизни” или “образ мыслей”, а только конкретную направленность этой “жизни” или “мыслей”, их практическое применение. Но тут вперед выходит идеолог добродетели, моралист, и вещает: “Бог читает в сердцах! Какой вам прок воздерживаться от таких-то поступков? Ведь от этого вам все равно не *стать лучше*!” Ответ: а мы и не думаем меняться к лучшему, милостивые государи Длинноух и Добродей, мы весьма довольны собою,—просто мы не хотим друг другу вредить, а потому и запрещаем определенные поступки с определенным расчетом, а именно с расчетом на нас самих; а вот если они же относятся к нашим врагам—скажем, к Вам,—то мы на них не нарадуемся. Мы воспитываем своих детей, мы растим их, нацеливая на это. А если б мы исповедовали тот “богоугодный” радикализм, что рекомендуется нам вашей священной глупостью, если б мы были такими олухами, что запрещали бы себе не только поступки, но и их предпосылку, то есть наш “образ мыслей”,—тогда мы обрезали бы себя на наши *добродетели*, на то, что составляет нашу честь, нашу гордость. И это еще не все. Избавившись от нашего “образа мыслей”, мы вовсе не стали бы “лучше”—нас бы попросту больше не было, потому что тем самым мы избавились бы от себя самих...—Да Вы прямо нигилист...»

18 [9]

Русская музыка с трогательной простотою показывает душу мужика, простонародья. Ничто так не берет за душу, как его непомраченные напевы, а эти напевы все как один печальны. Я отдал бы все веселье Запада за русскую тоску. Но как же так вышло, что господствующие классы России вовсе не представлены в ее музыке? Может, это оттого, что «злые люди не поют от сердца»?—

18 [10]

Где нынче низшая точка европейской культуры, ее *болото*? — Это салютисты, это антисемиты, это спириты, это анархисты, это байрейтовцы. Иными словами, это пять разновидностей европейского *cant*[1]. Ибо все они делают вид, будто нынче только они одни и есть «высшие люди»...

18 [11]

Болезнь — сильное возбуждающее. Правда, нужно быть достаточно здоровым для нее.

18 [12]

Великие предметы требуют, чтобы о них либо молчали, либо говорили великие слова — но при этом искренне, — это цинично.

18 [13]

К: *Воля к истине*

1-й тезис. Более сложный образ мышления побеждается более *простым* — <последний выступает> в виде *догмы*: simplex sigillum veri[2]. Dico[3]: <положение о том,> что *ясность* должна свидетельствовать об истине, — совершеннейшая чепуха...

2-й тезис. Учение о *бытии*, о вещи, о застывших единицах в *сто раз проще* учения о *становлении*, о развитии.

3-й тезис. Логика была задумана как средство *упрощения*: как *средство выражения*, а *не* как истина... Это уже потом она *применялась* как истина...

18 [14]

Метафизики

Я говорю о *величайшей беде* новейшей философии — о *Канте*...

Гегель: есть в нем что-то от швабского доверия к Богу, от хлевного оптимизма

---

1 Ханжества (*фр.*).

2 Простота — признак истины (*лат.*).

3 Я утверждаю (*лат.*).

Кант: направление на «старую волынку»: *это было ясно* **всем**

18 [15]

Великий полдень

Для чего <был написан> «Заратустра»?

Великое самопреодоление морали

18 [16]

К: <главе> *Метафизики.*

К *психологии метафизики*

Результаты *трусости.*

Перед чем больше всего *трусили*, <а именно,> перед причиною самых *могущественных страстей* (властолюбия, сладострастия и т.д.), с тем и обошлись люди наиболее враждебно и исключили из «истинного» мира. Таким образом они постепенно *перечеркнули* **аффекты** — Бог <мыслился> как противоположность зла, **то есть** реальность перенесли в сферу *отрицания страстей и аффектов* (иными словами, как раз в *ничто*).

Подобным же образом они возненавидели **неразумие**, все произвольное, случайное (потому что те — причина бесчисленных физических страданий). *Следовательно*, они подвергли отрицанию этот элемент сущего самого по себе, поняв сущее как абсолютную «разумность» и «целесообразность».

Подобным же образом отпугивали **превратности судьбы** и **бренность**: тут сказывается подавленность души, полной недоверчивости и памяти о перенесенных невзгодах (это случай Спинозы: а человек противоположного склада счел бы эти превратности *стимулом к действию*)

Существа, заряженные силой, существа *играющие* **одобрили** бы как раз эти *аффекты*, это *неразумие* и *превратности судьбы* в эвдемоническом смысле — а заодно и их последствия, опасность, крайности, гибель и т.д.

18 [17]

Проект
плана к:
Воля к власти
Опыт
переоценки всех ценностей.
— *Зильс-Мариа,*
в последнее воскресенье
месяца августа 1888

Мы, гиперборейцы. *Закладка основ проблемы*

Книга первая: *«что есть истина?»*
Глава первая. Психология заблуждения.
Глава вторая. Ценность истины и заблуждения.
Глава третья. Воля к истине (оправданная лишь в приятии ценности жизни)

Книга вторая: *Происхождение ценностей*
Глава первая. Метафизики.
Глава вторая. Homines religiosi[1].
Глава третья. Добрые люди и улучшители.

Книга третья: *борьба между ценностями*
Глава первая. Размышления о христианстве.
Глава вторая. К физиологии искусства.
Глава третья. К истории европейского нигилизма.

Как проводит свои досуги психолог

Книга четвертая: *Великий полдень*
Глава первая. Принцип жизни. «Иерархия».
Глава вторая. Два пути.
Глава третья. Вечное возвращение.

---

1 Верующие (*лат.*).

19. Сентябрь 1888

19 [1]

<1>

Мне часто задают вопрос: почему, собственно, я пишу свои книги *по-немецки*? Я же неизменно отвечаю на это одно: люблю я немцев — а маленькие слабости бывают у всех. И какое мне дело, если немцы меня не читают? Тем больше я стараюсь еще и быть к ним *справедливым*. И кто знает? может статься, они прочтут меня послезавтра.

2

Новая Германия — это огромное количество унаследованной и приобретенной учением дельности, а потому какое-то время она может позволить себе расходовать накопленное энергетическое богатство прямо-таки расточительно. Культура, воцарившаяся вместе с нею, — это *не* высокая культура, еще того менее — тонкий вкус, благородная «красота» инстинктов; это, однако, — добродетели более *мужественные*, нежели те, коими может похвастать любая другая страна Европы. Много бодрости и самоуважения, много надежности в сношениях, во взаимных обязательствах, много трудолюбия, много выдержки — и наследственная сдержанность, нуждающаяся не так в тормозах, как в шпорах. Добавлю, что здесь все еще слушаются, но послушание не связано со смирением... И никто не презирает противника...

3

Отдав таким образом немцам должное — ведь все-таки я люблю их несмотря ни на что, — я не вижу более причин удерживаться от упреков. Некогда они были «народом мыслителей»: *а сегодня — мыслят ли они вообще?* Теперь у них не хватает на это времени... Немецкий «ум»,

боюсь,—это contradictio in adjecto[1]. Они становятся скучными, а, вероятно, они уже скучны; большая политика поглощает *интерес* ко всем действительно великим вещам; «Германия, Германия—превыше всего»—за этот принцип приходится платить непомерную цену, но это *не* философский принцип. «Есть ли в Германии философы? Есть ли в Германии поэты? Есть ли в Германии *хорошие* немецкие книги?»—спрашивают меня за рубежом. Я краснею, но с отвагою, свойственной мне даже в отчаянных случаях, отвечаю: «Да! *Бисмарк!*»... Что ж мне, называть книги, которые нынче читают? Дана? Эберса? Фердинанда Мейера? Я слыхал, как университетские профессора превозносили этого скромного Бидер-Мейера за счет Готфрида Келлера. Вот он, проклятый инстинкт посредственности!

4

Позволю себе еще одно развлечение. Я перескажу то, что рассказала мне одна маленькая книжечка, вернувшись ко мне из своей первой поездки в Германию. Книжечка называется *«За пределами добра и зла»*—и, между нами говоря, она была прологом как раз к тому труду, что ныне держит в руках читатель. Книжечка мне сказала: «Мне отлично известно, в чем мой изъян,—я слишком нова, слишком богата, слишком страстна,—я прогоняю сон. У меня есть слова, способные надорвать душу какому-нибудь Богу, я—rendez-vous[2] опытов, которые можно получить только на высотах 6 тысяч футов над уровнем всего чадного, человечьего. Этого довольно, чтобы *меня расслышали* немцы...» «Но,—отвечал я,—бедная моя книга, как ты могла метать перед немцами еще и свой бисер? Это было глупо!» Тут книга и рассказала мне о том, что с нею приключилось.

5

На самом деле, начиная с 1871 года, в Германии осведомлялись обо мне даже слишком основательно: это по-

1 Противоречие в определении (*лат.*), т. е. нечто невозможное.
2 Место встречи (*фр.*).

казал один случай. Я *не* удивляюсь, когда мой «Заратустра» бывает читателю непонятен, – это не компрометирует такого читателя в моих глазах: книга такой глубины, такой чуждой всему известному новизны поднимает на высший уровень того из смертных, кто понял, то есть *пережил*, хотя бы только шесть предложений из нее. Но *не* понять «За пределами...» – меня это прямо-таки изумляет... Один сотрудник «Национальцайтунг» понял эту книгу как знамение времени, как чистейшей воды юнкерскую философию, на которую Крестовой газете только не хватает духу. Один мелкий светоч из Берлинского университета в <берлинском> «Рундшау», очевидно, ориентируясь на собственные озарения, объявил эту книгу психиатрической и даже привел в доказательство цитаты – те, что на свою беду что-то доказывали. Какой-то гамбургский листок признал во мне старого гегельянца. Газета «Дас литерарише центральблат» призналась, что потеряла «нить» моих идей (а когда она держала ее в руках?), в подкрепление процитировав несколько слов о музыкальных мотивах «юга», – словно музыка, не лезущая в лейпцигские уши, уже только от этого перестает быть музыкой. Невзирая на это, в силе остается то, что я заявляю там принципиально: il faut méditerraniser la musique[1]. Какой-то теолог в простоте души дал мне понять, что у меня главное – не логика, а исключительно «хороший стиль»: ну как же можно так серьезно относиться к тому, что для меня самого имеет столь мало значения? Все это еще куда ни шло – но у меня на памяти случаи, когда «чутье» переходит все пределы человеческого, гранича уже с чем-то животным. Один швейцарский редактор из «Бунда» не смог вынести из изучения означенного труда ничего, кроме того, что в таковом я подал идею отменить все пристойные чувства: видно, при словах «за пределами добра и зла» в его *голове* и впрямь что-то шевельнулось... Но моя гуманность справилась и с таким клиническим случаем. Я поблагодарил его, я даже дал ему понять, что никто не уразумел меня лучше, – а он-то поверил... Целый год после того этот самый листок рассматривал

1 Надо осредиземноморить музыку (*фр.*).

моего «Заратустру» как стилистическое упражнение высокого полета, делая глубокомысленные намеки насчет несовершенств моего стиля —

— а я получал от этого всего *удовольствие*: почему бы мне не признаться в этом? Отшельничество даром не проходит. Горы — соседи молчаливые, и пройдут годы, прежде чем до кого-то дойдет хоть слово. Но поглядишь на что-нибудь живое — и *на душе светлеет*: в конце концов начинаешь подпускать к себе всякую детвору, а еще — гладить по голове всякое зверье, даже рогатое. (Я всегда обращаюсь к одной корове, говоря ей «барышня»: это льстит ее старому сердцу.) Только отшельнику знакома великая терпимость. *Любовь к животным* — по ней-то во все времена и узнавали отшельников...

19 [2]

Переоценка всех ценностей
Сочинение
Фридриха Ницше

19 [3]

Размышления для дня послезавтрашнего
Краткое изложение моей философии

Мудрость для дня послезавтрашнего
Моя философия
в кратком изложении

Magnum in parvo[1]
Краткое изложение
одной философии.

19 [4]

1. *Мы, гиперборейцы.*
2. *Проблема Сократа.*
3. *Разум в философии.*

---

1 Великое в малом (*лат.*).

4. *Как мир истинный стал в конце концов басней.*
5. *Мораль как враг естества.*
6. *Четыре великих заблуждения.*
7. *За нас – против нас.*
8. *Понятие религии декаданса.*
9. *Буддизм и христианство.*
10. *Коечто из моей эстетики.*
11. *Среди художников и писателей.*
12. *Изречения и стрелы.*

19 [5]

Multum in parvo[1]
Моя философия
в кратком изложении
Сочинение
Фридриха Ницше

19 [6]

Досуги
одного психолога
Сочинение
Фридриха Ницше

19 [7]

[+ + +] У меня есть слова, способные надорвать душу какому-нибудь Богу, я – rendez-vous опытов, которые можно получить только на высотах 6 тысяч футов над уровнем всего чадного, человечьего. Этого довольно, чтобы *меня расслышали* немцы...» «Но, – отвечал я, – бедная моя книга, как ты могла метать перед немцами еще и свой бисер? Это было глупо!» Тут книга и рассказала мне о том, что с нею приключилось.

На самом деле, начиная с 1871 года, в Германии осведомлялись обо мне даже слишком основательно: это показал один случай. Я *не* удивляюсь, когда мой «Заратустра» бывает непонятен: это книга такой чуждой всему известному новизны, такой красоты, что ее птичий голос внятен лишь тому, в чьих жилах струится божественная кровь.

---

1 Многое в малом (*лат.*).

Но *не* понять «За пределами...» — меня это прямо-таки изумляет... Ее понимают повсюду, и всего лучше — во Франции. Один сотрудник «Национальцайтунг» понял эту книгу как знамение времени, как чистейшей воды юнкерскую философию, на которую Крестовой газете только не хватает духу. Один мелкий светоч из Берлинского университета, очевидно, ориентируясь на собственные озарения, объявил эту книгу в «Рундшау» психиатрической и даже привел в доказательство цитаты — те, что на свою беду что-то доказывали. Какой-то гамбургский листок признал во мне старого гегельянца. Газета «Дас литерарише центральблат» призналась, что потеряла «нить» моих идей (а когда она держала ее в руках?), в подкрепление процитировав несколько слов о музыкальных мотивах «юга», — словно музыка, не лезущая в лейпцигские уши, уже только от этого перестает быть музыкой. Невзирая на это, в силе остается то, что я заявляю там принципиально: il faut méditerraniser la musique. Какой-то теолог в простоте души дал мне понять, что у меня главное не логика, а исключительно «хороший стиль»: ну как же можно так серьезно относиться к тому, что для меня самого имеет столь мало значения? Все это еще куда ни шло — но у меня на памяти случаи, когда «чутье» переходит все пределы человеческого, граничa уже с чем-то животным. Один швейцарский редактор из «Бунда» не смог вынести из изучения означенного труда ничего, кроме того, что в таковом я подал идею отменить все пристойные чувства: видно, при словах «за пределами добра и зла» в его *голове* и впрямь что-то шевельнулось... Но моя гуманность справилась и с таким клиническим случаем. Я поблагодарил его, я даже дал ему понять, что никто не уразумел меня лучше, — а он-то поверил... Целый год после того этот самый листок обращался с моим «Заратустрой», *глубочайшею* книгой человечества, как со стилистическим упражнением высокого полета, делая глубокомысленные намеки насчет несовершенств моего стиля...

— А я получал от этого всего *удовольствие*: почему бы мне не признаться в этом? Отшельничество даром не проходит. Горы — соседи молчаливые, и пройдут годы, прежде чем до кого-то дойдет хоть один звук. Но погля-

дишь на что-нибудь живое — и *на душе светлеет*: в конце концов начинаешь подпускать к себе всякую «детвору», а еще — гладить по голове всякое зверье, даже рогатое. Только отшельнику знакома великая терпимость. *Любовь к животным* — по ней-то во все времена и узнавали отшельников...

Зильс-Мариа, Верхний Энгадин,
начало сентября 1888.

19 [8]

Переоценка всех ценностей

Книга первая

Антихристианин. Опыт критики христианства

Книга вторая

Свободный ум. Критика философии как движения нигилистического

Книга третья

Имморалист. Критика самого рокового вида невежества — морали

Книга четвертая

Дионис. Философия вечного возвращения

19 [9]

Имморалист

Психология *заблуждений*, на которых основана мораль

1) подмена причины следствием
2) мнимые причины общефизиологических ощущений
3) причинность воли как личная «свобода воли»
4) человек стремится к наслаждению и избегает боли («всякое зло — недобровольно»)
5) эгоизм и неэгоизм (ложные противоположности) ложная психология «самоотверженности», «самопожертвования», «любви»

Психология *способов*, какими мораль добивается господства, pia fraus[1].

19 [10]

В истории культуры «империя» порою бывает настоящей бедой: с тех пор как немецкий дух окончательно отрекся от «ума», Европа стала более жалкой. За рубежом об этом кое-что знают: но хоть немцы-то пусть не заблуждаются на этот счет! Задают вопросы: есть у вас хотя бы один стоящий ум? ну пускай только полу-ум?.. Что в Германии нет философов — это катастрофа первостатейная. Никто не станет облыжно обвинять немцев за то, что болтливые ничтожества, каков Бессознательный, г-н Э. фон Гартман, или морфинистско-желтушное отребье, каков берлинский антисемит г-н Е. Дюринг, поганят слово «философ», — последний из них не найдет среди своих поклонников ни одного приличного человека, первый — ни одной порядочной «головы».

19 [11]

Государство притязает на участие в обсуждении вопросов культуры и даже на их решение — а ведь государство всего лишь средство, всего лишь весьма второстепенное средство развития культуры!.. «Германская империя» — а сколько «германских империй» можно было дать за одного Гёте!.. Все великие эпохи культуры в политическом смысле были эпохами жалкими: —

1 Благочестивая ложь (*лат.*).

20. Лето 1888

20 [1]

Железное молчанье –

Ушей пятерка – и услышать хоть звук!
Весь мир умолк...

Я слушал ухом *любознания*,
Пять раз забрасывал свою уду,
Пять раз возвращался крючок пустым –
Я вопрошал – но безответен был невод мой –

Я слушал ухом моей *любви*

20 [2]
Был спешен твой бег:
но вот ты устал,
и счастье тебя догоняет.

20 [3]
Душа вся в снегу – к ней
уговоры росного ветра

20 [4]
Блещет и пляшет ручей – его
кривое русло́
скал уловило:
черных камней посреди
искры сеет, дрожит в нетерпеньи.

20 [5]
Отважному
не тверди об опасности!
Ради приманки такой
в бездну еще раз бросится.

20 [6]
Догнал-то лихо —
да проскочил мимо

20 [7]
У великих рек и людей пути кривые,
кривые, да ведут их к *собственной* цели:
и мужества их вершина —
не пугаться дорог искривленных.

20 [8]
Козы, гуси и прочие
крестоносцы и кого там еще
дух святый
важивал

20 [9]
это — ходули?
иль гордости крепкие ноги?

20 [10]
холопски, ползком,
с гнильцой, с подлецой

20 [11]
я средь вас неизменно —
что под водою масло:
наверх всплываю

20 [12]
лавка — а рядом всегда кабак

20 [13]
Каждый знает, что смертен:
так почему бы не жить в весельи?

20 [14]
плохо в браке живет
с собой, неуживчив,
да сам себе и мегера

20 [15]
небо в огне, а море
плюется на нас

20 [16]
море скалит зубы
на тебя.

20 [17]
ваш Бог, говорите,
это Бог любви?
А совести укус —
это Бога укус,
укус из любви?

20 [18]
ниже моей вершины
и льдов моих — там,
где я еще поясами всеми
любви опоясан

20 [19]
кому красота подобает?
нет, не мужчине:
красота его *прячет* —
а спрятанный — кому же он нужен, мужчина?
А выйдет без покрова — — —

20 [20]
в давку лучше вернись-ка:
станешь полированным, стальным.
В одиночестве сгниешь...
В одиночестве пропадешь...

20 [21]
не ошибитесь в нем!
Смех-то его —
что молнии блеск:
да следом за смехом
долог будет гнев его грома.

20 [22]
Уж он подражает себе,
уж он утомился,
уж ищет путей, которыми хаживал,—
а вчера еще любил все *неторное*!

20 [23]
Мудрость моя солнцу была подобна:
светом хотел я быть для них,
но ослепил их, и только;
моей мудрости солнце
этим мышам летучим
глаза повыжгло...

20 [24]
сострадает — суров,
объятьем — раздавит:
великану не подавайте руки!

20 [25]
Такова теперь моя воля:
и с тех пор как она такова,
все идет, как я и хочу —
моей последнею хитростью было:
что́ я должен — того и хотеть;
и вот я хозяин «долгу» любому...
Нету теперь у меня «долгов»...

20 [26]
Полон презренья к мелким
выгодам: в ломбарде заклады
только завижу,
как тут же тянет
остаться внакладе:
так мне диктует мой чопорный вкус.

20 [27]
маленькие люди —
теплые, с открытой душою,
да дверки-то низки:
лишь низость в них и пролезет.

20 [28]
быть обезьяною только
своего божества захотел?

20 [29]
твои великие мысли,
рожденные в сердце,
да и мелкие тоже —
эти даны головою —
разве не *скверно* продуманы все?

20 [30]
берегись,
не бей в барабан,
судьбу свою прославляя!
Обходи стороною
громыхание славы!

20 [31]
ты захотел залучить их?
внушай им,
словно овцам заблудшим:
«Ах, не путем вы пошли —
вот и сбились с пути».
Стоит так им польстить —
побегут, да еще и за всяким.
«Что? Был у нас путь? —
внушают себе потихоньку. —
Верно, верно, и впрямь есть у нас путь!»

20 [32]
на меня не серчайте, что спал я:
я не умер — я только устал.
Звучал-то мой голос злобно;
так ведь то были лишь храп да сопенье —
так поет человечья усталость, —
а совсем не приветствие к смерти
или манок могилы.

20 [33]
Точно труп, податлив,
уж при жизни мертв и закопан

20 [34]
И мелкой случайностью не брезгуй,
с нежеланным будь тоже любезен:
с судьбой не след быть колючим —
разве что ежиком станешь.

20 [35]
Вверх ли,
да разве сами взмываете вверх вы,
высшие люди?
Разве, простите, вы
не шару подобны,
что *загнан* в высоты —
тем, чтó в вас всего ниже?..
Не от себя ли *бежите*, взмывая?..

20 [36]
честолюбие подавившие:
с вами меня так и тянет
быть самым последним —

20 [37]
убийце Бога,
чистоты совратителю,
зла другу?

20 [38]
вот он — порядочен и
больше знает, где правда,
левейшим из пальцев ног,
чем я — всей головою:
выродок добродетели,
весь в белом

20 [39]
что толку! в сердце его
тесно, и весь его ум
в тесной клетке такой
уловлён, ущемлен

20 [40]
вы мудрецы сухие —
а мне все стало игрой

20 [41]
люблю ли вас?
Так всадник любит коня:
ведь тот несет его к цели.

20 [42]
узкие души,
приказчичьи души!
Деньги в кассу текут ручейком —
и течет с ними вместе душа!

20 [43]
слишком тебе с нею тяжко,
с твоею властной судьбою?
Ее полюби — один у тебя только выбор!

20 [44]
воля спасет.
Если нечем заняться — Ничто
работу тебе найдет.

20 [45]
одиночество
не сажает растенье: дает ему только вызреть.
Но для этого с солнцем дружить еще надо

20 [46]
Скинь свою тяжесть в глубины!
Забудь, человек! Забудь, человек!
Божественно забвенья искусство!

Летать захочешь,
в высях захочешь как дома быть —
самое тяжкое скинь в глуби морские!
Вот оно, море,— кидайся же в море!
Божественно забвенья искусство!

20 [47]

Ведьма

Мы друг на друга косились?
Меж нами было так много льда.
Но вот, в этой глухой избушке, мы привязаны к колу одной судьбы:
как же нам быть врагами?
Уж коли нельзя разойтись, придется любить нам друг друга

20 [48]

Истина —
баба она, не больше:
лукава даже в стыде —
к чему ее больше тянет,
о том и знать не желает,
от того и лицо воротит...
Кому уступит? Только насилью! —
Так действуйте силой,
будьте суровы с нею, мудрейшие!
Ее принуждайте,
эту стыдливую истину...
Ей для блаженства
узда нужна —
ведь баба она, не больше...

20 [49]

увы — ты думал,
что полон презренья,
а сам — отрекался только!..

20 [50]

час вечерний —
даже вершин моих льды
еще пылают!

20 [51]

По водам. Слава

Эй, волны!
вы, бабы! Ну и чудачки!
Что ж на меня сердиться?
Что ж закипать от гнева?
Я веслами бью
по головам вашей глупости.
А челн этот —
вы еще сами внесете его в бессмертие!

20 [52]

Такое нельзя опровергнуть:
так что ж, потому лишь оно и правда?
Эх, простаки вы!

20 [53]

Здесь, на высотах, я дома,
и в вышину мне не нужно.
Я даже глаз не подъемлю;
я — внизсмотрящий,
тот, кто должен дарить благословеньем:
благословляющие смотрят долу...

20 [54]

А он уж наглеет,
уж руки в бока
упирает развязно;
голос его все визгливей,
и светит в глазах бледная зелень.

20 [55]

У глаз благородных —
бархатный полог:
поднимаются редко,
честь окажут тому, для кого неприкрыты.

20 [56]

Реки молочные
в душе у них; но увы!
умом-то они — простокваша

20 [57]
чужое дыханье, шипя, меня овевает:
что же я, зеркало, чтобы мутнеть от него?

20 [58]
того, что с нежною кожей такою, – не тронь!
Или ты с нежности этой
хочешь пух соскоблить?

20 [59]
Истины, коих еще улыбка
не позлатила;
неспелые, терпкие, нетерпеливые истины
расселись вокруг меня.

20 [60]
О вы, льдов пылающих сонмы!
Горные солнца моего одинокого счастья!

20 [61]
Нетороплив ые очи –
редко когда полюбят:
а полюбив, просияют,
словно алмазные копи,
где клад любви сторожит дракон...

20 [62]
«Твоей дорогой, значит, в ад спускаются?» –
Ну что ж! в свой ад я добрыми
Уж вымощу дорогу изреченьями

20 [63]
Колючки решил ты схватить?
Тяжко поплатятся пальцы.
Лучше берись за кинжал

20 [64]
Так что же – ты хрупок?
Тогда *детских рук* берегись!
Ребенок и дня не проводит,
ничего не разбив...

20 [65]
Да и дым на что-то сгодится:
говорит бедуин, и я с ним согласен —
разве тому, кто в дороге,
не возвещаешь ты, дым,
близости очагов гостеприимных?

20 [66]
Кто нынче смеется всех лучше —
тот и смеется последним.

20 [67]
странник усталый —
остервенелым лаем
его встречает собака

20 [68]
млечное сердце, с теплом коровьим

20 [69]
это же раки — сочувствия к ним я не питаю:
схватишь — щипнуть норовят;
отпустишь — дело пойдет на попятный.

20 [70]
слишком долго сидел он в клетке,
тот, что теперь в бегах!
Слишком долго боялся
дубинки профоса:
пугливо бредет теперь по дороге:
от всего шарахается,
от одной даже тени дуба

20 [71]
За гранью Севера, льдов, эпохи,
за гранью смерти,
где никого нету, —
там *мы* живем, там *наше* счастье!
Ни по воде,
ни по суше

к нам туда не добраться –
к гиперборейцам:
так пророчил о *нас* некий мудрец.

20 [72]
ох уж эти поэты!
Есть меж них жеребцы,
чье ржанье невинным кажется

20 [73]
гляди вперед! не оглядывайся!
Тот погибнет,
кто на причины оглядывается

20 [74]
благосклонно и к людям, и к случаю,
солнца пятно
на зимних склонах

20 [75]
молния мудростью моей стала;
алмазным мечом рассекла для меня все темноты

20 [76]
отгадай, загадок любитель,
где теперь моя добродетель?
От меня сбежала,
убоявшись коварства
крючков моих и сетей

20 [77]
счастье мое – для них мученье:
к этим завистникам, словно тень, привязалось;
зябнут в душе, зеленея от злости –

20 [78]
дни одинокие,
да никак вы взалкали отваги!

20 [79]
И лишь когда для себя я — бремя,
с *вами* мне тяжко!

20 [80]
неудобна,
как добродетель любая

20 [81]
узник, кому суровейший выпал жребий:
спину горбить в труде,
в темном, глухом подземельи, —
это ученый...

20 [82]
куда он ушел? Кто знает...
Но достоверно одно — что он сгинул.
Угасла звезда в глухом просторе —
скучен теперь уж простор...

20 [83]
еще шумит ненастье,
но уж над полями нависло
тяжкое, молча сияющее,
оно — Заратустры богатство.

20 [84]
от всяких бед только это избавит —
выбирай:
скорая смерть
или любовь без предела.

20 [85]
роемся в поисках новых сокровищ
мы, подземельники новые: («ненасытные»)
некогда древним казалось безбожным
заступ вонзать в потроха земные;
и вот уж безбожное снова творится:
слышите колик глубинных грохот?

20 [86]
нелепым становишься ты,
добродетельным

20 [87]
вера,
священная немочь

20 [88]
неужто силен ты?
силен как осел? как Бог?
неужто ты горд?
горд настолько, что не стыдишься своей никчемности?

20 [89]
они себе Бога из ничто сотворили:
не диво, что он в ничто у них и обратился —

20 [90]
ученый — да в области *старого* хлама,
могильщик по призванию,
жизнь проводящий меж склепами да щепами

20 [91]
с ужимками прыгая,
словно обезьяна длиннорукая

20 [92]
вот стоят они,
тяжелые кошки гранитные,
ценности допотопные:
увы! и ты задумал *их* опрокинуть?

20 [93]
смыслят они бессмыслицу,
и ум их — полу- и полоумие

20 [94]
с охотою, ласково:
каждый день так идет ко мне, сея золото,
и тотчас взлетает.

20 [95]
в глубоком сомнении,
мхами заросший,
один,
с дальними планами,
всякой похоти чужд,
молчальник

20 [96]
сидит, весь съеженный, встревоженный:
нет, уж прямо ему не стоять.
В могилу свою крюками вцепился
этот скрюченный ум:
да разве он сможет оттуда *воскреснуть*?

20 [97]
уж ты так любопытен!
Никак научился взглядом углы огибать?
Да чтоб *это* узреть, надо глаза иметь и на затылке

20 [98]
уж так холодны они, эти ученые!
Да чтоб им молния в суп ударила!
Пускай хоть огонь жрать научатся!

20 [99]
кошки-цапки
со связанными лапками —
вон сидят они,
источая глазами яд.

20 [100]
зачем он сверзился с высей своих?
Чем соблазнился он?
Состраданием к низости соблазнился он:
и вот грудою хлама лежит, уже остыв —

20 [101]
навозные мухи бумаги,
однодневки-читатели

20 [102]
даже волк обо мне порадел,
показав: «Лучше нашего брата воешь ты»

20 [103]
Самое грязное, скверное ты разглядел, как провидец:
мудрый еще ни один не миновал сладострастия ада.

20 [104]
в новые ночи укутался ты,
пустыни новые нащупал львиной лапою своей

20 [105]
от этой красы из камня
остужается жаркое сердце мое

20 [106]
блаженством каким-то новым
я измучен

20 [107]
далече вперед, в море грядущего,
уду я бросаю свою

20 [108]
рой, червь!

20 [109]
я — тот, кому приносят присягу:
присягните мне в сем!

20 [110]
кумиров ты ниспроверг: добро тебе!
но *поистине* отважен ты был,
служителя кумиров в себе самом ниспровергнув

20 [111]
счастье мое там, за гранью!
То, что нынче — счастье мое,
бросает тень от света его

20 [112]
быть виновным высшей виной —
но все, какие есть, добродетели
у вины моей в ногах валяются —

20 [113]
обман —
на войне это всё.
Шкура лисья —
мне тайная кольчуга

20 [114]
Славу
изведавший не слишком скоро:
про запас державший доброе имя

20 [115]
честолюбия такого
этой земле не вместить

20 [116]
неужто хитрость силы лучше?

20 [117]
Всё я раздал
достоянье свое:
больше нет у меня ничего,
кроме тебя, надежда великая!

20 [118]
«ни в чем не добьешься победы без гнева»

20 [119]
где опасно,
я тут как тут,
словно из-под земли вырос

20 [120]
так говорят полководцы:
«Не оставляй в покое
ни победителя, ни побежденного!»

20 [121]
близок великий час,
опасности всякой предел:
стихает во мне душа...

20 [122]
разве может кто дать тебе право?
Так *возьми* себе право сам!

20 [123]
не грехами его, не великими глупостями —
совершенством его страдал я, когда
сильнее всего страдал человеком

20 [124]
звезд руины:
из этих руин сложу я свой мир

20 [125]
за эту мысль ухватившись,
все грядущее вытяну

20 [126]
что такое? море мелеет?
Нет — поднимается мой материк!
И подъемлет его новый жар!

20 [127]
мысль —
пока еще жидко-горячая лава:
но лава любая возводит
вкруг себя крепость —
и любая задавит мысль
себя напоследок «законами»

20 [128]
когда иссякли речи свежие,
старые слова превратили вы
в закон:
где жизнь *застыла*, там закон громоздится.

20 [129]
вот с чего начал я:
себе отучился сочувствовать!

20 [130]
ваша к былому любовь
поддельная,
любовь могильщиков —
жизни она грабеж,
вы крадете ее у грядущего —

20 [131]
самый-то страшный упрек
я от вас утаил — пресной становится жизнь:
да бросьте ее вы — и снова вкусной покажется!

20 [132]
эти ясные глуби!
Что звездою звалось —
стало теперь пятном.

20 [133]
эту высочайшую преграду,
эту из мыслей мысль —
кто воздвиг ее для себя?
Жизнь сама и воздвигла
такую преграду себе:
и вот скачет по-над мыслью самой

20 [134]
мечтатели, сумеречники
и всякая тварь, что
между закатом и тьмою
ползет, летит да на ватных ногах стоит.

20 [135]
жуют они гальку,
ползая на брюхе
пред маленькими кругляшками;
кланяются всему, что коснеет в себе,—

эти последние богоприслужники!
Верующие!

20 [136]
если чего не имеешь,
но имеешь в этом нужду,
бери его смело:
так взял я спокойную совесть себе.

20 [137]
втайне сожжен
не за веру свою,
а, скорее, за то, что не решился
ни на какую веру

20 [138]
среди чего вы поселились,
то скоро в вас и вселится:
если сидеть долго нравится,
вырастут нравы.

20 [139]
русла сухие речные,
иссохшие, из песка, души

20 [140]
головы твердолобые,
мелочные, продувные

20 [141]
это от вашего холода
память стынет во мне?
И я забываю, что сердце
билось во мне и пылало?..

20 [142]
(ночь, и небо все в звездах)
О, этот кладбищенски-тихий шум!

20 [143]
по лестнице широкой, неспешной
к счастью взбираться

20 [144]
от лампад земных, отблесков счастья чужого
пепельно-серые,
ночь и луна крадутся

20 [145]
«Врага своего возлюби,
и пусть разбойник тебя ограбит»:
так, это услышав, они и делают — бабы

20 [146]
моей добродетели зодиак: все есть у нее времена года

20 [147]
наша охота за истиной —
за счастьем ли это охота?

20 [148]
тот лишь добр всегда, кто забывать научился.
Дети, что помнят пени да нахлобучки,
исподтишка склонны мстить, подрастая —

20 [149]
Солнца восход
в бесстыжей своей простоте
это увидел и скрылся.
Следом тучи ненастья пришли.

20 [150]
подвижна, что кони,
тень наша не мотается ль за нами
туда и сюда?
В солнце вести нас надо,
к солнцу лицом —

20 [151]
для наших ног истины эти —
под них и плясать можно

20 [152]
призраки-пугала,
трагические гримасы
с клокотаньем морали в глотках

20 [153]
тучи ненастья — нет до вас дела
нам, вольным умам, воздушным, веселым!

20 [154]
бабы ли вы,
что решили страдать предметом
своей любви?

20 [155]
ленивцу — да в самые уши:
«Если нечем заняться — Ничто
работу тебе найдет»

20 [156]
Когда на одинокого
находит великий ужас
и он бежит без оглядки,
сам не зная куда;
когда в спину ему ревут бури,
когда его молния выдает с головою,
когда души его призраки
заставляют его трепетать —

20 [157]
я только делатель слов:
но что толку в словах!
что толку во мне самом!

20 [158]
слишком рано
я вновь рассмеялся:

мало враг мой
ползал в ногах у меня

20 [159]
при пасмурном небе
когда и стрелы,
и смертельные мысли
бросаешь во врага

20 [160]
подобно колокола звону,
в лесу заплутавшему

20 [161]
отважным, веселым
и собою владеющим
я пою эту песнь.

20 [162]
Воинские песни души.
Победоносный
Из седьмого одиночества.

20 [163]
Путь к величию
Песни
Заратустры

20 [164]
Могила Бога

20 [165]
Песни
Заратустры

Часть первая:
Путь величия
Сочинение
Фридриха Ницше

20 [166]

Песни Заратустры

Часть первая:
О нищете самого богатого
Сочинение
Фридриха Ницше

20 [167]

Вечное возвращение
Пляски и праздничные шествия
Заратустры
Сочинение
Фридриха Ницше

20 [168]

Песни
Заратустры

Часть первая:
Путь к величию

21. Осень 1888

21 [1]

Тейх<мюллер>
Scep<tiques> gr<ecs>
Спир
А<вгуст> Мюллер, Ислам

21 [2]

Вечером <пойти> в кафе «Ливорно»
3–5 в кафе «Флорио»

Не <ездить> в Рим
Не <ходить> к Лёшеру

Не надевать на улице очки!

Не покупать *никаких* книг!
Избегать толпы!
Вечером <*или* по вечерам — пройти *или* гулять> через *сад* Валентино до *замка*, потом снова до самого конца *Площади Вик*<тора Эммануила I> и в *кафе «Ливорно»*.

В театре попробовать <взять билет на> *Galleria numerata*[1]!

21 [3]

Гл. о вере
Гл. о Павле
способы довести до болезни
способы *свести с ума*

---

1 Балконы (*итал.*).

21 [4]

Не писать *никаких* писем!
Не читать *никаких* книг!
Взять <брать> с собой в *кафе* что-нибудь для чтения!
Записную книжку!

21 [5]

Пить *воду*.
Никаких spirituosa.
Время от времени (ревень)
По утрам стакан чаю: дать *остыть*!
По ночам что-нибудь потеплее!
В театре galérie posto numerato[1].
Никаких очков на улице
Избегать толпы!
Не <ходить> к Лёшеру
Не <ездить> в Рим!
Не писать *никаких* писем!
По вечерам тепло одеваться!

21 [6]

Ах, какая благодать – еврей посреди немецкого рогатого скота!.. Господа антисемиты ее недооценивают. В сущности, еврея от антисемита отличает то, что он, *говоря* ложь, знает, что лжет: антисемиту же невдомек, что он лжет всегда –

21 [7]

Нынче нередко можно видеть, что молодые люди из почтенных семей пропадают в совершенно двусмысленных движениях: они уже давно не могли найти в своей жизни смысла – и поиск *хоть какого-нибудь* смысла становится для них в конце концов прямо-таки тиранzщей их потребностью. А в итоге все решает случай: и они присоединяются к какой-нибудь партии, где есть «смысл», против которого, в сущности, восстает не только их вкус, но и *нюх*, –

против которой восстает не просто вкус, но и нюх, – ну, скажем, <это будут> антисемиты: просто потому, что

---

1 Место на балконе (*фр. (с ошибкой) – ит.*).

у антисемитов есть цель, осязаемая до бесстыдства, — еврейские *деньги.*

не сумевшие найти смыслf в своей жизни и наконец приставшие к партии, где есть смысл, скажем, к антисемитам, цель коих осязаема до бесстыдства: *еврейские деньги.*

становятся, скажем, антисемитами — просто потому, что у антисемитов есть цель, осязаемая до бесстыдства, — *еврейские деньги.*

определение антисемита: зависть, ressentiment, бессильное бешенство как *лейтмотив* инстинкта: притязание на «избранность»; абсолютная моралистическая лживость в представлении о себе самом — добродетель и все громкие слова никогда не сходят у него с языка. А вот и *типичный* признак: они даже не замечают, на *кого* они в этом похожи вплоть до неразличимости. Антисемиты подобны завистливой, то есть наиболее тупоумной, породе евреев — —

21 [8]

Я решусь упомянуть еще о некоем proprium[1] моей жизни, тем более что она и сама — чуть ли не *это* proprium. Есть у меня кое-что, что я называю своими внутренними ноздрями. Первое, что я ощущаю при любом соприкосновении с людьми, — это степень их внутренней чистоплотности [— — —] — особенно неприятным кажется мне запах как раз «прекраснодушных». Как человек относится к себе самому, обманывает ли он себя в чем-нибудь, настроен ли он на честное общение с самим собою, — *выносит* ли он себя — или нуждается в *«идеале»*... Идеалист пахнет, на мой вкус, дурно...

Пожалуй, решусь назвать имя одного ученого еврейского происхождения, своей инстинктивной прохладною ясностью в отношении себя самого во всякое время сообщавшего мне глубокое ощущение красоты, *опрятности* в моем смысле этого слова: он ни на миг не забывался, он никогда себе не изменял, он не терял контроля над собой ни на людях, ни в одиночестве. Для этого нужно не только совершенно приучиться быть суровым и искренним

---

1 Неотъемлемой особенности (*лат.*).

в отношении себя самого; тут требуется великая сопротивляемость, помогающая не испортиться под воздействием общества, книги или случая. А кроме того, это признак силы, как и — — —

Для меня прямая противоположность обрисованному типу человека *опрятного* — это в общем и целом почти что все знакомые мне немцы; а особенно — господа антисемиты, к коим я отношусь как к [—] par excellence. Скверные инстинкты, неимоверное тщеславие, самовлюбленность, [— — —] и при том при всем — претензии на обладание «высшими ценностями», на «идеализм»...

22. Сентябрь и октябрь 1888

22 [1]

Примечание на полях о niaserie anglaise[1]. «Не делай людям того, чего не хочешь, чтобы сделали тебе.» Это почитают за мудрость; это почитают за ум; это почитают за основу нравственности — за ее «золотое правило». В это верит Джон Стюарт Милль — да и кто ж из англичан в это не верит... Но это правило не выдерживает и самого легкого натиска. Расчет, гласящий «не делай того, чего не хочешь, чтобы сделали с тобой» запрещает поступки из-за их скверных последствий — с задней мыслью, что за поступок всегда *воздастся*. А что, если кто-нибудь, глядя на этот «principe»[2], скажет: «*Надо* совершать как раз такие поступки, чтобы другие нас не опередили — чтобы лишить других возможности сделать то же с *нами*?» А с другой стороны, представим себе какого-нибудь корсиканца, которого честь обязывает к вендетте. Ему тоже вовсе не хочется получить пулю, но перспектива, но вероятность таковую получить *не* удержит его от удовлетворения своей чести... А разве, совершая всяческие *приличные* поступки, мы не испытываем преднамеренного равнодушия к тому, чем обернутся они для нас? Избегать поступка, который мог бы иметь для нас тяжкие последствия, — это ведь было бы *запретом* на приличные поступки вообще...

Но ценность «золотого правила» состоит в том, что оно показывает нам без прикрас определенный *человеческий тип*: заодно оно выражает и *стадный инстинкт* — люди равны и относятся друг к другу одинаково: как я отношусь к тебе, так и ты относишься ко мне. Это прямо-таки вера в *эквивалентность поступков*, которой просто не бывает во всех реальных отношениях между людьми. Не на лю-

---

1 Английских благоглупостях (*фр.*).

2 Принцип (*фр.*).

бой поступок *можно* ответить тем же: в отношениях между «индивидами» *не бывает взаимно тождественных поступков*, стало быть, невозможна и никакая «отплата»... Совершая какой-нибудь поступок, я вовсе не думаю о том, что такой же вообще может совершить какой-нибудь другой человек: это *мой* поступок... Отплатить мне за него нельзя ничем, можно только совершить по отношению ко мне какое-нибудь *«другое»* действие –

22 [2]
Глава о *Павле*
еврейская семья в условиях диаспоры
«любовь»
«независимое» разбирательство с Иисусом
на сугубо иудейско-жреческий лад
a) смерть *за* наши грехи
b) «Спаситель» – бессмертен
глубокая ненависть к *культуре* и познанию – уже еврейская
(Бытие 52
«Бессмертная» душа   психология «умирающего» 18
жрец как «ангел зла» 10
все это *испорчено* церковью
1) аскеза
2) пост 66
3) «монастырская жизнь»
4) праздники
5) милосердие
любовь доброта героизм 243
психология первых христиан   «не судите» 11
197   63   *протестант* 184
великая ложь истории 17

22 [3]
Книга 2 Доказать, что нигилистический образ мышления – *следствие* веры в *мораль* и *ценности жрецов*: если ценность установлена ошибочно, то тому, кто понял эту ошибочность, покажется, будто мир *обесценен*...
Книга 3 Мораль с точки зрения ее возникновения, средств, целей – самый неморальный факт истории... она

опровергает себя, поскольку вынуждена *практиковать* противоположные ценности, чтобы сохранять в силе свои собственные...

22 [4]

Павел: он ищет силы, чтобы *противостоять* правящему иудейству, — его движение <еще> слишком слабо... Переоценка понятия «иудей»: «раса» из него устраняется — но это было равнозначно отрицанию *фундамента*: «мученика», фанатика, ценности всякой *сильной* веры...

Ни за что не допускаю, что *гуманные* <исторические> *следствия* оправдывают христианство...

Христианство есть *форма упадка* древнего мира до состояния полнейшего бессилия: в итоге на поверхности оказались наиболее болезненные и нездоровые слои и потребности.

22 [5]

Следовательно, на первый план поневоле вышли *иные* инстинкты, чтобы *сложилось* некое единство, некая способная защитить себя сила, — короче, нужно было бедственное положение, подобное тому, с помощью которого евреи получили свой *инстинкт самосохранения*...

В этом смысле неоценимую роль сыграли преследования христиан: чувство локтя в опасности, *массовые обращения* как единственный способ положить конец преследованиям отдельных людей (стало быть, с понятием «обращение» обходятся как нельзя более безответственно)

22 [6]

Молот для кумиров,
или
Увеселения
психолога

Молот для кумиров,
или:
как ставит проблемы психолог
Сочинение
Фридриха Ницше

Молот для кумиров
Досуги
психолога
Сочинение
Фридриха Ницше

Молот для кумиров,
или:
как ставит проблемы психолог
Сочинение
Фридриха Ницше
Лейпциг,
издательство К. Г. Наумана
1889.

Гибель кумиров,
или:
как философствуют
молотом
Сочинение
Фридриха Ницше

22 [7]

Христианский способ интерпретации представляется мне *крайне безответственным.* Толковать свою жизнь так, как это делают швабы-христиане, мне кажется, совершенно непристойно, – нужен недостаток большой порядочности, чтобы не обнаружить, [<что> – – –] что-нибудь интерпретировать, – и что это *убогий* трюк (когда наука не руководствуется *совестью*, то всегда сохраняется *остаток* толковости), рассчитанный на то, чтобы собственная жизнь не предстала слабой, трусливой, бессмысленной, прожитой на христианский лад, как это бывает в отсталых местностях, скажем, в Швабии, – <а уж то,> что оставалось, было *порядочностью*... *Не* «дух»: ведь чтобы разглядеть «надувательство», которое при этом творится, не нужно особой сообразительности.

22 [8]

Вера, опирающаяся на священные книги, которые никто не признал бы за книги, сообщенные через откровение познающим истину как данное, установленное, а *не* как то, за что [———] и с несказанным самопреодолением и самодисциплиною, вера, что никогда не старалась понять свои священные книги, [———] <христианин,> убереженный откровением, — это типичное состояние ———

22 [9]

Нельзя простить немцам того, что они лишили Возрождение его цели, его *победы*, — победы над христианством. Немецкая Реформация — *темное* пятно на их совести... А эта пагубная порода людей еще трижды прикладывала руку, чтобы затруднить культуре ее продвижение, — немецкая философия, освободительные войны, основание империи в конце девятнадцатого столетия — все это для культуры одни огромные бедствия!

22 [10]

57 гл.) благая цель: идеи Ману при всей его лживости.

58 гл.) нельзя признавать *гуманные следствия* христианства таковыми, оно все испортило, — ужасающий *ущерб*, который претерпело все полноценное, состоит в том, что интерес был растрачен на воображаемое, на *губительное*; что вопросы *питания, жилища, здоровья* стали рассматриваться всерьез лишь *в середине этого столетия*.

59 гл.) великая попытка создать противоположные ценности — миссия немцев.

60 гл. мои *требования*.

1. Следует избегать общения с теми, что были и остаются христианами, — из соображений чистоплотности.
2. Учитывать случаи, когда христианство — явное следствие и симптом нервной болезни, и всеми способами препятствовать распространению заразы из этих очагов.
3. <Надо помнить,> что Библия — *опасная* книга, что изучать ее следует с осторожностью, — что не следует просто давать ее в руки людям слишком молодым.

4. надо относиться к *жрецам* как к чандале — *и соответственно с ними обходиться.*
5. Очищать все места, учреждения, воспитание от жреческой скверны.
6. *Празднества* и *святые*<,> *«Спаситель»*
7. *Календарные даты*

22 [11]

Мне случалось видеть, как молодые люди из почтенных семей, что уже давно не могли найти в своей жизни смысла, в конце концов пропадают в прямо-таки грязных движениях — лишь потому, что те дают им какую-то цель... Некоторые, к примеру, даже становятся антисемитами...

22 [12]

58. *За что следует благодарить христианство*

за ужасающий ущерб — ибо все *ценное*, все первостепенно *важное* было обойдено вниманием...
— *теперь* мы начинаем обращать внимание на здоровье, одежду, питание, жилище...
за расточение всех великих страстей, всякого вдохновения, всякой глубины и тонкости ума

22 [13]

О высшем человеке,
или
Искушение Заратустры.

Искушение Заратустры,
или
Для кого сострадание будет грехом.

Искушение Заратустры,
или
Как сострадание превращается в грех.
Для кого сострадание будет грехом.

22 [14]

Переоценка всех ценностей

Антихристианин. Опыт критики христианства.
Имморалист. Критика самого рокового вида невежества — морали.
Мы, верящие в жизнь. Критика философии как движения нигилистического.
Дионис. Философия вечного возвращения.

Песни Заратустры
Из
семи одиночеств

22 [15]

Искушение Заратуштры,
или
На кого сострадание
ляжет грехом
Сочинение
Фридриха Ницше

22 [16]

Случай «Вагнер». Композиторский облик одной проблемы.
Гибель кумиров. Или: как философствуют молотом.
Искушение Заратустры. Или: на кого сострадание ляжет грехом.

22 [17]

Обусловленность поступка

Ложно установленные *цели:*

Счастье a) собственное «эгоистично» b) чужое «неэгоистично»

(— огромный дефицит самопонимания у Шопенгауэра, который добавляет еще и
c) чужое *страдание* d) собственное страдание, каковые, естественно, суть лишь особые случаи понятия «собственного счастья» (a).

если счастье — цель поступка, то действию должна предшествовать *неудовлетворенность:* пессимистическое

извращение фактического положения дел. *Страдание* как мотив действия.

Моя теория: наслаждение, страдание, «воля», «цель» — исключительно побочные явления, никогда не бывающие *причинами. Всякая* так называемая «духовная» обусловленность — фикция

Обусловленность поступка

Страдание и наслаждение как мотивы.
Воля как причинное начало действия.

Предполагаем: вся предыстория разворачивалась в сфере *сознания*
поступки на самом деле обусловлены *духовно*...
«душа» понимает, чего хочет, и ценность волевого акта *обусловлена* ее пониманием...
душа свободна от воли и, следовательно — — —

22 [18]

Скверные поступки, характерные для декадентов именно благодаря *отсутствию у них* «эгоизма», — они не направлены на конечную выгоду

Психология так называемых *не*эгоистических поступков

— на самом деле они строжайшим образом регулируются в соответствии с инстинктом самосохранения

обратное имеет место при так называемых *эгоистических* поступках:

тут-то как раз и нет управляющего инстинкта — глубокого осознания пользы и вреда

Все несокрушимое, здоровое, витальное говорит о переходе от растущего *усилия* к руководящему инстинкту самости

всякая расхлябанность — признак декаданса

22 [19]

Тезисы: не бывает никаких неэгоистических поступков вообще
не бывает и никаких эгоистических действий тоже

счастье не бывает целью действия, а страдание — причиной
(— пусть даже *страдание* неимоверно: если механизм не имеет возможности работать, все равно никакого поступка не получится.
Наслаждение и *страдание* — не *причины*; они лишь приводят что-то в движение, они сопровождают его...

<О том,> насколько все *подлое, порочное, зверское, утонченно-коварное* — всего лишь симптомы вырождения.

Стадный инстинкт

Критика *видов сочувствия*
Критика *видов самоуважения*
Для чего нужна истина?

22 [20]
Ложные выводы из веры в *«ego»*

человек стремится к *счастью*: но это его чувство не принадлежит никакой единице, которая «стремится»...

а то, к чему стремятся все единицы, это вовсе не *счастье* — счастье лишь побочное явление <, возникающее,> когда *в действие приводится их сила*: поступок совершается не из потребности, а из *полноты*, достигающей разрядки в ответ на стимул.

не «страдание» — предпосылка деятельности: <а, наоборот, деятельность как> усилие <сама> — огромный *стимул*...

против *пессимистической* теории, будто бы всякое действие направлено на стремление избавиться от *неудовлетворенности*, будто бы наслаждение — уже само по себе цель какого-нибудь поступка...

22 [21]

поступков «бескорыстных» вообще не бывает.

Поступки, в коих индивид изменяет своим собственным инстинктам, делая выбор себе же в ущерб, суть признаки декаданса.

(— целая толпа самых именитых так называемых «святых» изобличена в декадентстве уже одним только отсутствием «эгоизма»

поступки, продиктованные любовью, стремлением к «подвигу», в столь малой степени «бескорыстны», что прямо-таки *доказывают* наличие весьма сильной и богатой самости

— «бедные» не располагают способностью отдавать... то же самое относится к великому дерзанию и тяге к авантюре, свойственным «героизму»

не ставить *«самопожертвование»* целью, а добиваться целей, последствиями которых человек не озабочен, потому что ставит их с задором, с доверием к себе, — он *безразличен* к этим последствиям...

22 [22]

a) *ложная обусловленность*

наслаждение, страдание, воля, цель, «ум»

b) лжеединства «душа», «я», «личность»

а не то еще и «личное бессмертие»

— тем самым имеет место ложный *альтруизм*

«я» и «другие»

(эгоизм — альтруизм)

«субъект» «объект»

c) совершенное презрение к *плоти* заслоняет собою отдельную личность, которая тщательнейшим образом пытается сорганизоваться в целях самосохранения и *облагораживания* образа жизни, свойственного ее типу: иными словами, оно заслоняет собою бесконечную ценность *отдельной личности* как носителя процесса жизни и, *следовательно*, ее неотъемлемое право на эгоизм, — как и всю невозможность для нее *не* быть личностью...

На деле все «неэгоистическое» — это феномен декаданса.

22 [23]

Библейская заповедь «не убий» — игрушка в сравнении с *моей* заповедью декадентам: «не зачни!», нет, даже хуже игрушки — ее противоположность... Высший закон жизни, сформулированный Заратустрой, требует, чтобы *не было жалости* ко всяческому мусору и отбросам жизни, чтобы *уничтожалось* все тормозящее, отравляющее восходящую жизнь, всякий заговор, всякая подпольная вражда

к ней, — одним словом, *христианство*... В глубочайшем смысле слова *неморально* говорить *не убий*...

22 [24]

I. Спасение от *христианства*: антихристианин
II. от *морали*: имморалист
III. от *«истины»*: свободный ум
IV. от *нигилизма*:

нигилизм как неизбежное следствие *христианства*, *морали* и философского *понятия истины*.

Признаки нигилизма...

под «свободою ума» я понимаю нечто вполне определенное: <способность> в сто раз превосходить философов и иных апостолов «истины» в строгости к себе самому, в чистоте и мужестве, в безусловной воле говорить Нет, когда говорить Нет — опасно: прежних философов я считаю *презренными libertin'ами* под клобуком такой барышни, как «истина».

22 [25]

Имморалист

Мораль по своему *происхождению* — это сумма *условий*, при каких *сохраняется* порода нищих, наполовину или вовсе не удавшихся людей: эта порода *может* быть «велика числом» — отсюда ее *опасность*.

Критика *«улучшителей»*

По своему *назначению* это <улучшительство> — *главный метод* жреческого паразитизма в борьбе с *сильными*, *жизнеутверждающими* — они завоевывают «великое число» (*подлых* и *страждущих*, и во всех сословиях — всяческих неудачников, — это своего рода *общее восстание* против *малого числа* людей *благородных*...)

Критика *«добрых людей»*

Они *влекут* за собою радикальное лицемерие и порчу даже тех *слоев*, что составлены из *исключений*: каковые, в конце концов, только чтобы *выносить самих себя*, уже не осмеливались быть честными с собой ни в чем: вот она, окончательная *психологическая* порча — вместе со всем, что из нее проистекает: — — —

22 [26]

Весь секрет моей жизни – в *скромности*: в воле, в способности умаляться... *Не* унижаться – а словно забывать о чем-то, отстраняться от себя самого, создавать *в* себе дистанцию, иначе говоря, в полностью *осознанной* свободе [– – –] задача, воля, безжалостный инстинкт, который ею обусловлен...

Секретом было – призвать к себе на помощь все, что в моей жизни было нищего, слабого, страдающего, чтобы не надломиться от великой задачи: надо было как бы *расколоть* себя пополам, а *другую* половину оставить для приязни, приязни к людям, для терпимости, открытости всему незначительному и мелкому в жизни. И в этой же половине себя самого я умею *изощренно* и умело смаковать – хорошую книгу, хорошую музыку... Тут мне нравятся даже те вещи, что, быть может, еще более, чем самый утонченный ум, требуют большой терпимости, продиктованной добротою, – к примеру, Петроний, даже Генрих Гейне, Оффенбах со своими бессмертными фокусами...

Тот факт, что почти всякое соприкосновение с людьми *вырывало* из моей груди смех, потому что они напоминали мне животных, не стал для меня основанием презирать их за это: когда бы я ни сталкивался со *злобой* или *наглостью*, я силился сделать [– – –] что-нибудь, чтобы изгладить их из памяти.

22 [27]

Я никогда не страдал, не встречая должного к себе уважения, – я находил в этом какую-то для себя пользу. Правда, за всю мою жизнь, с ранней молодости, мне доводилось принимать столь много почета и уважения, что я – – –

22 [28]

Искусство разделять себя самого – не путать, годами не помнить об одной половине...

Извлечь пользу из моей *болезни*: разрядка великого напряжения

уроки ласкового мщения за мелкие оскорбления.

Для меня совершенно немыслимо рассказать о том, что́ я считаю самым скверным случаем в своей жизни, — это прозвучало бы не просто обескураживающе, это прозвучало бы как неблагодарность, как подлость.

Некоторая благосклонность к себе, какую я встречал в жизни, во многих случаях производила на меня худшее впечатление, нежели в иных — колкость и враждебность. Когда человек верит в то, что способен благодетельствовать, — как много в этом назойливости, нехватки чувства дистанции — чаще я видел в желании облагодетельствовать, вообще говоря, грубость.

Почему я никогда не мучился — от «непризнанности», от того, что меня не читали

Мне идет вот уже 45-й год, а ученые из Базельского университета со всею благожелательностью все еще дают мне понять, что меня не читают из-за литературной формы моих сочинений: надо, мол, делать это как-то иначе.

22 [29]

Меня никогда, даже в самом тесном соприкосновении [—], не покидало чувство дистанции, доходившее в конце концов до степени физиологической: дистанцию, стремление к отличию в любом смысле, я воспринимаю так, словно это — стихия, не вступающая ни в какие смешения и всегда остающаяся сверху в сравнении со всеми иными, мутными

Мое преимущественное право, *в обгон* всех других людей выделенная мне *доля* — прожить всю полноту высочайших и необычнейших состояний, в виду которых разделение на дух и душу было бы цинизмом. Без сомнения, нужно быть философом, нужно обладать глубиною, доходящей вплоть до [—], чтобы не затеряться в этой бездне света: но для этого все еще необходимы предусловия — безошибочное чутье и долгая тирания великой задачи.

23. Октябрь 1888

23 [1]

Еще одна заповедь любви к людям. Бывают случаи, когда иметь ребенка — преступление: у хронических больных и неврастеников в третьей стадии. Что тут предпринять? На худой конец можно попытаться воспитывать в них целомудрие, скажем, с помощью музыки «Парсифаля»: у Парсифаля, этого типичного идиота, и у самого было предостаточно причин отказаться от продолжения рода. Беда только в том, что известная «неспособность» владеть собою (*не* реагировать на раздражитель, даже самый незаметный половой раздражитель) и сама относится к прямо-таки систематическим последствиям общего изнурения. Ошибкою было бы представлять себе, скажем, какого-нибудь Леопарди — целомудренным. Жрец, моралист будут стараться тут напрасно; уж лучше сразу послать в аптеку. В конце концов, общество должно здесь выполнить некий *долг*: на свете мало столь же настоятельных и кардинальных требований к нему, как это. Общество как великий поверенный жизни должно взять на себя ответственность за каждую неудавшуюся жизнь *перед* самой жизнью, оно же должно и наказывать: следовательно, оно *обязано* предотвращать эти <неудавшиеся жизни>. Во многих случаях общество *обязано* препятствовать зачатию: для этого оно должно держать наготове самые суровые меры принуждения — лишение свободы, а если необходимо — кастрацию, невзирая на происхождение, чины и образование. Библейская заповедь «не убий» — игрушка в сравнении со всей серьезностью заповеди жизни — декадентам: «не зачни!»... Сама жизнь не признает никакой солидарности, никаких «равных прав» для здоровых и выродившихся частей единого организма: последние необходимо *вырезать* — или погибнет всё. *Сочувствовать* декадентам, давать *равные права* и неудачным тоже — это ужа-

сающая неморальность, это сама *противоестественность*, даже в виде морали!

23 [2]

О разумности жизни. Относительное целомудрие, глубокая и умная осторожность в эротической сфере даже в помыслах может быть проявлением великой разумности жизни и у натур богато одаренных и цельных. Это утверждение в особенности касается *художников* — у них оно входит в состав жизненной мудрости, на какую они только способны. В этом духе уже звучали голоса тех, что не внушают никакого подозрения: упомяну <хотя бы> Стендаля, Т. Готье, даже Флобера. Художник — непременно человек чувственный, может быть, он таков уже от природы; он сугубо возбудим, отзывчив в любом смысле, открыт для раздражителей, для суггестии даже очень удаленного раздражителя. Несмотря на это, подвластный своей задаче, своему стремлению к мастерству, на деле он в среднем — человек умеренный, а нередко и прямо-таки целомудренный. Этого *требует* от него доминирующий в нем инстинкт: он не позволяет ему тратить свои силы направо и налево. Энергия, которая тратится в художественном творчестве и в половом акте — это одна и та же энергия: ведь энергия бывает только одного вида. Поступиться собою *в этом*, растратить себя *на это* — для художника предательство: оно с головою выдает ущербность инстинкта, воли вообще, оно может оказаться признаком декаданса, — во всяком случае, оно обесценивает его искусство до немыслимой степени. Вот наиболее неприятный пример — случай Вагнера. Вагнер, подпавший чарам той неимоверно болезненной сексуальности, что была проклятием всей его жизни, слишком хорошо знал, что художник расплачивается за нее, теряя свободу распоряжаться собою и само*уважение*. Он приговорен к лицедейству. Само его искусство превращается для него в беспрестанную попытку к бегству, в способ забыться, *оглушить* себя, — это изменяет, а в конце концов и начинает определять характер его искусства. Такому «невольнику» становится необходим мир, навеянный гашишем, диковинные, тяжкие, плотно окутывающие испарения, всяко-

го рода экзотика и символизм идеала, только бы на миг избавиться от *своей* реальности, – ему становится необходима музыка Вагнера... Та или иная степень католицизма идеала, присущая художнику, – это почти доказательство его презрения к себе, «болота»: таков случай Бодлера во Франции, случай Эдгара Аллана По в Америке, случай Вагнера в Германии. Надо ли еще добавлять, что и *успехом* своим Вагнер обязан чувственности? Что его музыка вербует в свою рать, в рать Вагнера, самые низменные инстинкты? Что весь этот священно-абстрактный туман из идеала, из католицизма на три восьмых – *в большей степени* искусство совращения? (она позволяет по неведению, невинно, *по-христиански* поддаваться «чарам»...) Кто посмеет замолвить слово, *настоящее* слово в защиту ardeurs[1] музыки «Тристана»? Читая партитуру «Тристана», я всегда надеваю перчатки... Все еще расползающаяся вокруг вагнеровщина – это уже несколько более безобидная эпидемия чувственности, которой об этом «ничего не известно»; я считаю необходимым проявлять в отношении Вагнеровой музыки всяческую осторожность...

23 [3]

Мы, гиперборейцы

1

Если в ином случае мы, гиперборейцы, и бываем философами, то уж, конечно, философствуем на иной лад, чем философствовали прежде нас. Мы – решительно не моралисты... Мы не верим ушам своим, слыша, как они разглагольствуют, все эти прежние. «Вот он, путь к счастью», – с этими словами каждый из них бросается к нам с рецептом в руке и с елеем в иератической глотке. «А *нам*-то что за дело до счастья?» – спрашиваем мы изумленно. «Вот он, путь к счастью, – продолжают они, эти чертовы святые крикуны, – а вон там *добродетель* – новый путь к счастью!»... Но позвольте, господа! Нам-то что за дело до вашей добродетели! Для чего ж тогда наш брат идет в сторону от столбовой дороги, делается философом, риноцером, пещерным медведем, пугалом? Не для того ль, что-

1 *Здесь*: чувствовать (*фр.*).

бы *отделаться* от добродетели и счастья? Мы от природы слишком счастливы, слишком добродетельны, чтобы не поддаться одному крохотному искушению — сделаться философами, то бишь имморалистами и искателями приключений... А лабиринтом нам служит собственная любознательность, и уж мы постараемся свести знакомство с господином Минотавром, о котором рассказывают недоброе: так какой нам прок в вашем пути *наверх*, в вашей веревке, выводящей *прочь*? Выводящей к счастью и добродетели? Боюсь, выводящей к *вам*... Это *нас-то* вы хотите спасать своею веревкой? Ну а мы — мы убедительно просим вас: да повисните вы на ней!..

2

Эх, да разве это поможет... Уж не осталось никакого иного средства спасти честь философии, кроме одного: *для начала надо подвесить моралистов*. Сколько ни вещают они о счастье и добродетели — а философией соблазняются одни только старые бабы. Гляньте только на их лица, всех этих тысячелетней известности мудрецов: одни старые, одни старообразные бабы, одни *матери*, говоря словами из «Фауста». «О! Матери! Как это страшно мне!!» Мы делаем ее опасной, мы изменяем ее смысл, мы учим, что само понятие философии *опасно для жизни*: можно ли оказать ей бóльшую помощь? Понятие всегда будет цениться человечеством по тем издержкам, какие оно из-за него понесло. Если люди, не раздумывая, совершают гекатомбы в честь понятий «Бог», «отечество», «свобода», если вся история — один великий чад, подымающийся от таких жертвоприношений, — чем же тогда можно доказать *превосходство* понятия «философия» над такими популярными ценностями, как «Бог», «отечество», «свобода», если не тем, что оно обходится *всего дороже*, что гекатомбы в его честь должны быть *всего обильнее*?.. Переоценка всех ценностей: *стоить это будет дорого*, обещаю — —

3

Начало получается довольно веселым: добавлю-ка я к нему кое-что серьезное. Эта книга — объявление *войны морали*, а фактически в первую голову я собираюсь разде-

латься с моралистами. Каким словом я решил воспользоваться для этой борьбы, уже известно, — это слово *имморалист*; известна и моя формула «за пределами добра и зла». Эти сильные контрастные понятия, *яркий накал* этих понятий понадобились мне для того, чтобы бросить свет в ту бездну безответственности и лжи, что прежде звалась моралью. Тысячелетия, народы, люди знаменитые и безвестные, философы и старые бабы — в этом пункте все они один другого стоят. До сих пор человек был именно *таким* — моральным существом, чем-то бесподобно курьезным и, в качестве существа морального, настолько нелепым, лживым, тщеславным, безответственным, *наносящим самому себе такой ущерб*, о каком не смел мечтать даже самый завзятый человеконенавистник. Мораль — зловреднейшая форма воли ко лжи, подлинная Цирцея человечества: это то, что его *испортило*. При виде этого повергает меня в ужас *не* заблуждение само по себе, *не* существовавший тысячи лет недостаток «доброй воли», дисциплины, пристойности, духовного *мужества* — а недостаток естества, тот омерзительный факт, что высшие почести воздавались под видом морали самому извращению естества, нависшему над человечеством в качестве его закона... Дать маху в такой степени — и это не один человек, не народ, а целое *человечество!* О чем это говорит? О том, что людей учат презирать низшие инстинкты жизни, о том, что в самолюбии, которое в глубочайшем смысле слова необходимо для процветания жизни, усматривают злое начало, о том, что в типичном итоге упадка — в разладе инстинктов, в «бескорыстии», в потере равновесия, в «самоотречении» и «любви к ближнему» — принципиально усматривают некую высшую ценность, да что я говорю! — ценность *саму по себе*!

Как? Неужто в декадансе пребывает само человечество? Неужто таким оно и было всегда? В чем нет никаких сомнений, так это в том, что в качестве высших ценностей его *учили* лишь ценностям декаданса. Мораль самоотречения — типичная упадочническая мораль par excellence. Правда, возможно и такое: в декадансе пребывало не само человечество, а эти его наставники!.. Так оно и есть, это и есть то, о чем я говорю: наставники и вожатаи человечества были декадентами — *отсюда-то* и переоценка всех

ценностей в нигилистическом направлении (в <ценности> «потусторонние»...).

4

Чего же, со своей стороны, должен требовать от себя *имморалист*? Какую задачу *я* возлагаю на себя, сочиняя эту книгу? Быть может, тоже изменить «к лучшему» человечество, да только на другой лад, да только в обратную сторону: а именно *избавить* его от морали, а особенно от моралистов, довести до его сознания, до его *совести* самый опасный вид его невежества... *Восстановить эгоизм человечества!*——

23 [4]

Имморалист

A. Психология доброго человека: это *декадент*
или стадное животное
B. его абсолютная *вредоносность:*
он — *форма, паразитирующая* на истине и будущем
C. *макиавеллизм* добрых
их борьба за власть
их способы совращения
их хитрость — использовать *покорность,*
скажем, жрецам
власть имущим
D. «Бабье начало» в добром человеке
«доброта» как искуснейшая хитрость рабов,
почтительных ко всему подряд и,
следовательно, *принимающих* <все подряд>.
E. Физиология *добрых людей*
в какой момент *добрый человек* появляется
в семье, в нации <—>
в тот же момент, когда возникают неврозы

Противоположный тип: истинная доброта, благородство, величие души, <идущие> от преизбытка, от———, никогда не действующая по правилу «даю, чтобы ты дал мне», не стремящаяся себя *возвеличить* через свою доброту, — *расточительность* как тип истинной доброты, богатство *личности* как предпосылка <этой расточительности>

понятие «долг» — <добровольное> *подчинение* как следствие *слабости* с целью избавиться от необходимости задавать вопросы и решать

слабость стадного животного порождает совершенно такую же мораль, что и слабость декадентов:
— эти друг друга понимают, эти заключают между собою *союз*...
великие религии декаданса всегда рассчитывают на поддержку *стада*...
Стадное животное само по себе начисто лишено болезненности, <и в этом смысле> оно даже неоценимо; но оно неспособно руководить собою и потому нуждается в «пастыре» — и жрецы это знают... «государство» же недостаточно близко к людям, недостаточно засекречено, и «наставничество в делах совести» ему не по зубам.
Как жрец доводит стадное животное до болезни?

Инстинкт декаданса в добром человеке

1) *косность*: он не желает изменяться, учиться; считая себя «прекрасною душой», он варится в собственном соку...
2) *неспособность оказывать сопротивление*: к примеру, *сострадая*, он поддается (становится «снисходительным», «терпимым», «все понимает»). «мир и во человецех благоволение»
3) его *манит* ко всем страждущим, ко всем обойденным жизнью — он любит «помогать».

инстинктивно он в заговоре против сильных.

4) ему потребны сильные *наркотические средства* — такие, как «идеал», «великий человек», «герой», — от них он в *восторге*...
5) *слабость*, обнаруживающаяся в страхе перед аффектами, непреклонностью, перед Да и Нет: он проявляет *любезность*, чтобы не вступать во вражду — чтобы не занимать чью-нибудь сторону —
6) *слабость*, проявляющаяся в *нежелании* ничего замечать во всех случаях, когда может понадобиться сопротивление («гуманность»).

7) поддается совращению со стороны всех великих декадентств: «креста», «любви», «святых», *чистоты* — понятий и персон, в сущности, сплошь опасных для жизни

— да еще со стороны искусства великого *подделывания* ценностей в сфере идеалов.

8) интеллектуальная *порочность*

— ненависть к истине, поскольку та не несет с собою никаких «прекрасных чувств»

— ненависть к правдивым, — — —

инстинкт самосохранения доброго человека, приносящего себя в жертву ради *будущего* человечества: в сущности, он уже противится

политике

вообще всякой чуть *более отдаленной* перспективе

всяческому поиску, всякому риску, всякой неудовлетворенности

он *отвергает* цели, задачи, которые не принимают его в расчет в первую очередь

он *нагл* и *нескромен*, считая себя «высшим» типом, <и потому> хочет не только участвовать в обсуждении, но и *судить*.

он чувствует себя вознесенным над теми, у кого есть «слабости»: а эти «слабости» — *сильные* стороны инстинкта,

— к ним относится и мужество не стыдиться своих слабостей

Добрый человек как *паразит*. Он живет *за счет* жизни:

отвергая реальность с помощью лжи

будучи врагом великих движущих инстинктов жизни

будучи эпикурейцем ради маленького блаженства, отвергающим великие формы блаженства как *неморальные*

— ни в чем не участвуя, но постоянно вызывая ошибки и заблуждения, он мешает всякой настоящей жизни, да и вообще *отравляет* ее притязаниями на обладание *более высоким* статусом <, чем на самом деле>;

— воображая себя более высоким, <чем есть>, он ничему *не учится*, не пытается себя изменить, а берет

сторону **себя** самого, даже если стал виновником огромных malheurs[1].

23 [5]

Имморалист

1. *Тип* доброго человека (смотри *через страницу*)
2. добрый извлекает из себя самого
   метафизику
   психологию
   путь к истине
   политику
   образ жизни и систему воспитания
3. *Результат: абсолютно вредоносная порода людей* // в отношении истины, в отношении будущего человечества // <это и есть> причина того, что прошло всего лишь 20 лет с тех пор, как стали всерьез восприниматься важные вещи
4. *Проблема: что же такое, собственно, добрый человек?*

добрый человек как **инстинкт**	во-первых, он *слаб* и *хочет*, чтобы слабыми были все во-вторых, он *ограничен* и *хочет*, чтобы ограниченными были все в-третьих, он — *стадное животное*, существо, вполне бесправное, и *хочет*, чтобы стадными животными были все

5. «Добрый человек» — злоупотребление им в *иных* целях

он борется против зла...	берется на службу *жрецами* — для борьбы с могущественными, сильными и *удавшимися*

в качестве инструмента

«либерализм» «равные» права	берется на службу стремящимися к перевороту политиками, *социалистами*, людьми *ressentiment'a* — против *властвующих*

к пункту 3: **вреднейшая порода людей**

А. Они *выдумывают* поступки, *которых не бывает*
неэгоистические, богоугодные
Способности, которых не бывает
«душу», «ум», «свободу воли»

---

1 Бедствий (*фр.*).

Существ, *которых не бывает*
«святых», «Бога», «ангелов»;
порядок в мировом процессе, *которого не бывает*
нравственный миропорядок — с наградой и карою
— уничтожение естественной причинности.

B. Этими измышлениями они обесценивают:
1) единственно <реальные> поступки — эгоистические
2) тело
3) подлинно *ценные* породы людей, *ценные* побуждения
4) всю смысловую связь явлений — они не дают извлекать из нее смысл, ставят палки в колеса наблюдению, науке, всякому *продвижению* жизни вперед посредством знания...

23 [6]

I. дефицит недоверчивости
пиетет
покорность воле Божьей, «благочестие»
«добросердечие», «готовность прийти на помощь» — этого *достаточно*...
интерес, обращенный на *возвышенные* предметы, — при этом сферы более низкие, каковы тело и хорошее самочувствие, <разумеется,> не могут восприниматься слишком серьезно
долг: следует исполнять, что положено, —
а все, что сверх этого, предоставить Богу —

Я спрашиваю не шутя: не *обрисовал* ли я тут *доброго* человека? Разве люди не верят в то, что это и есть человек, каким он *должен быть*? Разве не хотят быть именно такими? Разве не хотят, чтобы такими были их дети? —

II. Поглядим, как *эти добрые люди* извлекают из себя самих
1. *метафизику*
2. *психологию*
3. *политику*
4. *образ жизни и систему воспитания*
5. метод *<познания> истины*

23 [7]

Я утверждаю: добрые люди — самая *вредоносная* порода людей. Мне возразят: «Но ведь добрых людей мало!» — И слава Богу! Говорят еще и так: «Целиком и полностью добрых людей вообще не бывает на свете!» — Тем лучше! Но я все-таки настаиваю: в той мере, в какой человек добр, он — *вреден*.

В чем тут дело, почему *первостепенные* вопросы жизни стали принимать всерьез <лишь> 20 лет тому назад? Почему <вдруг> обратили внимание на <то, что существуют> *проблемы*, в то время как прежде пускали все раз и навсегда на самотек? <Я думаю, что дело вот в чем:>

в дефиците недоверчивости

в косности, в нежелании думать

в субъективном стремлении к удобству, не находящем никаких оснований для того, чтобы видеть вещи как проблемы

в убеждении в том, что самая большая драгоценность — *добросердечие, желание помочь*, и что эти качества необходимо воспитывать

в покорности, — в вере в то, что все в надежных руках...

в интерпретации как искусстве подделывания, повсюду обнаруживающей все то же самое «благо» — Бога

в вере в то, что «спасение души» и *моральные* предметы вообще отделены от любых вопросов земного, телесного порядка: относиться всерьез к своему телу, к своему хорошему самочувствию считается чем-то *низменным*...

в почтении ко всему традиционному: отвергать или хотя бы только критиковать его — кощунство

Ecco![1] *И* <я утверждаю, что> *эта порода людей* — **самая вредоносная** на свете порода людей.

23 [8]

IV. Дионис

Тип законодателя

---

1 Вот так-то! (*ит.*)

23 [9]

Рискуя получить «хорошо отвешенный» пинок от господ антисемитов, сознаюсь, что искусство лжи, манера «бессознательно» тянуть длинные, слишком длинные руки, *заглатывать* чужую собственность до сей поры казались мне более очевидными в любом антисемите, чем в каком бы то ни было еврее. Антисемит ворует всегда, лжет всегда — он просто не может иначе... *Ведь у него* [———] ... Антисемитов надо бы пожалеть, надо бы собрать для них средства. «———

23 [10]

Библейская заповедь «не убий» — игрушка в сравнении с *моей* заповедью *декадентам*: «не зачни!», нет, даже хуже игрушки — ее противоположность... Высший закон жизни, сформулированный Заратустрой, требует, чтобы *не было жалости* ко всяческому мусору и отбросам жизни, чтобы уничтожалось все тормозящее, отравляющее восходящую жизнь, всякий заговор, всякая подпольная вражда к ней,— одним словом, *христианство*... В глубочайшем смысле слова неморально, *противоестественно* говорить «не убий!» —

Библейская заповедь «не убий» — игрушка в сравнении с *моей* заповедью декадентам: «не зачни!», нет, даже хуже игрушки... В отношении мусора и отбросов жизни есть только один долг: *уничтожать их*; проявлять тут сострадание, стремиться сохранить их любой ценою было бы в высшей степени неморально, было бы настоящей противоестественностью, смертельною враждой с самой жизнью. —

Библейская заповедь «не убий» — игрушка в сравнении с *моей* заповедью *декадентам*: «не зачни!». Нет, даже хуже игрушки... В отношении мусора и отбросов жизни есть только один долг: не признавать никакой солидарности <с ними>; проявлять тут «гуманность», вводить тут равенство прав было бы высшей степенью противоестественности: противоестественности, то есть *отрицания* самой жизни. — Сама жизнь не признает никакой солидарности между здоровыми и вырождающимися членами

единого организма — последние необходимо *вырезать* — иначе погибнет все...

Библейская заповедь «не убий» — игрушка в сравнении со всей нешуточностью заповеди декадентам: «не зачни!». Сама жизнь не признает никакой солидарности, никаких «равных прав» у здоровых и вырождающихся членов единого организма — последние необходимо *вырезать* — иначе погибнет все. Сострадать декадентам было бы глубочайшею неморальностью, самой противоестественностью в качестве морали. —

23 [11]

Укрывшаяся от сквозняков любого рода скепсиса, порвавшая со всякой утонченностью в постановке вопросов, тучная, швабская, круглоглазая, сама круглая, как арбуз, восседает эта разновидность добродетели на самой твердой основе, какая только бывает, на основе глупости — на «вере»...

Эта добродетель и сегодня *все еще* верит, будто все в надежных руках, а именно в руце Божьей, выставляя сие положение с такою скромной уверенностью, будто заявляет, что дважды два — четыре.

У глупости есть свои неотъемлемые права: и одно из них — добродетель... Глупость видит в вещах собственное отражение — это блаженное упрощение всех вещей до швабской ограниченности она зовет «старым добрым Богом»... Мы же, другие, усматриваем в вещах кое-что другое — мы делаем Бога *занятным*...

23 [12]

Мы — имморалисты: мы говорим это с гордостью, словно о — — — Мы не признаем, что человек стремится к счастью, мы не признаем, что добродетель — дорога к счастью, мы не признаем, что поступки, которые прежде называли моральными, «бескорыстными», «неэгоистическими», бывают на свете вообще. Во всех этих положениях, которым мы противопоставляем одно железное Нет, выражается какая-то совершенно жуткая [— <насмешка>] над прежними наставниками человечества: — — —

23 [13]

Свободный ум

Критика философии как нигилистического направления

Имморалист

Критика морали как опаснейшей разновидности невежества

Dionysos philosophos[1]

23 [14]

В этот день полноты, когда все зреет, и не одни только гроздья лозы наливаются золотом, внезапно пал на мою жизнь взгляд солнца — я глянул за спину, я глянул вдаль, — никогда не видал я такого множества столь хороших вещей зараз. Не напрасно схоронил я именно этот, сорок четвертый год, — я имел на это право: то, что было в нем жизнью, спасено — и оно *воистину* бессмертно. Первая книга «Переоценки ценностей»; первые 6 песен «Заратустры»; «Гибель кумиров», моя попытка философствовать молотом — всё дары этого года, даже последней его четверти: низкий поклон за это всей моей жизни!..

И вот я рассказываю себе мою жизнь.

Кто знает меня хотя бы немного, тот догадывается, что я пережил больше, нежели другой какой человек. Уже одни мои книги — свидетельства тому: все они, пережитые строка за строкою, сделаны из единой воли к жизни и, стало быть, будучи *творением*, являют собою подлинный прирост, прибавление самой этой жизни. По временам мною овладевает чувство, очень сходное с той изумительной невинностью, с какой говорил о себе и своих делах один немецкий ученый: всякий новый день приносит ему больше, чем тем, другим, приносит вся их жизнь! Среди прочего и *худое* — в этом нет сомнения! Но в том-то и состоит величайшая привилегия жизни, что она обращает на нас *и* свою величайшую вражду...

---

1 Дионис-философ (*греч.*).

24. Октябрь и ноябрь 1888

24 [1]

Се человек
Или:
почему кое-что мне ведомо лучше
Сочинение
Фридриха Ницше

1

...Я приступаю к проблеме, более серьезной — по крайней мере, мне так кажется, — нежели проблема «бытия Божия» и прочие христианизмы, — к проблеме *питания.* Вопрос, коротко говоря, вот в чем: как *тебе* следует питаться, чтобы достичь максимума своих сил, virtù[1], добродетели в том духе, в каком понимали ее в эпоху Возрождения? То, что выпало на мою долю в этой области, — из рук вон плохо: как раз в этом пункте я взялся «за ум» поразительно поздно, в известном смысле *слишком* поздно — и только полнейшая никчемность нашего немецкого образования в какой-то мере объясняет мне, почему именно тут я оказался отсталым до «святой простоты». Уж это мне «образование», что с самого начала учит радикально закрывать глаза на *реальное* в погоне за абсолютно проблематичными, за так называемыми «идеальными» целями, к примеру, за так называемым «классическим образованием»! — словно заведомо не ясно, что использование выражений «классическое» и «немецкое» в одном и том же смысле смешно донельзя. Представьте себе только «классически образованного» жителя Лейпцига! И действительно, я всегда питался *скверно* — до тех пор, пока окончательно не повзрослел, — говоря языком морали, «бескорыстно», «неэгоистично», «альтруистично»: посредством, к примеру, лейпцигской кухни я отвергал свою «волю к жизни». Испортить себе в целях неполноценного пита-

ния еще и желудок — названная кухня, сдается мне, изумительно решает эту проблему. Но немецкая кухня вообще — чего только не скопилось на ее совести со времен седой старины! Суп — *перед* едой (еще в итальянских поваренных книгах XVI столетия именовавшийся alla tedesca[1]); разваренное мясо; приготовленные жирно и обременительные для желудка овощи; не поддающиеся перевариванию десертные блюда. Если сюда добавить еще и скотскую потребность в возлияниях после еды, свойственную почтенному немецкому обывателю, становится ясно, откуда берется «немецкий дух» — из испорченного желудка... Но даже *английская* диета, это — в сравнении с немецкою — истинное возвращение к природе, то бишь к ростбифу, а также и к здравому смыслу, — глубоко противна моему собственному инстинкту: мне все кажется, что от нее ум получает «*неповоротливые* ступни» — ступни англичанок... Что алкоголь мне вреден, что стакана вина или пива в день предостаточно, чтобы превратить мою жизнь — как было и с Шопенгауэром — в «юдоль слез», это я тоже понял позже, чем следовало бы, — а вообще-то *испытал* на своей шкуре еще с малых лет. Мальчишкой я думал, что пить вино и курить табак — это поначалу всего лишь vanitas[2] молоденьких буршей, позже — скверная привычка. Может быть, в этом было повинно и наумбургское вино. Верить в то, что вино *веселит душу*, — для этого мне пришлось бы стать христианином, иными словами, поверить в то, что́ для меня — нелепость. Довольно странно, что при крайней восприимчивости к сильно разведенным и совсем малым дозам алкоголя я почти невосприимчив к большим его дозам: даже матросского калибра грогом меня с ног не свалить. Писать длинные латинские сочинения до первой ночной стражи с тайною амбицией — сравняться в строгости и сжатости стиля с моим кумиром Саллюстием: уже когда я был питомцем достопочтенной Пфорты, это *не* противоречило ни моей физиологии, ни Саллюстию; а вот достопочтенной Пфорте это противоречило еще как!.. Позже, в середине жизни, я, правда, решил прояв-

---

1 (Суп) по-немецки (*ит.*).

2 Бахвальство (*лат.*).

лять к любым «духовным» напиткам все большую суровость. Я предпочитаю те местности, где всегда можно найти проточную воду (Ниццу, Турин, Зильс-Мариа); проснувшись по ночам, я непременно пью воду. In vino veritas: сдается, и здесь я расхожусь во взглядах на истину со всем остальным миром, — по мне, так дух носится *над водою*...

2

Против болезни, недооценивать благодеяния которой меньше всего оснований именно у меня, мне следовало бы выставить тот аргумент, что она ослабляет человеческие *инстинкты обороны и нападения.* Я много лет не умел толком защищаться ни от благожелательно-навязчивых предложений о помощи, ни от бестолковых, падающих как снег на голову «поклонников» и прочих вредных насекомых; никому — так уж заведено — как ни отбивайся, не избежать таких случаев, как, скажем, когда молодой ученый-бездельник внезапно врывается к вам в дом, пользуясь своим «преклонением» перед вами как прикрытием, чтобы занять денег. Человеку больному трудно отвязаться от дел и людей — как и от воспоминаний <о них>: поэтому в число его инстинктов самосохранения входит своего рода фатализм, свойственный, к примеру, «ложащемуся лицом в снег» русскому солдату, когда ему уже невмоготу продолжать поход, — фатализм покорства. Уяснив себе, что такое *этот* вид инстинкта самосохранения, можно гораздо лучше понять женщину как существо, обреченное на страдание и *недобровольно* фаталистическое. Тратить как можно меньше сил — не *расточать* себя на реакции, проявлять тут известную скаредность больше всего от нехватки сил: в этом *великий* смысл фатализма. Говоря языком физиологии, это снижение расхода в <обмене> веществ, его замедление — ведь ничто не сжигает так скоро, как аффекты. Ressentiment, обида, радость мщения — для больного это самые вредные из всех возможных состояний: поэтому такая религия, как буддизм, имевшая дело главным образом с людьми духовно утонченными и физиологически утомленными, главное внимание своей проповеди уделяла *борьбе* с ressentiment'ом. «*Не* враждою кладется конец вражде: дружелюбием кладется конец враж-

де.» Буддизм вовсе не был моралью — было бы глубочайшим искажением истины оценивать его, глядя на такие образцы вульгарной неудобоваримости, как христианство: он был *гигиеной*. Я годами упрямо держался за почти невыносимые отношения, местности, квартиры, общество, если уж они случайно посылались мне судьбою, — *не* силою воли, а силою того самого инстинкта, и это уж во всяком случае было много мудрее, нежели силиться что-то менять, нежели «экспериментировать». *Эксперимент* идет вразрез с инстинктом страдальца: и в каком-то высоком смысле слова можно, вероятно, считать это прямо-таки доказательством от силы. Превратить в эксперимент саму свою жизнь — лишь это и есть *свобода* ума, а позже стало моей философией...

3

Скука, мне кажется, как раз не входит в число страданий страдальца; я, по крайней мере, не припомню, чтобы со мной такое случалось. Напротив, скверные времена обогащались для меня какою-то новой изобретательностью — искусством нюансировки, утонченною ловкостью в обращении с нюансами. Raffinement[1] вообще я бы понял как выхоливание *осязания* вплоть до его одухотворения; сюда же относится и свойственная больным манера ласкового внимания и предупредительности в общении — их пугает слишком тесное соприкосновение... В таких состояниях даже пошлые вещи кажутся необычными, их словно транспонируют в другую тональность: рядовой случай просеивается сквозь тончайшее сито, переставая быть похожим на себя. Наконец, в те времена я безмерно ликовал, если в мои края заносило человека широкого и изысканного умом и характером, меж тем как во мне все больше становилась инстинктивной какая-то нетерпимость к немцам и всему немецкому. В обществе немцев я терял хорошее настроение, весь свой огонь и *не менее того* — время... При немцах время течет томительно долго... Совсем другое дело, если человек из Германии случайно оказывается евреем или еврейкой. Поразительно, но если загля-

---

1 Тонкость (*фр.*).

нуть в прошлое, то между годами 1876-м и 86-м почти всеми своими отрадными минутами, если уж мне доводилось общаться, я обязан евреям или еврейкам. Немцам и невдомек, какой это подарок — оказаться в обществе еврея: и не надо больше краснеть, можно даже вести себя интеллигентно... Не понимаю, зачем еврею считаться во Франции, а тем более в Германии, евреем: Мейяк и Галеви, лучшие поэты, коим мой вкус сулит бессмертие, достигли таких высот в качестве французов, а *не* евреев. То же я хотел бы сказать и об Оффенбахе, этом *недвусмысленном* композиторе, не желавшим быть ничем другим, нежели чем он был, — гениальным шутом и, в сущности, последним композитором, писавшим музыку, а не аккорды!..

4

В сущности, я принадлежу к числу прирожденных воспитателей — такие и не нуждаются ни в каких воспитательных принципах, и не имеют их. В известной мере в пользу этого говорит уж только один тот факт, что за все 7 лет моего преподавания в старших классах Базельского педагогиума у меня ни разу не было повода применить наказание, а позже я получил подтверждение тому, что у меня прилежными оказывались и самые отъявленные лентяи. В памяти осталась одна маленькая хитрость, применявшаяся мною в те времена: если воспитанник не мог толком повторить то, что я разбирал с классом на прошлом уроке, я неизменно брал вину за это на себя, — скажем, говорил, что когда я объясняю чересчур сжато, недостаточно доходчиво, каждый вправе требовать от меня разъяснений или повторений. Задача учителя, говорил я, быть доступным для *любого* уровня понимания... Мне передавали потом, что этот прием действовал сильнее, чем какой бы то ни было выговор. Я не испытывал никаких затруднений, общаясь и со школьниками, и со студентами, несмотря на то, что поначалу мои двадцать четыре года меня с ними отнюдь не только *сближали.* Равным образом и при диссертационных защитах мне не предоставлялось случая научиться чему-нибудь новому: в таких случаях я инстинктивно применял отнюдь не только самые гуманные способы, — но совсем хорошо я чув-

ствовал себя, лишь если мне удавалось направить кандидата в доброе русло. У любого в таких случаях оказывается столько же — много *или* мало — ума, сколько и у почтенного экзаменатора... Как только я входил в курс дела, мне всегда начинало казаться, что, в сущности, *проверке* надо бы подвергнуть господ экзаменаторов.—

5

Я никогда не умел настраивать людей против себя, даже когда мне казалось весьма желательным добиться этого. Можно усердно разглядывать мою жизнь — но никому не найти в ней ни признака того, что кто-то замышлял против меня недоброе. Мои впечатления даже от тех людей, на которых плохое впечатление производит любой, все без исключения были в их пользу: да и в общении, в случаях, когда я был здоров, любой человек был для меня еще и инструментом, играя на котором я добивался изысканных и самых необычных звучаний. Как часто доводилось мне слышать от собеседника в свой адрес нечто вроде восхищения: «Такого человека я раньше и представить себе не мог»... Но, может быть, изящнее всех выразил это тот самый непростительно рано умерший Генрих фон Штайн, который однажды, получив с трудом испрошенное дозволение, приехал на три дня в Зильс, объясняя всем вокруг, что явился сюда *отнюдь не* ради Энгадина. Этот превосходный человек, со всем своим отважным простодушием увязнувший в вагнеровском болоте по самые уши — «я ничего не смыслю в музыке», признавался он мне, — ходил эти три дня словно преображенный потоком свободы, подобно существу, внезапно оказавшемуся в своей стихии и обретшему крылья. Я твердил ему, что все это от здешнего горного воздуха — так, мол, бывает с каждым, но он не пожелал мне поверить... А если, несмотря на это, со мною подчас творили большие и малые злодейства, то виною тому была отнюдь не «воля» и тем более не злая воля: уж скорее мне пристало бы сетовать на *добрую* волю, учинившую в моей жизни одно только безобразие. Мой житейский опыт дает мне право в принципе не доверять «любви к ближнему» с ее готовностью прийти на помощь, с ее покушениями на советы, на дела — я вме-

няю ей в вину, что она с легкостью утрачивает деликатность, что своими готовыми помочь руками она подчас прямо-таки разрушительно вторгается в высоко вознесенную судьбу, в уединение израненного, в привилегию великого страдания. — Не без причины в виде «Искушения Заратустры» я изобразил случай, когда до него доходит великий вопль о помощи, когда сострадание хочет поразить его, как последний из его грехов: выйти победителем *здесь*, не дать много более низменным и близоруким побуждениям замарать тут *высоту* своей задачи — побуждениям, проявляющимся в так называемых бескорыстных поступках, — вот оно, испытание, *последнее* испытание, которое Заратустра и тот, кто ему подобен, должны выдержать перед судом собственной совести.—

6

Как и всякий, кто никогда не жил и не живет среди равных себе и наконец извлекает из такой судьбы свое искусство и свое человеколюбие, — так вот и я, если в отношении меня кто-то совершил мелкую или *весьма крупную* глупость, запрещаю себе любые ответные меры — разве только незамедлительно послать вслед глупости что-нибудь умное: как знать, может, та еще догонит ее. Пусть только кто-нибудь попробует сделать мне гадость — я отплачу, в этом он может не сомневаться: очень скоро найду возможность выразить злодею свою признательность за что угодно или попросить его о каком-нибудь одолжении (это обяжет его больше, чем если б я сам ему что-нибудь дал...). А еще я думаю, что написать даже невозможно грубое письмо — благовоспитанней, чем не дать никакого ответа. У тех, кто молчит, нет ни деликатности, ни сердечной учтивости. Претерпеть несправедливость — счастье, если ты для этого достаточно богат; тот, кто иногда даст мне случай претерпеть несправедливость, поладит со мною наилучшим образом. Ничто другое не доводит мою дружбу до совершенства столь основательно, ничто другое ее так беспрерывно не освежает... В тех небезызвестных случаях, когда я говорю решительное нет вплоть до войны не на жизнь, а на смерть, можно впасть в жестокую ошибку, предположив тут упрятанную где-то на задворках

целую бездну горького опыта. Кто меня знает, может сделать обратный вывод. Я не питаю ни к кому вражды на профессиональной почве, покуда в дело замешаны хотя бы малейшие личностные разногласия. И если я объявляю войну христианству, то это приличествует мне единственно потому, что на мою долю никогда не выпадало с его стороны ничего неприятного или печального,—напротив, самые прекрасные люди, каких я знаю лично, были доподлинными христианами, а то, что было роком тысячелетий, я вменяю в вину отдельным личностям в последнюю очередь. У меня у самого предки были протестантскими священниками: и если б я не унаследовал от них вкуса ко всему высокому и чистоплотному, то откуда у меня взялось бы право на войну с христианством? Я выразил бы это так: само антихристианство—логическая необходимость в развитии подлинного христианина, и во мне христианство преодолевает само себя. А вот и кое-что другое: из своих отношений с Вагнером и госпожою Вагнер я вынес только самые отрадные и возвышенные воспоминания: как раз это обстоятельство и позволило мне распознать и, быть может, решить проблему Вагнера как проблему культуры беспристрастно... Даже для антисемитов, к коим я, как известно, склонности отнюдь не питаю, я, судя по моему изрядному опыту, как будто бы сделал кое-что полезное: но это не мешает, а скорее *способствует* тому, что я веду беспощадную войну с антисемитизмом—одним из самых злокачественных продуктов столь нелепого, столь неуместного имперско-немецкого самолюбования...

7

Не в моем обычае любить всякую всячину: даже общаясь с книгами, я инстинктивно проявляю, в общем-то, больше враждебности, чем терпимости, «подпускания к себе». И так у меня было заведено с детских лет. В сущности, лишь очень немногие книги в моей жизни идут в счет—и самых знаменитых среди них нет. Мой стилистический вкус, вкус к эпиграмматическому стилю, пробудился словно зараз при первом же соприкосновении с Саллюстием: мне не забыть изумления моего почтенно-

го учителя Корсена, когда ему пришлось дать высшую оценку последнему из своих учеников в латинском классе, – он пригласил меня к себе домой... Стиль сжатый, строгий, несущий в своей основе максимум *существенного* – холодное презрение к «красивым словам» и «прекрасным чувствам»: в этом я узнавал себя. В моих писаниях вплоть до «Заратустры» можно различить весьма серьезные поползновения к *римскому* стилю, к «magnum in parvo»[1], к «aere perennius»[2]. Не иначе вышло у меня и при первом знакомстве с *Горацием*. До сего дня не находил я ни у одного другого поэта источников того артистического восторга, каким дарит меня Горациева ода. Некоторым языкам, к примеру, немецкому, о таких вершинах стиля даже и *мечтать* не приходится. Эта мозаика слов, где любое слово, будучи звуком, местом, понятием, изливает свою силу направо, налево и на все целое, этот минимум объема знаков, этот достигаемый тем самым максимум энергии знака – все это римское и, если угодно, *благородное* par excellence: вся остальная поэзия в сравнении с этим – сентиментальная болтовня. Не премину упомянуть и об очаровании, кроющемся в контрасте между этой гранитною формой и восхитительнейшим libertinag'ем[3]: мой слух в восторге от такого противоречия формы и смысла. Третье несравненное переживание, коему я обязан латинянам, – Петроний. Это престиссимо задора в слове, фразе и прыжках мысли, эта изысканность смешения латыни простонародной и «образованной», это непринужденно доброе расположение духа, ничего не страшащееся и изящно перескакивающее через любые грубости античной жизни, эта суверенная свобода от «морали», от добродетельного убожества «прекрасных душ» – я не сумел бы назвать ни одной книги, которая произвела бы на меня хоть отдаленно сходное впечатление. Что сей автор родом из Прованса, об этом нашептывает мне глу-

---

1 *Здесь*: умения выразить многообразное содержание в немногих словах (*лат.*).

2 «Меди прочнее он» (*лат.*), слова из Горациева «Памятника» (Carmina III, 30).

3 Здесь: вольностью (*фр.*).

боко укорененный во мне инстинкт: дабы выделывать такие пируэты, надо обладать дьявольским темпераментом. Когда порою мне бывало необходимо избавиться от следа чего-то низменного в душе, оставляемого, скажем, каким-нибудь монологом апостола Павла, мне, чтобы совершенно оправиться, хватало нескольких страниц Петрония.

8

Грекам подобными впечатлениями я вовсе не обязан; в отношении к тому же Платону я испытываю глубочайший скепсис и никогда не был в состоянии петь вместе со всеми хвалы платоновскому артистизму, как это принято в среде ученых. Он, сдается мне, смешивает в одну кучу все формы стиля: у него на совести нечто подобное тому, что сделали киники, выдумавшие satura Menippea. Чтобы платоновский диалог, его ужасающе самодовольная и ребяческая диалектика могли очаровывать — для этого надо не иметь никакого представления о хороших французских писателях. И наконец моя недоверчивость при чтении Платона становится бездонной: я нахожу его столь заплутавшим в сторону от всех основных греческих инстинктов, столь иудействующим, столь христианским до христианства в своих конечных целях, что в применении ко всему феномену по имени «Платон» мне хочется воспользоваться жестким выражением «чистейшей воды надувательство» скорее, чем каким-либо иным. За то, что этот афинянин прошел выучку у египтян (вероятно, у египетских иудеев...), пришлось заплатить дорогую цену. В великом злом роке христианства Платон был одной из тех роковых двусмысленностей, что для наиболее благородных умов античности сделали доступным *мост*, приведший к «кресту»... Моей отрадою, моим любимцем, моим исцелителем от всяческого платонизма всегда был *Фукидид*. Фукидид да, может быть, <il> principe[1] Макиавелли ближе всех мне по духу благодаря неколебимому стремлению ни в чем себя не обманывать и видеть разумное в реальном — не в «разуме» и тем более не в «морали»... Ничто столь ос-

---

1 «Государь» (*итал.*).

новательно не излечивает от прискорбной памяти розовых очков, достающихся в награду классически образованному немцу за его «старательность» в общении с античностью, как чтение Фукидида. Надо выворачивать его строка за строкою, вычитывая из него ненаписанные слова с такой же ясностью, как и слова его текста: мало на свете мыслителей, столь близко подобравшихся к *существенному*. В его лице наиболее полно воплощается культура софистов, то бишь *культура реалистов*, это бесценное течение посреди как раз тогда разразившегося поголовного надувательства моралью и идеалом, свойственного сократическим школам. Греческая философия уже стала *декадансом* греческого инстинкта: Фукидид же оставался великим итогом всей сильной, суровой, неумолимой фактичности, бывшей инстинктом более древних эллинов. *Мужество* — вот тот критерий, по которому можно размежевать такие натуры, как Платон и Фукидид: Платон — трус, а, стало быть, ищет убежища в идеале; Фукидид же властвует над *собою*, стало быть, властвует и над делами тоже.

9

Психолог, сидевший во мне, уберег меня от того, чтобы увидеть в греках «прекрасные души», «гармоничные изваяния» и Винкельманову «высокую простоту», — короче говоря, от всей этой niaiserie Allemande[1]. Я разглядел их сильнейший инстинкт — волю к власти; я увидел, как они трепетали перед лицом необузданной мощи этого инстинкта, — увидел, что все их установления выросли из заградительных мер, призванных друг друга защищать их от собственной внутренней *взрывчатки*. Тогда чудовищное внутреннее напряжение разряжалось в ужасающей вражде ко всему чужому: городские группировки терзали друг друга, чтобы ни в коем случае не растерзали себя сами граждане. Обладать силою было необходимо — великолепными и гибкими телами греки были наделены необходимостью, а вовсе не «природой». Она только *послушествовала* — изначально ее отнюдь не было. А праздники и искус-

1 Немецкой благоглупости (*фр.*).

ства предназначались для того, чтобы греки *ощущали* себя все более сильными, прекрасными, все более совершенными, и больше ни для чего: это были способы самовозвеличивания, средства для усиления воли к власти. Судить о греках по их философам! Использовать моральные мудрствования философских школ, чтобы выяснить, *что* представляли собою греки! Я всегда считал, что такого рода вещи только доказывают психологическую проницательность, столь свойственную немцам... Ведь философы — это декаденты эллинства, встречное движение, направленное против *классического* вкуса, против *благородного* вкуса! Сократические добродетели стали предметом проповедей потому, что грекам их стало не хватать... Я первым привлек внимание к тому превосходно объясняющему *наиболее древних* эллинов феномену, что окрещен именем Диониса. Мой уважаемый друг Якоб Буркхарт из Базеля решительно признал, что это немаловажное достижение: к своей «Культуре греков» он добавил раздел, посвященный упомянутой проблеме. А если угодно получить пример противоположного отношения, то достаточно обратить внимание на постыдную безответственность, с какою трактовал эти предметы известный в свое время филолог Лобек. Лобек, вползающий в этот мир таинственных для него состояний с исполненной достоинства уверенностью червя, иссохшего среди книг, и убеждающий себя в том, будто он — ученый, как раз своими скукою и пустотой, доводящими до тошноты, — он со всеми ухищрениями учености дал понять, что, в сущности, эти курьезы не имеют никакого значения. А на самом деле жрецы думали кое-что поведать участникам таких оргий — скажем, что вино веселит, что человек питается плодами земными, что растения распускаются весною и увядают зимой. А говоря об изобилии ритуалов и мифов оргиастического происхождения, он становится остроумнее на целую степень. Грекам, утверждает он (Aglaoph. I, 672), было больше нечем заняться, и вот они смеялись, скакали и носились кругами, или же — ведь на человека порой нападает и такая блажь — садились наземь, плакали и голосили. Потом к ним присоединялись *другие*: они силились отыскать хоть какую-то причину такому разительному поведению; так, для объя-

снения этих обычаев, и возникали бесчисленные рассказы о праздниках и мифы... С другой стороны, верили, будто такая *забавная суета*, имеющая место лишь раз в году — в дни праздников, даже необходимо связана с праздничным торжеством, утверждая его в качестве неотъемлемой части богослужения. Но даже не считая этого жалкого вздора, можно, пожалуй, заявить, что общее понятие «греческого», а уж тем более понятие «классического», введенное Винкельманом и Гёте, делают дионисийскую стихию для нас неприемлемой: боюсь, и сам Гёте принципиально исключал нечто подобное из душевной сферы эллинов. И все же лишь в дионисийских мистериях выражается вся подоплека эллинского инстинкта. Ведь какое право хотел оставить за собою эллин этими мистериями? Право на вечную жизнь, на вечное возвращение жизни, на будущее, заложенное и освященное в зачатии, на торжествующее утверждение жизни за пределами смерти и превращения, на *истинную* жизнь как продолжение жизни коллектива в обществе, в городе, в связи поколений; на пользование символом пола как наиболее уважаемым символом вообще, как подлинной сути символизма всего античного благочестия; на глубочайшую благодарность за все моменты актов зачатия, беременности и родов. В мистериальном учении к лику святых причислялась боль: «муки роженицы» освящают боль как таковую; всякое становление, рост, все, что гарантирует нам будущее, *предполагает* боль; чтобы творчество даровало человеку вечное наслаждение, нужно, чтобы вечною была и мука роженицы... Более высоких символов я не знаю. Только христианство превратило все, что связано с полом, в *нечестие*: понятие immaculata conceptio[1] было величайшею душевной грязью, какая до сих пор существовала на свете, — к примеру, эта грязь запятнала врата жизни...

Психология оргиазма как льющегося через край ощущения жизни, в котором даже боль действует стимулирующе, дала мне ключ к разгадке феномена *трагического*, превратно понятого как Аристотелем, так и — в особен-

---

1 Непорочного зачатия (*лат.*).

ности — пессимистами. Трагедия настолько далека от того, чтобы служить доказательством пессимизма эллинов в Шопенгауэровом смысле слова, что, наоборот, выступает как раз его прямой противоположностью. Жизнеутверждение даже в самых враждебных и лютых проявлениях жизни, воля к жизни, что наслаждается собственной неисчерпаемостью, принося в жертву лучшее, — вот это-то я и назвал дионисийским, это-то понял как реальный мост к <объяснению> психологии трагического поэта. Не избавление от страха и сострадания и самоочищение от опасного аффекта как бы его *стремительною разрядкой* — это был метод Аристотеля, — а вечное наслаждение созиданием и становлением, выходящими за пределы страха и сострадания, ощущение того, что твой страх, твое сострадание остались далеко внизу, *под* тобою...

10

Счастье моей жизни, а, быть может, ее неповторимость — в нависшем над нею роке: я, выражаясь энигматически, уже умер в качестве моего отца, но еще жив в качестве моей матери. Вот это-то двойное происхождение, словно бы с самой верхней и с самой нижней ступенек на лестнице жизни — упадка и в то же время *начала*: если что-то и способно объяснить присущие мне нейтральность и свободу от пристрастности в отношении ко всем великим проблемам жизни, так только оно. Мне знакомо то и другое; я сам и есть то и другое вместе. Отец мой умер 36 лет от роду: был он человеком мягким, ласковым и болезненным, словно предназначенным для того лишь, чтобы промелькнуть в жизни на миг, — скорее, каким-то милым воспоминанием о жизни, нежели жизнью самой. На том же году, на каком пошла на ущерб его жизнь, пошла на ущерб и моя: на 36-м году моя жизненная сила достигла своей низшей точки — я был еще жив, но не видел далее чем на три шага. В 1879 году оставил я мою базельскую профессуру, целое лето прожил, словно тень, в Санкт-Морице — и следующую зиму, самую бессолнечную зиму в моей жизни, в Наумбурге. Это был мой minimum: «Странник и его тень» возник именно в это время. Я поистине

чувствовал себя тогда тенью... Следующей зимою, первой из моих генуэзских зим, «Утренняя заря» принесла с собою ту чудесную окрыленность духа, что чуть ли не обусловлена крайним утомлением мускулов и крови. Совершенная ясность и бодрость духа уживаются у меня не только с глубоким физиологическим упадком, но даже с каким-то обостренным ощущением боли. Посреди адских пыток, что причиняла мне непрерывная боль и мучительной рвота слизью, я сохранял ясной диалектическую способность par excellence, продумывая вещи, для которых в более здоровых состояниях мне не хватает способности скалолаза, не хватает тонкости. (Моим читателям известно, до какой степени я считаю диалектику симптомом декаданса, скажем, в самом знаменитом случае — случае Сократа.) Любые нездоровые нарушения умственной деятельности, даже обмороки, за которыми следует жар, и по сей день мне совершенно неведомы: обо всем их множестве мне приходилось черпать сведения лишь из ученых книг. Кровь моя течет замедленно: в годы болезни мой пульс был, как у Наполеона, — и никто никогда не мог обнаружить у меня жара. Даже врач, долго лечивший меня как нервнобольного, сказал: «Ну нет, дело не в Ваших нервах — тогда уж нервы шалят у *меня*». Не выявлено было решительно никакой локальной патологии; никаких желудочных болей органического происхождения, какою бы сильной ни была постоянно, как следствие утомления мозга, крайняя слабость гастрической системы. Да и нарушения зрения, угрожающе близкие к его постепенной утрате, были следствиями, а не причиной, и с каждым притоком жизненной силы укреплялось и мое зрение, как [——]. Долгий, слишком долгий ряд лет приносит мне выздоровление — но он же приносит, увы, и рецидив болезни, упадок и периодическое наступление своего рода декаданса. Надо ли говорить, сколь сведущ я в вопросах декаданса? Я изучил его вдоль и поперек. Даже искусство схватывания и мысленного ухватывания, способность тонко чувствовать нюансы, целая психология «оглядки», которая, быть может, присуща мне, — все это изучено тогда, все это подлинный дар того времени, когда мои способности становились все более изощренными: и наблюда-

тельность, и органы наблюдения. От оптики болезни — к понятиям и ценностям более здоровым, а с другой стороны, наоборот, — взгляд вниз, на филигранную работу инстинкта декаданса с вершин изобилия и уверенности в себе, свойственной полнокровной жизни: это стало для меня самым важным упражнением, самым длительным моим опытом; уж где-где, а тут я мастер. Тут я хозяин, и в моей власти — *переключать перспективы*: вот почему задача *переоценки ценностей* в принципе по плечу только мне одному.

11

И ведь помимо того, что я — декадент, я еще и нечто противоположное в самом полном смысле слова. Мое доказательство этого состоит в том, что я инстинктивно выбираю правильные средства даже *против* тех, скверных, состояний — меж тем как отъявленный декадент выберет средства губительные для себя. Я был summa summarum[1] здоров: декадентом же я был как-то одним боком; это <просто> моя особенность, моя специальность. Такая воля к абсолютному уединению и отрешенности от обычных связей и задач, жесткое условие, поставленное перед самим собою: не давать за собою ухаживать, себя обслуживать, себя *залечивать*, — во всем этом обнаруживалась твердая инстинктивная уверенность в том, что́ мне нужно. Я взял дело в свои руки, я себя вылечил: главное условие тут — со мною согласится любой психолог — считать, что ты, в сущности, *здоров*. Человек типично болезненный здоровым не будет; а для типично здорового болезнь может послужить сильным стимулирующим средством. Завершение длительного периода болезни таким для меня и оказывается на деле: я словно заново открыл для себя жизнь, я распробовал все хорошие вещи, даже мелкие, — трудно будет кому другому распробовать их, как я; свою волю к здоровью, к *жизни* я превратил в философию... Ведь что получается: в годы, когда моя жизненная сила была слаба как никогда, я *отказался* от пессимизма — инстинкт самоизлечения *запретил* мне философию нищеты

1 В конечном счете (*лат.*).

и уныния… Что же, в сущности, дает распознать человека хорошо удавшегося? Такой человек словно вырезан из одного куска дерева, твердого, отполированного и благоуханного, — он приятен даже нашему обонянию. Ему по вкусу то, что идет ему на пользу; и он уже не получает ни удовольствия, ни наслаждения, когда нарушена мера полезного. Он чутьем находит бальзамы от своих ран, а скверное состояние умеет использовать так, что только становится крепче. Из всего, что он видит, слышит, ощущает, он инстинктивно собирает себя как *собственный* итог: он — принцип отбора, он отсеивает многое. Он всегда — в *своем собственном* обществе, общается ли с книгами, людьми или далями: он оказывает честь, *выбирая, допуская* к себе, *доверяя.* Он реагирует на все виды раздражений с тою медлительностью, что привита ему давней осторожностью и нарочито усвоенной гордостью, — он недоверчиво ощупывает подступающее к нему раздражение, он далек от того, чтобы сразу бросаться в его объятия. Он не верит ни в «несчастье», ни в «вину»: он довольно силен для того, чтобы все оборачивать себе на пользу. Ну так, стало быть, я — все что угодно другое, только не декадент: ведь говорил-то я о себе самом. —

24 [2]

Физиологическое противоречие.
О преступнике.
Чем я обязан древним.
Философия.
Музыка

которая *характеризует* книги.

In media vita.[1]
Записки признательного
Сочинение
Ф. Н.

---

1 В середине жизни (*лат.*).

24 [3]

Се человек
Записки многоликого

1. *Психолог говорит*
2. *Философ говорит*
3. *Поэт говорит*
4. *Композитор говорит*
5. *Писатель говорит*
6. *Воспитатель говорит*

24 [4]

Fridericus Nietzsche
de vita sua[1]
В переводе на немецкий язык.

24 [5]

Зеркало
Опыт
самооценки
Сочинение
Фридриха Ницше

24 [6]

В том-то и хитрость моего инстинкта, чтобы чувствовать подлинные беды и опасности, грозящие *мне*.

а равным образом чутьем находить способы их избегать *или* оборачивать их себе на пользу, словно бы встраивая в порядок, ориентированный на *более высокую* цель.

Борьба с одиночеством
с болезнью
со случайными обстоятельствами рождения, образования, общества...
с великой подавляющей ответственностью
с многообразием обстоятельств <, в которых приходится выполнять> свою задачу
(—и которые требуют изоляции

1 Фридрих Ницше о своей жизни (*лат.*).

24 [7]

Величайшая хитрость: допускать до сознания <свою> великую миссию насколько можно меньше – в ее отношении надо сохранять стыдливость

словно бы укрываться от нее с помощью скромности, проказливости, утонченного вкуса, даже периодов болезни и слабости...

надо только выполнять ее веления, знать не желая о том, *что* она такое, *когда* она велит...

не надо выражать ее ни в речах, ни в формулах, ни в позах – надо страдать, ни о чем не ведая, надо делать все, на что способен, не стараясь в этом разобраться...

24 [8]

Vademecum[1]

О разумности моей жизни.

24 [9]

Общаясь с древними

Приложение

«Се человек»

24 [10]

Что касается Гёте, то первым впечатлением, очень ранним впечатлением, предопределившим собою все, была львиная новелла (удивительно, но это первое, что я из него прочел), которая навсегда сформировала мой взгляд, мой *вкус* по имени «Гёте». Просветленно-чистое настроение осени, заключенное в наслаждении, в ожидании, пока дозреют плоды; солнце октября с его светом, доходящим до чистейшей разумности; что-то золотое и отдающее сладостью, что-то мягкое, *не* мраморное, – вот *это* все для меня – гётевское. Позднее, ради *такого* ощущения Гёте, я с глубокою приязнью впустил в себя «Бабье лето» Адальберта Штифтера, эту, в сущности, единственную немецкую книгу *после* Гёте, обладающую для меня очарованием. «*Фауст*», для того, кто нутром чует земляной запах немецкой речи, для сочинителя «Зара-

1 Путеводитель (*лат.*).

тустры» — наслаждение бесподобное: но оно — *не* для такого артиста, каков я, в руках коего «Фауст» остается кипою фрагментов, — а еще того менее — для философа, которому во всех типах и проблемах гётевского опуса претит все, что в нем есть совершенно произвольного и случайного, а именно — связанного со случайными ситуациями культурного фона. Читая «Фауста», изучаешь век восемнадцатый, изучаешь Гёте: и тогда оказываешься за тысячу верст от всего, что есть в его типе и проблеме *необходимого.*—

25. Декабрь 1888—начало января 1889

25 [1]

Большая политика

Я несу войну. *Не* между народами: у меня нет слов, чтобы выразить мое презрение проклятой политике интересов европейских династий, возводящей разжигание своекорыстного и чванного противостояния народов в принцип и даже чуть ли не в обязанность. И *не* между сословиями. Ведь у нас нет никаких высших сословий, а стало быть, нет и никаких низших: то, что заправляет нынешним обществом, физиологически обречено, да и, кроме того,—что только доказывает это,—столь оскудело в своих инстинктах, столь шатко, что без зазрений совести исповедует *принцип, противоположный* <идее> более высокой породы людей.

Я несу войну, не взирающую на все эти нелепые случайные частности—народы, сословия, расы, профессии, уровни воспитания и образования: такую войну, как между восходом и закатом, между волею к жизни и желанием *отомстить* жизни, между порядочностью и коварной лживостью... Если все «высшие сословия» приняли сторону лжи, то сделали они это не добровольно—им *пришлось* на это пойти: они не в состоянии пресечь скверные инстинкты своей натуры. Нигде так явно, как в этом случае, не обнаруживается, сколь мало уместно понятие «свободы воли»: человек принимает то, что он *есть*, человек отвергает то, что он *не есть*... Число работает на «христиан»: *подлость* числа... Человечество две тысячи лет подвергали действию физиологической нелепицы—и само собой разумеется, теперь верх *должен* взять упадок, разлад в сфере инстинктов. Мысль, от которой бросает в дрожь: только лет 20 тому назад все *наиважнейшие*, все *срочные* вопросы, каковы вопросы питания, одежды, рациона, *здоровья*, продолжения рода, начали рассматриваться со всею серьезностью, с <интеллектуальной> порядочностью.

Первый тезис: большая политика стремится сделать так, чтобы физиология возобладала над всеми иными вопросами; она стремится создать власть, достаточно сильную, чтобы путем *культивирования* сделать из человечества нечто целое и более высокое, проявляя беспощадную жестокость ко всему вырождающемуся и паразитирующему на жизни — ко всему, что разлагает, отравляет, чернит, губит... а в отрицании жизни видит признак какого-то более высокого рода души.

Второй тезис: война не на жизнь, а на смерть пороку; порочен любой вид противоестественности. Христианский жрец — наиболее порочная из всех пород людей: ведь жрец *учит* противоестественному.

Второй тезис: создать партию жизни, достаточно сильную для *большой* политики: *большая* политика сделает так, чтобы физиология возобладала над всеми иными вопросами, — она стремится *культивировать* человечество как целое, она определяет место рас, народов, людей по их [—] на будущее, по тому, служат ли они ручательством за жизнь, заключенным в самой политике, — она неумолимо кладет конец всему вырождающемуся и паразитирующему.

Третий тезис. Все остальное следует отсюда.

25 [2]

Немцам я прощаю менее всего то, что они не *ведают*, что творят... лгут. Лжец, знающий, что он лжет, в сравнении с немцем — человек степенный, добродетельный...

25 [3]

Жиль Блас, какая-нибудь приятная страна, где не встретишь ни одного немца; Проспер Мериме — нечто еще более приятное, — <тут> нигде не спотыкаешься о добродетель.

25 [4]

petits faits vrais[1]
Фромантен
Де Вогюэ

---

1 Мелкие случаи из жизни (*фр.*).

25 [5]

Господин Кёзелиц и впрямь имеет обо мне кое-какое представление: это все еще изумляет меня — так же как оставляет безразличным противоположное. На основании этого мне иногда кажется, что *судьба человечества* — в моих руках: я незримо делю ее собою надвое — на то, что было до меня, и то, что будет после...

25 [6]

1

Я знаю мой жребий. Некогда с моим именем будет связано воспоминание о чем-то чудовищном — о кризисе, равного которому доселе не бывало на свете, о глубочайшей коллизии совести, об осудительном *приговоре*, накликанном на все, во что люди верили, к чему стремились, что считали святым. И при всем при этом во мне нет ничего от фанатика; всякий, кто меня знает, считает меня скромным, может быть, немного язвительным ученым, умеющим быть веселым в любом обществе. Эта книга, я надеюсь, представит меня кем угодно, только не пророком; я сочинил ее, чтобы в корне разрушить любые мифы о себе, — даже в моей серьезности есть задор; я люблю не только великие, но и мелкие вещи; я знаю свой дар не увиливать от ответа в моменты грозных приговоров; душа моя приемлет большее, чем душа любого другого. Роковой <или —>, Бог или паяц — все это проявляется во мне непроизвольно, и все это я. И вопреки этому или, скорее, *не* вопреки, ибо до сих пор все пророки бывали лжецами, — моими устами говорит истина. Но моя истина *устрашает*: ведь до сих пор истиной звалась *ложь*... Переоценка всех ценностей — вот моя формула акта высочайшего образумления человечества: выпавший мне жребий требует от меня проникать в проблемы всех времен глубже, бесстрашней, честнее, чем когда-либо доводилось проникать человеческим *открытиям*... Я бросаю вызов не злобе дня, — я вызываю на бой тысячелетия. Я противоречу — и все же я — нечто прямо противоположное духу отрицанья. Лишь я даю новое начало надежде, зная задачи такой высоты, что до сих пор о них даже не подозревали, — я есмь *посланец радости* par excellence, хотя мне неизбежно приходится

быть человеком рока. Ибо когда заговорит вулкан, наша земля содрогнется в конвульсиях, каких еще не было. Представление о политике полностью растворилось в войне умов, все институты власти взорваны на воздух, — <поэтому> будущее принесет с собою войны, каких еще не знала земля. —

2

То, что меж тем творится, слишком отвратительно, чтобы я мог оставаться только зрителем. Ничто не восстает на *возвышенный* смысл моей миссии откровенней, нежели это проклятое подстрекательство к своекорыстию народов и рас, ныне притязающее на то, чтобы называться «большой политикой»; у меня нет слов, чтобы выразить мое презрение к умственному уровню, который теперь, в облике германского рейхсканцлера, с позитурами прусского офицера из дома Гогенцоллернов, верит в то, что призван направлять историю человечества, — к этому самому подлому сорту людей, не научившихся даже задавать вопросы там, где мне нужны всё вокруг разносящие в щепы перуны ответов, людей, для которых пропала втуне вся шедшая сотни лет работа умственной порядочности, — все это настолько *ниже* меня, что не достойно чести даже быть предметом моей вражды. Пусть себе строят свои карточные домики! Все эти «империи» и «тройственные союзы» для меня — карточные домики... Все это стоит на опорах, которые *я* держу в руках... Меж небом и землею есть столько динамита, что и не снилось этим натянувшим на себя пурпур идиотам...

25 [7]

5

...Последняя и, быть может, самая высокая точка зрения: мое существование *оправдывает* немцев, оно одно. Я и они — крайности, мы даже неприкасаемы друг для друга, нас не связывает ни один мост, ни один вопрос, ни один взгляд. Но это, и только это, и есть условие той высшей точки личностности, спасения самого себя, которая стала во мне человеком: я есмь воплотившееся в человека *одиночество*... Меня никогда не достигало ни одно слово —

и это *вынудило* меня достичь самого себя... Я был бы невозможен без расы, в корне мне противоположной, — без немцев, без *этих* немцев, без Бисмарка, без 1848 года, без «освободительных войн», без Канта, в конце концов без Лютера... Великие преступления против культуры, совершенные немцами, оправданны в какой-то высшей сфере домашнего хозяйства культуры... Я не хочу ничего иного, не хочу даже возвращения, — я не *мог* бы хотеть ничего иного... Amor fati... <С такой точки зрения> становится необходимым даже христианство: лишь самая крайняя, самая опасная, самая совращающая форма отрицания жизни требует высочайшего приятия <как своей противоположности> — *меня*... Чем были в конечном счете эти две тысячи лет? Самым *поучительным* экспериментом над нами, вивисекцией, произведенной над самою жизнью... Всего лишь две тысячи лет!..

25 [8]

Стендаль приобрел выучку в лучшей из *строгих* философских школ Европы — в школе Кондильяка и Дестюта де Траси: он презирал Канта...

25 [9]

Фромантен, Фейе, Галеви, Мейяк, Гонкуры, Жип, Пьер Лоти — — — или, чтобы назвать человека из породы глубоких, — Поль Бурже, который во многом уже сам по себе бывал мне близок — — —

25 [10]

Старые итальянцы с их глубиною и меланхолической сладостностью чувства — композиторы благородные par excellence, у которых высшая суть голоса уцелела как музыкальный звук.

Скажем, «Реквием» Никола[1] Йоммелли (1769), я слушал его вчера, — ах, это совсем из иного мира, чем «Реквием» Моцарта...

---

1 Никколо.

25 [11]

Решено. Отныне мне нужны будут руки помощи — бессмертные руки! — без числа, *«Переоценка»* должна выйти на 2-х языках. Будет полезно, если повсюду возникнут союзы, чтобы в нужное время препоручить мне миллионы последователей. Мне важно, чтобы в первую голову за меня были офицеры и банкиры-евреи: те и другие вместе представляют *волю к власти.* —

Оглядываясь в поисках своих естественных союзников, я вижу, что это могут быть в первую очередь офицеры; *нельзя* быть христианином с инстинктом воина в крови — иначе получится лжехристианин, да к тому же еще и лжесолдат. Банкиры-евреи — тоже мои естественные союзники: они — единственная интернациональная по своему происхождению и своим инстинктам сила, вновь *связующая* народы после того, как проклятая политика интересов превратила своекорыстие и самомнение народов в обязанность.

25 [12]

Это время подводит итоги всему, что было [———]. Я воздаю величайшие почести тому, кто приложил тут огромные усилия, — моему маэстро Петеру Гасту, который, ко всему прочему, не нуждается ни в каком изъявлении почестей, если [———] — первому и наиболее основательному из нынешних композиторов.

называя его наиболее глубоким и основательным из нынешних композиторов, я лишь исполняю свой долг в отношении него.

25 [13]

Война не на жизнь, а на смерть дому Гогенцоллернов

Будучи тем, кем я и должен быть, — не человеком, а судьбою, я хочу положить конец этим преступным идиотам, что играли главную, главнейшую роль в течение более чем столетия. Со дней Фридриха *Великого* Вора они не творили ничего, кроме лжи и кражи; я делаю исключение лишь для одного-единственного — незабвенной памяти Фридриха Третьего, изо всей этой породы самого ненавидимого, самого оклеветанного... Сегодня, когда всем

заправляет партия гнусности, когда христианская шайка сеет в отношениях между народами проклятые драконовы зубы национализма и из любви к порабощенным стремится «освободить» подлую челядь, мы должны поставить перед всемирно-историческим судом эту *лживость* и ложь с *«чистой совестью»* #

Их орудие, князь Бисмарк, среди всех государственных деятелей идиот par excellence, никогда не устремлялся мыслью дальше чем на пядь за пределы династии Гогенцоллернов.

Но это время кончилось: я затяну империю в стальную рубашку и вызову ее на битву отчаяния. Я успокоюсь не раньше, чем в моих руках окажется христианский гусар кайзера, этого молодого преступника, *вместе* со всем его добром, — не раньше, чем будет уничтожено это самое жалкое отребье человечества, до сих пор державшееся у власти.

25 [14]

Чтобы дом шутов и преступников удерживался на вершинах власти, Европа теперь тратит 12 миллиардов в год, разверзается пропасть между обретающими себя нациями, идут самые сумасшедшие войны, какие когда-либо велись: князь Бисмарк на благо своей династической политике с проклятой безошибочностью инстинкта уничтожил все предпосылки *великих* задач, всемирно-исторических целей, более благородной и утонченной духовности. А поглядите-ка на самих немцев, эту, вероятно, самую подлую, тупую, пошлую породу, какая нынче имеется на земле, — их *обгогенцоллернули* вплоть до ненависти к уму и свободе. Поглядите-ка на их «гения» — князя Бисмарка, этого идиота из идиотов среди государственных деятелей всех времен, который никогда не выходил мыслью ни на пядь за пределы <интересов> династии Гогенцоллернов. Тот идиот на кресте был [— — —] ... И, получив своего гения, эта порода людей получила с ним вместе гений *преступления*...

Последнее соображение

В конце концов, мы могли бы обойтись даже и без войн; при известных условиях достаточно хотя бы сде-

лать верные выводы. <Например,> карета с железными прутьями для Гогенцоллерна и других «швабов»... Мы же, *не такие*, сей же час приступили бы к грандиозной и высокой задаче созидания жизни — нам еще надо все устроить. Есть еще более действенные способы поддержать честь физиологии, помимо лазаретов, — я смог бы найти лучшее применение тем 12-ти миллиардам, в которые нынче обходится Европе «вооруженный мир». Короче говоря, — — —

Но этот момент упущен. Если б мне только выдали этого юного преступника; я не замедлил бы погубить его — я хочу сам пустить испепеляющее пламя в его проклятый преступный ум.

25 [15]

Лишь клеймя позором это преступное безумие, я только и ставлю клеймо позора на две самых проклятых институции, от которых и по сию пору больно человечество, на институции самой настоящей смертельной вражды к жизни: институцию *династическую*, жиреющую на крови сильнейших, хорошо удавшихся и великолепных, и *жреческую* институцию, с каким-то повергающим в дрожь коварством пытающуюся еще в зародыше погубить как раз этих самых мужей — сильнейших, хорошо удавшихся и великолепных. Думаю, кайзер и жрецы тут действуют заодно: я хочу быть в этом деле судьей и положить конец всем тысячелетиям преступного безумия династов и жрецов... Человечество настолько уже привыкло к этому безумию, что сегодня оно верует в необходимость иметь войска *для войн*... Я бы сказал, создается впечатление какого-то абсурда... Никто не требует, чтобы всякий был солдатом, более непреклонно, нежели это делаю я: не существует никакого иного способа воспитать в целом народе добродетели послушания и умения приказывать, такта в поведении и жестах, бодрости и мужества, [—], а между делом и свободы духа, — наша *первая* задача в воспитании главным образом заключается в том, чтобы каждый стал солдатом, да и нет никакого иного способа перебросить через все пропасти, разделяющие сословия, умы и цели, через целый народ, мосты мужского взаимного благоже-

лательства. «Служи и исполняй свой долг» [— — —], благословенны труждающиеся — вот что твердит эта проклятая династия, когда ей нужны люди. И когда такой цвет силы, юности и власти бросают потом под пушечные ядра, — это *безумие.*

25 [16]

Я никогда не признаю, что какая-нибудь сволочь из дома Гогенцоллернов имеет право посылать людей на преступление... Никто *не вправе* исполнять приказы, если приказывает всего лишь какой-то Гогенцоллерн.

25 [17]

Друзья мои, присмотритесь как-нибудь к жрецу повнимательней. Это нечто напыщенное, бесцветное, подавленное, с трусливыми глазами и очень длинными бледными пальцами, но главное — через его воплощенную святость проглядывает мстительное и хитрое животное, которое [— — —]. Не будем недооценивать жреца — он [—]. А еще он *свят*... А *мы*, хладнокровные и не любопытствующие, мы, для кого наслаждение — замыслить какую-нибудь невинную чертовщину, — мы *не святы*... Чего ж нам стыдиться!

25 [18]

Да ведь и сама империя — ложь: ни один Гогенцоллерн, ни один Бисмарк никогда не думал о Германии... *Отсюда* — неистовая злоба на проф. Геффкена... Бисмарк предпочел полицейски-юридическую порку при помощи слова «немецкий»... Представляю себе, как хохочут при дворах Вены и Санкт-Петербурга; уж нашего-то консорта там знают как парвеню, из уст которого до сих пор не вылетело ни одного удачного слова даже по недосмотру. Это вовсе не тот человек, который, как он утверждает, сделал ставку на поддержание немцев в порядке.

а может быть, более того, — *глупость!*

25 [19]

Последнее соображение

Если мы сможем обойтись без войн, тем лучше. Я смог бы найти лучшее применение тем двенадцати миллиар-

дам, в которые ежегодно обходится Европе вооруженный мир; есть и другие способы поддержать честь физиологии, помимо лазаретов... В конечном итоге, в *очень* даже хорошем итоге: как только старый Бог будет упразднен, я буду готов *править миром*...

25 [20]

Если б этот молодой преступник оказался в моих руках, уж я бы не замедлил его погубить, предав огню его преступный ум...

25 [21]

condamno te ad vitam diaboli vitae[1]

Уничтожив тебя, Гогенцоллерн, я уничтожу ложь.

---

1 Обрекаю тебя на жизнь, какую диавол ведет (*лат.*).

Приложения

Д. Колли
Послесловие

Черновики и наброски Ницше осени 1885—осени 1887 гг. (группы 1-я—8-я)

Внимания читателя, заинтересованного в решении «загадки» Ницше, в особенной степени заслуживает один из фрагментов рукописного наследия: «*Экзотерически – эзотерически* / 1.—все есть воля <, направленная> против воли / 2. Никакой воли нет вообще / 1 каузализм/ 2 Нет ничего похожего на причину—следствие» (5 [9]). Если мы не ошибаемся, Ницше пользуется тут античным различением общедоступного изложения и мистической манеры изложения, а в примерах, которые приводит Ницше, он низводит свой тезис о воле на более низкую ступень, т. е. от воли к власти — на уровень популярного изложения. Здесь Ницше достигает высочайшего уровня своего умозрения, по всей видимости, предлагая нам гадать о необъяснимых противоречиях своего мышления, но при этом не считая нужным прибегнуть к фокусам интерпретации. Тогда многие из конструктивных, а то и систематических формулировок, характерных для его сочинений этого и следующих годов, не вызовут ни озадаченности, ни критики читателя. Для Ницше речь шла о попытке экзотерической разработки, слабости которой ему самому, должно быть, были хорошо известны, раз уж он противопоставляет ей точку зрения эзотерическую. В такой перспективе черновики и наброски приобретают некий новый и гораздо более высокий интерес—теперь их можно понять в качестве чего-то более значительного, нежели просто собрания материалов, ориентированных на запланированные автором публикации. И впрямь, сосуществование экзотерического, рассчитанного на общедоступность изложения, и эзотерического, тайного, сугубо личного углубленного понимания нигде не обнаруживается с такою отчетливостью, как в его неопубликованных рукописях. Указания на подобную ориентацию встречаются и позже, во фрагментах 1887–1888 годов. И все же это не означает, что

тенденция, выраженная в процитированном фрагменте, стала у Ницше незыблемым правилом. Еще того менее можно говорить о том, что в прижизненно опубликованных сочинениях момент эзотерический отсутствует вообще. Скорее, в опубликованных сочинениях хорошо различима вторая из приведенных в этом фрагменте антитез (каузализм — антикаузализм, где первый выражает экзотерическую, а второй — эзотерическую точку зрения).

Учтя все это, можно прочесть Ницше с большею осведомленностью и понять его глубже. Не случайно вкратце изложенное тут двойное видение установилось у Ницше в момент творческой разрядки. Пережив экзальтацию «Заратустры» (отзвуком которой надо считать «За пределами добра и зла»), Ницше, можно сказать, ощутил, что стоявшая перед ним задача решена; он почувствовал, что прошел высшую точку пути — или, по меньшей мере, не был уверен в том, удастся ли ему некогда вновь расшевелить в себе былые силы. Становится заметно, что он возвращается к себе, оглядывается на прошлое. И действительно, в эту пору его начинает интересовать переиздание собственных ранних сочинений, и он приступает к написанию новых предисловий для них. Ницше пытается вернуть и сохранить былое; грядущему он не доверяет. Но эта установка, чреватая новыми надеждами, вызывает позитивный переворот; ширятся горизонты его мышления, поднимают головы дремавшие воспоминания, а новая встреча с идейным богатством «Рождения трагедии» пробуждает новые силы. Прошлое, которое он пытался сохранить, приходит ему на помощь, способствуя рождению нового творческого настроя.

Примечательно, что возможную антитезу экзотерического и эзотерического способов изложения Ницше уясняет себе не при завершении какой-либо теоретической разработки — скажем, обнаружив ее слабые стороны,— а начинает с нее свою теорию воли к власти. Еще не сложившись окончательно, эта теория становится в глазах ее творца не чем иным, как экзотерическим выражением его мысли. И при всем при этом на протяжении целого столетия не прекращались попытки интерпретировать и дать оценки этой магической формуле — «воля к власти»! Складывается такое впечатление, будто Ницше рассудил, что если

философ хочет быть убедительным, то ему нужна система, замкнутая в себе форма, которая не только обращалась бы к интуиции, но и давала бы осязаемые, прочные отправные пункты. Антиметафизику надо сделаться метафизиком. При этом помочь, дав материал для наступившей конструктивной фазы, призван Шопенгауэр, вообще-то всегда оказывавшийся мишенью ницшевского скептицизма. Все начальное изложение системы воли к власти — а именно представленное во фрагментах этих лет — есть не что иное, как переодетые идеи Шопенгауэра. И не только в том смысле, который бросается в глаза в первую очередь,— что «воля к жизни» превратилась в «волю к власти», но и в смысле противоположном, упрятанном более умело. Фактически вся развитая тут теория «перспективизма», если разложить ее на простейшие составные части, предстает неким новым, более смелым изложением Шопенгауэровой теории «представления». Ведь подводить под общий знаменатель какой-то одной интерпретации все данности нашего бытия, все наши радости и печали, все моральные оценки — то же самое, что понимать любой из этих элементов как не выражающую их сущность связь между субъектом и объектом — а это точно соответствует «представлению» у Шопенгауэра, с тою лишь разницей, что тут оно принимается за ограничение. Вот как это можно выразить в Шопенгауэровых категориях: у Ницше абстрактное представление преобладает над представлением наглядным. «Перспективистская», «интерпретативная» концепция нашего бытия ставит ударение прежде всего на «суждение», т. е. на абстрактную сторону «представления»: «Человек в первую голову — *животное, способное на суждение*; но за суждением скрывается наша древнейшая и прочнейшая вера» (4 [8]). Однако эта экзотерическая транспозиция оказывается более парадоксальной, более злой: девальвация метафизики в теории Шопенгауэра («явление») заменяется девальвацией морали(«ложь»).

Но эта картина еще далеко не полна. За неосознанными, изощренно-психологизирующими вариациями на тему Шопенгауэра, за стремлением к выразительности и популярности изложения в умозрительных отступлениях Ницше обнаруживается, как уже говорилось в другом месте, изрядная способность к оригинальности оформления. Тут

уж варьирование Шопенгауэра переходит в преодоление Шопенгауэра. Теория «представления» разрабатывается вглубь посредством критики «субъекта», начатой Ницше отнюдь не только в эти годы. Теперь он исследует основы понятия субъекта, возводя его к изначальному «различению между действием и действователем» (2 [158]). А «воля к власти» заслоняет собою «волю к жизни» лишь тогда, когда понятие «торможения», понятое как предпосылка, показатель, витальная причина «воли к власти», рассматривается в качестве определяющего его признака. Именно это Ницше и делает тут с помощью терминов «сопротивление» и «торможение». Соответствующий контекст при этом бывает весьма различным: «Сила механическая известна нам лишь в качестве *ощущения сопротивления*» (2 [69]). Или же: «объект есть сумма испытанных нами *препятствий*, которые мы *осознали*» (2 [77]). Или еще так: «Все проявления наслаждения и страдания — умственной природы, это итоговые оценки тех или других препятствий, их истолкования» (7 [18]).

Теперь нас больше не поразят и многочисленные издевательские нападки на интерес современной Ницше философии к *теории познания*; напротив, мы заметим, что добрая часть этих фрагментов и сама представляет собою развитие *теории познания*. Когда Ницше утверждает, что любая вещь лишь является как таковая, или когда он противопоставляет качество количеству, ставя второе ниже первого,— что это, как не теория познания? Деструктивная позиция и здесь оказывается эзотерической, а конструктивная — экзотерической.

В этот период творчества свою роль, как сказано, играет и ретроспекция. Оставленные за несколько лет до того позитивистские излишества теперь привлекаются на службу более тонкой работе популярного изложения метафизических тем — и притом с помощью аналогии, т. е. не слишком-то строгого метода. Например, мы можем прочесть следующее: «Предпосылкою всякого мышления, суждения, восприятия как способностей *сравнивающих* служит “*отождествление* **в уме**”, а еще до этого — “*уравнивание* **на деле**”. Уравнивание на деле — это то самое, что являет собою включение в состав амебы усвоенной ею материи» (5 [65]). У Ниц-

ше можно найти даже такую прелестную теорию: «Деление протоплазмы надвое наступает, когда уже не хватает силы управляться с присвоенным добром: зачатие — следствие бессилия» (1 [118]). Позже, в обобщенном виде: «Питание — лишь следствие ненасытного присвоения, воли к власти. Зачатие, распад, наступающий при бессилии господствующих клеток организовать присвоенное» (2 [76]).

Итак, Ницше выступает против теории познания, но сам же и пытается ее развить; он нападает на метафизику, но и сам ведет себя как метафизик. В этих экзотерических высказываниях отражается все вновь выходящая на поверхность тематика «Рождения трагедии»; к эстетике присоединяется метафизика. Некоторые суждения Ницше об этой книге звучат как самоанализ, к примеру, когда он рефлектирует над собственным юношеским пессимизмом, определяя безобразное как «форму понимания вещей, подчиненную стремлению вложить смысл, *новый* смысл в то, что смысл утратило» (2 [106]). В другом месте проглядывает его тоска по аполлоновской метафизике («мир как вереница божественных видений и освобождений в видимости»), и можно обнаружить даже какую-то «сублимированную» интерпретацию дионисийского («*мука* необходимости творить как *влечение дионисийское*», 2 [110]). Наконец, в этих фрагментах мы — даже абстрагируясь от эстетического внушения, исходящего от текста,— наталкиваемся на настоящую метафизическую исповедь, на заявление в пользу «бытия»! «*Придать* становлению характер бытия — вот в чем высочайшая *воля к власти. Двойная подделка*, со стороны чувственных восприятий и со стороны ума, чтобы сохранить мир сущего, неизменного, с постоянными ценностями и т.д. Что *все возвращается* — это наиболее тесное приближение *мира становления к миру бытия: вершина созерцания*» (7 [54]).

Черновики и наброски осени 1887 и зимы 1887–1888 гг. (группы 9-я — 12-я)

«На читателей я больше не гляжу: мне ли писать для читателей?.. Записываю же себя самого, для себя» (9 [188]). Как объяснить эти слова Ницше, помня о сочинениях, не-

много времени спустя отданных им в печать,– «Гибели кумиров», «Антихристианине» и «Се человек»? Никто не усомнится в том, что Ницше писал их для читателя, а не для себя самого. Стало быть, Ницше пишет то для себя, то для читателя. При этом речь не идет о разных вещах: просто он поразному их выражает, в разных перспективах и с разным умыслом, что, разумеется, сказывается и на изменении их смысла. Когда Ницше хочет обнародовать книгу, он думает в первую очередь о читателе, а потому делается художником: говоря иными словами, в том их смысле, который они имели для него,– лжецом и комедиантом: «Быть художником имеет свою цену: то, что всеми нехудожниками называется "формой", художник воспринимает как *содержание*, как "саму вещь". Но тем самым он попадает в *мир наизнанку*: ведь отныне содержание представляется ему чем-то чисто формальным – включая и нашу жизнь» (11 [3]). Следует ли нам тогда искать во фрагментах из наследия – говорящего правду Ницше-философа, а в обнародованных сочинениях – Ницше-художника? Такая постановка вопроса – это, конечно, упрощение, особенно если распространять ее на общее соотношение между рукописным и опубликованным наследием; но она может помочь нам лучше понять последний год литературного творчества Ницше – начиная с осени 1887 и вплоть до конца 1888 г.

Черновики осени 1887 и зимы 1887–1888 гг. включают в себя преимущественно выкладки теоретического характера, а также весьма отличные от них по тону исторические рассуждения о нигилизме и христианстве; они перемежаются заметками, связанными с кругом чтения Ницше в этот период. Все эти записи вместе взятые с точки зрения Ницше были только материалами, собранными для запланированного им сочинения «Воля к власти». Для их обработки он предпринял и другой, конкретный шаг, отобрав ряд фрагментов, которые в переработанном виде должны были войти в новое сочинение, и пронумеровав их. Таким образом, Ницше удалось создать обзор содержания этого сочинения – по крайней мере в тех рамках, в которых он еще оставался мыслителем, осознающим свои мысли. Но чтобы из этой «Воли к власти» получилось настоящее ницшевское сочинение, в него нужно было привнести еще и

художественный момент, знакомый нам по любой из его обнародованных книг. До этого, однако, дело не дошло – даже в первом приближении. Доказательством этому служит именно сделанная Ницше в соответствующих тетрадях нумерация, характеризующая только последовательность материала по страницам, но не выдающая никакого архитектонического замысла[1]. Правда, об архитектонике говорит частичное распределение отобранного материала по четырем книгам, что соответствовало тогдашнему плану Ницше. Ницше-художника нам, стало быть, тут не разглядеть. И тем не менее, как известно, была предпринята попытка представить «Волю к власти» так, будто это сочинение было создано Ницше уже и художественно,– иными словами, этот материал подвергся манипуляциям, искажениям, добавлениям и систематизациям, авторам которых казалось, будто они способны, призваны и уполномочены занять место Ницше как художника. Итогом всего этого была ложь – и ложь далеко не в том смысле, какой вкладывал в это слово Ницше, а в смысле подтасовки: только ею и мог быть результат подлога, порожденного соображениями пользы. Поскольку «Воля к власти» в том виде, в каком оставил ее Ницше, не предназначалась для «читателя», была предпринята попытка привлечь читателя новою «формой»: но «художником» тут выступал Архив Ницше!

С другой стороны, работа над этим неорганическим наброском «Воли к власти», каким он предстает из рукописного наследия, дает нам особенно насыщенную картину Ницше-философа, «записывающего себя». Исключив из этого материала осени 1887 и зимы 1887–1888 гг. все то, что вошло потом в «Гибель кумиров» и «Антихристианина», мы можем рассматривать оставшееся как осадок, состоящий из одних только мыслей. Предпочтя заниматься этими двумя сочинениями, Ницше, мучимый художественно-политическим влечением сделать своевременной свою несвоевременность, раскромсал задуманную «Волю к власти» на полемические, страстные, декадентские сочинения в пользу тематики, более близкой к современной действительности, а

---

[1] См. также текстологические замечания в KSA, 14 и преамбулу к прим. в KSA, 6.– *Прим. М. Монтинари.*

целью себе поставил взбудоражить и заворожить публику. Нечто подобное можно видеть и по оставшимся без дальнейшего применения записям из тетрадей времени создания «Веселой науки» и «Заратустры». Но интересующий нас здесь случай все же значительней, поскольку, без сомнения, представляет самую крайнюю, а может быть, и самую претенциозную позицию теоретического мышления Ницше. Можно даже предположить, что ему не был чужд некий систематизаторский замысел. Некоторые фрагменты как будто подтверждают это, но решить наверняка, был ли отказ от системотворческого искуса следствием какой-то неудачи — или Ницше внутренне преодолел его, невозможно. Дело поэтому не в том, чтобы довести до конца систему, которую Ницше не построил, а может быть, и вообще не собирался строить,— скорее, необходимо направить внимание на те идеи, что, если смотреть из совершенно определенной теоретико-познавательной перспективы, нацелены на некую широкую, а потому расчлененную и некоторым образом внутренне связанную интерпретацию действительности.

Основы для такой теоретической позиции дает критика понятия субъекта, доведенная в этот период до самых радикальных выводов. Не существует ни субъекта познания, ни субъекта воления, в индивидууме нет ни «я», ни души, или, в обобщенном виде,— никакого устойчивого центра. Сфера субъекта постоянно изменяется. Стало быть, субъект как реальность или хотя бы просто как неизменная исходная точка есть фикция. Правда, из этой фикции выводятся метафизические понятия «бытия» и «субстанции». Но, несмотря на это, не существует даже «мышления». То, что так называют,— тоже фикция, возникающая благодаря тому, что из процесса выделяют один элемент или же соединяют в комплекс элементы, происхождения которых мы не знаем. Этим-то путем заблуждение превращается в предпосылку мышления: прежде чем о чем-нибудь помыслить, нужно совершить упорядочение, расстановку, искажение. А все проникающее в наше сознание — представления как о внешнем, так и о внутреннем мире,— это не что иное, как искусственно созданная конструкция, интерпретация, построенная из элементов, взаимосвязь и причинная обусловленность которых нам совершенно неизвестна.

То, что мы называем «вещью»,— это, следовательно, произвольная схематизация, но тем не менее на основе совокупности такого рода подлогов мы строим свою логику. Закон противоречия — это императив, предназначенный «...*не* для познания истины, а для установления и приведения в порядок мира, *который должен считаться для нас истинным*» (9 [97]). Мир предстает перед нами логически упорядоченным потому, что мы сделали его таким. Необходимость, на основании которой мы создали понятия, логические формы, цели и законы, не отражает никакого истинного мира, а ориентирована так, чтобы соорудить для нас мир, в котором возможна наша жизнь.

Открытие такой теоретико-познавательной перспективы — это большое теоретическое достижение, пусть даже оно, по-видимому, не было понято и достаточно оценено философами нашего столетия (что отчасти следует приписать неполной достоверности известного им текста «Воли к власти»). Ясно одно — тут мы стоим отнюдь не на почве позитивистской или просто психологической спекуляции. В свете этой радикальной критики предпосылок, инструментов и результатов познания даже новая метафизика шопенгауэровой чеканки, к которой Ницше пришел в период создания «За пределами добра и зла» и «Генеалогии морали», кажется пошатнувшейся. Расширение и углубление критики «субъекта» неизбежно должно было отразиться и на концепции действия и воления (что доказывает интеллектуальную честность Ницше). В действии то, что соответствует субъекту, т. е. деятель, «понятийно извлечен из него [действия]», следовательно, таковое — фикция, равно как и «цель», «намерение». С другой стороны, воление существует не больше, чем мышление; бывает лишь некое «хотеть чего-то». Тем самым грозит обрушиться и метафизическое понятие воли к власти, которое таким образом лишается всякой соотнесенности с каким-либо неизменным субъектом. Ницше различными способами пытается укрепить его, противополагая шопенгауэровым причинностям: воля к власти раскрывается лишь в присущем сопротивлению противостоянии, а свойственное ему влечение — это не инстинкт самосохранения, не воля к жизни, ибо протоплазма «бессмысленным образом вбирает в себя много больше, чем это

диктуется нуждами самосохранения: и главное, вследствие этого она *не* "сохраняет себя", но *делится*» (11 [121]). Этой же тематике сопричастна и философия страдания в том виде, в каком она была разработана в период «За пределами добра и зла». Жизнь стремится не к блаженству, а к власти, и то, что стремится,—не индивидуумы, ведь они не обладают подлинной реальностью, а непостижимые для них в своем вечном преображении сферы власти. Сопротивление воле вызывает боль, но эта боль, неудовлетворенность влечений, не подавляет волю к власти, а укрепляет ее. Даже наслаждение — это «ритмическая последовательность слабых уколов страдания» (11 [76]). Ницше утверждает, что наслаждение возникает не из удовлетворения влечений воли, «но [...] что воля всегда стремится вперед и раз за разом утверждает свое господство над тем, что встает и у нее на пути: ощущение удовольствия напрямую связано с неудовлетворенностью воли, с тем, что она, не зная границ и сопротивления, никак не может насытиться вполне...» (11 [75]). Эти поиски, это перебирание перспектив и формулировок призваны дать выражение ощущаемой Ницше темной основе сущего, но при этом не впасть в окоченение систематики, метафизической понятийности (которыми грозил призрак Шопенгауэра!). Тут на помощь Ницше приходит даже то интеллектуализирующее истолкование влечений и эмоций, что восходит ко времени «Человеческого, слишком человеческого»: «Страдание и удовольствие суть глупейшие мыслимые *средства выражения* суждения [...] Их исток расположен в центральной сфере интеллекта» (11 [71]). И на другой странице: «...само почитание — не что другое, как эта воля к власти [...] *Недорого ценить само бытие*: но ведь сам процесс оценки все еще составляет это бытие — говоря Нет, мы продолжаем делать то, что́ мы *есть*...» (11 [96]). В конце концов мы видим перед собою некую волю к власти, которая зараз и оценка, и бытие: это чуть ли не мистическая концепция, где метафизическая субстанция — «бытие» — манифестирует себя в одно и то же время как суждение и воля, т. е. и рационально, и иррационально. Клубок окончательно запутывается. Теоретические поиски неуловимых предпосылок сознания, ложного сознания, зашедшие столь глубоко, терпят крах, заходят в тупик и кажутся окончатель-

но себя исчерпавшими, на этот раз не находя себе выражения в скепсисе, ибо эта мука неутолима.

Даже наука не в состоянии помочь в этом бешено мчащемся потоке. Уже несколько лет как Ницше отнял у науки главную роль; теперь он говорит: «*Глубочайшее ослабление самостоятельной деятельности:* — историк, критик, аналитик, интерпретатор, наблюдатель, собиратель, читатель — все это таланты *реактивные: все это* — наука!» (10 [18]). Поэтому наука обращается в катартическое восхваление лжи, которая в глазах Ницше только одна и способна придать смысл краху теории, преобразить ее. Если только ложь может помочь человеку жить и если, с другой стороны, все, что мы осознаем, есть продукт влечения к фальсификации, то человеку не остается ничего другого, как лгать всеми своими желаниями и словами: «Метафизика, мораль, религия, наука — все они принимаются [...] в расчет лишь как различные формы лжи: с их помощью мы можем *верить* в жизнь». Но это влечение ко лжи, по Ницше, есть в точности то же самое, что и влечение к искусству, и вот искусство оказывается доминирующей и наиболее широкой категорией, в которую вновь вмещаются все виды так называемой духовной деятельности: «*Не видеть* действительного характера существования — вот тайный умысел — глубочайший и наивысший — науки, благочестия, художников. Многого вовсе не видеть, многое видеть превратно, глядя, многое добавлять [...] В мгновения, когда человек обманут, когда он снова верит в жизнь, когда ему удалось обхитрить самого себя: о, как он тогда окрылен! Какой восторг! [...] И когда бы ни чувствовал человек радость, он всегда в ней верен себе: он радуется как художник, он наслаждается собой как властью. *Ложь и есть эта власть...*» (11 [415]). По этому пути философия воли к власти переходит в философию лжи. Метафизика искусства, какой она была в «Рождении трагедии», вновь возвращается, но под другим именем; круг умозрительных приключений Ницше замыкается.

Философия лжи, возникающая благодаря провалу теории,— это все-таки, как говорит сам Ницше, необычайно мрачное и безотрадное восприятие мира. Но этому теоретическому пессимизму противостоит некий витальный оптимизм: «Всю красоту и возвышенность, что ссудили мы вещам

реальным и воображаемым, я намерен потребовать назад как собственность и дело рук человека: как прекраснейшую его апологию. Человек как поэт, как мыслитель, как Бог, как любовь, как власть — довольно уже царской щедрости, с которой одаривал он вещи, *обделяя* себя, чтобы почувствовать нищим *самого себя*!» (11 [87]). Во лжи становится зримою вечность: «Мне же, наоборот, кажется, что все слишком ценно, чтобы быть настолько мимолетным: я ищу вечности для всего [...] и я нахожу себе утешение в том, что все былое вечно: море все возвращает» (11 [94]).

Таков тот Ницше, который «записывает себя». Но и в той части рукописных материалов, где он занимается вопросами истории и культуры, его тон непривычно трезв, чуть ли не созерцателен. Чтобы в этом убедиться, достаточно только сличить параллельные места[1] из «Гибели кумиров» и «Антихристианина», где этот же материал обработан «художественно». При всей двойственности понятия «нигилизм», обозначающего, с одной стороны, полемическую мишень (а именно древнее и новое декадентство, с которым надо бороться), а с другой — необходимую фазу развития, открывающую путь к самобытной и жизнеутверждающей позиции, рассматриваемые здесь фрагменты дают картину преимущественно позитивного отношения Ницше к этому понятию. Он не раз называет нигилистом себя и восхваляет нигилизм как следствие возросшей правдивости. Нынче, считает он, нигилизм как явление общераспространенное есть признак решительного роста. Для философа он означает возможность восстановить силы: «Вера в то, что никакой истины не существует, нигилистическая вера,— это превосходная разминка для того, кто в качестве воина познания неустанно сражается с истинами, сплошь безобразными» (11 [108]). С такою позитивной оценкой нигилизма согласны все антиполитичные фрагменты, советующие не противиться негативности эпохи, не вмешиваться в сферу действия. Стоит сравнить с ними «закон против христианства», о котором Ницше с бешенством возвестит несколькими месяцами позже! Он, напротив, гласит, что христианский идеал следует сохранить, ибо нуж-

---

[1] См. прим. в KSA, 14.— *Прим. М. Монтинари.*

ны сильные противники; Ницше советует предоставить посредственности право упиваться своей посредственностью и заявляет, что ненависть к посредственности недостойна философа; он полагает, что глупость и уголовщина должны расти и расти – это и будет прогрессом. Нивелирование человечества, миф о равенстве – вещь хорошая, она должна дойти до величайшей эксплуатации человека, до его превращения в абсолютный механизм, ибо только таким путем может возникнуть встречное движение.

В созерцательном настроении, свойственном Ницше в его последнюю итальянскую зиму, он, дистанцировавшись от себя и своих «убеждений», выходит за пределы и этой позиции. Во многих фрагментах мы можем заметить даже какое-то пророческое обращение его имморализма вспять. Пророческое потому, что оно выглядит предвосхищением одной проблемы наших дней. Если имморализм восторжествует, если неморальными станут «многие»,– на что будет похожа тогда добродетель? Тогда неморальность этих многих фактически обратится в «мораль»... В этом затруднении на помощь приходит именно имморалист Ницше, неожиданно заявляя, что аскеза, пост, затворничество были испорчены церковью; восхваляя добродетель как авантюру, как изысканность, как умение добиться своего и жажду власти; расхваливая добро как роскошь, хитрость и порок; говоря нам, что нетерпимости к жрецам «положен предел» – вера оправданна как раз потому, что верить в Бога неморально... «Против добродетели – все инстинкты посредственности: ведь она невыгодна, не хитра, она изолирует, она родственна страсти[...] она *самый гнусный порок*» (10 [109]). «Чего я в итоге достиг? Не станем таить от себя этот небывалый итог: я придал добродетели какое-то новое *очарование* – она выглядит чем-то *запретным*. [...] о ней пошла дурная молва, будто она держится устаревшей моды и античных вкусов, и вот уж она, наконец, манит и разжигает любопытство людей изощренных; короче говоря, она проявляет себя как порок. Лишь познав, что все – ложь и видимость, мы вновь получили и дозволение на это тончайшее лицемерие – лицемерие добродетели» (10 [110]).

Черновики и наброски начала 1888—января 1889 (группы 13-я — 25-я)

Черновики осени 1887 — осени 1888 г. представляют собой объемистое хранилище, из которого Ницше черпал материалы для последних своих опубликованных или предназначенных для публикации сочинений. В этих хаотичных, с невероятным прилежанием собранных в одном месте строительных материалах поражает стремление к самоосуществлению, за ними укрывающееся, но через них и проступающее. С точки зрения теоретической фрагменты начала 1888 г. и более поздние знаменуют собою отход назад — в сравнении с тем, что писал Ницше в предшествующие месяцы; зато постепенно на поверхность выходит некий новый момент — биографическое повествование, свидетельствование о собственной личности, то в виде философских рассуждений, а то и в качестве очистительного для души решения. Похоже, Ницше раскаивается, что имел дело с абстрактными понятиями. Он комбинировал эти оболочки философии на все возможные лады, выводя самые противоречивые, самые парадоксальные положения, но в итоге все эти понятия неизменно оставались все теми же, и ничего нового получить из них было невозможно — или, по крайней мере, было невозможно для *него*. Исследовать иные области абстракции казалось ему делом бесполезным, а может быть, и слишком утомительным, но прежде всего отнимало слишком много времени. Ницше вдруг заспешил; да и, кроме того, ему могло казаться, будто эти орехи он уже расколол: понятия морали, логики, метафизики были порушены его скептицизмом; но этот же самый скептицизм уничтожил и главные понятия деструктивной работы Ницше.

Эти фрагменты приоткрывают другую сторону философа — ту, что Ницше хотел оставить сокрытой: человека, изнывающего от тоски по жизни, обрекшего себя на абстракции и принудившего себя искать в них стрекала, человека, обращающего в бескровные тени все, чего ни коснется. В конце концов он, уставший от слов и пустых оболочек, лишенный товарищеского участия, был принужден черпать жизнь из себя самого, если еще хотел найти ее. Глядя на эти материалы из наследия последнего года, когда Ницше еще

мыслил и писал, кажется, будто проникаешь в лабораторию, где философ экспериментирует с новыми методиками. Это время, незадолго до последнего выразительного извержения, до внезапного рождения его последних сочинений – этой, в сущности, приманки, рассчитанной на то, чтобы впутать людей и мир в судьбы своего разума,– позволяет нам увидеть человека, полностью одинокого, угнетенного тем, что не может вырваться за пределы самоповторов, колеблющегося в выборе пути, обладающего лишь весьма небольшим снаряжением, запутавшегося в сетях собственной аргументации. Ницше и впрямь зашел в тупик: ведь ему не удалось уйти от затасканных общезначимых понятий «наука», «искусство», «философия», «декаданс», «мораль» и т. п. по еще рациональному пути – ни к новым, имеющим объяснительную силу, каким-то особенным дистинкциям, ни к чистоте логических категорий. Утомление, возбуждаемое этими вещами, заставляет его уйти во внутреннюю жизнь. По фрагментам весны 1888 г. заметно, как отчаянно в это время Ницше стремится обрести озарение, которое (вразрез с его собственным мнением об этом) будто бы должно посещать его за письменным столом, видно, в каком изнеможении он заставляет себя продумывать уже много раз сформулированные пункты, критические возражения, схемы и программы, возвращается к теоретико-познавательным позициям, которые уже преодолел, и даже подновляет давно устаревшие опровержения христианской догмы.

В таком безотрадном настроении, когда весь его инструментарий и использовавшиеся им абстрактные понятия стали казаться ему отжившими свое и бесполезными, Ницше находит интерес уже только в обращении к собственной личности. Это способ отчаявшегося человека достичь состояния, в котором литературное, стилистическое чудо могло бы сбыться, а форма и содержание – сплавиться воедино. И вот мы находим в этих материалах из наследия воспоминания о Вагнере, первое обращение к событиям собственной жизни, ряд лирических фрагментов. И, как это ни парадоксально, отступление в области теории в конце концов приводит к новым теоретическим формулировкам, в которых за внешним блеском и задором кроется глубина, еще не исследованная как нечто самоценное. Что глав-

ное в философе, в художнике заключено в его личностной стихии, и не столько в каком-то определенном поведении, сколько в его природе, его характере, — указывает на возможность преодолеть литературу (или, во всяком случае, косвенные способы выражения) в пользу какого-то прямого проявления мудрости, в пользу некоей превосходящей литературу мудрости физиологической. Это — новое учение последнего года ницшевского творчества, учение, формирование которого прервалось уже в момент своего возникновения. Мысль о том, что ранг, идейная мощь философа зависят от «гениальности» его питания, кажется парадоксально утрированным банальным моментом материализма или позитивизма. Но разве рассуждения о питании, которые можно найти в упанишадах[1],—это позитивизм? Поэтому тема питания у Ницше сама по себе—еще отнюдь не признак его заболевания; это, скорее, прямое свидетельство усталости философа от абстракций, обретения им новых позиций, новых потребностей. Впрочем, известно, что учение о дыхании у индусов относится к методикам, посредством которых можно достичь высочайшего познания. В каком-то наиболее общем смысле этот отход Ницше назад, к собственной личности, в глуби собственной души, есть тот путь, по которому хаживала всякая мистическая философия, хотя Ницше умеет светски скрыть его за иллюзионистским изложением. Он обращается внутрь себя и обнаруживает при этом новые области. Но речь не идет о разрешении какого-то конфликта, о том, чтобы быть с собою в ладу, ибо этот уход в себя—процесс неполный, затрагивающий лишь *одну* сторону вообще-то расщепленного на части индивида.

Ницше не мог отдаться подобной мистической склонности; этому препятствовали его неудовлетворенность, внутренний раскол и расщепленность. Уже до наступления настоящего душевного расстройства в его мышлении выявляется постепенно прогрессирующая анархия содержаний, о чем свидетельствуют записи этих месяцев. С другой

---

[1] Идея связи мыслительной деятельности и питания могла быть усвоена Ницше и из другого источника—античного пифагорейства.— *Прим. перев.*

стороны, вновь появляются намеки на углубление тематики «Рождения трагедии», как это было зимою 1887–1888 гг., и разработки, в которых Ницше пытается преодолеть концепцию воли к власти философией лжи. В этой перспективе искусство, религия, философия и наука – стоящие друг друга аспекты одной общей тяги ко лжи. Теоретически это было шагом вперед, но на этих набросках Ницше и остановился, не сделав из них ничего большего. Зато в этот же период науке иногда вновь воздается хвала (а также и хула), хотя новые доводы и не привлекаются,– но эта хвала демонстрирует шаг назад в сравнении с прежними возражениями; равным образом вновь появляется антитеза между наукой и философией, решаемая в пользу первой. Кроме того, критика противопоставления «истинного» и «видимого» мира, которой посвящены многие из этих фрагментов и которая воспроизводится в «Гибели кумиров», в теоретическом отношении слаба – она не достигает своей цели и уж во всяком случае уступает прежней аргументации Ницше. То же можно сказать и о критике понятия причинности, где повторяются уже давно изжитые формулы. Нередко кажется, что последних почти десяти лет как не бывало, когда видишь, как Ницше усердствует, выдвигая интерпретации позитивистского толка. Этот момент обращения вспять становится особенно явным в том месте, где Ницше оспаривает «сотворение» мира. Как он может хоть на миг останавливаться на подобной проблеме, уже достигнув такой ступени мышления,– это почти не укладывается в голове.

Как известно, весь этот материал Ницше собирал в расчете на одно большое сочинение – «Воля к власти». Но несомненно, что эти написанные весною 1888 г. фрагменты, несмотря на их изрядное количество, не внушили ему ощущения решительного шага в осуществлении своего замысла. Наоборот, можно считать, что цель казалась ему более далекой, чем когда-либо. Нет ни малейших признаков того, что он предпринимал попытки упорядочить и расчленить этот материал, нет ни проектов состава будущего сочинения, ни нумерации, какие мы находим в тетрадях предшествующей зимы. Теоретическая разработка понятия воли к власти оказалась прерванной – исключение составляют лишь немногие фрагменты. Немного позднее «великий»

план отменяется, распадаясь на ряд других сочинений. Но решающее значение для отказа от «Воли к власти» еще больше, чем недоверие к систематике, претившей самой натуре Ницше, а может быть, и больше, чем даже понимание собственной неспособности, слабости, больше, чем деструкция основных понятий, служивших инструментами для его исследований и вот теперь (как можно видеть на примере понятия действия, а то и понятия воления) распадавшихся у него в руках от дыхания его разъедающего скепсиса,— больше, чем все это, имели теперь внезапно охватившее его ощущение пустоты, теоретической скудости и отсутствие новых интуиций, находок в области абстрактного мышления. В тетрадях этих месяцев поражает частота, с какою Ницше набрасывает титульные листы задуманного сочинения и членение на части по содержанию, записывает названия глав в их последовательности — но все это он делает, воспроизводя из раза в раз почти дословно, монотонно подчиняя одной и той же, более чем известной ему тематике, постоянно приводя все те же самые доказательства. Он приковывает себя к письменному столу волевым усилием, но в этом своем оскудении записывает все больше такие вот схемы, нежели внятные, содержательные разработки, в которых закрепляется продуманное заранее. В этот период, кажется, прекращаются и обычные его поиски стимулов к собственному мышлению в прочитанном. И только одно сочинение Жаколио об индийской книге «Законы Ману» производит на него большое и даже преувеличенное впечатление. Следы этих занятий часто встречаются в его тетрадях, а затем входят и в «Гибель кумиров». Имея в виду это увеличительное стекло перспективы, в которой Ницше рассматривает индийский свод законов, никак невозможно не вспомнить об утрированном отношении к вещам и людям, столь характерном для последнего туринского периода его жизни. В такой ситуации все определялось у него случайным подбором отдельных книг для чтения.

Последние из представленных в этом издании черновиков свидетельствуют (наряду с письмами того же времени) о наступающем безумии. И до этого уже можно было констатировать признаки трагического душевного расстройства, к примеру, в «Законе против христианства» или в частоте,

с какою повторяются выступления против антисемитов. Но что изумляет, так это ничтожное число по-настоящему патологических текстов. К таковым можно отнести лишь немногие страницы, посвященные «большой политике», где династии Гогенцоллернов объявляется «война не на жизнь, а на смерть». Иначе говоря, *почти* в то же время, когда Ницше теряет рассудок, он перестает быть писателем. Кто провел свою жизнь с пером в руках, не может прекратить писать вдруг, пока еще позволяет болезнь; привычка еще какое-то время увлекает его за собой. Эта фаза трагически быстрого перехода оставляет в области между здоровьем и болезнью лишь едва заметные следы. А за пределами сказанного возможна любая гипотеза, начиная с утверждения, что Ницше во всякое время писал всякое свое сочинение словно по «божественному наитию» или, выражаясь на манер греков, словно охваченный «исступлением». Многие места из «Се человек», к примеру, для взгляда холодного и трезвого предстанут безумием — а человеку, не обделенному способностями и готовому воспринять необыденное, откроются как эзотерические намеки, как символы какой-то неясной трагедии, как язык жестов.

Примечания

Перевод выполнен по изданию, вышедшему под редакцией Джорджо Колли и Мадзино Монтинари: Nietzsche F. Sämtliche Werke. Kritische Studienausgabe in 15 Bde. Hrsg. v. G. Colli u. M. Montinari. München: Deutscher Taschenbuch Verlag. Bd. 13 / Berlin: W. de Gruyter, 1999.

Об истории публикации рукописного наследия Ф. Ницше, относящегося к периоду 1887–1889 гг., об особенности этих текстов и принципах их воспроизведения в данной книге см. т. 12, с. 523 слл. Номер фрагмента из наследия делится на две части: *первые цифры* означают *номер хронологического раздела (группы)* в указанном выше немецком издании (раздел включает в себя материалы из рабочих тетрадей, записных книжек или папок с отдельными листами — сигнатуры, обозначающие эти источники, приведены в примечаниях), а *цифры, заключенные в квадратные скобки,— нумерацию фрагментов внутри соответствующей группы.* Конъектуры Д. Колли и М. Монтинари даются в квадратных, а конъектуры переводчиков — в угловых скобках. Текстологические знаки:

[—] означает одно нечитаемое слово,
[— —] два нечитаемых слова,
[— — —] три или больше нечитаемых слов,
— — — незаконченное предложение,
[+] пропуск в рукописи.

Слова, подчеркнутые Ницше одной чертой, переданы курсивным шрифтом, подчеркнутые двумя или более чем двумя чертами, — полужирным.

Переводы иноязычных выражений и цитат выполнены переводчиками, сверка переводов с французского — А.В. Гараджой. Примечания состоят из примечаний издания Колли и Монтинари (никак не помечаются) и добавлений переводчиков или редактора (с соответствующими пометами в каждом случае).

Список сокращений, принятых в примечаниях

А – «Антихристианин» («Антихрист»[1]).

бН – книга из библиотеки Ницше.

ВВ – «Воля к власти» (1-е изд. ВВ – GA, XV, 1901; 2-е изд. ВВ – Nietzsche's Werke. Taschen-Ausgabe. Bd. IX, Leipzig: C.G. Naumann Verlag, 1906, а также: GA, XV u. XVI, 1911).

ВН – «Веселая наука».

ГК – «Гибель кумиров» («Сумерки идолов»).

ГМ – «К генеалогии морали».

ДД – «Дионисовы дифирамбы».

ЗПДЗ – «За пределами добра и зла» («По ту сторону добра и зла»).

КиМ – Д. Колли и М. Монтинари.

Н. – Ф. Ницше.

НПВ – «Ницше против Вагнера».

РТ – «Рождение трагедии».

СВ – «Случай "Вагнер"» («Казус Вагнер»).

Сентенции – раздел ГК «Сентенции и стрелы».

СЧ – «Се человек» («Ecce homo»).

ТГЗ – «Так говорил Заратустра».

ЧСЧ – «Человеческое, слишком человеческое».

Экскурсы – раздел ГК «Экскурсы человека несвоевременного».

GA – Großoktav-Ausgabe (= Nietzsche F. Werke. 19 Bde u. 1

Register-Band. Hrsg. v. P. Gast, E. Förster-Nietzsche, A. u. E. Horneffern u. a. Leipzig: C.G. Naumann / A. Kröner, 1894–1926).

KSA – Nietzsche F. Sämtliche Werke. Kritische Studienausgabe in 15 Bde.

Hrsg. v. G. Colli u. M. Montinari. München: Deutscher Taschenbuch Verlag / Berlin: W. de Gruyter, 1999.

---

[1] В скобках даются варианты переводов заглавий, принятые в изд.: Ницше Ф. Сочинения. В 2 тт. М., 1990.

11. Ноябрь 1887—март 1888

Из тетради W II 3

11 [1] Вычеркнуто Н. Ср. Сентенции, 41, 37, а также наст. изд. 18 [7].

11 [2] Вычеркнуто Н. Ср. Экскурсы, 25, а также наст. изд. 2 [1].

11 [4] *...рогатых Зигфридах...* — в оригинале игра слов: использованное Н. выражение (gehörnte Siegfriede) имеет два значения — «Зигфриды-рогоносцы» и «роговые Зигфриды» (последнее образовано от заглавия древней эпической поэмы).

...Крестовой газеты... — так называли берлинскую «Нойе пройссише цайтунг», рядом с заголовком которой был изображен христианский крест. — *Ред.*

11 [6] Ср. 20 [73].

11 [9] Переработано летом 1888 г. Ср. 11 [296] и прим.

[*...пресловутый червь...* — подразумевается пословица «Auch der Wurm krümmt sich, wenn er getreten wird» (букв. пер.: и червь будет виться, если его ущемить), русский аналог которой — «и у курицы сердце есть». — *Ред.*]

11 [10] *Декаданс* — французское написание этого термина (обычное для Н.) сохранено лишь в вариантах заглавий книг. — *Ред.*

11 [13] Из письма Ф. Галиани к мадам д'Эпине, 24 ноября 1770 г. Цит. по: Galiani F. Lettres à Madame d'Epinay, Voltaire, Diderot, Grimm etc. Paris, 1882 (бН).

11 [15] Ср.: Desprez L. L'évolution naturaliste. Paris, 1884, 264 (бН).

11 [16] Ср. 11 [59], Экскурсы, 27.

...«je ... d'espirit?..». — Ф. Галиани к мадам д'Эпине, 18 сентября 1769 г. (Galiani. Op. cit.).

11 [19] Цит. по письму Ф. Галиани к мадам д'Эпине, 24 декабря 1772 г.

11 [20] Дополнено по W II 1, 136.

[Цитата представляет собой двустишие Ф. Галиани. — *А. Г.*]

11 [22] Ср. Экскурсы, 13.

11 [23] Ср. Экскурсы, 13, 19.
[Ср.: Овидий. Письма с Понта, III, 4, 79: вместо овидиевского voluntas (воля) Н. подставляет *voluptas* (вожделение). — *А. Г.*]

11 [24] Ср. Экскурсы, 6.
[К сноске. *Письма путешественника...* — имеется в виду книга Ж. Санд (1837) с таким названием. — *А. Г.*]

11 [25] *...не встретят отзывчивости...* — ср. письмо Н. к Ф. Овербеку, 12 ноября 1887 г.

11 [26] Фрагмент не включен в GA (и значит, отсутствует в 1-м и 2-м изд. ВВ, хотя автор присвоил ему номер из перечня тем, содержащегося в 12 [1]).
... «qui raffine ... l'accomplit.» — Ср.: Journal des Goncourt. II. Paris, 1887 (17 мая 1863 г.).

11 [28] Ср. СВ, 3.

11 [32] *... «la perfection de la mediocritй» ?* — Journal des Goncourt. II (11 марта 1862 г.).

11 [33] Ср. прим. к 10 [159].

11 [34] Выписка из: Desprez. Op. cit., 56, 46.
[*«Эрнани»* — ранняя пьеса В. Гюго. *Лара* — главный герой. — *А. Г.*]

11 [39] Ср. 20 [69].

11 [40] Ср. 20 [68].

11 [41] Ср. 20 [67].

11 [42] Ср. 20 [70].

11 [43] Ср. 10 [45, 50, 109], А, 2.

11 [45] Ср. Экскурсы, 12, 13.

11 [46] Набросок, видимо, предназначался для продолжения ГМ.

11 [48] Ср. А, 54.

11 [49] Переработано летом 1888 г.; ср. СВ, 1.

11 [53] Ср. 20 [72].

11 [54] Переработано летом 1888 г.
...макиавеллизм ... âpreté... — Ф. Галиани к мадам д'Эпине, 5 сентября 1772 г.

11 [55] Зачеркнуто Н.

11 [59] Ср. 11 [16]; Экскурсы, 27; Сентенции, 20.

11 [60] Ср. Экскурсы, 40.

11 [61] Речь идет о выводах, сформулированных Э. фон Гартманом в его «Философии бессознательного» (см.:

Hartmann E. v. Philosophie des Unbewußten. Berlin, 1872, 735). Ср. 11 [71].

11 [62] Источник цитаты неизвестен.

11 [63] Источник цитаты неизвестен.

11 [64] Источник цитаты неизвестен.

11 [65] Источник цитаты неизвестен.

11 [66] Источник цитаты неизвестен.

11 [67] Источник цитаты неизвестен. Ср. письмо Н. к П. Гасту, 13 февраля 1888 г.
[*«bains intérieurs»...* – ср. bain intestinal: клизма. – *А. Г.*]

11 [68] Источник цитаты неизвестен.

11 [69] Источник цитаты неизвестен.

11 [70] Источник цитаты неизвестен.

11 [71] Ср. 11 [61].

11 [72] Переработано летом 1888 г. Фрагмент содержит полемику с идеями «Философии бессознательного» Э. фон Гартмана.

11 [74] *...существования.* – Здесь и далее «Dasein» по традиции переводится как «существование», реже, когда этого требует контекст, – как «жизнь» или «бытие». – *А. Г.*

11 [75] Возражения Н. относятся к 3-й главе («Бессознательное начало в сфере внутреннего чувства») раздела «В» «Философии бессознательного» и, в основном, направлены против понимания Э. фон Гартманом связи удовольствия и воли.

11 [76] Ср. прим. к 11 [75].

11 [77] Ср. прим. к 11 [75].

11 [78] Ср. Экскурсы, 17.

11 [79] Переработано летом 1888 г.; ср. Экскурсы, 31.

11 [83] Всюду в тексте фрагмента в квадратных скобках – конъектуры КиМ, опирающиеся на 12 [1].

11 [85] Фрагменты 11 [85–93] относятся к осени 1881 г. и переписаны автором в данную тетрадь из записной книжки N V 7. Ср. KSA, 9, 12 [71, 54, 34, 26, 30, 20, 120, 122, 125, 123, 127, 134].

11 [89] Ср. СВ, 2.

11 [94] *Тот император...* – вероятно, Марк Аврелий. – *А. Г.*

11 [95] Ср. 9 [18]. Фрагмент не включен ни в 1-е, ни 2-е изд. ВВ, хотя имеет авторский номер из перечня тем в 12 [1].

11 [99] Переработано летом 1888 г.
11 [101] Переработано летом 1888 г.; ср. Экскурсы, 16, а также 11 [61, 71, 72, 75, 76, 77].
11 [102] Ср. Экскурсы, 10.
11 [103] *...Nil admirari...* — парафраза Горациева «ничему не восхищаться» (Послания, I, 6, 1). — *А. Г.*
11 [104] Ср. Сентенции, 12.
11 [106] Переработано летом 1888 г.
11 [107] Ср. Сентенции, 1.
11 [110] Ср. 11 [43].
11 [114] *«хотеть»...* — «wollen» (*нем.*). Содержание этого понятия Н. связывает со значением немецких слов Wollen (хотение) и Wille (воля). — *Ред.*
11 [117] Ср. ГК, «Чего недостает немцам», 7.
11 [118] Заглавие фрагмента добавлено летом 1888 г.
11 [119] Ср. 11 [411].
[*...надвигается нигилизм.* — См. прим. к фр. 9 [127]. *...предпринята попытка замедления с большим размахом...* — ср. 9 [100], 10, [17], 14 [140, 182], а также 9 [3] и ВН, 357. — *Ред.*]
11 [120] Переработано летом 1888 г.
11 [122] Летом 1888 г. фрагмент переработан в А, 47, в наст. изд. приводится 1-я редакция.
11 [127] Переработано летом 1888 г.
11 [131] Ср. 20 [137].
11 [135] Ср. 11 [143].
11 [136] Ср. 11 [143].
11 [137] *...Фуйе...* — речь идет о кн: Fouillée A. La science sociale contemporaine. Paris, 1880 (бН).
11 [143] Ср. 11 [135, 136].
11 [144] Источник цитаты неизвестен.
11 [146] Переработано летом 1888 г.
11 [147] [*... «желающие явиться на свет “homunculi”...* — см.: Гёте И.В. Фауст. II, 2, «У верховьев Пенея, как прежде». — *Ред.*]
...Фуйе, p. 217. — Fouillée A. Op. cit.; ср. 11 [137].
11 [148] Переработано летом 1888 г.
11 [150] Переработано летом 1888 г.
11 [160] *...по Бодлеру...* — Baudelaire C. Oeuvres posthumes et Correspondances inédites, précédées d’une étude biographique par E. Crépet. Paris, 1887, 109. О чтении

этой книги см. письмо Н. к П. Гасту от 26 февраля 1888 г. Ср.: Pestalozzi K. Nietzsches Baudelaire-Rezeption. Nietzsche-Studien, 7 (1978), 158–178.

11 [162] Baudelaire. Op. cit., 113.

11 [163] Ibid., 62.

11 [164] Ibid., 60 (Гораций. Послания, II, 2, 102).

11 [165] Ibid., 65.

11 [166] Ibid., 64.

11 [167] Ibid., 64 сл.

11 [168] Ibid., 107.

11 [169] Ibid., 99.

11 [170] Ibid., 105.

11 [171] Ibid., 71.

11 [172] Ibid., 71 сл., 106.

11 [173] Ibid., 72.

11 [174] Ibid., 73 сл.

11 [175] Ibid., 75.

11 [176] Ibid.

11 [177] Ibid.

11 [178] Ibid., 76.

11 [179] Ibid.

11 [180] Ibid., 76 сл.

11 [181] Ibid., 77.

11 [182] Ibid., 78.

11 [183] Ibid., 80.

11 [184] Ibid.

11 [185] Ibid.

[*...клокочущей в глубине...* – die im Grunde gronde: игра слов, немецкого и французского. – *А. Г.*]

11 [186] Ibid., 81.

Поэтическая гармония... – у Бодлера: harmonie politique (éd. Pichois, Paris, 1961).

11 [187] Ibid., 182.

11 [188] Ibid., 84.

11 [189] Ibid., 85.

11 [190] Ibid., 87.

11 [191] Ibid., 93.

11 [192] Ibid., 94.

11 [193] Ibid., 97.

11 [194] Ibid., 98.

11 [195] Ibid., 114.

11 [196] Ibid., 120.
11 [197] Ibid., 99.
11 [198] Ibid., 99 сл.
11 [199] Ibid., 101 сл.
11 [200] Ibid., 102.
[*Вольтер, или Антипоэт...* – в очерке Р.У. Эмерсона «Представители человечества» есть раздел «Поэт», но раздел «Антипоэт» отсутствует. – *Ред.*]
11 [201] Ibid.
11 [202] Ibid., 103.
11 [203] Ibid.
11 [204] Ibid., 104.
11 [205] Возможно, Baudelaire. Op. cit.
11 [206] Ibid., 106.
11 [207] Ibid.
11 [208] Ibid., 107.
11 [209] Ibid., 108.
11 [210] Ibid., 109.
11 [211] Ibid., 111 сл.
[*Наполеоном наследуется народ Луи Филиппа...* – речь идет о Наполеоне III. – *А. Г.*]
11 [212] Ibid., 112.
11 [213] Ibid., 113.
11 [214] Ibid., 114.
11 [215] Ibid., 115.
11 [216] Ibid., 116.
11 [217] Ibid., 117.
11 [218] Ibid.
11 [219] Ibid., 122.
[Измененная новозаветная цитата, см. 1 Кор. 13:1. – *А. Г.*]
11 [220] Ibid.
11 [221] Ibid.
11 [222] Ibid., 123.
11 [223] Ibid., 119.
11 [224] Ibid., 120.
11 [225] Возможно, Baudelaire. Op. cit.
[Парафраза Горация (Оды, III, 3, 8), у которого вместо ridens (смеющийся) фигурирует impavidus (неустрашимый). – *А. Г.*]

11 [230] Baudelaire. Op. cit., 233. Бодлер цитирует Стендаля в письме, содержащем его стихотворение о романе Ш. Сент-Бёва, см. 11 [232].

11 [231] Ibid., 231.
[*Жозеф Делорм* — псевдоним Ш. Сент-Бёва. — *Ред.*]

11 [232] Ibid., 236.
...*«Volupté»*... — роман Ш. Сент-Бёва (1834).

11 [233] Ibid., 87.

11 [234] Ibid., 88.

11 [235] *И свора ... кругам!...* — эта фраза не включена ни в 1-е (аф. 393), ни во 2-е изд. ВВ (аф. 748). В ней подразумевается А. Штёкер (о нем см. прим. к 14 [45]); ср. 10 [54], 10 [81], 11 [245], 14 [45].

11 [236] Ср. 1-е изд. (аф. 393) и 2-е изд. ВВ (аф. 748). Этим фрагментом открывается серия записей (11 [236–282]), возникших в результате чтения книги Л.Н.-Толстого «В чем моя вера?» (Ma religion par le comte Léon Tolstoi. Paris, 1885) [в переводе на французский Л.Д. Урусова, просмотренном автором. — *Ред.*] Составители обоих изд. ВВ постарались скрыть сам факт какого-либо влияния Толстого на Н.
[Из нижеследующих фрагментов видно, насколько непросто им пришлось. Записи Н. представляют собой либо французские цитаты, либо почти дословное немецкое изложение французского перевода, что неизбежно искажает русский текст, но именно текст, а не идеи Толстого. Поэтому в переводе этих фрагментов мы ориентировались в первую очередь на оригинал. Ссылки на русское издание книги приводятся лишь в случае сплошных цитат. — *А. Г.*]

11 [237] Слово *ressentiment* Н. мог встретить и во французском переводе книги Толстого, где говорится о «любомстительности». Ср.: Толстой Л.Н. В чем моя вера? СПб., 1912, с. 76. Впервые ressentiment упомянут в наследии Н. в тетради W I 8 (см. фр. 2 [171]). — *А. Г.*

11 [239] Опубл. без указ. источника как в 1-м (аф. 105), так и во 2-м изд. ВВ (аф. 207). Ср. Мф. 26:63–64.

11 [240] В 1-м изд. ВВ (аф. 106) воспроизведена верная композиция фрагмента, во 2-м изд. (аф. 179) ошибочная.

11 [241] Ср. 11 [259, 270].

11 [242] Ср.: Толстой Л.Н. В чем моя вера? СПб., 1912, с. 36.
11 [243] Опубл. без указ. источника как в 1-м (аф. 147), так и во 2-м изд. ВВ (аф. 191).
11 [244] Опубл. без указ. источника как в 1-м (аф. 147), так и во 2-м изд. ВВ (аф. 191).
11 [245] 1-е изд. ВВ (аф. 147), 2-е изд. ВВ (аф. 191); ср. 10 [54, 81], 11 [235].
11 [246] Ср. А, 29.
11 [249] Опубл. в GA, XIII, 324, 791, без указ. источника.
11 [252] Часть фрагмента включена во 2-е изд. ВВ (аф. 718), без указ. источника. Ср. Толстой. Указ. изд., с. 39.
11 [253] Ср. Толстой. Указ. изд., с. 41.
11 [254] Там же, с. 45. «*Что ... Богом*» — Лк. 16:15.
11 [256] Во 2-м изд. ВВ (аф. 194) опубл. как текст самого Н.
11 [257] Во 2-м изд. ВВ (аф. 168) опубл. как текст самого Н. [Настоящая цитата Н. из «Ma religion» Л.Н. Толстого относится к числу фрагментов с необычной судьбой. Как обнаружил автор этих строк, текст, составленный на основе фрагментов 11 [257, 281 сл., 294, 354, 356, 360, 365, 379] и 16 [87], Лев Толстой включил в антологию «Круг чтения» в качестве очерка Н. «Католицизм и христианство». (Название публикации было дано цензором «Круга чтения».) Этот очерк представляет собой отредактированные толстовцем Ф.А. Страховым выдержки из анонимного перевода ницшевской статьи «Критика высших ценностей. О происхождении религии», изданного в журнале Д.С. Мережковского «Новый путь» (1904, №9, с. 240–255). Согласно примечанию редакции, журнал получил «эту статью (еще не появившуюся в печати на немецком языке)» от Э. Фёрстер-Ницше при содействии М.Э. Прозора (русского «министра-резидента» в Ваймаре). О нем см.: Коренева М.Ю. Д.С. Мережковский и немецкая культура (Ницше и Гёте. Притяжение и отталкивание) // На рубеже XIX и XX веков: Из истории международных связей русской литературы. Л., 1991, с. 76; Азадовский К.М. Русские в «Архиве Ницше» // Фридрих Ницше и философия в России. СПб, 1999.

До сих пор оставалось неизвестным, что присланная в журнал «статья» была подборкой из готовив-

шегося тогда переработанного и дополненного издания ВВ, выпущенного в 1906 г. (в основном из главы «Критика религии», входящей в Книгу II: «Критика прежних высших ценностей»). Таким образом, это первая публикация отрывков из ВВ на русском языке. Подборка включает в себя полностью или в отрывках «афоризмы» из ВВ (135–137, 139, 1431–45, 1471–51, 154, 1581–63, 167 сл., 171 сл., 175, 185, 202, 205, 209, 2112–12, 217, 240, 252, 288, 677, 765), фр. 3 [13], 11 [87], 15 [21] и три фр. из KSA, 11: абзац из черновиков ТГЗ (31 [26]), а также 27 [79] и 31 [28]. Бульшая часть фрагментов, отобранных Л.Н. Толстым для «Круга чтения», – не оригинальный текст, но выписки Н. из книги «В чем моя вера?» или парафраз содержащихся в ней идей (11 [257, 281 сл., 354, 356, 360, 365, 379], 16 [87]). Понятно, что даже в такой форме изложения составитель альманаха увидел близость идей очерка к логике собственной мысли. 24 мая 1905 г. в разговоре об этой статье, названной тогда Толстым последним сочинениием Н., писатель заметил Д.П. Маковицкому: «Кто-то писал или говорил мне, что Ницше читал мои сочинения. Некоторые выражения прямо как будто у меня взяты...» (Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. В 90 тт. Т. 42, М., 1957, с. 622). Вот так случилось, что под именем «Фридрих Ницше» Толстой, не зная этого, опубликовал в обратном переводе с немецкого отрывки из своего собственного произведения.

Хотя публикация ницшевских конспектов книг Толстого (см. прим. к 11 [236]) и Достоевского (см. прим. к 11 [331]) сделала наглядной силу воздействия их идей на немецкого философа, объем этого воздействия пока не выявлен. Из сравнения конспектов и самих этих книг с поздними сочинениями и набросками Н. следует, что этот объем велик и что для читательского узнавания хорошо нам знакомых, но переодетых в мотивы позднего Н. и нередко поданных с другим знаком идей нужно в известной мере отразить лексику и стиль Л. Толстого и Ф. Достоевского в переводах ГМ, ГК и особенно А. – *Ред.*]

11 [258] 2-е изд. ВВ (аф. 723), без указ. источника.

11 [259] Ср. 11 [270], включено во 2-е изд. ВВ (аф. 759), без указ. источника.

11 [260] Во 2-м изд. ВВ (аф. 193) опубл. как текст Н.

11 [261] 2-е изд. ВВ (аф. 723), без указ. источника.

11 [262] В 1-м изд. (аф. 141) и 2-м (аф. 224) изд. ВВ опубл. как текст Н.

11 [263] В 1-м изд. (аф. 141) и 2-м (аф. 224) изд. ВВ опубл. как текст Н.

11 [267] В 1-м изд. (аф. 141) и 2-м (аф. 224) изд. ВВ опубл. без указ. источника.

11 [269] Ср. Толстой. Указ. изд., с. 88–89.

11 [270] Там же, с. 135–136.

11 [271] Там же, с. 137.

11 [272] Ср. 11 [301, 360].

11 [273] Ср. Толстой. Указ. изд., с. 192–193.

11 [274] Там же, с. 193.

11 [275] В 1-м изд. (аф. 131) и 2-м изд. ВВ (аф. 169) опубл. без указ. источника.
[*...рокового упрямца...* – вероятно, имеется в виду ап. Павел. – *А. Г.*]

11 [277] Как и в 11 [274], Н. называет автора изучаемой книги (Л.Н. Толстого), поэтому Архив Ницше скрыл эти выписки от читателя. Ср. Толстой. Указ. изд., с. 192, 186 сл.

11 [278] Во 2-м изд. ВВ (аф. 335) опубл. без указ. источника.

11 [279] В 1-м (аф. 103) и во 2-м изд. ВВ (аф. 166) опубл. без указ. источника

11 [280] Ср. А, 27.

11 [281] Подобные мысли об ап. Павле высказывает в своей книге Л.Н. Толстой.

11 [282] Ср. 11 [281].
[*Дисангелие* (*греч.*) – дурная весть. – *Ред.*]

11 [284] Источник цитаты неизвестен. Возможно, книга Ю. Вельхаузена, упомянутая в след. прим.

11 [287] См.: Wellhausen J. Skizzen und Vorarbeiten. III: Reste arabischen Heidenthumes. Berlin, 1887, 218 (БН). Термины, выделенные Н. в данном фрагменте, он подчеркнул и в книге Ю. Вельхаузена. Этот источник не указан во 2-м изд. ВВ (352) – текст приписан в нем самому Н.

11 [288] Wellhausen. Op. cit., 216.
11 [289] Ibid., 217.
[*Ева — это змея...* — в Библии имя праматери этимологизируется как «жизнь, живущая»; научная этимология сопоставляет его с арамейским «хевъя»: змея. — *А. Г.*]
11 [290] Ibid., 215 сл.
11 [291] Ibid., 215.
11 [292] Ibid., 119 сл., 122.
...плотью... — у Вельхаузена: едой.
11 [293] Ibid., 120–122.
11 [294] *Попытка ... понятиями.* — Этот отрывок опирается на книгу Ю. Вельхаузена, о чем умалчивают как 1-е (аф. 130), так и 2-е (аф. 195) изд. ВВ.
11 [295] Идеи фрагмента навеяны чтением Толстого и Вельхаузена: оба источника не упомянуты в 1-м (аф. 128) и 2-м (аф. 170, 196) изд. ВВ.
11 [296] Выписки из: Journal des Goncourt. I: 1851–1861. Paris, 1887, 394–395, 394, 393, 392 (ср. Сентенции, 6), 388, 387 (ср. Сентенции, 14), 386, 382, 382, 378, 377, 373, 374, 369, 358, 21, 21, 60, 63, 61–62, 97, 99–100, 104, 126, 128, 133, 135, 137 сл., 147, 150, 158, 164, 187, 195, 197, 228, 234, 234, 279 сл., 283, 291, 295, 307, 314, 319, 324, 346. Отсылки соответствуют последовательности абзацев фрагмента, источник шестого абзаца не выявлен.
[*Жубер* Жозеф (1754–1824) — французский моралист; *Неккер* Сюзанна (1739–1794) — французская писательница; *Дестют де Траси* Антуан Луи Клод (1754–1836) — французский философ и экономист; *Жуффруа* Теодор (1796–1842) французский философ. *Герен* Морис де (1810–1839) — французский поэт. — *Ред.*
Риги — гора на берегу Люцернского озера. — *А. Г.*]
11 [297] *...переудобрением...* — Superfötation, собственно: «суперфетация», «сверхоплодотворение». По Плинию Старшему, зачатие самкой второго плода от другого самца — или просто занятие, которому посвящают свое время кролики (pariunt et superfetant sicut lepores, Hist. nat., X, LXXXIII, 179). Перевод «переудобрение» — по контексту. — *А. Г.*

11 [301] *...проклятие смоковницы...* — ср. 11 [272, 360].
11 [302] *...le siucle de l'irrespect...* — Journal des Goncourt. I, 63.
11 [303] *...переудобрение...* — Hyperfötation: неологизм Н. То же, что Superfötation (см. выше). — *А. Г.*
11 [304] Ср.: Constant B. Quelques réflections sur le théatre allemand. Paris-Genève, 1809, XLIX.
[Полный пер. статьи Констана см. в изд.: Эстетика раннего французского романтизма. М., 1982, *Тэкла* — героиня трилогии Ф. Шиллера «Валленштейн», дочь полководца. — *А. Г.*]
11 [305] Ibid., XLIV.
[Подробнее см.: Эстетика раннего французского романтизма, с. 273. — *А. Г.*]
11 [306] Ibid., XXXIV–XXXVI, XXXVIII.
[*Правило единств* требовало соблюдения единства действия, времени и места в художественном произведении. — *Ред.*]
11 [307] Возможно, из Б. Констана.
11 [308] Constant B. Adolphe, Réponse a l'Éditeur // Oeuvres. Paris 1964, 83.
11 [309] Ibid.
11 [311] Constant B. Quelques reflections..., XXXVIII–XL.
11 [312] Заметки вызваны чтением Констана.
11 [314] Ср. CB, 5.
11 [315] *...сколько «Тэклы»...* — см. 11 [304].
...le ténébreux 1830. — Ср. Journal des Goncourt. I, 319.
11 [321] *...Поль Бурже.* — См.: Bourget P. Essais de psychologie contemporaine. Paris, 1883, 25. Ср. KSA, 10, 24 [6], 646, 18; CB, 7.
11 [323] Ср. CB.
11 [331] Выдержки из: Dostoïewsky T. Les Possédés (Bési). Traduit du russe par Victor Derély. Paris, 1886.
[«Бесов» Ф.М. Достоевского Н. читал во французском переводе, однако свои выписки из романа делал уже, в основном, по-немецки. Мы восстанавливаем эти цитаты по русскому оригиналу, хотя и не всегда дословно, учитывая их включенность в ницшевский текст. — Ср.: Достоевский Ф.М. Соч. В 15 тт. Т. 7, М., 1990, с. 629–630, 632. — *А. Г.*]
11 [332] *«Достойнейшие ... человека»...* — Гёте И.В. Собр. соч. В 10 тт. Т. 7, М., 1978, с. 332.

11 [333] По Ф.М. Достоевскому.
11 [334] Достоевский. Указ. изд., т. 7, с. 573-577.
11 [335] Навеяно «Бесами» Достоевского.
11 [336] Ср. там же, с. 576 сл.
[В выписках по-немецки из французского перевода романа «Своеволие» переосмысляется Н. как Unabhängigkeit: независимость, реже как Freiheit: свобода. – *А. Г.*]
11 [337] Ср. там же, с. 550.
[Эта выписка цитируется П. Слотердейком в его статье «Мыслитель на сцене» (1986; пер. в кн.: Ницше Ф. Рождение трагедии. [М.], 2001, с. 674.) как мысль самого Н. – *А. Г.*]
11 [338] По Ф.М. Достоевскому.
11 [339] По Ф.М. Достоевскому.
11 [340] Ср. Достоевский. Указ. изд., с. 430 сл.
[Начало цитируется весьма вольно. – *А. Г.*]
11 [341] Ср. там же, с. 392-396.
[Во французском тексте «шигалевщина» везде переводится как «социализм», «развитый» часто передается понятием «просвещенный»; наконец, Кармазинова заменяет его предполагаемый прототип Тургенев. – *А. Г.* Эти особенности, перекочевавшие в ницшевский конспект, отражены в приведенных во фрагменте отрывках из романа. – *Ред.*]
11 [342] Контекст не выявлен.
11 [343] Источник цитаты неизвестен.
11 [344] Ср. там же, с. 196 сл.
[*...стоицизм...* – у Достоевского: стойкость. – *А. Г.*]
11 [345] Ср. там же, с. 237.
11 [346] Ср. там же, с. 238 сл. Ср. А, 16.
11 [347] Ср. там же, с. 239.
11 [348] Ср. там же, с. 240.
11 [349] Ср. там же, с. 242.
11 [350] Ср. там же, с. 251.
11 [351] Ср. там же.
11 [352] Источник цитаты неизвестен.
11 [354] Ср. А, 34, 35.
11 [355] Ср. А, 34.
11 [356] По сочинению Л.Н. Толстого «В чем моя вера?». [Ср. А, 37. – *Ред.*]

11 [357] Ср. А, 33.
11 [358] Ср. А, 36.
11 [360] Во фрагменте снова цитируется «В чем моя вера?».
Так ... Отца моего небесного. — Ср. Мф. 5:16.
...«берегитесь ... волки хищные»? — Ср. Мф. 7:15.
...смоковница... — Ср. 11 [272, 301].
«Не бывает ... в доме своем»... — Мф. 13:57.
11 [361] Ср. А, 7.
11 [364] По сочинению Л.Н. Толстого «В чем моя вера?». Ср. 11 [269, 273].
11 [365] По названному сочинению Л.Н. Толстого и «Бесам» Ф.М. Достоевского; ср. 11 [337].
11 [368] Фрагмент (с небольшими изменениями) включен Н. в 32-ю главу А. Чтобы можно было сравнить обе редакции, перевод фрагмента приближен к переводу названной главы в изд.: Ницше Ф. Антихристианин: Опыт критики христианства. Пер. А.В. Михайлова // Сумерки богов. М., 1989. — *Ред.*
11 [369] Перевод приближен к переводу А.В. Михайлова. Ср. А, 31 сл. — *Ред.*
11 [377] Ср.: Wellhausen J. Prolegomena zur Geschichte Israels. Zweite Ausgabe der Geschichte Istaels. Berlin, 1883, I, 437–451 (бН).
11 [378] [Перевод приближен к переводу А.В. Михайлова. — *Ред.*] Ср. А 31, 35, 40–42.
11 [379] По «Бесам» Ф.М. Достоевского.
[Первая часть фрагмента — парафраз идей из указанного сочинения Л.Н. Толстого. — *Ред.*]
11 [380] По Достоевскому.
11 [382] Здесь и далее Н. цитирует по-французски либо в своем переводе кн.: Renan E. Vie de Jésus. [Русский текст соответствующих отрывков учитывает или воспроизводит с небольшими изменениями перевод Е. Святловского по изд.: Ренан Э. Жизнь Иисуса. М., 1991 (для настоящего фрагмента ср. с. 17, 31 сл., 34). — *А. Г.*]
11 [384] *Юдаин* — неологизм, заимствованный Н. у П. де Лагарда.
11 [385] Ср. Ренан. Указ. изд., с. 238, 258, 228.
11 [386] См. там же, с. 227.

11 [387] К сноске: см. там же, с. 227 сл.
11 [388] См. там же, с. 181.
11 [389] См. там же, с. 180.
11 [390] См. там же, с. 149. — *А. Г.*
11 [391] См. там же, с. 94. — *А. Г.*
11 [392] *среди нас* — unter uns (так у Н.). Цитирование неточное: обратный перевод с французского. — *А. Г.*
11 [395] См. там же, с. 169 и др. — *А. Г.*
11 [396] См. там же, с. 174. — *А. Г.*
11 [397] См. там же, с. 285.
11 [398] К сноске: см. там же, с. 286.
11 [399] См. там же, с. 286.
11 [400] См. там же, с. 287, 292, 288.
11 [401] См. там же, с. 290.
[*...этизии ...(фтизии?).* — Оба термина обозначают «истощение», но второй, добавленный в ренановский текст Н., — специально туберкулезное истощение. — *А. Г.*]
11 [402] К сноске: см. там же, с. 289. Ср. СВ, 3.
11 [403] Ср. Ренан. Указ. изд., с. 290.
11 [404] См. там же, с. 292 сл.
11 [405] См. там же, с. 147 сл., ср. ЗПДЗ, 195.
11 [408] Ср. А, 5.
11 [409] Ср. Экскурсы, 1.
11 [410] Ср. Сентенции, 26, 9 [188].
11 [411] Ср. 11 [119].
Великие предметы ... души. — Ср.: Ницше Ф. Стихотворения. Философская проза. СПб., 1993, с. 80.
11 [413] Ср. А, 3–4.
11 [414] Ср. А, 2–3.
11 [415] Ср. 14 [14, 15, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 36].
...этой книги... — речь идет о РТ.
11 [416] Внесено в тетрадь поздним летом 1888 г.
[*...антихристианин...* — *нем.* der Antichrist. Слово это имеет и второй смысл: христианский символ Антихриста (отождествляется с лжехристом, зверем, имя которого зашифровано в Откр. 13:18) или одного из антихристов (учителей, отвергающих Христа: 2 Ин. 7). Поэтому после выхода в свет книги под указанным названием многие прочитывали в нем претен-

зию автора на роль Антихриста. Об этом же как будто «проговаривается» и подсознание самого философа — сперва иронично (в связи с созданным им лирическим героем — антихристианином Заратуштрой; см. письма 1883 г.: к М. фон Майзенбуг от 3–4 апреля, к П. Гасту и Ф. Овербеку от 26 августа), а затем и зловеще (в последних письмах, в СЧ и в «Законе против христианства», сочиненном от имени некого «антихриста». Правда, тогда же из мрака болезни он называет себя Буддой, Распятым, и... каждым именем в истории). Одни современники видели в Н. жертву овладевших его душой демонических сил, другие, напротив, фаустовскую натуру, сначала вобравшую в себя метафизический образ Антихриста, а затем победившую (исторгнувшую) его путем безумия (согласно Вл. Соловьеву: «Этим он доказал искренность и благородство своей натуры, и, наверное, спас свою душу»).

Здесь не место затрагивать эту загадочную проблему (см. ее точный анализ, проведенный К.А. Свасьяном с учетом исследований Р. Штайнера и философии М. Штирнера: Ницше Ф. Сочинения. В 2 тт. М., 1990. Т. 1, с. 22–34, 802 сл., т. 2, с. 799–806; Свасьян К. Ницше: Две вариации на одну судьбу. Ереван, 1999, с. 71 сл., 105 сл., 116 сл., 123–134), но в связи с настоящим изданием ницшевских черновиков следует отделить то или иное ее разрешение от вопроса о смысле немецкого заглавия и пересмотреть передачу последнего в форме «Антихрист». Этот перевод-символ, появившийся более ста лет назад и принятый рядом философов русского религиозного ренессанса, вновь возродился в русской ницшеане конца прошлого века. С одной стороны, такой вариант возник как трактовка идей Н., оправданно заостренная против клерикализма, но, с другой, он метил и в автора, толкая широкую публику к наивному, мифологизированному восприятию конкретной личности. На сегодняшний день сохранять в названии трактата *религиозный* образ «я» Ницше-ученого («Антихрист») за счет его *научно-мировоззренческого* образа («анти-

христианин») было бы плодотворным лишь в том случае, если бы вместо критики церковного христианства в книге изучался миф о «князе тьмы» или связанные с ним явления (скажем, как в современном Н. сочинении Ренана «Антихрист»). В черновиках и в самом философском «памфлете» Н. выдвигает теорию психологического типа евангельского образа Иисуса и выводит из нее логические следствия. Но вопреки переводу «Антихрист» мы не найдем здесь ни анализа проблемы Антихриста, ни постановки подобной задачи (слово Antichrist встречается в книге только дважды и обозначает обычных антихристиан). А раз работа не на эту тему, то и ее заглавие называет не персонификацию зла, а одну из исследовательских позиций философа-нонконформиста, изведавшего переоценку культурных ценностей Запада. Поиски формулировки этой позиции отражены также во фр. 19 [8], 22 [14, 24] и некоторых письмах ученого. Другим полемическим позициям (имморалист, вольнодумец, Дионис-философ) Н. думал посвятить остальные книги, перечисленные в настоящем фрагменте. Они так и не были написаны — сочинение, о котором идет речь, стало предпоследним. В его беловой рукописи два титульных листа. За первой редакцией заглавия: «Антихристианин / Опыт критики христианства / Первая книга / переоценки всех ценностей» — следует окончательная редакция: «Антихристианин / [Переоценка всех ценностей] / Проклятие христианству». Подзаголовок в квадратных скобках был зачеркнут рукою автора (KSA, 14, 434f.). Таким образом, какой бы мистический опыт ни стоял за написанием этого произведения (пусть в своей частной жизни Н. и примерял демонические маски), это не должно препятствовать нашему пониманию научного жанра книги и выбору точного эквивалента ее названия, выражающего понятие «антихристианин». Другое дело, что, как нередко бывает у Н., это название многослойно и в нем, в частности, различим и личностный обертон «Антихрист». Разобраться в этой смыс-

ловой перекличке — общая задача переводчика и читателя, исследователя и комментатора. — *Ред.*]

11 [417] Внесено в тетрадь поздним летом 1888 г.

12. Начало 1888

Из тетради W II 4

12 [1] Перечень пронумерованных автором заголовков для фрагментов из тетрадей W II 1 (9-я группа афоризмов), W II 2 (10-я группа) и W II 3 (11-я группа). Римские цифры отсылают к плану в 12 [2]. Ср. KSA, 14, 392.

13. Начало 1888 — весна 1888

Из тетради Z II 3b

13 [3] Ср. следующий фрагмент, в котором перечисленные здесь темы сгруппированы в четыре раздела, по три главы в каждом.

13 [4] Ср. 13 [3]. Один из планов ВВ. Разбивка исследования на четыре книги (обозначенные здесь литерами A, B, C, D) встречаются почти во всех версиях плана.

13 [5] Ср. 9 [172], а также KSA, 11, 32 [22] (начало 1888 г.)

14. Начало 1888

Из тетради W II 5

14 [2] «*чем мы ... несчастней*» — ср.: Шопенгауэр А. Parerga 1, 358 (бН).

14 [5] Ср. 15 [10]. *...по Паскалю...* — возможно по: Pascal B. Pensées (ed. Brunschvicg), n. 109. Ср. также 15 [89].

14 [14] Фрагмент открывает ряд размышлений Н. о РТ, достигающих своей высшей точки в 17 [3].

14 [19] ... *«Что бы ... нам»*... — Ницше Ф. Рождение трагедии. [М., 2001], с. 185, 59.

14 [20] ... *«наимучительнейшее ... коварных карликов»*. — Там же, с. 213, 59.

14 [21] ... *«искусство ... метафизическая деятельность»*... — см. там же, с. 64, 55 сл.

14 [22] ...*предисловия*. — Речь идет о предисловии 1886 г. («Опыт самокритики»).

14 [24] ...*удовольствие ... нежели боль*... — ср.: ТГЗ, III, «Другая песня-пляска».

14 [27] ...*когда орудие ... самого себя»*... — подобную критику кантовской теории познания Н. проводит не раз в ЗПДЗ и во фрагментах, относящихся ко времени ее написания.

14 [29] Ср. Экскурсы, 33.

14 [30] Ср. 11 [156].

14 [34] Ср. СВ, 9, Примечание, а также KSA, 8, 23 [74] (зима 1876–1877 гг.).

14 [35] Ср. ГК, «Чем я обязан древним», 4.

Лобек Кристиан Август (1781–1860) — немецкий филолог-классик. Речь идет о кн.: Lobeck C.A. Aglaophamus, sive Theologiae mysticae Graecorum causis (1829). Н. знал это исследование уже в 1868 г.

14 [38] Перевод фрагмента приближен к указ. пер. А.В. Михайлова (см. 11 [368]). Ср. А, 29, 32. — *Ред.*

14 [41] Ср. Экскурсы, 2.

14 [42] Ср. 11 [88].

14 [43] Ср. 11 [85].

14 [45] ...*придворных проповедников*... — подразумевается Адольф Штёкер (1835–1909), богослов, вождь Христианско-социалистической партии и проповедник при берлинском дворе.

... *«носится»* ... *«дух»*... — ср. Бытие 1:2.

14 [46] Ср. ГК, «Чем я обязан древним», 4.

14 [48] Ср. 10 [147].

14 [50] Набросок для СВ.

14 [51] Первый вариант титула для СВ.

14 [52] Заметки для СВ.

«Императорский марш» написан Р. Вагнером в 1871 г. после основания Германской империи.

...Спасителю — спасенье!.. — [последние слова вагнеровского «Парсифаля». — *Ред.*] Ср. СВ, «Прибавление», а также письмо Н. к П. Гасту, 11 августа 1888 г.

14 [56] *...разъяснения Тальма.* — Ср. 11 [62]; 12 [1], 327.

14 [57] Ср. А, 41–42.

Доказательство от силы... — ср. 1 Кор. 2:4. [В греческом оригинале: ἐν ἀποδείξει πνεύματος καὶ δυνάμεως. Апостол имеет в виду не доказательство в логическом смысле, а «предъявление» духа и силы путем рассказа о них, «свидетельствование духа и силы» (по-гречески «апóдейксис» значит не только «доказательство», но и «рассказ, повествование, свидетельство»; немецкая Библия употребляет тут не «Beweis», как запомнилось Н., а «Beweisung»; латинский перевод критического места точен — *ostensio*, «показ»). Русский синодальный перевод — «в явлении духа и силы» — также точен, если подразумевать в слове «явление» смысл «явить (кому — что), показать». Н. вообще часто приводит это выражение, всегда понимая его неправильно (в А, 50 он, что-то заподозрив, даже добавляет «если я не ослышался»). То же выражение — в 15 [46] и 15 [74]. — *В.Б.*]

...по плодам ее... — ср. Мф. 7:16.

14 [58] Ср. 14 [132].

14 [59] *Утрата чувственной конкретности* — см. ЧСЧ, 217. — *Ред.*

14 [60] Ср. А, 51.

14 [61] *Я уже и раньше затрагивал...* — ЧСЧ, 219. — *Ред.*

14 [62] *...у каждого найдутся...* — ср. афоризм Ж. Санд: «У каждого найдутся изъяны в его добродетели». — *А. Г.*

14 [63] Ср. 15 [6], §7; 15 [15, 9]. *...Кляйст уже предоставил...* — подразумевается его драма «Пентесилея»; ср. также 16 [48].

14 [64] *...Герцен утверждает...* — о «Былом и думах» Н. узнал от Мальвиды фон Майзенбуг (1816–1903, писательница, хорошая знакомая Герцена и Вагнера); ср. письма Н. к ней от 2 августа 1872 г.

14 [65] *Клод Бернар.* — См.: Bernard C. Leçons sur la chaleur animale. Paris, 1876.

14 [70] Ср. А, 1.

14 [76] Ср. 14 [57] и прим.

14 [79] *...mezzo termine...* – это выражение Н. встретил, возможно, у Стендаля.
[К сноске. *Средний термин* – понятие из аристотелевского учения о выводе. – *Ред.*]

14 [83] *...дисгрегацию...* – здесь: рассредоточенность.
...адиафорию... – безразличие – понятие античной философии (Плутарх, Секст Эмпирик). – *В. Б.*

14 [84] *...увлеченность «игрой»...* – ср. ЧСЧ, 618.

14 [85] Пиррон входит в круг размышлений Н. в связи с чтением кн.: Brochard V. Les sceptiques grecs. Paris, 1887 (БН). Цитата из этого исследования приведена в СЧ, «Почему я так умен», 3. Пиррон упомянут в 14 [100, 149, 162, 191]. О скептиках вообще см. А, 12 и СЧ, там же.

14 [86] *...самонадеянных «реакций»* – видимо, попыток «лечения» декаданса, о которых Н. говорит выше. – *В. Б.*

14 [89] Прежде фрагмент относили ко времени работы над ЗПДЗ (1885–1886). Ошибочная датировка опиралась на опечатку в GA, XVI. [*Встречное движение* – т.е. движение во встречном, противоположном направлении. – *В. Б.*]

14 [90] Ср. Экскурсы, 9 и А, 31.

14 [91] Ср. А, 20–23.

14 [92] Ср. ГК, «Проблема Сократа».
[*...изворотливостью ума...* – die Klugheit (*нем.*). Этот термин здесь и далее передан также понятиями «рассудительность», «рассудочность» или «благоразумие». – *Ред.*]
[*...вид агона...* – состязательности, одной из основных мировоззренческих установок древних греков.
...повторное оплодотворение... – суперфетация. Смысл этой шутки: Сократ форсировал, чрезмерно напряг логику и тем изуродовал ее. Дело в том, что в античности повторное оплодотворение считалось причиной уродства родившейся после него особи. См.: Аристотель. О происхождении животных IV, 4 (в связи с учением Демокрита). – *В. Б.*]

14 [94] *...занимался политикой будущего...* – Н. имеет в виду социальную утопию Платона. – *В. Б.*

14 [96] Ср. А, 51.

14 [97] *...Гельвеций развивает перед нами ту мысль...* — в трактате «О человеке» (гл. 7). — *Ред.*

14 [99] Ср. 14 [85].

14 [100] Ср. 14 [85]. О Пирроне ср. Brochard. Op. cit., 51–76.

14 [103] Ср. ГК, «Как “истинный мир” стал наконец пустым звуком».

14 [105] *...сущность видимости...* — т.е. иллюзорный характер моральных ценностей. — *В. Б.*

14 [106] Ср.: Jacolliot L. Les législateurs religieux. Manou — Moïse — Mahomet. Paris, 1876, 75–81 (бН).

[*...произошло с мудрым Вастой...* — этот анекдот взят Н. из «Законов Ману». — *В. Б.*]

Готы — описка Н., объясняемая его саксонским выговором («г» вместо «к»): надо «Коты».

14 [107] *...психологией философов...* — психологией философствования вообще, а не психологией отдельных философов. — *В. Б.*

14 [108] Ср. 11 [54].

14 [110] Ср. 15 [120].

14 [112] Ср. 10 [200], А 45.

14 [113] Ср. ГК, «Четыре великих заблуждения».

...вопреки всему ... что он есть... — часто цитируемое Н. изречение Пиндара (Пифийские песни, II, 72).

[*...с капиталом хороших инстинктов...* — мысль, не чуждая Гёте; ср., например, его сентенцию о природе (фрагмент «Природа», 1783): «Всё — ее вина, всё — ее заслуга». — *В. Б.*]

14 [116] *...греческая культура ... Фукидида.* — Ср. KSA, 8, 31 [4] (лето 1878 г.).

14 [117] Ср. 14 [120].

[*...«беспредельность в груди»...* — ср.: Гёте И.В. Фауст. I, «Пролог в театре»: «Не та ль гармония, что в сердце он лелеет, / Которою, творя, объемлет он весь свет?» (пер. Н.А. Холодковского). — *В. Б.*]

Бейль ... жрец... — Ср. варианты в прим. к 23 [2].

14 [119] Ср. Экскурсы, 19 сл.

[*...тонически...* — это слово Н. здесь употребляет в значении, идущем прямо от основного значения греческого слова tonos — «напряжение», так что, в сущ-

ности, «тонически» тут значит (с обертоном второго значения этого слова («натяжение <струны>»): «мобилизующе и гармонизирующе». — *В. Б.*]

...как считает Ш. Фере... — см.: Féré C. Dégénéréscence et criminalité. Paris, 1888 (бН). Ср. 14 [172, 181], 15 [37, 40], 17 [9].

[Фере Шарль-Самсон (1852–1907) — невропатолог и терапевт в клинике Ж.-М. Шарко.

...слепого воспроизведения... — ср. 17 [9], № 11. — *В. Б.*]

14 [120] Ср. 14 [117], 17 [5].

...l'art pour l'art... — ср. Экскурсы, 24.

14 [123] *...les humbles...* — подразумевается выражение Э. Ренана «l'évangile des humbles» (евангелие смиренных); ср. Экскурсы, 2, а также 11 [405] и ГК, «Улучшители человечества», 4.

14 [128] *...<любая> степень сознательности...* — связь понятий совершенства и бессознательности была к тому времени не нова в литературе. Н., к примеру, мог читать (и, видимо, читал) небольшое эссе Г. Кляйста (1777–1811) «О театре марионеток». Только для Кляйста (как позднее для Рильке, тоже усвоившего эту идею писателя-романтика) совершенство воплощается 1) в абсолютном сознании (Бог, ангел) и 2) в абсолютной бессознательности (кукла, животное). — *В. Б.*

14 [130] *«мы становимся ... любви».* — Неточное воспроизведение 1 Ин. 3:1.

14 [134] *...наш нос ... спектроскоп.* — Ср. ГК «Разум» в философии 3. *Цирцея философов* — метафорическое обозначение морали у Н. (с 1886 г.).

14 [138] *Моралин* — неологизм, образованный Н. по образцу термина «юдаин» у П. де Лагарда (см.: Andler C. Nietzsche. Sa vie, sa pensée. Paris, 1958, I, 486); ср. 11 [43, 414], 15 [120], А, 2.

14 [147] На фрагмент повлияло чтение книги лекций Я. Буркхардта «История греческой культуры»; ср. KSA, 8, 5 [100, 127] (весна и лето 1875 г.).

Гроут Джордж (1794–1871) — английский филолог, историк, политический деятель. Н. располагал немецким переводом его «Истории Греции» (6 Bde., Leipzig, 1850–1856).

14 [148] *Парменид сказал...* – ср.: Парменид. Фрагменты (О природе), 2, 7; 8, 35–36 // Фрагменты ранних греческих философов. I. М., 1989.

14 [149] Ср. Brochard. Op. cit., 79 (бН).

14 [150] Brochard. Op. cit., 64, 73, 109, 413.

14 [151] ... *«ветхий человек»...* – выражение из Нового Завета, ср. Еф. 4:22.

14 [153] Ср. 14 [103].

14 [155] *Митчелл* Сайлас Уир (1829–1914) – американский врач и писатель, его соч. вышло в нем. переводе: Mitchell S.W. Die Behandlung gewisser Formen von Neurasthenie und Hysterie. Berlin, 1887; ср. ГМ, «Рассмотрение первое», 6.

Преступники ... несломленными... – ср. Экскурсы, 45.

14 [157] ... *«душ в груди одной»...* – ср.: Гёте И.В. Фауст. I, 2.

14 [159] Ср. А, 54 сл. ...*мое Чсч...* – ЧСЧ, 483.

[...*доказательство от силы...* – см. прим. к 14 [57]. – *Ред.*]

14 [160] Ср. А, 53.

14 [162] Ср. Brochard. Op. cit., 70. Н. намекает здесь на свои отношения с сестрой. Этот фрагмент был исключен из обоих изд. ВВ.

[Строка *«сестра! сестра! Как страшно это звучит!»* пародирует строку из «Фауста» Гёте (II, 1, «Мрачная галерея»). – *В. Б.*].

14 [163] ... *«Если один...».* – Обыгрывается место из Мф. 5:29–30.

... *«святой невинности»...* – Unschuld vom Lande (букв.: «деревенская простушка», *нем.*). – *В. Б.*

14 [165] ...*как сказал поэт.* – Гёте в балладе «Рыбак».

[Но ницшевский «тот» (Вагнер) – это у Гёте «та» (русалка, затянувшая рыбака под воду: «И тянет та, и тонет сам, / И вот уж нет его» (*пер. В.Бакусева*). – *В. Б.*]

14 [166] Ср. письмо к Р. фон Зайдлицу (Турин, 13 мая 1888 г.).

14 [168] Ср. 14 [103]. *Дело вот в чем ... отвращение...* – на эту мысль повлияли «Бесы» Ф.М. Достоевского; ср. панславистские рассуждения одного из героев романа в 11 [346].

14 [169] ...*возвращающиеся.* – Можно предположить, что это слово имеет отношение к концепции вечного возвращения. – *В. Б.*

14 [172] Ср. A, 51.
Féré p. 123. — Féré. Op. cit.; ср. 14 [119].
14 [174] *Возьмем ... сильнее.* — Ср. 9 [151].
14 [175] *...Ману говорит...* — ср. Jacolliot. Op. cit., 464.
[*Сварга* — в индуизме — рай, обиталище полубогов материального мира. — *В. Б.*]
14 [176] Ср. Jacolliot. Op. cit., 446.
[*Двиджа* — человек, родившийся в семье брахмана, но не обладающий его качествами. — *В. Б.*]
14 [177] Jacolliot. Op. cit., 445.
14 [178] Op. cit., 446, 448, 450.
14 [181] *...folie circulaire...* — см. 14 [172].
14 [182] *...экстравагантных сумасбродов...* — т. е. маргиналов «хорошего общества» — болезненных чудаков, авантюристов, артистов и т. п.
...mediocritas ... aurea... — игра слов: aurea mediocritas (*лат.*) — «золотая середина», суть идеологии Кесаря Августа, выраженная Горацием. Август делал ставку как раз на средние слои тогдашнего общества — мелких и средних земле- и рабовладельцев, производивших товары и торговавших ими (многие из них вели и банковские операции). — *В. Б.*
14 [184] Ср. прим. к 14 [103].
14 [185] *«Пресмыкайся ... путями».* — См. Быт. 1. — *В. Б.*
14 [187] *...субстанциальной потери!* — Т.е. разницы в атомном весе. — *В. Б.*
14 [188] Ср. фрагменты, посвященные идее вечного возвращения, особенно 11 группу в KSA, 9 (лето 1881 г.).
...бесконечного progressus... — в обоих изд. BB (соотв. аф. 384 и 1066) напечатано ошибочно (и абсурдно): «конечного».
...милейший господин Дюринг!... — Ср. письмо Н. к П. Гасту от 23 июля 1885 г.
14 [190] По: Jacolliot. Op. cit., 114–120.
14 [196] *...как написано у Ману...* — во 2-м изд. BB (аф. 716) далее следует цитата, вставленная П. Гастом: «Во всех граничащих с нами странах, равно как и в их союзниках, мы должны видеть врагов. По той же опять-таки причине их соседей мы должны считать друзьями» (по: Jacolliot. Op. cit., 275).

...говорит об этом Ману... — далее во 2-м изд. также следует вставленная П. Гастом цитата: «Собственной силой добродетели утвердиться трудно. То, что удерживает человека в рамках, предоставляя каждому спокойно пользоваться своим достоянием, — это, в сущности, всего лишь страх перед наказанием» (Op. cit., 252).

14[198] *«Для Бога ... невозможного»...* — Лк. 1:37.
«У благовестия ... вед» — ср. Jacolliot. Op. cit., 455–456.
[*джати* — здесь: член благородной касты. — *Ред.*]

14[200] *...борьба с алкоголизмом...* — здесь и во фр. [202] Н. ссылается на указ. книгу Жаколио.

14[202] Ср. А, 56.

14[203] *Брахман* — не представитель жреческой касты, а безличное вселенское начало. — *В. Б.*

14[206] *...генуэзский режим...* — Н. намекает на образ жизни, который он вел в Генуе, особенно зимой 1880–1881 и 1881–1882 гг.

14[207] Ср. 15 [44], 18 [3].

14[212] Jacolliot. Op. cit., 315 sq., 334.
[*...он должен...* — видимо, правитель или судья. — *В. Б.*]

14[213] Ср. А, 57.

14[214] Jacolliot. Op. cit., 312. Ср. Экскурсы, 5, а также 10 [63].

14[216] *«Любой ... благое».* — Jacolliot. Op. cit., 402.

14[216] *...«одно только нужно»...* — Лк. 10:42.

14[222] Ср. 15 [34, 35].
[*Майнлендер* — это Филипп Батц (1841–1876), немецкий философ, писавший под псевдонимом Филипп Майнлендер. — *Ред.*]

14[227] Ср. 17 [8].

15. Весна 1888

Из тетради W II 6a

15[2] Ср. А, 3 и 15 [120], § 2.

15[3] Ср. 23 [1], 10 [100].

15[4] В рукописи есть следующая, зачеркнутая ранняя редакция: «Проституцию отменить нельзя — более того,

ее отмена была бы даже нежелательна. Стало быть — надеюсь, понятно, что значит это «стало быть», — ее надо было *облагородить* (это значит — в первую очередь узаконить и в какой-то степени придать ей почтенный вид). — Но отношение к ней — и на словах, и на деле — прямо противоположное: в итоге то, что всегда было презренным, презирается и сейчас. — Во всем мире проституция — вещь невинная и простая, какой она и была почти во все времена. И только у нас под давлением европейско-христианской культуры лжи позор проник в самый характер девицы: она презирает самое себя, для чего нет решительно никаких оснований. — А, кстати, почему это самый отвратительный вид fille canaille, какой только процветает в Европе, должен процветать как раз в Германии и именно на берлинской почве? Что это за привилегия такая у столицы новой германской империи — делать гулящими девками именно девиц?.. Что же, изолганность христианской культуры Европы достигает своих вершин именно в Берлине?.. Даже брак очень долгое время имел союзницей нечистую совесть: так что ж, надо было с нею согласиться? Да, с нею пришлось согласиться...» Ср. 11 [91], 15[118]

15 [5] *Что существует...* — этому чтению приходится допустить описку Н.: Was вместо Daß, а также, что фраза незакончена (отточие в конце; вероятно, она должна была продолжаться примерно так: «.., об этом...»). Другому возможному чтению — «Что такое страх перед чувствами и страстью...» приходится допустить большее — что автор отнес глагол ist в конец фразы и ошибочно подчеркнул его (вместо того, чтобы подчеркнуть Was). — *В. Б.*

15 [6] Первые связные наброски для СВ.

К § 1: *...слух ... понимать!..* — Ср. Мф. 11:15.

к проблеме «Вагнер» ... к примеру. — Ср. письмо Н. к П. Гасту от 26 февраля 1888 г.

«*Фаустина*» — Н. имеет в виду роман Эдмона Гонкура (1882). В написании этой книги его брат Жюль не принимал никакого участия. См. также 11 [296].

К § 5. *Воздействие ... исключений..!* — Ср. 16 [37]. К § 7. *Чувствительность Вагнера не имеет ... не могут!..* — Ср. 14 [63].

...*«Свободомыслие страсти»*... — стихотворение Шиллера (1786).

К § 8. *Нынче — Франции!..* — Ср. НПВ Чему родственен Вагнер.

[...*гистрионизм*... — гистрионы в Древнем Риме — актеры; в переносном значении гистрион — хвастун, шарлатан. Будь Н. русским, он, вероятно, написал бы «хлестаковщина». — *В. Б.*]

15 [9] Ср. А 31. ...*Ренан страдает чрезмерной тонкостью!..* — Н. использует высказывание братьев Гонкур; ср. 14 [38], А, 29.

15 [10] Ср. ГК, «Чем я обязан древним», 5; А, 7.

...*мысль Аристотеля*... — ср.: Поэтика, 1449в 27 сл., 1453в 1 сл.

...*из трагедии следует выводить резиньяцию*... — А. Шопенгауэр говорит об этом во многих своих сочинениях.

15 [11] Этот фрагмент письма связан с «Туринским письмом, написанным в мае 1888» (подзаголовок СВ). Письмо, вероятно, изначально было предназначено для «единственного музыканта, пишущего музыку, которая мне по сердцу», т.е. для П. Гаста.

15 [12] Ср. 11 [304–312], в которых Н. вполне ассимилирует протест Б. Констана против энтузиазма Тэклы.

15 [13] Набросок предисловия для ВВ.

15 [14] Ср. 11 [34] и выписки в 11 [296]. Об эпистолярной форме — то же предположение, что и в прим. к 15 [11].

15 [15] Ср. СВ, 9, а также 14 [63], 15 [99].

15 [17] Фрагмент входил в состав 1-го изд. ВВ, но из 2-го изд. был исключен Э. Фёрстер-Ницше под тем мнимым предлогом, будто он представляет собой место из письма Н. к К. Шпиттелеру (о нем см. в прим. к 19 [1]). [КиМ предполагают, что он имеет отношение к подготовительным стадиям работы над СВ. — *В. Б.*]

15 [21] *pis всяческого блуда.* — Ср. 1 Кор. 7:2.

15 [23] ...*ruere in servitium*... — Тацит. Анналы, 1, 7. Ср. А, 57.

15 [26] Ср. СВ, «Второе прибавление».
[*Риноксера* – контаминация слов «филоксера» и «ринокерос» (*греч.*), последнее по-немецки (Rhinozeros) значит «носорог», в переносном же смысле – «болван» (ср. 23 [3], § 1). – *В. Б.*]

15 [27] Ср. 10 [12].

15 [28] Ср. А, 12.

15 [30] Ср. 14 [30], 11 [56].
...(каковою мыслью ... Завет). – Ср. 9 [72], А [48].

15 [31] *...биологическому вопросу?* – Н. имеет в виду не столько специальную науку, сколько учение о жизни в целом. – *В. Б.*

15 [34] Ср. 14 [222].

15 [35] Ср. 14 [222].

15 [37] *Féré...* – ср. 14 [119, 172, 181].
[*...дегенеративный отбор...* – т.е. усиление признаков вырождения от поколения к поколению. – *В. Б.*]

15 [38] Ср. 25 [15].

15 [39] Ср. 24 [1], § 11; СЧ, «Почему я так мудр», 2.
[*Тому хорошо удавшемуся...* – очевидно, Н. имеет в виду самого себя. Ср. 24 [1], где он говорит об этом прямо (§ 11, особенно последняя фраза).
...вырезанному ... даже носу... – возможно, это реминисценция из романа Жан Поля (И.П.Ф. Рихтера) «Зибенкез»: «Описывать жизнь иного человека так же приятно, как и жить ею; такова и жизнь, описываемая здесь, ибо ее материал, подобно обточенному розовому дереву, чудесно благоухает даже на моем токарном станке» (Жан-Поль Фр. Рихтер. Зибенкэз. Пер. А.Л. Кардашинского. Л., 1937, I, 2). Образ главного героя, адвоката для бедных Зибенкеза, косвенно может дать дополнительную информацию о том, что́ Ницше считал «хорошо удавшимся».
...эта книга. – СЧ. – *В. Б.*]

15 [40] *Крестьяне ... гуртами...* – ср. Féré. Op. cit., 95.

15 [42] *...двух систем, противоположных друг другу во всем существенном...* – речь, очевидно, идет о двойственной и недвойственной веданте. – *Ред.*

15 [43] *...под лжеводительством...* – игра слов. Вместо unter der Führung («под предводительством») Н. пишет unter der Verführung (Verführung – «совращение»). – *В. Б.*

15 [44] Ср. 18 [3], 14 [207].
...обойденных жизнью. – Далее следует вычеркнутая рукою Н. фраза: «Касту слуг, шудр, мы превратили в то, что́ у нас – среднее сословие, «народ», в руках которого оказался политический выбор <...>».

15 [45] Ср. 14 [216]

15 [46] Ср. 14 [57].

15 [55] Ср. ГК, «Улучшители человечества», 2.

15 [69] Ср. 15 [12].

15 [71] Ср. 9 [147], 10 [14], 11 [54], 14 [57], 15 [46]. *...нападать на Гёте...* – ср.: Hehn V. Gedanken über Goethe. Berlin 1888, 60ff., 96 (бН); СВ, 3; ср. прим. к 16 [36].

15 [75] Ср. Hehn. Op. cit., 100 ff.; ср. прим. к 16 [36].

15 [76] Другой набросок предисловия к ВВ.
«уже разучился бояться» – обыгрывается тема и название сказки братьев Гримм «Сказка о том, кто ходил страху учиться».

15 [80] *...глаз ... посреди немцев!* – Ср. 21 [6]; 24 [1], § 3; СВ, 4.

15 [82] Ср. А, 52.

15 [84] Н. обыгрывает строки из «Лорелеи» Г. Гейне [иногда изменяя текст – поэтому цитаты даются в подстрочном переводе. – *В. Б.*].

15 [86] Ср. Journal des Goncourt. III. Paris, 1887, 105 (бН)
Почти такая ... Гёте... – ср. 16 [36], Н. опирается на: Hehn. Op. cit., 120.

15 [89] *...мысль Паскаля...* – ср. 14 [5], 15 [110].
[*...в болезнь* – незавершенная фраза. – *В. Б.*]

15 [90] Ср. ГК, «Четыре великих заблуждения».

15 [91] *Примеры ... воли...* – ср. А, 52, 18 [14], 22 [7], 23 [11].

15 [94] *...большой тетради* – см. 14 [160]. – *В. Б.*

15 [95] *Вовенарг* Люк Клапье де (1715–1747) – французский писатель-моралист. Ср. его «Размышления и максимы», 127.

15 [96] [*Кёзелиц* Генрих (1854–1918) – композитор, известный под псевдонимом Петер Гаст, друг Н. и его ученик. – *В. Б.*]
...«matrimonio segreto»... – т.е. «Лев в Венеции» П. Гаста; ср. письма Н. к Г. фон Бюлову от 10 августа и 9 октября 1888 г.

15 [97] Ср. Экскурсы, 43.

15 [99] Ср. CB, 5. GA, XIV, 167, 319 воспроизводит данный фрагмент с поразительными искажениями. Ср. 14 [63], 15 [15].

15 [103] *У человека ... объем уменьшается.* – Очевидно, цитата. – *В. Б.*

15 [104] Ср. А, 46 и 24 [1], § 7.

[...*satura Menippea Петрония.* – В переносном смысле: Н. имеет в виду, разумеется, «Сатирикон» Петрония. Настоящие же «Мениinnовы сатуры» (повлиявшие на Петрония и римских поэтов-сатириков) написал М. Теренций Варрон Реатинский (116–28 гг. до н. э.). – *В. Б.*]

15 [106] Ср. Экскурсы, 44.

15 [107] См. там же.

15 [110] Ср. 14 [5]. ...*суждению Паскаля...* – ср. 14 [5], 15 [89].

15 [111] Ср. CB 1.

15 [113] Ср. 11 [297].

[...*гемиплегия...* – паралич половины тела. – *В. Б.*]

15 [114] Возможно, это (заодно) пародия на буддийскую восьмеричную тропу. – *В. Б.*

15 [115] Заголовок использован для названия 9 отдела ЗПДЗ; ср. KSA, 11, 35 [76].

15 [117] ...*пяти скверных вещей...* – «пяти» зачеркнуто рукою Н. и заменено на «шести», но начатая правка им не закончена.

...*бабы...* – продолжение зачеркнуто: «Вдаваться исключительно в такие положения, где не обойдешься мнимыми добродетелями, где, скорее, как с канатным плясуном – он или падает, или держится – или выходит из положения». Ср. Экскурсы, 38.

15 [118] Собрание афоризмов. Большая их часть вошла в ГК (Сентенции, 1–8, 10–19, 26 сл., 33, 42 сл.). Ср. также А, 1; ДД, «Слова и вечность», 3; 11 [411], 18 [12], 11 [91], 11 [93]; Экскурсы, 48; 9 [75], 18 [11] (также 24 [1], § 11); 11 [376].

[...*panem et Circen...* – отсекая в последнем слове окончание -ses, Н. превращает латинскую фразу «хлеба и зрелищ» в «хлеба и Цирцею» (т.е. волшебство). – *В. Б.*]

15 [120] Ср. А, 1, 2, а также 11 [414].

...*без примеси моралина).* – Ср. прим. к 14 [138].

...*в прогресс ... не верю...* – ср. 14 [110].

Я ... слабости. – Ср. 15 [2].

16. Весна и лето 1888

Из тетради W II 7a

16[4] Ср. 9 [138].
16[5] См. там же.
16[6] Ср. 9 [139]
16[7] См. там же.
16[8] См. там же.
16[9] Ср. 9 [137].
16[10] Ср. 9 [142].
16[11] Ср. фр. 11 [332] и прим.
16[15] Ср. А, 58.
16[16] Ср. 11 [35].
16[18] Ср. ГК, «Чего недостает немцам», 1.
16[19] Ср. Сентенции, 6.
16[23] Переписано из тетради W II 3, 170.
16[24] Ср. Сентенции, 33.
16[27] Ср. 9 [103] и письмо к Р. Зайдлицу от 12 февраля 1888 г.
16[28] Вариант (W II 3, 158): «Вечер смотрит на вещи иначе, чем свежее и отважное начало дня. По цвету, который они выбирают, можно судить о мыслителях, кто они – предполуденные мыслители или мотыльки сумерек. И, наконец, есть еще редкие, избранные, в ком всегда дремлет Великий Пан: тут весь свет падает отвесно...».
16[29] *...гармоний и дисгармоний...* – Н. имеет в виду гармонические (аккордовые) консонансы и диссонансы. – *В. Б.*
16[31] Ср. 22 [7], 23 [11], А 12.
16[32] *«Сколько ... ум?»...* – ср. СЧ, Предисловие, 3.
...amor fati... – ср. ВН, 276; СЧ, «Случай “Вагнер”», 4; НПВ, Эпилог, 1.
16[33] Ср. 15 [6].
[*«Credo ... est»...* – слегка измененное выражение, приписываемое Тертуллиану: «верую, ибо это нелепо» (т.е. что Сын Божий рожден Девой и т. д.). – *В. Б.*]
16[35] *...множественность голосов.* – Вероятно, избирательных: т.е. каждый такой отец будет обладать не одним, а несколькими избирательными голосами. – *В. Б.*

16 [36] См. Hehn. Op. cit., 100–118.
[*Меркель* Готлиб (1769–1850) – немецкий писатель. *Хен* Виктор (1813–1890) – немецкий историк культуры, родившийся и проживший большую часть жизни в России. *Якоби* – речь идет о немецком философе. *Кёрнер* Кристиан Готтфрид (1756–1813) – близкий друг Шиллера. – *Ред.*] Рассуждения В. Хена Н. развивает в СВ, 3.

16 [37] Ср. СВ, 8 и 15 [6], § 5.

16 [39] *...дает Боклъ.* – Ср. письмо Н. к П. Гасту от 20 мая 1887 г.

16 [40] § 1–5 этого небольшого исследования соответствуют экскурсам 19 и 20 в ГК.
К § <4>: *...можно измерять динамометром.* – Ср.: Féré C. S. Sensation et mouvement. Paris, 1887, 47–50.
[К § 5: *...ненавидит безобразное...* – по-немецки это звучит более органично: безобразное (das Häßliche) для немецкого уха – прежде всего «ненавистное». Немецкое слово, даже став термином эстетики, сохраняет свою моральную окраску, русское же слово (и термин) «безобразное» таковой лишено (в русском языке, скорее, наоборот, эстетическое накладывает печать на моральное – говорят же «безобразный поступок»). – *В. Б.*]
К § 7. *Искусство в «Рождении трагедии»* – судя по 14 [17–26, 33–36, 46], 11 [415], 17 [3], далее должно было следовать названное в заглавии исследование РТ.

16 [42] Ср. 9 [65].

16 [43] *Начало предисловия* – очевидно, для ВВ. На той же странице тетради этот набросок переработан в письмо: см. письмо к Г. Брандесу от 23 мая 1888 г.

16 [44] См. пред. прим.
...забота ... дне... – ср. Мф. 6:34.
...naufragium ... navigavi... – ср. Schopenhauer A. Parerga, 1, 216: А. Шопенгауэр приводит изречение Зенона-стоика в собственном латинском переводе (а именно: tunc bene navigavi, cum naufragium feci). Ср.: Диоген Лаэртский, VII, 4. Ср. также KSA, 8, 3 [19] (март 1875 г.).

16 [45] Ср. СВ 5.
[...*счастье удава*... – у Н. это «гремучая змея» – и игра слов: немец услышит тут еще и «болтунья, трещотка». А речь идет о Вагнере. Не исключено, что это место навеяно одним из фрагментов Й.В. Риттера: «Фиксация предмета любви взглядом, словно все влюбленные – гремучие змеи, а все гремучие змеи – влюбленные. У них еще то сходство, что таким образом те и другие находят себе пищу» (Ritter J.W. Fragmente aus dem Nachlasse eines jungen Physikers. Leipzig–Weimar 1984, 203, fr. 465; 1-е изд. 1810). Несколько более вероятна ассоциация с рассказом А. Штифтера «Три кузнеца своего счастья», где в присутствии «гремучих змей» (женщин) ноги двух персонажей-мужчин «словно прирастали к месту». Н. хорошо знал произведения Штифтера. Ср. 24 [10]. – *В. Б.*]

16 [46] Возможно, для СВ.

16 [47] СВ, 3.
[...*идеал с его чадным энтузиазмом*... – в оригинале «вапоризм идеала». Этим латинизмом (от *лат.* vapor – чад, испарение, дым; в переносном значении – пыл, энтузиазм) Н. выражает целый пучок смыслов. – *В. Б.*]

16 [48] Ср. 14 [63], 15 [99].

16 [50] Чтение рукописи ненадежно.

16 [51] Этот план отчасти лег в основу рубрикации в тетради W II 5.

16 [57] Чтение рукописи ненадежно; может быть, фраза связана с идеями, изложенными во фр. 14 [63], 15 [15], 15 [99], 16 [48].

16 [58] Ср. А, 18.

16 [60] Н. цитирует Жаколио (Op. cit., 84 ff., 87, 95–97, 104.)

16 [62] Ср. гётевское стихотворение «Разве именем хранимо...» (в пер. В. Левика) из «Западно-восточного дивана» («Рендж-наме»).
[Несмотря на кавычки, текст, приведенный Н., – не цитата, а парафраз. – *В. Б.*]

16 [63] Уведомление о докладах Г. Брандеса в Копенгагене, составленное Н.

16 [67] Ср. письмо к П. Гасту от 20 июня 1888 г.

16 [69] Ср. СВ, 9.

16 [74] Разработка плана для СВ.
[*Со скорбной задумчивостью, иронично* и т. д. — ницшевские «предписания стиля» для самого себя, пародирующие предписания темпа в начале нотной записи музыкальных пьес. — *В. Б.*]

16 [76] Ср. 16 [79].

16 [77] Разработка плана для СВ.
[...*«это означает»*... — имеется в виду смысловая программность музыки, столь свойственная Вагнеру (но уже Бетховен сочинял музыку «сначала словами», а в XVIII в. и раньше и в теории, и на практике существовали «звуковая символика» в музыке, «теория аффектов», исходившие из установок рационалистического сенсуализма, оборотной стороной которого неизбежно выступает установка на бессознательное, что и доказывается «случаем Вагнера»).
...*недостаток тональности* — возможно, Н. имеет в виду неустойчивость лада, мажоро-минорную двусмысленность (которая столь успешно развивалась в XX в., что кое-где привела чуть ли не к отмене мажора и минора — или, по крайней мере, к их релятивизации: с точки зрения Н., это декаданс, поскольку говорит о разрушении принципа формы, для него, вероятно, накрепко связанной с понятием лада). — *В. Б.*]

16 [79] Ср. 16 [76].

16 [80] Уведомление о выходе в свет СВ, отосланное Н. издателю К.Г. Науману.
[...*одной проблемы* — проблемы декаданса. — *Ред.*]

16 [81] Ср. ГК Экскурсы 51; 9 [190], 18 [5].

17. Май и июнь 1888

Из папок Mp XVII 4, Mp XVI 4a, из тетрадей W II 8a, W II 9a

17 [1] Набросок к ВВ. Цифры в скобках соответствуют указателю в 12 [1]; поэтому 72 = 9 [107–108], 42 = 9 [53], 59 = 9 [84], 108 = 9 [156], 109 = 9 [157–158], 98 = 9 [145].

17 [3] Оставшиеся во фрагментах чистовики 14 [17–26. 33–35. 46]; ср. также 11 [415] и прим. к 16 [40].

17 [4] Ср. А, 16–19; 11 [346].
[К § 2: *...его наиболее мужественные части...* – поэтому вместо «Бог» здесь у Н. «Божество», «die Gottheit» (по-немецки – так и вовсе слово женского рода). – *В. Б.*]
К § 5. *У него свободен горизонт...* – ср. Гёте И.В. Фауст. Финал: «Вид здесь вокруг открыт» (пер. Н.А. Холодковского). Ср. Экскурсы, 46.
«Я ... плясать»... – ТГЗ, I, «О чтении и писании».

17 [5] Ср. 14 [117, 120], Сентенции, 25.
...процитировать «Фауста»... – то же место имеется в виду в 14 [162].

17 [6] Проблематика фрагмента позднее разработана в ГК.

17 [8] Ср. 14 [227].

17 [9] Ср. Экскурсы, 19 сл. Теме фрагмента Н. намеревался посвятить главу в ВВ (см. СВ, 7).
...гениальность = неврозу. – Ср. СВ, 5 и прим. к 2 [23].
...induction psycho-motrice – Féré. Op. cit.; ср. 14 [119].

18. Июль и август 1888

Из папок Mp XVII 5, Mp XVI 4b

18 [1] [*...олимпийская улыбка...* – Н. имеет в виду манеру греческих ваятелей классического периода изображать так раненных воинов. В еще более раннюю, архаическую эпоху с улыбкой на устах изображались боги. – *В. Б.*]
Это ... суши. – Ср. ДД, «О бедности самого богатого».

18 [3] Ср. 14 [207], 15 [44].
...братья Гонкуры... – см. Journal des Goncourt. I. Paris, 1887, 295; ср. 11 [216].

18 [4] Ср. 9 [188], Сентенции, 26.

18 [5] Ср. Экскурсы, 51, 9 [190], 16 [81].
...метать свой бисер... – см. Мф. 7:6.

18 [6] Ср. 11 [3].

18[7] Ср. 11 [1], Сентенции, 41.

18[9] *...«злые ... от сердца»?* – Строка из стихотворения Г. Зойме «Песни» (1804). Ср. Сентенции, 22.

18[10] *...салютисты...* – члены Армии спасения.
...байрейтовцы. – Члены Вагнеровского общества в Байрейте (шире – вагнерианцы вообще). – *В. Б.*

18[11] Ср. 15 [118].

18[12] Ср. ДД, «Слава и вечность», 3; 15 [118].

18[13] Заголовок на основе 18 [17].
...simplex sigillum veri. – Ср. Сентенции, 4.

18[14] Заголовок из 18 [17].
Гегель ... оптимизма. – Ср. А, 52, 22 [7], 23 [11].

18[16] Заголовок из 18 [17].

18[17] Последний план ВВ, был записан Н. 26 августа 1888 г. По главам этого плана Н. распределил заглавия уже готовых фрагментов, написанных преимущественно в 1886–1887 гг.: ср. фрагменты 7 и 8 групп.

19. Сентябрь 1888

Из папок Mp XVII 6, Mp XVI 4c и тетрадей W II 9b, W II 6b

19[1] Ср. 19 [7]: это предисловие Н. написал в начале сентября 1888 г., прямо перед тем, как отказался от публикации сочинения под названием «Воля к власти». Сразу после этого решения оно было переработано в предисловие к ГК, а позже – в часть главы этой книги «Чего недостает немцам»; некоторые идеи § 5 были использованы в главе «Почему я пишу такие хорошие книги» из СЧ.
К § 3: *...они были «народом мыслителей»...* – по Г. Бюхману, первым так охарактеризовал немцев К. Музеус, см.: Büchmann G. Geflügelte Worte. Berlin, 1972, 172.
Дан Феликс (1834–1912) – немецкий историк и писатель. *Эберс* Георг (1837–1898) – немецкий египтолог и писатель. *Мейер* Конрад Фердинанд (1825–1898) – швейцарский писатель.

...этого ... Бидер-Мейера... – сближение творчества К.Ф. Мейера со вкусами добропорядочно-демократической среды, отразившимися в художественном стиле бидермейер.

К § 4: *...прологом...* – к ВВ (фраза воспроизводится по первому варианту наброска. Она была исправлена в рукописи, когда замыслы Н. изменились.

...метать ... бисер? – Ср. Мф. 7:6. [К § 5: *...«Националь цайтунг»...* – газета национал-либералов в Берлине.

...Крестовой газете... – см. прим. к 11 [4], в истории немецкой литературы это издание квалифицируется как «рупор прусских консерваторов». – *В. Б.*]

...«Дас литерарише центральблат»... – еженедельник, где молодой Н. публиковал свои рецензии.

...музыкальных мотивах «юга» – ср. ЗПДЗ, 254.

[*Один швейцарский редактор...* – писатель Йозеф Виктор Видман (1842–1911).

...этот самый листок ... стиля... – описанный случай связан с писателем Карлом Шпиттелером (1845–1924), выступившим в бернском «Бунде» с рецензией на сочинения Н. Последний ответил вежливым, но едким личным письмом, в котором можно найти выражения, сходные с выражениями этого фрагмента. Здесь он переносит всю ответственность на «редактора» потому, что решил поддерживать со Шпиттелером хорошие отношения.

...детвору... – ср. Мк. 10:14, Лк. 18:16, Мф. 19:14. См. также 19 [7], где это слово Н. заключает в кавычки. – *В. Б.*]

19 [2] Первое упоминание заглавия для нового замысла: вместо «Воли к власти» – «Переоценка всех ценностей».

19 [3] Ср. KSA, 14, 397.

[*Magnum in parvo.* – Обозначение «философского камня» у алхимиков. – *В. Б.*]

19 [5] *Multum in parvo.* – См. предыдущее прим. – *В. Б.*

19 [6] Первоначальное заглавие для ГК; ср. 22 [6].

19 [7] Ср. 19 [1] и прим.

[*Верхний Энгадин* – см. прим. к 24 [1]. – *Ред.*]

19 [8] Варианты общего плана «Переоценки...» предолагают четыре книги и отличаются лишь последовательностью или заглавиями этих книг.

19[9] Набросок ко 2-й (или 3-й) книге «Переоценки...»
19[10] Черновик главы «Чего недостает немцам» из ГК.
19[11] Черновик той же главы.

20. Лето 1888

Из тетради W II 10a

Эти фрагменты следует понимать как наброски к поэтическому сборнику ДД [пер. см. в кн.: Ницше Ф. Стихотворения. Философская проза. СПб., 1993.— *Ред.*]. Летом 1888 г. Н. переписал в одну тетрадь оставшиеся неиспользованными стихотворные фрагменты периода работы над ТГЗ (1882–1884); кроме того, в ней же он собрал наброски к тем из дифирамбов, которые только что сочинил.
[Публикуемые фрагменты представляют собой стихи без рифмы и — строго говоря — без метра. Правда, если внимательно вслушаться, можно услышать не просто ритмическую речь, но и спящий в них метр — временами он словно пробуждается и приподнимает голову, а потом снова засыпает. Передать все это в переводе невозможно — поэтому мне пришлось в большей или меньшей степени «разбудить» метрическую основу (иногда не претендуя на то, чтобы угадать, *какой* именно метр дремлет в данном фрагменте, но просто стараясь выдержать ритмическую близость к оригиналу). — *В. Б.*]
20[2] Ср. ДД, «Солнце садится», 2.
20[9] Ср. ДД, «Среди стервятников».
20[11] Ср. ДД, «О нищете самого богатого».
20[18] См. там же.
20[21] Ср. ДД, «Слава и вечность».
20[26] См. там же.
20[29] По мотивам Вовенарга.
20[30] Ср. ДД, «Слава и вечность», 2.
20[33] Ср. ДД, «Среди стервятников».
20[34] Ср. ДД, «О нищете самого богатого».
20[37] Ср. ДД, «Среди стервятников».

20[42] По мотивам стихотворения Г. Сакса «В шкатулке золото звенит — в ад душа твоя летит», написанного в адрес торговца индульгенциями И. Тетцеля.

20[47] *Уж коли нельзя ... друга* — ср. ДД, «Плач Ариадны».

20[48] Ср. ЗПДЗ, Предисловие, ЗПДЗ, 220, а также ВН, «На юге».

20[50] Ср. ДД, «Солнце садится».

20[53] Ср. ТГЗ, I, «О чтении и писании».

20[60] Ср. ДД, «Солнце садится».

20[66] Ср. Сентенции, 43.

20[67] Ср. 11 [41].

20[68] Ср. 11 [40].

20[69] Ср. 11 [39].
[...*пойдет на попятный.* — Игра слов у Н., состоящая в том, что вместо ожидаемого sie gehen rückwärts (пятятся задом) поэт пишет geht's rückwärts (начнется упадок) — намек на одно из главных понятий Ницше-философа, декаданс. — *В. Б.*]

20[70] Ср. 11 [42].

20[71] По мотивам X пифийской песни Пиндара (29 сл.: «Но ни вплавь, ни впешь / Никто не вымерил дивного пути / К сходу гипербореев...»; пер. М. Гаспарова). Ср. А, 1.

20[72] Ср. 11 [53].

20[73] Ср. 11 [6].
[...*оглядывается* — игра слов: zu Grunde gehn (так пишет Н.) — «гибнуть»; wenn man immer zu den Gründen geht — «если постоянно (стремиться) доходить до основ (доискиваться причин)». — *В. Б.*]

20[86] Ср. 9 [115].

20[90] Ср. 9 [56].

20[92] Ср. 9 [59].

20[93] См. там же.

20[94] Ср. KSA, 11, 28 [34].

20[95] Ср. 9 [59].

20[107] Ср. ДД, «Огненный знак».

20[112] Ср. ДД, «Слава и вечность».

20[130] Ср. 9 [56].

20[137] Ср. 9 [59], 11 [131].

20[138] Ср. 9 [59].

20 [139] См. там же.
20 [140] Ср. 9 [59].
20 [151] Ср. 10 [161].
20 [152] Ср. 10 [160].
20 [153] Ср. 10 [162].
20 [154] Ср. 9 [54].
20 [163] Об этом и следующих вариантах заглавия, включающих в себя имя Заратустры, см. прим. к ДД в KSA, 14.

21. Осень 1888

Из записной книжки N VII 4

21 [1] Все это, вероятно, соответствует названиям следующих кн.: Teichmüller G. Die wirkliche und die scheinbare Welt. 1882; Brochard V. Les sceptiques grecs. Paris, 1887; Spir A. Denken und Wirklichkeit. Leipzig, 1877; Müller A. Der Islam in Morgen- und Abendland. 1885–1987.
[*Спир* Африкан Александр (1837–1890) – немецкий философ российского происхождения. *Мюллер* Август Фридрих (1848–1892) – немецкий востоковед. – *Ред.*]
21 [2] *Лёшер* – туринский книготорговец, который Н. поначалу понравился: «...тихий, скромный человек, буддист ... пылкий вегетарианец» (Н. в молодости и сам был вегетарианцем). – *В. Б.*
21 [3] Заметки для А, 51.
21 [4] Ср. 21 [1, 5].
21 [6] Ср. 24 [1], § 3 и СЧ, «Случай "Вагнер"», 4.
21 [7] Интересно, что ни одна из редакций этого рассуждения не зачеркнута. Ср. 22 [11].
21 [8] Видимо, написано как добавление к СЧ.
...ученого... – вероятнее всего, Н. говорит о П. Ре, с которым порвал после неудачного сватовства к Л. Андреас-Саломе. Н. полагал, что деньгами, присланными ему летом 1888 г., он обязан П. Ре.

22. Сентябрь и октябрь 1888

Из тетради W II 8b

22 [2] Набросок к А. Цифры взяты из перечня тем в 12 [1]: 52 = 9 [72], 18 = 9 [23], 10 = 9 [15], 66 = 9 [93], 243 = 10 [128], 11 = 9 [16], 197 = 10 [72], 63 = 9 [88], 184 = 10 [55], 17 = 9 [22].

22 [3] Набросок ко 2-й и 3-й книгам «Переоценки...», на этом этапе развития замысла называвшимся «Свободный ум» и «Имморалист».

22 [4] Ср. А, 42–51.
[*... «иудей»...* — немецкий язык не различает (в отличие от русского) в этом существительном моменты религиозный («иудей») и этнический («еврей»): то и другое по-немецки der Jude. Правда, есть специальные слова Hebräer, hebräisch, но Н. их никогда не использует (их употребляют главным образом филологи и этнографы). — *В. Б.*]

22 [5] Ср. А, 53.

22 [6] О заглавии для ГК см. KSA, 14, 410.
[*Гибель кумиров* — Götzen-Dämmerung (*нем.*). Помимо смысла, объясненного в предисловии к самой книге, титул содержит в себе полемику с Вагнером («колкость в адрес Вагнера», письмо Н. к П. Гасту от 27 сентября 1888 г.): опера Вагнера «Гибель богов» («Götterdämmerung» — немецкая передача древнескандинавского «рагнарёк»: судьба, или гибель, богов) показывает конец положительного начала, — напротив, книга Н. говорит об освобождении от лжебогов, от начала отрицательного. Кроме того, «Götzen» намекает на библейское «Ihr sollt euch keinen Götzen machen» («Не делайте себе кумиров», Лев. 26:1). — *Ред.*]

22 [7] Ср. А 52, 21 [11]. Чтение ненадежно.
[*...и что это убогий трюк...* — союз «и» отсылает к купюре, означающей не разобранные издателями слова. — *В. Б.*]

22 [8] Ср. А, 52. Чтение ненадежно.

22 [9] Ср. А, 61, СЧ, «Случай “Вагнер”», 2.

22 [10] Варианты окончания А и «Закона против христианства».

22 [11] Ср. 21 [7].
22 [12] Ср. А, 58–60, 25 [1].
22 [13] Варианты заглавия ТГЗ, IV (4-я часть книги была издана частным образом для узкого круга лиц). Ср. письмо П. Гасту от 9 декабря 1888 г.
22 [14] План публикаций Н. в октябре 1888 г.
Песни Заратустры — т.е. ДД.
22 [15] Ср. 22 [13].
22 [16] План, продолжающий 22 [14].
22 [17] Возможно, наброски к «Имморалисту». Это предположение относится и к 22 [18–23].
22 [18] *...самости.* — Des Selbst. Не стоит ассоциировать перевод «самость» с содержанием этого термина у других мыслителей; может быть, Н. близок здесь (как это ни странно) к буддийскому пониманию психики (см. 9 [91]). Как бы там ни было, переводы «я» или «ego» невозможны — см. текст Н. ниже, особенно там, где он говорит, что «душа», «я» и «личность» — «лжеединства». Он явно хочет лишить «субъекта» статуса устойчивого и объективного бытия и понять его как безличный сгусток или комплекс силы (власти). — *В. Б.*
22 [19] *...сопровождают его...* — сопровождают «что-то», а не «движение». — *В. Б.*
22 [20] *...единице...* — единица здесь, вероятно, мыслится как монада. — *В. Б.*
22 [23] Ср. 23 [1, 10].
22 [24] План «Переоценки...» с заметками к 3-й книге («Свободный ум»).
[*...libertin'ами...* — ирония состоит в том, что французское слово libertin, которым здесь пользуется Н., означает еще и «неверующий, вольнодумец». — *В. Б.*]
22 [25] Заметки ко 2-й (или 3-й) книге «Переоценки...»
22 [26] Написано на первом этапе работы над СЧ.
22 [27] См. пред. прим.
22 [28] См. прим. к 22 [26].
Для меня ... как подлость. — Подразумеваются отношения с сестрой и матерью. Ср. СЧ, «Почему я так мудр».
22 [29] См. прим. к 22 [26].
...стихия ... мутными. — Ср. ДД, «О нищете самого богатого».

23. Октябрь 1888

Из папок Mp XVI 4d, Mp XVII 7 и тетрадей W II 7b, Z II 1b, W II 6c

23 [1] Первоначально – материал к ГК, позднее Н. от него отказался. Ср. 10 [100], 15 [3], 23 [10], 22 [23].

23 [2] Первоначально – материал к ГК, позднее Н. от него отказался. Существует несколько вариантов этого афоризма. Вот важнейший из них: «*О разумности жизни.* Даже относительное целомудрие может быть проявлением великой разумности жизни. Художник по своему складу – это, вероятно, человек чувственный: ведь он легко возбуждается, он отзывчив для всего и поддается раздражителю, суггестии раздражителя, уже издали. Это не помеха тому, что благодаря своей задаче и работе он в среднем – человек умеренный, а часто даже целомудренный. Этого требует от него доминирующий инстинкт; не в его воле выбирать тот способ, каким он выкладывает все силы. Поступиться собою для него – предательство в отношении себя; уже этого почти достаточно, чтобы раскритиковать художника, назвав его декадентом. Вагнер с его неприятной чувственностью, посредством которой он делал музыку удушливой и ядовитой – в музыке «Тристана» полным-полно самой нездоровой чувственности, – слишком хорошо знал, что ему прямо-таки позарез нужно хранить целомудрие... Тем самым выяснилось, что его созидательный инстинкт слишком слаб, – он не мог приказывать ему, а только подчинялся... В итоге Вагнер проклял чувственность, и это было только логично. Я уже слышу в своей душе несколько голосов, не внушающих никакого подозрения, каковы голоса Стендаля, Готье, Флобера, Мериме: они не только рекомендуют художнику великую умеренность in eroticis, но даже считают это самоочевидным. Я, как и подобает, оставляю в стороне суждение Ренана, который был в конце концов жрецом: невинности в этих делах не хватает как раз жрецам–»

[...*католицизма на три восьмых*... — имеется в виду музыкальный размер. Н., очевидно, намекает на какую-то часть оперы Вагнера «Парсифаль». — *В. Б.*]

23 [3] Предисловие к «Имморалисту».
[К § 1: ...*ринокером*... — см. прим. к 15 [26].
К § 2: ...*словами из «Фауста»*. — Н. заменяет в строке Гёте (Фауст. II, 1, «Мрачная галерея») «странно» на «страшно». «Матерей» из этой строки он обыгрывает в своих сочинениях не один раз. — *В. Б.*] Ср. 17 [5], 14 [162].
[К § 3: ...*в <ценности> «потусторонние»*... — потусторонние в отношении прежних. — *В. Б.*]

23 [4] Во фрагментах 23 [4–7] Н. пытается продолжить строительство своей программы «Переоценки...», а сразу затем приступает к автобиографии (СЧ).
[...*принимающих <все подряд>*. — ...empfangend: по-немецки это еще и «зачинающих» («женское начало»!). — *В. Б.*]
«мир ... благоволение» — ср. Лк. 2:4 (та же цитата в другом контексте используется в «Страннике и его тени»).

23 [9] Направлено, вероятно, против Бернхарда Фёрстера (1843–1889), зятя Н. и антисемита. Он много раз пытался добиться от Н. денежных пожертвований для своих колонизаторских предприятий в Парагвае. Чтение некоторых мест ненадежно.

23 [10] Ср. 23 [1], 22 [23].

23 [11] Ср. А, 52, 22 [7].

23 [13] План «Переоценки...», возникший, вероятно, после окончания работы над А.

23 [14] Ср. начало СЧ.

24. Октябрь и ноябрь 1888

Из тетради W II 9c и беловой рукописи ГК

24 [1] Материалы к СЧ, подробнее см. KSA, 14, 464.
[*Се человек* — в оригинале этот фрагмент и сама книга озаглавлены «Ecce homo» (выражение из латинского текста Евангелия от Иоанна, 19:5). В порядке

эксперимента предлагаю перевод «Се человек»: без латинского покрова это заглавие сразу говорит восприятию читателя больше, сразу попадает в цель. Готовя этой книгой почву для публикации «Антихристианина», Н. выбирал для нее название, которое звучало бы не чуждо, понятно в любом языке западной культуры. Значит, оно не должно быть чужим и для русского слуха. Немецкая культура находилась в гораздо более близких отношениях с латынью, нежели русская, и для немцев слова «ecce homo» не были иностранной экзотикой. Ту же роль, что латинский язык для немцев и западноевропейцев вообще, для русского языка играет церковнославянский. К § 1: *...жителя Лейпцига...* – жители этого города в ту пору пользовались в Германии репутацией невежд, а их разновидность саксонского диалекта считалась одной из образцово грубых и неприятных для слуха. – *В. Б.*]

[*Пфорта* – прославленная гимназия с монастырским образом жизни, располагавшаяся в бывшем цистерцианском аббатстве (monasterium Sancta Maria de Porta) близ Наумбурга. – *Ред.*]

[*...первой ночной стражи...* – так в Древнем Риме измеряли время ночью. Первая стража – первая четверть ночи (продолжавшаяся в зависимости от времени года и соответственно длины ночного периода суток). – *В. Б.*]

...дух ... над водою... – ср. Быт. 1:2. К § 2: *...доказательством от силы.* – См. прим. к 14 [159].

К § 3. *Немцам и невдомек ... еврея...* – ср. 15 [80], 21 [6].

[*Мейяк* Анри (1831–1897) – французский драматург и либреттист. *Галеви* Людовик (1833–1908) – французский писатель и либреттист; некоторые либретто написаны им вместе с Мейяком (менее вероятно, что Н. имеет в виду его дядю Фроманталя Галеви (Элиаса Леви) (1799–1862) – французского композитора и писателя, автора опер, в том числе оперы «Еврейка», 1835).

...музыку, а не аккорды!.. – Выпад против Вагнера, в музыке которого гармония играла огромную роль. – *В. Б.*]

[К § 5. *Штайн* Генрих фон (1857–1887) – немецкий философ и писатель. *Энгадин* – долина верховьев р. Инн в горной Швейцарии, где расположено местечко Зильс-Мария, облюбованное Н. для жизни в летние месяцы. К § 7. *Корсен* Пауль Вильгельм (1820– 1875) – филолог-классик, учитель пфортской гимназии. – *Ред.*]

[К § 8: *...satura Menippea.* – Начало этому жанру – сатуре (сатире) – положил греческий писатель-киник Менипп (III в. до н. э.). Н. имеет в виду характерные особенности сатуры – смешение в ней различных стилей (прозы и стихов, нравоучений, пословиц и поговорок, изложения и диалогов, обилия цитат; «сатура» по-латыни значит «всякая всячина, пестрая смесь»). К § 9. *Лобек* – см. прим. к 14 [35].

...остроумнее на целую степень. – Намек на академическую степень (ученое звание). – *В. Б.*]

24 [10] Текст прочитан на заклеенной странице чистовой рукописи ГК.

[*...львиная новелла...* – т.е. «Новелла» Гёте. – *В. Б.*]

25. Декабрь 1888 – начало января 1889

Из тетрадей W II 10b, W II 9d, папок Mp XVI 5, Mp XVII 8, беловой рукописи СЧ и тетради W II 8c

25 [1] Очевидно, вариант текста «объявления войны». Ср. KSA, 14, 451f.

[*Я несу войну* – к такому чтению обязывает буквальный смысл фразы. Однако следует иметь в виду, что Н. мог подразумевать под этим «Я равнозначен войне», «Я сам и есть война» (если вспомнить, что он отождествлял себя с роком).

[*определяет ... людей по их [–]* – вероятно, по их перспективам, шансам *или* праву. – *В. Б.*]

25 [2] Ср. 21 [6].

25 [3] Вариант несохранившейся вставки к СЧ. Ср. KSA, 14, 450ff., 469.

25 [4] Заметка для задуманной (но не осуществленной?) вставки в СЧ (ср. 25 [3]).

25 [5] Ср. прим. к СЧ, «Почему я есмь судьба» (в KSA, 14), а также письмо П. Гасту от 25 октября 1888 г.

25 [6] Набросок главы «Почему я есмь судьба» для СЧ, который Н. не включил в книгу, видимо, потому что переработал его в текст «объявления войны», — в самом деле, на этой странице рукописи находится пометка сестры Н.: «Выражение, которое стояло на том листе, что наша матушка сожгла по причине оскорбления Величества». Ср. KSA, 14, 451.

[*посланец радости* — Н. пишет: frohe Botschafter, что можно понимать как евангелист.

надевшим пурпур идиотам — злободневные политические выпады Н. входили в авторскую беловую редакцию СЧ, но перед публикацией (когда автор был уже беспомощен) оказались вычеркнуты матерью и сестрой Н. и П. Гастом (KSA, 15, 195). — *В. Б.*]

25 [7] Ср. KSA, 14, 509.

25 [8] См. там же, 462.

25 [9] См. там же.

Фейс Октав (1821–1890) — французский писатель.

Жип (наст. имя и фам. Габриель, гр. Мартель де Жанвий, 1850–1932) — французская писательница.

25 [10] Ср. KSA, 14, 462. *вчера* — 15 декабря 1888 г. Ср. письмо к П. Гасту от 16 декабря 1888 г.

25 [11] Ср. KSA, 14, 451, 462, а также последнее письмо к Г. Брандесу и письмо к П. Гасту от 9 декабря 1888 г.: «В курсе ли Вы, что для *моего* международного движения мне нужен *весь* крупный *еврейский* капитал?..»

25 [12] Чтение ненадежно.

[*Гаст* Петер — см. прим. к 15 [96]. — *Ред.*]

25 [13] Относится к кругу материалов для «Воззвания к европейским дворам», призывавшего к уничтожению династии Гогенцоллернов. Ср. письмо к П. Гасту от 30 декабря 1888 г.

25 [14] Ср. пред. прим., а также 25 [19, 20].

[*этого юного преступника* — т.е. императора Вильгельма II. — *В. Б.*]

25 [15] Ср. 25 [13] и прим., а также 15 [38].

25 [16] Ср. 25 [13].

25 [17] Вероятно, вставка, не вошедшая в текст СЧ.

25 [18] *Геффкен* Фридрих Генрих (1830–1896) – друг покойного «либерального» императора Фридриха III, опубликовавший его дневники в «Дойче рундшау» (осенью 1888 г.); в дневниках содержались нападки на О. Бисмарка, который в ответ на публикацию велел арестовать Геффкена и отдать его под суд. Разгорелся скандал, ознаменовавший собою конец ведущей роли Бисмарка в Германии.

25 [19] Из материалов для «объявления войны», ср. 25 [14].

25 [20] Записано на обороте листа, содержащего черновик последней строфы стихотворения «Среди дщерей пустыни» и текст посвящения ДД Катюлю Мендесу, что позволяет датировать фрагмент началом января 1889 г. Ср. KSA, 14, 515.

25 [21] Написано на внутренней стороне задней крышки тетради, содержащей W II 8; почерк весьма неуклюж и заметно отличается даже от почерка, каким написаны так называемые «безумные письма», возникшие после 3 января 1889 г. Не относится ли этот фрагмент к первым дням духовного помрачения Н.?

Фридрих Ницше
Полное собрание сочинений
Том 13

Научный редактор
С.В. Казачков
Заведующий редакцией
И.А. Эбаноидзе
Оформление и верстка
И.Э. Бернштейн
Корректор
Т.В. Смирнова

Подписано в печать 30.05.2006.
Формат 84×108/32. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура NewBaskervilleC. Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 34,44. Тираж 1500 экз. Заказ № 3380.

Издательство «Культурная Революция»
Адрес: Москва, ул. Мясницкая, д. 9/4, стр. 1
Телефон/факс (495)6218471
E-mail frederih@mail.ru

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного оригинал-макета
в ОАО «Дом печати — ВЯТКА»
610033, г. Киров, ул. Московская, 122

Список опечаток и исправлений к 12-му тому ПСС Ф. Ницше

с.	*строка*	*Напечатано*	*Следует читать*
11	*5-я сверху*	обужение	обóжение
108	*3-я сверху*	нибелунгов	нибелунга
115	*6-я снизу*	Вагнеровых «Нибелунгов»	Вагнерова «Нибелунга»
117	*13-я снизу*	παις	παίς
139	*12-я снизу*	sart pour sart	l'art pour l'art
143	*2-я сверху*	рьлйт	πόλις
161	*8-я снизу*	ïêtre	d'être
208	*5-я сверху*	dun professore	d'un professore
221	*10-я снизу*	ему	ей
226	*10–9-я снизу*	последовательности, развертывающейся	последовательности развертывающейся
227	*13-я сверху*	приспосабливающие	приспосабливающих
248	*7-я сверху*	«неморальнымы»	«неморальными»
261	*13-я сверху*	*poutes*	*poètes*
274	*11-я сверху*	lart pour lart	l'art pour l'art
315	*3-я сверху*	luom seterna	l'uom s'eterna
350	*6-я сверху*	стремление, получить	стремление получить
358	*8-я снизу*	сбмого	наиболее
369	*8-я сверху*	lart pour lart	l'art pour l'art
534	*9-я сверху*	der großer Stil	der große Stil
538	*12-я сверху*	*после точки добавить сигнатуру* «— *В.Б.*»	
539	*6-я снизу*	существительное.	существительное (которого в греческом языке нет).
543	*7-я снизу*	aljecto	adjecto
544	*11-я снизу*	*в конце примечания добавить текст:* [Греческая строка — действительно из фрагментов Менандра (*Sententiae e codicibus Byzantinis* 106), но в оригинале другая форма глагола (κέκληται), впрочем, не меняющая смысла (вместо «зовется», как у Н., — «названо»). — *В. Б.*]	
546	*14-я снизу*	Nierenprьfer	Nierenprüfer
546	*22-я снизу*	*после* «говорит в аду» *добавить:* Под «жизнью вечной» Данте подразумевает здесь славу, доблесть.	
553	*7-я сверху*	é crivassiure	écrivassière
557	*15-я сверху*	*после круглой скобки добавить:* , а не изобрел его	

Кроме того, везде, где напечатано «...о2» или «...е2» (в конце слова, цифра в строке, с пробелом или без пробела), следует читать «ó» или «é» (буквы со знаком ударения, без цифры 2). *Мелкие* погрешности в греческих диакритических знаках здесь не помечены.